РАСКОЛЬНИКИ

И

ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

СОЧИНЕНІЕ

ѲЕД. ВАС. ЛИВАНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Д-РА М. ХАНА, ВЪ БОЛОТНОЙ, Д. № 5

1868

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Пророчица раскольничья Устинья Никифоровна . . 1
II. Хлысты Михайловскаго Замка 68
III. Бѣгунъ 81
IV. Скакуны 111
V. Духоборцы и Сенаторъ Лопухинъ 123
VI. Странникъ 139
VII. Молокане 157
VIII. Арестанты-Литераторы. 168
IX. Адамантъ Благочестія 242
X. Молоканское село „Тяглое озеро“ 245
XI. Пропагандистъ Мясницкій 256
XII. Дѣтоубійство Безпоповцевъ 261
XIII. Раскольничьи ходаки 268
XIV. Начало и происхожденіе Молоканъ и Духоборцевъ въ Россіи 309
XV. Скопитѣль 363
XVI. Раскольникъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ и Агаѳья Рахманова. 373
XVII. Молоканскій попъ. 390

Стран.
XVIII. Іоаннъ Креститель и Варвара Мученица. . . 411
XIX. Богатые сконцы Солодовниковы 419
XX. Раскольники Морозовы. 438
XXI. Закланіе сына въ жертву Богу 451

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ.

I.

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ

УСТИНЬЯ НИКИФОРОВНА.

Усадьба Антона Лаврентьича Лупоярова, бывшаго нѣкогда становымъ приставомъ, была не изъ красивыхъ въ С...ой губерніи. Эго было неуклюжее, просторное и безъ всякой архитектуры задуманное строеніе—какая-то масса темнаго тесу, съ темными стеклами въ большихъ окнахъ. По бокамъ дома, оканчивавшагося, по обыкновенію, неуклюжимъ мезониномъ, опиравшимся на четыре покосившіяся колонны, стояли въ три ряда густыя, высокія березы; изъ-за крыши виднѣлись бурыя вершины огромныхъ липъ: весь домъ словно заросъ кругомъ, какъ заросъ небритою уже четыре года бородою и самъ хозяинъ дома.... Вправо отъ усадьбы Лупоярова, по берегу заплѣсневшаго пруда, торчало пять—шесть небольшихъ ветхихъ лачугъ, болѣе похожихъ на заброшенные шалаши пастуховъ, чѣмъ на жилища живыхъ людей. На соломенныхъ крышахъ этихъ лачугъ, кругомъ пробуравленныхъ воробьиными и галчиными гнѣздами, росъ зеленый мохъ; изъ сосновыхъ срубовъ, нѣкогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ откинулся назадъ, другой покачнулся на бокъ, третій вросъ въ землю, четвертый расползался во всѣ четыре стороны, готовый скоро изобра-

зить собою нѣчто въ родѣ пирога. Тутъ жили крестьяне, нѣкогда называвшіеся крѣпостными помѣщика Пузанова, а нынѣ свободные собственники наисквернѣйшей земли, которою, съ помощью пріятеля-землемѣра, постарался надѣлить ихъ Пузановъ. Десять дворовъ изъ сихъ крестьянъ убрались уже на новыя, пріисканныя ими въ другихъ уѣздахъ, земли, а шесть дворовъ застряли по бѣдности своей и не знали, куда главу преклонить. Антонъ Лаврентьичъ пріобрѣлъ настоящую усадьбицу двадцатилѣтнею своею безпорочною службою... на имя жены своей, немудрящей дворянки—засидѣвшейся въ свое время въ дѣвкахъ до тридцатилѣтняго возраста и на двадцать-восьмомъ году своей жизни игравшей еще съ азартомъ въ свои козыри съ сѣнными дѣвками—и поселился въ усадьбѣ при отставкѣ въ 1859 году, когда судебные слѣдователи оттѣснили становыхъ съ просторной дороги, чтобы въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ доживать остатокъ дней своихъ. Неожиданное освобожденіе крестьянъ лишило, однако, скоро Лупоярова восьми человѣкъ крѣпостныхъ даровыхъ слугъ, такъ что миръ и спокойствіе остались при немъ, но восемь дворовыхъ людей отлетѣли безвозвратно. Впрочемъ у Антона Лаврентьича, за надѣломъ своихъ восьми душъ крестьянъ, осталась еще тысяча десятинъ земли и онъ могъ влачить остатокъ дней своихъ безъ нужды.

Лѣтомъ въ 1860 году мнѣ довелось проѣзжать мимо описанной усадьбы Антона Лаврентьича, и я рѣшился завернуть къ нему, чтобы послушать его разсказовъ про былое время. Изъ общей молвы я слышалъ объ немъ, что онъ большой краснобай, любитъ поговорить о быломъ, и радъ бываетъ, когда кто къ нему завернетъ, но несчастье его состояло въ томъ, что къ нему мало кто завертывалъ. Въ С...ой губерніи наперечетъ знали его прежнюю службу, какъ становаго, и отзывались объ немъ съ полнымъ негодованіемъ. Господинъ Лупояровъ несъ, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ кару общественнаго мнѣнія.... Что же? Не мѣшаетъ, думаю, знакомиться съ разнаго рода типами, населяющими русскую землю; авось извлечешь и какую-нибудь назидательную пользу!

И я рѣшился заѣхать къ Антону Лаврентьичу.

Въѣзжаю на пустой дворъ, заросшій лебедою: кругомъ пустынно и безлюдно. Вхожу въ домъ и осматриваюсь: внутренность дома тоже невесела. Все въ немъ мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Босая баба провела меня въ гостиную, съ кожанымъ диваномъ и кожаными старомодными креслами. Хозяинъ не замедлилъ выдти изъ дѣтской въ гостиную и долгое время могъ привѣтствовать меня только знаками и тѣлодвиженіями, на которыя я, съ своей стороны, отвѣчалъ однѣми улыбками и поклонами, потому что двѣ лягавыя собаки и одна комнатная шафка, вбѣжавшія въ дверь гостиной съ хозяиномъ, подняли такой ужасный лай, что Антонъ Лаврентьичъ хлопаньемъ по воздуху пестрымъ носовымъ платкомъ и другими средствами едва, впродолженіе цѣлыхъ десяти минутъ, могъ успокоить разъярившуюся домовую свою стражу. Воспользовавшись возстановившеюся тишиною, я наконецъ назвался хозяину, который въ одинъ со мною голосъ объявилъ, что очень радъ новому знакомству. Сѣли. Антонъ Лаврентьичъ немного смущался и громко сморкался въ носовой платокъ. Онъ былъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, высокій, полный, но осунувшійся мужчина и съ небритою, сѣдоватою бородою. Лице его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, лѣни и отчасти плутовства... Жену, по его словамъ, онъ схоронилъ назадъ тому шесть лѣтъ, дѣти его все мерли, такъ что у него осталась одна только дочь, и то застарѣвшаяся дѣва, которая скоро и вышла къ намъ въ гостиную. Довольно высокая, худая, съ изношеннымъ лицомъ и накладкой красноватыхъ волосъ, дѣва эта кое-какъ завязала съ нами общій разговоръ, предлагая вопросы хотя незначительные, но способные поддержать бесѣду. Дѣло пошло на ладъ. Лупояровъ сталъ развязнѣе, безъ смущенія сталъ сморкаться въ носовой платокъ, безпрестанно вынималъ берестовую табакерку и сталъ называть меня уже: милый человѣкъ, батенька. Это, какъ видно, были его всегдашнія поговорки. Скоро смерклось. Мы напились чаю, который подавала экономка — толстая, краснощекая баба, при входѣ которой въ гостиную послышался дѣтскій писк въ спальной. Экономка заторопилась:

— У васъ еще и маленькіе есть? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это вотъ у экономки. Я тутъ... она, знаете...

И Антонъ Лаврентьичъ замялся. Я сконфузился.

Послѣ чаю старая дѣва скрылась и выслала въ гостиную водочки съ закускою. Антонъ Лаврентьичъ выпилъ рюмочку и мнѣ предложилъ другую. Я отказался.

— Ужели не пьете совсѣмъ? спросилъ удивленно Лупояровъ.

— Не пью.

— Странно, какіе люди нынѣ стали водиться.

— Ничего, говорю, нѣтъ страннаго.

— Я не объ васъ собственно говорю, подхватилъ Лупояровъ — а такъ вообще о новомъ времени. Чудно какъ это все идетъ нынѣ, куда ни посмотришь. Все какъ-то иначе. Прошло старое времячко совсѣмъ.

— Да, говорю, прошло.

Пауза.

— Вы бы разсказали мнѣ, говорю, Антонъ Лаврентьичъ, что нибудь про старое ваше время. Я охотникъ слушать про былое.

— Что же интереснаго вы найдете въ немъ? Люди только дурили тогда, доложу вамъ, а не жили. Вотъ нынче, говорятъ, совсѣмъ другое: всѣ поумнѣли; даже и раскольники, на что ужъ дураки были, и тѣ стали умнѣть.

— А вы много имѣли дѣлъ съ раскольниками?

Лупояровъ усмѣхнулся.

— Какъ же, батенька, не имѣть, когда я двадцать лѣтъ былъ становымъ среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ въ Н..мъ уѣздѣ. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Кушайте, говорю, за меня: все равно — я приму это за угощеніе.

— Ну хорошо.

И Лупояровъ выпилъ двѣ рюмки: за себя и за меня.

Я примѣтилъ, что Антона Лаврентьича начинало манить къ разсказамъ о быломъ, какъ военнаго служаку къ повѣствованіямъ о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Его круглое лицо, съ большими карими глазами и засинѣвшими губами, покрылось легкой улыбкой, которая заиграла и на ямочкахъ щокъ. Вся фигура его заёрзгала какъ-то въ креслѣ.

— И любопытный, говорю, народъ эти раскольники?

— Блажной, батенька, блажной, а не любопытный: дураки неповитые.

Опять небольшая пауза.

— У васъ я думаю много анекдотовъ хранится въ памяти объ ихъ житьѣ-бытьѣ?

— Много, батенька, много. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Сдѣлайте милость: и за себя и за меня, безъ церемоніи.

И Антонъ Лаврентьичъ выпилъ еще двѣ рюмки и началъ свой разсказъ, который мы и записали для читателей, раздѣливъ его на главы.

I.

БЫЛЪ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЪ.

— Въ наше время, батенька, становые имѣли совсѣмъ другой колеръ, чѣмъ нынѣ, а исправникъ былъ то же въ уѣздѣ, что губернаторъ въ губерніи. Ну оно служить было и лестно! Ѣдешь, бывало, по селу раскольничьему — у меня весь Н...ій уѣздъ состоялъ изъ раскольничьямо населенія — всѣ мужички и бабы поклонъ до земли.

Ѣдетъ, говорятъ, бояринъ,
Ѣдетъ думный —
Дайте дорогу!

Эту пѣсню они изъ книгъ какихъ-то взяли, и всегда повторяли ее, когда я или исправникъ проѣзжали среди ихъ. Я доподлинно зналъ, что они меня, исправника и все начальство вообще ненавидятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, но пѣсню эту распѣваютъ однако, когда встрѣчаются съ начальствомъ, потому—боятся силы начальственной. Надо и то сказать, мы имъ шалить-то особенно и не дозволяли: вѣдь въ нашихъ рукахъ живьемъ были! Чуть, бывало, завруться, мы ихъ и въ острогъ... Не забывайся, значитъ,—знай свое начальство! Они, разумѣется, хорошо понимали нашу силу, потому что всѣ строгія высшія распоряженія сыплются, бывало,

прямо къ намъ въ руки и мы должны ихъ приводить въ исполненіе. Нынѣ вотъ, говорятъ, иначе это дѣло дѣлается, а въ наше время строгости къ раскольникамъ сыпались каждую недѣлю, въ разныхъ предписаніяхъ, такъ что едва, бывало, успѣваешь во входящую записывать. Только, скажу вамъ, строгость эта усиливала лишь въ этихъ раскольникахъ упорство и ненависть къ намъ. Я замѣтилъ впродолженіе всей своей двадцатилѣтней службы, что какъ только, бывало, высшее начальство начнетъ усиливать предписанія свои строгостями къ раскольникамъ, такъ цѣлыя деревни почнутъ обращаться въ расколъ, чтобы въ страданіяхъ за гонимыхъ несчастныхъ соплеменниковъ своихъ получить скорѣе и вѣрнѣе вѣнецъ мученическій... Должно быть, говорятъ, вѣра раскольничья правая, когда претерпѣваетъ гоненія отъ нечестиваго начальства, какъ въ древности христіанская церковь подвергалась гоненіямъ отъ язычниковъ?!! Вотъ и толкуйте вы съ ними! Такой ужъ глупый народъ. Я думаю, что все это отъ необразованности зависитъ, потому часто бывало и такъ дѣлаешь, жалѣючи дураковъ: возьмешь съ каждой сотни изъ новообращенныхъ въ расколъ по пятидесяти руб. сер., то-есть по полтиннику съ рыла, да и донесешь начальству, что всѣ мѣры строгости приняты были противъ размноженія раскола, и совратившихся вновь изъ православія не оказалось. А то согласитесь сами: вѣдь ихъ канальевъ затаскаютъ по острогамъ, а нашъ братъ изволь каждаго дурака допрашивать — завяжется до тысячи новыхъ дѣлъ, изволь ихъ производить!.. Вотъ бѣглымъ и вреднымъ людямъ я не потакалъ. Но изъ этихъ бѣглыхъ, скажу вамъ, есть совсѣмъ безвредные, которыхъ я, жалѣючи ихъ дурость, всегда миловалъ. У нихъ, видите ли, есть глупое такое ученіе, что надобно бѣжать въ лѣса отъ притѣсненія полиціи и правительства. И вотъ они открыли дороги изъ Москвы и Тулы во всѣ мѣста Россіи, и изъ этихъ двухъ городовъ, какъ отъ центровъ, по всему лицу русской земли до Чернигова, Костромы, Кавказа и Иркутска, расходятся недовольные искать въ лѣсахъ спасенія. Само собою разумѣется, какое же присутственное мѣсто дастъ паспортъ мужику на жительство въ лѣсу—этакого и закона нѣтъ; вотъ они и придумали свои паспорты, съ которыми и гуляютъ изъ лѣса въ лѣсъ,

изъ губерніи въ губернію, живутъ у своихъ страннопріимцевъ и воображаютъ, что живутъ внѣ начальства. А какое внѣ начальства? что ни шагнетъ каждый—то въ рукахъ полиціи! У меня въ уѣздѣ каждый годъ такихъ недовольныхъ до тысячи человѣкъ проходило, и ни одинъ не прокрадывался мимо моихъ рукъ. Спросишь, бывало, молодца:

— Паспортъ есть?

— Есть, говоритъ.

— Кажи.

Онъ вынимаетъ листъ бумаги и подаетъ. Читаешь.

— Что, братъ, это у тебя за галиматья? Откуда выданъ?

— Смотри, говоритъ, и разумѣй.

— Да разумѣть-то, молъ, нечего, ерунда какая-то! А настоящій паспортъ есть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Не принимаю. Это печать правительства — знакъ Антихриста.

— А въ острогъ за это хочешь?

— Готовъ, говоритъ, все претерпѣть, на это обреченъ есмь... Не страшатъ меня муки лютыя, звѣри хищные, не боюсь слугъ Антихриста; и пойдетъ и пойдетъ...

— Ну что, спрашиваю я васъ, батенька, обратился ко мнѣ Лупояровъ,—вы сдѣлали бы, на моемъ мѣстѣ, съ этакимъ дуракомъ? Вѣдь его въ какой угодно острогъ сажайте, въ какую угодно Сибирь ссылайте—Восточную или Западную—онъ все свое будетъ говорить, все будетъ переносить съ воловьимъ терпѣніемъ, а главное—въ полной увѣренности получить за это вѣнецъ мученическій, а сообразите: чрезъ эти его глупыя страданія за вѣру еще нѣсколько селъ пойдетъ въ расколъ, синодикъ объ немъ напишутъ, моленья начнутъ совершать и еще тѣснѣе соединятся между собою... Вотъ по этимъ-то причинамъ подумаешь-подумаешь бывало, да и скажешь: а ну-ка принеси мнѣ братъ изъ своихъ трудовъ праведныхъ пять руб. сер., да и убирайся изъ моего уѣзда поскорѣе въ другой, куда тебѣ путь лежитъ, а я тебѣ дѣлать зла не хочу! И такимъ-то образомъ, скажу вамъ, вошло у

меня въ обычай, что всякій проходящій по моему уѣздѣ „странникъ — бѣглый“ долженъ былъ являться ко мнѣ непремѣнно, и заявлять добровольно свой паспортъ, при чемъ прилагать и пять руб. сср., чтобы знаете ужъ потомъ онъ никаксй придирки не боялся, пока посѣщаетъ своихъ братій... Вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на всѣ ихъ паспорты, которые оказывались весьма разнаго калибра, но я, однако, наконецъ навострился въ этомъ дѣлѣ такъ, что по паспорту сталъ узнавать, что за птица предъявитель его. Скопца, бывало, напримѣръ, спросишь:

— Съ паспортомъ?

— Съ паспортомъ, отвѣтитъ.

— Давай.

— Извольте.

— Ты скопецъ?

— Такъ точно.

— А отъ кого паспортъ выданъ?

— Отъ великаго Царя Спасителя, небу и земли Вседержителя.

— А ты у него былъ?

— Я? Нѣтъ... это значитъ... Ну и замнется бывало человѣкъ такъ, что совсѣмъ въ тупикъ станетъ.

— Ну а гдѣ паспортъ прописанъ?

— Въ полиціи, говоритъ, полной, еже имѣти разумъ духовный...

— А гдѣ же эта полиція?

— Она невидима.

— Что же, молъ, за разумъ у ней духовный? А развѣ въ нашей полиціи нѣтъ разума; развѣ она безголовая какая; развѣ я, напримѣръ, дуракъ что ли по твоему?

— Сіе, говоритъ, должно разумѣть инако...

— А это вотъ что въ паспортѣ твоемъ за слово: „кто вѣры ради тебя погонитъ, тотъ въ геенну себя готовитъ“?

— Сіе разумѣй о начальствѣ, которое вѣру нашу гонитъ...

— Такъ ты думаешь, что я въ геенну-то такъ вотъ за тебя дурака и пойду, и начну тебя преслѣдовать? Ошибся, другъ любезный, я умнѣе тебя: вотъ возьму, да отпущу тебя, и геенны огненной избавлюсь. Понялъ?

— Сіе, говоритъ, отъ воли человѣка зависитъ. Пути въ царствіе божіе всѣмъ открыты!...

— Ну такъ, молъ, давай-ка пять руб. сер., да и съ Богомъ поскорѣе убирайся изъ моего стана". Разочтешься, знаете, такимъ образомъ съ рабомъ божіимъ, да и съ рукъ его долой, и дѣла лишняго себѣ на шею не вяжешь... Такъ вѣдь что вы думаете? Сердятся бывало канальи: вѣра, говорятъ, наша не очищается въ горнилѣ; Бога знать прогнѣвали... Извольте вы тутъ понимать ихъ! Но неотвязчивѣе всѣхъ, скажу вамъ, были предъявители странническихъ паспортовъ. Подастъ, бывало, свой паспортъ каналья, а самъ такъ и смотритъ въ глаза: какое, дескать, намѣреніе имѣю я въ отношеніи къ нему? Возьмешь паспортъ его и читаешь. Въ паспортѣ, по обыкновенію, написано:

„ПАСПОРТЪ.

„Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой.
Кого ся убою,
Господь защититель живота моего,
Кого ся устрашу.
Аще ополчится на мя полкъ,
Не убоится сердце мое.

„По благоволенію великаго и пресильнаго всемірнаго царя, которымъ сотворено небо и земля, по его владычному повелѣнію данъ сей указъ душѣ моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего, великій господинъ, Богъ града вышняго и уѣзду, Пустынскаго стану, Черноленскаго села Будова, того господина всея твари едина. Имя ему сый, санъ его благословеннаго. Азъ деревни Нечкина, а прописаны мнѣ лѣта— радость будущаго свѣта. А приложено множество св. отецъ рукъ, еже боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ, а прописанъ въ полиціи полной, имѣть разумъ духовный, а заномеренъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности, идти правымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣсы раба божія нигдѣ, а кто страннаго пріять

будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ господиномъ моимъ знаться; а кто мя вѣры ради погонитъ, тотъ явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовитъ. Упованіе намъ Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель намъ Духъ Святой, а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать. Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Матерь Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ. Аминь"!

— Твой? спросишь по прочтеніи паспорта.

— Мой.

— Въ острогъ хочешь?

— Радъ за вѣру страдать!..

— А деньги пять руб. принесъ съ собой?

— Принесъ.

— Давай?

— Извольте!

— Ну и прощай, молъ, любезный, да поскорѣе уходи изъ моего стана. Такимъ манеромъ срѣжешь, бывало, молодца, онъ и пойдетъ себѣ по добру по здорову... Паспорты эти отъ нихъ я не отбиралъ, потому что толку въ такой галиматьѣ? Никому они вреда не причиняютъ, ничего въ нихъ кромѣ глупаго не содержится, да и интереснаго мало; но вотъ, когда попадались у нѣкоторыхъ изъ нихъ писанія разныя, которыя они разносятъ часто съ собою изъ губерніи въ губернію, то особенно занимательныя я оставлялъ у себя. Соберутся бывало когда засѣлатель, священникъ, ну—и посмѣемся вмѣстѣ... У одного, напримѣръ, я однажды отобралъ „газету Ада". Занимательная штука! Если любопытствуете, я сейчасъ принесу вамъ ее.

И Антонъ Лаврентьичъ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ.

II.

ГАЗЕТА АДА.

По уходѣ Антона Лаврентьича, я остался одинъ. Старая дѣва, дочь Лупоярова, сообразивъ, что гость оставленъ одинъ, вошла тотчасъ ко мнѣ въ гостинную изъ дѣтской.

— Но скучно вамъ? отнеслась она ко мнѣ.

— Помилуйте, говорю, можно ли скучать, когда Антонъ Лаврентьичъ разсказываетъ такіе любопытные анекдоты, что я готовъ слушать его цѣлую ночь.

— Ахъ одно и тоже! воскликнула дѣва.—Такъ ужъ надоѣло всѣмъ, что и слушать не хочется.

Дѣва замолчала. Пауза.

Наконецъ, Лупояровъ возвратился изъ поисковъ.

— Всѣ ли рѣдкости нашли? спросила его дочь.

— Мало что-то матушка; больше было.

— Да я на выкройки много изрѣзала...

— Вотъ извольте тутъ, батенька, любопытное собирать, отнеся ко мнѣ Лупояровъ.—Вѣдь для пріятелей было-берёгъ, почитать иногда гостю, а она вотъ на выкройки изрѣзала!?...

Дочь Лупоярова, обидѣвшись, вышла изъ гостиной. Антонъ Лаврентьичъ положилъ на столъ довольно толстую тетрадку засаленныхъ листовъ разнаго формата, сшитыхъ вмѣстѣ, и проговорилъ:

— Вотъ не хотите ли послушать?

— Съ большимъ, говорю, любопытствомъ.

И Лупояровъ сталъ читать:

„ГАЗЕТА АДА.

„Вышла газета изъ ада, какая будетъ грѣшнымъ отъ сатаны награда. И въ безконечные вѣки не будетъ душамъ ихъ отрады. Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ человѣкъ. Грѣхъ скончался, истина охрамѣла, любовь простудою больна. Честность и вѣрность въ отставку вышла. Вѣра ушла въ пустынь. Совѣсть попрана ногами, благодѣяніе таскается по міру. Терпѣніе скоро лопнетъ. Ложь нынѣ присутствуетъ, безчиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость съ монахами познакомилась. Тщеславіе игуменствуетъ. Братоненавидѣніе инокомъ поставлено. Невѣжество старѣйшествуетъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ бѣсамъ адъ наполнить

разныхъ огней. Послалъ бѣсовъ размѣрять адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину. Потомъ сатана всѣдъ на сѣдало, закричалъ на бѣсей весьма яро, что грѣшныхъ во адѣ мало? Бѣсъ подскочилъ и рекъ, что еще не скончился вѣкъ, а когда пріидетъ міру конецъ, тогда ты будешь многимъ душамъ отецъ. Предстали предъ князя тьмы безпопечительные чернецы; онъ смѣяся сказалъ: „вы зачѣмъ святіи отцы сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли? Знать вы весь вѣкъ богатства ради, а не прокормленія мзду збирали; того ради и путь въ царство небесное потеряли. Вы препровождали жизнь въ монастыряхъ, вамъ и должно быть въ райскихъ краяхъ. Но, видно, вы въ небреженіи жили, что въ моей области честь себѣ и жизнь заслужили. Бѣсъ подскочилъ безъ хвоста и сказалъ, что они не наблюдаютъ поста. Лѣнивы были Богу молиться, надобно съ ними поскорѣе рѣшиться. А когда и помолятся и то внѣ ума, того ради Богъ на нихъ вознегодова. Предалъ ихъ твоему разсужденію, чтобы доставить ихъ разному мученію. Притащили бѣсы-опоицу во адъ, сатана сказалъ: „эхъ ты до чего допилъ, что и душу свою погубилъ. Припасите про него адскую темницу, вверзите его туда до страшнаго суда, а когда труба вострубитъ, тогда и неволею его въ смолу горячую погрузить убѣдить. Явились на тотъ свѣтъ гордые господа. Бѣсъ кричитъ изъ ада: честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда! Я васъ отмѣнно буду угощать, огнь горящій и жупелъ велю возгнѣщать. Я, милостивые государи, повелю чай грѣть не въ самоварѣ, но для роскошныхъ и жирныхъ здѣсь есть въ адѣ большой котелъ на взварѣ. Растоплю олово на мѣсто пуншу, чтобъ вамъ промочить скаредную и жаждующую душу. Сатана сказалъ бѣсу: что стоя рычишь, долго медлишь, багромъ ихъ не тащишь? Косой давно уже тому радъ, облапя сихъ вельможъ и потащилъ во адъ. Привели бѣсы ростовщика во адъ, который процентами богатство распространялъ, а излишнее неимущимъ не раздавалъ, наипаче къ себѣ присовокуплялъ; онъ горько возопилъ и сказалъ: я успѣлъ столько процентами денегъ накопить, что могъ бы весь адъ твой откупить. Сатана въ насмѣшку сказалъ: видно, ты здѣсь хочешь роскошно проживать, время тебѣ въ преисподнюю побывать. Тамо узнаешь, какъ обижать бѣдныхъ, понеже

тамо и самъ будешь въ самыхъ послѣднихъ. А нищимъ сатана сказалъ: вы зачѣмъ сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли, вы о грѣхахъ день и нощь болѣли и тѣмъ во адѣ себѣ мѣсто заготовить повелѣли. Здѣсь мѣста всѣ заняли вельможи, ибо они и въ житіи своемъ были во всемъ мнѣ угожи. Нищіе то слышавши, ухватили кошели, въ царство небесное и побрели".

— Какъ вамъ нравится? спросилъ Антонъ Лаврентьичъ, — Бѣда галиматья тоже, хоть и занимательная галиматья... А вотъ я слышалъ отъ исправника, что у насъ уже какое значеніе придаютъ этой газетѣ: при дѣлахъ слѣдственныхъ носятъ, въ архивахъ разныхъ стерегутъ, какъ и Богъ знаетъ что такое, а въ самомъ-то дѣлѣ, это пустой каламбуръ на богатыхъ и на монаховъ...

Я вполнѣ согласился съ Лупояровымъ.

— А то вотъ не хотите ли еще „рецептъ раскольничій" прочесть, обратился опять ко мнѣ Лупояровъ; который я отобралъ тоже ради любопытства у одного „божьяго разнощика христовыхъ писаній". У нихъ, знаете ли, литература и газеты разносятся „разнощиками", какъ у насъ почтальонами.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И Антонъ Лаврентьичъ указалъ мнѣ въ тетради своей весьма потертый листъ въ синей бумагѣ, который я и сталъ читать, а Лупояровъ слушать. На листѣ было написано слѣдующее:

„Рецептъ духовнаго отца дѣтямъ духовнымъ". Такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя ваши дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Аще кто внидетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, то есть на то разрѣшеніе: духовная абтека исцѣляетъ грѣхи всякаго человѣка: 1) возьми цвѣтъ чистоты, изотри въ горшкѣ безмолвія, 2) просѣй ситомъ разсужденія, 3) всыпли въ котелъ отъ добрыхъ дѣлъ, 4) положи дровъ послушанія, 5) подлей воды отъ слезъ молитвенныхъ, 6) подожги огнемъ божественныя любви, 7) перемѣшай весломъ братолюбія, 8) дай покипѣть усердіемъ къ Богу, 9) разливай цѣломудріемъ, 10) простужай милостынею, 11) вкушай лжицею страхомъ божіимъ, 12) послужи вольнымъ всемъ усердіемъ и будеши одаренъ божіимъ

милосердіемъ и тако исцѣлѣеши, и аще кто станетъ на всякъ день принимать сего лекарства, недалече будетъ небеснаго царства, и аще станете на молитву, разумѣйте бѣсовскую ловитву: какъ онъ хитро подходитъ и умъ отъ молитвы отводитъ и всячески дѣлаетъ прегради многу, чтобы не шли молитвы къ Богу. Аминь".

— Ха-ха-ха! расхохотался Лупояровъ, я вспомнилъ, какъ засѣдатель и приходскій нашъ священникъ спорили со мною однажды цѣлую ночь, что эта бумажонка есть замѣчательный документъ, который надобно сообщить высшему начальству для того, чтобы оно сдѣлало распоряженіе всѣхъ имѣющихъ такіе рецепты забирать въ остроги и ссылать въ Сибирь... Не чудаки ли, посудите сами?

Я опять вполнѣ согласился съ Антономъ Лаврентьичемъ.

— Люди дурятъ, продолжалъ Лупояровъ:— потому что недовольны чѣмъ-то.... и даже смѣшно дурятъ, а они хотятъ ихъ въ острогахъ морить и придавать значеніе всякой галиматьѣ, которую напишетъ какая нибудь баба... Натурально, всякій раскольникъ, когда увидитъ, что за такія бабьи розсказни сажаютъ ихъ „божіихъ разнощиковъ" въ остроги, да въ Сибирь ссылаютъ, начнетъ съ азартомъ читать эту галиматью и приметъ, пожалуй, ее, по глупости своей, за что-то необыкновенное, съ неба свалившееся; разнощиковъ своихъ, страдающихъ за эту галиматью, начнетъ ублажать, поить, кормить, холить, и отъ начальства всячески таить, и тогда что вы ни давайте ему прочесть получше этой галиматьи, онъ читать не будетъ на томъ основаніи, что предложенное вами для чтенія не гонится правительствомъ и, слѣдовательно, дескать, не имѣетъ особеннаго значенія... У меня былъ однажды такой случай. Одна баба-странница притащила съ собою стихи въ мой уѣздъ, и я прослышалъ, что всѣ раскольники начали списывать эти стихи съ азартомъ, такъ что бабу затаскали по дворамъ... Я позвалъ наконецъ, „разнощицу" и потребовалъ у нея „писаніе божіе".

Прочитавши стихи я расхохотался. Баба вытаращила на меня глаза отъ изумленія. Она, видите ли, думала, что я стихи эти Богъ-знаетъ за что приму и ее сейчасъ же жарить на сковородѣ начну...

— Что сдѣлать съ тобою за эти стихи? спросилъ я ее.

— Рѣжь, говоритъ, тѣло мое на куски, я страдать готова...

— Дура, говорю, ты баба и больше ничего! Ты думаешь, что если про архіереевъ говорится въ этихъ стихахъ, такъ это ужъ и Богъ-знаетъ какая невидаль? Мало ли что о комъ говорится. Хороши наши архиреи—такъ тебѣ никто ни въ чемъ не повѣритъ, и слушать тебя не станутъ, нехороши — такъ и безъ тебя имъ цѣну дадутъ... Ты-то тутъ что такое?..

— Баба, скажу вамъ, совсѣмъ осовѣла...

— Такъ ты, говоритъ, батюшка, меня гнать не будешь?

— Съ дураками, молъ, я никогда не связываюсь!

И пошла отъ меня баба, понуря голову!..

— Что же вы думаете, батюшка? Какъ услышали раскольники, какой я разговоръ имѣлъ съ бабой, такъ сейчасъ же и перестали списывать ея стихи... Ты, говорятъ, баба-дура значитъ пустяки намъ принесла; принеси намъ настоящихъ писаній, за которыя въ Сибирь ссылаютъ...

— А то въ моемъ же домѣ былъ однажды такой случай. Нашъ приходскій священникъ сидѣлъ у меня въ гостяхъ; ко мнѣ приходитъ въ это время странникъ раскольническій заявлять „паспортъ“ свой „божественный“. Странникъ этотъ былъ начотчикъ большой, значитъ по раскольничьи — ученый человѣкъ, котораго они считаютъ долгомъ слушать разиня ротъ и вѣрить ему на-слово во всемъ, что онъ ни скажетъ. Священникъ завязалъ съ нимъ разговоръ о томъ о семъ: почему-де вы не признаете архіереевъ нашихъ, поповъ? и т. п.

— Потому, говоритъ начотчикъ:—что архіереи не всѣ живутъ такъ, какъ слѣдуетъ жить архіереямъ, а изъ поповъ многіе мало учены и о должности своей небрегутъ...

— Какъ, мало учены? спросилъ священникъ, обидѣвшись.

— Да такъ! своего дѣла не дѣлаютъ какъ слѣдуетъ, и овецъ своихъ не учатъ ничему...

— Ты не хочешь никого уважать, ты бунтовщикъ! горячился священникъ.

— Никакъ нѣтъ! Я всѣхъ равно почитаю, какъ вельможу, такъ и нищаго: „и нищій, да Бога сыщетъ, а и вельможа, да

въ дѣлахъ неугожихъ! У меня тотъ и генералъ, который дѣла божія не замаралъ; тотъ и архирей, который въ жизни своей не захирѣлъ; тотъ и патріархъ, который въ жизни разумомъ здравъ и благъ!“...

— И пошелъ и пошелъ у нихъ споръ... Договорились они до Никона, до Алексѣя Михайловича, до Петра I, до святѣйшаго синода, до консисторій нынѣшнихъ, до соборовъ московскихъ: Я вижу, что уставщикъ сбивалъ попа на каждомъ словѣ и въ годахъ, когда были соборы московскіе, и въ исторіи Преображенскаго кладбища, и въ перечисленіи раскольничьихъ сектъ, наконецъ даже въ толкованіи священнаго писанія и отцовъ церкви... Я вижу: священникъ выходитъ изъ себя, а дѣло отъ этого не выигрываетъ, потому подошелъ къ „уставщику-страннику“ и говорю:

— Иди братъ съ-Богомъ во свояси; вижу, что ты несиленъ въ ученіи.

— Нѣтъ, говоритъ, не я не силенъ, а со мной не хотятъ говорить.

— Ну, ладно, а ты пять-то рублей за предъявленіе мнѣ паспорта заплати. Ученье-то твое ученьемъ, а дсньги деньгами, порядокъ того требуетъ!

— Въ этомъ, говоритъ, мы прекословить не будемъ, извольте!

— Досталъ онъ пять рублей серебромъ, подалъ мнѣ и ушелъ. Впрочемъ, вы не думайте, милый человѣкъ, сталъ оговариваться Лупояровъ, чтобы я въ самомъ дѣлѣ потакалъ мошенникамъ, которые обираютъ, напримѣръ, народъ или тому подобныя дѣла совершаютъ. Нѣтъ! Я только въ дѣла вѣры и совѣсти не вмѣшивался. Я разскажу вамъ, для примѣра, дѣльце хоть вотъ объ одной пророчицѣ Устиньѣ Никифоровнѣ, которую вмѣстѣ и съ ея учениками я отправилъ благополучно на поселеніе.

Вы спать еще не хотите?

— Какой, говорю, сонъ при такихъ интересныхъ разсказахъ вашихъ?

— Ну если такъ, то извольте. И Антонъ Лаврентьичъ, понюхавъ табаку и утеревшись пестрымъ фуляровымъ платкомъ, началъ свой разсказъ о пророчицѣ раскольничьей.

III.

ПРОРОЧИЦА.

— Въ 1854 году разнесся у меня по уѣзду слухъ, что ѣдетъ съ востока на западъ, отъ земли Иркутскія, нѣкая пророчица и наполняетъ землю чудесами всякаго рода... Я принялъ свои мѣры и чрезъ недѣлю же мнѣ донесли, что явившаяся съ того свѣта нѣкая, Богомъ избранная, жена появилась уже въ селѣ „Каменкѣ“ и творитъ чудеса. Я сажусь на лошадей и ѣду въ „Каменку“. Пріѣзжаю туда ночью часу въ двѣнадцатомъ и прямо въ молельню, находящуюся на задахъ у мужика Елистрата Кожухова. Смутились раскольники при моемъ появленіи и хотѣли прятать пророчицу, но я ихъ успокоилъ, говоря, что пріѣхалъ только послушать прорицаній вновь прибывшей пророчицы. Раскольники успокоились. Я осматриваюсь кругомъ. Вижу: молельня освѣщена восковыми свѣчами, ладону накурено такъ много, что въ комнатѣ носились какія-то густыя облака; поперегъ молельни сдѣлана ситцевая занавѣска на кольцахъ, а за занавѣскою устроена была особая комнатка, въ родѣ чулана, гдѣ пророчица молилась и принимала своихъ учениковъ. Я попросилъ пророчицу, въ моемъ присутствіи, поговорить съ народомъ, увѣряя всѣхъ, что худого ненамѣренъ никому дѣлать и что пріѣхалъ собственно изъ любопытства только... Раскольники знали мой мирный характеръ въ отношеніи къ нимъ, переговорили тихонько съ пророчицей въ ея комнатѣ и доложили мнѣ, что пророчица согласилась исполнить мое желаніе. Садимся мы всѣ и ждемъ. Пророчица явилась къ намъ, одѣтая вся въ бѣломъ, подпоясанная лентою. Сѣла она на стулъ предъ столомъ съ ладонницею и такъ начала свое пророчество:

«Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой проходитъ и смерть недалече!
Текутъ время и лѣта во мгновеніе ока:

Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Да не похититъ тя смерть съ твоими дѣлами.
Ангелъ же твой хранитель тебя извѣствуетъ,
Краткость жизни твоей перстомъ показуетъ.
Слышишь ли о, душе моя! паче всѣхъ, если грѣшна,
Уготована тебѣ мука безконечна! Аминь.

— Это, говорю я Кожухову, совсѣмъ не пророчество. Что же тутъ пророческаго? нельзя ли ей что о будущемъ сказать?

— Кожуховъ подошелъ къ пророчицѣ и поговорилъ съ ней на ухо, потомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: при начальствѣ она не можетъ говорить иначе...

— Напрасно, говорю, она боится меня. Ты скажи ей, чтобы она меня совсѣмъ не считала за начальство. Вѣдь ты знаешь чай меня: гоню ли я васъ?

— Кожуховъ опять подошелъ къ пророчицѣ и снова поговорилъ ей на ухо. Пророчица долго слушала его, потомъ мотнула головой и закрыла глаза. Кожуховъ сообщилъ мнѣ, что про царствіе божіе пророчица соглашается поговорить.

— Вотъ и прекрасно!

— И мы стали ждать другаго пророчества. Пророчица помедлила немного и потомъ заговорила:

— Приходитъ, людіе, послѣднее время. Небо и земля потрясется. Частыя звѣзды на землю скатятся. Сойдетъ Михаилъ Архангелъ и затрубитъ въ трубу живогласную: вставайте всѣ живые и мертвые на судъ къ Богу! По правой сторонушкѣ идутъ души праведныя, въ лицахъ всѣ свѣтлѣютъ, волосы яко ковыль-трава, ризы на нихъ нетлѣнныя. Идутъ они на судъ къ Богу радуются. Стрѣтаетъ ихъ Владычица Мать Божія пресвятая Богородица: „подите мои христолюбивые избранные, да похаенные, посрамленные! Вотъ вамъ царство уготованное! Принимаетъ ихъ самъ Господь Царь небесный“. По лѣвой сторонушкѣ идутъ души грѣшныя, въ лицахъ темнѣютъ, одѣяніе страшное. Идутъ онѣ на свою муку и слезно плачутъ: „Господи Царь небесный! Почто ты насъ въ царствіе не впустишь? Мы всѣ люди христіане!“ Глаголетъ Господь Царь небесный: „подите вы грѣшные, проклятые,

во три пропасти земныя! Вы не въ мою вѣру вѣровали! Да провалятся всѣ грѣшные въ преисподнюю! Составитъ Господь всѣ муки въ одну муку, не взвидятъ грѣшные свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго, не вслышутъ они гласу ангельскаго! Во вѣки вѣковъ Аминь!—

— А не можетъ ли она, спросилъ я Кожухова:—отгадывать вопрошающимъ ее? Я слышалъ, что она все отгадываетъ и удивляетъ чудесами всѣхъ...

— Вся сокровенная человѣческая знаетъ, отвѣтилъ мнѣ таинственно Кожуховъ.

— Такъ нельзя ли кому нибудь вопрошать ее, а я послушаю?

— Кожуховъ опять переговорилъ съ пророчицей на ухо. Та наклонила голову въ знакъ согласія. И стали къ ней подходить вопрошающіе. Подошла одна баба и спросила:

— Скажи мнѣ, боголюбивая жена, кто у меня укралъ недавно холсты съ огорода?

— Люди злые, отвѣтила пророчица:—которые схоронили ихъ на рѣкѣ, у плотины, подъ хворостомъ. Сходи завтра туда, и обрящешь ихъ, ангелъ божій невидимо укажетъ тебѣ путь!

— Баба заторопѣла отъ радости и начала, въ порывѣ благодарности, даже молиться на пророчицу... Потомъ подошелъ раскольникъ съ рыжей бородою и вопросилъ пророчицу:

— Повѣдай мнѣ, избранная божія, кто увелъ у меня сивую кобылу и гнѣдаго мерина?

— Завистники злые, отвѣчала пророчица:—которые привязали ихъ къ сухой березѣ въ Татьяниномъ бору, за три версты отъ здѣшняго села. Поди завтра туда, отвяжи лошадей отъ березы и хвали Бога!

— Мужикъ засіялъ отъ радости и, въ порывѣ благоговѣнія къ святости пророчицы, какъ пластъ растянулся передъ нею на полу. Подошла потомъ дѣвушка и спросила пророчицу:

— Скажи мнѣ, божинька, кто у меня укралъ изъ коробьи, что стояла въ сѣняхъ, ситцевый сарафанъ и платокъ красный?

— Близкій твой, отвѣчала пророчица:— который спряталъ украденное въ огородѣ твоемъ, подъ лебедою, въ канавѣ для своей

невѣсты. Сходи завтра на зарѣ въ то мѣсто, окропись холодною водою, помолись на востокъ и получишь украденное!

— Всѣ присутствующіе въ молельнѣ переглянулись между собою и начали глубоко вздыхать, обращая лицо къ небу и закативъ бѣлки глазъ подъ лобъ. Меня все это заняло, и я рѣшился самъ вопросить пророчицу:

— А скажи, говорю, мнѣ пророчица: не случится ли что на этихъ дняхъ со мною худаго?

— Съ тобою уже, говоритъ, случилось худое нынѣ.

— Я, знаете, немного оробѣлъ и спрашиваю:

— А что же такое?

— Да у тебя, говоритъ, твою тройку лошадей увели враги твои.

— Вотъ тебѣ разъ! какъ же это такъ? А самъ сейчасъ же выбѣгаю изъ молельни и на порогѣ сталкиваюсь съ своимъ кучеромъ, который, разиня ротъ, слушалъ въ молельнѣ пророчества...

— Гдѣ, говорю, ты лошадей-то поставилъ?

— Да вотъ тутъ на задахъ около гумна.

— Какъ же ты оставилъ ихъ не причемъ и самъ забрался сюда?

— Ко мнѣ, говоритъ, подошелъ мужикъ и, назвавъ себя хозяиномъ молельни, выпросился покараулить лошадей, а мнѣ посовѣтовалъ идти послушать немного пророчицу.

— Ну-ка пойдемъ посмотримъ на лошадей.

— Посмотрѣли, и что же вы думаете? Тройки-то какъ не бывало, и постромки всѣ обрѣзаны. Скверно! тройка была собственная. Я къ пророчицѣ съ вопросомъ:

— Отыщутся ли мои лошади?

— Нѣтъ, говоритъ, не отыщутся, потому что враги твои злы зѣло и гонятъ твоихъ лошадей въ другую губернію.

— И неужели, говорю, нѣтъ никакихъ средствъ поправить какъ нибудь дѣло? Если ты пророческимъ духомъ твоимъ знаешь, по какому направленію они гонятъ лошадей, то я пошлю погоню за ними.

— Да, я, говоритъ, знаю дорогу, по которой они гонятъ лошадей твоихъ; вотъ и теперь я какъ будто гляжу па нихъ ясно—

и пророчица при этомъ закрыла на минуту вѣки своихъ глазъ— но гдѣ ты найдешь такихъ курьеровъ, которые бы могли догнать воровъ, когда они уже теперь за тридцать верстъ, а пока ты соберешься послать за ними погоню, то они будутъ уже за сто верстъ...

— Я пріунылъ... Пророчица замѣтила это и спросила меня:

— А тебѣ, человѣкъ мірской, жалко лошадей?

— Какъ же не жалко? По полутораста рублей каждая лошадь дана.

— Я, говоритъ, для тебя, зная твою доброту къ людямъ божіимъ—раскольникамъ, которыхъ ты не гонишь, яко сребролюбивые слуги антихриста чиновники, могу возвратить твою пропажу и напущу на похитителей твоихъ велію скорбь душевную, а очи ихъ ослѣплю мракомъ, такъ что они пригонятъ лошадей твоихъ назадъ въ „Каменку“, разумѣвая, что гонятъ ихъ въ другую губернію.

— Пожалуйста! Если это сбудется, то я самъ въ тебя увѣрую и готовъ обратиться самъ въ расколъ.

— Хорошо! Я нынѣшнюю ночь сотворю молитву къ своему Христу и на зарѣ лошади твои будутъ возвращены тебѣ обратно.

— И пророчица сейчасъ же встала со стула.

Народъ попадалъ на полъ и, въ умиленіи прославлялъ Бога, пославшаго ему великую пророчицу.

IV.

ЧУДЕСА.

— На другой день послѣ ночи когда десятскій подалъ мнѣ самоваръ, то въ комнату вошло нѣсколько мужиковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было спросить ихъ:

Исполнились ли предсказанія пророчицы мнѣ и прочимъ лицамъ, вопрошавшимъ ее?

— Какъ же, какъ же, ваше высокоблагородіе! Все угадала ду-

хомъ святымъ, какъ перомъ написала, заголосили мужики. Точно по книгѣ прочла, таково это все вѣрно сбылось! Маланья Карнаухова холсты свои нашла цѣлехонькими у пруда подъ хворостомъ, даже въ лубочки завернуты были; Кузьма Завертяевъ какъ пришелъ въ Татьянинъ боръ, такъ и ахнулъ: глядитъ, а его лошадушки-то стоятъ смирнехонько привязанными къ березушкѣ и головами поматываютъ, точно дома въ конюшнѣ; а дѣвка Данькова свой сарафанъ и платокъ получила въ своемъ огородѣ невредимыми и завернутыми даже въ бумажку.

— Ну, а моя тройка?

— Цѣлехонька, ваше высокоблагородіе! отвѣчали съ самодовольствомъ мужики. Ѣдутъ этто нынѣ утромъ наши ребята мимо мельницы Васьки Овчинникова, глядь — а лошадки-то ваши стоятъ привязанными къ мельницѣ и таково внушительно ржатъ. Возвѣстите, дескать, люди добрые, хозяевамъ нашимъ, что ослѣпленными врагами ихъ мы благополучно возвращены обратно! Тутъ же сказали ребята вашему кучеру объ этомъ: онъ пошелъ къ мельницѣ, отвязалъ лошадокъ вашихъ и привелъ ихъ съ миромъ сюда.

— Я взглянулъ въ окно и вижу: мои лошади стоятъ уже впряженными въ тарантасъ и кучеръ ходитъ около нихъ съ шиломъ въ рукѣ, кое-гдѣ доканчивая поправку обрѣзанныхъ постромокъ.

— Ну что, нашлись лошади-то? вскричалъ я изъ окна кучеру.

— Готовы-съ! отвѣчалъ не безъ удовольствія кучеръ. Пожалуйте!

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, съ оттѣнкомъ укоризны, заговорилъ Елистратъ Кожуховъ:—вы все говорите, что мы дуримъ, что мы народъ глупый, слѣпой и нестоющій вниманія, а вотъ Богъ-то насъ лучше цѣнитъ и святыхъ то своихъ людей посылаетъ къ намъ.

— Ваше счастіе, что дѣлать?

— Въ это время къ взъѣзжему дому пріѣхали, телегахъ на пяти, мужики и бабы и стали вылѣзать на крыльцо взъѣзжей квартиры. Я велѣлъ Кожухову справиться о томъ, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Кожуховъ справился о пріѣзжихъ, переговорилъ съ ними и, вернувшись въ избу, заговорилъ:

— Это вотъ, ваше высокоблагородіе, изъ села „Краснаго яра“ пріѣхали выборные къ матушкѣ-пророчицѣ вопросить ее о своихъ несчастныхъ дѣлахъ, объ истинной вѣрѣ и пути, который имъ слѣдуетъ избрать въ жизни сей при ихъ несчастной долѣ...

— Надобно вамъ сказать, батенька, понизивъ интонацію разсказчика, обратился ко мнѣ для разъясненія Лупояровъ;—что третьяго года въ помѣщичьемъ селѣ „Красномъ-яру“, верстъ сорокъ отсюда, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія управителемъ Шарыгинымъ —который, между нами правду надо сказать, былъ такой тиранъ, что я рѣдко въ жизни такихъ видывалъ—столкнули этого управителя въ рѣку... Помѣщикъ этого села, Хабаровъ, видите ли, таскался каждое лѣто со всѣмъ семействомъ за-границу и проживалъ тамъ въ нѣсколько недѣль цѣлые десятки тысячъ; ну, извѣстно, чтобы наверстывать такіе расходы, нужно было съ крестьянъ выбивать деньгу... Вотъ и сѣкли это они крестьянъ несчастныхъ въ двое рукъ: когда помѣщикъ уѣдетъ за-границу играть въ карты на водахъ, управитель тутъ сѣчетъ ихъ и деретъ съ нихъ послѣднюю рубашку, чтобъ и себѣ въ карманъ, знаете, заложить кое-что... а когда помѣщикъ пріѣдетъ да услышитъ жалобы ихъ, то со своей стороны начнетъ драть ихъ не на животъ, а на смерть, чтобъ не жаловались впредь на управителя... Колодокъ, бывало, на нихъ набьютъ, чтобъ не бѣгали въ лѣса, морятъ ихъ въ погребахъ, на цѣпь въ кутузкѣ приковываютъ, бабъ, раздѣтыхъ до нага, стегаютъ предъ крыльцомъ во время чая вечерняго для пущаго апетита, и, кажется, чуть собаками не травили ихъ на охотѣ... Съ жалобами пытались обращаться эти крестьяне то къ тому, то къ другому изъ высшихъ властей въ губерніи, ну, разумѣется, кто же не знаетъ, что въ тѣ времена никогда не мѣняли помѣщиковъ на мужиковъ и, протуренные въ зашей, жалобщики возвращались ни съ чѣмъ... Терпѣли-терпѣли эти красноярскіе крестьяне, да и выкинули штуку... Дѣло вышло уголовное. Сейчасъ же временное отдѣленіе наше, по приказанію губернатора, большаго пріятеля помѣщика Хабарова, нагрянуло производить слѣдствіе, и я тутъ же былъ командированъ въ числѣ другихъ. Производили мы шесть мѣсяцевъ это слѣдствіе, перебирая всѣхъ, и оказалось шестьдесятъ-восемь человѣкъ виновныхъ въ этомъ

дѣлѣ, потому что, видите ли, дѣло было этакое общее, повальное случилось согласіе, и изъ виновныхъ кто оказался зачинщикомъ, кто пособникомъ, а кто подстрекателемъ, попустителемъ и укрывателемъ и т. п., такъ что по нашимъ законамъ меньше шестидесяти-восьми человѣкъ нельзя было и осудить!... Тутъ же при томъ каждую недѣлю сыпались предписанія за предписаніями изъ губернскаго города: поступить-де по всей строгости законовъ съ виновными. Мнѣ, признаюсь, жалконько даже было этихъ сердечныхъ крестьянъ, потому что, сами видите, люди были выведены изъ терпѣнія... и я, грѣшный человѣкъ, заикнулся-было объ этомъ исправнику, но тотъ такъ цыкнулъ на меня, что я не зналъ, гдѣ и мѣсто найти:.. „Развѣ, говоритъ, вы не знаете, чему вы служите, а еще становой!...?“ Впрочемъ, когда по окончаніи слѣдствія стали раздѣлять пять тысячъ руб., полученные въ благодарность за труды отъ Хабарова, то исправникъ далъ и мнѣ восемьсотъ руб., хоть и прибавилъ при этомъ: „нé за что бы“!.. Наконецъ вышло этимъ шестидесяти-восьми крестьянамъ окончательное рѣшеніе и изъ нихъ восемнадцать человѣкъ наказаны на мѣстѣ преступленія, въ самомъ селѣ „Красномъ-Яру“, другихъ сослали въ каторжныя работы, а послѣднихъ въ Сибирь на поселеніе. Въ Содомъ и Гоморъ обратилось это село „Красный-Яръ“. Стоны и вопли были невыносимые... Я, не смотря на то, что становой, а не могъ, признаюсь, выдержать этихъ сценъ безъ содроганія. Чрезъ это село у меня, скажу вамъ, недоставало духу проѣзжать потомъ!

— Такъ вотъ эти-то, батенька, красноярскіе крестьяне и пріѣхали тогда къ пророчицѣ, возвысивъ интонацію голоса, заговорилъ опять тономъ разсказчика Лупояровъ. — Ввелъ ихъ Кожуховъ ко мнѣ въ комнату.

Я спрашиваю ихъ:

— Ну, что молъ вы, какъ и зачѣмъ пожаловали сюда?

— Да вотъ, говорятъ, такъ и такъ, наслышавшись, что явилась нѣкая святая женщина, насъ прислалъ міръ переговорить съ нею объ нашихъ дѣлахъ.

— О какихъ же это?

— Да объ нашихъ! Какъ это, значитъ, теперь жить на зем-

лѣ? что нужно сдѣлать, чтобы вольготнѣе было душенькѣ и все такое....

И выборные пошли отъ меня къ пророчицѣ.

Черезъ часъ я подошелъ задами къ молельнѣ. Пророчица говорила: „нѣтъ на землѣ никого, кто бы о рабахъ божіихъ крестьянахъ думалъ, всѣ-то противъ нихъ и нигдѣ имъ нѣтъ ни защиты, ни покровительства; туды пойдутъ — сѣкутъ и въ зашей толкаютъ, сюды пойдутъ — деньги оббираютъ... Какъ же тутъ жить рабамъ божіимъ? Не лучше ли, отложившись отъ міра такого нечестиваго, избрать себѣ особый путь и по немъ идти, по крайней мѣрѣ душу свою спасешь и не дашь ее загубить антихристу и слугамъ его...“

— Лучше, лучше! говорили депутаты.

„И растлѣна есть земля русская на седмь локтей въ глубину отъ слугъ антихриста во здравіе ихъ, а намъ въ разореніе, яже и въ священномъ писаніи написано объ нихъ: разорю житницы моя и реку душѣ моей: яждь, пій и почивай на многи лѣта. Того ради и посла меня Богъ на землю, да укажу народу его новый путь и исхищу его изъ когтей антихриста и слугъ его... И о семъ еще единожды вопрошаю вы: всѣ ли выборные и село ваше, которое васъ послало ко мнѣ, поступить готовы въ наше новое и избранное Богомъ стадо Христово, которое есть убѣжище отъ міра проклятаго?...“

— Всѣ, всѣ! отвѣчали депутаты.

„Помолимся же о сихъ новопоступающихъ братіяхъ нашихъ, заговорила пророчица: — да пріобщатся они въ мирѣ и спокойствіи къ стаду избранниковъ Христовыхъ и да отребутся безбоязненно и благополучно отъ антихриста и слугъ его!...»

И пророчица встала.

— Что же это, спросилъ я стоявшаго рядомъ со мною мужика;— ужели все село „Красный-то-Яръ“ ухнуло въ расколъ?

— Ухнуло, ваше высокоблагородіе, ухнуло! отозвался раскольникъ и замолился на пророчицу...

V.

ПРОРОЧЕСКІЙ УЧЕНИКЪ БЕЗЪ ПАЛЬЦЕВЪ.

— Пріѣзжаю я домой батенька, и сказываю объ этомъ покойной женѣ своей. Такъ и такъ, молъ, невидѣнная на землѣ пророчица явилась, чудеса творитъ, вся сокровенная человѣческая знаетъ... Самъ испыталъ ея предсказанія. И разсказалъ, знаете, при этомъ женѣ все по порядку объ этой пророчицѣ. Покойница, по женскому своему любопытству — не въ оскорбленіе ея памяти будь сказано—какъ только выслушала меня, такъ тотчасъ же на лошадей, да къ этой пророчицѣ. Я сталъ-было уговаривать ее, и урезонивать тѣмъ, что пророчица-то раскольничья, а не наша... Куда? Баба и слушать не хочетъ! къ попадьѣ сбѣгала, и ее подговорила съ собой ѣхать, и за засѣдательшей въ городъ по пути велѣла кучеру заѣхать. Уѣхали, а я на другой же день отправился въ городъ—верстъ 12 всего отъ моего стана—и сказываю исправнику, судьѣ, засѣдателю, стряпчему и секретарю уѣзднаго суда, что такъ и такъ молъ, пророчица явилась въ селѣ „Каменкѣ“, идетъ отъ страны Иркутскія изъ Сибири, и творитъ чудеса... Какія мѣры принять противъ этого? Случай небывалый!... И разсказалъ имъ все по порядку.

— Мошенница какая-нибудь, сказалъ исправникъ, когда выслушалъ мой разсказъ. У этихъ раскольниковъ то пророки, то апостолы вѣчно бродятъ по землѣ русской.

— Позвольте-позвольте! заспорилъ судья, большой пріятель отца протопопа, и читавшій божественныя книжки.—Развѣ не было на землѣ пророковъ, развѣ это небывальщина какая? А что если, въ самомъ дѣлѣ, это какая-нибудь святая женщина, а мы ее засадимъ въ острогъ?...

Съ судьей согласился и засѣдатель, хоть и большой врагъ раскольниковъ, но противъ нихъ вооружились стряпчій и секретарь

уѣзднаго суда, и пошли тутъ споры, да толки, такъ что до самаго вечера за этимъ дѣломъ провели.

— Такъ какъ же, спрашиваю я, арестовать пророчицу-то, или нѣтъ?

— Конечно арестовать! закричалъ стряпчій: — и донести обо всемъ губернатору.

— За что же арестовать? сказалъ судья.—Вѣдь она никакого преступленія не сдѣлала, никому никакого вреда не причинила, и пророчествуетъ себѣ у раскольниковъ, а не у православныхъ?

— Вы вѣчно за раскольниковъ стоите, отвѣчалъ стряпчій.— Хорошо вамъ заступаться-то за нихъ, когда по милости ихъ вы два каменныхъ дома имѣете, да десять тысячъ десятинъ земли съ лѣсомъ и рыбными ловлями...

— Да вѣдь и вы, кажется, не безъ нихъ же купили себѣ хуторъ-то съ пятьюстами десятинами земли? укололъ стряпчаго судья.

— Но пятьсотъ десятинъ, однакоже, не пять тысячъ?

— Еще бы! сказалъ судья.—По чину и мундиръ!... Надо же и честь знать. Я судья, а вы только стряпчій...

И вышла тутъ, знаете, у нихъ маленькая стычка...

— Не въ этомъ дѣло, господа, сказалъ засѣдатель:—кто больше отъ раскольниковъ нажилъ; всѣ мы ими живемъ, и я отъ нихъ домъ и мельницу имѣю, и кто же вообще въ губерніи съ нихъ не беретъ?... Лѣнивый только развѣ! Но практично ли будетъ арестовывать пророчицу? Вѣдь временное-то отдѣленіе для производства слѣдствія изъ насъ же должно будетъ составиться, изволь-ка по деревнямъ и селамъ ѣздить съ полгода изъ-за пророчицы. Слуга покорный! Мнѣ эти слѣдствія-то и такъ ужъ вотъ гдѣ, на шеѣ сидятъ.

Съ засѣдателемъ согласился и секретарь уѣзднаго суда, объяснивъ, что ему и такъ приходится до четырехъ тысячъ дѣлъ въ годъ разбирать по однимъ воровствамъ, да убійствамъ...

Съ этимъ мнѣніемъ секретаря стали и всѣ соглашаться.

— Я бы этихъ собакъ раскольниковъ въ бараній рогъ согнулъ, сказалъ исправникъ:—и пророчицѣ бы этой спуску не далъ, но съ вами соглашусь пожалуй, потому что съ нѣкотораго времени началъ получать такія предписанія на счетъ раскольниковъ, которыя со-

всѣмъ не одобряю... Дѣлаютъ исправниковъ, власть имъ ввѣряютъ, а потомъ предписываютъ, чтобы исправникъ сидѣлъ, да и не смѣлъ ничего дѣлать... Зачѣмъ же и исправниковъ тогда назначать?

Такимъ образомъ единогласно и порѣшили на томъ, чтобы не трогать пророчицу.

Только покончили мы эту бесѣду, какъ глядимъ: и наши жены вернулись отъ пророчицы. Засѣдательша пересказала все исправницѣ, попадья протопопицѣ, а моя жена ударила въ городѣ по чиновницамъ, и пошла кутерьма такая, что Боже ты мой! Всѣ бабы въ городѣ вдругъ зазбирались къ пророчицѣ за прорицаніями... Засѣдательша вошла вдругъ въ зало съ исправницей и ну расписывать все по порядку про пророчицу. Исправница прерываетъ ее, и обращается къ мужу своему:

— Вообрази, говоритъ, душа моя, Марья Ивановна спрашиваетъ пророчицу, счастлива ли она замужемъ? А та вдругъ ей отвѣчаетъ: счастлива такъ, что нетолько мужемъ никогда не была биваема, но на масляницу и сама его прибила... Согласись, другъ мой, какъ же это она въ Иркутскѣ-то объ этомъ узнала?

— Зачѣмъ же вы объ этомъ передаете?- замѣтила засѣдательша:—я вамъ объ этомъ вѣдь по секрету сказала?

— Ну, какой же тутъ секретъ, объ этомъ и безъ того всѣ знаютъ! Мало ли что въ жизни бываетъ между женою и мужемъ?

Засѣдатель сконфузился, потому что подобный пасажъ съ нимъ дѣйствительно случился въ этотъ годъ.

— Да еще какія вещи разсказывала, тараторила исправница.

И подошедши къ мужу, зашептала ему на ухо... Исправникъ вспыхнулъ, какъ маковъ цвѣтъ...

— Вообрази, даже знаетъ и такія вещи!...

— Полноте, полноте, нельзя же всего сказывать мужчинамъ, стала ужъ унимать засѣдательша исправницу.—Вѣдь я вамъ по секрету сообщила это...

— Исправница не унималась и начала по секрету росписывать другія пророчества.

— Среди такихъ удивленій пророчицѣ вошелъ вдругъ къ намъ сотскій изъ села „Лубяновъ“, и принесъ завернутые въ тряпку четыре пальца, отрубленные отъ человѣческой руки. Всѣ присыпа-

ли къ сотскому, и начали разсматривать окровавленные пальцы. Подлетѣли было сюда и наши дамы, но исправница взглянувъ на мертвечину, вскрикнула: „ахъ“ и бацъ въ обморокъ... Ее увели въ свои комнаты.

— Что это такое? закричали всѣ въ одинъ голосъ на сотскаго.

— Да вотъ, говоритъ, Ермолай Зайцевъ отрубилъ нынѣшнюю ночь у вора, что полѣзъ къ нему въ окно въ чуланъ.

Зайцевъ стоялъ тутъ же.

— Какъ же это ты ухитрился? стали всѣ спрашивать Зайцева.

— Таково вотъ, отвѣчалъ Зайцевъ.—Легъ я въ эту ночь въ кладовой, али чуланѣ, что чрезъ сѣни у меня сдѣлано, и не могъ долго уснуть, все блохи да тараканы кусали. Допрежде никто и не спалъ въ этомъ чуланѣ, а тутъ какъ-то пришлось. Вдругъ кто-то поднялъ окошко да и полѣзъ въ него. У меня отъ брата, что на побывку приходилъ, осталась сабля и лежала за сундукомъ, такъ заржавленная ужъ—я схватилъ, ее да къ окну: воръ-то назадъ, и царапается-царапается по окну-то. Я саблей-то вишь какъ стукнулъ по рукѣ, оно пальцы-то и остались на подоконникѣ.

— Ну, а вора ты не примѣтилъ и не знаешь, куда онъ скрылся? спрашивали Зайцева.

— Не могъ признать; видѣлъ только, что онъ убѣжалъ черезъ заборъ.

Исправникъ тотчасъ же мнѣ приказъ даетъ отрядить сыщиковъ и розыскать: у кого не достаетъ пальцевъ? Я беру съ собой пальцы эти, сажусь на лошадей и ѣду немедленно же домой. Собираю сыщиковъ своихъ и даю имъ строгій приказъ: немедленно отыскать человѣка безъ пальцевъ... Переходить, говорю, непремѣнно всѣ кабаки, знахарокъ, ворожеекъ и мелочныхъ торговокъ и вывѣдать отъ нихъ, не приходилъ ли кто за лекарствами, или кровь заговаривать и т. п. Разсыпались мои молодцы по всѣмъ таковымъ мѣстамъ и, на другой же день доносятъ, что въ селѣ „Каменкѣ“ у знахарки Аксиньи былъ человѣкъ и спрашивалъ лекарства-присыпки отъ ранъ. Я на этотъ пунктъ сейчасъ же налегъ и знахарку за бока: кто, дескать, и когда былъ? Та указала на того, кто приходилъ къ ней; кто приходилъ указалъ на того, кто его послалъ, кто послалъ указалъ на того, кто поручилъ, кто поручилъ указалъ на

того, кто его просилъ и т. д., такъ что наконецъ добрались и до безпалаго и схватили его. Что же вы думаете? оказался безпалымъ-то одинъ ученикъ пророчицы. Забираютъ его со всѣмъ его имуществомъ и представляютъ ко мнѣ въ станъ. Смотрю, дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, который былъ въ моемъ присутствіи съ пророчицею, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ. Лице такое черное, волосы темно-сѣрые, борода широкая, глаза такъ и прыгаютъ.

— Не твои ли, молъ, братъ, это пальцы?

— Не знаю, говоритъ.

— А не знаешь, такъ мы приставимъ и посмотримъ.

Приставляемъ отрубки и они какъ разъ подошли къ его рукѣ.

— Какъ же ты ихъ потерялъ?

—Богу ужъ такъ, видно, угодно!

— А самъ смотрю, на пальцы-то все дуетъ. Вижу, руку-то у него разнесло отъ какихъ-то снадобьевъ, такъ что оконечности оставшихся пальцевъ пошли ужъ гноиться.

— А больненько, молъ, братъ видно рукѣ-то?

— Ничего: Богъ подкрѣпитъ...

— Теперь закуйте-ка его, говорю своимъ архангеламъ: — въ кандалы, да посадите въ арестантскую, потомъ заберите пророчицу, со всѣми ея учениками и въ станъ немедленно же представьте...

VI.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РАЮ И АДУ.

Исправникъ изъ земскаго суда прислалъ мнѣ предписаніе, на мое донесеніе о безпаломъ ученикѣ пророчицы, произвести строжайшее слѣдствіе, при депутатѣ съ духовной стороны и засѣдателѣ суда, надъ пророчицею и ея учениками, которые, какъ онъ выразился, вѣроятно, тѣмъ только и занимаются, что воруютъ, да подкидываютъ, а пророчица отгадываетъ. А въ концѣ предписанія предписалъ

карандашемъ своею рукою: „стыдно господину приставу рекомендовать за пророковъ — обманщиковъ; кажется, служитъ не первый годъ.“ Стыденько мнѣ стало, дѣйствительно, скажу вамъ, когда я получилъ такую бумажку; но вѣдь, согласитесь, случай такой необыкновенный, трудно было сообразить!

Допросъ мы рѣшились сдѣлать въ квартирѣ священника, потому что это съ одной стороны было приличнѣе для такой особы, какъ пророчица, а съ другой и самъ священникъ просилъ объ этомъ, чтобы доставить случай женѣ своей съ дьяконицею и прочимъ ея синклитомъ послушать показанія пророчицы. Я съ своей стороны не противорѣчилъ этому. Такимъ образомъ 6 іюня 1854-го года назначили мы, получивъ кромѣ того предписаніе и губернатора, которому объ этомъ дѣлѣ донесъ особо исправникъ — снять первый допросъ съ пророчицы. Засѣдатель и депутатъ съ духовной стороны, мѣстный священникъ, были на лицо. Любопытныхъ набралось полное зало священника. Я приказалъ ввести пророчицу къ допросу. Члены комиссіи усѣлись вокругъ стола, на которомъ положили Сводъ Законовъ, и объявили прежде всего пророчицѣ предписаніе земскаго суда и начальника губерніи; потомъ спросили:

— Ты грамотная?

— Хотя грамотная, но наукамъ неученая; когда вернулась съ того свѣта и духъ божій накатилъ на меня, то незримо и чудесно познала всякую премудрость.

— Такъ ты была на томъ свѣтѣ? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Была, говоритъ.

— Давно?

— Прошлаго года.

— Какъ же это случилось?

— Вамъ, говоритъ, этого ненужно знать. Законъ этого не требуетъ.

— Нѣтъ, и законъ требуетъ, сказалъ засѣдатель.

Пророчица окинула взоромъ собраніе и заговорила:

— Сослали меня съ батюшкой и матушкой въ Сибирь восточную за расколъ. Гнали насъ полгода и ноженьки наши всѣ поотбились, а домъ нашъ со всѣмъ имуществомъ разорили въ конецъ.

Батюшка и матушка мои все плакали о такомъ разореніи, и я, наглядѣвшись на эту ихъ жизнь несчастную, сама загрустила, да такъ, что стала собираться идти въ какой нибудь скитъ, или пещеру; Богу начала молиться день и ночь; отъ суеты мірской сторониться. Стали на меня люди дивовать, что я такая молодая еще и къ Богу такъ сильно стремлюся, а на дѣла мірскія незазрюся. И приходили ко мнѣ люди наши съ плачемъ и слезами о гоненіи своемъ отъ начальства и жизнь свою проклинали...Мнѣ стало жалостно на все это глядѣть, и захотѣлось узнать, за что же это насъ раскольниковъ гонятъ, и чья же въ самомъ дѣлѣ вѣра правѣе: наша или православная? Стала я слезно молить тутъ Бога о томъ, нельзя ли рабѣ невинной дѣвицѣ, узнать чья вѣра на землѣ справедливѣе и кому на небѣ лучше бываетъ: раскольникамъ или православнымъ? Молилась я съ годъ объ этомъ, только вдругъ осенью простудилась, когда мыла на рѣкѣ и захворала, да такъ, что и память потеряла совсѣмъ. Слышу, что лежу на кровати, а сама все въ видѣніяхъ какихъ-то пребываю. Читала я передъ этою только болѣзнію житіе преподобной Ѳеодоры мученицы, и думала: вотъ какъ бы молъ Богъ сподобилъ меня также увидѣть, что на небѣ дѣлается, да потомъ и спустилъ опять на землю; хорошо бы было, я всю истину людямъ расказала бы! Такъ я пролежала недѣли три и наконецъ въ одну ночь, какъ разъ подъ Покровъ, вижу, что дверь въ нашу избу отворилась и вошла госпожа въ бѣломъ платьѣ, въ чепчикѣ съ цвѣтами и идетъ-идетъ прямо къ моей кровати. Я испугалась. Не бойся, говоритъ, раба божія, меня, я за тобой пришла! Я мученица божія Ѳеодора, пойдемъ со мною на небо, ты молила Бога объ этомъ! Я совсѣмъ проснулась отъ этого, сдѣлалась точно здоровою и подошла къ ней безбоязненно. Тутъ вдругъ потолокъ нашей избы разверзся и мы полетѣли сквозь него на небо; большія бѣлыя крылья вдругъ замахали у насъ обѣихъ за плечами. Съ день этакъ времени, мы все летѣли; смотрю на землѣ ужъ люди маленькіе такіе стали, точно дѣти. Я спросила мученицу: много ли, верстъ мы пролетѣли. Верстъ, говоритъ, тысячу, раба божія. Чувствую я, однако, что мнѣ все жарче становится и солнышко дѣлается къ намъ все ближе и ближе. Скинь, сказала мнѣ мученица, твою зем-

ную одежду и облекись въ небесную! И снявши съ себя верхнее кисейное платье, она одѣла меня имъ, а сама осталась въ другомъ платьѣ, еще бѣлѣе этого. Брось, говоритъ, земную одежду свою на землю, да посмотри, нѣтъ ли въ карманѣ ключа, или еще чего тяжелаго, чтобы не убить кого. Я осмотрѣла карманы своего сарафана, и когда не нашла въ нихъ ничего, то бросила его на землю. Смотрю—онъ закружился, точно птица вотъ иногда падаетъ, когда обожжетъ крылышки у солнца, залетѣвши высоко... Когда пролетѣли мы другой день, то я опять спросила мученицу: а теперь, молъ, много ли верстъ мы поднялись отъ земли. „Теперь ужъ, говоритъ, двѣ тысячи верстъ.“ Я посмотрѣла опять на землю, а тамъ ужъ однѣ трубы на домахъ виднѣются, а люди стали точно комары, такъ этакъ ползаютъ—ползаютъ по землѣ-то... На третій день мы подлетѣли ужъ совсѣмъ къ солнышку, смотрю я—а оно привѣшано какъ сито къ потолку и не шелохнетъ, такъ это утверждено крѣпко! Палитъ, вижу, это солнышко, какъ пламя въ печи, а мнѣ совсѣмъ не жарко и вѣтерокъ небесный такъ и порхаетъ кругъ меня, да продуваетъ... А много ли теперь верстъ мы отлетѣли отъ земли, спросила я въ третій разъ мученицу. „Теперь ужъ, говоритъ, мы поднялись на три тысячи верстъ и сейчасъ будемъ на небѣ.“ Я взглянула еще разъ на землю, анъ ужъ одинъ только крестикъ отъ колокольни виднѣется и блеститъ на солнышкѣ, а село наше чуть-чуть только чернѣется. „Теперь, сказала мученица конецъ путешествію нашему, вотъ и небо!“ Пролетѣли мы тутъ вдругъ синюю стѣну въ сводѣ небесномъ и земля съ солнцемъ совсѣмъ пропала тогда у насъ изъ глазъ; мы очутились на небѣ. Смотрю я, небо раздѣлено пополамъ на двѣ половины, на правой сторонѣ стоитъ рай, а на лѣвой адъ. Мученица повела меня сначала въ адъ, гдѣ текла огненная большая рѣка, а чрезъ рѣку была перекинута желѣзная цѣпь. «Пойдемъ по этой цѣпи, сказала мнѣ мученица: —я покажу тебѣ всѣ мытарства ада». Да я упаду, отвѣчала я. „Не бойся, говоритъ, раба божія: —дай мнѣ руку и иди за мной!“ Тутъ она меня взяла за руку и повела черезъ цѣпь. Вижу я, адъ раздѣленъ поперегъ на перегородки каменными стѣнами, точно комнаты въ домахъ или вотъ какъ плотинами перепружаютъ рѣчку. Идемъ мы по цѣпи, а она такъ

и жиблется, а у меня-то сердце такъ и замираетъ-замираетъ. Вижу я, грѣшныя души, голыя совсѣмъ, палятся въ огнѣ и карабкаются по стѣнѣ каменной, чтобы подняться изъ огня-то на стѣну. Вылѣзетъ это иная совсѣмъ изъ рѣки-то и сажня два-три пролѣзетъ по стѣнѣ, да потомъ вдругъ такъ и чебурахнется, вотъ точно какъ тараканъ ползетъ, напримѣръ, по стѣнѣ, да потомъ вдругъ его бы столкнуть на полъ".

— И пророчица, подошедши къ стѣнкѣ зала, начала на штукатуркѣ стѣны показывать пальцами, какъ это грѣшныя-то души ползаютъ по стѣнѣ каменной, а потомъ вдругъ и обрываются. Всѣ присутствовавшіе при допросѣ обратили любопытные взоры свои на стѣну.

— А изъ какого камня стѣны-то сдѣланы? спросилъ пророчицу засѣдатель.

— Не знаю я въ камняхъ толку-то, отвѣчала пророчица:—а только видѣла, что онѣ изжелта такъ.

— Изъ гранита, должно быть?

— Можетъ статься.

— А можетъ быть, и изъ мрамора?

— Можетъ быть, и изъ него; доподлинно не могу сказать.

— А отроки тамъ лѣтъ въ пятнадцать, вотъ какъ мой покойный Васенька, мучатся тоже, или нѣтъ? закричала вдругъ попадья изъ передняго угла залы.

— Тс!... При формальномъ допросѣ, матушка, нельзя никому давать вопросовъ подсудимому, кромѣ лицъ начальственныхъ, обратился къ попадьѣ засѣдатель и сказалъ внушительно.

— Та замолчала, а священникъ сконфузился такъ за нее...

— Ну, продолжай, лебедка, продолжай, сказали мы потомъ пророчицѣ.—Мы мѣшать тебѣ не будемъ.

— Вотъ я, продолжала пророчица: — и спросила тутъ мученицу: что значатъ эти перегородки въ рѣкѣ? Это, говоритъ мытарства. А сколько, молъ, этихъ мытарствъ-то? Двадцать, говоритъ, и вотъ это первое мытарство, въ которомъ истязуются грѣхи словъ праздныхъ, буихъ, сквернихъ, безчинныхъ, а наипаче срамословныхъ и смѣхотворныхъ, произносимыхъ въ пѣсняхъ и другихъ кощунствахъ. Потомъ мы перешли ко

второй стѣнѣ и цѣпь желѣзная подъ нами зашаталась шибче... Тутъ, сказала мученица: — второе мытарство, въ которомъ истязуется всякое слово ложное, а особенно клятвопреступленія, призываніе имени Господа всуе, лжесвидѣтельства и исповѣданіе грѣховъ не по истинѣ бывающее. Смотрю я: души грѣшныя плачутъ какъ дитя малое, и руки къ небу простираютъ. Цѣпь желѣзная подъ нами еще шибче зажиблилась и мы стали шататься. Я сказала мученицѣ, что боюсь упасть въ рѣку огненую. Не бойся, говоритъ, раба божія, и держись за меня крѣпче; вотъ, говоритъ, мы приближаемся къ третьему мытарству, гдѣ истязуются тѣ, кои осуждаютъ ближнихъ и смѣются грѣхамъ ихъ клевещутъ, безславятъ и хулятъ. Таковыхъ испытываютъ какъ антихристовъ, санъ Христовъ предвосхитѣвшихъ и сотворившихся судьями и губителями ближнимъ своимъ. Тутъ, говоритъ, огонь горитъ жарче, чѣмъ въ первыхъ мытарствахъ. Прошли мы и это мытарство и приблизились къ четвертому. „Смотри, сказала мнѣ мученица: — какъ тутъ черные духи встрѣчаютъ съ веселемъ пьяницъ и износятъ на встрѣчу чашки, блюда съ пищею и посуду съ напитками и обличаютъ въ тайномъ, раннемъ, безъ крестнаго знаменія, прежде церковнаго правила, яденіи, также въ пресыщеніи за обѣдомъ и ужиномъ пищею и питіемъ, а особено виномъ“. Вижу я, что тутъ духи черные кишатъ кишма среди грѣшныхъ осужденныхъ душъ и подчуютъ чѣмъ-то, что издали представляется, какъ гной смердящій... А цѣпь подъ нами, слышу, стала шибче и шибче жиблиться. Огонь былъ жарче и все сильнѣе-сильнѣе... „А вотъ смотри, сказала мученица: — какъ въ пятомъ мытарствѣ истязаются люди, дни и часы въ праздности проведшіе, и наказываются тунеядцы, чужіе труды снѣдающіе, сами же дѣлать нехотящіе и работники берущіе плату, но какъ должно неработающіе, также нерадящіе о хвалѣ божіей, лѣнящіеся въ праздничные и воскресные дни идти на утреню и божественную литургію и иныя славословія божія и нерадящіе о душѣ своей“. Вижу я, что тутъ чаще души грѣшные взлѣзаютъ по стѣнѣ и остаюся въ ней подолгу. Я спросила мученицу: почему это тутъ больше на стѣнѣ укрываются отъ огня, чѣмъ въ другихъ мытарствахъ? „Это, говоритъ, значитъ, что когда осужденные-то въ церкви на землѣ бы-

ли и молились, то на это время и имъ тутъ дается отдохновеніе отъ мученій, а какъ они выходили изъ церкви и опять принимались за свои грѣшныя дѣла, такъ они тутъ вотъ падаютъ опять въ огонь". Однако мы прошли далѣе шестое мытарство, гдѣ мучаются воры; потомъ седьмое, гдѣ мучаются сребролюбцы и скупые; потомъ осьмое, гдѣ истязуются отдающіе серебро свое въ лихву, и подошли къ девятому. „Здѣсь, сказала мнѣ мученица: —истязуются всѣ судіи неправедные, на мздѣ судящіе и оправдывающіе виновныхъ, невинныхъ же осуждающіе, также всѣ за удержаніе мзды наемникамъ и неправедную мѣру и вѣсъ". Смотрю я, а въ этомъ мытарствѣ все-то"...

— И пророчица замялась...

— Говори, говори! сказали мы.—Что все-то?

— Да вамъ, говоритъ, не понравится можетъ быть?

— Ты не предъ нами вѣдь говоришь, а предъ закономъ, сказалъ засѣдатель:—потому намъ за что же сердиться на показанія подсудимыхъ?

— Да все-таки.

— Ну, ну?

— Все-то губернаторы, исправники, засѣдатели, да становые мучаются, отвѣчала пророчица...

— Ну, и пусть ихъ мучаются; вѣдь насъ ты тамъ не видала? сказали мы смѣшкомъ знаете. А самимъ дѣйствительно было немного неловко...

— Нѣтъ, говоритъ, не видѣла еще...

— Ну, а до другихъ, говоримъ, дѣла нѣтъ.

— Да все-то въ мундирахъ всѣ, въ звѣздахъ и крестахъ, сказала боязливо пророчица...

— Какъ же, молъ, мундиры-то на нихъ не сгораютъ развѣ?

— Не сгораютъ вишь; стало-быть для того, чтобы видѣли другія грѣшныя души, за что они мучаются...

— Ну дальше, дальше, что видѣла ты въ слѣдующемъ мытарствѣ? сказалъ засѣдатель, желая прекратить дальнѣйшее разъясненіе пророчицы по этому предмету.

— Вотъ, заговорила она:—прошли мы дальше десятое мытарство, гдѣ мучаются за зависть, нелюбовь, братоненавидѣніе, недру-

голюбіе и ненависть, и подошли къ одиннадцатому. Слышу, подо мною цѣпь такъ ужъ раскачалась, точно качели, такъ вотъ того и гляди, что упадешь въ геенну. Я сказала опять мученицѣ, что больно боюсь, какъ бы не упасть туда. "Держись за меня крѣпче отвѣчала она мнѣ:—не упадешь!" Вижу я, что огонь тутъ пылалъ еще шибче всѣхъ прежнихъ. „Тутъ, сказала мнѣ мученица:—гордостно надмѣнніи души истязаются за тщеславіе, самомнѣніе, презорство, величаніе, взыскуются, если кто невоздавалъ должныя чести отцу и матери и прочія гордостныя дѣла и слова тщеславныя". Въ двѣнадцатомъ мытарствѣ я видѣла, какъ мучаются за гнѣвъ; въ тринадцатомъ истязуются держащіе въ сердцахъ своихъ злобу на ближняго и воздающіе зломъ за зло; въ четырнадцатомъ мучаются за разбойничество, за всякую рану и всякое удареніе чѣмъ либо и гдѣ либо по какой нибудь части тѣла; въ пятнадцатомъ нечистые духи, подобно скорпіонамъ и зміямъ, истязуютъ осужденныхъ за отравленіе и призываніе бѣсовъ. Тутъ я спросила мученицу: ужели всѣ души проходятъ чрезъ эти мытарства и нельзя человѣку пройти безъ истязаній и мученій? „Нельзя, отвѣчала она: — другого пути нѣтъ, но не всѣ такъ истязаются, ибо если кто покается, тотъ проходитъ безбѣдно"... Прошли мы и это мытарство и подошли къ шестнадцатому. Мученица сказала мнѣ, „что въ немъ истязуется всякое любодѣяніе и грѣхи блуднаго мечтанія, скверныя осязанія и страстныя прикосновенія". Вижу я, что князь этого мытарства сидитъ на престолѣ своемъ, облеченный въ одежду скверную, смрадную и окропленный пѣною кровавою. Бѣсы держа въ рукахъ написанныя блудныя дѣла, обличаютъ осужденныхъ, показываютъ лицъ, съ коими они грѣшили, дни, часы и мѣста, гдѣ это происходило... Пламя въ этомъ мытарствѣ было такъ сильно, что захватывало меня за ноги, однако я не чувствовала, чтобы оно меня жгло... Прошли мы потомъ семнадцатое мытарство, гдѣ мучаются за прелюбодѣяніе въ супружествѣ жившіе и нарушившіе супружескую вѣрность, а также чистоту свою обѣщавшіе соблюсти Христу, но обѣта несоблюдшіе; чрезъ восьмнадцатое—гдѣ истязуются за содомскій грѣхъ; чрезъ девятнадцатое — гдѣ наказуются за ересь и наконецъ двадцатое, гдѣ князь тьмы и духи яры истязуютъ души немилосердыхъ, и если кто со-

вершилъ и многіе подвиги, посты и молитвы и чистоту соблюлъ нескверну и тѣло свое очистилъ воздержаніемъ, но былъ жестокосердъ и немилостивъ, то низвергается въ рѣку... „Теперь, сказала мнѣ мученица:—ты видѣла мытарства въ аду, пойдемъ же въ рай, и я покажу тебѣ блаженство праведныхъ“. Смотрю я: вдругъ предъ нами стоитъ стѣна изъ чернаго облака и ничего въ ней не видно Мы прошли чрезъ эту стѣну и глазамъ моимъ открылся рай. Луга такіе зеленые вездѣ, рѣки молочныя и медовыя текутъ, а на бережку ихъ сидятъ праведныя, да черпаютъ рукою сыту медовую и кушаютъ кашку молочную... Ангелы небесные и херувимы летаютъ надъ ними по воздуху взадъ и впередъ, точно вотъ надъ землею голуби, и крыльями своими вѣтерокъ производятъ. На деревахъ растутъ яблоки золотыя, а души праведныя гуляютъ по садикамъ да срываютъ яблочки и въ карманъ кладутъ, а другіе кушаютъ. Я спросила мученицу: а кто больше населяетъ рай сей? „Раскольники, отвѣчала она: — потому что они лучшую вѣру и жизнь содержатъ и гоненію безвинно подвергаются на землѣ, за что и милуются Богомъ, хоть иногда и грѣхи имѣютъ“. Я возрадовалась, услыша такія рѣчи, такъ что у меня на сердцѣ точно что отлегло. Прошли мы тутъ всѣ блаженства праведныхъ и подошли, наконецъ, къ престолу божьему, на которомъ сидѣлъ Христосъ и Божія Матерь. Я поклонилась до земли и Христосъ сказалъ мнѣ: иди, душа, на землю, и повѣдай людямъ все видѣнное, дабы шли они по правому пути! Тутъ я вдругъ испугалась такъ, что вся задрожала, и когда пришла въ память, то очутилась ужъ на своей кровати и не видала и не помнила, какъ и кто меня съ неба спустилъ на землю, только почувствовала, что я будто все стала знать и яснѣе все стало у меня въ головѣ... Вотъ и все судьи мои! Теперь судите меня какъ знаете!“

— И ты съ того времени стала пророчествовать? спросили мы пророчицу.

— Съ того самого...

Письмоводитель прочиталъ вслухъ, по нашему приказанію, записанное имъ показаніе пророчицы, мы всѣ подписались къ этому протоколу и попросили пророчицу руку приложить. Та подписалась. Ее повели обратно въ кутузку. Только видимъ мы, что народъ

встрѣтилъ ее на дорогѣ съ почестями такими, что бросалъ ей одежду подъ ноги, деньги сыпалъ на блюдо для ея выручения... и набравъ камни началъ швырять ими въ домъ священника, гдѣ мы допросъ чинили. Видимъ мы, что народъ, изъ окрестныхъ селъ раскольничьихъ, все прибавляется. „Слуги антихриста!“ кричатъ: „мало того что насъ мучатъ, и святыхъ то божіихъ по тюрьмамъ таскаютъ!“ Сообразилъ я, что дѣло можетъ, пожалуй, плохо кончиться, и послалъ сейчасъ же съ донесеніемъ объ этомъ исправнику, прося у него и команды мало-толику прислать въ село, а то, пишу, какъ бы чего дурного не случилось съ нами?!...

VII.

съ худой головой не суйся въ чадъ.

Исправникъ на другой же день пріѣхалъ лично на слѣдствіе съ ротою солдатъ и началъ съ того, что пересѣкъ публично 40 человѣкъ коноводовъ, которые брались за каменья и ругались предъ окнами дома, гдѣ производилось, какъ они выражались, надруганіе надъ ихъ вѣрою... Мы, видя его такую крутость, осмѣлились-было замѣтить, что раскольники народъ съ го́номъ, капризные не то что простой мужикъ православный, и крутыхъ съ ними обхожденій не любятъ, но онъ отвѣтилъ намъ, что еслибы управляли ими одни военныя лица—онъ былъ, видите ли, армейскій маіоръ,— а не рябчики штатскіе, то этотъ расколъ давнымъ давно былъ бы согнутъ въ бараній рогъ и не было бы его духу...

Началъ онъ допросъ съ перваго изъ учениковъ пророчицы, приказавъ прочихъ всѣхъ вывести на время. Тѣхъ вывели.

— Что ты за человѣкъ и откуда родомъ? спросилъ исправникъ, крутя свои большіе усы.

Тотъ молчитъ.

— Что у тебя языкъ-то отсохъ, что ли?

Молчитъ.

— Не хочешь говорить?

Опять молчаніе...

—. Не хочешь говорить, такъ скажи, мы такъ и запишемъ?

Опять молчаніе...

— Тьфу! плюнулъ исправникъ прямо въ лице допрашиваемому. Это чертъ знаетъ что такое, хоть кого изъ терпѣнія выведетъ!... Уведите, говоритъ, его и давайте слѣдующаго.

Перваго ученика, такимъ образомъ, увели и привели другаго. Только бывшіе въ сѣняхъ прочіе-то ученики вѣроятно слышали чрезъ дверь допросъ своего собрата, потому что не замедлили послѣдовать той же самой системѣ на допросѣ...

— Ты кто? спросилъ исправникъ новоприведеннаго.

Молчаніе... Исправникъ окончательно былъ, что называется, зарѣзанъ и взбѣсился такъ, что вскочилъ со стула, однако скоро переломилъ себя и притворно ласково заговорилъ со вторымъ ученикомъ пророчицы.

— Ты, другъ любезный, скажи намъ: кто ты и откуда?

— Оттуда!.. отвѣчалъ второй ученикъ и, въ упоръ отвернувшись къ стѣнѣ, направился къ двери. Физіономія этого ученика была сонная такая, немудрящая, а злости, видимъ, было много.

Исправникъ сжалъ кулаки, затрясся отъ злости и сквозь зубы, переломивъ себя, выговорилъ:

— Слѣдующаго давайте!

Ввели третьяго ученика пророчицы. Смотримъ, мужикъ здоровый такой, лице необыкновенно глупое, голова нечесаная, волосы рыжіе и глаза на выкатѣ.

— Ты кто, любезнѣйшій? спросилъ исправникъ.

Молчаніе.

— Отчего же ты не хочешь сказать намъ?

Опять молчаніе.

— Желаешь отвѣчать что нибудь намъ на вопросы? спросилъ исправникъ.

Молчаніе.

— Если нѣтъ, то такъ и скажи?

Молчаніе...

— Слѣдующаго! сказалъ исправникъ, засучивая рукава...

Ввели на мѣсто третьяго, четвертаго ученика. Смотримъ—лице широкое такое, какъ лопата, борода помеломъ, глаза мутные такіе...

— Ну-съ, любезнѣйшій, кто ты, заговорилъ исправникъ, приступивъ къ ученику подъ носъ.

Тотъ молчитъ.

— Тоже не хочешь отвѣчать?

Молчаніе.

— И этотъ тоже! вскрикнулъ исправникъ, дѣйствительно потерявшій всякое терпѣніе. — Такъ вы дурачить, что ли, вздумали насъ?

А самъ, знаете, бацъ ученика-то прямо въ физіономію кулакомъ да и началъ тузить.

— Да я тебѣ всѣ челюсти раздроблю, раскаленнымъ желѣзомъ пытать буду, за суставы къ перекладу привѣшу и добьюсь того, что развяжу твой дурацкій языкъ, кричалъ исправникъ. Я васъ всѣхъ въ бараній рогъ согну... Теперь слѣдующаго давайте!

Привели пятаго ученика пророчицы. Бородка у приведеннаго была клиномъ, волосъ на головѣ мало, на лбу плѣшь. Этотъ тоже не отвѣтилъ ни слова.

— Шестаго ученика сюда введите!

— Пропалъ, ваше высокородіе! отвѣтилъ посланный.

— Какъ пропалъ?

— Не могимъ знать...

Исправникъ такъ и запылалъ, какъ зарево, отъ конфуза и тотчасъ же исчезъ изъ зала. Мы встали изъ-за стола и покончили засѣданіе. Исчезъ, думаемъ, подсудимый, кого же тутъ допрашивать? Седьмой, безпалый ученикъ у насъ уже былъ допрошенъ прежде. Значитъ и засѣдать не для чего! Видимъ, исправникъ горячится на чемъ свѣтъ стоитъ, точно на полѣ бородинскомъ, а раскольники эти стоятъ какъ статуи, да головами поматываютъ... Онъ, знаете, то къ тому, то къ другому изъ раскольниковъ обратится съ вопросомъ: куда, дескать, дѣлся шестой ученикъ пророчицы? Не наше, говорятъ, дѣло!

— Не вверхъ же улетѣлъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! отозвался одинъ изъ

солдатъ.—Я видѣлъ самъ, какъ что-то поднялось черное кверху, да и полетѣло таково высоко.

— Да это, скотъ, можетъ быть ворона?

— А можетъ и ворона, спорить не могу! Только что-то больно великое....

Мы всѣ захохотали, а исправника-то это бѣситъ пуще. Что же вы думаете батенька! Такъ вѣдь мы на томъ съѣхали. Шестой-то ученикъ какъ въ воду канулъ!

— Я, говорилъ исправникъ, завтра же обо всемъ этомъ донесу губернатору и напишу свое мнѣніе объ искорененіи... этого раскола съ лица земли. Будетъ дурачиться-то имъ, надобно обратить на нихъ серьезное вниманіе, иначе это чортъ знаетъ къ чему поведетъ! Заканчивайте, говоритъ, здѣсь слѣдствіе своимъ порядкомъ.

И такъ, знаете, встревоженно онъ распрощался съ нами.

— А съ вами я найду средства справиться! сказалъ онъ раскольникамъ, садясь въ экипажъ.

А тѣ стоятъ себѣ, да поматываютъ головами.

VIII.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЪ.

У насъ слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Пишемъ это мы, однако, пишемъ, а толку никакого... Кто такая пророчица, что за люди ея ученики, гдѣ они прежде были и что дѣлали?—ничего этого мы узнать не могли. Жили, такимъ образомъ, жили члены нашей комиссіи въ селѣ попусту, изводили-изводили казенныя суточныя деньги, инда одурь взяла. Ни позади, ни впереди никакихъ слѣдовъ! Только въ это время безпалый ученикъ пророчицы, видимъ мы, съ каждой недѣлей страдаетъ все болѣе и болѣе. Сначала безпалую руку его разнесло какъ гору отъ извести и всякихъ скверностей, которыми лечила его знахарка, потомъ въ другую руку его ударило, затѣмъ въ ноги вступило, и все хуже, да хуже.

Наконецъ болѣзнь перешла въ антоновъ огонь. Встревожился, видимъ, больной не на шутку, легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу и глаза невольно обратились къ небу. Какъ смерть-то, подумаешь, батенька, страшна человѣку? Ночью, часу въ десятомъ, слышу: больной потребовалъ меня къ себѣ въ комнату. Я пришелъ и вижу, что онъ сидитъ на кровати, облокотившись руками на столъ.

— На что, говорю, любезный, я спонадобился тебѣ?

— Мнѣ, говоритъ, сказали, что я умру черезъ день или два.

— Да, молъ, и намъ это сказано.

— Страшно умирать, ваше благородіе. Грѣхи мучатъ, тяжело на душѣ.

А самъ, вижу, сдавилъ въ груди тяжелый духъ, какъ будто боченокъ пороху тамъ у него взрывало.

— Я радъ, говорю, любезный, что въ тебѣ пробудился голосъ совѣсти хоть при концѣ твоей жизни. Время еще есть: облегчи твою душу, какъ съумѣешь.

— Этого-то облегченія я и хочу! Выслушайте же, говоритъ, меня и не позорьте безъ числа мою душу, а взгляните безпристрастно, кто тутъ былъ больше виноватъ: я или еще кто?

И ученикъ пророчицы началъ свой разсказъ.

IX.

ИСПОВѢДЬ.

— Былъ я, ваше благородіе, московскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ Родіоновъ Б...овъ, и жилъ при своемъ отцѣ до смерти его благополучно; грамотѣ былъ обученъ въ училищѣ купеческомъ, къ торговлѣ приноровленъ какъ слѣдуетъ, ѣздилъ съ отцомъ по дѣламъ въ Одессу, Петербургъ, Таганрогъ и Нижній-Новгородъ, людей много видалъ и смыслъ къ торговлѣ возымѣлъ хорошій. Старшій братъ мой, Титъ Радіоновъ, завѣдывалъ дѣлами

батюшки въ Москвѣ, а мы съ отцомъ ѣздили по другимъ городамъ. Такъ это все шло у насъ хорошо, только вдругъ батюшка нашъ померъ черезъ три года послѣ матушки нашей, и я остался семьнадцатилѣтнимъ сиротою. Братъ мой въ то время былъ женатъ и имѣлъ троихъ дѣтей, потому батюшка, видя мою малолѣтность, поручилъ меня ему до совершеннолѣтняго возраста. „Слушайся, говоритъ, Ванюшка, старшаго брата своего во всемъ какъ отца, пока самъ не придешь въ полный разумъ; веди жизнь приличную купеческому званію, не поселяй раздора въ семьѣ нашей, дойдешь до совершеннолѣтняго возраста, тогда получишь свою часть отъ брата въ пятьдесять тысячъ рублей; не соблюдешь этихъ моихъ приказовъ—не получишь, я такъ и сыну Титу записалъ, и знай, что мои деньги трудовыя не должны попасть сыну, который будетъ безпутный и поведетъ жизнь, неприличную купеческому званію.“ Вижу я, братъ мой пригласилъ изъ гражданской палаты рябого приказнаго, подчивалъ его долго разными винами, и тотъ написалъ духовное завѣщаніе, которое съ братомъ они и подали батюшкѣ подписать за нѣсколько часовъ предъ смертію. Послѣ ужъ это завѣщаніе подписали священникъ и знакомые брата. Стали мы, схоронивши батюшку, жить да поживать; только замѣтилъ я, что этотъ рябой приказный безъ просыпу почти сталъ у насъ находиться, о какихъ-то дѣлахъ все по секрету говорить съ братомъ, а на меня такъ косо все посматривать. Вижу я, и братъ мой постоянно сталъ унижать меня къ случаю и безъ случая предъ посторонними, и смѣялся, когда я у прилавка, въ свободное время, сталъ читать книжки. „Уменъ, говоритъ, скоро хочетъ быть, умнѣе брата, знать, захотѣлъ сдѣлаться!“ Скоро я потомъ пристрастился къ театру и сталъ ходить туда съ такою охотою, что и сказать не могу, особливо когда игралось про несчастную эту жизнь купеческую. Какъ, бывало, соберутся къ брату гости пьянствовать, такъ я сейчасъ же и убѣгу въ театръ. Братъ, узнавъ объ этомъ, запретилъ мнѣ такія хожденія наотрѣзъ. Я сталъ съ нимъ спорить, онъ раскричался, я не послушался и сказалъ, что, кажется, молъ, братецъ, я воленъ хорошее дѣлать самъ по себѣ, не ребенокъ уже? „Это, говоритъ, не прилично купеческому званію.“ И пошло у насъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже да хуже, а приказный

рябой, замѣчаю я, все строчитъ что-то и въ полицію таскаетъ свидѣтельствовать. Какъ у насъ съ братомъ выйдетъ исторія какая, онъ уже, смотрю, тутъ какъ тутъ, и все съ гербовой бумагой. Я ничего, знаете, въ этомъ не понималъ и соображалъ, что видно, молъ, что нибудь онъ по дѣламъ брата маракетъ. На двадцать-первомъ году я собрался жениться на красавицѣ Олюшкѣ, бѣдной сиротѣ. Братъ запретилъ мнѣ жениться на этой дѣвушкѣ: разъ потому, что она казалась ему образованнѣе его жены, чистой дуры, а другое, что радъ былъ придраться къ обстоятельству, чтобы идти мнѣ наперекоръ и подставить мнѣ случай оказать ему непослушаніе. Такъ оно и вышло! Полгода послѣ этой свадьбы прожилъ я въ домѣ своего брата съ грѣхомъ пополамъ и наконецъ, когда минулъ мнѣ двадцать-первый годъ, попросилъ его выдѣлить мнѣ мою половину по духовному завѣщанію.

— Поживи-ка съ красавицей да умницей женой своей на иголочкѣ, отвѣтилъ мнѣ вдругъ братъ на эту просьбу: — а я такъ-какъ неограниченно воленъ выдать и невыдать тебѣ твоей половины, то разсужденіемъ положилъ за лучшее: не дать тебѣ ничего и тѣмъ всѣ счеты съ тобой покончить!...

Началось у насъ бумажное дѣло! Изъ дома отцовскаго я долженъ былъ перебраться ужъ на квартиру. Братъ мой, вижу, приказнаго рябого залучилъ къ себѣ на безвыходное пребываніе и начали они отписываться и доказывать, что я велъ жизнь, по смерти отца своего, неприличную купеческому званію: выходилъ изъ послушанія старшаго брата своего; пропадалъ по театрамъ, за что-де по смыслу духовнаго завѣщанія, онъ, какъ полноправный душеприкащикъ и распорядитель, и лишаетъ меня назначенной мнѣ по завѣщанію половины. Что тутъ дѣлать; куда безденежному человѣку кинуться и въ комъ искать помощи? Прошло съ полгода мучительной моей жизни, какъ вдругъ однажды на улицѣ, противъ самыхъ присутственныхъ мѣстъ, взялъ меня за руку старинный пріятель моего отца изъ раскольниковъ Анфиногенъ Назаровъ Г...нъ, и стиснувъ мою руку сказалъ:

— Здравствуй, несчастный человѣкъ! Аль любуешься на зданія-то, что по міру тебя пустили?

— Любоваться-то, молъ, не любуюсь, а частенько взглядываю.

— Зайдемъ-ко, говоритъ, лучше ко мнѣ, да потолкуемъ кое о чемъ, мнѣ давно хотѣлось съ тобой видѣться. Я вѣдь съ батюшкой-то твоимъ покойнымъ хлѣбъ-соль съ одной ложки ѣлъ, торговать съ одного рубля начали. Помнишь, чай, меня?

— Какъ, говорю, не помнить? Хоть я маленькій тогда былъ, а помню.

Пришелъ я въ домъ Анфиногена Назарова; вижу, живетъ справно, свой каменный домъ имѣетъ, образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ полны кіоты, семейные въ полномъ довольствѣ живутъ. Сѣли мы съ нимъ въ особой комнатѣ и онъ заговорилъ со мною:

— Вотъ, говоритъ, хорошій человѣкъ, давно мы слѣдимъ за тобою и видимъ, что ты погибъ совсѣмъ. И я также погибъ-было назадъ тому тринадцать лѣтъ, но вотъ справился, не хочешь ли и ты справиться? Ты вотъ теперь ограбленъ и братомъ и приказными, и никому нѣтъ дѣла до тебя, плюнуть на тебя всякому лѣнь, а у насъ этого сдѣлать-то не позволили бы ни брату, никому. Такого брата у насъ съ лица земли бы стерли, и дѣло-то ваше рѣшили бы съобща, міромъ, по всей справедливости божіей и совѣсти человѣческой. У насъ обѣднѣетъ ли какъ человѣкъ, ему всякую помощь сейчасъ окажутъ: въ солдаты ли отца семейства возьмутъ — у насъ его жену и дѣтей возьмутъ на всякое попеченіе; убьется ли какъ человѣкъ, рану ли получитъ, такъ что работы лишится — у насъ всякую христіанскую помощь сейчасъ окажутъ и ему и всему его семейству, такъ что онъ Бога только восхваляетъ за милости людскія. Вотъ и ты сдѣлался несчастнымъ человѣкомъ, и тебѣ мы дадимъ сейчасъ же безвозмездно двѣ тысячи рублей.

И разсказалъ онъ мнѣ тутъ всю подноготную раскольничьей вѣры и раскольничьяго житья и понялъ я, что дѣйствительно у нихъ жизнь-то какъ будто лучше нашей мірской.

— Ну, что же рѣшайся, что ли? спросилъ меня потомъ Анфиногенъ Назаровъ. Будь нашимъ.

— Да вотъ, молъ, мимо Кремля-то какъ придется идти, такъ сердце-то какъ бы не перевернулось отъ стыда за измѣну вѣры?

— Да Кремль-то, говоритъ, какъ вашъ, такъ и нашъ! Придетъ время, когда на Руси всякія гоненія на вѣры прекратятся.

Такъ-то вотъ я и сдѣлался раскольникомъ! Они увидѣли, что я человѣкъ-то грамотный, смышленный, наторѣлый на всякія руки, и стали посылать меня по дѣламъ раскольничьимъ, вмѣстѣ съ „ходаками“ ихъ, по разнымъ городамъ, чтобы пріучить меня на этой дорогѣ для ихней пользы... Такимъ образомъ мнѣ довелось побывать и въ Крыму, въ Тулѣ, въ Яссахъ, въ Саратовѣ, въ Черновицахъ, въ Черниговѣ и даже въ Ирбить разъ прокатиться. Такъ прошло года три. Я въ это время ко всему присматривался, все изучалъ, перечиталъ множество всякихъ книгъ раскольничьихъ, узналъ весь бытъ поповщинской и безпоповщинской сектъ, вѣру молоканъ, бѣгуновъ, скопцовъ, хлыстовъ и всякія прочія смѣшныя ужъ до-нельзя секты. Только, скажу, увидѣлъ я однако, что всѣ-то онѣ имѣютъ основаніе свое въ недовольствѣ жизнію и всѣ-то явились законно, только смотря по разуму людей, то-есть чѣмъ глупѣе люди, темнѣе и непросвѣщеннѣе, тѣмъ смѣшнѣе явилась у нихъ и вѣра! На третій годъ я попался въ острогъ въ Н... губерніи и просидѣлъ съ полгода, но во время пересылки для допросовъ бѣжалъ со всѣми прочими раскольниками. Послѣ этого я увидѣлъ, какъ этими раскольниками запружены всѣ остроги и Сибирь. Цѣлыми тысячами сидятъ они въ казаматахъ, и сами не знаютъ за что, а въ Сибири всякихъ это сектъ накопилось наконецъ столько, что и сказать не можно, особливо на работахъ. Себя я не защищаю и сотоварищей моихъ тоже, но подумайте и о томъ, что же дѣлать когда лучше жить на землѣ неприходится? А то казнятъ русскаго человѣка за то, что онъ пишетъ стихи цѣлыми возами, потому что потерялъ всякую надежду получить хоть откуда нибудь помощь. Теперь, говоритъ, я все сказалъ вамъ, чѣмъ хотѣлъ предъ смертію облегчить мою душу. Судите же меня какъ знаете!

Къ утру больной этотъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ антонова огня, разлившагося чрезъ ночь по всему его тѣлу.

X.

ЗЕРКАЛО НЕВИНОВАТО, КОГДА ЛИЦО КРИВО.

О похоронахъ умершаго, безпалаго ученика пророчицы, родился у насъ споръ, какъ его хоронить: начальству ли слѣдуетъ предать его землѣ, какъ подсудимаго арестанта, и при томъ православнаго, или отдать тѣло его въ распоряженіе раскольниковъ, которые бы похоронили его, какъ знаютъ. Собрались мы всѣ въ засѣданіе и стали разсуждать объ этомъ. Я держалъ на умѣ, что надобно непремѣнно отдать тѣло ученика этимъ раскольникамъ; пусть что хотятъ то и дѣлаютъ съ нимъ, меньше будетъ волненія и ропота, иначе вѣдь они выроютъ же его тайно, и похоронятъ по своему съ честію и благоговѣніемъ; но вижу священникъ съ засѣдателемъ горячатся и возстаютъ противъ этого, потому и не подавалъ своего голоса. Еще заподозрятъ, думаю, въ потворствѣ раскольникамъ, ну ихъ! Такимъ образомъ, и рѣшено было, похоронить тѣло умершаго, какъ арестанта. Раскольники тотчасъ же провѣдали объ этомъ и депутацію ко мнѣ съ деньгами отправили. Явилось человѣкъ 30, отряженныхъ ходатайствовать о выдачѣ имъ тѣла ученика пророчицы.

— Зачѣмъ, молъ, любезные, пожаловали?

— Да вотъ, говорятъ, пришли просить нетлѣнное тѣло ученика пророчицы. Наши прислали вотъ вамъ пятьсотъ рубликовъ...

А сами и деньги кладутъ на столъ.

Мнѣ хотѣлось взять больше и я имъ отказалъ въ похоронахъ по раскольничьему обряду.

Дня черезъ три, послѣ похоронъ безпалаго ученика пророчицы, вдругъ въ полночь прибѣгаетъ въ мой домъ десятскій, и проситъ разбудить меня, сказывая, что самое экстренное дѣло случилось.

— Что такое, пожаръ, что-ли?

— Нѣтъ, говоритъ, не пожаръ, а вотъ раскольники-то вы-

рыли тѣло умершаго арестанта, и хоронятъ его на своемъ кладбищѣ съ фонарями и пѣснями духовными.

Я одѣваюсь сейчасъ же и, впопыхахъ, бѣгу съ десятскими и сотскимъ на кладбище раскольничье, отстоявшее отъ села версты на двѣ. Вижу: велій плачъ творится на этомъ кладбищѣ! Что за зрѣлище, думаю? Инда дрожь меня прохватила!.. Вбѣгаю въ середину толпы и вижу, что они ужъ и могилку засыпаютъ землицею, и все горстками, знаете ли, кидаютъ на нее землю изъ благоговѣнія, значитъ; лопатками-то, видите-ли, они сочли, значитъ,, за неприличное зарывать святыя кости...

— Какъ спрашиваю осмѣлились вы это сдѣлать? Да знаете-ли, что васъ за это всѣхъ въ Сибирь упекутъ?

— Имѣемъ-съ, отвѣчаютъ, соизволеніе свыше...

— Отъ кого?

— Отъ самаго исправника...

— Вотъ и засѣдатель и другіе изъявили согласіе на это...

Я отвелъ ихъ поскорѣе въ сторону немного, чтобы не слышали ничего десятскіе, и говорю:

— Правда ли это? не вздоръ ли?

— Ужели же, говорятъ, мы такъ съ дуру будемъ дѣлать такія дѣла?

И стали они разсказывать тутъ мнѣ по порядку, что за тысячу рубл., сер. исправникъ сказалъ имъ, что хотя не даетъ формальнаго позволенія на ихъ просьбу, но будетъ молчать объ этомъ, что засѣдатель взялъ съ нихъ четыре сотни руб., и обѣщалъ не тревожиться по этому дѣлу.

Вотъ какъ дѣло-то сдѣлалось, сообразилъ я! Значитъ, всѣ довольны только я въ дуракахъ...

Сталъ соображать тотчасъ же, какъ тутъ выдти изъ воды сухимъ?..

— И я, молъ, потомъ, повидѣвшись съ исправникомъ и другими, изъявилъ свое согласіе на это дѣло, только вотъ вы ко мнѣ то не пожаловали.

— А когда, говорятъ, изъявилъ согласіе, такъ мы въ обидѣ тебя противъ другихъ не оставимъ...

И вынувши пятьсотъ руб., завязанныхъ въ бумажкѣ, подали ихъ мнѣ.

XI.

ученики пророчицы.

Недѣль черезъ десять послѣ этого, осенью уже, когда мы и утокъ всѣхъ перестрѣляли, и бекасовъ перемолотили, и озера всѣ перетоптали отъ нечего дѣлать, пришелъ отвѣтъ изъ сибирскихъ губерній съ описаніемъ лицъ нами пойманныхъ. Читаемъ мы эти бумаги и находимъ слѣдующее:

Объ убѣжавшемъ Иванѣ Тимофеевѣ извѣщали, что онъ перебывалъ во всякихъ сектахъ, сидѣлъ въ 6-ти острогахъ, но что его не держали ни кандалы, ни запоры острожные. Происходитъ изъ кантонистовъ, куда отданъ былъ за вѣру отцовъ своихъ... Климъ Лукьяновъ, происходилъ изъ православныхъ мужиковъ Тамбовской губерніи, гдѣ убѣжалъ отъ рекрутчины, въ которую считалъ себя почему-то неправильно отданнымъ за другое семейство по подкупу міроѣдовъ, о чемъ и подавалъ жалобу по начальству; сосланъ въ Сибирь на поселеніе, съ употребленіемъ на временныя работы, при статейномъ спискѣ за № 8369, бродяга Сидоръ Кононовъ, проклинающій все русское начальство за то, что въ 1851 году становой высѣкъ его не на шутку за неплатежъ податей, отъ которыхъ онъ отговаривался голоднымъ годомъ, и продалъ съ торга его скотъ... Бросивъ семейство свое, онъ, ожесточившись, убѣжалъ въ лѣсъ, но былъ пойманъ и наказанъ за бродяжество 40 ударами розогъ. Трифонъ Манухинъ, по донесенію мѣстнаго священника былъ взятъ подъ караулъ за расколъ, и препровожденъ въ губернскій городъ на увѣщаніе консисторіи, гдѣ проживши у протопопа на работахъ дворника и дровосѣка впродолженіе года, убѣжалъ, наконецъ, совсѣмъ изъ губерніи, покинувъ жену и семь человѣкъ дѣтей... Присланъ въ Сибирь при статейномъ спискѣ за № 4248 Иванъ Голупузовъ, урожденецъ С...ской губерніи, села

Тенькова, присланъ въ Сибирь за расколъ при статейномъ спискѣ за № 5846. Былъ неграмотный, но въ острогахъ обучился чтенію и письму. Ѳома Родіоновъ, убѣжалъ изъ-подъ плети барской конюшни и скитавшійся въ лѣсахъ дотолѣ, пока не попалъ въ раскольничью секту. Что же касается до пророчицы, то о ней извѣщалось, что это казенная крестьянка Костромской губерніи, села Б...кого, Устинья Никифорова — женщина бойкая, грамотная и смышленая, убѣжавшая отъ кнута пьянаго свекра своего, Лупа Сидорова Тычина въ п...кій раскольничій скитъ, бросивъ мужа своего и четырехъ малыхъ дѣтей... При разореніи сего скита начальствомъ, какъ начотчица, упорная и опасная сектантка, она и выслана была въ Сибирь на поселеніе, вмѣстѣ съ другими 60 сектантами Костромской губерніи.

XII.

УМИРАЕТЪ ЩУКА ЗУБЫ ОСТАЮТСЯ.

Открывши, такимъ образомъ, всю сущность дѣла о пророчицѣ, продолжалъ Лупояровъ: — мы, батенька мой, покончили уже скоро съ нею и ея учениками. Судъ приговорилъ ихъ всѣхъ къ наказанію тѣлесному и ссылкѣ въ самыя отдаленныя губерніи Восточной Сибири съ заключеніемъ тамъ впродолженіе восьми лѣтъ. Мѣсяца чрезъ два послѣ этого когда мнѣ довелось быть по дѣламъ въ домѣ исправника, гдѣ случились засѣдатель, судья и другіе, онъ потиралъ руки отъ удовольствія, что удалось такъ ловко распутать дѣло о пророчицѣ.

— Вотъ этакъ-то съ ними канальями надобно всегда управлять-ся! А то предписаніе шлютъ о какихъ-то увѣщаніяхъ по совѣсти, да мѣрахъ кротости. Вездѣ, говорятъ, за границей, въ дѣла совѣсти правительство не вмѣшивается, и предоставляетъ это увѣщанію только духовенства. Какъ же?

— Вотъ, я написалъ, по этому случаю, проектъ объ уничтоже-

ніи раскола въ Россіи, и посылаю его начальству: пусть-ка пораскуситъ! Только теперь это еще покуда секретъ.

— Покажите, молъ, покажите! стали мы приставать къ исправнику.

Исправникъ согласился.

И сталъ намъ читать, а мы слушать.

— Во время многолѣтней службы своей и неусыпныхъ трудовъ на пользу отечества, прослуживъ шесть лѣтъ во флотѣ, пять лѣтъ въ арміи и семь лѣтъ исправникомъ, я наконецъ убѣдился, что раскольниковъ непремѣнно слѣдуетъ уничтожить, для чего и имѣю честь представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства слѣдующій мой проектъ, какъ результатъ ревностнаго, неусыпнаго и добросовѣстнаго изученія мною раскола и вообще духа и характера народа русскаго... Я не напрашиваюсь этимъ на награду, на крестъ Анны, напримѣръ (Станислава съ бантомъ уже имѣю), или еще какой орденъ—нѣтъ! а исполняю только свой долгъ по силѣ. Начальство мудрое само умѣетъ оцѣнивать труды служащихъ... И такъ, для уничтоженія раскола русскаго, по моему мнѣнію нужно...

— Позвольте, позвольте! прервалъ судья.—Вы пишете, что не награды вамъ нужно, а сами намекаете въ бумагѣ своей на Анну. Это бросится, пожалуй, въ глаза начальству.

— Ну, ужъ не ваше дѣло учить меня, отвѣтилъ исправникъ.

— Конечно, но все же неловко; отчего же не предостеречь?

— Я васъ не предостерегаю, заговорилъ исправникъ:—страшная флотская горячка былъ — когда вы въ своихъ бумагахъ начальству настойчиво напрашиваетесь на представленіе васъ къ титулярному совѣтнику за отличіе...* Всѣ бумаги ваши только этимъ всегда и наполнены, вмѣсто дѣла...

— Когда же это было?

— Я знаю, когда! отвѣтилъ исправникъ:—неугодно ли, укажу?

И пошла у нихъ тутъ вдругъ потѣха, такъ что исправникъ и проекта своего намъ не сталъ читать, и гостей своихъ разогналъ по случаю ссоры съ судьей...

Только чрезъ полгода этакъ, однажды, вдругъ сказываютъ мнѣ, что со мной желаетъ видѣться одинъ раскольникъ изъ „ходаковъ“. Что, думаю, за надобность такая во мнѣ случилась? Иду. Что же

вы думаете, батенька, кого я увидѣлъ? спросилъ меня Лупояровъ, смѣясь.

— Кого? говорю.

— Да Ивана Тимофеева, что невидимкою скрылся отъ насъ при допросѣ пророчицы...— Я сейчасъ же велѣлъ десятскому оставить насъ однихъ. А самъ думаю: должно быть, большія новости какія сообщить мнѣ хочетъ. И такъ смѣло пришелъ! А впрочемъ, онъ, конечно, увѣренъ былъ, что я ловить его не стану.

— Ну что, молъ, любезнѣйшій „пройди свѣтъ", зачѣмъ пожаловалъ?

— Да вотъ, говоритъ, грамотку поручили мнѣ раскольники передать господину исправнику и вашему благородію. А прежде всего, говоритъ, условимся съ вашимъ благородіемъ, что вы меня ловить не будете. Мы знаемъ тебя, какъ смирнаго человѣка, потому я и явился къ тебѣ смѣло.

— Помилуй, говорю, я всегда себѣ вѣренъ.

— Да вотъ, говоритъ, прочтите-ка проектъ господина исправника, посланный начальству. Наши написали на него отвѣтцы, поручили передать все это вамъ, и поговорить съ вашимъ благородіемъ о томъ, что если господинъ исправникъ будетъ еще писать такіе проекты, а главное, не выйдетъ въ отставку впродолженіе мѣсяца, то я пожалую сюда во второй разъ, и тогда ужъ ему худо будетъ! Не за свое онъ дѣло взялся; надо ему мѣсто перемѣнить...

Я беру изъ рукъ посланнаго листъ бумаги, читаю его, и вижу, что отвѣты противъ каждаго пункта полууставомъ написаны, да такъ ловко, что я хохоталъ потомъ цѣлую ночь!...

— Да какъ же, молъ, ваша братія ухитрилась достать-то этотъ проектъ? Исправникъ сказывалъ намъ, что держитъ его въ секретѣ, даже намъ не показывалъ, когда мы просили его объ этомъ.

— Какъ же, говоритъ, въ секретѣ? только не на этомъ свѣтѣ...

— Однако же, говорю?

— Да Иванъ-то, говоритъ, Ѳедоровъ на что же?

— Это писарь-то исправника?

— Да, онъ-то! Онъ другой домикъ ужъ недавно купилъ въ городѣ, а жалованья-то, какъ вашему благородію, небезъизвѣстно,

получаетъ всего сто-двадцать рублей асигнаціями въ годъ. Такъ тутъ разсуждайте, значитъ, какъ знаете.

— Такъ вотъ, молъ, кто вамъ удружаетъ! Будемъ знать теперь...

— Напрасно, говоритъ, будете думать, что раскольники только чрезъ писарей становыхъ знаютъ всѣ дѣла начальства, касающіяся ихъ. У нихъ Иваны Ѳедоровы-то есть и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ каждой канцеляріи палатской и губернаторской по губерніямъ... Вездѣ гдѣ еще только на черно пишутъ что нибудь, а раскольники ужъ на другой же день все это читаютъ и смѣются... Вѣдь голь перекатная вездѣ сидитъ, изъ-за рубля всякій продастъ отца родного, нетолько что бумажонку какую-нибудь.

— Ну а что, молъ, о пророчицѣ-то Устиньѣ Никифоровнѣ-то и твоихъ собратіяхъ-ученикахъ ея ничего не слыхалъ: какъ и гдѣ они теперь поживаютъ?

— Не знаю, говоритъ! Только вѣдь, ваше благородіе, этихъ пророчицъ и пророковъ разныхъ вмѣсто Устиньи Никифоровны и ея учениковъ народилось новыхъ тьма-тьмущая... Мнѣ вотъ въ пять мѣсяцевъ только попалось ихъ штукъ до сорока въ разныхъ губерніяхъ. Идутъ вездѣ и ѣдутъ, и вездѣ-то всѣ чествуются и ублажаются, какъ чествовали и ублажали, помните, и насъ съ Устиньей Никифоровой? Щука умираетъ, значитъ, а зубы остаются...

— Прощайте, сударь, ваше благородіе! Передайте же грамотку-то господину исправнику и скажите ему, что если послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ не выбудетъ изъ своей должности, и не перестанетъ писать глупыхъ проектовъ своихъ, то будетъ ему худо!..

Иванъ Тимофеевъ, вернувшись на коблучкахъ козловыхъ купеческихъ сапогъ своихъ, бойко вышелъ изъ моей комнаты.

Мудрено, батенька, съ нимъ бороться, тѣмъ болѣе, что насъ грѣшныхъ рабовъ божіихъ становыхъ-то не Богъ-знаетъ какъ много, а вѣдь этакихъ-то лицъ что ни шагъ — то цѣлая стая бродитъ...

XIII.

что посѣешь, то и жнешь.

Дня черезъ два я отправился въ городъ къ исправнику и разсказалъ ему исторію моего разговора съ Иваномъ Тимофеевымъ, показавъ также и проектъ его, возвращенный съ надписью... Покраснѣлъ мой исправникъ, какъ на пожарѣ, прочитавъ отвѣты раскольничьи, а главное—былъ особенно пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, какъ, дескать, это онъ къ нимъ въ руки-то попалъ?

— Да ты, говоритъ, любезнѣйшій, не самъ ли это написалъ?

— Помилуйте, молъ, ваше высокородіе! Вы можете знать лучше меня: ваше ли это сочиненіе, или мое?

— Гм!.. Такъ неужели эти скоты могутъ такъ дѣла свои обдѣлывать? Бумаги получаютъ у всѣхъ изъ-подъ носа, оплетаютъ начальство—это чертъ-знаетъ что такое наконецъ!

— Вотъ, могутъ значитъ!

— Удивительно, удивительно!

— Ничего, молъ, тутъ, и удивительнаго-то нѣтъ! Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ человѣкъ всегда ухитряется, какъ никто. Нужда острита разумъ... Сами знаете. А другая пословица говоритъ еще лучше: что сума, да тюрьма дадутъ ума. Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. А на счетъ угрозъ-то, говорю, скажу вамъ, что лучше бы было, еслибы вы послушались ихъ требованія. Неровенъ вѣдь часъ, знаете сами, чего можно ожидать отъ ожесточенныхъ людей!

— Ладно, говоритъ, ладно! я перейду на службу въ другую губерпію и завтра же поѣду хлопотать объ этомъ въ губернскій городъ. Только прошу васъ объ этомъ никому ни слова, какъ будто бы вы и проекта моего не видали, и отвѣтовъ этихъ не читали и угрозъ никакихъ не слыхали и о причинахъ перехода

моего ничего не знаете. Понимаете? Я прошу, васъ любезнѣйшій, сохранить все это въ тайнѣ, хоть по крайней мѣрѣ до того времени, пока я уѣду отсюда совсѣмъ; неловко, знаете, немного, согласитесь?... Конечно, бояться тутъ, собственно говоря, мнѣ нечего, дѣло мое правое, долгъ службы того требовалъ дѣлать, но все-таки, знаете, лучше, когда люди вообще меньше знаютъ о другомъ, чѣмъ слѣдовало бы! Не такъ ли?

— Всесовершеннѣйшая, молъ, правда!..

И, грозный нѣкогда, исправникъ нашъ пожалъ мнѣ крѣпко руку.

Недѣли чрезъ три онъ дѣйствительно переѣхалъ на службу въ другую губернію, въ которой не было уже ни одного раскольника...

Послѣ того, собравшись какъ-то вмѣстѣ, мы долго хохотали надъ проектомъ исправника и всей этой исторіей. Вѣдь выдумалъ же, молъ, такую небылицу въ лицахъ, что курамъ на смѣхъ! Не видавши ничего и не зная совсѣмъ народа русскаго, а раскольниковъ и того меньше, сѣлъ за столъ въ кабинетѣ своемъ да и настрочилъ проектъ, ну и вышла чепуха! Нѣтъ, онъ послужилъ бы прежде вотъ хоть въ становыхъ бы, напримѣръ, годиковъ пятнадцать, да переглядѣлъ этого народу тысячъ пять въ годъ, тогда другіе бы проекты-то сталъ писать...

— Въ проектѣ своемъ господинъ исправникъ рекомендуетъ увеличить число исправниковъ! Ну, разумѣется, когда увеличивается число исправниковъ, такъ какъ же отставать этимъ раскольникамъ-то и не увеличивать, въ свою очередь, пророковъ и апостоловъ своихъ? Долгъ платежомъ красенъ! Хохотали мы долго-таки на этотъ счетъ...

А раскольники эти дѣйствительно, скажу вамъ, батенька, какъ на смѣхъ проекту исправника, съ каждымъ днемъ все прибываютъ и прибываютъ... Видишь этакъ, напримѣръ, село иное въ православіи будто находится, ну и сердце, знаете, радуется: наши, молъ, пока! Только чрезъ недѣлю вдругъ слышишь, что все это ухнуло въ расколъ... Вся эта слѣпая, голая, оборванная и по уши завязнувшая въ грязи масса ухаетъ и ухаетъ въ этотъ расколъ въ два-три дня какихъ нибудь при появленіи какого нибудь Сидорки,

или Карпушки съ козлиной бородой, назвавшагося христомъ и пришедшимъ-де изъ Иркутска спасти народъ отъ его сквернаго житія и провести прямою дорогою въ золотыя ворота рая... Только и слышишь и видишь, бывало, что они встрѣчаютъ и провожаютъ то христа, то пророка, то мученика съ мученицей, то учениковъ божіихъ, съ неба свалившихся... Наголо вѣдь невѣжество, куда ни кинь глазомъ; на тысячу человѣкъ едва одинъ грамотный есть и то съ грѣхомъ пополамъ, а ужъ о вѣрѣ-то православной и помину нѣтъ!.. Вездѣ каковъ попъ, таковъ и приходъ!.. Да, худо, батенька, съ такимъ народомъ—пропащіе люди совсѣмъ! Ну, оно послѣдствія-то вотъ и высказываются сами собою. Что, значитъ, посѣялъ, то и жни, пословица-то недаромъ говорится!

XIV.

За ужиномъ и послѣ ужина.

— Ужинать ужъ пора гостю! сказала вошедшая въ гостиную дочь хозяина. Двѣнадцать часовъ ночи. Столъ накрытъ въ залѣ.

— Да, пора, пора, батенька, дѣйствительно, отвѣтилъ Лупояровъ.—Я заболтался такъ, что и забылъ, что соловья-то баснями-то не кормятъ...

Я всталъ и послѣдовалъ за Лупояровымъ въ зало.

За ужиномъ сидѣла съ нами дочь Лупоярова и прерывала всякій начатый нами на старую тэму разговоръ, такъ-что Лупояровъ наконецъ пересталъ говорить и погрузился въ самое апетитное уписываніе поросенка, индюшки, супа съ жирной курицей, сдобныхъ кулебякъ и прочаго. Щебетала одна старая дѣва, которую никто не слушалъ.

„Да“ думалъ я, послѣдовавъ примѣру Лупоярова, и взявшись за ложку: „Лупояровъ этотъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ хоть и большой взяточникъ!.. Онъ понималъ и понимаетъ дѣйствительность, какъ она

есть, на дѣло смотритъ прямо — вотъ выстроилъ себѣ домъ, купилъ земли вдоволь, накопилъ деньгу, ладилъ съ начальствомъ всякимъ и народу былъ любезнѣе другихъ, хоть и обиралъ его кругомъ... Словомъ — сталъ ближе другихъ къ людямъ и обществу, и хоть вовсе никакимъ наукамъ не учился, однако былъ умнѣе исправника своего, написавшаго дурацкіе проекты и сдѣлавшаго народу болѣе зла, чѣмъ Лупояровъ. Лупояровъ хоть и обиралъ народъ — кто же его не обиралъ и не обираетъ — но за то дѣла не пакостилъ, не портилъ его, какъ говорится, а все потому что здравый смыслъ человѣческій имѣлъ большой. Онъ возвышался даже до иронической точки зрѣнія на окружавшее его! Онъ много видалъ, много зналъ и отъ него многому можно было поучиться, особливо писателямъ проектовъ, въ родѣ вышереченнаго исправника!.. Лупоярова, какъ видно изъ разсказа его, занимали вопросы административные и государственные, которые онъ рѣшалъ, съ помощію одного здраваго смысла, просто, ясно и практично. Его здравый смыслъ, какъ вѣроятно изъ разсказа его замѣтилъ читатель, охотно подтруниваль надъ сухопарыми умами окружавшихъ его администраторовъ, вѣроятно большею частію нѣмецкихъ, и всѣми ихъ распоряженіями, которыя ему, волей-неволей, приходилось исполнять по службѣ. Благодаря исключительности своего положенія среди народа, онъ узналъ скоро этотъ народъ и сразу понялъ и осмыслилъ свое положеніе — и охотно говорилъ, конечно, не со всякимъ, о своемъ прошломъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотишь, жориовомъ, какъ говорится, не вымелешь! „Да-съ, да нѣтъ-съ, да не знаю...“ обыкновенно только и говоритъ на разспросы любознательнаго какой нибудь паршивый чиновничишка, взяточникъ, всю свою жизнь строчившій ябеды на народъ свой.... натравливавшій постоянно правительство на этотъ народъ и этотъ же народъ обиравшій по призванію, con amore; Лупояровъ же обиралъ народъ потому только, что зналъ, что этимъ обираніемъ поправлялъ и упрощалъ дѣло.

Послѣ ужина, Лупояровъ своею собственною рукою поправилъ огонь въ лампадкѣ предъ большимъ кіотомъ со множествомъ образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ окладкахъ.

Что это, спросилъ я у васъ въ домѣ-то точно церковный иконостасъ?

Нельзя, говоритъ, батенька! Старость труслива, сами знаете.

Что же эти лампадки-то день и ночь горятъ у васъ передъ кіотомъ-то вашимъ?

Неугасимыя, батенька, неугасимыя, отвѣтилъ Лупояровъ, и перекрестился два раза передъ лампадкою.—Какъ вышелъ въ отставку, такъ и завелъ; нельзя: всѣ вѣдь мы въ грѣхахъ жили и живемъ.

Конечно, особливо становые-то.

Спокойной ночи, милый человѣкъ. И Лупояровъ, указавъ мнѣ мягко приготовленную постель на диванѣ, вышелъ въ свою спальню, гдѣ пищали уже экономкины дѣти...

Ночью я долго не могъ уснуть: то корова подойдетъ къ окну и шумно задышетъ, то собаки дворныя примутся почему-то лаять на корову. Свинья откуда-то вдругъ взялась и прошла разъ пять мимо оконъ, хрюкая съ достоинствомъ; лошадь гдѣ-то вблизи жевала сѣно и все фыркала. Главная же, впрочемъ причина безсонницы моей было глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня сильнымъ разсказомъ Лупоярова. „Эка какъ глупо жизнь-то русскаго мужика сложилась“, думалъ я. И длинный рядъ историческихъ событій, и горькихъ хитросплетеній потянулся въ головѣ моей, воскресая въ памяти. И сталъ я думать додумываться... Да какое, впрочемъ дѣло читателю, о чемъ я сталъ думать, и продумалъ до утра?

На другой день я покинулъ гостепріимный покровъ Антона Лаврентьевича Лупоярова.

Прошло три года послѣ свиданія моего съ Лупояровымъ, и одинадцать лѣтъ послѣ явленія пророчицы въ С. губерніи въ 1854 г. Довольно перемѣнъ произошло на лицѣ русской земли въ эти одинадцать лѣтъ. Случилось такъ, что въ началѣ іюня 1867 г.

мнѣ лежалъ путь чрезъ село „Красный Яръ“, о которомъ наговорилъ мнѣ столько Лупояровъ и которое назадъ 15 лѣтъ, то-есть во времена владычества Лупояровыхъ съ братіей, скованное по рукамъ и ногамъ рабствомъ, полнымъ гражданскимъ безправіемъ и повальнымъ невѣжествомъ, представляло такую обильную почву для раскола. Подъѣзжаю къ селу. Оно было раскинуто по обоимъ берегамъ большого проточнаго пруда. Длинная плотина, обсаженная старыми, въ громадные размѣры разросшимися ветлами, замыкала этотъ прудъ. Почти въ уровень съ нею виднѣлась крыша мельницы-крупчатки, съ большими галереями и новыми колесами. Крестьянскіе дома, построенные вдоль обоихъ береговъ пруда, казалось, переглядывались черезъ широкую водяную гладь новенькими стеклами своихъ небольшихъ оконъ. Надъ прудомъ тянулся старинный садъ, упиравшійся концомъ своимъ въ высокую гору, возвышающуюся надъ селеніемъ. Липы тянулись по немъ алеями, группировались сплошными кучами; столѣтнія сосны, съ громадными иглами, темные дубы съ блѣдно-толстыми стволами и рослые ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки. Густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ большаго деревяннаго барскаго дома, обращеннаго въ сельское училище. Предъ самымъ домомъ, величавшимся всѣми затѣями прежняго барства: и террасами, и башнями, и полубашнями, плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда пестрыя утки, бѣлые и сѣрые гуси. Въ полугорѣ виднѣлась сельская деревянная церковь съ жестяными, почернѣвшими крестами, полинялою зеленою крышею и высокою, немного погнувшеюся, колокольнею. Въ срединѣ села, предъ прудомъ, строилась новая, большая, каменная церковь. Мѣстоположеніе села было хорошо. Мой ямщикъ, шагомъ проѣхавъ по плотинѣ, остановился на берегу. Сельскій курчавый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ на полусгнившей корягѣ.

Ямщикъ окликнулъ его.

Вамъ на взъѣзжій дворъ? возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ поплавка.

На взъѣзжій.

А вотъ ступай прямо, на дворъ, въ училище.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ воды серебристаго окуня.

Мы въѣхали. Вхожу въ комнату, назначенную для пріѣзжающихъ. Чисто, просторно и пріятно. Явился старшина съ бронзовою медалью на цѣпи чрезъ шею. Лицо смышленное, открытое и безъ видимаго подобострастія. Я сказалъ о себѣ. Разговорились о томъ о семъ и я узналъ, что на этотъ разъ былъ въ селѣ и мировой посредникъ. Пришелъ сельскій учитель, нѣкто Лемеховъ, онъ же и волостной писарь, бывшій студентъ с.-петербургскаго университета, неокончившій курса по случаю студенческихъ исторій и въ деревнѣ готовившійся потомъ держать экзаменъ на степень кандидата. Подавъ руку старшинѣ и отрекомендовавшись мнѣ какъ гостю, онъ повелъ разговоръ о своей дѣятельности среди освобожденныхъ крестьянъ. Лицо его постоянно оживлялось, глаза блестѣли видимымъ довольствомъ. Время потекло необыкновенно оживленно. На часахъ пробило десять. Раздался звонокъ и сторожъ училищный, старикъ лѣтъ 60, сталъ мѣрно отсчитывать удары въ колокольчикъ, висѣвшій на столбѣ близъ входа въ училище. Запестрѣли толпы мальчиковъ и дѣвочекъ сельскихъ, съ книжками въ рукахъ собиравшихся въ школу. День былъ ясный и солнце не огнистое и раскаленное, какъ во время знойной засухи, но свѣтлое и привѣтливо-лучезарное, мирно выплывало изъ-подъ узкой и длинной жиденькой тучки. Тучка загустѣла и верхній тонкій край растянутаго облака засверкалъ змѣйками. Но вотъ опять хлынули играющіе лучи и весело и величаво поднималось могучее свѣтило. Мальчики зажимали глаза книжками, сонливо щурясь и косясь на яркіе лучи солнца.

Въ пыли и дорожномъ походномъ костюмѣ, скоро вошелъ къ намъ въ комнату и мировой посредникъ, пріѣхавшій изъ полей съ помощникомъ старшины. Разговоръ пошелъ о поляхъ, засѣвахъ и общественныхъ десятинахъ, посѣянныхъ дружными руками крестьянъ на строющуюся въ селѣ въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости церьковь, заложенную руками свободныхъ крестьянъ въ честь Богоматери „утѣшенія всѣхъ скорбящихъ“.

Мировой посредникъ, происходившій изъ бѣдныхъ людей, былъ, какъ потомъ я узналъ, любимъ крестьянами и получалъ отъ нихъ

нѣсколько искреннихъ адресовъ въ 19-е февраля—день, столь знаменитый для крестьянъ. Лемеховъ же до того былъ преданъ дѣлу обученія крестьянъ и устройству правильной новой сельской администраціи, что вмѣсто двухъ лѣтъ, которые хотѣлъ провести въ своихъ свободно-избранныхъ должностяхъ—сельскаго учителя и волостнаго писаря—жилъ въ селѣ „Красномъ Яру“ уже четыре года. Село было его родиною. Онъ оказался послѣ моихъ разспросовъ сыномъ мѣстнаго фельдшера, нѣкогда обученнаго барином изъ крестьянъ своихъ, и случайно попавшимъ въ мѣстную гимназію, а потомъ отправленнымъ добрыми людьми, за отличные успѣхи, въ университетъ на казенный счетъ.

Покончивши чай, мы отправились вмѣстѣ въ училище.

Это бывшій барскій домъ, говорилъ дорогою Лемеховъ:—логовище лѣни, тупости, деспотизма и разврата...

Какъ же, говорю, преобразился онъ въ училище-то?

При моемъ и посредника содѣйствіи, объяснилъ Лемеховъ;—общество купило его, вотъ уже четыре года назадъ тому, за даромъ почти, у вдовы мѣстнаго помѣщика Хабарова — сосланнаго въ Сибирь за засѣченіе до смерти одного крестьянина—которая постриглась теперь въ иверскомъ женскомъ монастырѣ.

Домъ былъ, какъ я увидѣлъ, нѣсколько передѣланъ и приспособленъ къ училищу. Его недавно выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтливо и стекла большихъ раскрытыхъ оконъ ярко блестѣли на солнцѣ. Изъ оконъ этихъ неслись на улицу легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ и дѣтскаго смѣха. Весь домъ кипѣлъ жизнію и переливался дѣтскимъ веселіемъ чрезъ край. На встрѣчу намъ попадались крестьянки матери, приведшія дѣтей своихъ въ школу и возвращавшіяся съ довольными лицами домой. Лемеховъ и посредникъ привѣтливо съ ними кланялись. Меня охватывало какое-то доселѣ еще неизвѣданное чувство удовольствія и сердце сильно застукало въ груди, при видѣ новой жизни на могилѣ мертвецовъ...

При входѣ нашемъ въ довольно большое, окопъ въ 6 или 8 зало, мальчики, числомъ до 50, дружно запѣли входную для учителя молитву. Лемеховъ спросилъ урокъ перваго ученика, по фа-

миліи Колкова. Мальчикъ всталъ и зазвенѣлъ какъ колоколъ. Прочіе навострили уши и не мигали глазами.

Колковъ былъ стройный мальчуганъ, съ красивыми, немного крупными, чертами лица. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ. На немъ была пестрая ситцевая рубаха; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечахъ. Мальчикъ прочиталъ урокъ не запнувшись и съ видимымъ самодовольствомъ сѣлъ, не дождавшись похвалы учителя.

Въ гимназію, а потомъ въ университетъ его готовлю, какъ-то торжественно проговорилъ Лемеховъ. Потомъ вполголоса прибавилъ:—это сынъ одного изъ бывшихъ начотчиковъ раскольничьихъ, теперь уже равнодушнаго къ расколу.

Мы осмотрѣли зало, подпираемое 4-мя колонами и украшенное хорами, съ фигурными перилами, на которыхъ вѣроятно играла въ былыя времена, у хозяина, безпутнаго расточителя крестьянскаго добра, во время обѣда музыка.

Здѣсь столъ былъ яствъ. . . . . .

проговорилъ мнѣ на ухо, и очень выразительно Лемеховъ.

Осмотрѣвъ мужское отдѣленіе, гдѣ остался заниматься съ мальчиками помощникъ учителя изъ крестьянскихъ мальчиковъ, мы перешли въ женское. Оно занимало двѣ довольно большія комнаты, соединенныя въ одно зало по выломкѣ стѣнъ. Здѣсь уже шли занятія. Дѣвочки числомъ до 30, встали и поклонились намъ. Изъза учительскаго стола приподнялась и учительница, лѣтъ 22, одѣтая вся въ черное. Оказалось, что это была дочь бывшаго помѣщика Хабарова, искалеченная нечаянно пьянымъ отцомъ своимъ въ дѣтствѣ, и обрекшая нынѣ себя, за грѣхи отцовъ своихъ, на воспитаніе дѣтей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Большой горбъ, некрасиво выставлявшійся на спинѣ ея, вывихнутыя руки и нагнувшаяся въ правую сторону голова, возбуждали къ ней съ перваго раза состраданіе. Черты лица ея были довольно правильны, а лицо поразительно бѣло и нѣжно. Сначала она конфузилась, потомъ оправилась и спросила урокъ двухъ дѣвочекъ, которыя отвѣчали весело, бойко и довольно толково.

Здѣсь пришествъ раздавались клики. . . . . .

шепнулъ опять Лемеховъ и какъ-то ѣдко улыбнулся.

Осмотрѣвъ училище, мы вышли въ садъ и прошлись по алеямъ. Отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ и травою. Деревья блестѣли листьями на солнцѣ и всюду распространяли пріятный запахъ. Осмотрѣвши затѣмъ волостное правленіе, сберегательную крестьянскую кассу, сельскія: аптеку, больницу и наконецъ библіотеку, гдѣ насъ принялъ библіотекарь, выучившійся уже парень, въ плисовой крестьянской поддёвкѣ съ бронзовыми пуговицами и причесаный по крестьянски въ скобку. Встряхивая волосами, онъ бойко рапортовалъ посреднику о числѣ книгъ, какъ находящихся въ библіотекѣ, такъ и розданныхъ для чтенія по селу.

На какія же суммы, спросилъ я старшину:—вы содержите эту библіотеку?

У насъ уже три года, отвѣтилъ старшина:—по предложенію учителя нашего и посредника, общими дружными силами, сѣютъ по 10 десятинъ хлѣба на эти заведенія.

Послѣднія двѣ десятины, замѣтилъ Лемеховъ: — дѣти, подъ моимъ надзоромъ, убираютъ даже собственными руками.

Новость еще невиданная у насъ въ Россіи, отозвался я.

Пора, не безъ ироніи проговорилъ Лемеховъ:—1000 лѣтъ ходили въ потемкахъ, спали и дурили...

Старшина глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ.

Въ этомъ флигелѣ жилъ 20 лѣтъ управляющій полякъ, добавилъ Лемеховъ: — грабилъ и сѣкъ людей безпощадно. Въ контрастъ этому, тяжелому для крестьянъ по воспоминаніямъ логовищу, я нарочито обратилъ его въ библіотеку.

Гдѣ же, говорю, этотъ полякъ теперь?

На награбленныя въ Россіи съ крестьянъ деньги, отвѣтилъ Лемеховъ:—онъ содержалъ въ своей ойчизнѣ полгода банды и былъ наконецъ, повѣшенъ; жена же его, за пособничество и участіе въ заговорѣ, сослана навсегда въ Сибирь.

По другую сторону дома, близъ сада, въ лѣсу, уединенно и почти забыто, стоялъ фамильный склепъ древняго рода Хабаровыхъ, гдѣ покоились дѣды и прадѣды многихъ поколѣній, безполезно проживавшихъ на землѣ. Чугунные памятники безмолвно

и угрюмо покоились на осунувшихся и мѣстами провалившихся могилахъ отжившихъ поколѣній. На многія тяжелыя и грустныя думы наводили эти памятники.

Надгробные здѣсь воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...
. . . . . .

договорилъ Державинскій стихъ Лемеховъ.

Въ 2 часа раздался звонокъ, возвѣщавшій окончаніе занятій. Все засуетилось. Дѣти съ шумомъ разсыпались по улицѣ и саду. Съ громкимъ смѣхомъ и крикомъ запрыгала и заиграла вся эта молодая стая людей, надъ головою которой пронеслась послѣдняя тяжелая и удушливая буря рабства, изумительнаго повальнаго невѣжества и безпримѣрной религіозной слѣпоты, но никого изъ нея не задѣла. Дружный хохотъ раздавался въ саду, нѣкогда назначенномъ только для ассамблей сошедшаго съ лица земли безтолково прожившаго рода.

Вотъ среди этихъ ужъ людей, подумалъ я,—пророчицы Устиньи Никифоровны жить уже не должны.

Вдали въ склепѣ боярскомъ, на могилѣ отца своего, сидѣла послѣдняя въ родѣ и задумчиво глядѣла на всю эту картину и свой нѣкогда садъ и домъ. Около нея одиноко закуковала кукушка...

А что, много еще осталось раскольниковъ въ этомъ селѣ? спросилъ я Лемехова въ разговорѣ за вечернимъ чаемъ.

Половина еще села, но и тѣ какъ случайно попавшіе по ожесточенію въ расколъ, теперь уже близки ко многимъ перемѣнамъ. Прошедшій годъ они послали уже адресъ къ Государю съ благодарностію за освобожденіе ихъ отъ рабства и съ выраженіемъ готовности стать въ полки его добровольно на защиту русской земли отъ поляковъ, а прежде, какъ вамъ я думаю извѣстно, они не признавали по вѣрѣ своей вѣдь ни царя, ни рекрутчины.

Ну, а другая-то, говорю, половина села какъ себя чувствуетъ?

Чувствуетъ себя хорошо. Вотъ посылаетъ дѣтей своихъ въ школу, выпросила себѣ, на мѣсто никуда негодившагося, новаго попа у нашего архіерея, который посвятилъ имъ его изъ ихъ же брата; любитъ посредника и меня, только становыхъ и исправниковъ, по старой памяти все еще и доселѣ не жалуетъ. Впрочемъ

мы ихъ уже оберегаемъ отъ этихъ лицъ всѣми силами и шалить не даемъ.

Къ вечеру въ сумерки, покончивъ дѣла свои, я собрался изъ Краснаго Яра, простившись съ Лемеховымъ, старшиною и крестьянами.

Ямщикъ мой тронулся изъ воротъ взъѣзжаго дома и мы поѣхали вдоль улицъ. Въ селѣ слышались вечернія пѣсни сельскихъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, игравшихъ во многихъ мѣстахъ на улицѣ. Эхо пѣсень, раздававшихся тамъ и сямъ по улицамъ, звонко переливалось въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. На площади, близъ широкаго пруда, предъ самымъ училищемъ, нѣкогда грознымъ барскимъ домомъ, мимо коего съ содраганіемъ и трепетомъ проходили и старецъ и дитя, развелся большой хороводъ, среди котораго, лихо подбоченясь, гулялъ

Суженый, ряженый...
Добрый молодецъ дѣтинушка—

и дѣлалъ подъ козырекъ

Красной дѣвицѣ
Разлюбушкѣ душѣ...

Хоръ дружно заливался пѣснею:

Вдоль-да по рѣчкѣ,
Вдоль по широкой
Сизый селезень плыветъ,
Вдоль-да по улицѣ,
Вдоль по Красноярской
Добрый молодецъ идетъ...

Группы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, небрежно раскидавшись по травѣ вокругъ хоровода, окаймляли площадь и прудъ. Вдоль заборовъ и у воротъ сидѣли и стояли отцы—нѣкогда, въ самыя тяжкія для нихъ времена, считавшіе за грѣхъ не только пѣть мірскія пѣсни, но и появляться на улицѣ, гдѣ по ихъ мнѣнію, царилъ антихристъ и слуги его—и смотрѣли на дѣтей...

Вечернее чистое небо, торжественно и необъятно, высоко стояло надъ селомъ со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Въ воздухѣ не шелохнетъ. Лишь изрѣдка въ пруду, съ внезапной звучностію, всплe-

снетъ большая рыба и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной вѣтра. Въ поляхъ, вдали за прудомъ, у отдыхавшихъ пахарей, заблестѣли огоньки.

Ямщикъ тронулъ лошадей и мы выѣхали изъ села.

Эхъ вы соколики! вскрикнулъ на козлахъ молодой парень, въ красной рубахѣ и шляпѣ, украшенной лентами. — Шевелись молодцы! Говори!

Какъ серебро зазвенѣлъ колокольчикъ и тройка гнѣдыхъ взвилась и вытянулась въ струнку. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля потянулись за полями, кусты одинъ за другимъ словно изъ земли выростали и исчезали. Широкій сельскій прудъ быстро убѣгалъ отъ насъ. Стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая при потухавшей зарѣ, слабо обозначали зеркальную поверхность пруда. Гора съ садомъ и училищемъ, на которой я такъ недавно находился, чернѣя вдали, отдѣлялась отъ синеватой, воздушной пустоты и будто тонула въ темно-серебристомъ пруду. Легкая пыль узкимъ жолобомъ поднималась и неслась по дорогѣ и далеко разносился дружный топотъ лошадей, изрѣдка встряхивавшихъ своими косматыми головами.

Я еще разъ оглянулся на село. Глазамъ не хотѣлось оторваться отъ видѣннаго. Жалко было разстаться съ отрадными, въ первый разъ еще въ жизни моей видѣнными на Руси картинами родной земли, и въ тоже время такъ пріятно было на душѣ при мысли, что минуетъ понемногу наконецъ и для этого села былое недавнее, тяжолое и сравнительно, мрачное для Руси время!..

Авось, подумалъ я, при помощи религіозной и гражданской свободы, лучшихъ гражданскихъ формъ, просвѣщенія и новыхъ лучшихъ дѣятелей, русскій народъ, рано или поздно, сольется наконецъ въ одну „русскую семью“ не будетъ называть Антихристомъ и слугами его совершенно враждебный ему элементъ... съ которымъ онъ дѣйствительно ничего не имѣлъ общаго... и, кто знаетъ, быть можетъ, рано или поздно, и самое слово „русскій расколъ“, который случайно явился въ народѣ русскомъ, сдѣлается достояніемъ только исторіи?! Какъ близко это время—сказать опредѣлительно конечно трудно, но желать и споспѣшествовать скорѣйшему приближенію онаго заставляетъ насъ заслуженная

любовь къ народу, выстрадавшему цѣлыми вѣками право на это наше чувство, и наконецъ даже самая честь Россіи.

Свѣту, свѣту скорѣе больше намъ, гражданскихъ правъ и свободы совѣсти — вотъ въ чемъ наше спасеніе!

II.

ХЛЫСТЫ

МИХАЙЛОВСКАГО ЗАМКА.

Въ михайловскомъ замкѣ въ Петербургѣ, въ томъ самомъ замкѣ, противъ лѣтняго сада, въ которомъ нынѣ помѣщается инженерная академія, въ 1817 году открыта была хлыстовская секта, члены которой собирались въ квартирѣ подполковницы Татариновой. Объ этой таинственной сектѣ, члены которой были люди болѣе или менѣе образованые, ходитъ у насъ множество самыхъ сбивчивыхъ разсказовъ, большею частію неподкрѣпляемыхъ достовѣрными фактами. Мы имѣемъ случай разсказать здѣсь по достовѣрнымъ источникамъ правдивую исторію этой секты и, снявъ таинственность съ событія 1817 года, представить истину въ историческомъ ея свѣтѣ. Если уже подверглась полному разоблаченію секта массоновъ московскихъ, то почему же не возстановить въ исторической правдѣ и секту г-жъ Татариновой и Буксгевденъ? Мы интересуемся сектами и расколами народными: могутъ ли быть нелюбопытны для насъ и секты другихъ классовъ, повыше простонародныхъ? Намъ кажется, что секты всѣхъ классовъ и сословій — неотъемлемое достояніе исторіи, и чѣмъ болѣе разоблачаются эти секты въ подробностяхъ своихъ, тѣмъ полнѣе мы будемъ имѣть ихъ исторію. А это въ наукѣ очень важно...

Что же была за секта г-жъ Татариновой и Буксгевденъ въ

Петербургѣ? Посмотримъ на источники, какъ они представляютъ намъ эту секту.

Въ 1817 году тайная полиція получила въ свои руки копію съ письма, писаннаго подполковницею Татариновою къ женѣ маіора польской (?) службы А. Ф—цъ, жившей Литейной части въ д. Латкина. Въ письмѣ этомъ г-жа Татаринова, называя А. Ф—цъ дражайшею въ Христѣ сестрицею, проситъ ее не открывать никому ихъ тайны, потому что Господь запрещаетъ бросать перлы предъ свиньями, и тутъ же изъясняетъ, что вся тайна ихъ заключается въ XIV главѣ 1 посланія къ коринѳянамъ стих. 1, 2, 3, 4 и 5, гдѣ пишется: „Держитеся любве, ревнуете же духовнымъ: паче же да пророчествуйте. Глаголяй бо языки не человѣкомъ глаголетъ, но Богу: никто бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны. Пророчествуяй же человѣкомъ глаголетъ созданіе и утѣшеніе и утвержденіе. Глаголяй бо языки себѣ зиждетъ; а пророчествуяй церковь зиждетъ. Хощу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете: болій бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки, развѣ аще (кто) сказуетъ, да церковь созиданіе пріемлетъ“. Такое толкованіе словъ апостола, по которому всѣ православные называются свиньями, обратило на себя вниманіе покойнаго императора Александра I-го; онъ приказалъ по этому письму добраться до составительницы письма и всего ея общества братьевъ и сестрицъ... По разслѣдованію открыто общество хлыстовъ, простиравшееся до 40 человѣкъ и собиравшееся каждое воскресенье въ 6-ть часовъ утра въ михайловскомъ замкѣ въ квартирѣ подполковницы Татариновой. Одна солдатская жена В. Осипова, бывшая въ услуженіи у Татариновой, разсказала при этомъ, что Татаринова уговаривала и ее поступить въ свою секту, и она при пріемѣ была положена въ постель, но такъ что скоро пришла въ совершенное безпамятство, сама не знаетъ отчего; когда же очувствовалась, то явился къ ней пророкъ и началъ пророчествовать, что придетъ къ ней В. Осиповой, скоро корабль съ деньгами въ такомъ количествѣ, что она сама будетъ раздавать бѣднымъ деньги. Г жа А. Ф—цъ открыла также, что когда она приведена была въ безчувственное состояніе, то явившійся ей пророкъ сказалъ, что вскорѣ явятся ангелы и возьмутъ ее отъ сей жизни, а потому

совѣтовалъ ей, для пріобрѣтенія спасенія, быть благотворительною... Комната, въ которой собирались хлысты, была, какъ оказалось, украшена образомъ Тайной вечери и составляла квартиру Татариновой, къ которой пріѣзжала часто и мать ея изъ Остзейскаго края полковница Буксгевденъ, заправлявшая сектою... Во время собраній, хлысты садились вокругъ комнаты, потомъ вставали, читали молитву Господню и что либо изъ евангелія Іоанна, затѣмъ по прочтеніи становились на колѣни и пѣли:

Дай намъ Господи,
Къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ сына твоего.
Господи помилуй насъ грѣшныхъ!
Изъ твоея полноты
Дай Создатель теплоты;
Наряди изъ насъ пророка,
Чтобы силы подкрѣпить;
Засуди судомъ небеснымъ
И не дай врагу мѣшать;
Ниспосли живое слово
Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ.
Ты Христосъ, ты нашъ Спаситель;
Иного Бога нѣтъ у насъ.
Твоей силой укрѣпимся,
За тобой во слѣдъ идемъ;
Прими слезы твоей твари
И поставь всѣхъ на пути...

Члены этого общества принадлежали къ различнымъ слоямъ общества, тутъ были и титулованные и простые дворяне и не дворяне, гвардейскіе офицеры, отставные музыканты, солдаты и т. п. Во время моленій приходящіе, послѣ взаимныхъ привѣтствій земнымъ поклономъ, усаживались по чину, мужчины по правой, женщины по лѣвой сторонѣ отъ передняго угла, и всѣ составляли едино братство на томъ основаніи, что, по изрѣченію апостола: „нѣсть мужской полъ, ни женскій, вся бо едино о Христѣ Іисусѣ“ (Галат. III гл. 28 ст.). Всѣ члены общества были увѣрены, что вышеприведенный наборъ словъ, распѣваемый ими, имѣлъ высокотаинственную силу, низводившую на нихъ непосредственное наитіе святаго духа. По ихъ убѣжденію, это была та

самая „новая пѣснь“, которая, по апокалипсису, поется предъ престоломъ божіимъ избранниками, искупленными агнцемъ, и вслѣдствіе пѣнія которой нисходитъ, будто, на кого нибудь изъ членовъ собранія духъ святый и приводитъ его въ особенное состояніе, въ которомъ онъ вскакиваетъ съ своего мѣста, становится по срединѣ комнаты и начинаетъ вертѣться кругомъ на востокъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ въ себѣ дара пророчества. Послѣ этой одуряющей операціи, потерявшій смыслъ, вслѣдствіе непомѣрно-длиннаго и непрерывавшагося верченія и приведенный въ нѣкоторый родъ опьяненія, подходитъ къ каждому изъ сидящихъ въ собраніи и предсказываетъ большею частію хорошее будущее...

Пророчествовали въ собраніи у г-жи Татариновой, какъ открылось по дознанію, болѣе женщины, чѣмъ мужчины и пророчества свои произносили на распѣвъ, скороговоркою, безъ всякаго порядка въ рѣчахъ, такъ что едва было возможно что нибудь уразумѣть. Чтобъ сдѣлаться пророком или пророчицею, не признавалось нужнымъ никакого особаго приготовленія, никакихъ особыхъ знаній; всѣ члены общества, безъ различія пола, считали доступнымъ для себя это дарованіе, и женщины едва ли не болѣе, чѣмъ мужчины. На это энтузіасты уполномочивали себя превратно понимаемымъ примѣромъ первенствующихъ христіанъ временъ апостольскихъ, и относившихся исключительно къ той невозвратно протекшей эпохѣ словъ апостола: „Хощу всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да пророцаете“ (1 Кор. XIV ст. 5). Пророки и пророчицы общества г-жи Татариновой увѣряли, что когда они бывали въ такомъ положеніи, то не помнили себя и говорили не собою, а обитавшимъ въ нихъ духомъ святымъ, отчего и сами не знали, что кому предсказывали...

Изъ этого общества, чаще другихъ вертѣлись и обращались въ пророковъ три лица, изъ которыхъ первые двое чаще всѣхъ говорили и проповѣди послѣ чтенія евангелія, по смыслу чтенія. Всѣ же трое преимущественно предъ всѣми имѣли вѣру въ верченіе и вертѣлись съ необыкновенною быстротою въ собраніи на пяткѣ до изнеможенія, какъ вертятся на мусульманскомъ востокѣ

дервиши, какъ вертится сибирскій шаманъ, какъ бѣснуются наконецъ сѣвероамериканскіе шекеры.

Достовѣрно неизвѣстно, были ли въ обществѣ г-жи Татариновой и Буксгевденъ, верченія общія, такъ называемыя „корабельныя“, которыя у хлыстовъ обыкновенно совершаются слѣдующимъ образомъ: сначала запѣвается собраніемъ церковный стихъ изъ канона пасхи: „Богоотецъ убо Давидъ, предъ сѣннымъ ковчегомъ, скакаше играя, людіе же божіи святіи образомъ сбытіе зрящѣ, веселимся божественне, яко воскресе Христосъ, яко всесиленъ“. Потомъ главный учитель произноситъ изъ дѣяній апостольскихъ слова апостола Петра: „Сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа моего на всяку плоть и пророкутъ сынове ваши и дщери ваши и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія видятъ; ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излію отъ духа моего, и пророкутъ“ (Дѣян. 11. 16—18. Іоил. 11. 28—29). Послѣ этого и начинается верченіе. Все уносится вихремъ, все приходитъ въ буйный неистовый восторгъ; все ломается, корчится, бѣснуется, сколько хватаетъ силъ, до совершеннаго изнеможенія, до безпамятства и упаду въ буквальномъ смыслѣ... Верченіе „крестообразное“ есть родъ передышки въ этомъ безумномъ угарѣ. Тѣ, которые сохраняютъ еще нѣкоторыя силы, усаживаются по своимъ мѣстамъ, сбираются съ духомъ, и потомъ, задрожавъ, затрясшись вскакиваютъ и пускаются снова въ работу перекрестными кадрилями, пока не истощатся совершенно. Общій законъ, необходимо наблюдаемый во всякомъ видѣ верченія, состоитъ въ томъ, чтобъ вертѣться и вообще двигаться непремѣнно «по-солонь», т. е. слѣва направо. Хлысты, во время этого бѣсованія представляютъ зрѣлище поразительное, сильно дѣйствующее на воображеніе, даже нѣкоторымъ образомъ страшное... Есть между ними такіе мастера, что могутъ вертѣться „какъ жорновъ“ такъ что глазъ теряетъ изъ вида человѣка — мелькаетъ только какой-то фантастическій призракъ; отъ быстроты волосы у кружащихся поднимаются дыбомъ; на мужчинахъ и женщинахъ одежда раздувается «какъ трубы», наконецъ все сливается въ одну неопредѣленную массу, которой замѣтно только мельканіе, сопро-

вождаемое глухимъ топотомъ босыхъ ногъ и движеніемъ воздуха „въ родѣ вихря“. Сцена становится еще дичѣе, когда въ разгарѣ изступленія, кругъ разрывается, и каждый начинаетъ работать самъ по себѣ. Тутъ происходятъ всякаго рода неистовства. Одинъ судорожно трясется, другой толчетъ и топаетъ ногами, этотъ прыгаетъ вверхъ. тотъ скачетъ въ присядку. Изъ устъ бѣснующихся вырывается родъ дикаго «взвизгиванья». Потъ со всѣхъ льетъ рѣкою, такъ что если вертящихся много, то полъ надо бываетъ подтирать послѣ ветошками; сами же работающіе взмокаютъ, точно выкупанные или вышедшіе изъ бани. Подъ конецъ, когда силы истощаются, они дѣлаются блѣдны и ослабѣваютъ какъ мухи, такъ что колышатся словно тѣни, пока рѣшительно не свалятся съ ногъ. Отставной маіоръ, подпоручикъ и отставной музыкантъ болѣе всѣхъ изъ общества Татариновой были увѣрены въ томъ, что въ ихъ верченіи присутствовалъ самъ Богъ, вся святая троица, и то изнеможеніе, въ которое они приходили, тотъ потъ, которымъ они обливались, сравнивали они съ послѣднимъ моленіемъ Іисуса Христа въ саду геѳсиманскомъ, когда, по выраженію евангелія, бысть потъ его, яко капли крове, каплющія на землю“ (Лук. XXII гл. 44 ст.); маханіе же простертыми, при верченіи, руками сравнивали съ мановеніемъ крылъ ангельскихъ... Вообще всѣ хлысты въ неистовомъ верченіи полагаютъ высшую степень богоугоднаго подвижничества, и съ тѣмъ вмѣстѣ находятъ верховное богоподобное наслажденіе. Все это объясняется весьма просто, физіологически. Напряженныя, насильственныя тѣлодвиженія, преимущественно быстрое круговращеніе, приводятъ организмъ въ особенное раздраженіе, которое на нервы и мозгъ дѣйствуетъ еще сильнѣе, чѣмъ упоеніе крѣпкими напитками или употребленіе другихъ наркотическихъ средствъ. Въ этомъ заключается тайна удовольствія, происходящаго вообще отъ танцевъ. Раздраженіе легкое сообщаетъ и душѣ веселость легкую; но если тѣлесное напряженіе усиливается, то усиливается и напряженіе души, такъ что она приходитъ въ состояніе восторженности подобное тому, какое производитъ опіумъ. Хлысты сами понимаютъ это очень хорошо; доказательствомъ тому служитъ, что верченіе называется у нихъ „духовнимъ пивомъ“; но они также хорошо

понимаютъ и то, чего стóитъ имъ это духовное упоеніе, почему съ тѣмъ вмѣстѣ, свои неистовства называютъ они работою „израильскою“.

Любопытно, конечно, знать при этомъ, откуда ведетъ начало свое въ Россіи секта хлыстовъ, отраженіемъ которой служило и общество г-жъ Татариновой и Буксгевденъ. Наши неопубликованные въ Россіи источники относятъ начало ея къ царствованію Алексѣя Михайловича, когда во Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, стародубской волости, егорьевскаго прихода, на гору Городину „спустился будто Богъ-отецъ съ неба въ превеликой славѣ, съ силами небесными, на огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ. Силы небесныя вознеслись, а верховный гость, превышній Богъ, сталъ видѣнъ на горѣ въ образѣ человѣка, Данилы Филиповича“. Это сошествіе Бога-отца считается у хлыстовъ вторымъ. Содержаніе ученія этого слѣдующее: „Господь Богъ просвѣтилъ божественнымъ ученіемъ Іерусалимъ, а Данило Филиповичъ, имѣя съ нимъ одинаковыя свойства, просвѣтилъ Россію, начавши это образованіе съ Костромы, которую и называютъ верховною страною. На этихъ началахъ создана длинная повѣсть, передаваемая въ видѣ страдъ, на память, „ибо Данило Филиповичъ, не имѣя земнаго начала, имѣетъ непосредственное сношеніе съ св. духомъ, отъ котораго получаетъ всѣ наставленія, по которымъ и творитъ чудеса. Посему явившись на землю, всѣ книги свои кинулъ въ Волгу, какъ ненужныя, и установилъ не имѣть книжнаго ученія, а руководствоваться преданіями его и вдохновеніями пророковъ ихъ вѣры. За 15 лѣтъ до сошествія родился у него по предсказанію пророковъ, сынъ Іисусъ Христосъ, по имени Иванъ Тимоѳеевичъ, отъ столѣтней бабы (крѣпостной помѣщика Нарышкина (?), въ сорока верстахъ отъ города Мурома, въ селеніи Максаковѣ“. Объ этомъ новорожденномъ говорится много вздора. Напримѣръ, когда ему исполнилось 33 года, его позвалъ верховный богатый гость Данило Филиповичъ, живой богъ Костромской губерніи въ деревню Старую, гдѣ и далъ ему божество въ своемъ домѣ. Послѣ того оба они три дня сряду возносились на небо при свидѣтеляхъ. Іисусъ Христосъ, а въ мірѣ названный Иванъ Тимоѳеевичъ, возвратился въ свое жилище, гдѣ

и началъ проповѣдывать ученіе Бога-отца Данилы Филиповича, по 12 заповѣдямъ. Съ нимъ жила дѣвица, названная дочерью Бога. Когда эта „истинная“ вѣра начала распространяться, то, по повелѣнію царскому, Ивана Тимоѳеевича схватили и пытали съ 40 учениками; ему дали столько плетей, сколько въ сложности дали имъ всѣмъ вмѣстѣ, но не узнали, въ чемъ именно заключается вѣра. Тогда царь велѣлъ привезти ихъ въ Москву; сперва допрашивалъ его патріархъ Никонъ; но не успѣвъ ни въ чемъ, передали его къ боярину Морозову, который, понявъ (будто бы) святость Ивана Тимоѳеевича, отъ допросовъ по болѣзни отказался; тогда передали его князю Одоевскому, который и пытал его на Житномъ дворѣ, жегъ его малымъ огнемъ, повѣся на желѣзный прутъ, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ; пытали его также на Лобномъ мѣстѣ и наконецъ распяли на стѣнѣ у Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль, на лѣвой сторонѣ, гдѣ нынѣ часовня... Когда Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ духъ, стража сняла его со креста, а въ пятницу его похоронили на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами, а съ субботы на воскресенье онъ при свидѣтеляхъ воскресъ и явился къ ученикамъ своимъ въ Похрѣ. Тутъ снова онъ былъ взятъ, преданъ жестокимъ пыткамъ и вновь распятъ на томъ же мѣстѣ. Съ него была снята кожа; но одна изъ его учениць покрыла его простынею, которая образовала ему новую кожу и проч. Онъ снова воскресъ и еще болѣе началъ пріобрѣтать послѣдователей, называя себя богочеловѣкомъ; его же называли стародубскимъ Христомъ Спасителемъ. Наконецъ былъ онъ взятъ въ третій разъ и обреченъ на жестокія мученія; но въ этотъ разъ избѣгъ таковыхъ по случаю рожденія у царя Алексѣя Михайловича сына, Петра Алексѣевича и это потому, что будто царицѣ было пророчествовано, что она тогда только разрѣшится благополучно, когда освободятъ Ивана Тимоѳеевича».

Съ этого времени Иванъ Тимоѳеевичъ сталъ явно жить въ Москвѣ, спокойно проповѣдуя вѣру свою впродолженіе 30 лѣтъ. Домъ, въ которомъ онъ жилъ и доселѣ называется у хлыстовъ Новымъ Іерусалимомъ. „Когда же превышній Богъ, гость богатый Даніилъ Филиповичъ изъ деревни Старой, на сотомъ году, прибылъ въ Москву въ домъ возлюбленнаго сына своего, Ивана Ти-

моѳеевича, и вознесся на небо, при свидѣтеляхъ въ день св. Василія, то начали считать и новый годъ уже съ этого времени. Послѣ этого Иванъ Тимоѳеевичъ былъ высланъ изъ Москвы и скитался 15 лѣтъ, а когда гоненіе утихло, онъ возвратился и построилъ маленькій домикъ противъ прежняго". Оба дома эти въ большомъ уваженіи у хлыстовъ. Въ 1838 году въ нихъ взято сборище хлыстовъ до 100 человѣкъ. Дома поступили подъ богоугодныя заведенія. Оставался третій домъ, съ священнымъ внутри колодцемъ, который, послѣ долгихъ усилій, въ 1845 году былъ открытъ и тамъ взяты: столъ, который уважался хлыстами на томъ основаніи, что за нимъ сиживалъ Богъ-отецъ Данило Филиповичъ и сынъ его богочеловѣкъ Иванъ Тимоѳеевичъ; на одной доскѣ портреты обоихъ въ видѣ образовъ, найдены тоже вериги и нѣкоторые другіе предметы, чтимые хлыстами и тщательно скрываемые; все это отправлено было въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ хранится въ кабинетѣ раскольничьихъ вещей и донынѣ. Иванъ Тимоѳеевичъ умеръ въ день св. Тихона, „показавъ примѣръ своего терпѣнія и благочестія на землѣ; онъ хотя и былъ воплощенный сынъ божій, но тѣло его похоронено у церкви св. Николы-въ-Грачахъ, откуда онъ вознесся въ славѣ своей при свидѣтеляхъ для соединенія съ отцомъ своимъ и проч."

Не смотря на все сумасбродство такого ученія, оно нашло много послѣдователей. Изъ указа императрицы Анны Іоанновны, отъ 7-го іюня 1734 года, послѣдовавшаго изъ святѣйшаго синода для всенароднаго извѣстія, видно, что хлыстовская ересь была уже и тогда чрезвычайно распространена, что въ числѣ послѣдователей ея „собирались въ праздники, по ночамъ, разныхъ чиновъ люди, старцы и старицы" что и прежде этого были уже извѣстны въ этой ереси „разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ люди обоего пола" и проч. Сверхъ того, какъ нынѣ открыто изъ подлинныхъ современныхъ дѣлъ, въ сектѣ этой находились многіе князья и княгини, бояры и боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщики и помѣщицы; изъ духовныхъ лицъ архимандриты и другіе настоятели монастырей, также цѣлые монастыри обоего пола—всѣ безъ изъятія; напримѣръ, въ Москвѣ въ одномъ монастырѣ, при соборной церкви, были торжественно по-

хоронены подъ особо сооруженными памятниками, въ видѣ часовень, тѣла главныхъ основателей секты, которыя впослѣдствіи именнымъ, высочайшимъ указомъ императрицы Анны Іоанновны повелѣно было вырыть и предать публично сожженію на мѣстѣ казни рукою палача...

Всему этому перестаешь удивляться, когда видишь, что спустя болѣе ста лѣтъ послѣ этого указа, та же самая дикая ересь, развиваясь въ огромныхъ размѣрахъ въ народѣ, могла своею сумасбродностью покорить и присоединить къ себѣ лица, которыхъ образованіе и положеніе въ обществѣ долженствовали бы ограждать отъ того. Правительство императора Александра I-го выказало большое снисхожденіе въ отношеніи открытаго въ михайловскомъ замкѣ общества г-жъ Татариновой и Буксгевденъ. Собранія были прекращены, члены хлыстовскаго братства разъѣхались, и сама подполковница Татаринова, оказавшаяся дочерью лютеранина изъ Остзейскаго Края, уѣхала къ матери своей, г-жѣ Буксгевденъ, въ Дерптъ. Но мѣры кротости относительно хлыстовъ, открытыхъ въ михайловскомъ замкѣ, не могли обратить ихъ къ благоразумію. Въ 1838 году, здѣсь же, въ Петербургѣ, у московской заставы, та же г-жа Татаринова съ г. Поповымъ была опять схвачена со сборищемъ, въ которомъ, кромѣ новыхъ лицъ, находились нѣкоторыя и изъ бывшихъ въ 1817 году въ михайловскомъ замкѣ. Въ томъ же 1838 году, въ Москвѣ захвачено собраніе хлыстовъ въ большомъ размѣрѣ: въ числѣ ихъ были купцы 2-й и 1-й гильдіи. Отставной подполковникъ Дубровскій, богатый помѣщикъ въ разныхъ губерніяхъ, былъ ревностнѣйшимъ проповѣдникомъ этой ереси, успѣвъ вовлечь въ нее не однихъ русскихъ: у него были ученики и ученицы даже изъ нѣмцовъ... Въ 1843 году, въ Петербургѣ схвачено было у государственнаго крестьянина сборище хлыстовъ, состоявшее исключительно изъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ. Въ 1849 году опять открыты слѣды общества хлыстовъ, которымъ давали названіе адамистовъ, причемъ опять указывалось на лица бывшія въ сборищахъ у г-жи Татариновой въ 1817 и въ 1838 г., кромѣ многихъ другихъ. По ближайшему наблюденію за этимъ обществомъ открылось, что участвовали въ немъ лица значительныя, и конечно, еслибъ не особенныя обстоятельства, пре-

кратившія наблюденія полиціи, то общество это было бы взято во время исполненія своихъ обрядовъ...

Нельзя положительно довесть и доказать, что общества 1817, 1838 и 1849 годовъ произошли прямо и непосредственно отъ сумасбродныхъ преданій о Даніилѣ Филиповичѣ и Иванѣ Тимоѳеевичѣ, но несомнѣнно, что они совершали всѣ безъ исключенія обряды хлыстовщины, какъ совершались эти обряды въ старину назадъ лѣтъ за сто; разница состояла только въ принятіи новыми сектаторами идей и понятій новаго европейскаго происхожденія, заимствованныхъ у разныхъ западныхъ илюминатовъ. Общество Татариновой не называлось ни хлыстами, ни христовщиною; но вначалѣ, то-есть въ 1817 году, было извѣстно подъ именемъ „Братства во Христѣ“, потомъ въ 1838 году подъ именемъ „Союза-братства“, что знаменуетъ тоже, что союзъ братьевъ и сестеръ, какъ называютъ себя хлысты... Въ 1849 г. общество г-жи Татариновой называли въ народѣ „адамистами“. Старинные хлысты складывали и пѣвали свои гимны на манеръ простонародныхъ русскихъ пѣсенъ, а у новѣйшихъ сектаторовъ пѣснопѣніе ихъ сложено уже по версификаціи Ломоносова и Державина, книжнымъ литературнымъ языкомъ, иногда же состоитъ изъ переводовъ со псалмъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Позднѣйшими хлыстами вода изъ колодца деревни Старой развозится зимою въ кускахъ, замороженною; изъ нея печется хлѣбъ, служащій хлыстамъ лжепричастіемъ. Въ деревнѣ Старой (въ 30-ти верстахъ отъ Костромы), до 1847 г. жила крестьянская дѣвка Ульяна Васильева, боготворимая хлыстами потому, что была послѣднею изъ рода Данила Филиповича; они почитаютъ и нынѣ ее праведницею, именуютъ даже „богинею“. пока она жила подъ Костромою, къ ней стекались отвсюду на поклоненіе и приносили подарки; выѣзды ея на собраніе въ Москву и другія мѣста считались особеннымъ счастіемъ. Она имѣла въ Костромѣ и другихъ мѣстахъ знакомство и связи съ значительными лицами изъ дворянъ и купцовъ, которыхъ посѣщала, а потому долго боролась съ правосудіемъ; но, наконецъ, въ 1847 году, когда всѣ дѣйствія ея обнаружились, когда вліяніе ея сдѣлалось извѣстнымъ на основаніи непреложныхъ фактовъ, она была заключена въ монастырь.

Но эта мѣра отнюдь не остановила прилива послѣдователей хлыстовской ереси.

Въ Москвѣ около 1780 года шла рѣчь между скопцами и хлыстами, чтобъ соединиться. Но это не состоялось и немогло состояться, потому что начала обѣихъ ересей, на которыхъ онѣ основаны, совершенно различны. По преданіямъ, извѣстно, что во время преній объ этомъ, учителей обѣихъ сектъ между собою, произошла ссора и наконецъ драка, и что одинъ скопецъ вышибъ глазъ противнику, отчего (будто бы) и ересь эта, именовавшаяся до того „христовщиною“, получила названіе „хлыстовщины“.

Хлысты чрезвычайно упорно отказываются отъ признанія въ своемъ ученіи и отъ всякихъ объясненій; да и поличныхъ уликъ къ разъясненію ихъ вѣрованія трудно найти, потому что имъ воспрещено заповѣдями имѣть что либо писанное относительно ихъ исповѣданія. Новобранецъ, послѣ долгихъ испытаній и совершенія предварительныхъ обрядовъ, произноситъ присягу въ слѣдующихъ словахъ: „...соблюдать тайну о томъ, что увидитъ и услышитъ въ собраніяхъ, не жалѣя себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни меча, ни всякаго насильства...“

Многочисленность хлыстовъ и безпрерывное ихъ размноженіе, братство и единомысліе, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, большой массы народа, ожидающей пророка и торжества своихъ заблужденій не могутъ не обращать на себя вниманія, особенно когда находятся ихъ послѣдователи въ средѣ богатаго купечества и въ кругу людей образованныхъ. Самообольщеніе въ родѣ того какъ у нашихъ хлыстовъ составляетъ психическую болѣзнь, къ сожалѣнію, весьма свойственную природѣ человѣческой. Оно встрѣчается во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, на всѣхъ степеняхъ народнаго образованія, при всѣхъ формахъ исповѣданій; ему одолжены своимъ происхожденіемъ на одной ступени развитія человѣчества шаманы, морочащіе своими кривляньями грубыхъ, дикихъ сибиряковъ на другомъ—какая нибудь Анна Лисъ (Lees), основательница секты „трясучекъ“ (Shakers), которая не дальше, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія († 1784), между соотечественниками Франклина выдавала себя за избранную, боговдохновенную, апокалипсическую жену; или какой нибудь отецъ Анфантенъ, на нашихъ

глазахъ посреди Парижа, величавшій самъ себя и величаемый отъ сенсимонистовъ „верховнымъ отцемъ“ (père suprême). Слѣдствіями такого помѣшательства когда оно организуется въ секту, всегда и вездѣ бываютъ: во первыхъ, стремленіе къ уравненію и смѣшенію всѣхъ различій между людьми, а потому и половъ; во вторыхъ, отрѣшеніе отъ всѣхъ обыкновенныхъ правилъ и приличій общественнаго и гражданскаго, а тѣмъ болѣе церковнаго порядка, и, вслѣдствіе того, съ одной стороны необыкновенная строгость и воздержность въ наружномъ поведеніи, съ другой—совершенная нравственная анархія; въ третьихъ, наконецъ, высочайшая духовная гордость, и отсюда, смотря по образованности фанатиковъ, болѣе или менѣе грубое самообоготвореніе, въ буквальномъ матеріальномъ смыслѣ...

Примѣры подобныхъ сектъ, сущность которыхъ состоитъ въ „восторженномъ изступленіи“, стали являться въ христіанствѣ съ самыхъ первыхъ временъ его. Сюда относились въ древности многія отрасли гностицизма, особенно монтанизмъ и манихеизмъ, которыхъ позднѣйшимъ продолженіемъ была знаменитая въ среднихъ вѣкахъ ересь павликіанъ, принявшихъ между южными славянами имя „богомиловъ“. Отъ такихъ богомиловъ, прямо или косвенно, производятся всѣ новые западноевропейскіе расколы и ереси, наклонные къ изступленности (exstase, enthousiasme, illumination). Мы видѣли, что и у насъ, первые еретики были по всей вѣроятности изъ богомиловъ. Можетъ быть, тайная, непримѣчаемая до сихъ поръ связь соединяетъ съ ними и нашихъ „хлыстовъ“ братьевъ христовыхъ“, „духовныхъ христіанъ“, и другихъ подобныхъ сектаторовъ...

III.

БѢГУНЪ.

I.

ДЕРЕВНЯ И ГОРОДЪ.

Въ одной деревнѣ, одной губерніи, еще доселѣ помнятъ мальчика бойкаго, веселаго и смышленаго, жившаго тамъ когда-то, вмѣстѣ съ матерью.—Звали его Путиловымъ. Смѣлость и любознательность мальчика были извѣстны не только крестьянамъ, но даже помѣщикамъ того околодка. Не было крестьянскаго мастерства, котораго бы онъ не перенялъ; не было дѣла, передъ которымъ бы онъ когда нибудь въ тупикъ сталъ. Росъ онъ въ бѣдности страшной, но грамотѣ выучился скоро и даромъ. Воспитываясь въ средѣ раскольничей, онъ скоро опередилъ своихъ товарищей въ ученіи. Крестьяне стали носить ему читать присылаемыя имъ отъ солдатиковъ, — сыновей или родственниковъ, — письма, и мальчикъ, не затрудняясь, разбиралъ все. Всѣ въ деревнѣ его любили, такъ какъ онъ былъ самый расторопный и услужливый малый.

— Большимъ бы ты человѣкомъ былъ, говорилъ ему дьячокъ, православный, если бы родился бариномъ или поповичемъ и учился въ университетѣ, али Академіи. Я такого понятнаго и въ нашемъ духовномъ училищѣ не видалъ, когда учился.

И дьячокъ начиналъ съ досады бить своего сына, довольно тупаго и крайне вялаго малаго.

— Мнѣ, дяденька, и ночи не спятся, говорилъ откровенно бойкій мальчикъ. Все мнѣ видится или большое море... и я будто плыву на кораблѣ съ большими парусами, или темные

большіе лѣса... и я сражаюсь съ разбойниками—и побиваю ихъ однимъ ударомъ; или большіе города съ золотыми церквами и золотыми крышами на домахъ, и я тамъ живу, и маменьку съ собой взялъ... Все-то мнѣ хочется скорѣе узнать, все видѣть на свѣтѣ, вездѣ перебывать... Вотъ такъ бы и полетѣлъ сейчасъ, если бы крылья...

— Можетъ быть и вездѣ будешь, замѣчалъ глубокомысленно дьячокъ,— наука всему свѣтъ.

И маленькій Путиловъ торопясь хватался за раскольничью псалтырь и жадно читалъ грамоту...

Прошедши скоро всю мудрость, преподаваемую грамотѣями, Путиловъ поступилъ въ разсыльные подписаря въ сельскую расправу, гдѣ, за неимѣніемъ пока серьезныхъ занятій по должности, устроилъ изъ своей особы въ родѣ живой почты: часто носилъ письма изъ села въ село, изъ сельской расправы въ волостное правленіе. Бѣгалъ онъ нерѣдко и въ уѣздный городъ, гдѣ выкупалъ письма, присылаемыя на имя крестьянъ своего села, и приносилъ ихъ для раздачи по принадлежности.

Скажутъ ему бывало: Степанъ почта пришла! И Степанъ, какъ стрѣла, летѣлъ за 15 верстъ въ городъ, возвращаясь чрезъ три, много четыре часа. Собственно говоря, городъ нравился Путилову не столько, какъ предметъ путешествія за письмами, сколько тѣмъ, что онъ былъ больше села, въ немъ было больше домовъ, церквей, улицъ и людей; тамъ текла большая рѣка, съ высокими, обросшими дремучимъ лѣсомъ, берегами, а по ней, съ распущенными парусами, неслись большія суда куда-то вдаль... и пропадали...

Когда черезъ годъ привиллегированный писарь сельской расправы за пьянство былъ выгнанъ, то Путиловъ, какъ зарекомендованный человѣкъ, безъ труда уже занялъ его мѣсто, не смотря на свои 11 лѣтъ. Тутъ открылось ему довольно широкое поле для занятій и кипучей дѣятельности... Онъ получилъ въ полное распоряженіе шкафъ сельской канцеляріи, въ которомъ съ жадностію перечиталъ все, начиная отъ печатныхъ книгъ: „Наказы сельскимъ расправамъ“ и „Уставы сельскаго благоустройства“ и кончая различными сельскими распоряженіями и судебными дѣлами... Кругозоръ его мгновенно расширился. Онъ пересталъ уже спра-

влять почту, но письма читалъ всѣмъ охотно, хотя денегъ за чтеніе ужъ не бралъ. Скоро новый писарь сельскій такъ хорошо изучилъ свою грамоту, что въ 12 лѣтъ заправлялъ ужъ вполнѣ неграмотнымъ сѣдобородымъ старшиною..... Между тѣмъ мать Путилова, въ числѣ 30 человѣкъ, сослана была за расколъ на поселеніе въ Сибирь... 13 лѣтній сынъ убѣжалъ изъ села своего за нею. Изъ любви къ матери, онъ не въ силахъ былъ разстаться съ нею... Недошедши до Сибири мать Путилова умерла. Путиловъ бѣжалъ съ дороги обратно въ свою деревню.

II.

ПЕРВЫЕ УРОКИ.

Явившись бѣглецомъ въ деревню, Путиловъ скрывался въ сосѣднемъ лѣсу, откуда по ночамъ приходилъ къ бывшему дому матери и ночевалъ около него. Вѣсть объ этихъ ночныхъ прогулкахъ разнеслась однако по околодку, и бѣглецъ долженъ былъ прекратить ихъ. Тогда лѣсной жилецъ вырылъ себѣ яму, прикрылъ ее въ родѣ шалаша хворостомъ и соломою и сталъ дѣлать оттуда вылазки за пищею въ сосѣднія села и деревни. У одного стянетъ хлѣбъ печеный изъ сѣней; у другого муки и масла; у третьяго горшокъ молока. Пропажамъ дивились, но вора не находили. Скоро на лѣснаго жителя набрелъ „Бѣгунъ“, послѣдователь страннической секты и всучилъ ему цвѣтникъ Евфимія, или изложеніе вѣры секты Бѣгуновъ. Путиловъ спросилъ странника:

— Какая же ваша вѣра?

Странникъ отвѣчалъ:

— Мы царя и власти считаемъ нужными, но нынѣшняго царя и власти непочитаемъ благочестивыми, ибо они странниковъ и христіанъ держатъ въ темницахъ, того ради не за власти, а за мучителей ихъ считаемъ... Духовная власть—ложные пророки и еретики, потому что они св. отецъ правила и законы истребили. Подъ сводъ законовъ не подходили, ибо онъ писанъ не для народа.

Ученіе это понравилось оскорбленному и раздраженному юношѣ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его настроенію и онъ сдѣлался адептомъ странника. Пріобрѣтши новаго ученика странникъ зашагалъ по Россіи далѣе.

Путиловъ жилъ съ полгода въ лѣсу и сталъ собирать у себя въ свою очередь учениковъ. Вѣсть объ этомъ дошла до начальства и Путилова рѣшили поймать. Становой прошелъ съ мужиками лѣсъ, безъ труда отыскалъ Бѣгуна и, связавъ отправилъ въ острогъ. Начались судъ да дѣло, и потянулась исторія на 3 года, что и дало возможность Путилову взять первые уроки у острожныхъ по части самыхъ разнородныхъ преступленій...

Сообразивъ все, какъ слѣдуетъ, Путиловъ скоро убѣдился, что не пропадетъ въ тюрьмахъ, если придется ему тамъ побывать. Между тѣмъ въ острогѣ случились безпорядки... Путиловъ оказался однимъ изъ главныхъ героевъ бунта и лицомъ въ грязь не ударилъ себя передъ своими учителями...

— Да, братецъ, ты молодецъ будешь, одобрительно говорили ему искушенные въ бояхъ арестанты послѣ того, какъ ихъ усмирили и выпороли. Въ тебѣ будетъ прокъ.

У Путилова кровь стучала въ вискахъ отъ удовольствія при похвалахъ, и онъ нетерпѣливо ждалъ случая отличиться еще болѣе.

Случай скоро представился. Послѣ возмущенія арестантовъ въ уѣздномъ острогѣ началось новое дѣло. Возмутившихся сочли очень опасными преступниками и, за ненадежностію уѣздной тюрьмы, перевели въ губернскій острогъ. Дѣло потянулось еще на 5 лѣтъ и прилежный ученикъ здѣсь довершилъ свое образованіе въ наукѣ преступленій. Онъ пріобрѣлъ тутъ сноровку и изворотливость, необходимыя для промысла; изучилъ основательно всѣ художества, начиная отъ отмычки замковъ, поддѣлки паспортовъ, вырѣзыванія фальшивыхъ печатей... и кончая чеканомъ монеты и печатаніемъ фальшивыхъ ассигнацій... Это не мѣшало ему читать арестантамъ цвѣтникъ Евфимія, догматическую книгу Бѣгуновъ...

Съ дороги въ Сибирь, куда Путиловъ былъ отправленъ по приговору суда, онъ легко бѣжалъ, и два года потомъ гулялъ на свободѣ, переходя отъ преступленія къ преступленію. На третій

годъ Путиловъ очутился снова въ острогѣ, но не какъ уже ученикъ, а какъ мастеръ своего дѣла...

III.

ТОРНЫЯ ДОРОГИ.

Два часа по полуночи. Сильный осенній дождь лилъ, какъ изъ ведра, и однообразно стучалъ въ желѣзную крышу острога. Вѣтеръ со свистомъ врывался въ люки острожнаго дома и, своимъ назойливымъ шумомъ будилъ безпокойную мысль Путилова... Всюду темнота необъятная, такъ что часовой, стоявшій у острога на караулѣ, не могъ разсмотрѣть человѣка даже на полъ аршина. Облака, низко спустившись надъ землею и мѣшаясь съ городскимъ тяжелымъ воздухомъ, неслись стѣною надъ кровлею острога. Острожные спятъ; стража острожная тоже дремлетъ, убаюканная мѣрнымъ стукомъ дождя въ окна и крышу... Ночники тускло горятъ кое-гдѣ по угламъ, и слабое мерцаніе огонька едва борется съ мракомъ осенней ночи. Не спитъ одинъ Путиловъ и торопливо допиливаетъ желѣзный прутъ у своей двери. Изрѣдка взвизгиваетъ его пила, но свистъ ея, заглушаемый шумомъ вѣтра, не слышенъ постороннему. Наконецъ толстый желѣзный прутъ перепиленъ, и Путиловъ, свободно пролѣзши сквозь дверь, гуляетъ не стѣсняясь по корридору острожному. Нисколько незатрудняясь, смѣло и равнодушно подошелъ онъ къ церковной двери и, искусно выдавивъ окно надъ нею, чрезъ пять минутъ очутился уже въ церкви острожной. Кругомъ молчаніе... Зажегши восковую свѣчку отъ неугасимой церковной лампадки, Путиловъ отворилъ двери алтаря и вошелъ въ нихъ не дрогнувъ. За тѣмъ снялъ пелены съ престола и жертвенника; взялъ серебряную чашу съ дароносицею и положилъ за пазуху... Два копья, служащія при священнодѣйствіи для вынманія частицъ изъ просфоръ, пособили ему разломать церковную денежную кружку... Отвергаюся всѣхъ нечестій Великоросійскія Церкви, твердилъ Путиловъ, и съ

пророкомъ вопію: возненавидѣхъ церковь лукавствующихъ: Горе вамъ ложные учители, яко затворяете царствіе Божіе предъ человѣки: Сами не входите, и другимъ возбраняете.. Здѣсь ни приношеніе, ниже служба совершается богоугодная.. Чистое тѣло и кровь Христова во днѣхъ оныхъ не имать явитися..

При тускломъ свѣчномъ огаркѣ Путиловъ пересчиталъ спокойно деньги на коврѣ, отобралъ серебро въ одну кучу; мѣдь въ другую, бумажки въ третью и нѣсколько золота въ четвертую. Изъ всей этой добычи, золото, бумажки и серебро поступили въ его распоряженіе, а мѣдь благополучно возвратилась въ кружку, какъ металлъ, слишкомъ ничтожный для вознагражденія за опасности...

Вдругъ въ острогѣ поднялась тревога. Ближній къ церкви часовой замѣтилъ въ ней, передвигавшійся съ мѣста на мѣсто, огонь, и далъ знакъ къ тревогѣ. Казалось бы гибель смѣльчака была неизбѣжна. Но Путиловъ давно уже оградилъ свою безопасность, и съ перваго же шага своего въ церковь, сообразивъ обстоятельства дѣла, поторопился приставить къ паникадилу найденную въ церкви лѣстницу, употреблявшуюся обыкновенно для зажиганія сего паникадила въ большіе праздники. При первомъ же шумѣ заслышанной имъ тревоги, онъ приперъ покрѣпче дверь церкви извнутри, потушилъ свой огарокъ, и мигомъ, вскочивъ по лѣстницѣ на паникадило, оттолкнулъ лѣстницу на полъ, и за тѣмъ по цѣпи, на которой висѣло паникадило, бойко взобрался въ куполъ церковный. Пока съ трудомъ отворили двери церковныя, и пока, отыскивая съ фонарями и факелами вора въ церкви, лазили подъ престолъ, жертвенникъ и даже въ трубы печныя, Путиловъ, вылѣзъ въ это время чрезъ люкъ купола на крышу, и по водосточной трубѣ благополучно и невредимо спустился на землю, а чрезъ полчаса былъ уже далеко отъ острога.

IV.

СИБИРЬ.

Широки и глубоки рѣки Сибири, тѣнисты могучіе лѣса ея! Много чудеснаго наслышался Путиловъ о ея диковинкахъ: о горахъ, упирающихся въ облака, о множествѣ птицы, которая такъ жирна, что ее ловятъ рукавицами, о золотой и серебряной рудѣ, которую черпаютъ черпаками изъ земли... и т. п. Заманчивою показалась эта даль Путилову, и онъ рѣшился побывать въ отдаленныхъ сибирскихъ губерніяхъ. Одѣвшись зажиточнымъ человѣкомъ, повѣреннымъ по дѣламъ богатаго купца, онъ съ однимъ плотовщикомъ, сплавлявшимъ плоты свои до Саратова, въ качествѣ компаніона дорожнаго—на половинныхъ расходахъ, лихо отправился на почтовыхъ въ Сибирь. Въ подорожной купца значилось: „съ будущимъ“, и вотъ подъ именемъ этого-то „будущаго“ Путиловъ преспокойно, безъ всякаго предъявленія письменныхъ видовъ, доѣхалъ до обѣтованной земли. Дорогою своими небывалыми разсказами объ успѣшности торговыхъ операцій онъ поселилъ въ купцѣ большое уваженіе къ своей особѣ, такъ что тотъ, развѣся уши, удивлялся только его уму...

— Я въ Сибирь, говорилъ онъ, ѣду по нѣкоторымъ важнымъ оборотамъ одного богатаго саратовскаго купца, и со временемъ мы обдѣлаемъ съ нимъ милліонное дѣльце.

— Въ чемъ же это дѣльце-то? Нельзя ли сказать, приставалъ купецъ, разглаживая свою большую, чуть не до пояса, бороду.

— Это держится пока въ большомъ секретѣ. Потому дѣло торговое, ты самъ смякай. Могутъ отбить, предупредить, подставить какъ нибудь ногу!

— Понимаемъ. Эвто истинная рѣчь. Дѣло знаемое.

— Да, а дѣльце должно удасться.

Дорогою Путиловъ въ подробности распросилъ купца о Сибири,

о людяхъ тамъ живущихъ, т. е. какой тамъ больше народъ: простой или плутоватой, какъ подмосковный?

— Оченно простой, отвѣчалъ купецъ. Люди дѣла на слово дѣлаютъ. У насъ съ бумагами и слышать не хотятъ возиться. Такъ ужъ значитъ заведено искони.

— Да эдакихъ я больше люблю, говорилъ Путиловъ. Душа значитъ, какъ есть видна, на распашку.

— Именно.

— Стало быть жить будетъ можно, соображалъ Путиловъ, и намоталъ всѣ разсказы простодушнаго сибиряка на усъ.

И дѣйствительно, прибывши въ Сибирь, онъ долго и свободно гулялъ по этой землѣ, перебывалъ во многихъ городахъ, пересмотрѣлъ много людей, и наконецъ, на Ирбитской ярмаркѣ, распахнувшись чисто по-сибирски, спустилъ всѣ деньги, которыя добывалъ разными путями... Туда, сюда: пытался перехватить,—не даютъ, надуть—не поддаются. Народъ все прощалыга: изъ Москвы, Петербурга, Нижняго Новгорода, Риги. Сами смотрятъ въ карманъ другому.

— Дрянь народишко на этой ярмаркѣ, думалъ Путиловъ. Это дѣло хоть совсѣмъ наплевать выходитъ. Надобно подумать.

И вотъ въ одинъ вечеръ онъ подкараулилъ мѣняла, возвращавшагося въ сумерки съ мѣшкомъ денегъ домой.

— Эка подумаешь: своя то ноша какъ не тяжела! заговорилъ онъ съ купцомъ. Много добра, значитъ, не надоѣстъ.

— Чаво ты любезнѣйшій примазываешься ко мнѣ, заговорилъ мѣняла?

— Да я такъ, значитъ, самъ съ собой разсуждаю. На языкъ вѣдь пошлины нѣтъ.

— Не о чемъ разсуждать-то.

— Какъ не о чемъ? человѣкъ разумомъ одаренъ, на что же онъ ему и данъ, какъ не разсуждать.

Купецъ поворотилъ въ переулокъ, Путиловъ за нимъ.

— Вздорные люди, которымъ нечего дѣлать, тѣ разсуждаютъ только, нехотя процѣдилъ мѣняла и отвернулся. Отъ того они ничего и не имѣютъ

— Не богатъ да славенъ, тотъ же баринъ.

— Чаво?

— Отъ совы не родятся соколы.

— Ну такъ что жъ?

— Да нечего; говорю: а кто не разсуждаетъ, такъ тотъ развѣ богаче бываетъ?

— Вещь понятная! дѣломъ занятъ, благосостояніе свое созидаетъ.

— Ну братъ, стоячая вода и плѣснѣетъ. А вотъ у кольца, такъ нѣтъ конца. Кругло, поищешь не доберешься ничего.

— Ну что жъ? И мѣняла взглянулъ на Путилова во всю ширину своихъ глазъ.

Путилову того только и хотѣлось. Онъ мгновенно всадилъ въ нихъ цѣлую горсть припасеннаго табаку. Купчина ухватился за глаза и разинулъ было ротъ кричать, но Путиловъ всадилъ ему новую горсть табаку въ ротъ, и тотъ только заблѣялъ, какъ овца.

— Что братъ? познай, что счастіе и несчастіе на одномъ конѣ ѣздятъ, проговорилъ Путиловъ, и былъ таковъ съ мѣшкомъ денегъ, брошенныхъ мѣнялою на-земь.

Скоро однако ему не посчастливилось, и онъ попался въ острогъ.

V.

КОШКѢ ИГРУШКИ, А МЫШКѢ СЛЕЗКИ.

Путиловъ порядочно таки соскучился бродяжничать и, прибывъ на новое мѣсто жительства, рѣшился отдохнуть немного. И вотъ онъ въ острогѣ спитъ по цѣлымъ суткамъ и никто его не тревожитъ.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, и Путиловъ отдохнулъ; пора было собираться въ путь. Передъ глазами его постоянно шагалъ вооруженный часовой. Въ дверяхъ камеры арестантской было небольшое отверстіе съ маленькой рѣшоткой, черезъ которое

часовые обыкновенно наблюдаютъ за арестантами. Путиловъ долго и съ намѣреніемъ мучилъ часоваго, совершая въ виду его разныя чудеса. То, напримѣръ, закуритъ папиросу, Богъ знаетъ откуда доставши для этого табаку, то будто зарѣжется ножемъ, неизвѣстно откуда взятымъ, и упадетъ на полъ за мертво, и потомъ, снова воскреснетъ... и т. п. Часовой то и дѣло безуспѣшно докладывалъ объ этомъ по начальству, и наконецъ усталъ отъ безсильныхъ попытокъ. Да и немудрено. Система прятанія вещей преступниками въ камерахъ острожныхъ до того утонченна, что для того, чтобы противодѣйствовать ей вполнѣ, нужно посидѣть для этого нарочито лѣтъ пять въ острогѣ и изучить основательно эту грамоту такъ, какъ изучилъ ее Путиловъ... Наконецъ часовой, смѣнившійся съ караула, разсказалъ исторію дѣяній Путилова товарищамъ своимъ въ такомъ диковинномъ видѣ, что тѣ только рты разинули; разумѣется, не забылъ напуганный и преувеличить все въ пятеро, такъ какъ у страха глаза велики. Кстати же часовой былъ и новичокъ.

Путиловъ этого и добивался. Разсчетъ его былъ очень вѣренъ. На новой смѣнѣ явился новый часовой, котораго нужно было также проучить, чтобы и онъ не помѣшалъ дѣлать проломъ. На этотъ разъ часовой былъ не изъ молодыхъ, и когда Путиловъ сталъ крошить ножомъ табакъ въ виду его, то онъ и не шелохнулся съ мѣста.

— Вотъ что! подумалъ Путиловъ. Да ты братъ изъ травленыхъ. Погоди же!

Вынувъ изъ за ремней кандаловъ пороховницу, онъ насыпалъ кучку пороху на полъ и зажегъ. Трескъ, мгновенное сильное пламя и густой, наполнившій камеру дымъ, заставили дрогнуть часоваго.

— Горимъ, горимъ, вскричалъ Путиловъ, и оторопѣлый часовой бросился докладывать дежурному офицеру.

Пришли, обыскали; въ острогѣ не было и признаковъ пожара. Дозорецъ, наслышавшись о демонской силѣ арестанта, положилъ наконецъ, что онъ отводитъ имъ всѣмъ глаза и вѣроятно одинъ изъ тѣхъ колдуновъ, которые напускаютъ воду въ комнату, такъ что присутствующіе будто тонутъ, тогда какъ воды ничуть небывало,—обращаются въ птицъ, свиней, въ копны сѣна и т. под...

Потому порѣшилъ онъ, что бы ни дѣлалъ колдунъ-арестантъ, лучше ничему не вѣрить и не обращать ни на что вниманіе. Вслѣдствіе этаго стражъ началъ солидно расхаживать взадъ и впередъ предъ камерою Путилова и, съ чувствомъ разгадавшаго тайну, насмѣшливо посматривалъ на его работу, приближавшуюся къ концу съ помощію извѣстнаго уже намъ ножа. Путилову того только и хотѣлось. Кончивъ въ полночь работу свою, и изрѣзавъ въ ленты матрацъ, онъ спустилъ изъ пролома сдѣланную изъ матраца веревку, конецъ которой прикрѣпилъ къ ножкѣ кровати.

— Прощай братъ, обратился онъ къ часовому.

— Прощай, проговорилъ часовой, смѣкая про себя, — нѣтъ ужъ не надуешь теперь, какъ ни отводи глаза.

— Не поминай меня лихомъ, если тебѣ немного поколотятъ за меня спину.

— Ладно! отвѣтилъ часовой.

— Когда я уйду отсюда, такъ ты братъ не сказывай скоро начальству объ этомъ, а то я не успѣю убѣжать подальше отъ острога.

— Ладно! говорилъ часовой. За чѣмъ сказывать?

— Не хотѣлось бы тебя вводить въ непріятность, да что дѣлать? Такъ пришлось.

— Какая непріятность! ничего.

— Ну все-таки неловко, когда эдакъ достанется на кашу.

— Пустяки. Не стоитъ и вниманія.

— А коль пустяки, такъ и калякать нечего.

И Путиловъ сталъ собираться въ дорогу. Часовой равнодушно смотрѣлъ на сборы, какъ на комедію, давно уже имъ разгаданную.

— Ты не слышалъ: какой билъ часъ?

— Недавно било двѣнадцать.

— Ну, пора значитъ,—самое время. Какъ ты думаешь?

— Да, время—улыбнувшись отвѣтилъ часовой.

— На память я дарю тебѣ мое черное бѣлье. Съ собой не стоитъ брать, и тяжело, и не зачѣмъ. Добуду другое.

— Спасибо.

— Послѣ меня возьмешь. Я вотъ кладу его подъ кровать.

— Слышу. Много благодаренъ за расположеніе.

— Больше бы братъ подарилъ за твою судьбу, да нѣтъ теперь ничего. Когда будетъ случай можетъ быть и отплачу.

— Ладно! сдѣлаемся.

— Ну, я лѣзу, говорилъ Путиловъ, спустивъ уже ноги чрезъ проломъ наружу.

— Лѣзь!

— Ты стрѣлять въ меня не будешь?

— Зачѣмъ стрѣлять!

— Ну спасибо, братецъ.

— Не на чѣмъ.

— Такъ до свиданія.

— Съ Богомъ!

Путиловъ благополучно, въ виду часоваго, спустился чрезъ проломъ на землю, а проводившій его глазами опытный стражъ продолжалъ мѣрно расхаживать предъ пустой камерой.

VI.

ТУРКИ.

Въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ живутъ по преимуществу раскольники купцы. Странники, проживалки, бродяги—богомольцы, странствующіе раскольничьи монахи постоянно проживаютъ въ этомъ городѣ, и всегда на счетъ простоты купечества... Случилось сюда завернуть и Путилову. Онъ давно, по разсказамъ, наслышался объ этой чертѣ жителей мирнаго, глухаго города—и приготовился воспользоваться ею.

— Тутъ и думать нечего, говорилъ онъ. Самъ звѣрь на ловца бѣжитъ.

И онъ изловчился.

Вечернее солнце собиралось спрятаться за горы. На золотыхъ крестахъ церквей догорали красные лучи заходящаго солнца. Купеческое семейство въ саду, подъ тѣнію липъ, пило чай и закусывало печеными кулебяками домашняго приготовленія. Раскольн-

никъ странникъ разсказывалъ о патріархѣ Никонѣ, объ Алексеѣ Михайловичѣ и кстати о нападеніи на Іерусалимскіе монастыри турокъ. То былъ Путиловъ. Онъ уже три дня живетъ въ этомъ домѣ, ѣстъ, пьетъ даромъ въ волю, и кромѣ того по цѣлымъ днямъ бродитъ по городу, собирая съ кружкою рубли на раскольничьи часовни въ Турціи... Собственно говоря, эти мелкіе сборы для него вздоръ, но ему хотѣлось видѣть людей, посмотрѣть хорошенько городъ, побывать въ семействахъ, присмотрѣться поближе къ нравамъ и обычаямъ, попробовать людей и послушать ихъ рѣчь велемудрую...

— Такъ ты говоришь, честной отецъ, спрашивалъ купецъ хозяинъ, что нехристи турки курятъ трубки въ Іерусалимскомъ храмѣ Господнемъ?

— Курятъ.

— И ходятъ въ шапкахъ?

— И въ шапкахъ ходятъ. Но это бы еще ничего, а то и на лошадяхъ ѣздятъ по храмамъ.

— Ужели на лошадяхъ? И испугъ, смѣшанный съ удивленіемъ, изобразился на лицахъ слушающихъ.

— На лошадяхъ!.. Лошади у нихъ эдакія маленькія, арабскія. Въѣдитъ на ней верхомъ въ церковь, во время богослуженія, и собираетъ съ каждаго молящагося по рублю сер., а съ монашествующихъ по два.

— Скажите?..

— А то говоритъ сейчасъ богослуженіе прекращу и церковь запру.

— Экое удивленіе!..

— Вотъ монахи ужъ и расплачиваются за молящихся, потому что гдѣ же взять иному бѣдному богомольцу, или христіанскому крестьянину рубль сер.?

— Экіе нехристи! И отчего это ихъ не побѣдятъ?

— Богу такъ угодно. Имъ бы тогда нечѣмъ было жить и они бы съ голоду померли, какъ мухи. Страна ихъ одинъ камень, ни сѣять, ни жать; а во-вторыхъ, для доброхотныхъ подателей въ Россіи не было бы мѣста благочестію, не на что бы было жертвовать, и душу свою спасать...

— Точно,—и то правда.

— Не было бы и монашествующимъ дороги по Россіи: трудиться, ходить пѣшкомъ и собирать выкупъ отъ турокъ.

— Точно и это.

Въ полночь того же дня, Путиловъ, давно ознакомившійся уже съ расположеніемъ дома, приперъ комнаты, гдѣ спали семейные, внутренними замками и забрался въ кабинетъ купца. Кованный сундучекъ, въ которомъ заключалась вся казна хозяина, стоялъ у изголовья его кровати. Приготовленнымъ напередъ топоромъ, Путиловъ, взломавъ сундучекъ, выбиралъ деньги.

— Что ты, что ты дѣлаешь, честной отецъ, вскричалъ купецъ, поднимаясь съ постели?

— Это на турокъ, отозвался Путиловъ.

— Всѣ деньги-то?

— Да вѣдь и ихъ много,—не одинъ!.. Съ этими словами онъ засунулъ въ ротъ купцу большой платокъ, завязалъ руки назадъ приготовленною веревкою и привязалъ его къ кровати ногами. За тѣмъ въ виду его переодѣлся въ купеческое платье, а свое повѣсилъ на гвоздь, на которомъ висѣлъ хозяйскій нарядъ, и благополучно выбылъ изъ дома, самъ себѣ отворивъ всѣ внутреніе выходы.

До утра пролежалъ купецъ на полу, и когда наконецъ все открылось, Путиловъ далеко ужъ былъ въ дремучемъ лѣсу, окружавшемъ городъ, а скоро на деньги купеческія безбѣдно ѣхалъ по дорогѣ въ Костромскую губернію къ бѣгунамъ, откуда намѣревался быть и въ Нижегородской губерніи, колыбели раскольничьей.

VII.

ЧУДО.

На этотъ разъ Путилову однако недолго пришлось быть на свободѣ. Ограбивъ въ лѣсу ѣхавшаго на ярмарку купца, онъ попался въ плѣнъ крестьянамъ, успѣвшимъ окружить лѣсъ, въ

которомъ скрывался Путиловъ, и тѣ представили его въ мѣстный уѣздный острогъ. Отсюда, по ветхости острога, назначено было отправить его, какъ извѣстнаго уже въ этой мѣстности преступника, въ губернскій острогъ подъ строжайшимъ карауломъ. Наряжены офицеръ и два солдата для его проводовъ. Путиловъ не дремалъ. Занявъ у товарищей острожныхъ пять руб. сер., онъ начертилъ, давно извѣстный ему, ходячій въ острогахъ рецептъ въ аптеку объ отпускѣ мышьяку, и подписалъ его подъ руку мѣстнаго военнаго доктора. Почеркъ руки этого доктора онъ снялъ съ аптекарскихъ сигнатурокъ, уносимыхъ обыкновенно арестантами изъ острожныхъ лазаретовъ, въ которыхъ они лечатся. Жидъ факторъ, исправлявшій за посильную плату всякія комиссіи острожныхъ, досталъ ему изъ аптеки по этому рецепту мышьяку, и получилъ за это въ награду четыре рубля. На дворѣ іюльскіе жары. Этапная подвода медленно тащится по столбовой дорогѣ. Въ воздухѣ не шелохнетъ. Раскаленная солнцемъ дорожная пыль стоитъ столбомъ надъ дорогою и докучливо лѣзетъ въ ротъ и носъ путникамъ. Конвойные, шедшіе съ Путиловымъ позади офицерской подводы, то и дѣло останавливались черпать въ солдатскую жестяную фляжку воду, чтобы утолить жажду. Приближались къ извѣстному холодному роднику, о которомъ конвойные еще за пять верстъ заговорили съ нетерпѣніемъ. Путиловъ хвалилъ родникъ и говорилъ, что знаетъ его хорошо, такъ какъ въ немъ была икона, при чемъ совѣтовалъ конвойнымъ не пить дрянной теплой воды, встрѣчаемой по дорогамъ, и дождаться родниковой.

Жажда конвойныхъ растетъ. Офицеръ тоже попросилъ пить, кучеръ давно уже томился жаждою. Конвойные, со словъ Путилова, рекомендовали подождать родника. Офицеръ и кучеръ согласились.

— И чудная только вода въ этомъ родникѣ, говорилъ Путиловъ конвойнымъ; чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется—и здравъ бываешь.

— Будто?

— Ей Богу. Я слыхалъ, что трижды въ годъ приходитъ къ нему изъ церкви икона, и плаваетъ долго, долго....

— Ужели?

— Право. Но вотъ что чудно. Послѣ каждаго ея плаванія въ родникѣ, вода дѣлается соленою.

— Врешь?

— Провалиться мнѣ, если вру. И что еще чуднѣе: почерпнутая въ чашку вода растетъ.

— Ужели растетъ?

— Такъ -таки и растетъ. Вотъ, примѣрно, дай я покажу тебѣ на фляжкѣ, какъ она растетъ.

Конвойный подалъ Путилову фляжку, прикрѣпляемую обыкновенно къ ремню.

— Вотъ, ты напримѣръ, зачерпнешь въ нее воды на два пальца не до краевъ. Посмотришь, чрезъ пять минутъ вода вырастетъ до верху.

— Ври больше.

— А вотъ самъ увидишь.

При этихъ словахъ Путиловъ всыпалъ ловко мышьякъ въ фляжку и, закупоривъ крышкою, возвратилъ ее по принадлежности.

Наконецъ путники у родника, гдѣ рѣшились сдѣлать небольшой отдыхъ. Конвойный зачерпнулъ въ фляжку воды на два пальца не до краевъ. Путиловъ совѣтовалъ подождать минутъ пять, чтобы видѣть, какъ будетъ расти вода. Жаждущіе ждали, вода не поднималась, но мышьякъ растворялся. Путиловъ говорилъ, что вѣрно конвойный позабылъ перекреститься, когда черпалъ воду.

— Не перекрестился вѣдь?

— Нѣтъ.

— Ну отъ того и не растетъ.

Рѣшились однако выпить фляжку и потомъ произвести новый опытъ надъ водою.

— Дрянь какая-то, говорилъ кучеръ, вытягивая жадно третью отъ фляжки крышку, которою разливалась вода. Конвойные повторили слышанное отъ Путилова о плаваніи иконы въ родникѣ, и рѣшили, что вѣрно недавно она плавала въ немъ.

— Вѣрно недавно, отозвался Путиловъ.

Офицеръ, вытянувъ залпомъ четыре крышки, сквозь зубы про-

цѣдилъ: что за мерзость такая! Путиловъ не пилъ, скромно отзываясь, что подождетъ и напьется послѣ ихъ.

Мышьякъ подѣйствовалъ скоро, и чрезъ полчаса четыре жертвы безъ чуствъ лежали у ногъ Путилова.

Стащивъ обезпамятѣвшихъ за-мертво въ оврагъ и одѣвшись въ офицерское платье, Путиловъ распрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и большимъ бариномъ поѣхалъ по дорогѣ, только не столбовой...

VIII.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Всаднику безъ денегъ продолжать путь было нельзя, и вотъ онъ въ тотъ же вечеръ, пока не огласился его побѣгъ въ этой мѣстности, явился къ жиду Ицкѣ занять денегъ, написавъ предварительно въ дорожной корчмѣ въ родѣ довѣренности отъ эконома графа Б... къ ростовщику.

Дорожная лошадь, вся въ мылѣ, пришпоренная всадникомъ, бойко подкатила къ жилищу еврея. Жидъ напередъ потиралъ отъ удовольствія руки, завидѣвъ гостя-просителя.

— Здравствуй, честной господинъ, проговорилъ Путиловъ, крѣпко пожимая руку еврея.

Жидъ осклабился.

— Много милости, пане высокоименитый.

— Ты меня, можетъ быть, не знаешь, любезнѣйшій, проговорилъ Путиловъ?

— Не имѣемъ высокаго сцастія, отвѣчалъ жидъ, изгибаясь въ дугу.

— Я новый управитель имѣнія графа Б... Вчера только пріѣхалъ изъ Петербурга. Намъ съ тобою придется жить въ ладахъ. Иногда случится перехватить деньжонокъ. Ты, вѣдь, чай былъ пріятелемъ съ прежнимъ-то управителемъ?

— Оценно хорошій былъ человѣкъ.

— Мнѣ на первыхъ порахъ встрѣтилась необходимость въ деньгахъ. Нужно переслать графу въ Петербургъ 800 руб. сер. Надѣюсь, ты, достопочтеннѣйшій, не откажешься ссудить на недѣлю, или на двѣ этой суммой? Вотъ довѣренность отъ экономa, а въ деньгахъ и уплатѣ 20 процентовъ съ рубля я напишу сейчасъ росписку,

Жидъ сіялъ отъ 20 процентовъ и, пробѣжавъ бѣгло довѣренность, дрожащею рукою отсчиталъ 640 руб. сер., вычтя впередъ и проценты. Путиловъ написалъ росписку въ полученіи 800 руб. сереб. для экономіи и просилъ жида явиться за полученіемъ долга чрезъ двѣ недѣли въ экономическую контору.

— Смѣю узнать вашъ чинъ, высокородный пане? спросилъ жидъ.

— Штабсъ-капитанъ.

— Высокій чинъ, говорилъ жидъ, изгибаясь змѣей.

— Да,—ничего.

— А фамилія, смѣю спросить? Не разберу что-то на бумагѣ. Глаза плохи. И жидъ сталъ протирать свои мѣдныя очки.

— Обдуваловъ.

— А! хорошая фамилія, льстилъ жидъ.

— Ничего себѣ.

— У меня былъ знакомый одинъ Обдуваловъ, когда я торговалъ въ полку въ турецкую войну,—высокаго чина: поручикъ, но тотъ былъ совсѣмъ дурной человѣкъ.

— Почему же?

— Не отдавалъ деньгу.

— Ну, это не хорошо!.. Хоть онъ и поручикъ, а не хорошо.

— Оценно не хорошо! говорилъ жидъ, видя въ новомъ управляющемъ человѣка строгой нравственности въ отношеніи уплаты...

— Долги надобно непремѣнно уплачивать, особливо честнымъ евреямъ. Русскому можно иногда и не заплатить, потому что тотъ легко ихъ наживаетъ, ну а еврей, сколько мнѣ извѣстно, всегда пóтомъ и трудомъ наживаетъ копѣйку.

— Большимъ,—оценно большимъ трудомъ, говорилъ жидъ, осклабясь и въ умиленіи склонивъ чорную и шершавую свою голову на бокъ.

— Я знаю это.

— Нельзя ли, пане именитый, кланялся жидъ, прибавить еще 5% на мои денежки. Трудомъ большимъ достались онѣ... Вы такой человѣкъ хорошій...

— Можно, изволь, отвѣчалъ Путиловъ. Въ этомъ я не постою. Какъ пріѣдешь за разсчетомъ, я распоряжусь по конторѣ...

— Какой вы хорошій человѣкъ, высоковельможный пане, говорилъ чуть не ползая у рукъ Путилова жидъ, въ полной увѣренности обирать подобнымъ образомъ почаще новаго управляющаго, такого хорошаго человѣка...

— Ну, почтеннѣйшій, прощай! какъ тебя?

— Ицко Абрамовичъ.

— Честнѣйшій Ицко Абрамовичъ! Надѣюсь, будемъ друзьями.

— Много милости, вельможный пане! И жидъ подъ руки вывелъ Путилова изъ своего жилища и подсадилъ на лошадь, подставивъ свою спину вмѣсто стремянъ.

— До свиданья на томъ свѣтѣ! вскрикнулъ Путиловъ и, давъ шпоры коню, мигомъ исчезъ изъ глазъ кланявшагося въ догонку жида.

Жидъ не понялъ послѣдней фразы Путилова и возвратившись въ свою хату, на листкѣ бумаги сталъ высчитывать карандашомъ будущій капиталъ, какой онъ изъ 25% съ рубля составитъ отъ займовъ новаго управителя, оценно хорошаго человѣка.

Кладъ Богъ послалъ! кладъ, мысленно твердилъ жидъ, обращая глаза къ небу и, отъ избытка чувствъ, потирая руки чуть не до красноты и опухоли...

Въ ту же ночь Путиловъ, на первой же станціи, взялъ лошадей и направился по тракту на Москву, сказываясь, что онъ провожалъ арестанта въ Кіевъ и теперь возвращается въ Москву, для чего, на станціи же подскоблилъ въ бумагѣ, взятой у отравленнаго офицера, города, обозначивъ трактъ проводовъ арестанта изъ Москвы въ Кіевъ. Проѣхавъ одну губернію, онъ измѣнилъ трактъ, загладилъ совершенно свой слѣдъ, и купивъ на одной ярмаркѣ тройку вороныхъ, съ тѣмъ же писменнымъ видомъ и подъ тѣмъ же предлогомъ, продолжалъ путь въ Москву, сказывая, что возвращаться послѣ проводовъ арестантской партіи на своихъ

лошадяхъ онъ находитъ выгоднѣе и спокойнѣе, чѣмъ на перекладныхъ.

IX.

въ глуши.

Въ одной изъ внутреннихъ губерній, на песчаной и глинистой почвѣ, стояло небольшое село. Новыя затѣи новаго вѣка въ него не проникали. Люди жили больше по старинѣ: собирали лѣтомъ рябину и грибы, а зимою мирно лежали на печи и сосали лапу. Барскій домъ съ старою полинялою крышею и покосившимися заборами смотрѣлъ на свѣтъ Божій какимъ-то инвалидомъ и зарос талъ мхомъ. Владѣтельница его, вдова Перепетуя Ивановна, очень любила рябиновку и хорошо солила грибы. Румяная и дородная дочка ея, Полина, съ каждымъ годомъ перешивала платья и ползла, что называется, врозь. Съ каждымъ колокольчикомъ проѣзжаго она ожидала себѣ жениха, но жениховъ не находилось. Странные и сладкіе сны ей снились постоянно, будто она ужъ замужъ вышла, будто не одна ужъ спитъ ...., будто...., но проснувшись она встрѣчалась съ дѣйствительностію, одиночествомъ, и сильно томилась тоскою.... Когда Путилову случилось однажды проѣзжать чрезъ это село, то Полина горничную послала узнать, кто дескать проѣзжаетъ. Путиловъ смѣкнулъ дѣло и, пока отдыхали лошади, отправился познакомиться съ интересной дочкой, посылающей справляться о проѣзжающихъ офицерахъ... Его приняли, закормили, оставили ночевать, уговорили погостить, и чрезъ недѣлю онъ уже собиралъ рябину въ лѣсу съ Полиною въ качествѣ жениха. Люди показались ему черезъ-чуръ просты, и онъ рѣшился воспользоваться ихъ простотою, тѣмъ болѣе и деньжонки у него уже повывелись.

— И какъ это вамъ вдругъ приглянулась моя Полина, говорила Перепетуя Ивановна, сидя съ Путиловымъ за круглымъ столикомъ въ полинялой гостиной и потягивая съ нимъ рябиновку?

— Былъ бы хлѣбъ, отвѣчалъ Путиловъ, а зубы сыщутся; были бы зерна, а мыши набѣгутъ. Ваша дочка—королева писанная.

— И! что вы!

— А къ милому и семь верстъ не околица.

— Ужъ подлинно странно. Вдругъ ѣхали мимо и влюбились...

— Любовь не пожаръ, загорится не потушишь. Да и то сказать: глупый ищетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

— Правда, правда, батюшка. Полина у меня умница, только вотъ не очень богата.

— Что богатство! Богатый безъ ума, что скорлупа безъ ядра. У меня свой домъ въ Москвѣ есть. А мнѣ человѣка нужно. Съ немилымъ свяжешься бѣда; вѣкъ не развяжешься. А по моему, лучше воду пить въ радости, чѣмъ медъ въ кручинѣ.

— Совершенная правда. Какъ это ты, батюшка мой, все пословицами такъ и сыплешь? Любо дорого слушать.

— Людей видалъ. Много въ жизни испыталъ.

— Видно, видно!

А время шло. Поговаривали ужъ о свадьбѣ. Сельскій священникъ не рѣшался однако вѣнчать безъ разрѣшенія начальства и требовалъ бумаги на бракъ. Тутъ же подвернулся и исправникъ, пріѣхавшій поздравить обрученныхъ, —и поддакнулъ попу.

— Вѣдь приноситъ же чортъ такихъ гостей, подумалъ Путиловъ и, запечатавъ пустой листъ бумаги въ пакетъ, надписалъ: «Въ Москву, генералъ-лейтенанту Остолопову». Кучеръ свезъ пакетъ на почту. Недѣлю или двѣ ждали разрѣшенія, и, между тѣмъ, готовились къ свадьбѣ. Въ домѣ мыли, стирали, пекли и варили. Путиловъ гулялъ каждый вечеръ вдвоемъ съ невѣстою въ ближайшемъ лѣсу, собирая съ нею грибки и рябинку.

— Ты не сорвешь вотъ эту кисть рябины, говорила Полина, — и не подашь мнѣ.

— Анъ сорву и подамъ.

И Путиловъ срывалъ кисть рябины и подавалъ Полинѣ.

— А поцѣловать за это можно? обращался онъ къ невѣстѣ.

— Можно.

И женихъ цѣловалъ невѣсту долго, долго... и прижималъ къ

сердцу крѣпко, крѣпко... Прогулки съ каждымъ днемъ учащались и съ каждымъ вечеромъ удлинялись. Перепетуя Ивановна сначала поговаривала было, что долгонько гуляютъ молодые, но потомъ, махнувъ рукой, подумала про себя: вѣдь скоро будутъ мужъ и жена; все равно, что бы ни случилось...

А это—„что бы ни случилось“,—какъ разъ и случилось. Въ одинъ вечеръ гуляющіе возвратились слишкомъ ужъ поздно, и невѣста цѣлый день потомъ не вставала съ постели, отзываясь головною болью... Маменька, понавѣдавшись у дочки, хотѣла было поворчать, но подумала: вѣдь свои почти... Рано ли, поздно ли, все равно вѣдь нужно...

Путиловъ намоталъ на усъ эти обстоятельства дѣла.

Ночь въ началѣ августа 1848 года. Въ деревнѣ тихо, въ домѣ барскомъ еще тише. Перепетуя Ивановна спитъ въ своей спальнѣ мирнымъ и крѣпкимъ сномъ послѣ рябиновки, которою Путиловъ угощалъ ее вечеромъ съ особеннымъ стараніемъ. Когда, послѣ сильныхъ волненій и долгаго раздумья о предстоящей свадьбѣ, заснула наконецъ и Полина крѣпкимъ сномъ... Путиловъ поднялся, ушелъ изъ спальни и забравшись въ кабинетъ (родъ кладовой), гдѣ, какъ по предварительнымъ распросамъ онъ узналъ, хранились деньги и вещи, выбралъ все, что сочелъ нужнымъ: и брилліанты невѣсты, изъ рода въ родъ переходившіе по наслѣдству, и деньги до 2,000 рублей сер. За тѣмъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ на лучшую изъ своихъ вороныхъ лошадей и выѣхалъ благополучно изъ села. Къ утру онъ былъ уже далеко отъ рябиновки и грибковъ, а чрезъ нѣсколько времени, подъ именемъ купца, на прогонной тройкѣ, ѣхалъ уже на ярмарку въ Нижній. Въ домѣ Перепетуи Ивановны, по отъѣздѣ Путилова, утромъ горничныя долго шушукались, завидѣвъ въ полурастворенную дверь спальни офицерское платье, сложенное на стулѣ передъ кроватью барышни... Далеко за полдень, а барышня всѣ еще не вставала. Перепетуя Ивановна, услышавъ отъ кучера оставленнаго Путиловымъ, что одной лошади нѣтъ въ конюшнѣ, рѣшила, что женихъ вѣроятно выѣхалъ утромъ кататься. Стали накрывать на столъ къ обѣду.

— Воры! воры! Батюшки мои, разбойники были, кричала Перепетуя Ивановна, увидѣвъ наконецъ разбитые сундуки и шка-

тулки. Домъ барскій мгновенно встревожился. Собралась дворня. Разбудили барышню, страшно переконфузившуюся отъ офицерской одежды, лежавшей въ ея спальнѣ и ощупываемой любопытными. На платьѣ нашли записку слѣдующаго содержанія: „былъ Антихристъ число звѣрино 666.“

— Батюшки наши! Антихристъ былъ женихомъ, завопили въ домѣ. У трусливыхъ волосы встали дыбомъ. Дочка хлопнулась въ обморокъ, а матушка упрашивала дворню не сказывать никому ни о покражѣ, ни объ Антихристѣ, а говорить всѣмъ, что свадьба разстроилась сама собою, и жениху отказали потому, что онъ получилъ отказъ отъ своего начальства на женитьбу...

. . . . . .

Два года Путиловъ былъ послѣ этого на свободѣ, посѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ „Бѣгуновъ“ своихъ, завертывалъ изъ любопытства къ Рогожцамъ и преображенцамъ, надѣлалъ порядочно преступленій и, выданный однимъ товарищемъ, былъ взятъ и засаженъ подъ крѣпкій караулъ въ башню острожную.

X.

ДОСУГЪ.

Путилову не понравилась двухъ-этажная башня острога. Полъ прорывать было безполезно, потому что подъ нимъ былъ еще этажъ, гдѣ тоже содержались арестанты. Стѣны проломать не было никакой физической возможности, такъ какъ онѣ сложены были изъ огромныхъ толстыхъ глыбъ дикаго камня и туземнаго гранита. Единственное небольшое окно башни, съ толстѣйшею рѣшеткою, зорко стереглось двумя караульными, стоявшими снаружи башни и всегда, въ добавокъ, съ заряженными ружьями. Дѣло подошло очень крутое; но не затруднило оно Путилова. Не долго думая, наскоблилъ онъ ногтями пальцевъ известки со стѣнъ и растеръ ею ноги до легкихъ ранъ. Известка, посыпаемая потомъ въ эти раны, произвела немедленное гноеніе ногъ. Путиловъ потребовалъ

доктора, который, осмотрѣвъ больнаго, донесъ о необходимости лечить арестанта и, обреченный было судьбою на безвыходное положеніе, Путиловъ скоро очутился въ острожномъ госпиталѣ въ особой секретной комнатѣ, предназначаемой обыкновенно для важныхъ преступниковъ. Осмотрѣвши новое помѣщеніе, Путиловъ не замедлилъ сблизиться съ бывшими въ этой камерѣ двумя преступниками Шестовымъ и Шульгинымъ, и скоро подговорилъ ихъ сдѣлать подкопъ.

— За все ужъ я берусь, говорилъ онъ, и дѣло будетъ сдѣлано, какъ нельзя лучше.

— Чѣмъ же будемъ рыть-то, возразили новички въ этомъ дѣлѣ?

— Головой, отвѣчалъ Путиловъ.

— Какъ же это головой?

— Да, головой.

— Что ты?

Путиловъ расхохотался.

Съ этими словами, Путиловъ, вынувъ гвоздь изъ кандаловъ, поднялъ имъ плиту изъ пола и началъ пре[illegible]равно рыть.

— Поняли?

— Поняли.

— Ну такъ за дѣло.

И вотъ заработалъ гвоздь подъ поломъ секретной госпитальной камеры. Плита, поднимавшаяся для работъ, находилась подъ кроватью и, ловко, на случай осмотровъ, вставленная въ свое мѣсто, замазывалась известкою, соскабливаемою со стѣнъ и разводимою на слюнѣ.

На дворѣ іюнь 1850 года. Жаркіе лѣтніе дни зноемъ и духотою разслабляли члены людей самыхъ ретивыхъ и дѣлали ихъ лѣнивыми.

Въ острогѣ большая часть преступниковъ, разстаявшая отъ жаровъ, спитъ и днемъ, и ночью. Часовые острожные жарятся на солнцѣ въ продолженіе цѣлыхъ 18 часовъ въ сутки и вяло дѣлаютъ на караулъ проходящему начальству. Но не дѣйствуетъ природа физическая на трехъ преступниковъ, неутомимо работающихъ надъ подкопомъ. Путиловъ распоряжался работами съ умѣ-

ньемъ большого знатока дѣла. Спѣшно рылась земля, выбирался исподъ стѣны и разбирался бутъ острожный. Камни, земля и кирпичи растаскивались и умѣщались аккуратно и съ большою экономіею подъ поломъ, въ разныхъ мѣстахъ. Трудъ не прерывался почти ни на минуту и распредѣлялся по часамъ на каждаго. Чрезъ пять недѣль досужная работа была окончена. Все готово было къ побѣгу. Наступила послѣдняя ночь на 26 іюля, въ которую трое важныхъ преступниковъ острога должны были сказать „послѣднее прости“ своему мѣсту заключенія.—Ровно часъ ночи. Небо заволокло. Въ воздухѣ тихо и вѣтеръ не шелохнетъ. Часовые на караулахъ дремлютъ, заключенные спятъ, только въ городѣ слышны, по временамъ, перекликанія уличныхъ караульныхъ, звонкое эхо которыхъ далеко переливается въ воздухѣ и тихо замираетъ близъ острога.

— Кому же первому выйдти чрезъ подкопъ? Всѣмъ вмѣстѣ нельзя, говорилъ Путиловъ, имѣвшій при этомъ вопросѣ свои соображенія и планы...

Шестовъ и Шульгинъ, нетерпѣливо предвкушавшіе свободу, въ одинъ голосъ пожелали выйдти первыми. Путиловъ этого и добивался. Онъ очень хорошо зналъ, что при неудачѣ пуля часоваго попадетъ въ лобъ первому, и потому великодушничалъ предъ ними и согласился охотно на ихъ желаніе...

— Ну, а если вы успѣете уйдти, а меня задержатъ, и я долженъ буду остаться опять здѣсь. Что тогда?

Шестовъ и Шульгинъ мялись, не зная, что отвѣчать.

— Вѣдь трудъ-то былъ раздѣленъ по-ровну на васъ и на меня?

Молчаніе.

— Что сробѣли?

Опять молчаніе.

— Но я не изъ трусовъ, продолжалъ Путиловъ. Останусь здѣсь, такъ съумѣю уйдти.

Шестовъ и Шульгинъ просіяли. Поднялась плита пола, и Шестовъ съ Шульгинымъ отправились чрезъ подкопъ. Путиловъ наблюдалъ въ окно. Чрезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ часоваго, и пуля положила Шестова на мѣстѣ.

— Аминь! проговорилъ Путиловъ. Шульгину приходилось попасть на штыкъ, и у него съ часовымъ завязалась драка. Для Путилова настало ожидаемое, такъ вѣрно разсчитанное время. Въ одно мгновеніе, спустившись въ подкопъ, онъ воспользовался борьбою часоваго съ Шульгинымъ и, съ необыкновенною ловкостію и быстротою, проскользнулъ мимо борющейся группы.

Шульгинъ, въ результатѣ борьбы, попалъ наконецъ на штыкъ часоваго, а Путиловъ по трупамъ ихъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ острога.

Судьба однако почему-то сдѣлалась немилостива къ Путилову, и чрезъ полгода онъ былъ застигнутъ въ расплохъ при убійствѣ набожнаго старика хозяина въ одномъ раскольничьемъ купеческомъ домѣ, гдѣ былъ принятъ и ублажаемъ подъ видомъ странника, собирающаго съ книгою и кружкою на тайные раскольничьи монастыри. Въ пойманномъ узнали прежняго знакомаго и заключили его въ самое крѣпкое мѣсто, какое только сыскалось въ острогѣ,— въ секретную.

XI.

АЗБУКА.

Секретная камера въ острогѣ, куда засадили Путилова, находилась въ самомъ углу кривaго корридора въ совершенно глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Днемъ темно, ночью безлюдно и скучно. Путилову не понравился этотъ hôtel, и онъ рѣшилъ проститься съ нимъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

— Отвели бы хоть попросторнѣе и посвѣтлѣе даровую квартиру-то, думалъ новый гость; по крайней мѣрѣ мѣсяцъ другой поспалъ бы съ удовольствіемъ на свободѣ, а то чортъ знаетъ, что такое, какой-то погребъ!

И такъ, рѣшено было перемѣнить мѣсто жительства, и приступлено къ дѣйствію. Планъ мгновенно созрѣлъ въ головѣ, а исполненіе его зависѣло отъ смѣлости и обстоятельствъ. Начато было съ двери. Отломавъ въ камерѣ плинтусъ отъ пола, Путиловъ вставилъ его между дверью и косякомъ такъ, что успѣлъ оттянуть отъ косяка пробой, въ который былъ вдѣтъ замокъ. Оставивъ этотъ пробой въ косякѣ до удобнаго случая, онъ въ слѣдующій вечеръ вынулъ масло изъ горѣвшаго у него въ камерѣ ночника и вымазалъ имъ петли желѣзной двери на тотъ случай, чтобъ она не вздумала скрыпнуть, когда нужно будетъ отворить ее. За тѣмъ вынулъ изъ подъ окна кирпичъ и привязалъ его къ концу полотенца: тѣмъ приготовленія пока и кончились. Настала ночь на 6 января 1861 года. Въ острогѣ все спало крѣпкимъ сномъ. На дворѣ вьюга и морозъ. Вѣтеръ дико завывалъ на просторѣ и лѣпилъ снѣгомъ глаза караульнымъ, стоявшимъ внѣ острога. Занесенные снѣгомъ съ ногъ до головы, часовые стояли, какъ одѣтые въ саванъ мертвецы, укутавшись въ свои бараньи тулупы и закрывши лице воротниками. Въ полночь Путиловъ всталъ съ постели и началъ собираться. Ярко горѣлъ ночникъ въ его простѣнкѣ и будто силился ему услужить. Путиловъ потушилъ ночникъ и, обратившись къ часовому, просилъ его спуститься внизъ, и принесть масла. Начало было удачно. Часовой послушался и спустился внизъ, а Путиловъ между тѣмъ приготовилъ дверь свою и вынулъ изъ нея скобу. Масло подлито, камера заперта и часовой снова на часахъ.

— А что, любезный братъ, обратился къ нему Путиловъ, тебя чай сонъ клонитъ; поболтаемъ немного. Мнѣ что-то не хочется спать.

— Можно, говоритъ часовой, и обратился къ Путилову лицомъ.

— Ты грамотный? продолжалъ Путиловъ.

— Нѣтъ.

— Жаль.

— Что дѣлать? Не учили.

— А ты бы хотѣлъ учиться?

— Какъ не хотѣть! Да ужъ поздно, притомъ и служба.

— Пустяки. Хочешь, я выучу тебя писать?

— Какъ не хотѣть, да мудрено,—не поймешь.

— Вздоръ сущій. Я выучу тебя въ одинъ вечеръ.

— Много благодаренъ буду.

— Бери въ руки уголь и черти на стѣнѣ буквы, а я тебѣ буду подсказывать.

Путиловъ высунулъ въ отверстіе двери уголь, напередъ приготовленный.

— Да какъ же это углемъ-то?

— Самое лучшее и испытанное средство. Уголь очень помогаетъ.

Часовой взялъ уголь и обратился лицемъ къ противуположной бѣлой оштукатуренной стѣнѣ узкаго острожнаго корридора.

— Ну вотъ пиши колесо, диктовалъ Путиловъ.

— Какъ же это колесо?

— Очень просто. Дѣлай кругъ, или ободъ колесный, только безъ втулокъ и спицъ.

— Вотъ что! Ладно.

И часовой вывелъ на стѣнѣ кругъ.

— Теперь приставь къ колесу шестъ.

Какъ же это? Такъ-таки шестъ?

— Такъ и пиши шестъ.

— Ладно.

И шестъ къ колесу приставленъ.

— Это вышло теперь буква азъ. Понялъ?

— Какъ не понять! Что-то больно просто.

— Ну вотъ. Я говорилъ, что не мудрено. Теперь пиши корыто.

— Какъ же это корыто. Ужель и вправду корыто?

— Да. Такъ-таки и пиши корыто, а потомъ въ него сядешь и поѣдешь...

— Что ты?

— Да. Такъ-таки сядешь и поѣдешь.

И съ этими словами Путиловъ, растворивъ желѣзную дверь своей камеры, смазанную масломъ, со всего размаху, завязаннымъ въ край полотенца кирпичемъ, ударилъ въ затылокъ своего ученика, и ударъ прилаженъ былъ такъ ловко, что тотъ, не вскрикнувъ, какъ снопъ, повалился на землю. На-скоро схвативъ часоваго съ полу, Путиловъ тотчасъ же перенесъ его въ свою камеру и, ослабивъ свѣтъ въ ночникѣ корридорномъ, уложилъ часоваго, переодѣтаго

въ свое платье на кровать, на ноги надѣвъ свои кандалы, которые разломалъ пробоемъ дверным, самъ же, нарядившись въ его шинель, сапоги и каску, сталъ съ ружьемъ, на караулъ близъ своей камеры, которую плотно затворилъ и заперъ задвижкою.

Пробило 3 часа по полуночи. Глухо раздался звонокъ на гауптвахтѣ острожной, возвѣщавшій смѣну часовыхъ. Вѣтеръ, по прежнему, стучалъ въ переплетенныя рѣшотками окна острога. Путиловъ, ослабивъ свѣтъ ночника въ корридорѣ и надвинувъ каску пониже на глаза, ходилъ на часахъ, спокойно ожидая смѣны. Явился дежурный по карауламъ офицеръ съ партіею солдатъ, разставляемыхъ по постамъ. Путиловъ сдѣлалъ на караулъ.

— Все ли обстоитъ благополучно? окликалъ офицеръ.

— Въ наилучшемъ видѣ, ваше высокоблагородіе.

— На караулъ! скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сдѣлали на караулъ и одинъ изъ нихъ отдѣлился для занятія поста Путилова.

— Честь и мѣсто, сдача старая! проговорилъ Путиловъ, и сдѣлавъ полуоборотъ, присоединился къ смѣненнымъ съ караула.

— На лѣво кругомъ, —маршъ! скомандовалъ офицеръ и солдаты отправились за нимъ на гауптвахту, а съ ними въ строю пошелъ и Путиловъ.

Вышедши на дворъ, офицеръ скомандовалъ: „по мѣстамъ“!

И солдаты, смѣненные съ карауловъ отправились въ караулку спать, а Путиловъ, подъ предлогомъ естественной надобности, отправился во всемъ нарядѣ въ отхожія мѣста, изъ коихъ чрезъ яму и выбылъ благополучно изъ острога.

Часовые долго еще потомъ караулили въ секретной камерѣ мертвое тѣло собрата.

По осмотрѣ камеры, въ которой сидѣлъ Путиловъ, нашли на стѣнѣ слѣдующую надпись, сдѣланную гвоздемъ: „выбылъ 1852 года. Генералъ-лейтенантъ Путиловъ и кавалеръ, по раскольническому же имени Бѣгунъ“.

XII.

СТАРОСТЬ—НЕ МЛАДОСТЬ.

Черезъ 14 лѣтъ послѣ этого, въ одной тюрьмѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ преждевременно посѣдѣвшій человѣкъ и ждалъ приговора въ каторжныя работы безъ срока. Въ лицѣ его всякій могъ прочесть усталость, утомленіе жизнію и явную физическую надорванность. Только глаза по временамъ блестѣли неестественнымъ свѣтомъ и загорались на минуту, какъ раскаленные уголья. Тѣло иногда судорожно оживлялось и готовилось какъ бы въ бой на страшную битву. Но все это тотчасъ же смѣнялось безсиліемъ и затѣмъ покорностію. Часовому не нужно было зорко сторожить свою жертву, желѣзные кандалы не рисковали больше быть разбитыми или разорванными, какъ пеньковая веревка. Силы его оставили, энергія потухла, тѣло разслабло, и преступникъ, зная объ уничтоженіи кнута и плетей, за невозможностію получить свободу, приготовился послѣдніе дни своей жизни провести въ каторгѣ... Спокойно выслушавъ свой приговоръ, онъ зашагалъ по владиміркѣ, звуча однообразно тяжелыми кандалами на ногахъ и рукахъ. То былъ Путиловъ. Преждевременно посѣдѣвшая голова его, опущенная постоянно внизъ, дряблое тѣло и сгорбленный видъ, показывали, что въ немъ нѣтъ уже прежней силы, что страшные подвиги его кончились. Мрачно взглядывалъ онъ на часовыхъ конвойныхъ, своихъ всегдашнихъ враговъ, и порой взглядъ его блестѣлъ какимъ-то неестественнымъ блескомъ, но силы измѣняли Путилову, тѣло не повиновалось ему болѣе. „Эхъ кабы молодость“! думалъ онъ. А впрочемъ на что она, когда такъ грѣшно проведена?“... Этапъ смѣнялся этапомъ, верста верстой, и партія близилась къ Сибири..

IV.

СКАКУНЫ.

Говорятъ, что городъ С.-Петербургъ, какъ окно, прорубленное Петромъ I изъ темнаго государства Россійскаго въ просвѣщенную Европу, не долженъ заключать въ себѣ тѣхъ сектъ, какими изобилуетъ первопрестольная, напр. Москва и другіе города пространной земли русской; что въ немъ если какія могутъ родиться и жить секты, такъ это секты раціоналистическія, свойственныя вообще людямъ, вышедшимъ изъ невѣжественнаго состоянія мужика и стоящимъ на извѣстной ступени цивилизаціи.... По идеѣ такъ это и должно быть, но на самомъ дѣлѣ оказывается противное. Петербургъ, по исторіи, оказывается разсадникомъ, правда не чисто русскихъ сектъ, въ родѣ напр. Аввакумовщины, Ѳедосѣевщины, Діаконовщины и т. п., а сектъ иностранныхъ (какъ оно и подобаетъ быть, ибо и самое названіе города „Санктъ-Петербургъ“ есть иностранное названіе) — до того велемудрыхъ, что русскому мужику, при его незатѣйливой, морозами сжатой фантазіи, и не выдумать бы никогда такихъ сектъ.... Для образчика мы можемъ указать здѣсь на „секту скакуновъ“, вошедшую свободно чрезъ прорубленное въ Европу окно въ Петербургъ и, наконецъ, отправившуюся благополучно разгуливать по Россіи, по мужичьимъ курнымъ избамъ, наполненнымъ лѣстовками и ладоницами (у раскольниковъ), а у нѣкоторыхъ (чувашъ, мордвы и т. п.) и деревянными истуканами въ переднемъ углу...

Секта „скакуновъ“ дѣйствительно, какъ иностранная гостья, штука презатѣйливая, перешедшая же въ русскую избу мужика вещь отвратительная. Какъ секта эта явилась въ Петербургѣ, и въ какой формѣ очутилась потомъ въ избѣ мужика русскаго, мы имѣемъ случай сказать здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ по достовѣрнымъ источникамъ.

Извѣстно, что въ Михайловскомъ замкѣ въ С.-Петербургѣ, въ

томъ самомъ замкѣ противъ Лѣтняго сада, въ которомъ нынѣ помѣщается Инженерная Академія, въ 1817 г. „общество братьевъ и сестрицъ“, собиравшееся въ квартирѣ урожденки остъ-зейскаго края полковницы Буксгевденъ играло во взаимныя лобызанія, что для полковниковъ и офицеровъ гвардіи, бывшихъ членами этого затѣйливаго общества, не могло не составлять своего рода утонченнаго удовольствія... Года черезъ четыре послѣ этого въ Петербургѣ же, въ Коломенской части, гдѣ, нынѣ выстроена финская церковь, въ одномъ изъ отдаленныхъ домовъ,—какъ отраженіе общества полковницы Буксгевденъ,—явилось подобное же общество въ низменныхъ слояхъ петербургскаго народонаселенія, принадлежавшаго къ финскому приходу, гдѣ вмѣсто верченія на одной ногѣ, члены общества прямо уже скакали (отъ чего и называются скакунами) по комнатѣ и при наитіи (будто) св. Духа, во время скаканія обнимали всякій кому кто нравился: парни дѣвокъ, дѣвки парней; потомъ въ полночь, покончивши обниманія и братскія, во Христѣ, цѣлованія, гасили свѣчи и падали на полъ попарно, каждый съ избранною; въ каковомъ положеніи и спали до утра... Вотъ какія свѣдѣнія сообщилъ правительству въ 1823 году петербургскій лютеранскій епископъ Сигнеусъ о коломенской с.-петербургской сектѣ „скакуновъ“. Я посѣтилъ, говоритъ Сигнеусъ, тайно собраніе скакуновъ въ одной глухой улицѣ, въ надворномъ домѣ, и засталъ значительное число людей изъ черни, кои избѣгали дать подробное объясненіе своего ученія и, вѣроятно, не имѣли еще строго-образованной системы. Они объяснялись въ общихъ выраженіяхъ, принимали катихизисъ, признавали Библію основаніемъ вѣры и утверждали, будто бы не употребляли иныхъ назидательныхъ книгъ, кромѣ одобренныхъ надлежащею цензурою. Они ссылались, однако же, на внушенія, чувствованія и откровенія свыше, которыя они не хотѣли, да и не въ состояніи были объяснить. Невнятныя слова, произносимыя нѣкоторыми изъ нихъ безъ значенія и смысла, называли—внушеніемъ новыхъ языковъ и тѣмъ старались дѣйствовать на легкомысленныхъ и невѣдущихъ. Шумныя восклицанія, судорожныя потрясенія, скачки, безстыдныя обниманія и поцѣлуи, съ дикимъ прыганьемъ и пляскою, отличали ихъ собранія.... Въ нихъ принимали преимущественное участіе мастеровые лютеранскаго испо-

вѣданія. Собраніе продолжалось съ 8 часовъ вечера до полуночи; тогда присутствовавшіе ложились спать попарно, каждый со своею избранною.... Кромѣ немногихъ исключеній, мужчины были между ними молодые, холостые люди, а женщины, по большей части, замужнія, которыя, подъ конецъ, совсѣмъ отбились отъ своихъ мужей... Говорили сперва, что между скакунами не происходило плотскаго сближенія, хотя они предавались вольностямъ, которыя называли слѣдствіями (изъявленіями) христіанской любви: но, по формальному дознанію, плотское сближеніе не подлежало никакому сомнѣнію... Безстыдство доходило до того, что при окончаніи общественнаго богослуженія, въ воскресные и праздничные дни, они позволяли себѣ позади финской церкви непристойныя ухватки и изъявленія любви ко всеобщему соблазну. И такъ, къ чему „братцы и сестрицы“ въ Михайловскомъ замкѣ были близки, но до чего не дошли по порядочности тона (членами были гвардейскіе полковники, тайные совѣтники и пр.), къ тому, чрезъ три-четыре года, приблизились братцы и сестрицы изъ мастеровыхъ Коломенской части гор. С.-Петербурга. Въ этомъ низменномъ слоѣ общества, вмѣсто стиховъ, распѣвавшихся аристократіей въ Михайловскомъ замкѣ:

Дай намъ Господи
Къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ сына твоего, и пр., —

пѣлись подъ дикую пляску и скачку другіе уже стихи, плебейскаго сложенія, какъ напримѣръ:

Скокъ, скокъ,
Мой миленькій дружокъ,
Ляжемъ бокъ о бокъ
Въ темный уголокъ...

Собранія „скакуновъ“ были запрещены полиціею, по требованію лютеранскаго духовенства. Тогда они принесли жалобу министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ которой объясняли, что „богослужебныя упражненія ихъ состояли въ миролюбивыхъ братскихъ во Христѣ сходбищахъ послѣдователей Аугсбургскаго исповѣданія; въ пристойныхъ взаимныхъ привѣтствіяхъ христіанскихъ, кои сопровождались, между прочимъ, такъ называемымъ цѣлованіемъ любви; въ совокупномъ пѣніи и моленіи по обыкновеннымъ церковнымъ книгамъ евангелическаго исповѣданія: въ продолжитель-

ныхъ рѣчахъ и проповѣдяхъ библейско-назидательнаго содержанія, произносимыхъ разными проповѣдниками, которые, по внутреннему вдохновенію, возставали изъ среды собранія, приготовленные къ тому общимъ пѣніемъ и молитвою; въ сильныхъ тѣлесныхъ потрясеніяхъ, судорожныхъ колѣнопреклоненіяхъ и паденіяхъ на землю съ плачемъ, воздыханіями и сѣтованіями, смотря потому, какъ то или другое вызывалось у слушателей поразительными проповѣдями; въ воспряданіи или пляскѣ нѣкоторыхъ слушателей, смотря по внутреннему потрясенію, или восторгу, произведенному въ нихъ проповѣданными истинами". И внушенія духовенства, запрещенія полиціи были безуспѣшны; „упражненія превратной набожности, завлекавшей въ чувственность, имѣли для „скакуновъ" неотразимую прелесть".... Не довольствуясь своими собраніями, они заботились о распространеніи секты. Вскорѣ въ окрестностяхъ С.-Петербурга, въ Ропшѣ и сосѣднихъ финскихъ деревняхъ, появились подобныя сборища; но самые ревностные послѣдователи находились въ С.-Петербургѣ; далѣе сборища открылись въ Царкосельскомъ уѣздѣ. Секта пророчествующихъ и вдохновенныхъ пошла, такимъ образомъ, по народу. сопровождаемая на пути своемъ громаднымъ успѣхомъ. Идея секты, такъ ярко обрисовавшаяся въ стихѣ:

Мой миленькій дружокъ,
Ляжемъ бокъ о бокъ
Въ темный уголокъ...

была заманчива для черни...

Пасторъ Грунстремъ разсказываетъ въ донесеніи своемъ правительству, что онъ, по порученію начальства, собиралъ свѣденія объ этой сектѣ близъ Ропши, откуда она перешла въ Петербургскій, изъ него въ Ямбургскій и Царскосельскій уѣзды, и появилась въ Гдовскомъ, и дознался, что „скакуны", по предварительному тайному извѣщенію, собирались для молитвы всегда ночью: зимою въ какой-нибудь удаленной отъ жилья ригѣ или избѣ, лѣтомъ же въ глухомъ лѣсу. Къ собраніямъ допускались посторонніе, но въ присутствіи ихъ обряда скачки не бываетъ. По надлежащемъ приготовленіи къ молитвѣ, главный наставникъ, стоя въ срединѣ, въ бѣлой одеждѣ, читаетъ молитвы на чухонскомъ языкѣ обыкновеннымъ голосомъ, переходящимъ постепенно въ веселый напѣвъ. Когда

онъ замѣтитъ, что торжественность напѣва достаточно подѣйствовала на слушателей, то начинаетъ привскакивать... Слушатели, тоже поющіе, подражаютъ ему; восторгъ, увеличиваясь постепенно, выражается возможно высокими прыжками. Иные доходятъ до изступленія, скачутъ на четверенькахъ и кричатъ почти дикимъ голосомъ; причемъ скачутъ всегда попарно, мужчина съ женщиной,— взявшись за руки, большею частію по предварительному согласію,— и когда уже сильно устанутъ, и наставникъ объявитъ, что онъ слышитъ въ небѣ пѣніе Ангеловъ, то на томъ же мѣстѣ ложатся спать по-парно, причемъ совокупленіе между ближайшими родственниками не считается грѣхомъ, на томъ основаніи, что, по словамъ евангелія, всѣ люди братья по духу... Спятъ они послѣ скачки довольно долго и крѣпко...

Изъ таинствъ: а) бракъ совершенно отвергается ими. Опираясь на нѣкоторыя событія священнаго писанія (совокупленіе Лота съ дочерьми, 300 женъ и столько же наложницъ царя Соломона), они не признаютъ брака, и хотя для отклоненія отъ себя подозрѣній вступаютъ въ бракъ, но семейной жизни всячески избѣгаютъ. б) Крещеніе между ними неизвѣстно. Увѣряютъ, что ревностные изъ скакуновъ оскопляютъ себя. Замѣчено, что въ деревняхъ, гдѣ была развита эта секта, народонаселеніе уменьшается. в) Причащеніе существуетъ только по идеѣ и выражается въ формѣ совершенно искаженной; ревностнѣйшіе сосутъ языкъ учителя, другіе цѣлуются только съ нимъ, а менѣе достойные цѣлуютъ его руку, или ногу повыше колѣнъ... „Скакуны“ ходятъ въ церковь и кирку только для того, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе.

Доказательствомъ того, продолжаетъ Грунстремъ, что ученіе этой секты не имѣетъ никакого твердаго основанія, служитъ и то, что „скакуны“, не признавая основныхъ началъ православной и лютеранской церкви, признаютъ всѣ праздники, наканунѣ которыхъ у нихъ бываютъ собранія, достигающія иногда до 500 человѣкъ. Обыкновенныя сборища бываютъ въ избахъ, наканунѣ каждой среды и пятницы.

Сектаторы носятъ одноцвѣтную, иногда съ кожанымъ поясомъ, синюю, но больше черную одежду и избѣгаютъ цвѣтной; православные не имѣютъ на шеѣ крестовъ; дѣвки подстригаютъ волосы и

не носятъ серегъ и бусъ, а замужнія и головныхъ повязокъ. Подобно скопцамъ, „скакуны“ не пьютъ горячихъ напитковъ, не ѣдятъ мяса и вообще очень воздержны въ пищѣ. Лица у нихъ блѣдныя и осунувшіяся, такъ что ревностнаго скакуна или скакунью можно узнать съ перваго взгляда.

Главный лжеучитель скакуновъ, по словамъ Грунстрема, былъ, въ 820 — 30 годахъ, крестьянинъ Петергофскаго уѣзда Іоганнъ Миккелевъ, признававшійся святымъ и преемникомъ Іисуса Христа; онъ исполнялъ таинство причащенія, давая для этого ревностнымъ сектаторамъ сосать языкъ свой... Онъ постоянно находился въ отлучкѣ, укрываясь отъ преслѣдованій правительства. Секта скакуновъ распространена была въ 820—30 годахъ особенно въ Петергофскомъ уѣздѣ. Замѣчательна деревня Губаницы. Здѣсь оказалась принадлежащею къ сектѣ племянница пастора, Аврора, жившая прежде въ Петербургѣ. Она извѣстна была за ревностную скакунью; даже самого пастора подозрѣвали въ принадлежности къ скакунамъ. Въ одномъ сборищѣ, на Вербное Воскресенье, Аврора представляла ослицу: на нее надѣли узду, за которую вели ее два человѣка, а верхомъ на ней сидѣлъ главный наставникъ; сошедши съ нея онъ три раза ударилъ ее ладонью, произнося слова: „возстани осля и жребя подъяремнича“!..

Близь селенія Волосова бывали ночью въ лѣсу собранія человѣкъ до 500, и близь этого лѣса видѣли тогда экипажи, пріѣзжавшіе изъ Петербурга...

Тутъ въ столицѣ дѣйствовалъ, говорятъ, на этой дорожкѣ нѣкто тайный совѣтникъ Поповъ и др. Въ 1825 году „скакуны“ Петербургской губерніи подали всеподданнѣйшее прошеніе о дозволеніи имъ заниматься упражненіями въ библейскомъ благочестіи. Для разсмотрѣнія этого дѣла составленъ былъ комитетъ изъ С. Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ и лютеранскаго епископа Сигнеуса. Комитетъ вывелъ такія заключенія: 1) сектанты эти изъ словъ св. писанія „повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкамъ“ заключаютъ, что они не обязаны повиноваться повелѣніямъ начальства, когда оно запрещаетъ имъ распространять ложныя ихъ понятія о религіи, которыя вооб-

раженіе ихъ представляетъ вдохновенными свыше; 2) по мнѣнію ихъ, всякій, кто бы ни былъ, можетъ проповѣдывать безъ позволенія, не бывъ поставленъ въ духовный санъ и не имѣя никакого надъ собою надзора; 3) по правиламъ ихъ, величайшее благочестіе состоитъ въ громкихъ воздыханіяхъ и сѣтованіяхъ, въ сильныхъ тѣлесныхъ потрясеніяхъ, скачкахъ, паденіяхъ на землю, вспрыгиваніяхъ, пляскѣ и распутномъ обращеніи лицъ обоего пола между собою; 4) бракъ почитаютъ они противнымъ религіи, которая по ихъ мнѣнію, не препятствуетъ находящемуся въ супружествѣ лицу питать пламенную любовь къ другому, имѣющему съ нимъ одинаковыя чувствованія; это согласованіе чувствъ приписываютъ не физическимъ, не нравственнымъ причинамъ, а сверхъ-естественному дѣйствію... Одинъ изъ лицъ находился въ плотскомъ смѣшеніи съ двумя женщинами — матерью и дочерью, а другой, отдѣливъ отъ общей связи слова св. писанія — „яко нѣсть наша брань въ крови и плоти, но къ началамъ и властямъ и къ міродержателямъ тьмы вѣка сего“,—находилъ въ этомъ изрѣченіи оправданіе противозаконнымъ поступкамъ своего общества и побужденіе къ противоборству свѣтской власти и всякому вообще начальству. Изъ нихъ мужчины были сосланы въ крѣпости, а женщины въ рабочіе домы. Но посѣянное однажды на рыхлую почву сѣмя, всегда даетъ свои отпрыски. Тутъ мѣры правительства безуспѣшны относительно того, чтобы сразу вырвать все сѣмя изъ земли и не дать ему роста... Секта „скакуновъ“ бродила по Россіи сначала какъ путникъ съ посохомъ въ рукѣ, а потомъ какъ бодрый парень въ поддевкѣ, въ объятія котораго бросались молодые молодицы и красныя русскія дѣвицы... припѣвая голосомъ хороводнаго напѣва:

Мой миленькій дружокъ,
Ляжемъ бокъ о бокъ
Въ темный уголокъ...

Въ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, въ 820—30 годахъ прыгали уже „скакуны“ чисто русскаго происхожденія. Они ходили въ церковь и причащались св. таинъ, но имѣли ночныя собранія, подъ воскресные дни и большіе праздники, въ особой избѣ, гдѣ одинъ садился на возвышенномъ мѣстѣ, а возлѣ него, по правую и по лѣвую руку, размѣщались 6 мужчинъ въ длинныхъ рубахахъ

безъ штановъ; женщины и дѣвицы, числомъ около 40, въ однѣхъ исподнихъ, безъ сарафановъ, бѣлыхъ рубахахъ, схватясь за руки, топали ногами по полу, дико скакали, прыгали на четверенькахъ и пѣли пѣсни:

Погодушка подувала
Сине море всколыхала,
Всѣ мосточки разорвала;
Всѣ святые испугались...
Одинъ Духъ Святой остался
И въ гусельки заигралъ;
Всѣхъ онъ вѣрныхъ созывалъ
И въ келейну собиралъ...
Ужъ вы вѣрны, ужъ вы вѣрны,
Пріидите всѣ въ моленну;
Я за ваши за труды
Золоты вѣнцы солью,
А еще-то за труды
Золоты солью трубы.
Вѣрны, вѣрные-то всѣ,
Всѣ попарно и сходились...
Ужъ вы знайте, ужъ вы знайте,
Одѣвайте всякъ свово!..
—Ужъ мы знаемъ, ужъ мы знаемъ,
Одѣваемъ всякъ свово!

И дѣйствительно, длиннорубашные скакуны одѣвали въ полночь, когда тушились свѣчи, всякъ свово... парень дѣвку, баба парня, приговаривая ложась попарно:

Ужъ мы знаемъ,
Ужъ мы знаемъ,
Одѣваемъ всякъ свово ..

Въ собраніяхъ своихъ зарайскіе скакуны избирали изъ среды своей 4 мужчинъ и 5 женщинъ, которыя особенно прыгали „безобразно“ и били себя въ грудь; послѣ чего наступало молчаніе, и изъ другой комнаты выходила дѣвица, называла себя Богородицею, а хозяина дома Христомъ, и пѣла разныя „богохульныя пѣсни“, въ родѣ слѣдующихъ:

Грядите невѣсты
Въ чертоги небесны,
Грядите вы спѣшно,
Душою пресвѣтлой,

Въ небесный градъ,
Для вѣчныхъ наградъ...
Женихъ васъ встрѣчаетъ,
Любезно принимаетъ...
Онъ всѣхъ насъ урядитъ,
Близъ себя, прикрывши, посадитъ...

(Христа изображаетъ мужикъ, который потомъ и ложится съ невѣстами спать)

Лицомъ къ лицу...
И всѣхъ къ Творцу.
Ужъ вы, дѣвы, не спите
Всѣ вы темны ночи,
Не смыкая очи...

(На самомъ дѣлѣ невѣсты въ полночь, или къ утру, засыпали крѣпко съ женихами своими)

Свѣтильники вжигайте
И ихъ украшайте,
Жениха къ себѣ ожидайте;
Чтобы они горѣли,
Вамъ будетъ веселѣе...
Тѣ дѣвы не спятъ,
Не спятъ темны ночи,
Не смыкаютъ очи;
Свѣтильники вжигаютъ
И ихъ украшаютъ,
Жениха къ себѣ поджидаютъ.
Грядетъ онъ въ полунощи...

(Въ полночь у скакуновъ и начинается свалка попарно)

Ахъ! какъ на свѣтѣ жити,
Съ тѣломъ не грѣшити...
Лѣнивыя дѣвы
За дверьми остались,
Стали вдругъ проситься:
Гдѣ-бъ намъ помѣститься?
Женихъ имъ отвѣчаетъ,
На бракъ къ себѣ не принимаетъ:
Азъ не знаю васъ,
Вы подите прочь:
Вамъ окончилась ночь!...

(Запоздавшія скакуньи не принимаются на свалку)

Печальны дѣвы стали,

Что долго ночи спали...
Пошли тѣ дѣвы
Въ превѣчну муку; (?)
Встали тѣ дѣвы
Возлѣ лютыхъ мукъ,
Безконечныхъ мукъ,
Злѣ бѣсовскихъ рукъ!...

Во время распѣванія такихъ пѣсень, присутствующіе крестились и кланялись дѣвкѣ, называя ее Богородицею; затѣмъ она раздавала присутствовавшимъ даръ святаго духа, произнося, что царь на землѣ великъ, но и тотъ подъ ея властію... Поутру, проспавши ночь попарно, скакуны говорили:

Ахти! добрый молодецъ загулялся
На утренней зоренькѣ спать ложился.
На восходѣ солнца пробуждался;
Съ травоньки росой умывался,
Бѣлою рубашечкою (женскою) утирался,
На всѣ на четыре сторонушки поклонился.
Вы здоровы ли, братцы, спали-почивали?
А я, добрый молодецъ, нездоровъ спалъ:
Будто по крутымъ бережкамъ загулялся,
Будто крутой бережекъ обвалился,
И я лѣвой ноженькой оступился...
Правой рученькой схватился,
За то ли за крѣпкое деревцо—за кручину...
и проч.

Въ городѣ Юхновѣ, Смоленской губерніи, въ домѣ рядоваго инвалидной команды, „скакуны“ скакали въ разное время, днемъ и ночью, и начальниками секты были двѣ женщины, изъ которыхъ одна считалась имѣвшею даръ пророчества. Одинъ изъ послушниковъ монастырскихъ, узнавъ объ ихъ собраніяхъ, пожелалъ къ нимъ присоединиться и принятъ былъ въ ихъ общество такимъ образомъ: сперва онъ далъ присягу, состоявшую въ томъ, что онъ соблюдетъ въ тайнѣ „все, бываемое въ ихъ собраніяхъ и обязанъ представить поручителя не изъ частныхъ людей, а, или Христа Спасителя, или Матерь Божію, или кого либо изъ угодниковъ“; онъ избралъ поручительство Матери Божіей; по произнесеніи клятвы, его приняли въ общество при пѣніи тропаря „во Іорданѣ крещающеся“; тропарь этотъ пѣтъ былъ всѣми присутствовавшими, изъ которыхъ каждый,

взявъ образъ, онымъ клялся при вступленіи въ секту, обходилъ его вокругъ три раза. Въ собраніяхъ ихъ происходило сперва пѣніе псалмовъ, потомъ дикая скачка, часто на четверенькахъ, при возвышенномъ пѣніи и крестообразно; скачка назначалась для утомленія плоти, подъ звуки пѣсенъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Скачу скачу,
Христа ищу... и проч

Затѣмъ кто чувствовалъ въ себѣ даръ пророчества, тотъ становился въ кругу, молился и, испрося отъ всѣхъ прощеніе, пророчествовалъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ каждаго, и нетолько о дѣлахъ, но и о намѣреніяхъ и будущихъ случайностяхъ; послѣ чего прорицатель опять просилъ прощенія. Въ то время прорицателями были заѣзжіе мужчины, которые предсказали послушнику, что онъ будетъ настоятелемъ въ Юхновскомъ Казанскомъ монастырѣ, а потомъ его вызовутъ въ Смоленскъ...

Въ этихъ прорицаніяхъ „скакуновъ“, послѣ скаканія и прыганья на четверенькахъ по полу, играла большое значеніе ритма, вызывающая созвучія, и стихотворный складъ, который дѣйствительно, при навыкѣ, льется самъ собою... Впрочемъ, нельзя отрицать тутъ и участія особыхъ природныхъ способностей; почему, между пророками, у скакуновъ, какъ у скопцевъ и у хлыстовъ, полагается различіе, и о нѣкоторыхъ, напримѣръ объ упоминаемомъ въ „Страдахъ“ пророкѣ Филипповѣ, говорится, что онъ „ходилъ въ словѣ бойко“. Во время этой болтовни, немудрено, что иногда случайно удается сказать что нибудь такое, что въ послѣдствіи вполнѣ, или отчасти, оправдается событіями; если же пророкъ или пророчица смѣтливы и знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, то это можетъ случаться еще чаще: такими безъ сомнѣнія достоинствами владѣла знаменитая Анна Романовна, про которую въ „Страдахъ“ говорится, что она „прославилась и по явности“, то есть считалась великою пророчицею не у однихъ своихъ... Во всякомъ случаѣ, для скакуновъ это способствуетъ твердому и непреложному убѣжденію въ святости и боговдохновенности ихъ пророковъ... Когда пророчествуется „общая судьба“, то все собраніе внимаетъ въ благоговѣйномъ безмолвіи, стоя на четверенькахъ, а иные и совершенно распростертые плашмя на полу.

По разслѣдованіи юхновской секты, виновные были преданы уголовному суду. Но въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, русскій человѣкъ принялъ заграничный иллюминатизмъ еще оригинальнѣе. Тамъ „скакуны“ во время своихъ скаканій ночныхъ являлись совсѣмъ нагіе... и производили скачку бокъ о бокъ мужики и бабы, парни и дѣвки,—отъ чего и назывались въ простонародьи „купидонами“. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ „скакуны“ обратились въ ползуновъ, которые раскинувши куски холста и легши на оные, ползутъ припѣвая:

Ползу, ползу
По новому холсту
Къ истинному Христу,
Кто первый приползетъ
Того и холстъ...

Въ Самарской губерніи „скакуны“ упростили дѣло хожденія въ Духѣ, послѣ напѣтія онаго на скачущаго, или на скакунью, тѣмъ, что скачущая, прервавъ пѣніе пѣсень, говоритъ любому мужчинѣ: братъ! пойдемъ на дворъ посовѣтуемся!.. и тутъ же пора выходитъ на дворъ и, сотворивши что желала, возвращается, какъ ничего не бывало....

Вотъ до какихъ формъ развился на Руси духъ западнаго иллюминатизма „вдохновенныхъ, или пророчествующихъ“, обитавшій между прочимъ, въ братьяхъ и сестрицахъ Михайловскаго замка, подъ покровительствомъ полковницы Буксгевденъ, заигрывавшихъ только во взаимныя братскія лобызанія во Христѣ... Религія, вмѣшавшись у насъ въ Россіи въ отношенія половъ, и не могла не придти къ двумъ крайностямъ. Она вызвала съ одной стороны воздержаніе, скопчество, съ другой—половую свалку, скакуновство и пр.—во имя той же Христовой любви, которая породила и коммунизмъ и мормонизмъ, и которая (нѣтъ ничего новаго подъ луною!) была очень распространена еще въ древнемъ мірѣ, особливо въ Сиріи и Финикіи при поклоненіи Вакху, Адонисѣ и Астартѣ. Россія въ этомъ случаѣ повторила то, что было вездѣ и во всѣ времена, хотя повторила—надобно отдать справедливость—чисто своеобразно—по-русски.

V.

ДУХОБОРЦЫ И СЕНАТОРЪ ЛОПУХИНЪ.

Въ 186... году при поѣздкахъ по Россіи для знакомства съ сектантами, мнѣ довелось посѣтить Духоборческое селеніе „Терпѣніе,“ на Молочныхъ водахъ. Мѣстоположеніе села довольно красивое, хотя и степное. По долинѣ течетъ рѣчка, окаймленная кустарникомъ и деревьями. Село это, нѣкогда цвѣтущее богатствомъ и представлявшее образцовъ трудолюбія и великолѣпнаго хозяйства, нынѣ представляетъ собою мѣсто запустѣнія... Почти всѣ дома кинуты и образцовые на Руси хозяева выселены на Кавказъ въ 1840 годахъ съ большимъ раззореніемъ.

Вспоминая исторію цвѣтущаго состоянія Духоборцевъ на „Молочныхъ водахъ,“ которому завидовали путешествовавшіе по Россіи многіе иностранцы, мы спросили сопровождавшаго насъ Духоборца почтеннаго старика, убѣленнаго сѣдинами: помнитъ ли онъ погромъ, разразившійся въ 40 годахъ надъ 9-ю цвѣтущими поселеніями „Молочныхъ водъ“?

— Какъ не помнить, отвѣчалъ старикъ. Плачь былъ вавилонскій.

Мы подошли къ колодезю, отъ котораго нужно было подниматься около 100 шаговъ на гору и сѣли отдохнуть. Вдали предъ нами возвышался дворъ знаменитаго Капустина...

— Скажи дѣдушка, спросилъ я, какъ вы смотрите на нынѣ царствующаго Государя Александра II?

Старикъ Духоборецъ поднялъ брови и съ усиліемъ открылъ глаза. Онъ кажется не понялъ меня съ перваго раза.

Послѣ нѣсколькихъ затѣмъ вопросовъ, старецъ сталъ разговорчивѣе и выражался, что нынѣ царствующій государь, племянникъ великаго Государя Александра I. не даромъ носитъ имя своего дяди Александра и что Ему суждено Богомъ быть ангеломъ хранителемъ своего народа, который выведетъ ихъ изъ остроговъ и ка-

зематовъ, подобно ангелу, выведшему нѣкогда св. апостола Петра изъ темницы... Почему же изъ всѣхъ царей русскихъ имя Александра I для нихъ священно и во всѣхъ книгахъ и сочиненіяхъ ихъ оно встрѣчается не иначе, какъ обставленное всевозможными благоговѣйными эпитетами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ коротокъ. Сектанты до Александра I были бичуемы немилосердно болѣе полутораста лѣтъ.

Понятно, что послѣ кровавой исторіи своихъ дней сектанты приняли Александра Благословеннаго за посланника небесъ, когда прочитали въ собствено-ручномъ его рескриптѣ слѣдующія, достойныя великаго государя, истиннаго христіанина и человѣка, слова: „Просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю изыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею, чрезъ убѣжденіе поученіемъ, кротостію, и болѣе всего добрыми примѣрами... Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ разномыслящими, только умножали число ихъ... Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о ссылкахъ и поселеніяхъ сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ, а церковь православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изрѣченіе: „аще ли бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, ни коли же убо бысте осуждали неповинныхъ,“ Руководствуясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желаемой цѣли по сему предмету. Надобно, чтобы они почувствовали, что они стоятъ подъ охраненіемъ и по-

кровительствомъ законовъ и тогда только можно надежнѣе ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству...“

Такой образъ воззрѣнія Александра I на дѣло совѣсти религіозной естественно долженъ былъ отразиться и на его соправителяхъ, которые начали дѣйствовать въ отношеніи сектантовъ въ духѣ, достойномъ сподвижниковъ своего монарха... Вотъ что напримѣръ, ему по вопросу о свободѣ совѣсти писали сенаторы И. В. Лопухинъ и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, отъ 12 ноября 1801 года, посланные для обревизованія Новороссійскаго края: Высочайшее вашего императорскаго величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженія, особливымъ долгомъ поставили мы обратить оное на происшедшее по Изюмскому уѣзду, относительно такъ называемыхъ духоборцевъ.—Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка конечно усердія, но не проникнувъ въ прямое существо Высочайшаго о духоборцахъ оныхъ указа вашего, государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостію, воцарившимися въ священной особѣ вашего императорскаго величества.

„При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, неискусно, конечно, сдѣланные, исторгли изъ увѣщаемыхъ отзывы, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и раззоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ не существующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

„Такое заключеніе подкрѣпляемъ мы тѣмъ, что въ прилежныхъ, съ ласковостію разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ вашему императорскому величеству, готовность повиноваться монаршей власти и всѣ земскія обязанности исполнять.

„Изюмскій нижній земскій судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію, конечно въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ

отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ губернатору съ нарочнымъ. Но когда губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно думаемъ августѣйшей благотворной волѣ вашего императорскаго величества и дѣйствительнымъ средствамъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу вашему, настаивали, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискуству увѣщателей; всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и если кто взятъ подъ стражу, то, ни мало не мѣшкавъ, былъ бы освобожденъ.

„Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе его усиливающіе и распространяющіе, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности или невѣжества крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ...

„Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему начальству августѣйшую волю вашу, государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ, такъ что въ повелѣніи предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ въ видѣ суда, образомъ, смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искуствомъ въ словопренія, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовью къ закону Божію и евангелическому ученію жизнію своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила... Таковые пастыри, естественно вкореня о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случай и мѣсто къ бесѣдамъ своимъ и самыми простыми способами откроютъ пути къ

подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностныя, на заблуждающія въ образахъ и средствахъ."

Такія замѣчательныя слова И. В. Лопухина и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго обязываютъ насъ удивляться свѣтлому уму и истинному христіанскому ихъ сердцу и положительно утверждать, что если бы система Александра I въ дѣлѣ борьбы съ религіознымъ разномыслiемъ въ Россіи продолжалась, къ счастію, непрерывно до настоящаго времени, то мы никогда не имѣли бы до десяти милліоновъ раскола, раздутаго гоненіемъ въ страшный пожаръ... и дошедшаго наконецъ во многомъ до такого тупоумія, что часто въ пяти дворахъ является по пяти богородицъ Акулинъ и Матренъ!?... Настоящее наше положеніе самое печальное. Можно ожидать прогресивнаго возрастанія десяти милліоннаго количества дисидентовъ... Страшно подумать! А система Александра I въ вопросѣ и дѣлѣ совѣсти спасительна. И вотъ покажемъ для обращика, какъ она спасаетъ и государя, и церковь, и народъ русскій. И. В. Лопухинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ случай, который мы можемъ взять за образецъ истиннаго дѣятеля-администратора въ столкновеніи съ разномыслящими въ дѣлахъ вѣры..., Проѣзжая, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ въ Харьковъ, остановились мы на сутки въ Бѣлѣгородѣ. Обѣдали у архіерея. Вспомня, что при покойной императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ духоборцевъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно о нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго,— коего и горячность излишняя въ разговорѣ о нихъ мѣшала ему довольствовать мое любопытство,—прервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій земскимъ исправникомъ во времена розысковъ надъ духоборцами, которой помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясный. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и распрашивалъ его наединѣ о духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же... Да изволите ли ихъ знать? спросилъ онъ меня,— „Нѣтъ". И подлинно мнѣ тогда еще не случалось ни одного изъ нихъ видѣть.

Извольте-жъ ихъ посмотрѣть", продолжалъ онъ; „похожи ли хоть мало на христіанъ; кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви хаживали; да полно что, въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащить, да въ однихъ рубашкахъ палочьемъ дуть."

„Почему-жъ", спрашивалъ я его, „знать было вамъ, что они думаютъ?" —Какъ же-съ, это видно", отвѣчалъ онъ мнѣ.

„Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями потребовалъ я особливую вѣдомость о томъ, что происходило и происходитъ съ духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

„Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились... А при государѣ покойномъ (Павлѣ Петровичѣ), всякій генералъ-прокуроръ, вслѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявилъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто...

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость, воцарившаяся въ Государѣ императорѣ Александрѣ I, отверзла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились... Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя, въ случаяхъ нужды, духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія...

Въ августѣ возвратились они въ свои домы, или лучше сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были епархіальнымъ архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, священника и земскаго суда засѣдатель съ командою.

„Вы сдѣлаете бунтъ", говорилъ я губернатору. „Люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ." Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ безпокойныхъ слѣдствій имѣть

оно не будетъ. „За послѣдствія вы будете отвѣчать“, сказалъ я ему, „и прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ преосвященнымъ.“

„Это происходило у меня съ губернаторомъ ввечеру поздно.

„На другой день, который былъ почтовый, по утру, только что я сѣлъ писать на почту, вбѣжалъ ко мнѣ губернаторъ, блѣдный, съ бумагою въ рукахъ и говоритъ мнѣ: „Ваше превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропалъ; духоборцы не слушаются; говорятъ, что они государя помазанникомъ Божіимъ не признаютъ; Распятому Господу Іисусу Христу не покланяются и никакихъ податей платить и государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретный рапортъ ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ пѣсень и псаломъ, дурными стихами сочиненныя), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и земскій судъ отправился на мѣсто для слѣдствія.“

Успокоивалъ я губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остерегаться и меньше робѣть.

„Чтожъ прикажете дѣлать?“ спрашивалъ онъ меня.

„А вотъ что“ сказалъ я ему. „Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, неискусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли... Доказательство тому—самый присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его. Онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ Нему. Въ напѣвѣ семъ написано было: „Покланяемся Христу, не мѣдному, не серебрянному, не золотому, не кованному и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божію, Спасу міра и проч. и проч.“ Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была? Извѣстно, что обрядовъ никакихъ они не уважаютъ, потому, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякаго, теперь, мужика, который встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли

платить подати? Они будучи теперь раззоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ," и проч.

„И такъ, вотъ что вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли,— что и подлинно,—земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не списавшись съ вами, и безъ вашего наставленія осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей— священниковъ извольте отнестись офиціально къ преосвященному, а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ государю."

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно, первый отъ нихъ вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго и сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога постановленнымъ, добраго—даромъ Божіимъ, а злаго—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителевъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: „это не Спаситель, а доска расписанная." Наконецъ ихъ спрашивали: „Будутъ ли платить они подати и рекрутъ ставить?" Они съ досадою говорили: мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты? Остался старой да малой, да изувѣченной. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь, власть его, не можемъ!"

Скоро собралось у насъ много духоборцевъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобъ не подавать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякій день по утру. Они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безмѣрныхъ фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о христіанствѣ самыя коренныя и правильныя.

Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько; писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говоритъ, какъ книга...

Соглашаяся съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ. „Дѣлайте это“, говорилъ я имъ, „хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть христіаниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ, для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды! Для чего-жъ“, спрашивалъ я ихъ, „перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили и все исполняли какъ и прочіе?“

„Признаемся, отвѣчали они мнѣ, и въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады и теперь не можемъ переломить себя. „Отъ какой же досады?“ „Ну, да какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: въ церкви стоишь, а не то думаешь!“

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ было отъ самаго бывшаго господина исправника, который мнѣ хвалился такою палочною, противъ нихъ, войною, и который былъ изъ числа почитающихъ христіанами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ...

Наконецъ духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.“

Лопухинъ, тронутый описаннымъ столкновеніемъ своимъ съ диссидентами, писалъ отъ 3 декабря 1801 года своему великодушному монарху; и вотъ что государь Александръ I въ особомъ Высочайшемъ рескриптѣ отвѣтилъ своимъ достойнымъ сподвижникамъ на ихъ умныя рѣчи.

Господа тайные совѣтники и сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ духоборцевъ. Я нахожу его столь же сообразнымъ просвѣщенію и благороднымъ вашимъ правиламъ, сколько и основан-

нымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и вслѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободко-Украинской губерніи, наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей... Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ духоборцевъ увѣщаніе и, находя между тѣмъ, что прежде предпринятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ раззоренномъ ихъ положеніи готово простереть имъ руку помощи и покровительства... Я предписываю ему войдти въ ихъ состояніе и, описавъ ихъ нужды, представить мнѣ имѣютъ ли они домы, и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.“

Да не подумаетъ впрочемъ благосклонный читатель, что и въ царствованіе Александра I всѣ смотрѣли одинаково по христіански на дѣло религіознаго разномыслія. Невѣжество и узкое пониманіе христіанства несли и тогда преграду великому дѣлу Александра I и его достойныхъ дѣятелей, въ родѣ Лопухина. Объ этихъ послѣднихъ людяхъ записалъ для насъ въ своихъ запискахъ самъ же достоуважаемый Лопухинъ. „Поступокъ нашъ, говоритъ онъ, въ дѣлѣ съ диссидентами поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ губерній... высочайшимъ именнымъ указомъ, которой чрезъ генералъ-прокурора объявленъ всѣмъ губернаторамъ въ томъ же декабрѣ 1801 г.

„Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть, осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

„Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть сый, вездѣ и вся исполняй...

„Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропу-

скаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ, рыба ли вязига и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него-де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго...

„Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостоянiи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ, не вѣдаютъ, что такое секта, и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого нибудь превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься... Но я убѣжденъ, что источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, рождается отъ усердія къ Богу; но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войдти можно. Для того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно, тотъ или другой образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего...

„И такъ, самая ревность къ закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія.

„Не постигающій силы духа и внутренняго качества христіанскаго и заключающій все въ одной внѣшности боготворитъ ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими словами;—лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

„На семъ совратившихся, самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстями и отрицаться самолюбія.

„Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣш-

ности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго.

„Разными образами истязывали разномыслящихъ цѣлыми семействами, ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись, нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямаго пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливымъ обрядамъ никогда не убѣдишь въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ! Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.“ На вопросъ: многіе ли понимали дѣло религіознаго разномыслія такъ, какъ понималъ его Александръ и И. В. Лопухинъ мы конечно можемъ сказать утвердительно, что немногіе. Имѣя возможность ознакомиться съ донесеніями многихъ ревностныхъ, но крайне недалекихъ общественныхъ дѣятелей временъ Александра I, мы видѣли, что имъ было приказано такъ или иначе дѣйствовать и они дѣйствовали видимо противъ воли своей и убѣжденія, потому что при каждомъ удобномъ случаѣ ввертывали свое словцо противъ системы Александра I,—въ видѣ мнѣнія, заключенія, соображенія и т. п.,—которое доказывало яснѣе дня, что они приниблены, и воли имъ нѣтъ, но что они все-таки остаются при своемъ мнѣніи. Такъ могуче великое слово одного лица среди 60 миліоновъ—слово государя! Конечно послѣ цѣлыхъ столѣтій гоненія раскола,

Александръ I не могъ создать вдругъ всѣхъ губернаторовъ, исправниковъ, становыхъ и духовенство истинными христіанскими дѣятелями въ дѣлѣ раскола, но онъ уже увѣковѣчилъ свое незабвенное царствованіе тѣмъ, что связалъ всякому недорослю администратору руки. Какъ образчикъ среди безчисленно многихъ, мы приведемъ здѣсь одинъ случай съ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Ланжероном. Сей иностранный вельможа не отличался любовію къ русскому человѣку (онъ занятъ былъ, какъ извѣстно, особенно ревностно однимъ переселеніемъ французскихъ колонистовъ въ Россію на лучшія мѣста родной нашей почвы), и когда узналъ, что любвеобильному монарху угодно было переселить духоборцевъ на лучшія мѣста въ Таврическую губернію и оградить ихъ здѣсь всякою заботою правительства и силою законовъ, завелъ съ духоборцами таврическими личности, которыя они и описали своему незабвенному государю со всею простотою вѣрноподданническаго сердца. „Воззри, писали они, милосерднѣйшій императоръ, на всеподданнѣйшее, Таврической губ., Мелитопольскаго уѣзда, духоборческихъ слободъ, отъ повѣренныхъ, прошеніе правосуднымъ окомъ. Богъ Спаситель міра, Царь Небесный, милосердуя о всѣхъ обитающихъ на земномъ шарѣ человѣкахъ, милуетъ и спасаетъ. Ваше императорское величество, образуя на землѣ бытіе его въ Россіи, милосердуя ко всѣмъ вѣрноподданнымъ всякихъ религій и закона, высочайше изданнымъ 1801 года ноября 27 указомъ защитилъ и насъ. 1816 года февраля 11 дня, пріѣхавъ въ слободу Терпѣніе, мелитопольскаго нижняго земскаго суда дворянскій засѣдатель приказалъ словесно старостѣ, чтобъ слѣдующему за нимъ больше-токмацкому священнику дать подводу, которому, по требованію его, во время уже вечера, отведена была въ домѣ жителя Николая Захарова квартира, гдѣ онъ былъ въ пьяномъ видѣ, требовалъ у хозяина сего дома себѣ ужинъ, что и было въ избыткѣ исполнено; потомъ выпроса онъ большой стаканъ и выпивъ привезенной имъ съ собою водки два оныхъ, окончивъ свой ужинъ, повалился на лавку; а когда подошла Захарова мать для собранія со стола посуды, то онъ, вскочивъ и ничего не говоря, ударилъ ее наотмашъ кулакомъ въ черепъ, отъ чего она упала и лежала на полу не менѣе двухъ часовъ, лишенная всякой памяти, что хозяинъ Захаровъ прибѣжалъ по из-

вѣщеніи съ вѣтренной мельницы и, видя то, началъ у того священника спрашивать: за что онъ такъ родительницу его убилъ, но онъ, на сіе не отвѣтствуя ни слова, а бросившись на его, Захарова, схватя за волосы началъ бить нещадно, а Захаровъ, вырвавшись у него изъ рукъ, приказалъ своему работнику сбѣгать за старостою, который, пришедъ увидѣлъ, что священникъ безчувственно пьянъ. Сбросивъ съ себя одѣяніе, снявъ рубашку, которую кинулъ на землю, и одѣвшись въ тулупъ, онъ началъ ругать и старосту неблагопристойнымъ сквернословіемъ, а потомъ, схватя съ передняго угла свою сумку, вынулъ изъ оной деревянный крестъ и ударилъ объ полъ, перешибъ оный на двое съ произношеніемъ похвальныхъ словъ, что за это мы всѣ будемъ отвѣтствовать. Когда же они, просители, вздумали по сему и по другому еще дѣлу прибѣгнуть къ военному губернатору Ланжерону, надѣясь отъ него получить защиту и покровительство, то онъ не допустилъ ихъ до себя саженъ за 20 и кричалъ на встрѣчу: „знаю, знаю по какому вы дѣлу, не надобно, не надобно!“ и ушелъ отъ нихъ въ свои нѣмецкія помѣщенія; потомъ, возвратясь спустя немного, началъ кричать: „вы не знаете Бога и императора, и если бы я былъ императоромъ, то побилъ бы васъ всѣхъ изъ пушекъ и ружей.“ Ланжеронъ, когда государь истребовалъ отъ него объясненіе по сему прошенію диссидентовъ, писалъ: „секту духоборческую (донесеніе Ланжерона министру внутреннихъ дѣлъ) я почитаю опасною для христіанской религіи и вообще для нравовъ и остаюсь при таковомъ мнѣніи“. Затѣмъ признаваясь въ томъ, что онъ кричалъ на нихъ: „не надо, не надо! вы не знаете Бога и императора“, въ остальномъ, прописанномъ въ всеподданнѣйшей жалобѣ диссидентовъ, не признавался и просилъ взыскать съ челобитчиковъ за безчестіе его, Ланжерона. Государь Александръ I приказалъ отвѣтить Ланжерону, что „такъ какъ въ ссорѣ Ланжерона съ духоборцами дѣйствія его клонились въ защиту христіанской религіи, то по правиламъ сей же религіи подлежитъ прощать всякую обиду.“

Но среди Ланжероновъ и т. под. Александръ I имѣлъ у себя В. П. Кочубея и М. М. Сперанскаго, которые понимали вполнѣ своего великаго государя и были лучшимъ украшеніемъ его царствованія. Сперанскій, какъ извѣстно, въ 1816 году былъ какъ окле-

ветанный, удаленъ въ Пензу съ назначеніемъ пензенскимъ губернаторомъ, куда и прибылъ 20 октября. Какъ личность съ просвѣщеннымъ умомъ и чистымъ сердцемъ, онъ скоро сдѣлался любимцомъ народа и всѣхъ притѣсняемыхъ и оскорбляемыхъ. Не смотря на всеобщій говоръ, что Сперанскій измѣнникъ, крестьяне тотчасъ же стали за него, отправляли за него заздравные молебны и ставили свѣчи. „Ставъ умомъ выше всѣхъ между совѣтниками царскими, говорилъ народъ, онъ подалъ государю проектъ объ освобожденіи крестьянъ и тѣмъ возмутилъ противъ себя всѣхъ господъ, которые за это собственно и рѣшились его погубить.“ Какъ честно дѣйствовалъ за народъ, Сперанскій, какъ губернаторъ пензенскій, мы видимъ, между прочимъ, изъ двухъ фактовъ, указанныхъ барономъ Корфомъ. Одинъ изъ пензенскихъ помѣщиковъ съ большими связями былъ безпощадно подвергнутъ имъ суду за засѣченіе до смерти своего крестьянина и сосланъ въ ссылку въ Сибирь. Тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ въ Пензу, Сперанскій съ быстротою и безпощадною строгостію окончилъ дѣло, тянувшееся 10 лѣтъ, объ одной помѣщицѣ, истыкавшей несовершеннолѣтняго своего дворового перочиннымъ ножемъ за то, что онъ недосмотрѣлъ за ея кроликомъ. Духоборцы Пензенской губерніи нашли въ Сперанскомъ умнаго и человѣколюбиваго защитника, лучшаго и достойнаго истолкователя воли и гуманныхъ намѣреній императора Александра I. Какъ на обращикъ, среди многихъ примѣровъ, мы укажемъ здѣсь на слѣдующее обстоятельство. Пензенскій епископъ Аѳанасій, по донесенію священника Наровчатскаго уѣзда, удѣльнаго села Покровскаго, требовалъ съ духоборцами того села поступить по всей строгости законовъ и выпроводить ихъ въ Таврическую губернію (т. е. разсорить переселеніемъ). Сперанскій доносилъ министру удѣловъ, Д. А. Гурьеву, что онъ не признаетъ того, чтобы такія мѣры произвели какое-либо дѣйствіе, и онъ знаетъ одно только средство къ уничтоженію сектъ,—средство это состоитъ въ томъ, чтобы въ приходы, ими зараженные, опредѣлять священниковъ примѣрной жизни, кроткихъ, поучительныхъ и непритязательныхъ. Лично же во всемъ этомъ дѣлѣ онъ поступилъ, какъ второй Лопухинъ. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже предписано было выслать означенныхъ диссидентовъ въ Таврическую губернію, но Сперанскій донесъ министру

внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву, что въ томъ разумѣ кротости и снисхождонія, въ какомъ должно быть дѣло сіе устроено, затрудняясь выборомъ способнаго человѣка и считая неудобнымъ предавать дѣло сіе обыкновенному дѣйствію земской полиціи, онъ проситъ отложить это дѣло на два мѣсяца, когда лично на мѣстѣ онъ въ состояніи будетъ заняться этимъ дѣломъ и войти во всѣ его обстоятельства. Получивъ на сіе разрѣшеніе, Сперанскій дѣйствительно явился лично въ село Троицкое и умомъ, ласками и человѣколюбивыми мѣрами до того растрогалъ диссидентовъ, что они плакали съ нимъ вмѣстѣ, такъ что Сперанскій донесъ уже министру внутреннихъ дѣлъ, что диссиденты села Троицкаго объявили ему рѣшеніе свое остаться на мѣстѣ и съ благодарностію приняли всѣ мѣры его, предпринятыя имъ къ огражденію ихъ отъ всякаго стѣсненія, потому ненужно будетъ никакого дальнѣйшаго распоряженія относительно ихъ, и дѣло сіе можно считать совершенно конченнымъ.

Въ настоящее время мы дожили тоже до просвѣщеннаго взгляда на свободу совѣсти, и наши послѣднія узаконенія о сектахъ показываютъ, что мы близки къ терпимости ихъ, разумѣется безъ предоставленія кому бы то ни было права пропаганды онаго и злоупотребленія простотою народа. Съ этой точки зрѣнія мы должны желать одного: передать дѣло о сектантахъ русскихъ лишь духовенству православному, помимо полиціи, и если духовенство не займется съ любовію и умѣньемъ этимъ дѣломъ, тѣмъ хуже для него. Пусть оно, что посѣетъ то и пожнетъ!

— Дѣдушка, а дѣдушка? спросилъ я спутника своего послѣ длинныхъ моихъ размышленій съ самимъ собою...

— Что добрый человѣкъ? отвѣчалъ старикъ, поднявъ на меня свои сѣдыя брови.

— Такъ ты говоришь, что нынѣшній нашъ Царь, хорошій Царь?

— Христіанскій Царь! отвѣтилъ старикъ и поднялъ невольно глаза къ небу.

— Ну и слава Богу! пойдемъ теперь на гору, кажется отдохнули.

VI.

СТРАННИКЪ.

I.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПУТНИКИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Былъ апрѣль мѣсяцъ 1858 года. Мирные жители Черниговской губерніи спѣшили на поля, чтобъ въ потѣ лица своего заработать себѣ хлѣбъ. Всюду на поляхъ замѣтно было копотливое движеніе. Но вотъ вдоль полей, по проселочнымъ дорогамъ, движется фигура съ загорѣлымъ лицемъ, покрытымъ чернымъ клобукомъ, изъ подъ котораго блеститъ пара черныхъ смѣлыхъ глазъ. Грубая черная ряса покрываетъ тѣло путника, а простой кожанный поясъ довершаетъ его уборъ. Рядомъ съ этою фигурою движется малолѣтняя дѣвочка, румяная и свѣжая, едва еще вышедшая изъ дѣтскаго возраста. То были путники, прошедшіе уже большое пространство отъ Нижняго и до Чернигова. Странникъ въ монашеской одеждѣ былъ раскольникъ Антонъ Савельевъ, а молодая спутница его родная сестра Марія. Не спокойствіе и миръ живутъ въ душѣ этого путника, не мирныя занятія и копотливое исполненіе своего долга прирождены ему. Нѣтъ, его кипучая натура не ужилась въ этихъ рамкахъ и душа его попросила простора. Не задумаясь бѣжалъ онъ изъ Нижегородской губерніи, создавая въ душѣ своей планы одинъ другаго смѣлѣе и разнообразнѣе. Ловкій, смышленный, находчивый, смѣлый и неутомимый человѣкъ этотъ не задумывался ни передъ чѣмъ и еслибъ черезчуръ смѣлая его фантазія знала получше границы свободнаго полета, то онъ долго бы гулялъ по матушкѣ Россіи, наслаждаясь просторомъ, свободою и плодами своего изобрѣтательнаго ума. Но правдивая судьба, потерявъ терпѣніе свое, выдала его и вотъ онъ, попавшись въ руки правосудія, стоялъ предъ

своими судьями. Не дрогнула его натура предъ этими служителями закона и онъ, въ нѣсколько показаній, сбилъ совершенно съ толка весь судящій его русскій міръ.

II.

ДОПРОСЫ И ПОКАЗАНІЯ.

Откуда и кто ты? допрашивали его въ уѣздномъ судѣ М.... уѣзда. „Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчалъ смѣло Савельевъ, и, въ одномъ изъ раскольничьихъ монастырей сей губерніи, былъ тайно постриженъ въ монахи и наименованъ Аркадіемъ. Принявъ иноческій санъ, я ходилъ по разнымъ монастырямъ, и потомъ, взявъ изъ дома сестру, отправился съ нею въ Москву, на пути изъ которой и былъ задержанъ полиціей.“ Савельевъ хорошо разсчиталъ, что можетъ прокатиться на казенный счетъ до Новгорода и воспользовался этимъ какъ нельзя лучше. Вскорѣ послѣ сего онъ былъ представленъ въ Новгородъ и вскорѣ же бѣжалъ снова, бывъ задержанъ въ трактирѣ на одной станціи Новгородскаго уѣзда, при чемъ у него отобраны были деревянный крестъ, четки, восковыя свѣчи, шкатулка и ложное свидѣтельство на свободный пропускъ по россійскимъ городамъ. Изъ допросовъ хозяевъ станціи оказалось, что Савельевъ, назвавшись іеромонахомъ олонецкихъ скитовъ, показывалъ имъ шкатулку и увѣрялъ, что въ ней находятся части мощей св. великомученицы Варвары, къ каковымъ мощамъ они прикладовались и цѣловали, при этомъ, Савельеву руку и что, наконецъ, Савельевъ служилъ въ ихъ домѣ молебенъ, за что они и заплатили ему деньги. И вотъ Савельевъ снова на допросѣ и снова шутитъ съ правосудіемъ. На вопросы судей о томъ, гдѣ онъ постриженъ и откуда родомъ, онъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что въ монахи онъ никогда посвященъ не былъ, а носилъ монашескую одежду потому, что нѣсколько лѣтъ ходилъ по раскольничьимъ монастырямъ для богомолья и что онъ принадлежитъ къ гренадерскому корпусу, куда и былъ за тѣмъ препровожденъ.

III.

САВЕЛЬЕВЪ ІЕРОМОНАХЪ АѲОНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Не долго былъ гренадеромъ, промѣнявшій подрясникъ и клобукъ на солдатское платье, Савельевъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже былъ въ Новгородской губерніи и съ фальшивымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ будто бы, изъ Минской духовной консисторіи, на имя іеромонаха Аркадія, ходилъ смѣло по разнымъ раскольничьимъ монастырямъ, крестя Новгородскую губернію въ разныхъ направленіяхъ. Полюбились ему и тѣнистые лѣса, и привольное житье въ сихъ монастыряхъ. Вездѣ его принимали съ почетомъ, всюду интересовались его разсказами о горѣ Аѳонѣ и ея обителяхъ. Всякій изъ раскольниковъ почти за честь считалъ видѣть въ своемъ домѣ дорогаго гостя изъ уважаемой страны Греціи и получить отъ него въ подарокъ образокъ, крестикъ, или же четки изъ костяшекъ, собранныхъ имъ на горѣ Аѳонской, и которыхъ у него было большое количество въ запасѣ. Судьба, однако, снова надсмѣялась надъ нимъ и онъ снова былъ арестованъ въ одномъ новгородскомъ раскольничьемъ монастырѣ, при чемъ были отобраны отъ него всѣ образа, кресты, четки и другія вещи въ этомъ родѣ. На допросѣ въ новгородской полиціи Савельевъ далъ два показанія, совершенно разнорѣчивыя и тѣмъ поставилъ въ тупикъ слѣдователя. Сначала онъ показалъ, что онъ дѣйствительно іеромонахъ аѳонскаго монастыря Аркадій, но неправильно зачисленный въ кантонисты. Почему въ Красномъ Селѣ онъ подавалъ о томъ Государю Императору прошеніе и, не получивъ резолюціи, ушелъ изъ полка, чтобы узнать о своихъ обстоятельствахъ. Потомъ на передопросѣ показалъ, что его прежнее показаніе ложно, что онъ кантонистъ, убѣжавшій изъ полка съ намѣреніемъ посѣтить Святыя мѣста и поклониться святымъ угодникамъ и что фальшивое свидѣтельство, найденное при немъ, онъ получилъ въ дорогѣ отъ неизвѣстнаго странника. Савельеву надоѣли проволочки суда, присучила уже и

Новгородская губернія и вотъ онъ захотѣлъ снова прокатиться въ гренадерскій запасный полкъ, гдѣ и содержался подъ арестомъ.

IV.

РОМАНИЧЕСКІЙ ПОБѢГЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Былъ декабрскій холодный вечеръ. Вѣтеръ привольно гулялъ на просторѣ и дразнилъ заключенныхъ въ казематѣ своею свободою. Сердце Савельева тосковало о просторѣ, а раскольничьи монастыри съ своими сытными обѣдами и купцы съ своимъ подобострастіемъ къ иноческому сану стали снова пріятно щекотать его натуру, не терпящую однообразія. Уже въ головѣ его созрѣли новые планы привольнаго житья въ пространной матушкѣ Россіи, и рядъ заманчивыхъ дней, когда онъ будетъ снова играть видныя роли въ средѣ простенькихъ людей, живо рисовался въ его смѣломъ воображеніи. Пробило восемь часовъ. На дворѣ стемнѣло. Въ это-то время, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, Савельевъ переходилъ незастроенное пространство каземата для естественной надобности, какъ вдругъ съ ними поровнялась тройка лихихъ лошадей, запряженныхъ въ простыя легкія сани, и управляемыхъ однимъ человѣкомъ. Савельевъ едва поровнялся съ санями, какъ ловко вскочилъ въ нихъ и тройка стрѣлой помчалась по широкой гладкой дорогѣ, ведущей отъ заставы за городъ и мигомъ исчезла въ ночной темнотѣ. Конвойные, въ онѣмѣніи и страхѣ, долго стояли неподвижно, боясь тронуться съ мѣста, и поплелись къ острогу уже тогда, когда въ воздухѣ замеръ послѣдній свистъ лихаго возницы и хриплый звукъ полозьевъ, прорѣзывавшихъ хрупкій снѣгъ столбовой дороги.

V.

САВЕЛЬЕВЪ АРХИМАНДРИТЪ, ЧЛЕНЪ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА, КАВАЛЕРЪ АННЫ 3-Й СТЕПЕНИ И НАСТОЯТЕЛЬ КИТАЙСКОЙ ЛАВРЫ.

Былъ февраль мѣсяцъ. По площади города Новоржева двигалась фигура въ монашескомъ платьѣ съ посохомъ въ рукахъ и въ

сопровожденіи молодаго мальчика, шедшаго за путникомъ въ качествѣ послушника. Странники приблизились къ гостинницѣ мѣщанина Герасимова и скрылись за стеклянными дверями, выполнявшими роль параднаго крыльца. Чрезъ нѣсколько часовъ, въ одной изъ лучшихъ комнатъ этой гостинницы, за покрытымъ чистою салфеткою и уставленнымъ лучшими блюдами столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ раскольниковъ города Новоржева, не исключая молодыхъ женщинъ и старушекъ, торопливо прибѣжавшихъ въ гостинницу Герасимова послушать дивныя рѣчи русскаго архимандрита отца Аркадія, ѣхавшаго въ Китай настоятелемъ новой раскольничьей Китайской лавры, вновь открываемой имъ. Всѣ внимали сладкимъ рѣчамъ архимандрита, боясь проронить словечко. За столомъ, по срединѣ слушающихъ, сидѣлъ Савельевъ (читатель, конечно, узналъ его въ этомъ путникѣ) полураспахнувъ верхнюю рясу и давъ возможность видѣть, слушавшимъ его, свою грудь, увѣшанную крестами на разнаго цвѣта лентахъ, въ томъ числѣ и орденомъ святыя Анны 3-й степени на аннинской лентѣ. Въ разговорахъ, вскользь, въ видѣ вставочнаго предложенія, онъ то и дѣло упоминалъ, что онъ архимандритъ, посланный Сунодомъ и самимъ Государемъ въ Китай для основанія тамъ лавры. Вдругъ, къ общему изумленію слушавшихъ, въ дверяхъ гостинницы появилась полиція и показавъ архимандриту предписаніе городничаго объ арестованіи, просила его въ острогъ. Шумъ, смятеніе, ропотъ, слезы и недоумѣніе собесѣдниковъ отца архимандрита немедленно обратили прежнюю мирную и торжественную бесѣду въ толкучій рынокъ. Многіе цѣловали одежду настоятеля Китайской лавры, и, принимая отъ него напутственное благословеніе, лобызали его руки, обливая ихъ горячими слезами. Многіе изъявили желаніе сопровождать его въ острогъ и раздѣлять съ нимъ его заточеніе, пока недоразумѣніе городничаго объ его бумагахъ разрѣшится, къ его благополучію. Хозяинъ гостинницы, при прощаніи, изъявилъ готовность доставлять архимандриту въ острогъ все содержаніе даромъ, лишь бы облегчить его участь и заслужить его вниманіе и молитву. Савельевъ торжественно всталъ изъ за стола, обинулъ презрительнымъ взглядомъ полицейскихъ и, безбоязненно, предался въ руки правосудія, выразивъ сожалѣніе о недоумѣніи городничаго на счетъ его

особы и надѣясь быть скоро освобожденнымъ. Толпа сопровождала архимандрита до острога.

VI.

САВЕЛЬЕВЪ СЫНЪ КНЯЗЯ УРУСОВА И КАВАЛЕРЪ РАЗНЫХЪ РОССІЙСКИХЪ ОРДЕНОВЪ И БОЛЬШАГО КРЕСТА.

Читатель, быть можетъ, желаетъ знать: по какому случаю городничій города Новоржева заподозривъ бумаги приказалъ архимандрита, увѣшаннаго крестами, взять подъ арестъ, тогда какъ настоятель Китайской лавры обошелъ множество раскольничьихъ монастырей и городовъ, особенно уѣздныхъ, незадержанный нигдѣ? Очень просто. Савельевъ промахнулся немного,. захотѣвъ снова побывать въ Новгородской губерніи, гдѣ разъ былъ уже задержанъ въ качествѣ іеромонаха Аѳонской горы. Въ другихъ губерніяхъ его еще не знали въ лицо, но въ Новгородской слухи о подвигахъ Савельева были очень еще живы и въ Новоржевѣ; въ добавокъ нашлись люди, которые прямо признали его въ лицо. Отъ арестованнаго архимандрита, по этому, тотчасъ же попросили видовъ и онъ не замедлилъ представить городничему два фальшивыхъ свидѣтельства, одно, выданное архимандриту и кавалеру Анны 3-й степени, а другое (на послушника), выданное, будто бы, изъ порховскаго уѣзднаго казначейства 3-й гильдіи купцу Максиму Суэтову, въ полученіи съ него гильдейской подати. При этомъ отъ Савельева было отобрано изорванное въ мелкіе куски прошеніе на имя архимандрита Аркадія, Островскаго уѣзда, крестьянки Сафоновой, просившей у сего архимандрита (?...) разрѣшенія на повѣнчаніе ея дочери. Новоржевскій уѣздный судъ журналомъ постановилъ: архимандрита и кавалера Анны 3-й степени содержать въ слѣдственной арестантской камерѣ, а взятаго съ нимъ мальчика—въ острогѣ.

Начались допросы и Савельевъ пустился шутить съ судьями, какъ будто бы съ товарищами. По всему видно было, что онъ соскучился уже своею свободою и однообразіемъ своей роли и види-

мо наслаждался плодами своего ума, которому представился такой просторъ, и своимъ юморомъ, пущеннымъ въ ходъ. На первомъ допросѣ слѣдователя на вопросы, кто онъ такой? — Савельевъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что онъ іеромонахъ Олонецкой губерніи, странствующій по раскольничьимъ монастырямъ въ качествѣ богомольца и любознательнаго монаха. Судьи обрадовались этой нелѣпости и приготовили на передопросъ вопросы о томъ, какъ же онъ имѣетъ свидѣтельство на имя архимандрита? Дѣйствительно, послѣдній вопросъ вскорѣ данъ былъ Савельеву и онъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно архимандритъ Аркадій и настоятель Китайской лавры, ѣдущій въ Китай съ своимъ послушникомъ. По разнорѣчію этого вторичнаго показанія съ первымъ, Савельеву сдѣлали новый передопросъ и Савельевъ, не запинаясь, далъ новое показаніе, именно; что онъ сынъ князя Урусова, кавалеръ разныхъ россійскихъ орденовъ и большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго и что доселѣ ходилъ по разнымъ мѣстамъ безъ дозволенія начальства и безъ письменнаго вида, совершая иногда священнодѣйствія. Когда же, наконецъ, ему дали вопросы объ отобранныхъ отъ него бумагахъ, то онъ прямо показалъ, что бумаги его не дѣйствительны и писаны неизвѣстнымъ ему человѣкомъ на пути.

VII.

САВЕЛЬЕВЪ КРЕСТНИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Слѣдователи дѣлали еще нѣсколько допросовъ Савельеву и Савельевъ былъ, по прежнему, неистощимъ въ разнообразіи показаній. Въ одномъ изъ такихъ новыхъ своихъ показаній онъ объявилъ, что онъ сынъ раскольничьяго начотчика Олонецкой губерніи, самомъ архимандритъ и ѣдетъ настоятелемъ въ Китайскую лавру, куда везетъ съ собою образъ Божіей Матери, написанный евангелистомъ Лукою и части мощей преподобныя Анны; въ другомъ,— что онъ неизвѣстнаго рода, былъ крещенъ въ Зимнемъ дворцѣ, при чемъ воспріемникомъ его былъ Императоръ Николай Павло-

вичъ; что, поступивъ въ монашество, онъ былъ въ греческихъ монастыряхъ и, наконецъ, назначенъ св. сунодомъ въ Китай. Получивъ столько разнообразныхъ свѣденій объ особѣ Савельева, судьи оставили его, на время, въ покоѣ и обратились къ раскрытію рода и происхожденія его послушника, 15-ти лѣтняго мальчика, одѣтаго тоже въ монашеское платье. Мальчикъ, на первомъ же допросѣ, показалъ истинное свое происхожденіе, такъ какъ не имѣлъ никакой нужды скрывать себя и вѣрилъ отъ всей души, что онъ ѣдетъ въ Китай. Изъ этого показанія его узнали, что онъ сынъ Лугскаго мѣщанина раскольника и отданъ въ послушники Савельеву съ согласія своихъ родителей, у которыхъ Савельевъ былъ въ домѣ, жилъ нѣсколько дней, служилъ утрени и вечерни и выпросилъ себѣ сына ихъ съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить его въ монашество. Обратились къ родителямъ этого мальчика и узнали, что показанія его были достовѣрныя. Родители его показали тоже самое, пояснивъ, что монахъ, называвшій себя архимандритомъ, выпросилъ у нихъ въ монашество сына ихъ, которому они и дали, вмѣсто паспорта, свидѣтельство уѣзднаго казначейства о взносѣ гильдейскаго капитала.

VIII.

ревизія церквей и превращеніе савельева въ природнаго китайца.

По отобраніи показаній отъ обоихъ странниковъ, слѣдователи приступили къ собранію свѣденій о дѣяніяхъ архимандрита въ городѣ. Спросили Герасимова, содержателя гостинницы, и узнали отъ него, что Савельевъ, проживая у него и прежде сего, ходилъ не разъ въ тюремный замокъ для подаянія милостыни, говорилъ проповѣди раскольникамъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ концовъ города, пѣлъ псалмы и показывалъ икону Божіей Матери, называя ее чудотворною, и хрустальную солонку, объясняя всѣмъ, что въ этой солонкѣ хранятся мощи св. Анны, и что, наконецъ, къ иконѣ и мощамъ этимъ прикладывались всѣ посѣтители и онъ, Герасимовъ.

Нѣсколько лицъ города Новоржева, въ томъ числѣ и одна купеческая вдова, извѣстная своею набожностію, спрошенныя слѣдователемъ о дѣяніяхъ архимандрита Аркадія, объясняли, что архимандритъ этотъ говорилъ имъ поученія о томъ: какъ должно вести себя по древнему благочестію и показывалъ имъ хрустальный сосудъ, въ которомъ, будто бы, находились части мощей, къ которымъ они и прикладывались, причемъ принимали благословеніе отъ архимандрита и цѣловали его руку. Одинъ начотчикъ города Новоржева показалъ еще, между прочимъ, что архимандритъ Китайской лавры, при цѣлованіи мощей народомъ, надѣвалъ епитрахиль и пѣлъ тропари Богородицѣ, при чемъ, онъ ему даже прислуживалъ. Между тѣмъ, до засаженія Савельева въ острогъ, члены суда рѣшились дать еще разъ ему допросъ и прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ разузнанія истинны,—священническому увѣщанію. И вотъ Савельевъ стоитъ предъ святымъ Евангеліемъ и крестомъ, въ одеждѣ инока. Близъ него священникъ въ епитрахили и съ словами увѣщанія на устахъ. Савельевъ не дрогнулъ при этой церемоніи, и вмѣсто прежнихъ, даже сколько нибудь правдивыхъ показаній, чтобы покончить дѣло съ судьями, которые, видимо, ему уже надоѣли, рѣшительно сказалъ, что онъ родомъ китаецъ и показаній на русскомъ языкѣ давать больше не можетъ.

IX.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ОСТРОГѢ И ОСѢНЕНІЕ МОЛЯЩИХСЯ АРХІЕРЕЙСКИМИ ДВУБИРІЯМИ.

Былъ восьмой часъ вечера. Острожные арестанты города Новоржева смиренно стояли въ одной изъ арестантскихъ камеръ, слушая всенощную. По срединѣ комнаты, предъ множествомъ образовъ, собранныхъ въ кучу изо всюду, и столомъ, покрытымъ приличною пеленою, стоялъ совершитель богослуженія, одѣтый въ мантію и эпитрахиль, въ клобукѣ на головѣ и со свѣчами въ рукахъ. На клиросѣ пѣли трое городскихъ пѣвчихъ, приглашенные архимандритомъ

китайскимъ. По временамъ, обращаясь лицемъ къ народу, архимандритъ, одѣтый въ мантію и украшенный крестами, осѣнялъ молящихся свѣчами, сложенными на подобіе архіерейскихъ двукирій. Наконецъ богослуженіе, длившееся далеко дольше обыкновенныхъ всенощныхъ, приблизилось къ концу. Восковыя свѣчи почти всѣ догорѣли; Савельевъ (читатель, конечно, узналъ его въ лицѣ архимандрита) въ послѣдній разъ осѣнилъ молящихся двукиріями и закончилъ богослуженіе.

X.

розыски и доносы.

Когда вѣсть о всенощной, совершенной Савельевымъ въ острогѣ, разнеслась на другой день по городу, то въ острогѣ сдѣланъ былъ немедленно обыскъ полиціею, которая однако, не нашла ни мантіи, ни эпитрахиля, ни книгъ, по которымъ совершалось богослуженіе. Изъ показаній Савельева объ этомъ, видно, что все это было прислано ему мѣстнымъ раскольничьимъ попомъ, но это по разслѣдованію не подтвердилось. Между тѣмъ, во время производства слѣдствія о Савельевѣ, многія лица города сообщили, при допросахъ, слѣдующія свѣденія о немъ. Содержатель одного постоялаго двора, близъ города Острова, раскольникъ, показалъ, что предъ Масляной недѣлей, къ нему пріѣзжалъ, однажды, Савельевъ въ монашеской одеждѣ и пробылъ у него двое сутокъ, занимаясь чтеніемъ и уходя неизвѣстно куда изъ дома. При отъѣздѣ монахъ этотъ подарилъ ему двѣ старинныя иконы, писанныя на доскахъ и какую-то книжку въ кожаномъ переплетѣ, за что онъ не взялъ съ него никакой платы и въ благодарность далъ ему еще на дорогу овса и денегъ около 25 рублей серебромъ. Одинъ купеческій сынъ изъ раскольниковъ же показалъ также, что однажды Савельевъ жилъ въ домѣ отца его подъ именемъ инока Аркадія, склонялъ его поступить въ монашество и ѣхать съ нимъ въ новооткрытую китайскую лавру, показывая, при этомъ, въ ихъ семействѣ, пузырекъ и увѣряя всѣхъ, что въ

немъ находится масло отъ іерусалимскихъ угодниковъ Божіихъ, коимъ и мазалъ всѣмъ лобъ, уши и глаза съ приличными благословеніями. Одинъ протоіерей Троицкаго собора отозвался, что въ февралѣ мѣсяцѣ приходилъ въ соборъ, во время совершенія имъ проскомидіи, монахъ, называвшійся архимандритомъ Макаріемъ и говорилъ, что онъ ѣздитъ отъ св. сунода для разузнанія нуждъ церквей и православнаго духовенства... При чемъ, вошедши въ алтарь, велъ себя какъ слѣдуетъ архимандриту и просилъ его вынуть часть изъ просфоры за здравіе Аркадія и отрока Василія, за что и заплатилъ 50 коп. сер. Послѣ чего стоялъ посреди церкви всю литургію прилично, но съ видимымъ любопытствомъ, впрочемъ иконамъ не молился, и по окончаніи обѣдни, осмотрѣлъ съ нимъ холодную церковь и ризницу, похвалилъ за все это протоіерея. Дьяконъ этого же собора показалъ, что однажды послѣ заутрени, подъѣхалъ къ собору монахъ, называвшійся архимандритомъ Аркадіемъ и объявилъ ему, что онъ командированъ въ Китай правительствомъ и желаетъ отслужить молебенъ въ соборѣ. Не имѣя причинъ отказать въ этомъ архимандриту, онъ призвалъ священника и, при содѣйствіи ихъ торжественно отслужилъ ему молебенъ въ соборѣ Тихвинской Божіей Матери. Такое обстоятельство вполнѣ подтвердилъ при допросѣ и пономарь, участвовавшій при молебнѣ.

XI.

ДОПРОСЫ И СУМАШЕСТВІЕ.

Савельевъ при допросахъ. Предъ столомъ въ присутствіи членовъ суда онъ стоитъ свободно, но показывая видъ, что не совсѣмъ здоровъ. Онъ еще не игралъ этой роли и потому ему захотѣлось познакомиться и съ нею... Среди допросовъ онъ развязно вынимаетъ платокъ изъ кармана и закрываетъ имъ лицо, говоря, что чувствуетъ себя слабымъ и что онъ давно страдаетъ кровотеченіемъ. По закону, допросы не должны были прекратиться дотолѣ, пока не будетъ ему сдѣлано медицинскаго осмотра. Чрезъ нѣсколько времени меди-

цинскій осмотръ былъ произведенъ и, какъ оказалось, Савельевъ былъ здоровешенекъ. Прошло еще нѣсколько дней и Савельевъ, принимавшій въ острогѣ жителей города, считавшихъ его за мученика полиціи, потребованъ былъ снова къ допросамъ. Неважное дѣло, думалъ Савельевъ, еще много ролей я не испытывалъ, и представляя изъ себя сумашедшаго, сталъ говорить всякій вздоръ, а, наконецъ, и вовсе отказался отвѣчать, кивая головой и прося знаками, бумаги. Подали бумагу и Савельевъ написалъ на ней слѣдующія слова: „я глухъ, нѣмъ и безграмотенъ, потому прошу прекратить допросы.“ Снова было сдѣлано ему медицинское освидѣтельствованіе и снова Савельевъ найденный врачемъ здоровымъ душевно и тѣлесно, отказался отвѣчать слѣдователямъ и снова потребовалъ бумаги, на которой написалъ: „я отвѣтовъ не могу дать, потому что разныя дѣлали пытки, водою холодною на голову лили и совершенно имѣю меланхолію въ головѣ, ибо простужены мозгъ, и ломота.“ Получая такіе письменные отвѣты, судьи прекратили допросы и перевели Савельева изъ арестантской въ острогъ.

XII.

ПОХОЖДЕНІЯ САВЕЛЬЕВА ИЗЪ ОСТРОГА.

Едва перевели Савельева въ острогъ, какъ набожные жители толпами осаждали двери острога, принося разныя подаянія заключенному и вымаливая благословеніе у невиннаго страдальца. Скоро и самъ городничій, поддавшись деньгамъ, сталъ смотрѣть сквозь пальцы на похожденія Савельева. По донесенію одного благочиннаго, Савельевъ составлялъ предметъ благоговѣнія молящихся, такъ что, по окончаніи службы въ раскольничьихъ домахъ, народъ толпами ожидалъ его при выходѣ и тѣснился принять его благословеніе, и визитаціи Савельева по городу расширились до страшныхъ размѣровъ. Приглашеніямъ его въ домы раскольниковъ не было конца. Одни приглашали его побывать въ ихъ банькѣ, а другіе осчастливить ихъ присутствіемъ при обѣдѣ, или ужинѣ, а нѣкоторые до-

вольствовались и тѣмъ, что онъ сказалъ въ ихъ домѣ нѣсколько нравоучительныхъ и душеспасительныхъ истинъ. Между тѣмъ дѣло о Китайскомъ архимандритѣ дошло и до губернатора, который командировалъ для этого, на мѣсто ареста архимандрита, чиновника особыхъ порученій. Съ пріѣздомъ этого чиновника, дѣло Савельева перевернулось. Тотчасъ сдѣланъ былъ ему строгій осмотръ и по обыскѣ отобраны отъ него образочки, кресты, пелены, лампадки, восковыя свѣчи, ладанъ, разныя книжки духовнаго содержанія, записки, стихи и денегъ одна копѣйка серебромъ, какъ доказательство его безкорыстія. Надзоръ за нимъ усиленъ и всякій выходъ въ городъ воспрещенъ, хотя городничій, руководясь по прежнему чувствомъ благодарности за денежки, и просилъ однажды чиновника послѣ отбитія зори дозволить архимандриту сходить въ одинъ домъ раскольничій. Между тѣмъ, къ довершенію несчастія Савельева, при новомъ его обыскѣ, въ переплетѣ одной книги нашли у него заклеенымъ свидѣтельство, выданное, будто бы, изъ санктпетербургскаго синода, на проѣздъ настоятелю Китайской лавры архимандриту Аркадію, ѣдущему съ образомъ Божіей матери, написаннымъ евангелистомъ Лукою, и съ частію мощей святой Анны. Увидѣвъ, что пора покончить здѣсь свои дурачества, Савельевъ рѣшился бѣжать и перемѣнить мѣстность.

XIII.

НАСТОЯТЕЛЬ КИТАЙСКОЙ ЛАВРЫ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРОВАЛИВАЕТСЯ.

Между тѣмъ какъ Савельевъ рѣшился бѣжать и, перемѣнивъ мѣстность, продолжать свое занимательное странствованіе по морю житейскому, одно обстоятельство нечаянно измѣнило вновь весь ходъ дѣла. Одинъ рядовой инвалидной команды, увидавъ въ Новоржевскомъ острогѣ Савельева, призналъ его за кантониста 1-го учебнаго карабинернаго полка и объявилъ начальству, что съ этимъ кантонистомъ онъ однажды содержался въ Новгородскомъ тюремномъ замкѣ около мѣсяца. Навели справку въ конторѣ Новгородскаго тю-

ремнаго замка и въ бывшемъ 1-мъ учебномъ стрѣлковомъ полку и показаніе рядоваго подтвердилось. Дѣла Савельева съ этого времени пошли подъ гору. Немедленно его отправили съ пикетомъ солдатъ и подъ строжайшимъ карауломъ въ Новгородъ, предъявили его тамъ мачихѣ его и бывшему квартальному надзирателю Новгородской городской полиціи, которые признали Савельева. Дѣло выходило плохое, но Савельевъ не унывалъ. Онъ какъ будто считалъ это за шутку судьбы и надѣялся еще измѣнить свои обстоятельства. Вѣра въ себя его не оставляла и мы увидимъ сейчасъ, что онъ дѣйствительно устроилъ свои дѣла такъ, что былъ уже одною ногою на пути къ побѣгу.

XIV.

МАНДЖУРСКІЙ ЯЗЫКЪ, ИЛИ УТОПАЮЩІЙ ХВАТАЕТСЯ И ЗА СОЛОМЕНКУ.

Когда Савельева предали военному суду, при внутреннемъ гарнизонномъ баталіонѣ, и члены военно-судной коммисіи приступили къ допросамъ, то Савельевъ начертилъ какіе-то знаки и сказалъ, что это написано по манджурски, и что онъ писать по русски не умѣетъ и перевести написаннаго не можетъ, а предоставляетъ это сдѣлать переводчику. Онъ сообразилъ, что для этого нужно будетъ давать знать азіатскому департаменту въ Петербургъ и ждать отвѣта. Дѣло тянулось таки порядочно, пока азіатскій департаментъ отвѣтилъ военно-судной коммисіи, а Савельевъ въ это время наслаждался полнымъ спокойствіемъ и придумывалъ новые планы, какъ бы подольше продолжить свое дѣло и, между тѣмъ, найдти случай перемѣнить мѣстность. Наконецъ, пришелъ отвѣтъ изъ азіатскаго департамента, который извѣщалъ военно-судную коммисію, что присланная ему рукопись для перевода, была разсмотрѣна какъ переводчикомъ манджурскаго языка, такъ и прочими находящимися въ вѣдѣніи департамента драгоманами, которые удостовѣрили, что она состоитъ изъ вымышленныхъ знаковъ, въ числѣ коихъ есть нѣкоторые, похожіе на арабскія буквы, но отнюдь не на манджурскія.

Савельеву объявили эту бумагу и потребовали къ новымъ допросамъ, причемъ прочитали и законы относительно упорства, угрожая составить объ этомъ актъ. Но Савельеву не впервые щеголять своимъ умомъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Если такъ, подумалъ онъ, то и мы не дадимъ маху... Голова на плечахъ, а съ нею не пропадешь!

XV.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Члены военно-судной коммисіи за столомъ; предъ ними Савельевъ. „Кто ты такой и откуда родомъ?“ дали ему первые вопросы. „Я сынъ князя Урусова, отвѣчалъ не запинаясь Савельевъ, и архимандритъ Китайской лавры Аркадій. Воспитаніе я получилъ въ С. Петербургѣ, потомъ былъ въ Турціи у раскольниковъ и по виду, выданному мнѣ отъ туркистанскаго правительства, возвратился въ Россію. Въ С. Петербургѣ и Москвѣ я имѣлъ священнослуженіе съ архіепископами раскольничьими и ѣду въ Китай. Обо всемъ этомъ прошу военно-судную коммисію сдѣлать справки.“ Когда его попросили отвѣты свои подписать, то онъ отвѣчалъ, что умѣетъ только читать по русски, пишетъ же на однихъ восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на китайскомъ и манджурскомъ, на какихъ, будто бы, языкахъ и подписалъ свои показанія. Савельевъ разсчитывалъ, что этимъ показаніемъ затянетъ снова свое дѣло, но военно-судная коммисія составила актъ, которымъ опредѣлила: не домогаться болѣе отъ Савельева никакихъ отвѣтовъ и допросы прекратить. „Вотъ что! подумалъ Савельевъ. Если вѣтеръ подулъ въ эту сторону, то и я маху не дамъ“. Онъ тотчасъ назвался больнымъ, прикинулся помѣшаннымъ и потребовалъ, чтобы его отправили въ больницу для излеченія. Противъ закона никто, какъ извѣстно, поступать не можетъ, сумашедшихъ не судятъ и приговора надъ ними не произносятъ, потому Савельевъ и

поселился преспокойно въ больницѣ, гдѣ и приступилъ на досугѣ къ плану, давно задуманному имъ.

XVI.

ПОСЛѢДНЕЕ ПОКУШЕНІЕ САВЕЛЬЕВА НА ПОБѢГЪ.

Поступивъ въ больницу, Савельевъ, прежде всего, занялся разборомъ лицъ, его окружающихъ, чтобы вѣрнѣе идти къ своей цѣли. Въ простачкахъ, какъ извѣстно, нигдѣ нѣтъ недостатка и въ больницѣ ихъ нашлось тоже не мало. Савельевъ прежде всего заставилъ увѣровать въ свой санъ фельдшера, который доставлялъ ему бумагу съ чернилами и сбывалъ его письма, къ разнымъ лицамъ адресованныя. Одинъ изъ караульныхъ, религіозность котораго Савельевъ скоро замѣтилъ, тоже былъ забранъ архимандритомъ Китайской лавры въ свои руки, такъ что, кромѣ того, что онъ, стоя на караулѣ, въ свои часы, допускалъ къ нему лицъ изъ города, но даже далъ обѣщаніе постричься въ монахи и ѣхать съ нимъ въ Китайскую лавру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ больныхъ арестантовъ былъ преданъ Савельеву до того, что хотѣлъ ѣхать тоже съ нимъ въ Китай. Имѣя столько лицъ подъ рукою, Савельевъ смѣло уже приступилъ къ дѣлу. Заскрипѣли перья подъ его рукою, полетѣли письма къ лицамъ города и чрезъ нѣсколько дней существованія его въ больницѣ къ нему уже однажды пришла женщина и подала письмо со вложеніемъ 25 руб. сер. Къ его услугамъ явились хорошій шлафрокъ, сорочки и сапоги, приличные архимандриту и присланные тоже изъ города. Отовсюду стали приноситься письма со вложеніемъ денегъ и вещей, начиная съ образковъ, крестиковъ, чотокъ и т. п. и хорошая пища, которою, за избыткомъ, онъ дѣлился даже съ тѣми арестантами, которые могли быть ему нужны. Пообставивши себя такимъ образомъ, Савельевъ приступилъ къ послѣдней операціи, нужной для побѣга тому, кто не хочетъ быть задержаннымъ на десяти шагахъ послѣ побѣга. Именно: онъ заготовилъ себѣ фальшивый видъ съ печатями и

подписями разныхъ рукъ, выданный, будто бы, изъ красноярской духовной консисторіи на имя епископа Нифонта и 3-хъ іеромонаховъ для свободнаго пропуска по всѣмъ городамъ россійской имперіи, запасшись вмѣстѣ съ тѣмъ, снимками образовъ на холстѣ, кусками деревянныхъ чашекъ съ церковными изображеніями, духовными книгами, стихами, кусками церковной пелены и всѣми, въ этомъ родѣ, принадлежностями странствующаго монаха. Послѣ всего этого осталось только назначить день побѣга всѣмъ тремъ лицамъ и дѣло съ концомъ. Такъ и было сдѣлано. Но судьба снова впуталась въ его дѣла и испортила его планъ.

XVII.

ОТКРЫТІЕ УМЫСЛА КЪ ПОБѢГУ И РОЗЫСКАНІЯ ПОЛИЦІИ.

Одинъ выписавшійся арестантъ изъ больницы, въ которой содержался Савельевъ, объявилъ дежурному по карауламъ, что Савельевъ намѣренъ бѣжать и имѣетъ переписку со многими лицами города. Этотъ доносъ раскрылъ глаза начальству, которое доселѣ смотрѣло на Савельева, какъ на больнаго. Тотчасъ же въ расплохъ сдѣланъ былъ строгій обыскъ въ больницѣ комнатъ, въ которыхъ жили Савельевъ и лица, намѣревавшіяся съ нимъ бѣжать въ Китай. У Савельева отобрали и фальшивый видъ, и церковныя вещички, и деньги, и одежду, и письма изъ города, между которыми особенно замѣчательно было письмо, написанное женскою рукою и содержавшее въ себѣ слѣдующія строки: „Мое воздыханіе къ Господу Іисусу, лежащему во гробѣ въ Китайской имперіи въ Туркистанѣ.“ Караулъ за этими лицами былъ втрое увеличенъ и Савельевъ уже струсилъ не на шутку. По допросѣ лицъ города, вслѣдствіе найденныхъ у Савельева писемъ, одна купеческая дочь, которой принадлежали приведенныя нами сейчасъ строки, показала, что она познакомилась съ Савельевымъ около двухъ лѣтъ тому назадъ, или болѣе, когда арестантъ этотъ приходилъ въ домъ отца

подъ видомъ архимандрита. Послѣ сего она видѣлась съ нимъ во 2-й разъ, когда онъ уже содержался въ тюремномъ замкѣ, при чемъ онъ сказывалъ ей, что онъ содержится въ острогѣ за то только, что монахъ. Вполнѣ вѣря ему, она чувствовала къ нему состраданіе и готова была отдать все, лишь бы видѣть его свободнымъ. Зная ея расположеніе къ монашескому сану, онъ не разъ ей совѣтовалъ поступить въ монастырь и она, чувствуя вѣру въ его совѣты, дѣйствительно хотѣла уже бѣжать изъ дома родителей, которые не позволяли ей принять иноческаго сана. Одинъ изъ арестантовъ, содержавшихся вмѣстѣ съ Савельевымъ въ больницѣ подъ арестомъ, показалъ, что онъ видѣлъ не разъ, какъ Савельевъ рисовалъ карандашемъ на каленкорѣ плащаницу и раскрашивалъ чашечки изображеніями церковными. Одинъ купецъ 3-й гильдіи изъ раскольниковъ объяснилъ, что съ Савельевымъ познакомился онъ какъ съ монахомъ изъ С. Петербурга, въ чемъ былъ убѣжденъ его костюмомъ и истинно монашескимъ со всѣми обращеніемъ, замѣчательнымъ даже среди монаховъ, вслѣдствіе чего и велъ съ нимъ дружескія отношенія и считалъ за долгъ отвѣчать на его просьбы и письма изъ острога больницы.

XVIII.

ПОДПИСАНІЕ ВЫПИСКИ И ПРИГОВОРА СУДА.

Когда военно-судная коммисія сообразила обстоятельства дѣла Савельева, то приступила къ подписанію выписки изъ дѣла. Всѣ его похожденія были приведены въ порядокъ, и на все почти сдѣланы были нужныя справки. Потребовали Савельева въ коммисію суда и предложили ему подписать эту выписку. Савельевъ, выслушавши дѣло, объявилъ, что она не полна... и что, между прочимъ, не сдѣлано сношенія о его званіи съ туркистанскимъ правительствомъ. Ему прочли законы объ упорствѣ и пригрозили строгостію ихъ за подобные поступки подсудимыхъ, объяснивъ, что въ противномъ случаѣ, составится актъ объ этомъ. Савельевъ смекнулъ,

что такими вещами онъ можетъ только дѣйствительно портить дѣло и подмахнулъ выписку самыми разнообразными вымышленными знаками, сказавъ, что по-русски это означаетъ: архимандритъ Аркадій! Это было послѣдняя его игра съ судьями и насмѣшка надъ закономъ. Удастся ли ему еще погулять по матушкѣ Россіи и наслаждаться плодами свободы, не знаемъ, но уголовное дѣло о немъ кончилось ссылкою въ Сибирь съ преданіемъ церковному покаянію.

VII

МОЛОКАНЕ.

Если не касаться нѣкоторыхъ сторонъ догматическаго ученія молоканъ, то въ нравахъ и обычаяхъ ихъ много образцоваго. Живя среди ихъ, мнѣ удалось посвятить нѣкоторую часть одного лѣта изученію бытовой страны молоканъ въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, ихъ жизни общественной и домашней, во многихъ отношеніяхъ сложившейся лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь, даже и не у сектантовъ.

У молоканъ, для живущаго среди ихъ, все обращаетъ на себя вниманіе, начиная съ постройки домовъ. Войдите въ домъ къ любому молокану—у каждаго найдете особаго рода внутреннее расположеніе. Направо, при входѣ, въ домахъ ихъ всегда устроена особая комнатка, большею частью въ одно окно, противъ которой, налѣво, кухня; затѣмъ уже идетъ общая большая комната, у многихъ перегороженная на двое. Первая комнатка противъ кухни всегда назначается для стариковъ: родители они, или дѣды, или родственники. Въ ней старики живутъ особо отъ всѣхъ прочихъ, читаютъ молитвы, пьютъ чай и принимаютъ къ себѣ прочихъ членовъ семейства, для наученія и наставленій. Изъ одного этого уже видно, что старость у молоканъ вообще въ почотѣ. „Старики люди по-

чтенные: имъ неприлично мѣшаться среди молодежи, особенно среди замужнихъ бабъ и женатыхъ сыновей," говорятъ молоканы: „для того у насъ и въ обычаѣ отдѣлять для нихъ особое помѣщеніе." На улицѣ старикамъ тоже почотъ, достойный полной похвалы. Идетъ старикъ мимо дома чьего бы то ни было, сидящіе у воротъ, или встрѣчающіеся, непремѣнно всѣ встаютъ и отдаютъ поклонъ: дѣти обязываются къ этому съ малолѣтства. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость и старикамъ у молоканъ: они ведутъ себя всегда солидно и достойно пользуются почотомъ; у нихъ старикъ не будетъ пьянствовать, ругаться на улицѣ, безобразничать публично и какъ часто бываетъ не у молоканъ, даже съ расквашеннымъ до крови лицомъ возвращаться торжественно изъ кабака... Нѣтъ, типъ старика у молоканъ сложился вѣками, и солидность ихъ безпримѣрная въ крестьянскомъ быту въ Россіи.

Вина молоканы не пьютъ никакого, отъ этого у нихъ и кабаковъ нигдѣ не найдете. Даже посуды: штофовъ, полуштофовъ, рюмокъ и т. п. не увидишь ни въ одномъ домѣ. Пьянство считаютъ они, во первыхъ, грѣхомъ по слову писанія, во вторыхъ, неприличнымъ человѣку, созданному по образу и подобію Божію. „Намъ дивятся православные—разсказываютъ молоканы—что изъ насъ никто не пьетъ вина, а мы не надивимся имъ, что они пьянствуютъ." Понятно послѣ этого, почему, между прочимъ, молоканы всѣ живутъ зажиточно: деньги, пропиваемыя, напримѣръ, православными, остаются всегда въ молоканскихъ селахъ цѣлыми, къ увеличенію ихъ благосостоянія. Изъ любопытства, мы собрали нѣсколько справокъ въ сосѣднихъ съ молоканами православныхъ селахъ и нашли, что, среднимъ числомъ, пропиваются въ такихъ селахъ, всѣмъ населеніемъ до 10,000 руб. сер. въ годъ, въ 10, значитъ лѣтъ 100,000 рублей сер., тогда какъ эти 100,000 руб. сер., въ 10 лѣтъ, въ молоканскихъ селахъ, сохраняются цѣлехонькими въ карманахъ хозяевъ и возвышаютъ благосостояніе села замѣтнымъ образомъ.

Не говоримъ уже о томъ, что трудолюбіе молоканъ вошло на Руси въ пословицу. Шесть дней въ недѣлѣ они всѣ, отъ мала до велика, въ работѣ, седьмой же день (воскресенье) проводятъ въ неменьшей работѣ, только духовной. Вотъ какъ проводятъ они

воскресенье. Съ утра, т. е. часовъ съ 8, собираются на молитву (по нашему, къ обѣднѣ), которая и оканчивается около часа. Послѣ этого обѣдаютъ, и затѣмъ въ каждомъ домѣ раскрывается библія и читается кѣмъ-либо изъ старшихъ, но такъ, что всѣ въ домѣ, отъ мала до велика, обязаны слушать библію и толкованіе, заучивать правила вѣры и жизни наизусть и вообще умственно работать, Эту работу они и называютъ работою для Бога. Праздность изгнана изъ ихъ общества навсегда, и даже самое слово: „праздность“ считается на ихъ языкѣ смѣшнымъ терминомъ. Къ такому трудолюбію молоканы подготовляются съ дѣтства. У нихъ ребенокъ лишенъ съ самой колыбели развлеченій. На вопросъ: отчего у дѣтей ихъ самаго малаго возраста, даже начинающихъ только ходить, не видно никакихъ игрушекъ?“ Отцы и матери отвѣчаютъ: эти забавы пріучаютъ человѣка къ праздности, къ разсѣянности; дѣти, возрастая, будутъ требовать забавъ и игрушекъ, а человѣкъ созданъ совсѣмъ не для этого. „Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“, сказалъ Богъ.

Мало этого, дѣти у молоканъ не играютъ и на улицахъ ни въ какія игры, не поютъ пѣсенъ, не веселятся въ хороводахъ, не качаются не качеляхъ, не покупаютъ закусокъ, конфектъ, пряниковъ и т. п. лакомствъ, даже не грызутъ подсолнечныхъ сѣмячекъ и орѣховъ. Что же вы находите грѣшнаго въ грызеніи, напримѣръ, орѣховъ? Вѣдь это, кажется, такое безвинное время-препровожденіе? спрашивали мы у отцовъ и матерей. „Да какъ вамъ сказать, добрый человѣкъ, отвѣчали старики:—грѣха мы въ этомъ не находимъ, это правда, но обычай-то безполезный; смотришь, человѣкъ сидитъ безъ дѣла и только щелучитъ, да щелучетъ... а время-то идетъ даромъ. Ну, онъ нынѣ такъ пощелучитъ, завтра пощелучитъ, послѣ завтра пощелучитъ, а въ году-то и много такого времени пропадетъ безъ пользы и для хозяйства, и для души... Намъ противно даже смотрѣть, какъ это дитя, напримѣръ, сидитъ, да щелучитъ, да щелучитъ, а толку никакого... Нѣтъ! это намъ не по душѣ. Есть время свободное: бери книгу, да читай, да размышляй, правилами жизни запасайся—вотъ это орѣхи, вотъ это и есть, по нашему, грызть сѣмечки!...“—Ну, а игра хоть бы въ козны-то мальчикамъ чѣмъ вредна? Вѣдь моціонъ дѣ-

тяти необходимъ, это потребность его возраста?—„И тутъ также не видимъ ничего, кромѣ вреда для мальчика—отвѣчали молоканы:—нынѣ онъ играетъ въ козны, завтра захочетъ того же, послѣ завтра того же, а тамъ глядишь впослѣдствіи захочетъ и въ орлянку поиграть, а тамъ и еще хуже что-нибудь... Всякая праздность—мать порокамъ!“

Такой пуританизмъ не можетъ не казаться ужъ чрезчуръ крайнимъ. Всматриваясь, однако, въ лица мальчиковъ и дѣвочекъ молоканскихъ, мы думали подмѣтить, нѣтъ ли на нихъ слѣдовъ маломощности, малоразвитости физической и т. п., къ удивленію, должны были убѣдиться, что мальчики и дѣвочки молоканскіе всѣ пресвѣжія дѣти, полныя и румяныя и большею частью довольно красивыя. Ключъ къ разрѣшенію этой загадки хранится въ постоянномъ занятіи дѣтей домашними и полевыми работами: онѣ шесть дней въ недѣлѣ проводятъ наравнѣ съ большими на воздухѣ и помогаютъ имъ во всѣхъ занятіяхъ. Это и составляетъ для нихъ моціонъ; этимъ онѣ и удовлетворяютъ потребности возраста. Мы лично были свидѣтелемъ слѣдующаго приложенія этой теоріи физическаго развитія дѣтей къ практикѣ. Молокану нужно было запречь намъ лошадей въ сосѣднее село—это было въ праздничный день; старшій сынъ хозяина вывелъ лошадей, сыновья помоложе надѣли на нихъ хомуты, малые ребятишки подавали кто дугу, кто возжи, дѣвочки несли съ повѣти сѣна въ тележку, укладывали подушки, сак-вояжъ и т. п., старики же, отецъ и мать, сидѣли на сѣнномъ крылечкѣ и только смотрѣли. Къ чему это весь домъ-то вы подняли на ноги? спросили мы стариковъ. „Это у насъ всегда такъ водится, отвѣчали они.—Къ хозяйству пріучаются, къ труду; кабы въ козны-то играли по улицѣ дѣти наши, такъ и тебя, добрый человѣкъ, некому было бы собрать, или пришлось бы намъ подъ старость этимъ заниматься; а это непорядки“...

Пуританизмъ молоканъ въ воспитаніи дѣтей доходитъ до того, что у нихъ женщины лишены даже права носить женскія украшенія, серебряныя и золотыя и т. п., такъ что серегъ, перстней и колецъ не увидишь ни на одной молоканкѣ и молоканской дѣвочкѣ; о прокалываніи ушей у дѣвочекъ для серегъ они и понятія не имѣютъ. Неужели ваши дочери не завидуютъ православ-

нымъ дѣвочкамъ въ украшеніяхъ? спросили мы. Вѣдь дѣвичій возрастъ такой, что онъ любитъ родиться и украшаться... „Наши дочери любятъ украшаться душою, а не серьгами и кольцами. Какая изъ нихъ раньше грамотѣ выучится да больше читаетъ, больше знаетъ слова божія и лучше другихъ поетъ въ собраніи, тѣ и считаются у насъ красивѣе другихъ..." Впрочемъ, надобно сказать, что молоканскія дѣвочки вообще всѣ недурны собою; особенно же ярко бросается въ глаза ихъ женственность, стыдливость, застѣнчивость и какое-то тихое, спокойное, даже меланхоличное выраженіе лица... Если лицо — зеркало души, то въ лицахъ молоканскихъ дѣвочекъ свѣтится хорошая душа, выправляемая воспитаніемъ. Отличная хозяйка, вѣрная жена и умная мать предвидится въ каждой изъ дѣвочекъ молоканскихъ. Выраженіе лица мальчиковъ, воспитываемыхъ въ такомъ спартанскомъ пуританизмѣ, совсѣмъ другое. Первая черта, которая проглядываетъ въ нихъ— это повиновеніе старшимъ, потомъ какая-то напряженная пытливость ума и сосредоточенность въ себѣ... Манеры ихъ скромны, но застѣнчивости никакой; они вездѣ съ большими, и общества, собственно дѣтскаго, у нихъ нѣтъ. Даже при гостяхъ, напримѣръ, при насъ, они не выходили никогда изъ избы и внимательно слушали (хотя ихъ никто къ этому не принуждалъ) разговоръ большихъ. Мы, однакожъ, не замѣтили, чтобъ дѣвушки молоканскія одѣвались небрежно. Чистыя платья, чистые бѣлые рукава, часто съ вышитыми воротничками и т. п., считаются у нихъ приличнымъ нарядомъ, какъ они выражаются, для христіанской дѣвочки; прочія же каменныя и металлическія украшенія считаютъ они обычаемъ языческимъ. „Христіанская дѣвушка должна украшаться христіанскою душою—вотъ это такъ!" При разговорѣ съ матерями, мы были изумлены начитанностью ихъ и знаніемъ наизустъ тысячи правилъ жизни, основанныхъ непремѣнно на текстѣ. На вопросъ, какъ онѣ обращаются съ дѣтьми и бьютъ ли ихъ за проступки, матери отвѣчали, что „дѣтей надобно учить собственнымъ примѣромъ, а вразумлять словомъ (и сейчасъ же текстъ на это подвели); только для самаго негоднаго дитяти велѣно употребить жезлъ (привели текстъ и на это); но мы къ этому почти никогда не прибѣгаемъ. Наши дѣти и безъ того послушны!"

Вообще положеніе женщины у молоканъ очень хорошее. Ребенкомъ еще она обучается непремѣнно грамотѣ матерью (грамота обязательна у молоканъ, и они всѣ поголовно почти грамотны), потомъ дѣлается пѣвчею въ собраніяхъ и когда выходитъ замужъ, то ея спокойствіе гарантируется церковнымъ собраніемъ, не говоря о томъ, что она считается равною по догмѣ молоканъ. Церковное собраніе у молоканъ—это народный трибуналъ, имѣющій страшную власть надъ всѣми... Если мужъ иззмѣнитъ женѣ, или оскорбитъ ее сильно словомъ, а тѣмъ болѣе если побьетъ, жена прямо заявляетъ о томъ церковному собранію, и собраніе на первомъ же моленіи вызываетъ къ отвѣту виновнаго, разбираетъ дѣло публично... и затѣмъ налагаетъ наказаніе. „Мужъ долженъ любить жену, какъ Христосъ возлюбилъ церковь“—твердятъ молоканы—„а развѣ Христосъ оскорбляетъ когда-нибудь церковь?“ Такимъ образомъ молокане, эти русскіе раціоналисты-сектанты, не руководствуются въ своей жизни нашими господствующими законами и имѣютъ свои практическіе кодексы законовъ: церковныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ. Нашихъ господствующихъ законовъ они и не читаютъ... Положившись на библію, молокане, съ помощію текстовъ, составили себѣ свое священное законодательство, коимъ и управляются неуклонно не одно уже столѣтіе.

Молокане не признаютъ брака въ смыслѣ таинства, и въ этомъ случаѣ вполнѣ сходятся съ Европою, имѣющею гражданскіе браки. Бракъ молоканскій чисто европейскій, гражданскій бракъ „Мы не считаемъ брачное сожительство“, говорили намъ молокане, и говорили въ одинъ голосъ, только плотскимъ тѣлеснымъ сожительствомъ. Если животныя, неимѣющія безсмертнаго духа, совокупляются единою плотію, для человѣка для образа и подобія Божія, такое лишь плотское совокупленіе есть униженіе и безчестіе. Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ любви, союзомъ духовнымъ. Мужья, говоритъ апостолъ Павелъ, любите женъ своихъ, какъ Христосъ возлюбилъ церковь; любящій свою жену любитъ самого себя. Потому преступникъ противъ заповѣди Божіей тотъ мужъ, который дурно оброщается съ своею женою словомъ или дѣломъ. При такомъ обращеніи какая можетъ быть любовь? Безъ любви жена становится не помощницей мужу, какъ установлено самимъ

Богомъ, а рабой, что противно волѣ Божіей. Поэтому насильственное сожитіе безъ любви противно волѣ Божіей и оскорбляетъ Его велѣнія: насиліе въ бракѣ—есть прелюбодѣяніе.„ Въ силу этого ученія, у молоканъ существуетъ свободное расторженіе браковъ, или гражданскій разводъ, когда мужъ, или жена потребуютъ того отъ церковнаго совѣта, который у молоканъ совмѣщаетъ въ себѣ и уѣздный судъ, и волостное правленіе, и уголовную палату, и сенатъ, и консисторію, и нашъ св. сунодъ. Всѣ дѣла рѣшаются у молоканъ этимъ совѣтомъ, который не вооруженъ никакимъ письменнымъ или печатнымъ сводомъ законовъ, а лишь библіею съ Новымъ завѣтомъ, и практикою. Но брачному разводу у молоканъ предшествуютъ еще жалобы мужа или жены на дурное обращеніе одного съ другимъ, приносимыя церковному совѣту. Дѣло это, какъ намъ удалось прослѣдить и записать, ведется у нихъ такъ. Когда мужъ, напримѣръ (не въ пьяномъ конечно видѣ, ибо молокане ни о винѣ, ни о кабакахъ не имѣютъ понятія и кромѣ меда, конфектъ и закусокъ, не знаютъ другихъ угощеній во всю свою жизнь), оскорбитъ жену свою словомъ, или ударитъ, хотя слегка, въ горячахъ, то жена въ первое же воскресенье,—если мужъ до сего времени не испроситъ у ней прощенія по библіи, заявляетъ о семъ при молитвенномъ воскресномъ богослуженіи (молокане храмовъ видимыхъ не признаютъ и молятся въ домахъ). Церковному совѣту, состоящему изъ лицъ самой глубокой древности, старше которыхъ нѣтъ въ селѣ, которые публично, судотвореніемъ послѣ богослуженія разбираютъ обиду и на основаніи библіи рѣшаютъ этотъ вопросъ безаппелляціонно. При этомъ, если мужъ и жена не заявляютъ о разводѣ, они налагаютъ на виновнаго «наказаніе церковное» (гражданскихъ наказаній у нихъ не существуетъ). Лѣстница этихъ церковныхъ наказаній у молоканъ довольно длинная. Виды наказаній, между прочимъ, слѣдующіе: 1) торжественное извиненіе обидчика предъ обиженнымъ; 2) постъ на 10, 20, 30, 40 дней и на годъ; 3) раздаяніе 40 милостынь бѣднымъ; 4) вкладъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ околодка; 5) покаяніе при богослуженіи предъ собраніемъ; 6) отлученіе отъ участія при общественномъ богослуженіи въ продолженіе недѣли, мѣсяца, полугода и года (это наказаніе полагается за тяжкія вины); 7) присутствованіе при

богослуженіи общественномъ, но съ обязанностію стоять, обратясь въ уголъ къ стѣнѣ; 8) лишеніе права на братское привѣтствіе на улицѣ при встрѣчахъ; 9) лишеніе права пѣть при богослуженіи и читать библію и т. п.

Намъ удалось быть при одномъ общественномъ богослуженіи молоканъ. Молокане никогда и ничего не откроютъ православному священнику, становому, квартальному и губернскому чиновнику, но охотно довѣряются ученому, когда не увидятъ на немъ ни форменной фуражки, ни форменныхъ пуговицъ на платьѣ, и когда ученый докажетъ имъ своими знаніями разныхъ вѣръ, что онъ изъ либеральныхъ побужденій желаетъ проникнуть въ ихъ тайны. Такимъ образомъ присутствовали мы при одномъ богослуженіи въ Самарской губерніи, и слышали разбирательство жалобы молоканки на мужа, который обозвалъ ее словомъ браннымъ (бранное слово вообще у молоканъ рѣдкость). Разбирательство производилъ церковный совѣтъ публично, предъ 300, 400 человѣкъ, пришедшихъ на богослуженіе; совѣтъ состоялъ изъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, изъ коихъ нѣкоторымъ было за 100 лѣтъ. По выслушаніи жалобы тотчасъ развернута была библія (огромнаго формата, извѣстная у насъ подъ именемъ параллельной) и изъ нея прочитаны тексты объ отношеніяхъ мужа къ женѣ и жены къ мужу. «Мужъ,» читалъ сѣдой какъ лунь членъ церковнаго совѣта,—„отдавай женѣ должное, подобно и жена мужу; жена не властна надъ своимъ тѣломъ, а мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, а жена. Внемлите сему, взывалъ старикъ—не свои словеса говорю вамъ, а словеса библіи, вѣчныя и неизмѣнныя!.» Жены, дочери, парни, дѣти, бывшіе при богослуженіи, слушали внимательно слово наставленія, произносимаго старцемъ, коему было за плечами 96 лѣтъ. «Худое обращеніе мужа съ женой легко можетъ повести жену къ нарушенію брачнаго союза,» говорилъ другой членъ совѣта, такой же какъ и первый,—«можетъ привести въ прелюбодѣяніе, и тогда, хотя жена не будетъ безъ вины предъ Господомъ Богомъ, но мужъ самъ первый дастъ отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ за грѣхи жены, ибо ему было повелѣно любить жену свою, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, а Христосъ самаго себя предалъ за нее, чтобы освятить ее, очистить, и представить ее себѣ славною

церковію, не имѣющею пятна, или порока... А ты не только не исполняешь заповѣдей Бога, но и вводишь жену въ искушеніе. Не помилуетъ тебя Господь! Покайся и по христіански испроси у жены твоей прощенія! Утѣшь насъ и не посрами наше общество истинныхъ христіанъ, котораго ты сдѣлался недостойнымъ!»

Признаемся, мы были поражены этой сценой разбирательства мужа и жены и когда мужъ, въ виду всего собранія испросилъ у нея прощеніе въ своей винѣ, собраніе запѣло какой то благодарственный Богу гимнъ, то были тронуты не шутя.

При подробныхъ распросахъ мы узнали, что ссоры мужа и жены у молоканъ до того рѣдки, что нѣкоторые прожившіе весь вѣкъ свой, не сказали другъ другу браннаго слова.

Такое состояніе женщины у молоканъ соблазняетъ постоянно православныхъ женщинъ, которыя весьма часто переходятъ въ молоканскую вѣру,—то отъ побоевъ вѣчно пьянаго мужа, то отъ безобразія пьянаго свекра, то отъ вѣчно неумолкаемой брани сварливой свекрови и т. п.,—гдѣ и выходитъ вторично замужъ. Послѣ этого намъ понятны стали безчисленные случаи бѣгства православныхъ женщинъ въ молоканство, порождающіе тысячи уголовныхъ слѣдствій, скопляющихся въ большомъ количествѣ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ селахъ, гдѣ православные и молокане живутъ вмѣстѣ, такіе случаи бываютъ частенько. Тамъ жена забуянившему и дерущемуся мужу прямо грозитъ такъ: «А молоканъ знаешь? Уйду къ нимъ, и искать будетъ негдѣ!» Надо сказать, что и молокане этимъ пользуются усердно. Скверно живущую чету православную они уже слѣдятъ издалека и при всякомъ случаѣ даютъ замѣтить женщинѣ, что еслибъ она бросила сквернаго мужа и россійскихъ (молокане православныхъ не называютъ другимъ именемъ, какъ „россійскіе“) и перешла въ молоканство, то избавилась бы отъ каторжной жизни и вышла вновь замужъ за скромнаго и трезваго человѣка. Соблазнъ великъ, и переманка, большею частью, оканчивается успѣхомъ, т. е. побѣгомъ къ нимъ православной. Тогда молокане не дремлютъ, и прибѣжавшую къ нимъ тайно замужнюю жену тотчасъ же вновь вѣнчаютъ, но не явно, какъ обыкновенно совершаютъ свои браки, а тайно, гдѣнибудь на мельницѣ, за селомъ, причемъ изъ боязни, чтобъ ново-

перешедшая, еще неукрѣпившаяся въ молоканствѣ, женщина не измѣнила молоканству, и перешедши снова въ православіе, не выдала правительству лицъ, совершавшихъ надъ нею обрядъ брака, завязываютъ ей наглухо глаза, такъ что она не узнаетъ потомъ ни мѣста, гдѣ совершенъ былъ бракъ молоканскій, ни лицъ, присутствовавшихъ при немъ. Одна молоденькая крестьянка, бѣгавшая въ молоканство на два дня и потомъ возвратившаяся снова въ православіе и къ покинутому-было своему мужу, за то, что онъ съ первыхъ же дней брака началъ ее бить, разсказывала намъ, что когда она дала согласіе слѣдившимъ за нею молоканамъ перейти къ нимъ и выдти замужъ за молодаго молоканина, то они назначили 12-й часъ ночи на четверкъ къ ея побѣгу изъ дому. „Какъ только пришелъ этотъ часъ—говорила крестьянка—то къ повѣту, гдѣ я спала, подъѣхала тихонько, съ задняго двора, тройка лошадей, и сидѣвшіе въ телегѣ ударили три раза въ ладоши. Тогда я спустилась съ повѣта, и меня приняли на руки посланные и посадили въ телегу; тройка понеслась быстро, но куда—я не видѣла, потому что мнѣ завязали тотчасъ же глаза платкомъ. Наконецъ, лошади остановились, и меня сняли съ повозки и ввели куда-то, гдѣ, по разговору, народу было порядочно, и гдѣ мой новый мужъ, котораго я узнала по голосу, взявъ меня за руку, сказалъ: „ничего не бойся; я съ тобою, милая, и насъ сейчасъ же обвѣнчаютъ: тогда всему конецъ!» Началось пѣніе и чтеніе молитвъ; но меня обдавало какимъ-то холодомъ и сыростью точно въ погребѣ, точно меня сквозь землю куда спустили (дѣло было осенью). Я тихонько высвободила одинъ глазъ изъ-подъ платка, и какъ взглянула на жернова, на колеса, на мучныя стѣны, на молоканскія сѣдыя лица, стоявшія съ зажжонными свѣчами, такъ и обмерла! Мнѣ представилось, что, вмѣсто молоканъ, меня взяли съ повѣта черти за измѣну вѣрѣ и увезли въ подводное царство на мельницу... Я закричала благимъ матомъ и упала безъ памяти, такъ что пришла въ себя только на другой день, когда лежала у новаго свекра въ амбарѣ, за тайнымъ простѣнкомъ гдѣ нашла меня матушка, съ ногъ сбившаяся (съ понятыми) искавши меня. Я обрадовалась матушкѣ, разсказала ей все, какъ было, и потомъ ушла отъ молоканъ снова къ ней и

опять въ православную вѣру; съ мужемъ же скоро помирилась, и снова стала жить вмѣстѣ и донынѣ живу; но онъ ужъ меня съ тѣхъ поръ и пальцомъ не трогаетъ...“

— Какъ же вамъ не стыдно такія вещи дѣлать? спросилъ я молоканъ, разсказавши имъ этотъ случай. — „Противъ совѣсти мы ничего тутъ не дѣлаемъ, отвѣчали они: — противъ воли никогда никого не принимаемъ къ себѣ (это правда, и о насильно похищаемыхъ молоканами женщинахъ нигдѣ и никогда не было слышно), а если человѣкъ хочетъ освободиться отъ плохой жизни, то почему же ему не помочь въ этомъ! Долгъ человѣколюбія даже заставляетъ это сдѣлать!“ — А перевѣнчивать-то зачѣмъ? спросилъ я. — „Да какъ тебѣ сказать, добрый человѣкъ, мы ваше вѣнчаніе не считаемъ священнымъ, а вы наше: вотъ, чтобъ закрѣпить дѣло, мы и вѣнчаемъ новоприходящихъ въ нашу вѣру своимъ вѣнчаніемъ. Притомъ же мы не считаемъ бракъ таинствомъ, какъ россійскіе (т. е. мы православные), а взаимною данною публично клятвою жениха и невѣсты любить другъ друга, покоить, хранить и быть вѣрнымъ до гроба; когда же вашу женщину начинаетъ бить мужъ, то, по нашему мнѣнію, она свободна отъ такихъ узъ, и мы ей даемъ новаго жениха изъ нашихъ. Вотъ и все!“

У молоканъ бракъ дѣйствительно, не считается, таинствомъ и разводъ совершенно позволителенъ. Но, замѣчательно, что этихъ разводовъ у нихъ бываетъ чрезвычайно мало, по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, самый бракъ совершается у нихъ такъ торжественно, что впослѣдствіи трудно нарушить его. На бракъ сбирается у нихъ все село, старый и малый, и во время совершанія его, женихъ и невѣста нѣсколько разъ публично клянутся предъ народомъ быть вѣрными другъ другу до гроба, любить другъ друга, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, и воспитывать дѣтей своихъ въ страхѣ божіемъ, причемъ постоянно читаютъ молитвы изъ книги Товита съ возложеніемъ рукъ то отца и матери на брачащихся, то свекра и свекрови, то старца, совершающаго и благословляющаго этотъ бракъ. Тутъ и отецъ съ матерью заклинаютъ дѣтей своихъ быть вѣрными другъ другу до гроба, и свекоръ съ свекровью, и сами брачущіеся то и дѣло повторяютъ

клятвы, и народъ весь потомъ падаетъ на колѣни съ молитвою къ Богу, о томъ, чтобъ Онъ даровалъ новобрачнымъ силы сохранить „бракъ святъ и ложе не скверно.“ Лицо, соединяющее руки новобрачнымъ и возлагающее на нихъ благословеніе, бываетъ всегда убѣленный сѣдинами старикъ лѣтъ 80, или болѣе (самый старый въ селѣ), который, дрожащими отъ дряхлости руками, благословляетъ чету и дрожащимъ голосомъ подтверждаетъ ея клятву передъ Богомъ. Такая обстановка брака молоканскаго, въ высшей степени торжественная и публичная, соединенная съ такимъ драматизмомъ, имѣетъ свое значеніе и ведетъ чету благополучно по жизненному пути. Во вторыхъ, прежде чѣмъ бракъ разрушается разводомъ, общественное церковное собраніе разбираетъ его тоже публично: слѣдовательно, виновное лицо подвергается неминуемо и позору общественному, и лишается права вступать когда-либо въ новый бракъ; а это наказанія немалыя!..

VIII.

АРЕСТАНТЫ-ЛИТЕРАТОРЫ.

I.

РАСКОЛЬНИКЪ ШМЕЛЕВЪ.

Въ 186* году случилось Правительствующему Сенату, по разсмотрѣніи жалобы, смягчить наказаніе арестанту Шмелеву, раскольнику поповщинскаго толка, сосланному въ К... арестантскія роты Гражданскаго Вѣдомства и освободить его изъ ротъ съ отдачею подъ надзоръ полиціи. Посланъ былъ указъ объ этомъ въ мѣсто содержанія Шмелева. Шмелевъ былъ, наконецъ, освобожденъ, но дорого обошлось это освобожденіе его сотоварищамъ по заклю-

ченію. Всѣ сидѣвшіе въ К... арестантскихъ ротахъ,—а роты эти однѣ изъ многолюднѣйшихъ въ Ю. Западныхъ губерніяхъ,—встревожились надеждою освободиться, подобно Шмелеву, изъ непріятнаго заключенія и потеряли обычный арестантскій покой и сонъ. Тревогу эту произвелъ Шмелевъ.

Онъ былъ раскольникъ Поповецъ изъ посадовъ Черниговской губерніи, съ выстриженною маковкою, съ бородою точно помяло, вѣчно съ лѣстовками въ рукахъ и съ виду будто съ придурью, въ сущности же плутъ преестественный.

При всѣхъ этихъ качествахъ Шмелевъ, однако, никогда не попадался въ руки правосудія и въ настоящемъ случаѣ втискался въ арестантскія роты только по оговору, который Сенатъ сочелъ, однако, недостаточнымъ для того, чтобы осудить его положительно какъ виновнаго и опредѣлилъ: оставить Шмелева въ подозрѣніи за недостаткомъ юридическихъ доказательствъ, требуемыхъ закономъ. Когда Шмелевъ подалъ въ Петербургъ прошеніе изъ К... ротъ, то всѣ сотоварищи его по заключенію не давали ему ни днемъ ни ночью покоя, — поддразнивая его тѣмъ, какъ ему пришлютъ изъ Сената указъ съ 40 розгами и выпестрятъ спину. Бывало только встанетъ Шмелевъ отъ сна, ему ужъ докладываютъ, что пришелъ для его персоны указъ съ 40 розгами въ спину...

— Да отпуститъ вамъ Христосъ прегрѣшенія ваши, отвѣтитъ смиренно Шмелевъ и почнетъ умиленно распѣвать

Прекрасная мати пустыня
Любезная моя дружина!
Пришелъ я тебя соглядати
Потщися мя воспріяти
И буди ми яко мати.... и проч.

— Да ты, нечего гнусѣть то, тревожатъ Шмелева докучіе сотоварищи, ладану что ли объѣлся. Спину то готовь.

Шмелевъ терпѣливо сноситъ насмѣшки и лишь продолжаетъ.—

Ахъ гдѣ бы мнѣ водвориться
Съ усердіемъ Богу помолиться... и пр.

Ляжетъ ли Шмелевъ днемъ уснуть, его будятъ внезапнымъ, точно на пожаръ, крикомъ:

— Шмелевъ, выстриженная маковка! вставай скорѣй.

— Что?

— Указъ пришелъ и 40 розогъ въ спину...

— Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, скажетъ смирно Шмелевъ, но ужъ сонъ бѣжитъ отъ глазъ его, потому что скверное напоминаніе о 40 розгахъ коломъ становится въ головѣ.

Одинъ шутникъ написалъ даже подложный указъ съ 40 розгами, будто бы присланный изъ Сената и Шмелева всѣ поздравляли, при большой церемоніи, съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла.

— Шмелевъ, слышишь барабанъ? кричитъ какой нибудь озорникъ, когда барабанъ раздавался на дворѣ.

— Ну?

— Это тебѣ указъ объявлять идутъ.

— Господи помилуй, Господи помилуй! проговоритъ Шмелевъ и отходитъ.

Надобно сказать читателю, что по нашимъ законамъ (488 стат. XV том. 2 кн.) жалоба арестанта на окончательное о немъ рѣшеніе не иначе дозволяется, какъ подъ условіемъ 40 розогъ за неправильное обжалованіе, и арестанты не очень охотно прибѣгаютъ къ такимъ жалобамъ, опасаясь жертвовать безопасностію своей спины. Шмелевъ подавъ свое прошеніе самъ не надѣялся, чтобы оно его вывезло, но таилъ страхъ въ глубинѣ своей раскольничей, плутоватой души въ продолженіе 8 мѣсяцевъ, пока было вытребовано и вновь пересмотрѣно его дѣло, и во все это время терпѣливо, какъ кровный раскольникъ, сносилъ насмѣшки скалозубовъ.—Случилось однако, наконецъ, противное всеобщимъ ожиданіямъ,—и вотъ Шмелевъ рѣшился отомстить издѣвавшимся надъ нимъ сотоварищамъ.

— Что ты братъ такое писалъ въ прошеніи своемъ? приставали къ Шмелеву арестанты, когда онъ, съ сіяющимъ лицомъ, собирался выходить изъ ротъ арестантскихъ въ слѣдствіе полученнаго указа изъ Петербурга объ его освобожденіи. Этакаго счастья не запомнятъ давно въ ротахъ.

— А хочется знать?

— Еще бы.

И Шмелевъ, припомнивъ всѣ обидныя насмѣшки и оскорбленія, употребляетъ самое вѣрное и мѣткое орудіе тайной, но злой, мести.

— Вы и всѣ можете выдти изъ ротъ, отвѣчаетъ онъ рѣшительно допрашивавшимъ его.

— Что ты?

— Честное арестантское слово.

Шумъ и смятеніе въ ротахъ поднялись неимовѣрныя. Шмелева облѣпили всѣ, какъ мухи сотъ.

— Скажи, скажи, другъ пріятель, какъ? Выручи изъ бѣды.

— Изволь! О Господи Господи! Не помяни имъ беззаконій ихъ.

— Ну, ну? кричатъ голоса.

— Я извѣстился, говоритъ таинственно Шмелевъ, отъ самыхъ вѣрныхъ нашихъ людей изъ Москвы, что скоро будетъ новый судъ; старый-то вишь негоденъ сталъ. Вотъ теперь, слышь, на концѣто старыхъ дѣлъ, всякое старое рѣшеніе высше-то судьи считаютъ негоднымъ и всегда отмѣняютъ его, кто ни подастъ жалобу.

— Экая шельма! Для чего же ты до сихъ поръ молчалъ объ этомъ?

Шмелевъ дурковато улыбается.

— Знамо для чего!—Чай догадались?

— Ну?

— Извѣстно, чтобы самому напередъ выдти отсюда. О Господи Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои.

И Шмелевъ умиляется, потупляя глаза внизъ.

— Да правда ли все это? кричатъ ему.

— Ей не лгу!—Теперь только на прощаньѣ ужъ такъ и быть открываю вамъ этотъ секретъ.

— Спасибо братецъ, спасибо!—Только что же ты свинья съ выбритой маковкой прежде-то не сказалъ намъ объ этомъ? пристаютъ опять арестанты; вѣдь теперь и мы бы получили ужъ указы о выпускѣ.

— Эхъ братцы! своя сорочка ближе вѣдь къ тѣлу.—Я боялся, что если мы всѣ вдругъ подадимъ, то какъ бы дѣла не попортить; пожалуй и своя-то просьба не вывезетъ. О Господи помилуй, Господи помилуй!

— Хитеръ шельма, хитеръ!

Шмелевъ наклоненіемъ головы изображалъ фигуру смущенія.

— То-то слышно было, раздаются голоса, что всѣ роты аре-

стантскія вездѣ очищаютъ и совсѣмъ хотятъ преобразовать ихъ по новому.

— Ну да! Вотъ Динабургскія и Керченскія роты, слышь, пустыя совсѣмъ остались,— всѣхъ распустили, плететъ Шмелевъ...

— Вѣрно-ли?

— Изъ Москвы наши писали; изъ Роговскаго. Кто прошенье подавалъ какъ я, тотчасъ же выпустили, а которыхъ и безъ прошеній освободили... Гуляйте, говорятъ, добры молодцы! только если попадетесь еще, то ужъ судить будутъ по новымъ законамъ и въ новыя роты ужъ заключатъ.

Всѣ слушавшіе Шмелева мгновенно разцвѣли и хоть нѣкоторыхъ, у кого была покрѣпче голова, и брало сомнѣніе въ правдивости словъ Шмелева, однако кто не знаетъ, что утопающій хватается за соломенку?

— Нужно только въ просьбахъ какъ можно упирать на несправедливость рѣшенія суда по нынѣшнимъ старымъ законамъ, разъясняетъ, наставительно и искреннимъ тономъ, Шмелевъ. Бей на вѣрняка, да и только,—наплести такъ, чтобы ничего не разобрали и на слово повѣрили! Прежде бы оно пожалуй еще и не повѣрили, но нынѣ всѣ ужъ чувствуютъ несправедливость стараго суда,—и вѣрятъ.

Се Ангелъ съ неба сниде
Седьмой фіалъ льется на землю...
Земля обновляется
Огнемъ очищается...

— Спасибо братъ Шмелевъ, спасибо! благодарятъ арестанты.

— Не на чемъ!

— Ты ужъ насъ извини братъ, что мы можетъ быть тебя оскорбляли тутъ, особенно въ послѣднее время, говорятъ, пристыженные немножко великодушіемъ Шмелева, арестанты.

— Что вы, братіе во Христѣ Іисусѣ! стоитъ ли говорить объ этомъ.

— Ну то-то же,—не попомни.

— Како!

И Шмелевъ махаетъ рукой, выражая полное забвеніе прошедшаго.

— Ну такъ скоро, значитъ, увидимся съ тобой на свободѣ? говорятъ уже предвкушающіе свободу арестанты.

— Я думаю. До свиданья братіе!

И Шмелевъ забравши всѣ книжки полуставныя, въ переплетахъ кожанныхъ торжественно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ смиренія, оставляетъ, къ зависти всѣхъ, Арестантскія Роты, напередъ торжествуя успѣхъ своей затаенной мести.

— Будутъ помнить и Шмелева, думаетъ онъ; не смѣйся горохъ надъ бобами.

Не повѣрить Шмелеву нельзя было арестантамъ, между прочимъ, и потому, что Шмелевъ былъ отъявленный плутъ проходимецъ на нѣсколько губерній извѣстный, и слѣдовательно, разсуждали арестанты, если ужъ онъ втискался въ роты, то значитъ по дѣломъ; значитъ всѣ его дѣянія подняли на бумагу. А между тѣмъ онъ освобожденъ, и признанъ невиннымъ, стало быть... стало быть... И заключенія разныя у всякаго выходили такъ вѣрны, какъ дважды два,—четыре.

И вотъ едва арестанты К... ротъ, проводили древлеблагочестника Шмелева, какъ заскрипѣли десятки перьевъ въ Ротахъ, обратившихся въ литературную мастерскую. Всѣ грамотные бросились, на перерывъ другъ предъ другомъ, за сочиненіе сначала собственныхъ прошеній, потомъ, по просьбѣ безграмотныхъ, и товарищамъ своимъ.—

Напрягши умъ
Наморщивши чело
Со всеусердіемъ
Писаки записали

Всякую галиматью, въ родѣ давно извѣстной.

Пишетъ, пишетъ
Король Прусскій
Къ Государынѣ Французской
Мекленбургское письмо.

Всѣ таланты литературные вызваны были изъ мрачной неизвѣстности и пущены въ ходъ, какъ монета въ обращеніе. Вымысламъ не было конца. Стали плести такія небывалыя исторіи въ лицахъ, что—

Ни въ сказкѣ
Сказать.
Ни перомъ
Написать...

За недостаткомъ вымысла и фантазіи нѣсколько прошеній списывалось съ одного, слово въ слово, буква въ букву и прошенія разнообразились въ дубликатахъ только приложеніемъ рукъ просителей.

Скоро почта привезла въ Петербургъ въ Сенатъ до 40 прошеній арестантовъ; арестанты-литераторы стали считать дни и часы со дня отправки своихъ прошеній, а служащіе въ Сенатѣ получили цѣлый возъ непредвидѣнной работы и ненужнаго труда.

II.

ИЦКО-СЕЛЕЗЕНЬ.

Пришлось наконецъ, кому слѣдуетъ, разбирать произведенія «арестантовъ-литераторовъ».

Читаютъ прошеніе Ицки-Селезня и кто не умилится при видѣ угнетенной невинности?

„Я честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, пишетъ, по титулѣ, Ицко-Селезень въ своемъ прошеніи, подвергся узасной несправедливости и все за мою доброту, за мою простоту сердецную. Не имѣлъ я никакой хитрости въ душѣ моей, какъ родился изъ утробы матери моей Ханны-Мордки и за то Богъ-Саваоѳъ наградилъ меня немнозко деньзонками. Я и думаю: цто мнѣ сдѣлать съ деньгами? Раздать бѣднымъ братіямъ: но вдругъ раздашь, такъ они позалуй какъ нибудь растоцатъ деньгу и опять будутъ нуздаться. Я и вздумалъ: вотъ, молъ на насъ цесныхъ евреевъ всѣ говорятъ, цто мы мошенники и не любимъ Христіанъ; пускай зе, говорю, знаютъ, какой мы евреи цесный есть народъ и какъ любимъ русскихъ христіанъ. И я построилъ хизынку на пустынной, пустынной дорогѣ, цтобы усталаго путешественника въ хизынку принямать и даромъ

его кормить и поить, какъ праотцы наши Авраамъ и Сарра принимали трехъ странниковъ. Винца немнозко сталъ имѣть, цтобы подкрѣплять силы путниковъ усталыхъ, а у кого на дорогу не доставало деньзонокъ, и деньзонками сталъ надѣлять. И какъ полюбили меня всѣ Христіане, ахъ! какъ полюбили! Во всей губерніи Минской знали Ицко-Селезня и всѣ спѣшили ко мнѣ. Бывало выдемъ мы съ моею зинкою Малкою и дѣтками: Ааромомъ, Исаакомъ, Мошкою, Юзефомъ, Лейбою, Янкелемъ, Авраамомъ, Сосею, Госею, Ривкою, Хаею и Леею и сядемъ подъ вецеръ у хизынки, подъ березками, дозидаться усталыхъ путниковъ, цтобы накормить ихъ и напоить, какъ Савоеъ велѣлъ, глядимъ и идутъ они бѣдненькіе всѣ въ пыли, измученные и голодные и какъ завидятъ только мою хизынку издали, такъ и закрицатъ: «ахъ Ицко, Ицко! ты для насъ отецъ родимый!» и станутъ крѣпко крѣпко призымать меня и дѣтокъ моихъ къ груди своей. Ахъ какъ сцастливо я зилъ тогда! но злые люди позавидовали моему сцастію, моей славѣ... Сельскіе нацальники сосѣднихъ селъ возненавидѣли меня за то, что Христіанскій народъ сталъ любить меня больше ихъ и донесли на меня господину исправнику Потахову, будто я въ шинокъ свой воровское принимаю и деньги дѣлаю самъ: я-то, цеснѣйшій въ мірѣ Ицко-Селезень! Господи ты Бозе мой! Цего-то, подумаешь, не сдѣлаетъ врагъ целовѣцескій, позавидовавшій сцастію и первыхъ двухъ целовѣковъ Адама и Еввы! Я смиренный въ душѣ целовѣкъ не побоялся этого и сталъ зыть еще смиреннѣе, такъ смиренно, какъ агнецъ непороцный... Ко мнѣ подсылаетъ господинъ исправникъ посла, цтобы я далъ ему тысяцу рублей сер. денегъ, а то онъ сотретъ меня, бѣднаго Ицку, съ лица земли вмѣстѣ и съ хизынкою. За цто зе, думаю я, невиннѣйшій въ мірѣ целовѣкъ отдамъ столько денегъ даромъ? луцше раздамъ Христіанамъ бѣднымъ,—и отказалъ посланному въ деньгѣ, а самъ сталъ по презнему съ моею Малкою и дѣтусками на завалинкѣ подъ бересками сидѣть и странниковъ бѣдныхъ принимать. Вдругъ ко мнѣ наѣзжаетъ господинъ исправникъ со старостами и пьяницами музиками изъ сосѣднихъ селъ и дѣлаетъ обыскъ. Мои дѣтуски перепугались такъ, что изъ нихъ двое умерли на другой зе день, а зинка моя Малка и теперь лезитъ. Не зная

за собой никакой вины, я не сталъ умаливать музыковъ и господина исправника, и денегъ имъ не далъ, за что они подбросили мнѣ подъ печку станокъ цеканный, а на полку самъ господинъ исправникъ скинулъ съ себя и полозылъ свои часы золотые, потомъ заковали меня безвиннаго въ оковы и посадили въ острогъ. И стала моя бѣдная душенька безвинно страдать и муцыться цѣлыхъ два года въ темницѣ, а Христіане, которые въ моей хизынкѣ бывали и ласками моими пользовались, стали приходить къ темницѣ и плакать обо мнѣ. Ицко, говорятъ, Ицко! отецъ нашъ любезный. Кто насъ безъ тебя напоитъ и накормитъ даромъ, кто деньгою наградитъ бѣдныхъ прохозыхъ странниковъ? А мое цесное сердецко такъ и надрывается бывало, когда я взгляну на нихъ въ маленькое окошецко изъ острога. Судьи неправедные судили меня долго и наконецъ сказали: што такое Ицко-Селезень есть? Извѣстно еврей, а евреи всѣ мошенники и ихъ слѣдуетъ въ острогахъ морить. Такимъ образомъ меня взяли, да и осудили въ арестантскія роты. Гдѣ зе тутъ справедливость Бозія? Внемлите праведные судіи къ моей горькой уцасти и позалѣйте мою больную Малку и дѣтусекъ, а цеснаго и безвиннаго совсѣмъ Ицку-Селезня изъ К... арестанскихъ ротъ освободите, за цто онъ будетъ Господа Саваоѳа вѣцно молить, дабы праведнымъ судіямъ онъ лѣта продлилъ. Сіе прошеніе соцынялъ и переписывалъ набѣло Ицко-Селезень. 186* г. Къ поданію надлезытъ туда-то и проч."

Потребовано было, вслѣдствіе такого прошенія, подлинное дѣло объ Ицкѣ-Селезнѣ для пересмотра и облегченія участи невинно угнетеннаго, по видимому, благодѣтеля рода человѣческаго... и что же оказалось по разсмотрѣніи присланнаго дѣла? Ицко-Селезень, мѣщанинъ города Минска, дѣйствительно выстроилъ на самой пустынной дорогѣ въ Минской губерніи, только не хижинку, а шинокъ, который пріобрѣлъ наконецъ извѣстность во всей губерніи, какъ скопище всевозможнаго сорта воровъ и конокрадовъ, гдѣ почтенный хозяинъ грабилъ встрѣчныхъ и поперечныхъ что называется не на животъ, а на смерть и отпускалъ проходящимъ вина за полушубки и поддевки, за сапоги, чуйки и шапки, а ворамъ за принесеніе воровское, такъ что наконецъ мужики сосѣднихъ селъ, выведенные изъ терпѣнія, собравшись на сходкѣ, по-

ложили написать слезную просьбу исправнику, съ описаніемъ всѣхъ дѣяній Ицки-Селезня, разжившагося на счетъ русскихъ простачковъ, какъ въ древности финикійскій купецъ на счетъ евреевъ... Исправникъ собравши, чрезъ кого слѣдуетъ, справки объ Ицкѣ-Селезнѣ, нагрянулъ наконецъ въ одну прекрасную, но темную, ночь на шинокъ его съ понятыми и учинилъ обыскъ, при которомъ оказалось слѣдующее: въ чуланѣ и на подвалкѣ лежало 18 дубленыхъ полушубковъ, 13 чуекъ и 20 поддевокъ, паръ до 40 рубахъ, штановъ сапоговъ и шапокъ мужичьихъ, множество серебряныхъ и мѣдныхъ вещей, какъ-то: колецъ, серегъ, чайныхъ ложекъ, брошекъ, браслетовъ, цѣпочекъ, кострюль, шандаловъ, подносовъ, замковъ дверныхъ и т. п., о которыхъ, какъ оказалось, въ свое время заявлялось полиціи и наконецъ золотые часы, стянутые ловкимъ мошенникомъ изъ жилета самаго исправника во время ярмарки... Кромѣ того, подъ печкою найденъ горячій еще чугунчикъ съ водою, два глиняныхъ горшечка, изъ коихъ въ одномъ совершенно тепломъ, былъ сплавленный въ небольшой кусокъ металлическій составъ, кадушечка желѣзная съ угольями, раздувалка, желѣзныя щипцы, подпилокъ, три долотца, мѣдная доска для вырѣзки ассигнацій, два молотка и мѣшокъ съ мелкою истолченною глиною и какъ всѣ эти предметы подтверждали предположеніе о чеканкѣ монеты, то у Ицки перебрали всѣ сундуки и шкатулки, въ коихъ найдено было денегъ болѣе 40,000 руб. сер. настоящимъ золотомъ, а въ кожаной сумкѣ, подъ печкою же, фальшивые кредитные билеты: два десятирублевыхъ, одинъ трехрублевый и три двадцати пяти рублеваго достоинства и нѣсколько фальшивыхъ монетъ: два гривенника, одинъ пятіалтынный два двугривенныхъ и одинъ четвертакъ, изъ коихъ послѣднія четыре монеты оказались тѣми же самыми, которыя были оттиснуты на найденной формѣ...

При слѣдствіи, какъ видно по дѣлу, Ицко-Селезень дѣйствовалъ какъ отъявленный плутъ въ жидовскомъ родѣ и успѣлъ уговорить застигнутаго и взятаго у него въ шинкѣ работника своего по чеканному ремеслу, бродягу Антипа, принять на себя одного всю вину чеканки монеты и Антипъ, обнадеженный Ицкою тѣмъ, что онъ каждогодно будетъ присылать ему въ каторжныя

работы по 1000 рублей серебромъ для прожитія (1), далъ слѣдующее показаніе какъ при слѣдствіи, такъ потомъ и въ судѣ:

„Я Антипъ, непомнящій родства, занимался чеканнымъ дѣломъ по разнымъ мѣстамъ, большею частію въ лѣсахъ и оврагахъ и пришедши въ шинокъ Ицки-Селезня попросился ночевать. Ицко пустилъ меня и когда ночью съ женою и дѣтьми своими отправился спать въ чуланъ, то я, оставшись ночевать въ избѣ одинъ, приступилъ къ чеканкѣ монеты для обихода дневнаго и едва вылилъ четыре монеты, какъ наѣхалъ исправникъ, сдѣлалъ обыскъ и отобралъ отъ меня какъ монеты, такъ и фальшивыя ассигнаціи, но что Ицко-Селезень объ этомъ совершенно ничего не зналъ и никогда сего не подозрѣвалъ, что и показую по самой чистой совѣсти и готовъ за свои слова принять присягу“...

Ицко, разумѣется, руками и ногами подтвердилъ это показаніе Антипа, такъ что, по этому дѣлу Антипъ былъ сосланъ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а Ицко-Селезень оставленъ въ сильномъ подозрѣніи...

Но проныpливое изчадіе Израиля неизвергнулось отъ обвиненія въ принятіи завѣдомо воровскаго, какъ ни извертывалось змѣею на допросахъ... А хитрилъ Ицко многознаменательно... Его напр., спрашивали:

— Откуда у тебя взялось 18 полушубковъ?

— Накупалъ у рабоцыхъ музыковъ послѣ зимы, когда имъ не нузно было теплой одезды.

— А дорого платилъ? спрашивалъ слѣдователь.

— Ахъ! оцень, оцень дорого...

— За чѣмъ же ты покупалъ, когда было дорого?

— Удовольствіе христіанскому целовѣку дѣлалъ отъ тязести лишней избавлять хотѣлъ; просятъ,—ну и сзалишься...

— А чуйки, поддевки, сапоги и шляпы мужицкія, тоже изъ жалости накупалъ?

---

(1) Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, Ицко надулъ Антипа и въ первый же годъ не выслалъ ему ни копѣйки, на что послѣдній жаловался особымъ прошеніемъ, разъясняя все дѣло, но было уже поздно.

— Тозе!.. Некуда дѣвать целовѣку прохозему въ зимнее время, ну и проситъ облегцыть его...

— А рубахи и штаны — лѣтомъ вѣрно тяготили прохожихъ, спрашивали Ицку?

— Ахъ нѣтъ! это совсѣмъ не то... отвѣчаетъ Ицко.

— А что же?

— Это знацытъ, кто покупалъ новыя рубахи, тотъ мнѣ старыя и продавалъ.

— А вотъ эти новыя-то рубахи и штаны, значитъ продавалъ тотъ, кому нужны были старыя?

— Такъ тоцно ваше вельмозество, именитый пане! отвѣчалъ Ицко, въ порывѣ лести, слѣдовательно забывшій наконецъ, что отвѣчаетъ уже не въ попадъ здравому смыслу.

— И ты опять дорого покупалъ?

— Ахъ! тозе дорого... и проч.

Дѣло объ Ицкѣ, такимъ образомъ, стало приближаться къ окончанію: оставленіемъ его, за неимѣніемъ собственнаго сознанія, въ подозрѣніи въ принятіи завѣдомо воровскаго, но по счастію кузнецъ Вакуло, сидѣвшій тогда въ острогѣ, вызвавшись къ слѣдователю, упекъ туда же и Ицку-Селезня.

— Что ты врешь-то жидовская образина, уличалъ за просто Вакуло Ицку, что не принималъ ни отъ кого завѣдомо воровскаго? Да-не я ли тебѣ кострюли-то мѣдныя принесъ, что стянулъ по твоему жидовскому наущенію, въ городѣ, у казначея?

— Аже сто ты, сто ты добрый целовѣкъ! Я тебя въ первый разъ визу, отвѣчаетъ Ицко изгибаясь предъ Вакулою въ дугу...

— Ахъ ты жидъ, жидъ проклятый! укоризненно продолжалъ Вакуло; не даромъ на тебѣ и креста-то нѣтъ! Еще въ глазахъ хочетъ увернуться. Ужъ если нашего брата пересажали въ острогъ, то тебѣ-то жидовской образинѣ давно бы прежде надобно было тамъ сидѣть....

— Другъ любезный, целовѣкъ добренькій! за цѣмъ ты грѣхъ на душу лишній хочешь взять? извивался Ицко...

— Я тебѣ дамъ грѣхъ на душу взять! осердившись совсѣмъ на безстыдство Ицки, продолжаетъ Вакуло.

— Цѣмъ зе это мозно доказать? вопіетъ Ицко.

*

— А вотъ чѣмъ. Ваше Высокоблагородіе господинъ слѣдователь! говоритъ Вакуло. Прикажите-ка изъ крайней печурки въ шинкѣ жидовской-то образины, вынуть кирпичь; тамъ найдете до 40 ключей, которые я ему дѣлалъ и съ которыми онъ посылалъ красть разныхъ лицъ къ добрымъ людямъ...

— Азе Богъ съ тобой, Богъ съ тобой, цто ты говоришь добренькій! взываетъ Ицко.

— Со мной-то Богъ, а съ тобой чортъ! отвѣчаетъ Вакуло... и проч...

Вскрыли въ странноприимной хижинкѣ Ицки, печурку и нашли дѣйствительно 40 связанныхъ ключей, изъ коихъ къ нѣкоторымъ были привязаны бумажки съ надписями, въ родѣ слѣдующихъ: „сей ключъ подходитъ къ буфету Господина Исправника,„ —у другого: „а сей къ погребу купца Безносова“ и т. п.

У Исправника дѣйствительно пропадало изъ буфета серебро и онъ теперь, среди другихъ вещей, узналъ у Ицки одну изъ 6-ти серебряныхъ ложекъ, украденныхъ кѣмъ-то, мѣсяцевъ пять назадъ изъ его буфета.

— Гдѣ ты взялъ ложку эту? спрашивалъ Ицку, въ слѣдствіе своей находки, самъ исправникъ.

— Человѣкъ неизвѣстный принесъ и сказалъ, цто это его собственность, далъ показаніе Ицко.

— А ты развѣ клейма съ моимъ именемъ не видѣлъ на ложкѣ, спрашивалъ исправникъ?

На ложкахъ исправника, какъ и вообще на всемъ его серебрѣ была вычеканена наслѣдственная фамилія его.

— Мозе и видѣлъ, но цытать по русски не умѣю, отозвался Ицко.

— Какъ не умѣешь? А на бумажкахъ-то при ключахъ надписи по русски чьей рукой сдѣланы?

Словомъ: Ицко наконецъ запутался и былъ запутанъ до того множествомъ лицъ, имѣвшихъ у него притонъ и переловленныхъ потомъ по указанію Вакулы, что у него не хватило ужъ больше жидовской изобрѣтательности, такъ что цестнѣйшій въ мірѣ человѣкъ доведенъ былъ до сознанія въ принятіи завѣдомо—во-

ровскаго, за что и сосланъ въ арестантскія роты на четыре года, съ высылкою потомъ въ Сибирь на поселеніе.

Но израильская кудрявая фантазія Ицки, истощенная и притупленная временно при слѣдствіи, раскинулась снова цвѣтистымъ букетомъ въ прошеніи его, которое мы привели выше и за которое ему присуждено было, къ концу концевъ, 40 розогъ по 488 ст. XV том. 2 кн. Зак. Уголовныхъ. Ицко-Селезень всю жизнь свою изо дня въ день надувавшій всѣхъ и каждаго, еще разъ, такимъ образомъ, повисъ на удочкѣ—и кого же? Шмелева.

III.

ТАРАСКО-ГОГУЛЯ.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ сочинилъ свое прошеніе арестантъ Тараско-Гогуля, кровный малоросъ, уроженецъ и житель одной изъ малоросійскихъ губерній.

„Я засаженъ въ К... арестантскія роты, пишетъ онъ въ своемъ прошеніи, самъ не знаю за щò. Собрались мы о праздникъ Успленія прошлымъ лѣтомъ, въ самую жнивку, съ Андріемъ Костюченко, Данилою Ткаченко и Василіемъ Бондаренко трохи горилки выпить въ подвалѣ госпожскомъ, гдѣ сего напитка видимо ни видимо было накатано въ бочкахъ. Ткаченко и говоритъ: сломаемъ замокъ отъ подвала, да и выпьимъ тамъ изъ бочки трохи горилки. Зачѣмъ братцы ломать замокъ, сказалъ я Ткаченкѣ; сіе дило незаконно, судить будутъ по законамъ, а влѣземъ лучше въ крышку соломенну. И то дило! сказали всѣ и вынувши два снопа соломенны въ крышѣ, пролѣзли чрезъ ту дирку въ подвалъ вечеромъ и потягнули трохи горилки изъ бочки чрезъ былинку тросниковую, засовавъ ее въ дирку, которую прокопали гвоздемъ. У мене скоро одначе голова закружилась такъ, что я не могъ подняться съ земли когда пришли караульные въ подвалъ, товарищи же выпригнули въ дирку соломенну, да и утекли. Мене потягнули въ контору барску, гдѣ трохи треба было посѣчь мене, но

управитель сказалъ: свезите его къ господину становому, онъ съ нимъ сдѣлается по закону. Господинъ становой проводилъ мене къ господину слѣдователю, а сей въ острогъ, а изъ острога чрезъ годъ проводили мене прямотко въ К... арестантскія роты. Якъ же такъ милостивые государи, великіе судьи, хиба можно за трохечько горилки сажать въ арестантскія роты? Еще якъ бы мы цѣлую бочку горилки украли, або замокъ сломали у подвала, або— що, ну такъ, а то трохи у богатаго человѣка потягли въ былинку водки въ одной изъ трехъ-сотъ ажъ бочекъ,—и въ роты за сіе дило посылать! Сіе будто, по моему разуму, не справедливо есть, а бильше еще несправедливо потому, что товарищей моихъ: Костюченко, Ткаченко и Бондаренко совсѣмъ отпустили на волю, мене же одного изъ всѣхъ посадили въ роты. Потому я нижайѣйше прошу, мое дило вновь разсмотрѣть и рѣшеніе П....ой Уголовной Палаты похерить, а мене изъ К... ротъ ослободить, какъ ослободили недавно Шмелева, который самъ говорилъ, что бильше сотни лошадей на своемъ вику переворовалъ. Сіе бильше всего заставляетъ мене подавать жалобу, что если ужъ Шмелева ослободили совсѣмъ за сто лошадей, то якъ же мене за трохи горилки держать въ ротахъ? А може, впрочемъ, я и не сталъ бы жалуваться, но Шмелевъ говорилъ, что арестантскія роты будутъ скоро передѣлываться совсѣмъ по иэнову; ради сего повелите отпустить мене изъ нихъ, чтобы я мисто лишнее не занималъ и прикажите посѣчь лучше мене трохи за мою вину, если нужно, а потомъ коли я еще попадусь въ чемъ, то засадите ужъ тогда въ новыя арестантскія роты за двѣнадцать желѣзныхъ дверей. Сіе прошеніе сочинялъ Тараско-Гогуля, а переписывалъ на бѣло Остапъ Халява. 186* года. Къ поданію надлежитъ и пр...“

По обыкновенному порядку вытребовано было подлинное дѣло о Тараскѣ-Гогулѣ, по разсмотрѣніи котораго оказалось, что Тараско не лгалъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ, какъ чадо Израиля Ицко-Селезень, а говорилъ по совѣсти истинную правду, только былъ плохой юристъ и вину свою не осилилъ взвѣсить, а главное, какъ видно даже и изъ намековъ въ его прошеніи, былъ введенъ въ искушеніе подать жалобу на Уголовную Палату лукавыми словами Шмелева, басни котораго онъ скорѣе и раньше всѣхъ

принялъ за самую чистую монету... Дѣло Тараски-Гогули оказалось, по разсмотрѣніи, слѣдующаго рода:

Въ селеніи Дыбкѣ П...ой губерніи, въ престольный праздникъ Успѣнія, друзья-пріятели хохлы природные: Костюченко, Бондаренко, Ткаченко и Тараско-Гогуля, выпивъ мало толику горѣлки рѣшились, по предложенію Бондаренки, хлѣбнуть еще привольнаго нектара изъ подвала помѣщика своего, извѣстнаго винокура По...ой губерніи. Задумано-сдѣлано, и товарищи при совѣщаніи рѣшивъ, что замокъ подломать и подъ стѣну подвала подрыться незаконно,—судить пожалуй будутъ,—приняли единогласно наивное предложеніе Гогули пролѣзть чрезъ соломенную крышу, что и сдѣлали, поднявъ у угла задней стѣны подвала два снопа оной. Дѣло было подъ вечеръ, когда еще и солнце не сѣло, слѣдовательно опасность попасться была вѣроятнѣе, чѣмъ ночью, но отдаленность подвала отъ селенія и отсутствіе, по случаю праздника, караульнаго отъ поста своего, побудили героевъ отважиться на свое предпріятіе днемъ... По несчастію наѣхалъ скоро прикащикъ въ подвалъ за чѣмъ-то и сталъ отпирать двери; товарищи Гогули хоть и натянулись водки чрезъ тростниковую дудку, найденную въ снопахъ соломенной крыши, но осторожно и не такъ, чтобы не могли двигать ногъ когда будетъ нужно, почему при первой опасности, тотчасъ же и улизнули въ прокопанную дыру крыши; Гогуля же, при простотѣ душевной, не обладалъ въ жизни такою сноровкою и какъ легъ подъ бочку, такъ уже и не вставалъ, пока прикащикъ съ позванными имъ людьми не вынесъ его оттуда на рукахъ. Завязался судъ да дѣло. При прежнемъ управителѣ подобныя преступленія оканчивались обыкновенно легкою, или жаркою банею въ конторской избѣ, но на бѣду Гогули пріѣхалъ въ этотъ годъ новый управитель, не любившій присвоивать себѣ власти, ему непринадлежащей, а потому Гогуля и былъ отправленъ къ становому, который осмотрѣвъ мѣсто кражи формально при понятыхъ, нашелъ, что тутъ была кража со взломомъ, въ слѣдствіе чего отправилъ Гогулю къ слѣдователю, а сей сообразивъ, что кража со взломомъ по 2228 ст. Уложенія влечетъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ правъ и ссылку въ арестантскія роты, выслалъ Гогулю въ острогъ, изъ коего, по рѣше-

нію П....ой Уголовной Палаты, онъ, наконецъ, и препровожденъ былъ по добру по здорову въ К.... арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на три года, съ высылкою потомъ на житье въ губернію Томскую.

Показанія Гогули при слѣдствіи были типичны. Его напр. спрашивали: ты пилъ водку въ подвалѣ своего барина?

— А то кто же? отвѣчалъ Гогуля. Знамо я, коли безъ ногъ взялъ меня господинъ прикащикъ изъ подъ бочки....

— Какъ же ты попалъ въ подвалъ?

— Такочки просто: чрезъ дирку въ крышѣ соломенной.

— Да вѣдь это взломъ, а не просто?

— Якій взломъ? Хиба я ломалъ що нибудь?... Что вы господинъ слѣдуватель!...

— Куда же твои товарищи дѣвались, когда прикащикъ сталъ отпирать ворота подвала? допрашивалъ слѣдователь.

— Мабудь въ ворота выскочили...

— Какъ въ ворота? Тогда бы ихъ прикащикъ поймалъ?

— Ну мабудь въ дирку крыши,—я не видалъ, спалъ...

— Зачѣмъ же ты такъ напился, что лишился чувствъ?

— Я хотѣлъ трошки потягнуть, да вино дюже важно, что пьешь, то бильше хочется, ну и уснулъ...

— Какъ уснулъ? Просто впалъ въ безчувствіе...

— Все равно ваше высокоблагородіе.

Когда же Гогулю слѣдователь поставилъ уличать товарищей своихъ: Костюченко, Ткаченко и Бондаренко, отрекшихся при слѣдствіи отъ сотоварищества съ Гогулею обычнымъ: знать ничего не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ,—то Гогуля, послѣ напрасныхъ увѣщаній ихъ, съ сердцемъ, наконецъ, сказалъ:

— А врагъ съ ними, господинъ слѣдователь! Бросьте ихъ бисовыхъ сыновъ, нехай я одинъ отвѣчу...

И Гогуля плюнувъ прямо въ лицо уличаемымъ, отрекся потомъ отъ всякихъ очныхъ ставокъ съ ними...

Такимъ образомъ, въ результатѣ сотоварищи Гогули,—какъ не пойманные, ни кѣмъ не видѣнные на мѣстѣ преступленія и неуличенные по дѣлу,—оставлены были въ подозрѣніи, а Гогуля сосланъ въ арестантскія роты.

Но Гогуля какъ ни правдивъ былъ въ своемъ литературномъ прошеніи, однако умолчалъ о томъ, что онъ судился уже во второй разъ и о своемъ первомъ дѣлѣ посовѣстился почему-то и заикнуться... А дѣло это,—приложенное на справку къ настоящему, по счету, такимъ образомъ, уже второму, — было не безъинтересно. Содержаніе его коротко.

Тараско-Гогуля, за пять лѣтъ прежде сего, былъ судимъ за воровство теленка и высидѣлъ за то два мѣсяца въ рабочемъ домѣ. Теленка этого онъ зарѣзалъ во время голоднаго года, когда бѣдность сильно его пришибла и зарѣзалъ не одинъ, а съ сосѣдомъ Омелькою Бобылемъ, извѣстнымъ плутомъ въ околодкѣ.... Такое грѣшное поползновеніе на чужую собственность пришло въ голову первому однако не Гогулѣ, а Бобылю, съ которымъ Гогуля шелъ подъ вечерокъ на мельницу и который увидавъ теленка, разгуливавшаго тогда за огородами, сказалъ Гогулѣ:

— А важный теленокъ. Гогуля.

— Да важный! отвѣчалъ Гогуля.

— Жирный?

— Да жирнущій...

— А не знаешь чей?

— А кто его знае.

— А на долго бы его стало куштовать, якъ зарѣзать?

— Да надолго.

— А давай его зарѣжемъ.

— Якъ же такъ! онъ чужій...

— Да ты не знаешь чей?

— Не знаю.

— Може онъ и барскій, а тамъ ихъ не перечтешь сколько?

— Може и барскій.

— У тебя ѣсть нечего?

— Нечего.

— Такъ чего же тутъ?...

— И то дило! отвѣчаетъ Гогуля, совершенно убѣжденный аргументами Омельки Бобыля.

— Ножъ есть?

— Есть; только складный, при поясѣ.

— Хорошій?

— Зарѣзать сможетъ...

— Ну такъ я поймаю теленка, а ты зарѣжъ его, потомъ мы раздѣлимъ все пополамъ...

— И то дило! разсуждаетъ Гогуля.

Согласились такимъ образомъ добры-молодцы и дѣло сдѣлали. Теленка закололи и изрѣзали на равныя части, изъ коихъ на первый разъ, Гогуля взялъ себѣ голову, а Омелька Бобыль задокъ, прочія же части сложили въ нарочно выкопанную яму и заклали травой, чтобы потомъ схороненное взять ночкомъ, условившись, разумѣется, при этомъ держать дѣло въ большомъ секретѣ... Гогуля приволокъ голову теленка къ жинкѣ и велѣлъ тотчасъ же варить.

— Гдѣ ты взялъ таку голову, спрашивала его жена?

— На барскомъ дворѣ, отвѣчалъ Гогуля.

— Якъ же такъ?

— Да такъ! Тамочка рѣзали теленковъ я и сказалъ пану прикащику, что у меня исти нечего онъ и каже: возми Тараско вотъ голову.

— Вотъ що!

— Только ты жинка никому не кажи о семъ...

— А що такъ?

— Да такъ, ужъ такъ!..

— Да що же такъ? приставала жена Гогули.

— Да такъ... ужъ такъ... значитъ такъ...

И у Гогули не хватило больше фантазіи для вымысла. На этомъ разговоръ у Гогули съ женою и кончился. Голова теленка была сварена и съѣдена, а можетъ быть такъ же съѣденъ бы былъ и весь теленокъ, но вышелъ, какъ говорится, казусъ, который и поддѣлъ Гогулю... Гогуля чрезъ день пошолъ вечеркомъ за своими частями теленка и увы! не нашолъ въ ямѣ и признаковъ поклажи. Онъ къ Бобылю; Бобыль и ухомъ не ведетъ, когда Гогуля укорялъ его въ похищеніи чужой части... Гогуля затѣялъ ссору, кончившуюся дракой, изъ которой однако Гогуля вышелъ побѣжденнымъ и съ носомъ разбитымъ до крови... Гогуля осердился не на шутку, пошелъ тотчасъ же къ прикащику, да все дѣло

и разказалъ, разъясняя пренаивно, что онъ за голову теленка, чей онъ окажется, готовъ выплатить хозяину, а Бобыль пусть за всего теленка заплатитъ...

Теленокъ оказался хохлацкій и выискался тотчасъ же его хозяинъ, но при этомъ Гогуля не отдѣлался, какъ полагалъ въ простотѣ душевной, платою за голову теленка, а отправленъ былъ, по суду и слѣдствію, въ рабочій домъ на два мѣсяца на основ. 2238 ст. Уложенія, и не высланъ въ одаленныя губерніи только по вниманію къ одобренному его, на повальномъ обыскѣ поведенію и чистосердечному признанію предъ судомъ. Гогуля значитъ оказался и тутъ плохимъ юристомъ!... Что же касается до Омельки Бобыля, то онъ, какъ болѣе опытный юристъ, оставленъ былъ только въ сильномъ подозрѣніи въ сообществѣ съ Гогулею при зарѣзаніи, теленка, такъ какъ у него не было найдено никакого поличнаго (теленокъ конечно былъ имъ запрятанъ далеко, только не въ домѣ своемъ) и онъ ни при слѣдствіи, ни въ судѣ не сдѣлалъ, по оговору Гогули, ни малѣйшаго признанія...

Таковъ былъ Тараско—Гогуля! Что же мудренаго, если онъ вмѣстѣ съ другими, сидѣвшими съ нимъ, въ К... ротахъ, арестантами попался на удочку Шмелева и стяжалъ себѣ за свое малороссійское краснорѣчіе, выразившееся такъ безъискуственно въ вышеприведенномъ нами прошеніи его, 40 розогъ?..

IV.

АБДУЛЪ-РАХМЕТЪ.

Не остался равнодушнымъ къ общему движенію, произведенному Шмелевымъ въ К... арестантскихъ ротахъ и татаринъ Абдулъ—Рахметъ. Слова Шмелева, сказанныя при выходѣ его изъ ротъ арестантамъ: „плети такъ, чтобы ничего не разобрали,“ пришлись ему, какъ говорится, съ руки, ибо врать татарину ужъ не учиться и вотъ, достойный сынъ Магомета, давъ волю своей восточной фан-

тазіи притупленной холоднымъ климатомъ Россіи, сочинилъ сказку вполнѣ достойную себя...

„Я былъ совсемъ, совсемъ бидный татаринъ, пишетъ онъ въ своемъ прошеніи, такъ бидный, что цѣлый годъ ни ѣмши, ни пимши оставался; земля не родила хлѣба совсемъ, дождикъ травы не давалъ, солнце сѣно сожгло, люди стали колѣть, лошадки всѣ померли; что дѣлать бидному татарину? Я и пошелъ, чтобъ утопиться въ рѣкѣ. Иду полемъ, два человѣкъ на лошадкѣ скачутъ.

— Куда, баютъ, татаринъ идешь?

Утонуть въ водѣ говорилъ я, жить на землѣ совсемъ надоѣло, бидность брала.

Возми, баютъ, вотъ лошадку и не умри!

За чѣмъ мнѣ, говорилъ я, лошадку, мой жизнь не нужна совсемъ, околѣть хочу. Осердились два человѣкъ на меня и баютъ: садись собака татаринъ, а то убьемъ! Ну знамо я жизнь свою жалѣлъ и садился на лошадку. Пріѣхалъ я потомъ домой и чайку напился, а лошадку хлѣбцемъ накормилъ, вдругъ тѣ два человѣкъ приходятъ ко мнѣ въ горницу и закричали: ты, баютъ, собака— татаринъ укралъ у насъ лошадку? Иди въ острогъ садиться, а то отъ Магометъ отрекись и Христа прими, ну простимъ. Я Магометъ пожалѣлъ, потому съ нимъ былъ въ богатствѣ на землѣ и пошелъ въ острогъ, откуда выслали меня совсемъ неправильно начальники Уголовной палаты въ К... арестантскія роты. Не дайте набольшіе судьи напрасно погибнуть бидному татарину, возвратите мнѣ Магомета и меня назадъ возмите изъ К... арестантскихъ ротъ къ жонушкамъ моимъ: Рамзеѣ и Абдулкѣ. 186 * года. Сію жалобную писалъ Абдулъ—Рахметъ и руку свою прилужилъ.“

Далѣе слѣдуетъ приписка:

„И я также бидный татаринъ Ибрагимъ Абдулгазинъ виновенъ въ томъ же, въ чемъ Абдулъ Рахметъ и хотѣлъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ воду утопиться, но два человѣкъ посадили меня съ нимъ на лошадку, а потомъ въ острогъ отправили.

Возмите и меня изъ К... арестантскихъ ротъ высокіе начальники! Ибрагимъ—Абдулгазинъ. Къ поданію надлежитъ и проч...“

Не трудно догадаться, что „сочинитель“ Абдулъ—Рахметъ вралъ, и вралъ такъ, какъ врутъ обыкновенно татары при допросахъ,

слѣдователей и въ судѣ... Нельзя же было однако не заглянуть въ его подлинное дѣло, потому, что арестантъ называетъ рѣшеніе уголовной Палаты не правильнымъ. Заглядываютъ въ дѣло, по вытребованіи онаго изъ Палаты, и что же оказывается? Вѣрный сынъ Магомета не пошелъ даже далеко по дорогѣ вымысла, а ограничился только переиначеніемъ настоящаго событія, выворотивъ его наизнанку, разумѣется по татарски. Дѣло, какъ оказалось, было такъ.

Абдулъ—Рахметъ съ Ибрагимомъ—Абдулгазинымъ, давно извѣстные въ своемъ околодкѣ, даже и становому, за отъявленныхъ воровъ, ѣхали однажды подъ сумерки, въ Августѣ 1863 года, по полю и повстрѣчали русскаго мужичка, Терентія Лукошко, продолжавшаго путь порожнякомъ на телегѣ. Татарамъ понравилась лошадка Лукошко и они рѣшились обратить ее въ свою собственность.

Время и мѣсто благопріятствовали этому невинному желанію и дѣти Магомета, безъ предисловій, обратились къ мужику съ такою рѣчью: „слѣзай русскій съ телеги и отпрягай намъ лошадку!“

Мужикъ разумѣется завопилъ, сталъ была упрашивать татаръ, но они остались непреклонны, отвѣчая: „убьемъ, если не хочешь отдать лошадку!“ Мужикъ сообразивъ, что лучше лишиться лошади, чѣмъ жизни, отдалъ собственными руками своего воронка татарамъ, оставшись въ пустой телегѣ среди поля, какъ ракъ на мели... Татары пристегнули лошадь Лукошка къ поводу своихъ лошадей и продолжали путь свой съ миромъ... По счастію скоро наѣхали на Лукошко свои односельцы и увидавши, что Лукошко сидѣлъ въ пустой телегѣ и не двигался съ мѣста, ссудили его одною лошадью и научили тотчасъ же верхомъ скакать къ становому съ заявленіемъ объ этомъ происшествіи. Лукошко вылѣзъ изъ своей телеги, сѣлъ на данную ему лошадь верхомъ и отправился дѣйствительно къ становому въ сосѣднее село. Становой, давно знавшій молодцовъ Рахмета и Абдулгазина, мигомъ накрылъ ихъ въ домѣ Рахмета, тако что лошадь Лукошко они не успѣли даже и спровадить. Терентій Лукошко увидавши своего воронка въ конюшнѣ татарской, отъ радости поцѣловалъ даже его въ морду... Абдулъ—Рахметъ и Ибрагимъ Абдулгазинъ были какъ слѣдуетъ,

тотчасъ же закованы и отправлены потомъ чрезъ слѣдователя въ острогъ, откуда, какъ уличенные въ грабежѣ поличнымъ и обстоятельствами дѣла, и препровождены, на основаніи 2224 ст. Улож., по рѣшенію Уголовной Палаты въ К... арестантскія роты на 4 года, съ высылкою потомъ на житье въ Томскую Губернію, избавившись отъ каторжныхъ работъ только за недоказанностію угрозъ, дѣлаемыхъ или, при ограбленіи, Лукошку...

Но замѣчательно, что Рахметъ и Абдултазинъ такъ и не сознались въ ограбленіи лошади у Лукошка, показывая при слѣдствіи страшную ерунду, конечно въ полной увѣренности, что они плетутъ такъ мудрено и правдоподобно, что имъ должны повѣрить, а, главное: въ твердомъ убѣжденіи, что безъ собственнаго признанія ихъ никакимъ образомъ не осудятъ... Этотъ, въ своемъ родѣ, „конекъ горбунокъ“ законодательный такъ у татаръ ходячъ и изъѣзженъ, что на немъ остались только кости, да кожа...

Въ русскихъ законахъ татары ни бельмеса не смыслятъ, но это больное мѣсто русскаго уголовнаго кодекса они узнаютъ съ пеленокъ и пожалуй, не ошибаясь, можно сказать, что эта несчастная idée fixe, коломъ стоящая въ головѣ татарина, окрыляетъ его на такія преступленія, на которыя пожалуй онъ рѣже рѣшался бы, еслибы изъ его головы выбить какъ нибудь такое знаніе...

Вотъ и Абдулъ—Рахмета спрашиваетъ напр. слѣдователь.

— Ты знакомъ съ Ибрагимомъ—Абдулгазиномъ?

— Знакомы, отвѣчаетъ Рахметъ.

— А часто другъ съ другомъ видитесь?

— Три годъ, какъ не видались.

— Совсѣмъ?

— Сувсемъ не видались.

— А въ мечети ты развѣ не встрѣчаешься съ нимъ?

— Встричаемся.

— А говоришь три года не видался?

— Это сувсемъ другой манеръ!..

— Ну и на улицѣ никогда съ нимъ не встрѣчался?

— Нѣтъ встричался.

— Какъ же три года то не видался?

— Это опять другой дѣло!...

— А гдѣ ты былъ въ ночь на 6 Августа, когда ограбленъ былъ Терентій Лукошко? продолжалъ слѣдователь.

— Дома.

— Что дѣлалъ?

— Чайку пилъ...

— А потомъ?

— Спать ложился.

— Гдѣ?

— Въ горницѣ съ жонками: Рамзеею и Абдулкою.

— И проспалъ до утра не вставая?

— До самаго обѣда...

— И въ это время ничего не видѣлъ и не слышалъ?

— Сувсемъ ничего.

— Когда же лошадь-то Лукошки къ тебѣ въ конюшню попала?

— По утру должно быть.

— Какимъ же образомъ?

— Идетъ она по улицѣ и кричитъ. Ну жалко стало лошадку... Я и сказалъ: возмемъ Абдулка лошадку и покормимъ, хозяинъ придетъ отдадимъ ему.

— Ну и взяли?

— Взяли бачка.

— И она перестала кричать?

— Сувсемъ перестала... и том. под.

Слѣдователь спрашивалъ Абдулгазина:

— Ты знаешъ Рахмета?

— Нѣтъ...

— И никогда съ нимъ не видѣлся?

— Всю жизнь не видался...

— Да вѣдь ты шаберъ съ нимъ, какъ же не видался?

— Это все одно што шаберъ... а не видался!..

И Абдулгазинъ удовлетворяется такимъ отвѣтомъ, въ полномъ сознаніи, что даетъ отвѣты резонные, подъ которые иголочки не подпустишь...

Вообще показанія татаръ при слѣдствіяхъ, какъ видно изъ дѣлъ, необыкновенно оригинальны, а главное, изъ ста дѣлъ въ одномъ встрѣтишь признаніе татарина, прочія же всѣ наполняются

отрицаніемъ всего, что только не спрашиваетъ слѣдователь, хотя бы утвердительный отвѣтъ подсудимаго и клонился въ его пользу.

Попадаются и такіе отвѣты татаръ. Одного напримѣръ спрашиваетъ слѣдователь:

— Ты убилъ мужика Игнатія Сысоя?

Татаринъ былъ пойманъ на мѣстѣ убійства Сысоя въ полѣ, съ цѣлію ограбленія лошади.

— Я не убилъ, а онъ самъ просилъ сдѣлать ему конецъ... отвѣчаетъ татаринъ.

— Какъ же такъ?

— Убей, баитъ, меня татаринъ, я тебѣ лошадку отдамъ; мнѣ, баитъ, жить на землѣ не мило, жонушка любовникъ взяла; татаринъ говоритъ всякій скотъ рѣжетъ, пожалусто!.. А какъ становой схватитъ меня я говорилъ? Я, баитъ, скажуему, что я самъ просилъ татарина убить меня... Ну извѣстно мнѣ жаль сталъ русскій человѣкъ, я и далъ ему смерть...

Тонкій вообще народъ!

Но замѣчательно, что когда татаръ ссылаютъ по рѣшенію суда, то изъ мѣста заключенія они присылаютъ прошенія съ жалобами на рѣшенія Уголовныхъ Палатъ рѣже чѣмъ русскіе, которые почему-то больше обрѣкаютъ свои спины на 40 розогъ... Татаринъ соображаетъ, что при слѣдствіи и въ судѣ можно все врать, но когда не примутъ всего навраннаго имъ въ резонъ и сошлютъ его наконецъ куда слѣдуетъ, то онъ считаетъ дѣло свое потерянным и предѣлъ вранья покончennымъ.

Абдулъ—Рахметъ, получилъ, разумѣется, 40 розогъ въ награду за прилежное упражненіе въ восточномъ краснорѣчіи...

V.

ГОСПОДИНЪ ПРОЖИГАЕВЪ.

Интереснѣе восточнаго краснорѣчія Абдулки было краснорѣчіе русскаго человѣка, нѣкоего Господина Прожигаева, настоящая впрочемъ фамилія котораго была Караваевъ.

„Провидѣніе, пишетъ, по титулѣ, въ своемъ прошеніи этотъ господинъ, однимъ даетъ власть въ руки, другихъ заставляетъ подчиняться оной, однимъ вручаетъ, для обладанія, блага земныя, другимъ вѣшаетъ на спину суму; однихъ возвышаетъ до величія, другихъ унижаетъ до грязи. Я принадлежу къ послѣднимъ! Съ самаго появленія моего на свѣтъ Божій, съ того момента, какъ мои глаза впервые встрѣтились съ сіяньемъ дня, я былъ обреченъ судьбою на несчастія и вынулъ изъ урны роковой самый несчастный жребій. Мой отецъ былъ Статскій Совѣтникъ въ городѣ С..., и воспитывалъ меня на равнѣ съ прочими дѣтьми до 17 лѣтняго возраста. Я росъ, росло и мое будущее, ужасное. Мой отецъ вдругъ умеръ, не успѣвъ написать никакого завѣщанія. Яблоко раздора упало, такимъ образомъ, съ дерева и мы, единоутробные братья перессорились, но такъ, что я не получилъ ничего изъ имѣнія своего отца, бывъ признанъ, будто бы, незаконнорожденнымъ. Мои братья сорили дла этого деньгами по присутственнымъ мѣстамъ, я же, какъ ничего неимѣвшій въ рукахъ, принужденъ былъ только глядѣть, какъ они вездѣ успѣвали. Наконецъ фактъ совершился и фактъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ судебныхъ дѣлъ! Я лишонъ былъ несправедливыми исполнителями законовъ, подкупленными сребромъ и златомъ моихъ братьевъ, и имени и наслѣдства. Я сдѣлался нищимъ, но нищимъ достойнымъ участія всякаго мыслящаго человѣка. Я заключаю въ себѣ дары природы и могъ бы, быть можетъ, доставить Государству въ своемъ лицѣ великаго полководца, славнаго законодателя, или глубокаго ученаго, но я убитъ былъ въ самомъ зародышѣ для дѣятельности общественной, я скошенъ былъ безжалостною косою гнусныхъ людей подъ самый корень. Что дѣлать? Я былъ близокъ къ самоубійству, но однако нашелъ въ себѣ силы, чтобы идти противъ всѣхъ враждебныхъ обстоятельствъ, противъ всѣхъ злыхъ стихій міра сего и я пошелъ. Силою ума своего я преодолѣлъ множество препятствій, разрушилъ множество преградъ и впалъ при этомъ въ увлеченія... Эти увлеченія были какъ бы отдохновеніемъ послѣ трудовъ моихъ и заслуживали полнаго снисхожденія всякаго мыслящаго человѣка, но слѣпые судьи, рабы буквы, признали въ увлеченіяхъ моихъ, въ моихъ завоеваніяхъ въ жизни—преступленія, за которыя и приговорили

меня къ ссылкѣ въ арестантскія роты на 10 лѣтъ, а потомъ въ Сибирь, въ Енисейскую губернію, но что всего ужаснѣе, отъ чего земля стонетъ и камни распадаются, подвергли меня тѣлесному наказанію 100 ударами розогъ, какъ подлаго раба. Правду сказалъ великій поэтъ Шиллеръ, что „es ist eine schlechte Rolle der Hase sein müssen auf dieser Welt“ — скверная роль быть зайцемъ на этомъ свѣтѣ. На тебя охотятся какъ на звѣря, тебя бьютъ какъ скота! Затаивъ въ глубинѣ души своей презрѣніе къ міру и осудившимъ меня людямъ, я два съ половиною года сидѣлъ безмолвно въ К... арестантскихъ ротахъ въ сообществѣ съ убійцами и разбойниками, влачилъ жизнь въ вертепѣ среди звѣрей и ни одного вопля, ни одного звука не намѣренъ былъ испустить въ защиту себя, зная, что куда бы я ни жаловался, вездѣ судъ неправый, не Европейскій, а темный; вездѣ какъ говорятъ Французы: „une main lave l'autre“, т. е. рука руку моетъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: l'homme propose, Dieu dispose! Я извѣстился, что скоро откроется у насъ новый судъ, будутъ новые судьи, что мѣста тюремныхъ заключеній измѣнятъ свой мрачный характеръ, преобразовываются и для сего очищаются отъ арестантовъ, что пришло время, когда можно надѣяться на правое разрѣшеніе моего дѣла правыми судьями и я беру перо, чтобы просить себѣ праваго суда! Изъ моихъ строкъ я надѣюсь просвѣщенные судьи увидѣли, что я не рабъ необразованый, котораго можно было запятнать тѣлеснымъ наказаніемъ во 100 ударовъ, а человѣкъ, принадлежащій къ высшему классу, происходящій изъ хорошаго рода. Въ слѣдствіе всего этого я прошу покорнѣйше немедленно же освободить меня изъ ротъ на поруки и пересмотрѣть мое дѣло, на что я и буду ожидать всемилостивѣйшаго распоряженія. Арестантъ А. Караваевъ. 186* года... Къ поданію надлежитъ... и проч“...

Потребовано было дѣло Прожигаева для пересмотра, а по расмотрѣніи, оно оказалось слѣдующаго содержанія:

Прожигаевъ былъ незаконнорожденный сынъ мѣщанки города С.., тайной любовницы одной важной, чиновной особы, что не мѣшало однако этой мѣщанкѣ находиться и въ законномъ бракѣ съ мѣщаниномъ Порфеномъ Караваевымъ и быть въ тайной связи со

многими другими лицами, приходившимися ей по вкусу. Прожигаевъ рожденный отъ особы, а можетъ быть съ помощію и еще отъ кого, росъ однако въ домѣ особы, подъ именемъ пріемыша, былъ баловнемъ плѣшиваго старца, учился у нанятой для его дѣтей, гувернантки музыкѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, а у учителей гимназіи, приглашаемымъ особою для дѣтей его въ качествѣ домашнихъ учителей, и прочимъ наукамъ... Все шло какъ по маслу: Сашенька росъ не по днямъ, а по часамъ и достигъ наконецъ до 17 лѣтняго возраста. Вдругъ, съ особой сдѣлался ударъ, прекратившій его грѣшное существованіе такъ внезапно, что онъ не успѣлъ даже сдѣлать никакого завѣщанія о распредѣленіи своего, нажитаго службою, имѣнія, которое по закону разумѣется тотчасъ же и перешло къ законнымъ его наслѣдникамъ, незамедлившимъ, въ наискорѣйшемъ же времени, согнать со двора Сашеньку Караваева. Марѳушенька, еще не совсѣмъ отцвѣтшая, оставшись, какъ говорится, на бобахъ, поступила скоро въ пріютъ общественныхъ женщинъ, сдѣлавшись ихъ матронессою, а ея Сашенька, съ титуломъ мѣщанскаго сына города С.., пошелъ по распутіямъ міра сего съ запасомъ знанія: французскаго и нѣмецкаго языковъ, музыки, танцевъ и кое-чего изъ наукъ... По своему происхожденію онъ не могъ нести никакой казенной службы, по своему воспитанію не хотѣлъ и батрачить, какъ мѣщане. И вотъ потолкавшись съ годъ по бульварамъ, ресторанамъ и другимъ увеселительнымъ заведеніямъ онъ, спустилъ все, что имѣлъ хорошаго изъ вещей и одежи, поступилъ наконецъ наемнымъ писцомъ въ одно губернское присутственное мѣсто, гдѣ портилъ только бумагу и презиралъ чиновниковъ, какъ невѣждъ.

Словомъ: онъ не служилъ, а только дурачился, сталъ въ добавокъ терять бумаги и дошелъ наконецъ, чрезъ два года, до того, что былъ близокъ къ изгнанію изъ храма Минервы. Марѳушенька, вникнувъ въ положеніе сына, рѣшилась его поскорѣе женить, пока онъ оставался еще въ чиновномъ санѣ, хотя и вольнонаемно. Найдена была смазливая мѣщаночка Варвара Брюханова, нажившая, съ помощію своего личика, капиталецъ въ 1000 руб. сер. и свадьба скоро состоялась къ удовольствію Марѳуши и къ пламенному

желанію будущаго героя, рѣшившагося эту свадьбу положить фундаментомъ къ постройкѣ замышляемаго пышнаго зданія...

Въ головѣ его созрѣлъ уже давно планъ бросить глупую мѣщанку тотчасъ же послѣ свадьбы и пуститься съ приданнымъ ея въ путь дорогу искать приключеній.

Чрезъ недѣлю же послѣ свадьбы онъ, обобравъ начисто свою законную жену Варвару Брюханову, бѣжалъ изъ города съ напередъ приготовленнымъ поддѣльнымъ паспортомъ, выданнымъ будто бы изъ мѣстной Думы купеческому сыну Сафайлову, оставивъ женѣ своей и матери слѣдующія двѣ записки.

Женѣ:

„Дура Брюханова! Какъ ты глупа, когда повѣрила, что я буду съ тобой жить. Какое-же равенство между мною и тобою! А такъ какъ дураковъ надобно учить, чтобы они были умнѣе, то я обобралъ тебя какъ липку... Меня и не думай искать; мы больше не увидимся съ тобою; выходи замужъ за дурака, который былъ бы еще глупѣе тебя и тогда будешь счастлива, а для того, чтобы тебѣ не препятствовало въ этомъ начальство, покажи ему эту мою записку. Твой бывшій на недѣлю мужъ, А. Караваевъ.“

1852 года.

Матери:

„Несчастная въ женахъ Марѳа Игнатьевна!

Такъ какъ у меня чертъ знаетъ кто отецъ, то я и отправляюсь по свѣту искать по себѣ такого отца, которой бы далъ мнѣ настоящее мѣсто среди людей... Ты можетъ быть непоймешь этого, но растолковать тебѣ этого мнѣ некогда. Прощай и оставь всякую надежду когда бы то нибыло видаться со мною...

Твой сынъ А. Караваевъ.“—1852 года.

Первымъ дѣломъ его по выѣздѣ изъ города С... было ускакать поскорѣе какъ можно дальше и такъ, чтобы не узнали его какъ нибудь, въ лицо. Поддевка купчика и бородка клиномъ, купленная въ цырульнѣ за 3 руб. сер., помогли ему въ этомъ, такъ что онъ благополучно подъѣзжалъ уже къ Москвѣ. Въ Бѣлокаменной онъ не зналъ еще что сдѣлать съ своей особой и плана опредѣленнаго на этотъ разъ не имѣлъ, но твердо былъ увѣренъ, что, осмотрѣвшись на мѣстѣ, онъ найдетъ себѣ дорогу по желанію... Случай

столкнулъ его однако на дорогѣ съ однимъ подпоручикомъ, получившимъ безсрочный отпускъ и ѣхавшимъ въ деревню къ матери, чтобы жениться на какой нибудь пышкѣ... Прожигаевъ разговорившись съ подпоручикомъ на французскомъ языкѣ, ловко втерся въ компаніонство съ нимъ по прогонамъ и покатилъ на половинныхъ расходахъ по дорогѣ въ деревню офицера, увѣривъ его, что этотъ путь и для него сподрученъ. „Но умыселъ другой тутъ былъ!“ Прожигаевъ въ первую же ночь вытянулъ изъ чемодана офицера безсрочный отпускъ, патентъ на чинъ, а на другой день, подъ благовиднымъ предлогомъ, разстался съ нимъ, взявъ путь на другой городъ. Благополучно проѣхавъ двѣ губерніи, остановился наконецъ въ губернскомъ городѣ К... въ одной изъ гостинницъ, гдѣ жила въ номерахъ недурная актриса мѣстнаго театра, за которою Прожигаевъ сначала пріударилъ, а потомъ и сошелся съ ней на короткую ногу, благодаря выдумкѣ, ловко пущенной въ ходъ, что онъ сынъ одного богатаго помѣщика и ѣдетъ въ деревню искать невѣсты. Деньги, французскій языкъ, ловкость и довольно смазливое лицо Прожигаева побѣдили сердце дочери Мельпомены, которая сошлась съ нимъ такъ, что они стали жить въ одномъ даже номерѣ... Актриса, давно занимавшаяся уженіемъ денегъ изъ кармановъ многочисленныхъ своихъ поклонниковъ, сколотила уже себѣ капиталецъ тысячъ въ десять руб. сер... Прожигаевъ все это смякнулъ и тратилъ свою тысячу навѣрнякъ. Наконецъ прошло полгода. Тысяча Прожигаева спущена на актрису, которая не на шутку начала приставать къ нему съ требованіемъ исполнить свое обѣщаніе—жениться на ней и ѣхать съ ней въ деревню къ родителямъ просить ихъ благословенія. Моментъ развязки приближался. Прожигаевъ, какъ малый смышленный, имѣвшій уже за плечами 22 года отъ роду, немедля много, стянулъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, въ отсутствіе актрисы всѣ 10,000 руб. сер. и улизнулъ съ ними на вольнонаемныхъ, по проселочной дорогѣ изъ города такъ искусно, что и перваго слѣда изъ города ни кто бы не нашелъ... Чтобы не дѣлать скандала для своей особы и не отдалить отъ себя прочихъ своихъ поклонниковъ, актриса сочла за лучшее не объявлять даже ни кому объ этомъ происшествіи, увѣряя спрашивавшихъ

ее, что обожатель ея непредвидѣнно вызванъ въ полкъ на службу и увидится ли она съ нимъ, Богу одному извѣстно...

Переѣхавъ въ противоположный конецъ Россіи, Прожигаевъ остановился въ г. Т... и сталъ жуировать жизнію такъ же, какъ жуируютъ настоящіе офицеры. Онъ наконецъ вообразилъ себя настоящимъ офицеромъ, вошелъ въ эту роль и совсѣмъ забылъ, что онъ мѣщанинъ города С.., о которомъ вспоминаютъ нерѣдко Марѳа Игнатьевна и Варвара Брюханова... Жизнь дана для наслажденія, разсуждалъ онъ, и дураки только одни не съумѣютъ отыскать въ ней толку!..

Живетъ годъ, живетъ другой господинъ Прожигаевъ въ городѣ Т... и соритъ деньги, особенно не жалѣя ихъ... Его знали во всѣхъ лучшихъ трактирахъ, въ притонахъ мѣстныхъ красавицъ, за кулисами театра и во многихъ купеческихъ домахъ, гдѣ за приближеніемъ къ концу 10,000 руб. сер., онъ ладилъ уже, при особыхъ соображеніяхъ жениться на одной толстой и безобразнѣйшей купеческой вдовѣ, имѣвшей 30,000 руб. капитала и два каменныхъ дома съ лавками. Началась Крымская война и въ городѣ Т... не осталось уже ни одного офицера, исключая внутренней стражи и полицейскихъ. Прожигаевъ не смякнулъ этого обстоятельства, и былъ, наконецъ, заподозрѣнъ мѣстной полиціей. Дальше да больше, шире да далѣе и кончилось тѣмъ, что ловкій полиціймейстеръ сообразивъ, что офицеры съ срочными билетами живущіе по Имперіи, давно уже въ полкахъ, отобравъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ Прожигаева безсрочный отпускъ, снесся съ мѣстомъ выдачи онаго, откуда и получилъ скоро увѣдомленіе, что по такому то отпуску офицеръ давно уже находится въ Крыму въ дѣйствующей арміи съ присовокупленіемъ, что оному мѣсту было заявлено, въ свое время, о покражѣ отпуска и патента на чинъ какимъ-то господиномъ на станціи, но что документы эти въ настоящее время возстановлены уже и выданы заявившему. Тутъ-то молодца и цапъцарапъ, да въ острогъ! Пошли допросы и разслѣдованія. Прожигаевъ тотчасъ же сообразилъ, что запираться въ кражѣ документовъ было бы безполезно, потому, не думая долго признался въ этомъ слѣдователю, но въ то-же время назвался бродягою, непомнящимъ родства. Дѣлали множество справокъ о происхожденіи

Прожигаева, но въ результатѣ Прожигаевъ оставался все-тоже бродягою, ни болѣе, ни менѣе... Такъ и рѣшились осудить молодца какъ бродягу и въ перспективѣ проэктировалось уже для него тѣлесное наказаніе, арестантскія роты и ссылка въ Сибирь, но судьба взмиловалась надъ Прожигаевымъ почему-то, давъ ему возможность убѣжать изъ острога, вмѣстѣ съ тремя арестантами, отчаянными головорѣзами, которые въ огнѣ не горѣли, въ водѣ не тонули и ни въ какихъ острогахъ не засиживались, такъ что тутъ уму своему Прожигаевъ не обязанъ былъ никакою долею, а получилъ свободу, благодаря только тому обстоятельству, что сидѣлъ въ одной камерѣ съ „первостатейными проходимцами...“ Сидѣніе два года въ К... острогѣ не могло, конечно, не имѣть вліянія на Прожигаева, слушавшаго изо дня въ день повѣствованія о такихъ диковинкахъ, о которыхъ ему и во снѣ не грезилось и отразилось, наглядным образомъ, въ послѣдующихъ его дѣяніяхъ, гдѣ онъ не разъ спускался уже до простаго мазурничества и вообще не пренебрегалъ ничѣмъ... Такъ въ гор. Н... въ винномъ погребѣ онъ укралъ 500 руб. сер.; у помѣщика Д.., въ домъ коего втерся подъ именемъ литератора, осматривающаго Россію, укралъ енотовую шубу и скрылся; у другаго помѣщика В... споролъ съ шубы сукно и продалъ еврею; у одного священника, въ домѣ коего былъ принятъ подъ именемъ чиновника консисторіи, стянулъ часы карманные и женское ожерелье; и т. д.

Наконецъ случай столкнулъ Прожигаева съ извѣстнѣйшимъ проходимцемъ евреемъ Шмеркою, которому онъ успѣлъ внушить къ себѣ уваженіе знаніемъ языковъ и своею ловкостію, и Шмерка вывезъ Прожигаева на своихъ плечахъ на лучшую дорогу, чѣмъ по которой онъ доселѣ куликалъ... Съ этимъ Шмеркою, въ 1858 году, Прожигаевъ обревизовалъ до пятнадцати еврейскихъ училищъ, назвавъ себя Инспекторомъ казенныхъ и частныхъ училищъ и обобравъ при этомъ кого слѣдуетъ, наконецъ заключилъ тайное условіе, что бы еврей женилъ его на какой нибудь богатой помѣщичьей дочкѣ, за-что Прожигаевъ обязался Шмеркѣ выплатить 20 % съ суммы приданаго. Шмерка сталъ благоговѣть предъ Прожигаевымъ и беречь его какъ кладъ, занявшись немедленно же отысканіемъ такой невѣсты. Наконецъ невѣста была найдена у одного помѣщи-

ка отставного богатаго полковника; оставалась избрать званіе, въ какомъ явиться въ домъ полковника жениху.

По соображеніи всѣхъ званій, принимаемыхъ въ разное время Прожигаевымъ, оказалось, что онъ не принималъ еще на себя званія ученаго, а потому и рѣшено было назваться Прожигаеву Инспекторомъ Гимназіи одной изъ сѣверныхъ губерній. Шмерка занялся приготовленіемъ бумагъ, въ чемъ и заключалась, между прочимъ, его спеціальность, и скоро для Прожигаева готовы были: а) копія съ формулярнаго списка за подписью членовъ и съ приложеніемъ казенной печати, б) четырехъ мѣсячный отпускъ въ его имѣніе по домашнимъ дѣламъ и в) отношеніе къ нему Попечителя Округа, въ коемъ изложены прошеніе Прожигаева и резолюція Попечителя объ опредѣленіи его, въ свое время, старшимъ учителемъ Н...ой Гимназіи.

Съ этими документами, и въ новой одежкѣ, съ иголочки, доставленной Шмеркою изъ города, Прожигаевъ, съ запасомъ денегъ 200 рублей, данныхъ Шмеркою, явился въ домъ Полковника У.., гдѣ успѣлъ понравиться невѣстѣ, предложилъ ей руку и сердце и чрезъ недѣлю считался уже женихомъ, выговоривъ въ приданое 10,000 р. сер...

Замѣчательно, что никто изъ деревенскихъ помѣщиковъ не могъ заподозрить недостаточности знаній, необходимыхъ не только для будущаго Директора, но и Инспектора Гимназіи...

Дѣло шло хорошо и Прожигаевъ уже строилъ планы, какъ будетъ прожигать жизнь, когда получитъ 10,000 руб. сер. въ руки... Между тѣмъ нужно было получить дозволеніе начальства жениться. Прожигаевъ, въ виду всѣхъ, пишетъ прошеніе въ Дирекцію Н...ую о высылкѣ ему вида на свадьбу съ дѣвицею такою-то и ѣдетъ въ уѣздный городъ подать на почту, заказывая Шмеркѣ, державшемуся вдали, обдѣлать это дѣло хорошенько... Условились какъ слѣдуетъ и Прожигаевъ возвратился къ невѣстѣ, увѣривъ всѣхъ, что чрезъ три недѣли дозволеніе на бракъ будетъ имъ, получено. Въ одинъ прекрасный вечеръ, къ дому Полковника подкатила верховая эстафета и подала Прожигаеву пакетъ, заключавшій въ себѣ дозволеніе ему на бракъ.

Все было заномеровано, скрѣплено и завѣрено печатями, какъ

слѣдуетъ. Не трудно догадаться, что курьеръ эстафетный, изъ уѣзднаго города прибывшій, былъ посланный Шмерки, и дѣло все обдѣлано Шмеркою... Общее, разумѣется, торжество и чрезъ три дня свадьба.

Но судьба вдругъ стремглавъ бросила своего баловня головой прямо въ грязь... Шмерка, въ четвертый разъ втискавшись въ городѣ по одному подлогу, взятъ былъ подъ стражу и немедленно же обысканъ, при чемъ, увы! отобрана у него вся переписка съ Прожигаевымъ, раскрывшая ихъ тайну... Прожигаева арестовали, Шмерку затискали въ острогъ и подняли переписку съ Н...ой Дирекціей. Оказалось, что Инспекторъ Гимназіи въ Н... давно уже женатъ и имѣетъ 5 человѣкъ дѣтей... Прожигаева тотчасъ же въ острогъ и пошла писать!.. Выбившись изъ силъ онъ назвался опять бродягою, но его уличали разными справками на каждомъ шагу, такъ что къ концу концевъ, просидѣлъ три года въ острогѣ и наскучившись этимъ сидѣніемъ, онъ открылъ наконецъ свое происхожденіе, а похожденія его раскрылись сами собою...

Говорить ли о томъ, на сколько правды оказалось въ прошеніи мѣщанина, города С... Караваева? Изъ сравненія этого прошенія съ дѣломъ оказалось только, что Прожигаевъ былъ краснорѣчивъ какъ въ своемъ литературномъ прошеніи, такъ и въ жизни, но такъ какъ за подобные дары природы нѣтъ смягчающихъ наказаній, то ему и опредѣлено было за неправильную жалобу 40 розогъ.

VI.

КАРЛЪ-ФИШЪ.

Скромно, но глубокомысленно было прошеніе нѣмца Фиша, терпѣливо досиживавшаго второй годъ въ К... арестантскихъ ротахъ и попавшагося, такимъ образомъ, на послѣднемъ году заключенія своего на удочку Шмелеву... Нѣмцы вообще, если врутъ при допросахъ и въ судѣ, то врутъ обдуманно, глубокомысленно, точно

философію Гегеля продолжаютъ, а изъ мѣстъ заключенія, послѣ окончательнаго приговора, жалобъ почти никогда не присылаютъ, считая совершенно нерасчетливымъ напрашиваться на 40 розогъ... Они разсуждаютъ на этотъ разъ, такъ: что если ужъ плохой судъ призналъ человѣка виновнымъ, то хорошему ничего не остается сдѣлать для этого виновнаго, какъ только прибавить ему еще наказанія... Фишъ по всей вѣроятности никогда и не подалъ бы жалобы на Уголовную Палату изъ арестантскихъ ротъ, но въ настоящемъ случаѣ всеобщій потокъ увлеченія въ ротахъ, видимая правдоподобность въ разсказахъ Шмелева о похереніи старыхъ дѣлъ въ виду новаго суда и, наконецъ, желаніе быть признаннымъ невиннымъ по суду, чтобы потомъ имѣть право снова называться честнымъ нѣмцемъ, ввели и осторожнаго Фиша въ искушеніе, такъ что и онъ взялся за перо, но взялся не легкомысленно, а обдуманно и съ разсужденіемъ и написалъ слѣдующее, вполнѣ нѣмецкое, прошеніе:

„Я честный нѣмецъ, господинъ Карлъ Фишъ, сижу въ К... арестантскихъ ротахъ по недоумѣнію закона. Еслибы судъ русскій былъ похожимъ на Германскій, то такое обстоятельство совсемъ не случился бы. Но дѣлать нечего, такой ужъ несчастье вышелъ! Я былъ 13 лѣтъ главнымъ подмастерьемъ у своего хозяина слесарныхъ дѣлъ мастера Филипова и такъ аккуратно и честно жительствовалъ, что никакой дурной слово обо мнѣ не ходилъ. Вдругъ случился обстоятельство, что я нашолъ на дворѣ хозяина своего два сто рублевыхъ билета... Такой счастіе возврадовало меня бѣдный человѣка, но я сказалъ душѣ своей: Карлъ Фишъ никогда не возьметъ чужой, ибо онъ не есть русскій человѣкъ, а честный нѣмецъ! Тогда приходилъ праздникъ Рождества Христова и я вздумалъ такъ: дамъ радость хозяину своему въ этотъ большой праздникъ и послѣ церкви, когда онъ соединится съ фамиліею своей пить чай, войду и буду сказать ему: господинъ хозяинъ! вотъ деньги, которыя ты потерялъ; я ихъ при помощи Бога, нашолъ и возвращаю тебѣ какъ совсемъ честный человѣкъ! Но хозяинъ прежде праздника узналъ, что я нашолъ его деньги и отдалъ меня въ острогъ, откуда безвинно послали меня въ К... арестантскія роты на 2 года. Какой же тутъ настоящій правосу-

діе! Тутъ недоумѣніе закона. Еслибы самъ господинъ слѣдователь шолъ, на для примѣра, по улицѣ и нашолъ бумажникъ съ деньгами и когда еще не успѣлъ объявить въ Полицію объ находкѣ, его бы взяли да и посадили въ острогъ, тутъ никакой не было бы справедливость! Значитъ тутъ нуженъ глубокій толкованіе закона, чтобы отличить находку отъ кражи; тутъ нужно много, очень много задумать, а потомъ судить человѣка. Но въ Россіи не такъ! Здѣсь мало желаютъ думать и хотятъ только скорѣе судить человѣка, чтобы дѣло быстро весьма кончить. Я не разговариваю, что господинъ слѣдователь нехорошій есть человѣкъ, потому что начальство всегда почитаю, но желаю, чтобы о моемъ дѣлѣ задумали высшіе судьи и глубоко, очень глубоко отличили находку отъ кражи, а меня какъ невинно осужденнаго, изъ К... арестантскихъ ротъ освободили, чтобы я могъ сказать всякому человѣку въ глазъ: я честный есть нѣмецъ! Сей прошеніе сочинилъ и записалъ на бумагу Карлъ Фишъ. 1863 года и пр...“

Нельзя было не истребовать подлиннаго дѣла—и изъ него открывается слѣдующее:

Честный, и не менѣе того глубокомысленный, нѣмецъ Карлъ Фишъ, имѣвшій 35 л. отъ роду, служилъ дѣйствительно 13 лѣтъ главнымъ подмастерьемъ въ механическо-слесарномъ заведеніи Филипова незамѣченный ни въ чемъ дурномъ; но на 14 годъ споткнулся и споткнулся такимъ образомъ: Провожая однажды хозяина своего, отлучившагося куда то изъ дому по дѣламъ, онъ поднялъ за нимъ оброненный среди двора бумажникъ, въ которомъ оказалось двѣ сто рублевыхъ бумажки. Искушеніе для небогатаго человѣка было большое и Фишъ, оказывавшійся честнымъ въ копѣйкахъ, не устоялъ на нѣмецкой дорогѣ при рубляхъ... и свернулъ на кривую... Положивъ деньги въ карманъ и сообразивъ, что можно остаться и при этомъ обстоятельствѣ, все-таки по прежнему честнымъ человѣкомъ — онъ преблагополучно скрылся. Хозяинъ вечеромъ только возвратившійся домой, бывъ въ этотъ день во многихъ мѣстахъ, послѣ спроса о потерѣ, домашнихъ своихъ и рабочихъ, въ числѣ коихъ и Фиша, рѣшилъ, что бумажникъ выроненъ гдѣ нибудь въ неизвѣстномъ мѣстѣ и потому оставилъ это дѣло законченнымъ, т. е. деньги пропавшими безвозвратно.

Между тѣмъ, Фишъ помалчиваетъ. Проходитъ три дня,-онъ ни кому ни слова; проходитъ недѣля и онъ рѣшается наконецъ размѣнять одну бумажку въ гостинницѣ, чтобы угостить чайкомъ, въ праздникъ, товарища. Такъ и сдѣлано. Фишъ, пригласивъ товарища своего по мастерству, Августа Генкеля, въ гостиницу, угостилъ его чайкомъ, при чемъ размѣнялъ въ буфетѣ и одну изъ сто рублевыхъ и когда Генкель спросилъ его: откуда у него столько денегъ, то Фишъ отвѣчалъ: прежде скоплены. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Генкель какъ то проболтался объ этомъ въ мастерской, откуда вѣсть эта тотчасъ же долетѣла и до ушей хозяина. Навели справку у буфетчика гостинницы, разспросили Генкеля и на 8 день Полиція по извѣщенію Филипова, учинила обыскъ Фиша, который и попался тотчасъ же, какъ кура во щи... Изъ оброненныхъ Филиповымъ денегъ всѣ были на лицо, за исключеніемъ одного рубля, истраченнаго въ гостинницѣ на угощеніе Генкеля. Началось дѣло. Слѣдователь приступилъ къ допросамъ, по соображеніи которыхъ, совершено основательно, нашелъ, что Фишъ долженъ быть судимъ не за то, что не объявилъ о находкѣ, но за воровство-кражу, а такъ какъ это преступленіе, по смыслу 2273 ст. отд. 2 и 2238 пун. 2 Уложенія о наказаніяхъ, влечетъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ правъ, заключеніе въ арестантскія роты и ссылку потомъ въ Сибирь, то честнѣйшаго Карла Фиша и препроводили въ острогъ. Соображенія слѣдователя были основательны. По 538 ст. X том. Св. Зак. Гражд. находкою называется: обрѣтеніе вещей и другихъ движимыхъ имуществъ, которыхъ владѣлецъ неизвѣстенъ, а воровствомъ-кражею, по силѣ 2225 ст. Уложенія о наказаніяхъ, признается всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ безъ насилія, или угрозъ, похищеніе чужихъ вещей, денегъ, или иного движимаго имущества. Изъ собственнаго показанія Фиша видно, что онъ нашолъ два сторублевыхъ билета и когда спрашивалъ его объ этомъ, въ числѣ другихъ лицъ, хозяинъ, то онъ умолчалъ о находкѣ своей. За тѣмъ чрезъ недѣлю Фишъ позволилъ себѣ размѣнять одну бумажку и на вопросъ Генкеля: гдѣ взялъ деньги? отвѣчалъ, что это его собственность. По стат. 2273 Улож. изобличенный въ присвоеніи найденныхъ имъ денегъ или вещей, съ знаніемъ, кому оныя принадлежатъ, а также когда

оныя отъ него были требованы, или ему было извѣстно, что о сей потерѣ публиковано въ Вѣдомостяхъ, приговаривается къ наказанію, опредѣленному въ 2264 ст. Уложенія какъ за воровство кражу, а въ сей послѣдней статьѣ сказано, что подлежащіе наказанію по сей статьѣ, наказываются по 2238 ст., гдѣ въ пун. 2 написано, что виновный въ кражѣ предмета, цѣна коего выше 30 руб. сер., подвергается по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ—ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую, или Тобольскую, съ отдачею въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отъ 1 до 2 лѣтъ. Къ каковому наказанію Фишъ и былъ приговоренъ. Но нѣмецъ не поддавался закону безъ разсужденія и пускался въ законодательныя соображенія о различіи находки отъ кражи, и мучилъ слѣдователя до безконечности, сколько тотъ не убѣждалъ его, что онъ долженъ быть судимъ какъ за кражу. Мы приведемъ эти отвѣты Фиша, какъ типичное нѣмецкое показаніе.

Выше мы замѣтили уже, что если нѣмецъ вретъ при показаніяхъ, то вретъ съ соображеніемъ, послѣдовательностію и полнымъ разсчетомъ, чтобы его не уличили во лжи, а потому всѣ свои отвѣты на вопросы слѣдователя, онъ даетъ такъ, чтобы между ними и уличающими обстоятельствами не было рѣзкаго, бросающагося въ глаза различія и чтобы они носили въ себѣ всѣ признаки законной невинности. Этимъ подсудимый нѣмецъ существенно отличается отъ подсудимаго русскаго простолюдина, который или ужъ признается въ преступленіи, или же завретъ такъ несообразно, что его на каждомъ шагу уличишь... Вотъ и Фиша, слѣдователь спрашивалъ:

— Ты поднялъ деньги 200 руб. сер. на дворѣ своего хозяина?

— Я, отвѣчалъ Фишъ.

— За чѣмъ же ты ихъ утаилъ?

— Я не утаилъ, говорилъ, съ гономъ, нѣмецъ, а только нашелъ. Тутъ большой разница господинъ слѣдователь! Я честный человѣкъ не какъ русскій какой нибудь и украсть чужой вещь никогда не буду...

И пошелъ, и пошелъ Фишъ на эту тэму пороть, такъ что слѣдователь, написавъ листовъ пять, наконецъ усталъ.

— Но тебя спрашивалъ хозяинъ о потерянныхъ деньгахъ? прерываетъ Фиша слѣдователь.

— Спрашивалъ.

— Въ числѣ другихъ?

— Да, въ числѣ другихъ.

— И ты промолчалъ?

— Молчалъ.

— Почему же молчалъ?

— На это я имѣлъ свой резоны, отвѣчалъ Фишъ.

— Какіе же?

— Это мой тайна...

— Тайнъ въ показаніяхъ не должно быть, когда подсудимый желаетъ оправдаться.

— Я хотѣлъ хозяину сдѣлать большой удовольствіе на Рождество Христово и подать ему деньги, когда онъ, въ этотъ день послѣ церкви, будетъ пить чай съ своей фамиліей.

— И это не выдумка, спрашивалъ слѣдователь?

— Я честный нѣмецъ и никогда ложь не сказываю...

— Да развѣ меньше удовольствія получилъ бы хозяинъ, въ какое бы время ты ни возвратилъ ему деньги?

— Это большой различіе господинъ слѣдователь, отвѣчалъ Фишъ, —и пустился въ предлинныя и туманныя разсужденія, на ломаномъ русскомъ языкѣ, о томъ, какъ неодинаково дѣйствуютъ на нашу душу различныя впечатлѣнія при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ, напр. въ будни, или въ большой праздникъ, во время похоронъ, или во время свадьбы, въ Великій постъ, или первый день Пасхи, и т. п., такъ что у слѣдователя лопнуло всякое терпѣніе выслушивать глубокомысленныя разсужденія нѣмца и онъ прервалъ его, наконецъ, вопросомъ:

— Откуда же все это тебѣ извѣстно?

— Изъ собственный опытъ, отвѣчалъ Фишъ. Нѣмецкій человѣкъ не какъ русскій, онъ на все думаетъ, все на замѣчаніе возьметъ... о! это совсѣмъ другой человѣкъ, господинъ слѣдователь!

И пошелъ, и пошелъ нѣмецъ на эту тэму катать и такъ все резонно, съ полнымъ глубокомысліемъ и наблюдательностію въ жизни...

Да, нѣмецъ хитеръ на допросахъ, не чета русскому!

Дѣла объ нѣмцахъ—цѣлыя исторіи въ лицахъ, гдѣ они первыми персонажами всегда дѣйствуютъ и разсуждаютъ, а прочіе только слушаютъ ихъ...

Одинъ, напримѣръ, нѣмецъ Францъ Буцъ, судился за кражу со взломомъ у своего хозяина, у коего стянулъ въ магазинѣ изъ ящика съ стеклянной крышкой, стоявшаго по обыкновенію, на прилавкѣ, серебряныя вещи. Нѣмца посадили въ острогъ и стали допрашивать. Поличное успѣли захватить у него въ комнатѣ и въ его собственномъ даже сундукѣ, стало быть тутъ врать и отказываться безполезно, но когда дѣло дошло до вопроса о взломѣ, то нѣмецъ попалъ-таки на свой конекъ, съ котораго такъ и не слѣзалъ до конца дѣла...

Его спрашивалъ слѣдователь:

— Ты укралъ серебряныя вещи у своего хозяина?

— Я не укралъ, а взялъ, отвѣчалъ Буцъ.

— Это все равно...

— Нѣтъ это большой разница! Я воровать никогда не хочу, я не русскій какой нибудь...

— Ну зачѣмъ же ты взялъ чужое? спросилъ слѣдователь.

— Я былъ бѣденъ, у меня были долги отъ умершей матери, стали требовать и безчестье дѣлать, ну я, какъ честный человѣкъ, и рѣшился взять...

— Почему же ты взялъ у хозяина своего, а не въ другомъ мѣстѣ? Законъ, за воровство у хозяина, наказываетъ строже.

— Хозяинъ богатый человѣкъ,—это его разорить не будетъ...

И пошелъ, и пошелъ Буцъ разсуждать на эту тэму... Изволь слѣдователь пускаться съ нимъ въ соціалистическіе и политико-экономическіе вопросы о распредѣленіи труда и богатства...

Все бы это однако ничего; нѣмецъ привыкъ разсуждать, ну и пусть разсуждаетъ, особливо если еще сносно сколько нибудь разсуждаетъ,—всякому хочется выпутаться изъ острога; но вотъ бѣда, когда дѣло дошло до взлома, то у Буца, какъ говорится, умъ за разумъ зашелъ, такъ что не было возможности вести съ нимъ дѣла...

Слѣдователь сказалъ:

— Твоя кража съ увеличивающими обстоятельствами, а потому ты долженъ быть сосланъ въ Сибирь.

— Съ какой увеличивающей обстоятельство, спрашиваетъ Буцъ?

— Она кромѣ того, что совершена работникомъ у хозяина, сопровождалась еще и взломомъ.

— Какой взломъ? Что вы, господинъ слѣдователь!

— Какъ, какой? Ты разбилъ стекло у ящика, чтобы взять вещи.

— Разбилъ стекло, а не ломалъ ящикъ, отвѣчаетъ Буцъ.

— Это все равно.

— Нѣтъ большой разница, господинъ слѣдователь!

И опять пошелъ, и пошелъ нѣмецъ глубокомысленно доказывать, что разбитіе стекла не есть взломъ, какъ напримѣръ замка, дверей, сундука и т. п., а нѣчто совсѣмъ другое; такъ что слѣдователь потерялъ терпѣніе слушать нѣмца и показалъ ему скорѣе законъ, гдѣ разбитіе стекла для похищенія вещи, было отнесено ко взлому. Нѣмецъ отвѣчалъ, что этотъ законъ несправедливъ, что онъ не хочетъ судиться по такимъ законамъ и желаетъ, чтобы его препроводили въ Германію для сужденія, гдѣ онъ и желаетъ для этого принять подданство...

Извольте вотъ тутъ скоро покончивать слѣдствія съ такимъ народомъ!

У Фиша въ прошеніи ложь была яснѣе дня, за что ему безъ церемоніи и присужденъ, немедленно же по разсмотрѣніи его дѣла, гонорарій въ 40 розогъ.

VII.

ИВАНЪ ТАНАЙЧАНЪ.

Многоглаголивъ и безъ конца вранливъ цыганинъ, такъ что не даромъ на Руси выраженіе: цыганская совѣсть, сдѣлалось самымъ мѣткимъ эпитетомъ безсовѣстнаго человѣка... Цыганинъ вретъ съ пеленокъ и этимъ обусловливается даже его національность. Не ври

онъ, тогда и цыганиномъ называться ему было бы не за что, и національности своей онъ измѣнилъ бы. Эта болѣзнь, разлитая въ крови цыганъ, такъ живуча, что ни время, ни цивилизація не вліяютъ на нее... Не трудно угадать по этому, какую работу задаютъ эти цыгане нашимъ слѣдователямъ и судамъ. Ну еще будь у насъ судъ словесный, гласный, тогда можно бы было и съ цыганиномъ справиться: призвалъ свидѣтелей на лицо, собралъ подъ руку доказательства и обвиненіе готово, но извольте вы обвинить цыганина при письменномъ судѣ, съ господствующею системою юридическихъ доказательствъ? Это трудъ неимовѣрный! Цыгане и изучили скоро эту лазейку нашихъ законовъ и пользуются ею, съ отличнымъ успѣхомъ, что естественно развило въ нихъ и неимовѣрную дерзость въ преступленіяхъ... Цыганинъ отвяжетъ наприм. у васъ лошадь среди бѣла-дня, когда вы осановились покормить въ дорогѣ среди поля, сядетъ на нее преспокойно и поѣдетъ вдоль той же дороги не торопясь, оставивъ вамъ, если взмилуется, свою клячу... Вы догоняете его, сзываете народъ и объявляете, что цыганъ укралъ у васъ лошадь, а онъ отвѣчаетъ, что вымѣнялъ ее у васъ и деньги въ придачу вамъ заплатилъ, для чего пожалуй засунетъ въ вашу повозку, сумку съ двумя-тремя рублевыми бумажками, номера которыхъ замѣтитъ и потомъ объявитъ ихъ во всеуслышаніе, какъ доказательство обмѣна лошадей съ придачею. Дѣло было наединѣ, откуда взять свидѣтелей? Нѣтъ ихъ! Цыганинъ между тѣмъ изъявляетъ желаніе принять очистительную присягу въ томъ, что онъ говоритъ сущую правду. Присяга для него ничего не значитъ, онъ ихъ приметъ тридцать три въ день и не поморщится... Сдѣлайте объ немъ повальный обыскъ, всѣ цыгане хоть до присягъ дадутъ, что подсудимый цыганинъ наичестнѣйшій человѣкъ, ангелъ во плоти...

Цыганка, явившись въ село, стянетъ напр. живую курицу и спрячетъ ее подъ подолъ, такъ ловко, что она и не пикнетъ. Обыщутъ цыганку и курицу найдутъ; что же цыганка? Она начнетъ клясться и небомъ и землею, что курица сама забѣжала къ ней подъ платье... Извольте спрашивать объ этомъ курицу! Что же касается до самой цыганки, то она свое показаніе утвердитъ, хоть сію же минуту, полсотнею присягъ... Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ

русскій народъ рѣдко заводитъ съ цыганиномъ судебные процесы, а прямо за воровство и прочія продѣлки бьетъ его до безпамятства, иначе сказать: считаетъ удобнѣе и практичнѣе, расправляться съ ними своимъ судомъ... Коротко и ясно!

Въ К... арестантскихъ ротахъ сидѣло двое цыганъ, которые разумѣется не отстали отъ сотоварищей по литературному мастерству и не замедлили сочинить цыганское прошеніе вдвоемъ, но такъ, что оно написано было отъ имени одного Ивана Танайчана, а другой цыганинъ, подобно татарину Абдулгазину, знакомому уже намъ по одному изъ предыдущихъ очерковъ, приписалъ только свою фамилію въ концѣ жалобы, прося и его освободить, если прошеніе будетъ признано уважительнымъ, но ничего не упоминая о томъ, что присудить ему, если прошеніе не признается уважительнымъ? Содержаніе прошенія было слѣдующее:

„Я безсчастный цыганъ Иванъ-Тайначанъ вымѣнялъ свою савраску на гнѣдую кобылу у мужика Аникія Щербака и далъ ему въ придачу 10 рублей серебромъ, но, Щербакъ имѣя ко мнѣ и всѣмъ вообще цыганамъ старую вражду, вздумалъ сдѣлать мнѣ зло и раззорить весь мой домъ. Извѣстно, кто за цыганъ заступится? Всѣ цыганъ ругаютъ и бьютъ какъ собаку, потому Щербакъ пришелъ ко мнѣ съ мужиками, ночью, когда я спалъ и закричалъ: ты укралъ у меня лошадь? Потомъ мужики схватили меня, связали волосы на головѣ моей пучкомъ и, защѣпивъ за нихъ веревкою, привѣсили меня къ перекладу подъ сараемъ, гдѣ я и висѣлъ семь дней и семь ночей, не ѣвши и не пивши. Чрезъ семь дней мужики раскалили на огнѣ желѣзную сковороду и поставили меня на нее ногами, а въ ротъ стали лить горячаго масла и растопленнаго свинцу. Я три дня все это безвинно переносилъ, а прочіе цыгане съ моею женою и дѣтьми, стояли и горько плакали, мужики же говорили имъ: всѣхъ васъ цыганъ перевѣшаемъ и на огнѣ зажаримъ! и схватили было мою жену съ дѣтьми, чтобы тутъ же зажарить, но они не дались и убѣжали. Послѣ сего запрягли меня въ телегу вмѣсто лошади, привязали къ шеѣ погрямушку и поѣхали на мнѣ восемь человѣкъ къ становому, который, когда увидѣлъ меня, то закричалъ: а! это шельма цыганъ, давай его сюда! и приказалъ отвесть меня въ конюшню и привязать

вмѣстѣ съ лошадьми къ стойлу, а на другой день поѣхалъ на охоту и травилъ меня, вмѣсто зайцевъ, собаками. Я все это переносилъ, потому что цыганина всякъ можетъ обидѣть и не говорилъ ничего. Наконецъ становой сказалъ: „отведите его на цѣпи желѣзной въ острогъ! И меня отвели въ острогъ за желѣзныя двери, откуда чрезъ годъ, безъ суда и слѣдствія, и выслали въ К..... арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 6 лѣтъ, гдѣ узнавши, что будетъ скоро новый судъ и цыганъ не будутъ безвинно наказывать, я рѣшился нынѣ просить высшихъ судей выпустить меня изъ К..... арестантскихъ ротъ, какъ безвинно осужденнаго, и заступиться за всѣхъ безсчастныхъ цыганъ, чтобы ихъ мужики совсѣмъ не зажарили. Къ сему прошенію арестантъ Иванъ-Танайчанъ руку приложилъ. 186* года. Къ поданію надлежитъ и проч...“

На другой страницѣ была слѣдующая приписка:

„А я, цыганъ Максимъ Пропота хотѣлъ Ивана-Танайчана отнять отъ мужиковъ, за что они и меня схватили, жарили на сковородѣ, подвергали всякимъ пыткамъ и отправили въ острогъ, откуда чрезъ годъ безвинно и сослали меня вмѣстѣ съ Танайчиномъ въ К..... арестантскія роты. Но такъ какъ я только хотѣлъ заступиться за Танайчана, а лошадей не воровалъ, то меня и приговорили къ заключенію въ ротахъ меньше Танайчана, т. е. на 4 года. Арестантъ Максимъ Пропота.“

Какъ ни очевидна была цыганская ложь въ наивно-литературномъ хитросплетеніи свободныхъ сыновъ полей, но все-таки нельзя было не посмотрѣть его подлиннаго дѣла: арестантъ жалуется на истязанія его крестьянами, на злоупотребленіе становаго пристава и несправедливый приговоръ суда. Быть можетъ, что-нибудь и могло оказаться справедливымъ! Присылаютъ дѣло, и открывается изъ онаго, что цыганинъ Иванъ-Танайчанъ былъ отъявленный конокрадъ, какъ большая часть цыганъ въ малороссійскихъ губерніяхъ и состоялъ давнишнимъ агентомъ одной, систематически организованной, шайки конокрадовъ, заправлявшей русскими и жидами, какъ людьми болѣе смышленными и компетентными въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ наивныя дѣти полей, цыгане, которые хоть и славились своею непомѣрною дерзостію и необузданною смѣлостію при кражахъ, но за то, постоянно и попадались какъ куръ во-щи и отдѣлывались толь-

ко своими боками... Конокрадство въ западныхъ губерніяхъ, назадъ тому лѣтъ десять, доходило до такихъ размѣровъ, что учреждены были правительствомъ, какъ извѣстно, при судахъ особыя должности „засѣдателей отъ конокрадства“ въ видахъ обузданія, хоть сколько нибудь, дерзости конокрадовъ. Какую пользу принесла эта мѣра, впрочемъ скоро замѣненная другою, мы не говоримъ объ этомъ, но только видимъ, что конокрадство въ западныхъ губерніяхъ существуетъ и нынѣ какъ нигдѣ... Всѣ суды завалены дѣлами по кражамъ лошадей, и въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ изъ представленныхъ ста дѣлъ, всегда 90 оказывается по воровству лошадей. Воровство въ этомъ краѣ почему-то сдѣлалось повальною болѣзнію, маніею... Тамъ воруетъ лошадей и дворянинъ-однодворецъ, и дворянинъ-кучеръ, и дворянинъ-плотникъ, и цыганъ, и жидъ, и даже баба-кухарка, и всѣ находятъ сбытъ краденаго въ шайки, крѣпко организованныя, которыя съ быстротой молніи и самымъ ловкимъ образомъ препровождаютъ полученныхъ лошадей за-границу прусскую, гдѣ краденой лошади ужъ всякій слѣдъ простылъ... Но болѣе всѣхъ воруютъ лошадей цыгане.

Цыганъ Танайчанъ несчетное уже количество разъ попадался въ воровствѣ лошадей и всегда, по обыкновенію, отдѣлывался только боками, гдѣ изъ цѣлыхъ реберъ его едва-ли наконецъ можно было насчитать хоть два... Но судъ и расправа народныя не могли обуздать его дерзости, которая въ немъ была изумительна... Въ настоящемъ случаѣ, онъ втискался наконецъ въ арестантскія роты, такимъ образомъ: Среди бѣла дня 1861 года, подъ праздникъ Преображенія Господня, охвативъ 7 лошадей, бывшихъ на корму въ полѣ, онъ погналъ ихъ преспокойно вдоль дороги. Дерзость была велика! онъ могъ встрѣтиться на каждомъ шагу съ крестьянами и попасться. Но цыганъ Танайчанъ опасности давно ужъ презиралъ, или лучше сказать, пересталъ наконецъ объ нихъ и думать... почему дѣйствительно и попался на четвертой же верстѣ крестьянамъ, которые вмѣстѣ съ угнанными лошадьми и представили его въ село. Собрались хозяева 7, угнанныхъ-было Танайчаномъ, лошадей и старшина сталъ спрашивать вора: какъ онъ смѣлъ угнать лошадей?

— Я не угонялъ, отвѣчалъ Танайчанъ.

— Какъ, цыганская совѣсть, не угонялъ?

— Такъ и не угонялъ...

— Кто же угналъ ихъ?

— Я почему знаю!

— Да вѣдь тебя же поймали вотъ эти мужики съ лошадьми?

— Меня никто не ловилъ...

— Какъ же такъ?

— Да такъ! Я самъ съ ними пріѣхалъ сюда.

— Какимъ же способомъ чужія лошади-то у тебя очутились?

— Я ѣду полемъ по дорогѣ на своей гнѣдой кобылѣ, разъясняетъ Танайчанъ, и пою пѣсни про себя: вдругъ кобыла моя заржала, а къ ней и прибѣжали 7 мериновъ, да и увязались... Я ѣду дальше и они за кобылою бѣгутъ дальше. Не гнать же мнѣ ихъ? Не трогай, думаю, бѣгутъ, когда нибудь да отстанутъ...

Мужики, разумѣется, выходятъ изъ терпѣнія при такой наглой цыганской лжи, старшина же приказываетъ волостному писарю записывать показаніе цыгана для передачи становому и продолжаетъ допросъ.

— Зачѣмъ же шлялся ты вокругъ нашего села?

— Я ѣхалъ въ городъ Б... Кто же мнѣ запретитъ ѣхать по какой нужно дорогѣ?

— Если ты не виноватъ въ кражѣ, зачѣмъ же ты не давался въ руки мужикамъ?

— Я не давался?

— Вотъ они говорятъ.

И старшина указывалъ на мужиковъ, поймавшихъ Танайчана.

— Мужики врутъ. Они какъ сказали мнѣ: ты воръ, поѣдемъ съ нами въ село, я тотчасъ же съ ними самъ и поѣхалъ...

Такіе отвѣты Танайчана выводятъ окончательно обиженныхъ, воровствомъ лошадей, мужиковъ изъ терпѣнія и они тузятъ его, какъ обыкновенно привыкли тузить всякаго пойманнаго въ воровствѣ цыгана, но не жарятъ конечно на сковородѣ и не вѣшаютъ на перекладѣ... За тѣмъ старшина вмѣстѣ съ мужиками ѣдетъ въ домъ Танайчана въ сосѣднюю деревню съ обыскомъ и находятъ у него на полкѣ въ чуланѣ мѣдную погремушку съ лошади крестьянина Власа Борща, пропавшей безъ вѣсти назадъ тому два года, нѣсколько хомутовъ, сѣделокъ, шлей и прочихъ украшеній, принадле-

жавшихъ лошадямъ, украденнымъ неизвѣстно у кого... Все это убѣдило мужиковъ въ томъ, что у Танайчана мѣсто въ ихъ селѣ давно, какъ говорится, насижено и если его только оттузить, а потомъ пустить на волю, то онъ еще нѣсколько разъ общиплетъ ихъ какъ лишку... Вслѣдствіе сего, и по настоянію старшины, Танайчанъ отправленъ былъ въ станъ, откуда становой препроводилъ его къ судебному слѣдователю, а сей послѣдній послѣ допросовъ, и въ острогъ, куда чрезъ годъ цыгану и прислано было наконецъ судебное рѣшеніе. Понятно послѣ этого, на сколько правды было въ прошеніи Танайчана!..

Что касается до Максима Пропоты, то его засадили въ арестантскія роты за похожденія другаго рода... Пропота, какъ оказалось, былъ професіей коновалъ, т. е. врачъ лошадиный. Подобнаго сорта цыгане наполняютъ всѣ города малоросійскіе, а на ярмаркахъ большихъ и малыхъ ихъ встрѣтишь на каждомъ шагу. Они втираются во всякій домъ, гдѣ есть порядочныя лошади подъ предлогомъ то пустить кровь лошади, то положить кладь, то просто понавѣдаться и взглянуть на лошадку, нѣтъ ли дескать въ ней какого недостатка, который они могутъ устранить, высматриваютъ входы и выходы конюшни и двора и впустившій къ себѣ на дворъ такихъ хватовъ, хозяинъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что чрезъ три, четыре дня, лошади его не будетъ на дворѣ...

Максимъ Пропота былъ одинъ изъ такихъ хватовъ. Многіе города и ярмарки знали его коротко и потому владѣтели лошадей обѣгали его, какъ чумы, но въ простакахъ, какъ извѣстно, никогда нѣтъ недостатка и Пропота напалъ однажды на ярмаркѣ на одного новоприѣзжаго помѣщика, къ которому и втерся лечить всю его тройку, пустивъ разумѣется сначала на ярмаркѣ еще, — безъ всякаго дозволенія хозяина, кровь лошадямъ... Дѣлать было нечего. Помѣщикъ волей неволей долженъ былъ пригласить коновала продолжать леченіе. Пропота сталъ вхожъ на квартиру помѣщика и приступилъ къ леченію лошадей такъ ловко, что на третьи же сутки у него подведены были всѣ машины, какъ стянуть всю тройку изъ конюшни. На четвертую ночь агенты шайки конокрадовъ были на лицо и стали въ ожидательной позѣ за воротами. Случилось однако такъ, что и помѣщикъ, наслышавшись о дѣяніяхъ цыганъ-ко-

новаловъ, не дремалъ и ухо держалъ востро, потому Пропота и былъ схваченъ въ конюшнѣ на мѣстѣ преступленія... Но Пропота не растерялся.

— Какъ ты смѣлъ придти въ конюшню ночью? спрашивали его поймавшіе.

— Я пришелъ навѣстить лошадокъ, отвѣчалъ Пропота...

— Въ полночь-то?

— Да въ полночь, потому, что въ 12 часовъ у нихъ долженъ произойти переломъ въ болѣзни и мнѣ непремѣнно нужно было видѣть своими глазами этотъ переломъ.

— Такъ ты бы предупредилъ объ этомъ хозяина?

— Забылъ, отвѣчаетъ Пропота. А впрочемъ вѣдь тутъ ничего особеннаго не случилось... Я поглядѣлъ бы на болѣзнь, да и ушелъ.

И Пропота тотъ часъ же засовываетъ инструментъ въ ротъ лошади и пускаетъ кровь, какъ бы продолжая начатое леченіе...

— Зачѣмъ же ты отвязывалъ лошадей отъ колоды-то?

— Я хотѣлъ поводить ихъ немного по двору, чтобы онѣ размялись...

— А потомъ опять привязалъ бы ихъ къ колодѣ?

— Разумѣется бы привязалъ и проч...

Конечно такому показанію домашняго врача не повѣрили и свели его къ становому, который препроводилъ его къ слѣдователю, а сей послѣдній въ острогъ, изъ коего, по рѣшенію суда, Пропота и былъ отправленъ въ К..... арестантскія роты на 4 года съ высылкою потомъ въ Сибирь...

Такимъ образомъ, въ жалобѣ Максима Протопоты, прописанной въ прошеніи Танайчана, не оказалось и тѣни похожаго на его настоящее преступленіе, за которое онъ сосланъ былъ въ арестентскія роты...

Вообще цыгане врали не послѣдняго десятка, и если ихъ сравнить во враньѣ съ прочими націями, то оказывается, что вранье ихъ отличается отъ вранья другихъ вралей необыкновенною находчивостію... Цыганинъ не думаетъ много, когда ему придется врать и въ одну минуту сплетаетъ самое многосложное показаніе, нелишенное часто и замысловатости... Худшіе изъ нихъ врали разумѣется тѣ, которые обладаютъ необузданною смѣлостію въ преступ-

леніяхъ и лѣзутъ на бѣду очертя голову. Подобнаго сорта необузданные субъекты вскакиваютъ, напримѣръ, среди толпы на чужую лошадь и уносятся на ней отъ преслѣдователей. Попадается такой сорви-голова въ руки, его спрашиваютъ, зачѣмъ онъ угналъ чужую лошадь?

Пойманный отвѣчаетъ:

— Я думалъ, что сѣлъ на свою лошадь!..

— Да твоя-то величины съ теленка и притомъ гнѣдая, а не карая?

— Не поглядѣлъ на шерсть-то...

Но если цыганъ крадетъ обдуманно, то врать будетъ замысловато...

Одинъ напр. цыганъ нанялся въ кучера къ помѣщику-однодворцу и служилъ у него отлично для того, чтобы, вкравшись въ довѣренность, стискать потомъ ловчѣе тройку... Случай скоро представился. Поѣхалъ онъ однажды вечеромъ съ своимъ хозяиномъ на тройкѣ, въ гости къ сосѣду въ ближайшій хуторъ. Хозяинъ въ дорогѣ за что-то прицыкнулъ на кучера и пригрозилъ раздѣлаться съ нимъ, когда пріѣдутъ домой. Цыганъ тотчасъ же воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сообразилъ въ одну же минуту возможность угнать тройку безнаказанно... Для этого онъ вывалилъ хозяина своего изъ повозки, стегнулъ по всѣмъ тремъ и былъ таковъ. По счастію скоро на пѣшаго помѣщика наѣхали сосѣди, которые и привезли его въ хуторъ, и въ тоже время немедленно распорядились послать погоню за цыганомъ. Цыганина схватили наконецъ верстъ за 20 по большой дорогѣ. Слѣдователь сталъ допрашивать цыгана:

— Зачѣмъ ты угналъ чужую тройку лошадей?

— Я не угонялъ, отвѣчалъ цыганинъ.

— Куда же ты ѣхалъ на чужой тройкѣ, когда тебя схватили?

— Къ становому, въ село Покровское...

Направленіе дороги, на которой былъ схваченъ цыганъ, дѣйствительно было въ село Покровское...

— Зачѣмъ?

— Жаловаться на хозяина, который избилъ меня во время до-

роги въ кровь... Помѣщикъ разумѣется и не думалъ пальцемъ трогать цыгана.

— За что?

— Я задѣлъ колесомъ за пенекъ...

— Такъ за это не стоитъ бить?

— Онъ былъ пьянъ и привязался къ случаю, такъ что еслибы я не уѣхалъ, не знаю, что могло бы со мной случиться!..

О томъ, что помѣщикъ былъ въ это время дѣйствительно немного выпивши, подтвердили и нашедшіе его пѣшимъ на дорогѣ.

— Такъ ты могъ бы на него жаловаться по пріѣздѣ въ хуторъ?

— До того времени онъ могъ убить меня до смерти, отвѣчаетъ цыганъ...

И цыганъ въ доказательство побоевъ жестокихъ, показалъ пятна крови на своей одеждѣ, которыя досталъ предварительно изъ расковыреннаго нарочито своего носа.

Туда сюда и дѣло должно было, къ концу концовъ, для цыганина кончиться: оставленіемъ его въ сильномъ подозрѣніи украсть тройку лошадей...

Если же цыганину удастся положить свое клеймо на украденную лошадь, тутъ и не думай отнять ее у него, хоть сто слѣдствій наряжай... Онъ и гриву подстрижетъ у украденной лошади, и хвостъ подрѣжетъ, и клеймъ своихъ до десятка наставитъ, и зуба два, три выдернетъ изъ рта, такъ что лошадь будетъ и твоя и не твоя. Сколько хочешь наряжай слѣдствій, цыганинъ всегда будетъ въ выигрышѣ.

Таковы цыгане предъ нашими законами: играютъ ими, точно мячикомъ...

Танайчанъ за цыганское литературное хитросплетеніе разумѣется не миновалъ общей участи.

VIII.

Переплюйкинъ.

„Никто не долженъ быть“ — пишетъ по титулѣ нѣкто Переплюйкинъ въ своемъ прошеніи — „присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ, или явныхъ уликъ въ преступленіи (стат. 304 XV т. Свод. Зак. кн. 2 издан. 1857 года). Эти слова лежатъ краеугольнымъ камнемъ въ нашемъ мудромъ законѣ, по которому доказательства виновности почитаются совершенными тогда только, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго (ст. 307), а нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ могутъ составить совершенное доказательство только тогда, когда они исключаютъ возможность недоумѣнія въ винѣ подсудимаго (ст. 308). Вообще же, при изслѣдованіи силы доказательствъ, законъ велитъ наблюдать, что чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (ст. 310) и если доказательства недостаточны для совершенной достовѣрности въ винѣ подсудимаго, то не осуждать его къ тому наказанію, которое законъ опредѣляетъ за доказанное преступленіе по тому общему правилу, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго (ст. 311). Опираясь на эти великія и всемудрыя статьи закона, я могу сказать, что со мною поступили въ противность онымъ. Меня безъ собственнаго признанія, которое только и есть лучшее свидѣтельство всего свѣта (ст. 316), на основаніи однѣхъ недостаточныхъ уликъ, при которыхъ законъ повелѣваетъ оставлять подсудимаго только въ подозрѣніи (ст. 312), при отрицаніи мною письменныхъ документовъ, представленныхъ противъ меня, которые тогда только считаются совершеннымъ доказательствомъ, когда признаются дѣйствительными тѣмъ, противъ кого они были представлены (324), присудили, по ст. 1655 и 131 уложенія о наказаніяхъ, къ 60 ударамъ розогъ, отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 4 года и

высылкѣ, потомъ, на житье въ Тобольскую губернію. И за что же? За то, что я писалъ доносы на несправедливости людскія, каралъ беззаконіе, избавлялъ невинныхъ отъ наказанія, утиралъ вдовамъ слезы, сиротамъ доставлялъ права и деньги, отнимаемыя у нихъ часто алчными людьми! Я страшенъ былъ для беззаконныхъ судей своими знаніями закона и они сослали меня безвинно въ арестантскія роты! Обо мнѣ возстѣналъ весь городъ, когда меня погнали въ арестантскія роты, вдовы и сироты пролили рѣки слезъ, бѣдняки, обиженные судьбою и угнетаемые судьями возстѣнали, оставшись беззащитными въ зубахъ ихъ; даже небо смутилось въ этотъ день и пролило потоки дождя съ громомъ и молніей! Одни неправедные судіи, какъ гранитная скала, остались равнодушны къ моей участи! Въ ст. 408 улож. о наказ. говорится: кто изъ корыстныхъ, или иныхъ личныхъ видовъ рѣшитъ, съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу, какое либо, подлежащее его разсмотрѣнію дѣло, тотъ за сію умышленную несправедливость подвергается, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ, или уменьшающимъ вину его, или ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую, съ заключеніемъ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ и съ потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, или же лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст. 408 т. XV изд. 1857 г.). Статья 413 говоритъ: должностныя лица, коимъ ввѣренъ надзоръ за правильностію и законностію судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, прокуроры, стряпчіе, чиновники, скрѣпляющіе судебныя опредѣленія секретари и т. п., смотря по важности ихъ упущеній и по мѣрѣ ихъ участія въ неправосудіи, обнаруженномъ по дѣламъ, бывшимъ въ ихъ разсмотрѣніи, подвергаются или наказаніямъ въ предшедшей 408 ст. опредѣленнымъ, или же тѣмъ, которыя опредѣляются общими объ участіи въ преступленіи правилами (ст. 413 т. XV), а по статьѣ 414 улож. о наказ. и начальникъ губерніи, утвердившій неправильное судебное рѣшеніе, когда сіе учинено имъ не изъ корыстныхъ или личныхъ видовъ, подвергнется за то, смотря по важности дѣла и обстоятельствамъ онаго, или замѣчанію, или же выговору, болѣе или менѣе строгому (ст. 414 т. XV). Вотъ чему под-

лежатъ лица, сославшія меня въ К. арестантскія роты! Но я не хочу въ настоящее время возобновлять дѣла моего и прошу только объ одномъ, въ виду признанія стараго суда неправильнымъ и негоднымъ и въ виду очищенія арестантскихъ ротъ отъ неправильно сосланныхъ въ оныя, освободить меня изъ К. арестантскихъ ротъ и возвратить на мѣсто жительства. Сіе прошеніе сочинялъ и переписывалъ арестантъ Акимъ Акимовъ Переплюйкинъ. 186* года. Къ поданію надлежитъ и проч.“

Таково было прошеніе Акима Переплюйкина! Въ немъ были, какъ говорится, и небо, и адъ, злодѣи и черти, громъ небесный и рѣки слезъ, съ присовокупленіемъ безчисленнаго множества цитатъ изъ свода законовъ... Видно было, что сочинитель былъ записной законникъ, ударившійся почему-то въ литературный слогъ и высокій лиризмъ... Акимъ Акимычъ Переплюйкинъ былъ государственный крестьянинъ села Лысаго, выучился въ малыя лѣта, у просвирень своего села грамотѣ за мѣдныя деньги и 10 фунтовъ крупъ въ мѣсяцъ и служилъ писаремъ при своей расправѣ лѣтъ 7, откуда былъ изгнанъ исправникомъ за неподобающее его должности знаніе законовъ, которыми онъ сталъ злоупотреблять на каждомъ шагу... Переплюйкинъ перебрался тогда въ губернскій городъ, записался въ мѣщане и сталъ заниматься сочиненіемъ всякихъ ябедъ, правыхъ и неправыхъ, на каковомъ поприщѣ замѣченный скоро однимъ становымъ, поступилъ къ нему, по найму, въ писмоводители, гдѣ впродолженіе 6 лѣтъ окрѣпъ окончательно въ знаніи законовъ, которые вызубрилъ какъ „помилуй мя Боже“... Отсюда однако на 7-й годъ Переплюйкинъ былъ изгнанъ тѣмъ же становымъ за неподобающее должности знаніе законовъ, т. е. за то, что онъ три части изъ лакомаго куска не допускалъ до рта становаго... Тогда Переплюйкинъ поступилъ, по найму же, въ старшіе писаря къ самому исправнику, гдѣ былъ отличнымъ сыщикомъ для исправника въ изысканіи способовъ пропитанія и продолжалъ сіе занятіе 5 лѣтъ, пока новый исправникъ, довольно честный человѣкъ, поступивъ на мѣсто стараго, очищая логовище исправническое отъ всякой нечистоты, не изгналъ изъ онаго и Переплюйкина. Переплюйкинъ перебрался на службу вольнымъ писцомъ въ ратушу городскую, гдѣ служилъ 4 года и на 5-й годъ былъ изгнанъ новымъ голо-

вою опять за неподобающее его званію знаніе законовъ... Переплюйкинъ не унывалъ и поступилъ вольнонаемнымъ писцомъ въ земскій судъ, гдѣ занимался 3 года и служилъ живою справочною книгою для самого даже стараго судьи, пока новый судья, считавшійся благонамѣреннымъ, не изгналъ его тоже за неподобающее его званію знаніе законовъ... Тогда Переплюйкинъ, на 40 году своей жизни, утомившись житейскими треволненіями службы, бросилъ наконецъ всякія вольнонаемныя карьеры и рѣшился жить свободно и независимо, извлекая источники къ жизни изъ своего 25 лѣтняго теоретическаго и практическаго изученія законовъ... На этой новой дорогѣ Переплюйкинъ прежде всего запилъ и заѣлъ такъ, какъ можетъ запить бывшій приказный, хотя и вольнонаемный, т. е. валялся пьяный, гдѣ день, гдѣ ночь у забора и въ кабакѣ, подъ оврагомъ и подворотней чужой. Наконецъ всѣ придержанныя имъ во время оно деньжонки были спущены имъ въ два года и Акимъ Акимычъ сталъ жить только одними плодами своего знанія законовъ, навѣявъ тѣмъ скоро ужасъ на весь городъ... Акимъ Акимычъ сдѣлался извѣстность, знаменитость и на него стали указывать пальцемъ и старцы, и дѣти, весь чиновный міръ и самъ наконецъ губернаторъ. Акимъ Акимычъ сталъ гроза, сила, хоть и ходилъ всегда въ дырявомъ сюртучишкѣ, изорванныхъ брюкахъ, сапогахъ безъ подошвъ и засаленномъ картузишкѣ съ большимъ козырькомъ. Акимъ Акимычъ былъ мѣщанинъ города, а Акиму Акимычу воздавалось уваженье больше губернаторскаго!.. Наконецъ Акимъ Акимычъ на 47 году своей жизни попалъ въ острогъ, откуда и сосланъ былъ въ К..... арестантскія роты на 4 года, съ высылкою потомъ на житье въ Сибирь.

Купецъ Лопатинъ вздумалъ поскорѣе разбогатѣть, — для этого вѣрное средство: не заплатить никому изъ кредиторовъ денегъ. Лопатинъ обратился къ Акиму Акимычу Переплюйкину, генію, силѣ, всемогуществу... Акимъ Акимычъ сказалъ, что это дѣло плевое и перевелъ имѣніе Лопатина безденежно въ другія руки посредствомъ подставныхъ, ложныхъ заимодавцевъ, при чемъ собственною рукою велъ всю переписку по этому подлогу... Акиму Акимычу были не новость подобныя операціи и все сходило съ рукъ, а теперь Акима Акимыча упекли по ст. 1654 1655, Уложенія о наказ. въ аре-

стантскія роты и выпестрили спину 60-ю ударами розогъ!.. Новый губернаторъ взялся энергично за его дѣло, поручилъ его разобрать тремъ чиновникамъ особыхъ порученій и во чтобы то ни стало упечь Акима Акимыча въ Сибирь, — и Акима Акимыча упекли!.. Акимъ Акимычъ заперилъ прошеніями всѣ присутственныя мѣста, сенатъ, министровъ и даже Государя: все напрасно! Акима Акимыча упекли! За что же такъ безжалостно упекли Акима Акимыча, когда множество подобныхъ ему дѣятелей не упекаютъ? Взглянемъ для сего на положеніе Акима Акимыча въ городѣ по даннымъ, приложеннымъ къ дѣлу его на справку.

Изъ нихъ открывается, во первыхъ, что Акимъ Акимычъ былъ великій человѣкъ. Весь городъ его зналъ, какъ свои пять пальцевъ и всякъ при встрѣчѣ съ нимъ шапочку снималъ...

Неровенъ часъ думалъ каждый, и спакостить и выручить можетъ, зелье проклятое!.. лучше почтенье отдать.

Во вторыхъ, что Акиму Акимовичу всюду и вездѣ воздавали почтеніе. И горе тому кто осмѣливался не воздать должнаго Акиму Акимычу!..

Разъ попробовалъ было пренебречь Акимъ Акимычемъ новопріѣзжій купчикъ изъ верховыхъ, взявшій на аренду гостинницу въ городѣ. Акимъ Акимычъ замѣтилъ это, справился съ 1338 ст. Уложенія и разъ подкаравливъ вечеркомъ, когда половой провезъ въ гостинницу на извощикѣ дешевую красавицу, завернулъ туда и сталъ прохлаждаться пивцомъ. Молодецъ изъ лавки поигрывалъ съ красавицей часу до одиннадцатаго, а потомъ и исчезъ съ ней въ номеръ. Акимъ Акимычъ, съ ловкостью кошки, мгновенно очутился у двери номера, повернулъ ключъ въ замкѣ разъ, два, три, да и въ карманъ его. Потомъ входитъ Акимъ Акимычъ въ зало, зоветъ половыхъ, ведетъ ихъ къ запертой двери и говоритъ таинственнымъ голосомъ:

— Видите вы сію дверь?

— Видимъ, отвѣчаютъ тѣ.

— Она заперта?

И Акимъ Акимычъ застучалъ въ дверь. Изнутри раздались голоса...

— Заперта.

— А слышите голоса?

— Слышимъ.

— Это кто?

— Извѣстно кто! Молодецъ изъ красной лавки съ Анюткой Прянишниковой.

— Это вы чувствуете и хорошо знаете?

— Конечно знаемъ! Что же тутъ такое?..

— Довольно! Теперь позовите сюда хозяина.

Хозяинъ явился изъ буфета.

— Ты меня знаешь, господинъ хозяинъ? спрашиваетъ Акимъ Акимычъ, выпрямившись и пріосанившись.

— Слышалъ, а лично знать чести не имѣю, отвѣчалъ купецъ, да и не находилъ особой нужды.

— А! не находилъ нужды. Посмотримъ!

— Да что же однако тебѣ нужно, любезный? вопрошаетъ купецъ. Что за Содомъ ты поднимаешь въ гостинницѣ?

— А вотъ что мнѣ нужно!..

И Акимъ Акимычъ, вынувъ изъ кармана Уложеніе о наказаніяхъ, читаетъ 1338 статью: содержатели гостинницъ, ресторацій, кофейныхъ домовъ, трактировъ, харчевень, погребовъ, бань и другихъ публичныхъ заведеній за доставленіе завѣдомо способовъ къ непотребству въ ихъ заведеніяхъ, подвергаются денежному взысканію въ первый разъ отъ 10 до 20 руб., во второй разъ вдвое, а въ третій разъ сверхъ денежнаго взысканія, опредѣленнаго за повтореніе преступленія, заведенія ихъ закрываются.

— Понялъ?

— Понялъ, отвѣчаетъ хозяинъ.

— Твой половой Иванъ Цыбулевъ привезъ сюда Анютку Прянишникову на извощикѣ. Я у извощика замѣтилъ номеръ и половой отречься отъ этого не можетъ, потому что его спросятъ объ этомъ за присягою. Молодецъ изъ лавки красной запертъ мною на мѣстѣ дѣйствія, вотъ и ключъ у меня въ карманѣ. Теперь не угодно ли со мною сейчасъ же пожаловать къ полиціймейстеру, а половыхъ этихъ, какъ свидѣтелей я сейчасъ же перепишу на бумагу.

И Акимъ Акимычъ, доставъ изъ кармана полулистъ бумаги, начинаетъ переписывать свидѣтелей.

Хозяинъ наконецъ догадался, что Акимъ Акимычъ собирается напакостить ему...

— Да что же, сударь, къ чему вы меня желаете подвести за это дѣло? спрашиваетъ онъ Акима Акимыча.

— Самъ смотри въ 1338 статью въ первый разъ денежному взысканію въ 20 руб. сер. и проч.

— Это для насъ плевое дѣло-съ!...

Акимъ Акимычъ ѣдко улыбается.

— А молодца-то, что запертъ съ Анюткой, подвергнутъ по 1341 ст. взысканію 10 руб. сер. Ну и Анютку тоже по 1342 ст. подвергнутъ аресту мѣсяца на два, на три...

— За что-же-съ ихъ-то?

И Акимъ Акимычъ развернувъ Уложеніе о наказаніяхъ читаетъ сначала 1341 статью: кто будетъ явнымъ и соблазнительнымъ образомъ посѣщать непотребныхъ женщинъ, тотъ за сіе подвергается денежному взысканію отъ 1 до 10 рублей;—а потомъ 1342 статью; лица женскаго пола за обращеніе непотребства въ ремесло, подвергаются аресту на время отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ.

Хозяинъ соображаетъ, что дѣло можетъ выдти скверное. Подумалъ, подумалъ купецъ, хотѣлъ было выдержать себя и не поддаться приказной строкѣ, да страхъ будущей дѣйствительности мрачной одолѣлъ,...

— Ну такъ и быть, круглый щетъ,—дольше дружба: двадцатипяти рублевую раскусимъ вмѣстѣ и уваженьице на вѣки вѣчныя будетъ въ нашей гостинницѣ Акиму Акимычу...

И купецъ поклонился Акиму Акимычу. Акима Акимыча поклонъ *побѣдилъ*.... Не деньги были ему дороги, дорога была честь.

— Теперь знаешь кто такой Акимъ Акимычъ, вопрошаетъ онъ купца?

— Знаемъ-съ! Большой человѣкъ отвѣчалъ купецъ...

— Ну тото же! Давай деньги и садись со мной за столъ. А вотъ тебѣ и ключъ, выпусти пташекъ-то изъ клѣтки...

И Акимъ Акимычъ пропьянствовалъ въ трактирѣ до зари, пока не спустилъ всѣ 25 руб. сереб. Половой отвезъ наконецъ Акима Акимыча въ его квартиру.

Но Акимъ Акимычъ не всегда поканчивалъ свои дѣла миро-

вой... Въ одной изъ харчевень ему отказали однажды въ даровомъ обѣдѣ.

Харчевню, Акимъ Акимычъ замѣтилъ. На другой день, онъ приходитъ въ нее и садится кушать за деньги. Въ харчевнѣ вертится поминутно на глазахъ дѣвочка лѣтъ подъ 16. Дѣвчонка была довольно смазливая, круглая сирота, и находилась у хозяина своего родственника въ призрѣніи родственномъ... Молодцы изъ лавокъ и купчики въ лисьихъ шубахъ попивали въ харчевнѣ чай и водочку. Акимъ Акимычъ давно зналъ дѣвочку и ея исторію...., но обстоятельство это опускалъ безъ вниманія, теперь же онъ подозвалъ дѣвочку къ себѣ. Та подошла.

— Какъ тебя зовутъ милая? спрашиваетъ онъ раннюю вакханку....

— Тебѣ что за дѣло! отвѣчаетъ та развязно.

Гости навострили уши; половые присыпали въ зало.

— Я хочу съ тобой познакомиться, говоритъ Акимъ Акимычъ.

— Не твоему носу! отвѣчаетъ дерзко юная красавица...

— Почему-же?

— Намъ нужно почище.....

— Я заплачу три цѣлковыхъ.

— Я меньше пяти не беру.

Любопытство присутствовавшихъ въ залѣ увеличивается.

— Я дамъ и пять.

— Ну это другое дѣло! отвѣчаетъ трактирная пташка.

— А давно ты пошла по этой дорогѣ, спрашиваетъ Акимъ Акимычъ?

— Тебѣ на что?

— Я такъ любопытствую.

— Много будешь знать совсѣмъ состаришься!..

— Я мѣсяцевъ семь назадъ видѣлъ, какъ она гуляла съ наемщикомъ, отозвался одинъ изъ присутствовавшихъ въ залѣ купцовъ.

— Не твое дѣло борода! отвѣчаетъ дерзко юница. Тебя не спросилась...

— Кого же ты спросилась? вогражаетъ Акимъ Акимычъ.

— У меня есть свои... родственники.

— Это не хозяинъ-то ли харчевни?

— Хоть бы и онъ.

— Такъ ты его спрашивалась на эти дѣла?

— Конечно не безъ него.

Акимъ Акимычъ беретъ раннюю пташечку трактирную за платье, подводитъ къ столу, вынимаетъ листъ бумаги и начинаетъ записывать ея имя и фамилію, лѣта отъ рожденія, имя и фамилію хозяина харчевни и всѣхъ гостей и половыхъ, бывшихъ свидѣтелями его разговора съ красавицей. Потомъ береть юницу на извощика и везетъ прямо въ домъ Губернатора, предваривъ всѣхъ переписанныхъ имъ свидѣтелей подтвердить все слышанное ими при слѣдствіи за присягою. Хозяинъ харчевни, сунулся было къ Акиму Акимовичу съ 25 руб. сереб., потомъ и съ сѣрой столбовушкой,— ничто не помогло! Акимъ Акимычъ рѣшился показать себя на славу и не пошелъ ни на какія деньги...

Дѣло это положимъ было обыкновенное, вседневное такъ сказать, потому что кто же изъ насъ и гдѣ же не видѣлъ юныхъ, торгующихъ своею именно юностію?...— но Акимъ Акимычъ сумѣлъ дѣлу дать законный и форменный оборотъ. Представивъ юницу Губернатору, онъ въ тоже время подалъ ему и *формальный донос*ъ бумажный отъ своего лица и за своимъ подписомъ, съ обозначеніемъ всѣхъ свидѣтелей, которыхъ просилъ допросить по закону... Въ тоже время Акимъ Акимычъ бумажно же просилъ Губернатора отдать юницу подъ особый надзоръ во время слѣдствія, чтобы на нее хозяинъ харчевни не могъ имѣть вліянія и не подговорилъ ее къ отпирательству и ложнымъ показаніямъ. При такомъ оборотѣ дѣла Губернатору, который хорошо зналъ кляузничество Переплюйкина и давно радъ былъ гонять его въ шею, ничего не оставалось дѣлать, какъ поступить по закону. и слѣдовательно нарядить формальное слѣдствіе. Кончилось оно тѣмъ, что харчевникъ, по силѣ 1340 ст. Уложенія о наказаніяхъ, былъ заключенъ по суду въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ за родственную склонность малолѣтнихъ къ непотребству.... и лишенъ права на всегда имѣть надзоръ за малолѣтними и несовѣршеннолѣтними, а равно и содержать трактирныя заведенія въ городѣ.

Акимъ Акимычъ торжествовалъ, и проходя мимо запечатанной харчевни онъ всегда произносилъ:

— Да-съ! Акимъ Акимычъ Переплюйкинъ умѣетъ запирать двери, которыя не растворяются передъ нимъ съ почтеніемъ!?..

Идетъ ли Акимъ Акимычъ по рынку и захочетъ покупать даромъ. Онъ подходитъ къ калашнику и, показывая изъ кармана Уложеніе о наказаніяхъ, вопрошаетъ:

— Ты книгу эту знаешь?

Калашникъ отвѣчаетъ только:

— Сколько фунтовъ угодно вашей милости!

— Два.

И калашникъ вѣситъ два фунта Акиму Акимычу, иногда присовокупляя:

— Сегодня у меня нѣтъ недопеченаго хлѣба...

— Все равно завтра будетъ! отвѣчаетъ хладнокровно Акимъ Акимычъ.

И калашникъ урезонивается...

Въ калашномъ ряду Акимъ Акимычъ получилъ особый вѣсъ и значеніе съ того особенно времени, когда у одного рыжебородаго калашника, назвавшаго, въ хмѣльномъ видѣ, Акима Акимыча „выжигою“, законфисковалъ, по 1095 ст. Уложенія о наказаніяхъ, недопеченный его хлѣбъ и отправилъ его въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, взыскавъ кромѣ того чрезъ полицію въ казну цѣну всего, какъ проданнаго, такъ и найденнаго у него при изобличеніи въ продажѣ такого хлѣба. При опредѣленіи цѣны проданнаго хлѣба особенно поплатился рыжебородый калашникъ! Цѣна неизвѣстнаго проданнаго опредѣлена была въ 50 руб. сер. Въ этотъ же день Акимъ Акимычъ закрѣпилъ свою силу и въ говяжьемъ ряду, подведши одного мясника подъ штрафъ по силѣ 1096 ст. Уложенія въ 25 руб. сер. за продажу попортившагося мяса... Даже въ обжорномъ ряду Акимъ Акимычъ однажды хотѣлъ подтянуть рябую торговку печеными яйцами по силѣ 1103 ст. Улож. къ штрафу въ 2 руб, сер. за то, что она продала ему протухлое яйцо и простилъ ей потому только, что она валялась въ ногахъ Акима Акимыча и дала обѣщаніе съ клятвою, что впредь и роду и племени своему закажетъ,—на носу зарубить,—почитать и уважать Акима Акимыча всѣми мѣрами...

Полиція на Акима Акимыча за подобныя его дѣянія нисколько

не претендовала, напротивъ бывала ему постоянно очень обязана. Онъ былъ для нея сыщикомъ доходовъ, ищей собакой... Самъ Акимъ Акимычъ отъ своего знанія законовъ не пользовался послѣ отставки ничѣмъ, кромѣ дароваго всюду пойла и ѣды, полиція же пожинала плоды сего знанія Акима Акимыча съ достоинствомъ и солидностію.

Понадобилось однажды частному приставу сукна на новую мундирную пару къ Пасхѣ. Приставъ шлетъ за Акимъ Акимычемъ и вопрошаетъ:

— У кого Акимъ Акимычъ въ гостинномъ дворѣ аршинъ короче всѣхъ?

— У Толстобрюхова въ лавкѣ, отвѣчаетъ Акимъ Акимычъ.

Акимъ Акимычъ зналъ всю подноготную въ городѣ также коротко, какъ Уложеніе о наказаніяхъ...

— Нельзя ли съ него суконца къ Пасхѣ на новую пару получить, но такъ, чтобы на меня тутъ и подозрѣнія никакого не пало? Губернаторъ знаете сами какой у насъ...

— Можно, отвѣчаетъ Акимъ Акимычъ. Отъ чего не получить, пойдемте. И Акимъ Акимычъ идетъ впередъ по гостинному двору въ лавку купца Толстобрюхова, а частный приставъ слѣдуетъ за нимъ издалека, такъ непримѣтно совсѣмъ... Акимъ Акимычъ, входитъ въ лавку купца Толстобрюхова.

— Сукно французское, первый сортъ есть? спрашиваетъ онъ.

— Есть! отвѣчаютъ ему.

— Всю штуку мнѣ подайте, деньги я опослѣ когда нибудь заплачу.

Толстобрюховъ въ отчаяніи и не даетъ цѣлой штуки. Акимъ Акимычъ сейчасъ же подъ прилавокъ да и цапъ царапъ укороченный аршинъ, вынимающійся обыкновенно когда нужно или шелковую матерію въ большомъ количествѣ мѣрять, или простофилямъ продавать товаръ...

— А это что, любезный?

— Аршинъ.

— А въ немъ сколько вершковъ не достаетъ? А-сь?

Толстобрюховъ инется. Акимъ Акимычъ вынимаетъ Уложеніе о наказаніяхъ изъ кармана и читаетъ статью 2257, кто при про-

дажѣ, куплѣ или мѣнѣ, какихъ либо жизненныхъ припасовъ, товаровъ или иныхъ вещей, умышленно обвѣситъ, обмѣритъ, выдастъ одну вещь вмѣсто другой, или же инымъ какимъ бы то ни было образомъ обманетъ въ количествѣ или въ качествѣ товара или въ расчетѣ слѣдующаго за оный платежа, тотъ за сіе подвергается наказаніямъ опредѣленнымъ въ ст. 2238 -- за воровство-кражу и на томъ же основаніи и въ той же постепенности и соразмѣрности съ цѣною похищеннаго, а въ статьѣ 2138 говорится слѣдующее; за кражу предмета, коего цѣна не превышаетъ тридцати рублей, виновный подвергается въ первый разъ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ.

— Понялъ?

— Понялъ! отвѣчаетъ Толстобрюховъ, котораго начинало уже подергивать.

— Читать умѣешь вѣдь?

— Умѣю.

— Такъ разсмотри хорошенько своими глазами.

— Но вѣдь Акимъ Акимычъ какъ же за такое плевое дѣло, въ которомъ весь гостиный дворъ грѣшенъ, вы цѣлую штуку сукна просите? Она вѣдь стоитъ 300 руб. сер.

— Дѣло оно плевое, отвѣчаетъ Акимъ Акимычъ, правда, да и книга-то вотъ эта стоитъ только 1 руб. 30 к. сер., но ты пойми въ чемъ тутъ сила-то? Книга, сукно, аршинъ безъ вершка или еще что тутъ сила?

— Конечно сила-то вы, Акимъ Акимычъ!..

— Вотъ она гдѣ сила-то! отвѣчаетъ Акимъ Акимычъ и указываетъ при этомъ на свой лобъ... Понялъ?

— Теперь понялъ...

— Ну такъ и подавай штуку, а не то!.. Вотъ и господинъ частный приставъ кстати тутъ.

Частный приставъ входитъ въ это время въ лавку. Акимъ Акимычъ обратился къ нему и говоритъ:

— Не хотите ли Петръ Карповичъ аршинъ десять суконца на пару платья къ Пасхѣ? Я вотъ сторговалъ сукна и заплачу за

васъ. За мной, кажется, есть малая толика должишка, такъ тамъ сочтемся...

Приставъ соглашается и Акимъ Акимычъ приказываетъ:

— Отрѣжь-ка любезный изъ сторгованаго мною суконца 10 аршинъ.

Купчина отмѣриваетъ дрожащими руками. Акимъ Акимычъ свертываетъ, отрѣзываетъ и отдаетъ приставу. Приставъ уходитъ, а Акимъ Акимычъ говоритъ:

— Понялъ теперь брюхо, въ чемъ дѣло?

— Немного смѣкаю, Акимъ Акимычъ! Невдомекъ сначала было. Извините, что вздумалъ было прекословить вашей милости...

— Ну за это и дѣло все бросаю! Возьми сукно, мнѣ больше не нужно его. А ты думалъ, что мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ, нужна твоя цѣлая-то штука сукна?

— Въ сумленіе ввели Акимъ Акимычъ, каюсь!

И Акимъ Акимычъ удаляется изъ лавки купца Толстобрюхова. Идетъ ли онъ, бывало по берегу рѣки, всѣ рыболовы ему поклонъ въ поясъ, ибо твердо помнятъ, какъ, года два тому назадъ, онъ упекъ одного изъ нихъ по 1094 ст. Уложенія на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму за бросаніе клевана въ воду, а одну мѣщанку, неотдавшую чести Акиму Акимычу, за моченіе коноплей въ рѣкѣ притянулъ по суду къ штрафу въ 20 руб. сер. по силѣ той же 1094 ст. Уложенія. Такимъ образомъ, Акимъ Акимычъ захочетъ напр. съ похмѣлья рыбки покушать, тотчасъ идетъ на воду и беретъ у рыбака рыбу, которая на него взглянетъ. Рыбакъ скажетъ:

— Сегодня не кидаю клевану на воду, Акимъ Акимычъ.

— Все равно, завтра будешь кидать! отвѣтитъ Акимъ Акимычъ.

И рыболовъ умолкаетъ.

Играютъ ли взрослые мѣщане или мальчишки въ орлянку въ какомъ нибудь захолустьѣ или оврагѣ, Акимъ Акимычъ справившись со статьями Уложенія отбираетъ у играющихъ деньги, бывшія на ставкѣ, или раздастъ ихъ нищимъ на папертяхъ церковныхъ или же прямо кладетъ себѣ въ карманъ.

Одинъ купчикъ, сидя въ праздникъ у воротъ своего дома и щелкая орѣшки, натравлялъ свою собаченку кидаться на прохо-

жихъ.Занятіе, какъ извѣстно, очень употребительное не только въ провинціяхъ, но даже и въ столицахъ!..

Акимъ Акимычъ, замѣтивъ такое время-препровожденіе, подбѣгаетъ вдругъ къ травимой собаченкою бабѣ, останавливаетъ ее и другихъ проходящихъ вблизи, записываетъ имена, какъ бабы, такъ и свидѣтелей и купчика балагура, и читаетъ имъ всѣмъ 1308 ст. Уложенія: за умышленное травленіе человѣка собакою, виновный приговаривается къ денежному взысканію отъ 5 до 25 руб. сер. и къ надлежащему во всякомъ случаѣ вознагражденію того, кому собакою будетъ причиненъ вредъ.

— Поняли?

— Поняли, отвѣчали присутствующіе.

Акимъ Акимычъ перевертываетъ листы Уложенія о наказаніяхъ, находитъ стат. 270 и читаетъ: за лживую присягу, данную съ обдуманнымъ намѣреніемъ, или умысломъ, виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

— И это поняли?

— Поняли.

— Ну теперь идите съ Богомъ и когда васъ спросятъ подъ присягою о травлѣ собакою людей симъ человѣкомъ, то покажите видѣнное безъ утайки, иначе сошлютъ въ Сибирь...

Задержанные Акимъ Акимычемъ люди расходятся, а онъ пишетъ форменный доносъ полиціймейстеру о случившемся, съ поименованіемъ въ немъ свидѣтелей происшествія и съ требованіемъ поступить съ купчикомъ по всей строгости 1308 статьи Уложенія. По доносу неминуемо наряжено было слѣдствіе и судъ, по коему купчикъ и подвергнутъ былъ наказанію въ 25 р. сереб. Разумѣется недороги были тутъ деньги, а дорого купеческое безчестіе...

— Но Акимъ Акимычъ какъ страшенъ былъ городу, такъ и надеженъ въ бѣдахъ. Выручитъ хоть изъ какой напасти, — будь эта выручка нравственное пакостничанье предъ лицемъ правды и закона, или доброе дѣло. Акимъ Акимычъ вертѣлъ закономъ какъ саблею, которою рубилъ и налѣво, и направо, и праваго, и виноватаго, кого ему только нужно было... И правду вывезетъ наружу закономъ, и правду въ грязь затопчетъ, тѣмъ же закономъ!..

Становой Устрашимовъ катался однажды тройкой на масляной

недѣлѣ, по своему селу, гдѣ имѣлъ резиденцію. Мужикъ на клячѣ попавшись на встрѣчу въ упоръ несущейся тройкѣ, увѣшанной бубенчиками и лентами, не успѣлъ свернуть съ дороги и кляча совсемъ и съ мужикомъ въѣхала въ тройку. Устрашимовъ выскочилъ изъ саней и сталъ бить мужика. Мужикъ возражаетъ, что онъ тутъ невиноватъ, что его кляча не могла своротить съ дороги, ибо едва ноги таскаетъ, и что его благородіе за это бить его не смѣетъ.

— А! такъ я не смѣю мужика тронуть, кричитъ Устрашимовъ такъ, что земля дрожитъ...

— Безъ вины никому не приходится обижать человѣка, возражаетъ мужикъ.

Мужикъ былъ тертый калачъ, торговецъ оказался, ѣзжалъ часто въ губернскій городъ,—значитъ людей все-таки видѣлъ...

— Я тебѣ покажу, кто я! кричитъ Устрашимовъ.

Мужика взяли на съѣзжую и Устрашимовъ приказалъ дать ему сто розогъ, а для того, чтобы не оставить большихъ слѣдовъ отъ должнаго внушенія на спинѣ мужика, велѣлъ сѣчь его чрезъ мокрый холстъ. Мужика едва подняли. Однако мужикъ не будь дуракъ, да въ городъ на другой же день, да къ Акиму Акимычу: такъ и такъ дескать заступись благодѣтель, скала гранитная, щитъ желѣзный!...

— Свидѣтели есть? спрашиваетъ мрачно Акимъ Акимычъ.

— Какже! Два мужика, которые сѣкли, староста, два десятскихъ и одинъ разсыльный, которые находились при этомъ дѣлѣ.

— Они покажутъ за тебя подъ присягою?

— Покажутъ. Еще бы? Всѣ не знаютъ, какъ избавиться отъ него...

— Ладно!

— Я благодарностію Акима Акимыча ужъ не обижу... Мучицы, масла, аль чего другого, што хошь?..

— Ничего не надо! отвѣчаетм Акимъ Акимычъ въ порывѣ негодованія на Устрашимова, и строчитъ тотъ часъ же прошеніе къ губернатору, въ коемъ, перечисляя свидѣтелей жестокости Устрашимова, требуетъ освидѣтельствовать наказаннаго и поступить съ Устрашимовымъ по всей строгости 387-й ст. Уложенія, какъ съ виновнымъ въ превышеніи власти и дозволившимъ себѣ истязанія и же-

стокости надъ невиновнымъ человѣкомъ. Жалоба была формальная, по которой нужно было нарядить и формальное слѣдствіе. Мужика свидѣтельствуетъ докторъ и за тѣмъ посылается чиновникъ особыхъ порученій на слѣдствіе, спрашиваетъ за присягою свидѣтелей истязанія и жестокости Устрашимова, разслѣдуетъ дѣло и къ концу концевъ получается результатъ въ пользу обиженнаго. Устрашимовъ былъ по суду отрѣшенъ отъ должности и выдержанъ по 387 ст. Уложенія въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ. Дѣло мужичка выгорѣло значитъ и Акимъ Акимычъ торжествовалъ!..

Былъ и еще случай почище этого.

Въ уѣздный городъ той губерніи, гдѣ жилъ Акимъ Акимычъ пріѣхалъ однажды купчикъ по торговымъ дѣламъ и подрался на пирушкѣ съ письмоводителемъ исправника. Исправникъ разумѣется купчика за воротъ: кто ты дескать такой-сякой и какъ смѣлъ побить моего письмоводителя?

— Обоюдная-съ драка была, отвѣчаетъ купчикъ!

— Съ чиновникомъ-то полиціи? Да ты за кого братъ полицію-то считаешь?

— Въ ефтомъ дѣлѣ, какъ драка обоюдная, всѣ люди равны-съ.

— Ого! Да ты вотъ какой.

— Какъ есть, купецъ-съ! Въ обиду тоже даромъ не даемся...

— Что?

— Знаемъ-съ свои права коротко-съ...

— Гмъ! А паспортъ есть?

— Никакого нѣтъ-съ.

— Да кто же ты такой послѣ этого! какой-нибудь бродяга?.,

— Зачѣмъ же-съ бродяга? купецъ 3-й гильдіи, какъ есть...

— Изъ какой губерніи?

— Изъ такой-то.

— И ты въ другой губерніи шатаешься безъ всякаго вида?

— По торговлѣ это часто бываетъ. За всякій разъ не наберешься паспортовъ.

— Намъ этого-то и надо! А нуте-ка въ острогъ его.

— Не могите.

— Что?

— Не могите-съ. Я имѣю при себѣ торговое свидѣтельство по 3-й гильдіи, выданное изъ Т..... думы.

— Это не паспортъ! Подъ арестъ его...

Купчика взяли подъ арестъ и земская полиція препроводила его въ уѣздный судъ, который, разумѣется по настоянію исправника,— признавъ купчика на основ. 582 ст. XIV том. Уст. о паспортахъ и бѣгл. изд. 1857 г. бродягою, по журналу своему, заключилъ: засадить бродягу въ острогъ, впредь до полученія объ немъ изъ Т..... городничискаго правленія и думы справокъ, тѣмъ болѣе, что онъ обвиняется кромѣ того въ нанесеніи обидъ чиновнику полиціи и по закону уѣздный судъ долженъ принять необходимыя мѣры для пресѣченія ему средствъ къ уклоненію отъ суда.

Купчикъ подалъ чрезъ стряпчаго прошеніе къ губернатору, который приказалъ немедленно же освободить его изъ острога. Дѣло тѣмъ бы и кончилось пожалуй,—мало ли подобныхъ случаевъ бываетъ, — но купчикъ былъ съ гоноромъ человѣкъ и вломился въ обиду. Не медля ни мало онъ ѣдетъ въ губернскій городъ, да къ Акиму Акимычу:

— Обидно? вопрошаетъ Акимъ Акимычъ.

— Оченно обидно-съ! Потому судите сами; за чтоже мы въ гильдію платимъ? Что-же значитъ послѣ этого, купеческое-то званіе? На него значитъ и плевать тогда не стоитъ?..

— Правда, отвѣчаетъ Акимъ Акимычъ. Ладно обдѣлаемъ! Покажемъ себя...

— Значитъ уважишь, одно слово?

— Ихъ всѣхъ засадимъ въ тюрьму!..

— Что ты?

— Весь уѣздный судъ въ тюрьму!...

И Акимъ Акимычъ, справившись съ законами, грохаетъ прошеніе за прошеніемъ: одно къ губернатору, другое къ министру внутреннихъ дѣлъ и третье къ шефу жандармовъ въ Петербургѣ, въ коихъ разражается со всей силой своего краснорѣчія.

Далѣе, да болѣе: дѣло розыгралось не на шутку, доходило до высшихъ мѣстъ и кончилось годичнымъ заключеніемъ членовъ суда въ смирительномъ дому по 2103 ст. уложенія.

Акимъ Акимычъ опять торжествовалъ, а купчикъ силу и славу

Акима Акимыча разносилъ по всѣмъ городамъ и весямъ обширной Россіи, гдѣ только и толкался по своимъ торговымъ дѣламъ... Значитъ Акимъ Акимычъ — сила!...

Вскорѣ послѣ этого происшествія, наведшаго страхъ на всѣ даже суды, Акиму Акимычу удалось показать себя и на другихъ пунктахъ. Квартальный, другъ пріятель его, избилъ однажды въ кровь, при отправленіи своихъ обязанностей, купца второй гильдіи въ присутствіи Акима Акимыча. Свидѣтелей больше не было. Купецъ подалъ жалобу губернатору. Нарядили слѣдствіе. Акимъ Акимычъ вывезъ на своихъ плечахъ квартальнаго цѣлехонькаго и невредимаго, принявъ даже свидѣтельскую *присягу* въ томъ, что квартальный надзиратель и пальцемъ не коснулся купца...

Акимъ Акимычъ опять значитъ сила!

— Какъ же это Акимъ Акимычъ вы купца-то въ обиду дали? спрашивали Акима Акимыча. У него вѣдь даже и теперь еще носъ на бокъ свороченъ...

— Пьянъ знать былъ, ну гдѣ нибудь и расквасилъ его! отвѣчалъ Акимъ Акимычъ.

Одинъ купецъ по наущенію Акима Акимыча продалъ однажды за дешевую цѣну товаръ свой, во второй разъ, другому купцу. Дѣло было въ трактирѣ и въ присутствіи Акима Акимыча. Акимъ Акимычъ приглашался ко всякимъ сдѣлкамъ какъ юристъ. Продавецъ получилъ сей-часъ и задатокъ 3000 руб. сер. Затѣмъ попили, поѣли и разошлись. На другой день покупщикъ идетъ за товаромъ. Продавецъ отвѣчаетъ, что онъ хотя и былъ вчера въ трактирѣ купно и съ Акимъ Акимычемъ, пилъ и кушалъ яства разныя, но о продажѣ товара и слова не было и что товаръ имъ проданъ совсѣмъ другому купцу. Акимъ Акимычъ не задумался, какъ свидѣтель, *подъ присягой* подтвердить слова продавца...

Дѣло значитъ покупщика лопнуло...

Купецъ обиженный 3000 руб. сер. и впослѣдствіи долго укорялъ Акима Акимыча.

— Какъ это дескать вы Акимъ Акимычъ въ такое раззореніе меня ввели? Вѣдь вы чуть не по міру цѣлое семейство мое пустили. Обидно-съ!...

— Гмъ! Пріятелю не могъ измѣнить, отвѣчалъ Акимъ Акимычъ. Я человѣкъ такой, что пріятеля никому не выдамъ. У!...

— Чѣмъ же я-то вамъ не угодилъ, что вы ко мнѣ не имѣете сожалѣнья?

Акимъ Акимычъ *взламывается* надъ купцомъ и берется поправить его дѣло...

Какъ же вы сдѣлаете это Акимъ Акимычъ? вопрошаетъ просіявшій купецъ. Вѣчно Бога будемъ молить за васъ...

— Тебѣ банкротомъ надо сдѣлаться.

— Что вы Акимъ Акимычъ? Вѣдь ефто дѣло-то со страхомъ надо дѣлать, а то какъ разъ въ Сибирь улетишь. Мы непривычны на ефдакіе дѣла-то.

— Я берусь,—значитъ и не разсуждай!...

— И Акимъ Акимычъ ловко сдѣлалъ обиженнаго нѣкогда купца банкротомъ, переводя его имѣніе безденежно въ разныя руки и пустивъ такимъ образомъ по міру нѣсколько семей кредиторскихъ...

Словомъ: Акимъ Акимычъ такую взялъ силу въ городѣ, что его наконецъ сочли необходимымъ упечь и какъ мы видѣли и упекли, даже высѣкли... Акимъ Акимычъ самъ считалъ удары розогъ на своей спинѣ и когда всталъ, то справился съ закономъ: правильно ли судьи дали ему 60 розогъ? Оказалось, что правильно!... Справлялся съ закономъ Акимъ Акимычъ и о томъ: не избавленъ ли онъ какъ нибудь отъ тѣлеснаго наказанія? Оказалось, что не избавленъ!... Дѣлать нечего: Акимъ Акимычъ сталъ жить въ К.... ротахъ и спина ужъ было стала заживать, но Шмелевъ подлецъ подвелъ его еще разъ въ жизни къ 40 розгамъ...

IX.

Дубликаты.

Послѣднія въ числѣ прошеній арестантовъ были большею частію уже дубликаты, т. е. жалобы, сочиненныя на скорую руку Переплюйкинымъ и расписанныя переписчикомъ на восемь, на десять раз-

ныхъ листовъ, съ приложеніемъ къ оными рубъ арестантовъ. Такія жалобы родились на свѣтъ Божій вслѣдствіе безграмотности просителей, которые лишены были возможности *литераторствовать* самолично и рады уже были тому, что благодѣтель Переплюйкинъ благоволилъ напр. для восьми или десяти изъ нихъ написать одинъ листъ бумаги. Время было дорого, таланты литературные въ К. ротахъ сдѣлались еще дороже, тѣмъ болѣе, что каждый занятъ былъ своею судьбою, и слѣдовательно неграмотнымъ было не до выбора. Впрочемъ, Переплюйкинъ, какъ давнишній коваль по этой части, былъ находчивъ и въ скороспѣлыхъ своихъ произведеніяхъ, которыя сочинялъ такъ, что правдоподобность сочиненнаго привела въ восторгъ арестантовъ-просителей и должна была броситься въ глаза лицамъ высшаго судебнаго мѣста. Мы приведемъ здѣсь два образчика такихъ дубликатовъ. Вотъ напр. восемь дубликатовъ, слово въ слово списанныхъ съ одного, сочиненнаго Переплюйкинымъ, оригинала слѣдующаго содержанія.

„Я нижеподписавшійся, бывшій помѣщичій крестьянинъ, жилъ на землѣ въ крайней бѣдности и не видалъ никогда счастливыхъ дней. Но это бы еще ничего, потому что не всѣмъ же суждено Богомъ быть богатыми и счастливыми на землѣ, но переносить невыразимыя притѣсненія и мученія управителя поляка Казиміра Лысяцкаго было обидно русскому человѣку. Этотъ полякъ, по адской злобѣ своей къ русскимъ, терзалъ и мучилъ ввѣренныхъ ему русскихъ крестьянъ день и ночь безвинно и безъ всякаго сожалѣнія. Желая собрать какъ можно больше денегъ для мятежа польскаго, онъ грабилъ ввѣренныхъ ему русскихъ крестьянъ такъ, что не оставилъ на нихъ лишней рубашки, бралъ за всякую бездѣлицу штрафъ въ 25 и 50 рублей сер. а у кого не было такихъ денегъ, сгонялъ съ двора скотъ и продавалъ, у кого же не было и скота, продавалъ его избу и дворъ. Помѣщикъ же нашъ, живя всегда за границей, по безпечности своей, ни во что не вступался, да и никакихъ жалобъ крестьянъ, за отдаленностію его жительства, не могло дойдти до него. Сѣкъ полякъ Лысяцкій крестьянъ неимовѣрно чилигою и колючимъ терновникомъ и такъ жестоко, что многіе умирали на мѣстѣ, а которые не умирали, тѣ хворали потомъ по цѣлому году. Жаловаться на жестокаго поляка управителя было не-

кому. Исправникъ былъ самъ полякъ, становой тоже полякъ, а къ губернатору прошенія не доходили. Въ такомъ несчастномъ положеніи крестьяне нашего села рѣшились написать жалобу самому царю, къ которой я и приложилъ руку въ числѣ другихъ. Прошеніе это мы послали чрезъ почту, но почтмейстеръ, бывшій въ большой дружбѣ съ управителемъ, перехватилъ оное и представилъ Лысяцкому, который передалъ его исправнику, а сей, пріѣхавъ въ наше село, собралъ всѣхъ приложившихъ руку къ прошенію на сходъ и хотѣлъ пересѣчь не на животъ, а на смерть. Мы недались исправнику и разбѣжались. Исправникъ переловилъ насъ чрезъ солдатъ, донесъ губернатору, что мы бунтуемъ и засадилъ насъ всѣхъ въ острогъ, откуда и сослали насъ безвинно въ К. арестантскія роты на продолжительные сроки. Наслышавшись, что старый судъ признанъ негоднымъ и несправедливымъ, а арестантскія роты всѣ очищаются отъ арестантовъ, неправильно сотланныхъ въ оныя, для преобразованія сихъ ротъ по иному способу, я осмѣливаюсь повергнуться къ стопамъ высшихъ судей съ просьбою освободить меня изъ ротъ, какъ неправильно осужденнаго, за что я вѣчно буду молить Бога за праведныхъ моихъ судей. А чтобы скорѣе получить мнѣ удовлетвореніе въ своей просьбѣ и не продлить на долго мое безвинное сидѣніе въ арестантскихъ ротахъ, я прошу не волочить мое дѣло справками съ палатою и прочими судами, потому что какъ всѣ они неправильно дѣйствовали, то отъ нихъ ничего новаго и нельзя будетъ узнать, а только тѣмъ дѣло оттянется и мое безвинное сидѣніе продлится на долго къ невыразимымъ моимъ мученіямъ. Сіе прошеніе сочинялъ со словъ просителя арестантъ Акимъ Переплюйкинъ, а на бѣло переписывалъ и за неграмотностію просителя арестанта Кравцова, по его личной просьбѣ, руку приложилъ арестантъ Семенъ Горшковъ. 186* года. Къ поданію надлежитъ и пр.“

Съ этого прошенія Семенъ Горшковъ списалъ, буква въ букву, семь другихъ прошеній, которыя отличались одно отъ другаго только тѣмъ, что первое прошеніе зарукоприкладствовано было арестантомъ Бабкинымъ, второе Духановымъ, третье Бурденкомъ, четвертое Евтуховымъ, пятое Липатовымъ, шестое Супруновымъ и седьмое самимъ Горшковымъ.

Хотя ложь въ этихъ дубликатахъ болѣе или менѣе свѣтилась сквозь благовидную оболочку, тѣмъ болѣе, что высказано было у всѣхъ вообще желаніе не вытребовать подлинныхъ дѣлъ для повѣрки написаннаго въ прошеніяхъ, но законъ, какъ извѣстно, обойти нельзя и не заглянувши въ подлинное дѣло невозможно имѣть никакого сужденія по прошенію арестантскому. Разсчеты подмахнувшихъ дубликаты оказались такимъ образомъ неосновательными!.. Что же оказалось по разсмотрѣніи подлинныхъ дѣлъ господъ, подписавшихъ восемь удбликатовъ? Ни въ одномъ изъ нихъ не было и тѣни похожаго на написанное въ прошеніяхъ! Оказалось напротивъ, что арестантъ Бабкинъ судится за кражу у хозяина своего, купца Хотова, въ ночное время разныхъ вещей, бывшихъ запертыми, и вралъ потомъ немилосердо на допросахъ,—что будто пришли какіе-то три человѣка съ пистолетами въ рукахъ, съ вымазанными сажею лицами и сказали ему: если ты пошевельнешься съ мѣста или подашь голосъ, то черепъ твой разлетится на мелкія части! Онъ, Бабкинъ, испугавшись этого и стоялъ будто какъ окаменѣлый, не двигаясь съ мѣста дотолѣ, пока воры не вытащили всѣхъ вещей изъ сундуковъ его хозяина и проч. Когда же учинили обыскъ, по подозрѣнію, у любовницы Бабкина солдатки Сашиной, то всѣ украденныя у купца Хотова вещи оказались у нея въ сундукахъ и цѣлехоньки... Духановъ судился за кражу ночью лошади у сосѣда своего съ проломомъ забора и вралъ при слѣдствіи не хуже Бабкина, — что будто меринъ сосѣда самъ проломалъ заборъ для того, чтобы придти на его дворъ къ его гнѣдой кобылѣ, съ которой былъ давно знакомъ... Бурденковъ судился за воровство хлѣба, ночью и со взломомъ, изъ общественнаго магазина и вралъ пока его не уличили, такъ что онъ долженъ былъ прикусить языкъ. Забравшись послѣ сумерекъ въ амбаръ съ мѣшками, онъ преспокойно сталъ насыпать пшеницу. Случилось однако такъ, что мужикъ Игнатъ Савельевъ шелъ съ поздней работы на гумнѣ своемъ, мимо того же амбара и услыхавъ въ немъ возню толкнулъ въ дверь, чтобы попробовать, заперта она, или нѣтъ? Дверь тотчасъ же отворилась и передъ Савельевымъ очутился Бурденковъ на мѣстѣ преступленія и въ воровской позѣ. Савельевъ однако скоро нашелся и, не думая долго, взялъ да и приперъ дверь

амбара, наложивъ отломанный замокъ въ пробои наружной двери, а самъ отправился въ село и объявилъ о случившемся старостѣ, который, явясь съ понятыми, взялъ запертаго Бурденкова изъ амбара. Стали спрашивать молодца и Бурденковъ пустился такимъ образомъ врать, — что идя мимо амбара, онъ увидѣлъ Савельева ворующимъ пшеницу и когда сталъ ему говорить, что ты тутъ дѣлаешь, то Савельевъ, выскочивъ изъ амбара захлопнулъ вдругъ дверь и наложивъ замокъ на пробой сказалъ: вотъ что! Онъ, Бурденковъ, такимъ образомъ, остался въ амбарѣ, а Савельевъ пошелъ на него же жаловаться. И вралъ такимъ образомъ Бурденковъ долго пока не обратились къ мѣшкамъ, въ которые была насыпана пшеница и не доказали Бурденкову, что мѣшки эти была собственность его... Челобитчикъ Евтуховъ затискался однажды ночью въ чуланъ къ солдаткамъ и стянулъ у нихъ изъ коробовъ, со взломомъ замковъ, до двадцати холстовъ, съ которыми и попался скоро при продажѣ ихъ на ярмаркѣ... Арестантъ Липатовъ отрѣзалъ у мужика въ кабакѣ съ шеи кожанную сумку съ деньгами и замучилъ слѣдователя многовранливыми показаніями, въ родѣ того, наприм., что сумку нельзя отрѣзать съ шеи, не повредивши самой шеи, что онъ сумку эту поднялъ на полу и она, вѣроятно, сама упала отъ перетершагося ремня; что не отдалъ оной сумки хозяину ея тотчасъ потому, что хотѣлъ постращать его и пошутить надъ нимъ и пр., пока 8 человѣкъ не присягнули въ томъ, что своими собственными глазами видѣли, какъ Липатовъ отрѣзалъ сумку съ шеи мужика... Арестантъ Супруновъ въ пьяномъ видѣ избилъ однажды свою мать такъ, что та при всей материнской снисходительности къ сыну, обратилась на него съ жалобою по начальству. Горшковъ же бывшій за писаря въ расправѣ сочинялъ и подписывалъ подъ руку старшины разные паспорты, которые и выдавалъ нуждавшимся людямъ по рублю сер. за штуку, спасая ихъ тѣмъ и отъ податей и отъ рекрутчины...

Другая серія дубликатовъ была, между прочимъ, списана съ слѣдующаго оригинала, сочиненнаго Переплюйкинымъ же.

„Я нижеподписавшійся крестьянинъ, такой-то, жилъ въ своемъ селеніи мирно и хотя богатъ очень не былъ, но нужды не зналъ, за что и слылъ въ міру зажиточнымъ человѣкомъ. Вдругъ, послалъ

Господь на наше селеніе такую напасть. Арестантъ Родіонъ Пузатовъ, отъявленный на всю губернію мошенникъ, началъ объѣзжать села и деревни съ становымъ приставомъ и оговаривать крестьянъ въ соучастіи съ нимъ при дѣланіи фальшивой монеты, которую онъ дѣйствительно чеканилъ въ лѣсу Петровскомъ, гдѣ имѣлъ землянку съ подвалами и множество чеканныхъ станковъ. Работы эти производили у него бѣглые молоканы, а отчеканенныя деньги сбывалъ самъ Пузатовъ на ярмаркахъ. Становому захотѣлось нажить тысячи при этомъ дѣлѣ, онъ и поѣхалъ по богатымъ мужикамъ съ Пузатовымъ, который прослыхавъ про человѣка, который по богаче въѣзжалъ къ нему съ становымъ на дворъ и вдругъ оговаривалъ его ни за что, ни про что, а чтобы мужикъ не вывернулся, подбрасывалъ ему тайно фальшивыхъ монетъ подъ лавку, или въ подполье. Становой сейчасъ же бралъ съ мужика 1000 или 500 р., а то, говорилъ, „въ острогъ засажу, сгніешь тамъ!“ мужикъ раззорялся и отдавалъ послѣднія деньги. Ко мнѣ тоже пріѣзжалъ этотъ Пузатовъ и оговорилъ меня въ томъ, что будто я потому и богатъ, что участвую съ нимъ въ дѣланіи фальшивой монеты и сбываю ее на ярмаркахъ, а самъ, невидимымъ образомъ, тотчасъ же и пустилъ нѣсколько фальшивыхъ монетъ въ подполъ. Сдѣлали въ моемъ домѣ обыскъ и когда нашли фальшивыя монеты въ подпольѣ, то засадили меня въ острогъ за то, что я, какъ невинный человѣкъ, не захотѣлъ раззорятся для Пузатова и становаго 500 рублями, а изъ острога меня выслали, чрезъ годъ въ К..... арестантскія роты, не внявши нимало моей безвинности. Теперь, когда старый судъ само начальство признало неправильнымъ, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ праведнымъ судьямъ съ просьбою: избавить меня изъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ, какъ неправильно обвиненнаго, за что я вѣчно буду восхвалять неподкупное правосудіе высшихъ судей. „Къ сему прошенію арестантъ Чупановъ подписался, а за неграмотностію его, по его личной просьбѣ, арестантъ Горшковъ руку приложилъ 186* года. Къ поданію надлежитъ и проч.“

Съ этого прошенія списано было тѣмъ же Горшковымъ слово въ слово девять прошеній, за-рукоприкладствованныхъ слѣдующими писцами: Кауровымъ, Артемьевымъ, Богдановымъ, Лапатинымъ, Па-

зухинымъ, Нефедьевымъ, Колесникомъ, Чевардановымъ и Родьковымъ. Говорить ли о томъ, что въ преступленіяхъ всѣхъ этихъ лицъ неоказалось, по справкѣ, ровно ничего похожаго на прописанное ими въ прошеніи, сочиненномъ для нихъ Переплюйкинымъ, но нельзя неотдать справедливости Переплюйкину въ томъ, что онъ мастеръ своего дѣла и съумѣлъ своимъ литературнымъ сочиненіямъ придать видъ большой правдоподобности, чему разумѣется арестанты были крайне рады и вѣрили, что получатъ свободу какъ манну съ небесъ; къ несчастію этого было мало для того, что-бы получить манну и они въ результатѣ получили по 40 розогъ каждый за правдоподобное вранье...

И такъ въ результатѣ Шмелевъ всѣхъ надѣлилъ 40 розгами. А немудрящій вѣдь былъ и человѣкъ-то! Переплюйкинъ и Прожигаевъ были конечно геніи предъ нимъ, но вотъ и они повисли на удочкѣ раскольника Шмелева!...

IX.

АДАМАНТЪ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Пріятно слышать, а еще болѣе видѣть, и убѣдиться лично, что печать имѣетъ вліяніе на нашу общественную жизнь. Пусть скептики твердятъ, что нашъ рутинный складъ жизни, нашъ застой моральный отлились въ такія вѣковыя огнеупорныя формы, что пушками не прошибешь — мы имъ не повѣримъ, и не повѣримъ потому, что убѣждаемся въ противномъ. За примѣрами ходить недалеко. Какъ-то въ печати было заявлено, что въ Москвѣ живетъ одна баба-ханжа, въ утробѣ коей сохранилось древлее благочестіе и на чердакѣ дома которой живетъ частенько, бѣглый раскольничій архіерей. Объ этомъ прочла вся Москва и стала ука-

зывать на бабу-ханжу пальцемъ... Адамантъ благочестія (такъ величаютъ раскольники эту бабу) смутилась, и, увы! пригрозила раскольникамъ уйти отъ нихъ подъ большіе колокола,—выраженіе раскольничье, означающее переходъ въ православіе, подъ кремлевскій звонъ, въ православныхъ соборахъ, Успенскомъ и др. Раскольники завопили объ адамантѣ и стали въ тупикъ предъ вопросомъ: гдѣ же будетъ храниться благочестіе древлее, если оно исчезнетъ изъ благоутробія адаманта? Въ самомъ дѣлѣ, есть надъ чѣмъ поломать голову! А благочестіе древлее дѣйствительно исчезаетъ изъ утробы адаманта съ каждымъ днемъ. Бѣглые архіереи, вмѣсто дома адаманта, стали больше жить на Стоженкѣ; бѣглые попы въ поддевкахъ стали рѣже приниматься адамантомъ, и сама адамантъ начала выѣзжать въ свѣтъ почаще. Нынѣ видятъ адаманта разряженную чисто въ пухъ по послѣдней модѣ. Что сказали бы раскольники, еслибъ увидѣли своего адаманта, разодѣтую въ шляпкѣ послѣдняго фасона и палевыхъ перчаткахъ? Бѣдные! Они все еще до поту лица надрываются въ Кремлѣ въ доказываніи, со всею искренностью, вредности и безполезности образованія вообще въ нашихъ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ и въ злокозненности и душепагубности мірскихъ удовольствій... Дай-ка Богъ, чтобъ адамантъ поскорѣе сознала, что играетъ очень глупую роль въ расколѣ, что нельзя совмѣстить модную шляпку, французскій языкъ и палевыя перчатки съ хламидою раскольничьею и гнусеніемъ каноновъ, въ присутствіи бѣглыхъ архіереевъ съ братіею, и что всего лучше, выпутаться съ честью изъ этого позорнаго положенія,—адамантъ слыветъ въ Москвѣ притчею и предметомъ разговоровъ въ каждомъ домѣ и даже трактирахъ,—уйти поскорѣе подъ большіе колокола... Времена нынѣ измѣняются! Общественное мнѣніе ростетъ, и ростетъ къ лучшему. Да погибнутъ же всѣ темные люди со всѣми ихъ темными дѣлами! да приметъ это къ свѣдѣнію и „адамантъ благочестія“! Ея дѣянія въ расколѣ позорны; она играетъ общественную роль среди мильоновъ раскола и, поэтому, дѣла ея подлежатъ общественному обсужденію. Съ своей стороны, мы скажемъ, что печать не должна оставлять ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она или, запершись въ молельной, будетъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительною раскольницею по убѣжденію

*

(убѣжденій мы не трогаемъ, какъ бы они ни были тупы и узки), или, убѣдившись, что выѣзжать въ собранія, по человѣчески одѣваться, обучать родственницъ свѣтскимъ пріемамъ, во всякомъ случаѣ, несравненно приличнѣе, чѣмъ изувѣрствовать, пустосвятствовать, покупать архіерейство заграничное, возиться съ бѣглыми архіереями и попами,—перейдетъ подъ большіе колокола. Средняго пути между этихъ двухъ дорогъ не можетъ существовать. Сказавъ объ „адамантѣ благочестія“, мы, скажемъ нѣсколько словъ и объ одномъ сочувственникѣ раскола, считающемся православнымъ, но изъ комерческихъ выгодъ обращающемся среди тузовъ-раскольниковъ московскихъ, покровительствующемъ, вездѣ и всячески, расколу. Лицо это назовемъ, ну хоть Блудовымъ. Съ этимъ Блудовымъ (будемъ его такъ называть, увѣренные, что Москва давно уже знаетъ и безъ этого псевдонима настоящую фамилію молодца) была слѣдующая исторія. По своему богатству и связямъ, онъ былъ опекуномъ двухъ молоденькихъ дѣвочекъ сестеръ, которыхъ обѣихъ опозорилъ и бросилъ. Женихъ опозоренной невѣсты отмстилъ молодцу слѣдующимъ образомъ. Въ „Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ онъ трижды напечаталъ объявленіе, изъ коего видно, что двѣ продающіяся собаки одногодки означаютъ, брошенныхъ, какъ собакъ, опозоренныхъ дѣвочекъ; двѣ кровати намекаютъ на кровосмѣшеніе; булонская порода указываетъ на физіономію молодца. Другое толкованіе этому объявленію, надѣлавшему въ Москвѣ страшный шумъ, даютъ такое... Но мы, изъ скромности, умолчимъ о немъ; скажемъ только, что и то и другое толкованіе одинаково вѣрны. Всѣ (не знаемъ, какъ раскольники) честные люди возмущены этимъ поступкомъ псевдонима Блудова, потому еще, что онъ, находясь въ шайкѣ тузовъ раскольниковъ, прикидывается сочувственникомъ раскола, ибо-де расколъ лучше православія, и что онъ, какъ истинно благочестивый христіанинъ, можетъ принадлежать только въ душѣ къ этому древлему благочестію. Москва, столько лѣтъ дурачимая этими древлеблагочестниками, въ тысячу первый разъ убѣдилась еще, что значитъ это, морочащее глаза, древлее благочестіе... Фактъ на лицо. Ни лѣстовки, ни двуперстія, ни бѣглые архіереи не дѣлаютъ человѣка истинно честнымъ въ широкомъ значеніи этого слова, а слѣ-

довательно, и благочестнымъ (безъ чести нѣтъ благочестія), но наука и дѣйствительное просвѣщеніе души образованіемъ всесторонним. Вотъ истина, въ которой давно бы пора увѣриться раскольникамъ.

X.

МОЛОКАНСКОЕ СЕЛО.

„ТЯГЛОЕ ОЗЕРО."

Молоканы доселѣ еще мало извѣстны нашему обществу; въ литературѣ объ нихъ совсѣмъ почти ничего не говорилось; между тѣмъ, секта молоканская, довольно многочисленная въ Россіи, и по своимъ тенденціямъ, жизни и дѣятельности заслуживаетъ серьезнаго вниманія м ученаго историческаго изслѣдованія.

Въ поѣздкѣ по Самарской Губерніи, мы занялись наблюденіемъ надъ этою сектою и охотно подѣлимся съ читателями выдержками изъ своихъ наблюденій. Мѣстомъ наблюденія надъ молоканами мы избирали село „Тяглое Озеро", Николаевскаго Уѣзда, какъ потому, что оно одно изъ старѣйшихъ поселеній молоканскихъ въ Самарскомъ Краѣ, такъ и потому, что считается корнемъ молоканства по Заволжью и Уралу; гнѣздомъ, откуда неслась пропаганда даже въ отдаленнѣйшія мѣста Россіи. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію обрядовъ, нравовъ и обычаевъ молоканъ „Тяглаго Озера", считаемъ нелишнимъ предпослать нѣсколько словъ о началѣ появленія этой секты въ Самарскомъ Краѣ.

1-го января 1851 года, на лѣвомъ берегу Волги, для облегченія мѣстнаго управленія губерній: Оренбургской, Саратовской и Симбирской, повелѣно было образовать новую губернію, подъ названіемъ Самарской, составивъ ее изъ трехъ уѣздовъ Оренбургской Губерніи:

Бугульминскаго, Бугурусланскаго и Бузулукскаго, двухъ Саратовской Губерніи: Новоузенскаго и Николаевскаго, и Ставропольскаго Симбирской Губерніи; изъ лежащихъ же на лѣвомъ берегу Волги частей уѣздовъ: Самарскаго и Сызранскаго образовать новый, седьмой уѣздъ Губерніи Самарской, причемъ городъ Самара назначенъ губернскимъ городомъ новооткрытой губерніи. Такимъ образомъ, Самарская Губернія, по времени образованія своего—одна изъ позднѣйшихъ: но молоканство въ предѣлахъ ея явилось еще съ XVIII столѣтія и при слѣдующихъ условіяхъ населенности края и административнаго его управленія:

Въ предѣлахъ нынѣшней Самарской Губерніи издавна, въ теченіе многихъ вѣковъ, жили разные народы, непривычные къ постоянной осѣдлости, обладатели огромныхъ табуновъ и стадъ, для которыхъ раздолье степей представляло всѣ выгоды. Волга для многихъ изъ этихъ народовъ являлась преградою въ ихъ движеніи, и они останавливались на лѣвой (луговой) сторонѣ ея. Киргизы, Ногаи, Башкиры постоянно волновались и угрожали раззореніемъ Казанской Области, въ составъ которой входила вся эта страна; поэтому правительство, ограждая свои предѣлы отъ вторженій, устроивало на правомъ берегу Волги рядъ сторожъ, или наблюдательныхъ постовъ, а на лѣвомъ нѣкоторые города, какъ напримѣръ, Самару, которая еще въ XVII вѣкѣ считалась укрѣпленнымъ городомъ, по линіи отъ Казани до Астрахани, хотя, само собою разумѣется, и была безсильна, чтобъ охранять безопасность столь обширнаго края. Въ XVIII вѣкѣ (съ 1740 года), отъ Самары къ Оренбургу потянулись уже линіи крѣпостей, такъ что сѣверная половина нынѣшней Самарской Губерніи стала безопасна отъ вторженій кочевниковъ, и населеніе въ ней упрочилось. Въ нынѣшнихъ уѣздахъ Самарской Губерніи: Николаевскомъ и Новоузенскомъ, въ царствованіе Екатерины II, по берегамъ Волги селились уже нѣмецкіе колонисты, по Иргизу—выходившіе изъ Польши раскольники; но мѣста эти имѣли уже заселенія и до Екатерины. Въ царствованіе Петра I, т. е. еще въ началѣ XVIII столѣтія были уже селенія на лѣвомъ берегу Волги и по Большому Иргизу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ нашелъ обиліе для удовлетворенія жизненныхъ потребностей: большіе лѣса, воды, на-

полненныя рыбой, луга и степи тучныя. Берега Ахтубы, Еруслана, Узеней, Алтаты, Мочи и Карамановъ, въ концѣ XVIII столѣтія, имѣли уже поселенія, особенно берега Иргиза, гдѣ русскіе стали держаться съ самыхъ первыхъ временъ поступленія Заволжскаго Края подъ власть московскую, такъ что еще въ началѣ XVII вѣка въ низовьяхъ этой рѣки, ближе къ Волгѣ, находились уже русскіе рыбачьи станы. По берегамъ этого Иргиза росли тогда обширные лѣса дубовые и осокорные, которые и послужили матеріаломъ для первыхъ русскихъ избъ. При Екатеринѣ II, на Иргизѣ, въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ, стояла уже слобода Мечетная, раскольничьи мужскіе и женскіе монастыри и скиты, изъ которыхъ впослѣдствіи пріобрѣли громкую извѣстность, мужскіе: верхнепреображенскій, средненикольскій и нижневоскресенскій, а женскіе: покровскій и успенскій. Населеніе этихъ монастырей и скитовъ способствовало тому, что здѣсь, въ XVIII вѣкѣ, образовались скопища разныхъ безпокойныхъ людей, скрывавшихся подъ видомъ гонимыхъ за „древле отеческую вѣру“. Извѣстно, что въ средненикольскомъ монастырѣ, Пугачевъ получилъ первое благословеніе на самозванство, и жители слободы Мечетной были одними изъ первыхъ его укрывателей. Въ мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ Новоузенскимъ уѣздомъ, со времени явленія на Иргизѣ вышедшихъ изъ-за границы раскольниковъ, были уже хутора и умёты въ разныхъ мѣстахъ степи, и въ числѣ прочихъ поселковъ существовала уже на рѣкѣ Алтатѣ деревня Чертанла. Съ 1787 года отъ города Камышина тянулась уже линія кордоновъ по луговой сторонѣ между Волгою и Ураломъ, а на урочищѣ Узеняхъ высилась крѣпость, населенная, частью казаками бывшаго волжскаго войска, частью заграничными выходцами, возвратившимися въ Россію, на основаніи манифеста 20 іюня 1787 года. Отъ Волги чрезъ рѣку Иргизъ на Общій Сыртъ, или Уральскія Горы, въ XVIII вѣкѣ тянулась, такъ-называемая, „сиротская дорога“, о которой старожилы говорятъ, что ее проложили люди сирые, т. е. преступники и послѣдователи разныхъ изувѣрныхъ сектъ, которые, оставивъ отчизну свою, бѣжали въ степи на Уралъ и въ Хиву, гдѣ и селились или кочевали. Въ степяхъ и лѣсахъ Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, далекихъ отъ Москвы, грозъ-

наго средоточія тогдашняго управленія, еще въ XVII вѣкѣ, съ самаго перваго появленія раскола, скрывались уже бѣжавшіе раскольники, которыхъ строго преслѣдовало правительство.

Вотъ въ какомъ состояніи заселенія, цивилизаціи и племеннаго соединенія разныхъ народовъ находилась въ XVIII вѣкѣ мѣстность нынѣшней Самарской губерніи, когда въ концѣ прошлаго вѣка явились въ ней молоканы.

Посмотримъ же теперь, въ какомъ пунктѣ нынѣшней Самарской губерніи явились они прежде всего. Мы сказали, что въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія, по берегамъ рѣки Алтаты, берущей начало свое въ степяхъ нынѣшняго Новоузенскаго уѣзда, виднѣлись уже молоканскія поселенія. Въ этотъ край переселялись тогда молоканы съ позволенія и безъ позволенія изъ губерній Тамбовской, Воронежской и Рязанской, образовывая хуторскія поселенія по рѣкамъ Ахтубѣ, Алтатѣ и Узенямъ. Изъ сосѣдней Астраханской губерніи, поселенія эти раздвигались во внутрь нынѣшняго Новоузенскаго уѣзда и положили основаніе молоканству новоузенскому, нынѣшней Самарской губерніи. Такимъ образомъ, молоканство въ Новоузенскомъ уѣздѣ явилось съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, и такъ какъ въ эти именно годы мы не находимъ слѣдовъ его въ другихъ пунктахъ нынѣшней Самарской губерніи, то новоузенское молоканство, по времени появленія своего, и должно быть признано древнѣйшимъ въ Самарской губерніи.

Вдоль рѣки Алтаты идетъ и понынѣ большая дорога на иргизскіе монастыри изъ Астрахани, по которой издавна хаживали люди вольные, бѣглые и раскольники, и вдоль которой на хуторахъ, въ привольныхъ степяхъ, основались первыя молоканскія поселенія въ Новоузенскомъ уѣздѣ, положившія основаніе нынѣшнимъ молоканскимъ селамъ: Орловому Гаю, Новотроицкому, Александрову Гаю, слободѣ Малому Узеню и друг., гдѣ молоканство и доселѣ сильно, хотя большая часть молоканъ изъ этихъ, нынѣ столь многолюдныхъ мѣстъ, издавна переселялась и нынѣ еще переселяется на хутора и углубляется въ безводныя степи, которыя и въ настоящее время еще такъ пустынны и обширны, что на каждую ревизскую душу нарѣзывается по 30 десятинъ земли. Въ этихъ-то широкихъ и необозримыхъ степяхъ, удаленные отъ остальныхъ

людей, молоканы, строго держащіеся одной библіи, предаются пылкимъ мечтамъ о духовномъ царствѣ христіанъ на землѣ...

Въ это же время явились хуторскія молоканскія поселенія и на рѣкахъ Большомъ и Маломъ Узенѣ, ближе къ Николаевскому уѣзду, гдѣ молоканство и донынѣ сильно, и всѣ дѣйствія правительства и духовенства къ обращенію ихъ въ лоно православной церкви, впродолженіе болѣе 70 лѣтъ, не имѣли никакого успѣха. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ молоканами дѣлались и дѣлаются даже малороссіяне (что большая рѣдкость), совращающіеся въ молоканство именно потому, что, живя и работая на молоканскихъ хуторахъ, они не видятъ вокругъ себя никого изъ православныхъ.

Послѣ Новоузенскаго, нынѣшній Николаевскій уѣздъ, если не по старшинству, то по числу молоканъ, считается однимъ изъ молоканскихъ уѣздовъ нынѣшней Самарской губерніи. Прибрежье Большаго Иргиза, рѣки многоводной и чрезвычайно извилистой, богатое плодородною почвою, мѣстами и теперь еще прикрытое лѣсными рощами, дававшее убѣжище поселившимся здѣсь раскольникамъ, еще съ 1718—1721 года не осталось незамѣченнымъ и молоканами, которые, въ концѣ XVIII вѣка, явились наконецъ, и здѣсь, какъ поселенцы. Мѣстомъ же перваго, изъ такихъ поселеній ихъ, является „Тяглое озеро“.

Близъ береговъ Большаго Иргиза есть значительныя озера, богатыя рыбою и дичью. Такія мѣста, какъ лучшія для поселеній изъ всего уѣзда, успѣли занять раскольники, одни изъ первыхъ поселенцевъ нынѣшняго Николаевскаго уѣзда; но такія же мѣста успѣли выбрать и оцѣнить и переселившіеся сюда, въ концѣ XVIII вѣка, молоканы. Такимъ образомъ, мы видимъ нынѣ одно изъ лучшихъ озеръ Иргиза, занятое средненикольскимъ единовѣрческимъ монастыремъ, другое верхнимъ раскольничьимъ преображенскимъ, третье, такъ-называемое Тяглое озеро и четвертое „Подстенное“ молоканами и т. п. Тяглое озеро имѣетъ 200 сажень въ ширину и двѣ версты въ длину, глубоко, рыбно и богато дичью. Сюда явились, въ 1792 году, молоканы изъ Балашевскаго уѣзда нынѣшней Саратовской губерніи и образовали особое молоканское поселеніе подъ именемъ деревни, а нынѣ села Тяглаго

озера, пріобрѣтшаго въ XIX вѣкѣ большую извѣстность, по значительнымъ движеніямъ молоканства... Въ этомъ селѣ, по справедливости считавшемся издавна, и донынѣ считающемся, центромъ молоканства въ губерніи, открывались фальшивые монетчики, укрывались и ловились начальствомъ бѣглые дезертиры и т. п. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ Тягломъ озерѣ считалось уже молоканъ мужскаго пола 219 и женскаго 229, а всего 448 душъ.

Явившись пришельцами въ Николаевскій уѣздъ молоканы основались въ Тягломъ Озерѣ, и незамедлили завести хуторскія поселенія въ другихъ мѣстахъ по Николаевскому Уѣзду, образовавшіяся нынѣ въ селенія Яблоновый Врагъ, Константиновку (Барсуковка тожъ), Канаевку, Сухую Вязовку, Богдановку, Хворостянку и проч., въ которыхъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, считалось уже молоканъ: въ Яблоновомъ Врагѣ, удѣльныхъ крестьянъ мужескаго пола 68, женскаго 67, а всего 135 душъ; въ Константиновкѣ, или Барсуковкѣ, мужскаго пола 29 и женскаго 45, всего 74 души; въ деревнѣ Острой Лукѣ 92 души обоего пола; Сухой Вязовкѣ мужскаго пола 33, женскаго 32, а всего 65 душъ обоего пола: въ Богдановкѣ 20 душъ обоего; въ Хворостинкѣ 8 душъ, и въ Канаевкѣ 128 душъ обоего пола.

Поселившись среди самаго пестраго племеннаго населенія (малороссіянъ, татаръ, башкиръ, ногайцевъ, калмыковъ, мордвы, чувашъ, вотяковъ, нѣмцевъ и евреевъ) и разнообразныхъ исповѣданій (раскольниковъ, католиковъ, лютеранъ, реформатовъ, меноністовъ, мохамеданъ и язычниковъ), молоканы нашли въ нынѣшней Самарской Губерніи, кромѣ удобствъ жизни, кромѣ обширныхъ степей и плодородныхъ земель, спокойствіе и почти совершенное отсутствіе властей и духовенства. По всей нынѣшней Самарской Губерніи, превосходящей пространствомъ своимъ все Царство Польское, а, при сравненіи съ государствами Западной Европы, пространство соединенныхъ Дунайскихъ Княжествъ, Баваріи и многихъ другихъ, было въ XVIII вѣкѣ не болѣе 5 административныхъ пунктовъ, отстоявшихъ другъ отъ друга на 200, 300 и 400 верстъ. Духовнаго же надзора во всемъ краѣ совсѣмъ не было: всею этою обширною мѣстностью завѣдывали, въ духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ, епи-

скопы изъ самыхъ дальныхъ концовъ Россіи, то изъ Астрахани, то изъ Тамбова, Пензы и т. п., никогда невидѣвшіе ни паствы своей, ни края. Деревни и села отстояли другъ отъ друга и отъ приходскихъ церквей на 50, 70 и 100 верстъ, такъ что приходы свои мѣстное духовенство могло посѣщать не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и, слѣдовательно, оставляло часто православный народъ неудовлетвореннымъ въ его духовныхъ потребностяхъ; могло ли же оно обращать еще вниманіе на молоканъ и тревожить ихъ вразумленіями и увѣщаніями? У духовенства православные прихожане умирали часто безъ исповѣди и св. причащенія, погребаемы были безъ отпѣванія, а младенцы умирали безъ крещенія, или крестились повивальными бабками: было ли время и возможность ему не только заняться, но и знать даже о существованіи молоканъ? Не говоримъ уже о томъ, что духовенство тогдашняго времени и не могло понимать сущности молоканской секты: оно не имѣло почти никакого образованія: поступившіе въ священники получали образованіе только въ низшихъ училищахъ, или же дома выучивались лишь псалтырю и часослову. Народъ понималъ догматы православной вѣры еще менѣе духовенства и, слѣдовательно, не могъ враждебно относиться къ молоканамъ, за совершеннымъ непониманіемъ ихъ ученія. Среди этого народа, особенно по нынѣшнимъ Николаевскому и Новоузенскому уѣздамъ, гдѣ поселились въ XVIII вѣкѣ молоканы, властвовали тогда иргизскіе выходцы и монахи, научившіе его еще съ половины XVIII столѣтія презирать и хулить православную вѣру и церковь. Постоянно разъѣзжавшіе по городамъ и селамъ, монастырскіе бродяги, монахи, открыто давно внушали населенію нынѣшняго Самарскаго Края, что въ россійской церкви царствуетъ антихристъ, что православные священники не пастыри, а хищные волки, слуги антихриста, которые и сами сойдутъ и паству свою сведутъ во дно адово... Народъ покидалъ совсѣмъ церкви православныя, обращая въ молельни свои домы, куда изъ Иргиза присылались имъ уставщики, которые и справляли требы сами. Уставщики изъ народа, или, лучше сказать, самъ народъ, совершалъ для себя въ своихъ домахъ панихиды, каноны, часы, всенощную и прочее богослуженіе, чѣмъ совершенно приближался къ домашнему богослуженію молоканъ, съ которыми, такимъ образомъ,

имѣлъ уже общую точку религіознаго обрядоваго воззрѣнія. Все это, и многое другое, сдѣлало переселеніе молоканъ въ нынѣшнюю Самарскую губернію, въ XVIII вѣкѣ, удачнымъ и упрочило не только ихъ существованіе, но и распространило въ этомъ краѣ.

Молоканы Тяглаго озера вѣрятъ совершившемуся уже пришествію обѣтованнаго мессіи, признаютъ Христа Спасителя, его искупленіе и воскресеніе, и пріемлютъ книги ветхаго и новаго завѣта, но отвергаютъ писанія св. отцовъ и всѣ постановленія и обряды православной церкви. Молоканы вообще и молоканы Тяглаго Озера въ частности отвергаютъ всѣ таинства, не пріемлютъ никакихъ писаній св. отцовъ, никакихъ правилъ соборныхъ, и отвергая, по выраженію ихъ, всю внѣшность, называютъ себя духовными христіанами, а потому считаютъ храмы или церкви ненужными. „Вышній— говорятъ они—не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“. По ихъ мнѣнію, церковь вездѣ, гдѣ собираются вѣрующіе для духовнаго бесѣдованія и молитвы. Съ такими понятіями о церкви, они, разумѣется, отвергаютъ и всю духовную іерархію или церковное чиноначаліе: священниками же признаютъ старцевъ своихъ и „мужей благоговѣйныхъ“. Эти-то мужи и старцы, пріобрѣвшіе въ сектѣ уваженіе своими познаніями и благочестивою жизнію, учатъ ихъ и совершаютъ молитвы. Архіерея, говорятъ они, имѣемъ мы единаго, великаго и безгрѣшнаго Іисуса Христа, Сына Божія. Крещеніе водою молоканы отвергаютъ и пріемлютъ крещеніе лишь Духомъ святымъ; при нареченіи имени новорожденному, учитель ихъ дуетъ ему въ лицо, и чрезъ дуновеніе онъ крещается духомъ святымъ. Сверхъ того, молоканы признаютъ крещеніе огнемъ и кровью; подъ этимъ они разумѣютъ гоненія, воздвигаемыя на нихъ за вѣру ихъ. Исповѣдь дѣлается у многихъ изъ молоканъ явно другъ передъ другомъ, а у молоканъ Тяглаго Озера въ присутствіи лишь старца. Причащенія, подъ видомъ хлѣба, молоканы не пріемлютъ, а подъ хлѣбомъ разумѣютъ слово божіе и самого Іисуса Христа.

Молоканы знаютъ, что Іисусъ Христосъ, Моисей, Илія постились по сорока дней и что посты необходимы, и потому говѣютъ, кому какъ вздумается, но постовъ, установленныхъ церковью, не признаютъ, говоря, что они не положены ни пророками, ни апостолами. Крестнаго знаменія на себѣ не изображаютъ и крестовъ

на груди не носятъ; но всего болѣе отвергаютъ они поклоненіе святымъ иконамъ, называя это идолопоклонствомъ.

Отвергая всѣ таинства, установленія и обряды, принятые православною церковью, молоканы имѣютъ однакожъ свои установленія и свои обряды, содержимые ими и отправляемые втайнѣ. Въ Тягломъ Озерѣ, въ бытность мою нынѣ, мнѣ сообщили сами же молоканы интересныя подробности о своихъ молоканскихъ сходбищахъ, которыя бываютъ у нихъ такъ:

Въ извѣстные дни, по извѣщенію старца, или наставника, собираются молоканы на бесѣду для молитвословія и для совѣщаній. Бесѣда открывается пѣніемъ двѣнадцати псалмовъ; по окончаніи двѣнадцатаго псалма, молоканы кланяются другъ другу и садятся за столы, накрытые скатертями; старецъ, въ домѣ котораго все это постоянно происходитъ, читаетъ по выбору своему мѣста изъ библіи или евангелія, и всегда чтеніе свое заканчиваетъ исторіею Іисуса Христа, совершающаго тайную вечерю съ учениками Своими. Окончивъ евангельскую исторію, старецъ начинаетъ свою проповѣдь, увѣщеваетъ держаться единенія, жить въ согласіи между собою, своихъ не выдавать суетнымъ (православнымъ), отъ нападеній суетныхъ защищать взаимно другъ друга, не щадя своего достоянія; власти гражданской не бояться, потому что она временна (приказаній начальства, однакожъ, не ослушаться) и скоро прейдетъ; увѣщеваетъ помогать ищущимъ у нихъ крова, хотя бы то былъ бѣглый отъ помѣщика, или солдатъ, скрывшійся изъ службы царской, лишь бы то были одной вѣры съ ними, т. е. духовные христіане; за царя (по словамъ писанія: „Воздадите кесарево кесареви") молиться; совѣтуетъ также всѣмъ учиться грамотѣ, чтобъ можно было каждому читать библію; не пьянствовать, чтобъ и суетные, видя ихъ скромность и трезвость, подражали имъ и охотнѣе соглашались переходить въ ихъ общество, и, наконецъ, убѣждаетъ всѣхъ и каждаго у своихъ духовныхъ христіанъ не красть. Мужьямъ съ женами совѣтуетъ жить по разуму.

По окончаніи своихъ увѣщаній и совѣтовъ, старецъ садится на первое мѣсто, вынимаетъ изъ-за пазухи круглый бѣлый хлѣбъ и (въ полуштофѣ) красное вино, и становитъ на столъ; раздробивъ хлѣбъ на мелкіе кусочки, подаетъ каждому въ руки кусочекъ, и

каждый, съѣвши тотъ кусочекъ и запивши виномъ, отходитъ и садится на свое мѣсто. Когда всѣ получатъ это, такъ называемое у нихъ освященіе, старецъ читаетъ псаломъ: „Благословлю Господа“, послѣ чего всѣ цѣлуютъ другъ друга и расходятся по домамъ.

Каждое селеніе, гдѣ живутъ молоканы, имѣетъ такого наставника, или мужа избраннаго. Зная, что правительство особенно преслѣдуетъ такихъ людей, молоканы тщательно скрываютъ ихъ и, ни въ какихъ случаяхъ, не выдаютъ, хотя бы чрезъ то угрожала опасность цѣлому селенію; но если, не смотря на бдительность, наставникъ подвергается за что нибудь суду, или тюремному заключенію, а потомъ, хотя бы и черезъ долгое время, освободится и возвратится на прежнее жительство, то такой страдалецъ, по ихъ мнѣнію святой, потому что судъ суетныхъ не могъ побѣдить его терпѣнія; такому святому страдальцу молоканы вѣрятъ во всемъ слѣпо и безусловно; его слово—для нихъ законъ...

Молокане, скрытные въ сношеніяхъ съ духовенствомъ православнымъ и полиціею, съ учеными людьми охотно вступаютъ въ бесѣды и разсказываютъ всѣ, даже мельчайшія подробности своихъ вѣрованій и обрядовъ, въ томъ убѣжденіи, что ученые лучше поймутъ ихъ исповѣданіе и возвѣстятъ о немъ тѣмъ, кто ихъ считаетъ бусурманами...

Въ селеніяхъ, гдѣ православные живутъ вмѣстѣ съ молоканами, много представляется случаевъ къ увлеченію и обольщенію. Производя полевыя работы въ одно время и рядомъ съ православными, молоканы всегда заводятъ разговоры о религіи и, превосходя простыхъ христіанъ грамотностью и развитіемъ, они умѣютъ представить свои вѣрованія въ видѣ непреложныхъ истинъ и успѣваютъ поселить сомнѣніе въ простодушныхъ; многіе православные, какъ бы въ обаяніи склоняются нерѣдко на сторону молоканъ.... Подумайте, говорятъ имъ молоканы: кѣмъ и для чего выдуманы у васъ всѣ обряды и уставы церковные? Всѣ эти учрежденія придумали ваши суетные попы для своей наживы! Родится у васъ младенецъ, вы призываете суетнаго попа и даете ему деньги за молитву, а мы читаемъ молитву и нарекаемъ имена имъ, сами; за крещенье вы даете деньги, а у насъ и въ этомъ случаѣ онѣ остаются въ карманѣ; за вѣнчанье, за похороны, молебны вы даете попу деньги,

а мы это дѣлаемъ сами, и безъ всякихъ расходовъ. Посмотрите: вашихъ стариковъ выбираютъ въ головы, старосты, отвлекаютъ на цѣлый годъ отъ работъ, и иныхъ чрезъ то доводятъ до раззоренія, а насъ къ выборамъ не призываютъ, и мы всѣ богаче васъ, и живемъ спокойно. Не доказываетъ ли это, что наша вѣра правая и лучше вашей?..

Православные, въ простотѣ сердца, будучи неграмотны и не свѣдущи въ дѣлахъ вѣры и гражданскаго управленія, не въ состояніи отразить эти разсужденія—и отсюда-то рождается у крестьянъ начальное охлажденіе къ православной вѣрѣ. Православные наслушавшись въ полѣ отъ своихъ сосѣдей-молоканъ такихъ убѣжденій, возвращаются къ своимъ семействамъ съ сѣменами отпаденія отъ вѣры, и втайнѣ, скрывая довѣріе къ молоканству, исподоволь передаютъ его женамъ и дѣтямъ своимъ; если нѣкоторые изъ увлеченныхъ не отлагаются явно отъ православія, то единственно изъ боязни суда и наказанія; но въ душѣ они уже молоканы.

Нынѣшніе молоканы Тяглаго Озера разсказываютъ, какъ преданіе, о какомъ-то золотомъ вѣкѣ отцовъ своихъ, когда они, на всемъ раздольи, жили спокойно, безмятежно, никѣмъ нетревожимые точно подъ сѣнію благодати Господней; теперь же, говорятъ они, времена не тѣ, имъ стало тѣсно, они ищутъ новой обѣтованной земли, и постоянно переселяются то на Кавказъ, то на Амуръ, такъ что изъ огромнаго сплошнаго молоканскаго населенія въ селѣ этомъ осталось нынѣ лишь 600 душъ, да и тѣ собираются куданибудь подальше уйти, въ родѣ китайской границы... Странное запустѣніе теперь въ этомъ знаменательномъ селѣ, которое пережило страшные годы полувѣковой борьбы съ правительствомъ...

XI.

ПРОПАГАНДИСТЪ МЯСНИЦКІЙ.

Желая раскрыть ослѣпленныя очи несчастной массы раскольничьей, идущей слѣпо за своими ходаками, древле-благочестниками, вопреки желаніямъ всѣхъ благомыслящихъ людей, мы рѣшаемся очертить нѣкоторыхъ спекуляторовъ религіознымъ чувствомъ слѣпаго русскаго народа... (мы незнаемъ ничего постыднѣе торговли этими чувствами!) во главѣ коихъ выдается изъ всѣхъ въ Москвѣ, преимущественно одинъ, другъ многихъ ученыхъ московскихъ и коноводъ раскольничій. Сіяя, въ глазахъ несчастныхъ слѣпцовъ раскольниковъ, древле-благочестіемъ, поддерживая купленную противозаконную іерархію раскольничью, возясь съ бѣглыми попами и архіереями, дурача народъ древними 500-лѣтними иконами, собранными во множествѣ, онъ въ то же время содержитъ француженку, для которой и купилъ домъ у башни. Нынѣ этой француженкѣ лѣтъ 40, но тогда, когда она плѣнила сердце древле-благочестника, она была молода, ловка и красива. Богобоязливому древле-благочестнику пріятно проводить время въ эмпиреяхъ... съ француженкою, но не хочется выпустить изъ рукъ и темной массы раскольниковъ. Какъ разстаться съ почетомъ, великимъ именемъ *столпа древляго благочестія*, а главное: набиваніемъ кармана на счетъ слѣпогствующихъ?... И вотъ онъ ловко сочетаваетъ и то и другое! Онъ дѣлаетъ даже слѣдующія возмутительныя вещи, для того, чтобъ изъ-за француженки не потерять званія столпа древляго благочестія: купивъ у одного художника, отличающагося даровитостью и вмѣстѣ пасквилями, картину съ пасквилью на православіе, онъ снимаетъ съ нея въ раскольничьей фотографіи (раскольники имѣютъ свою абонированную фотографію, гдѣ снимаютъ портреты съ своихъ бѣглыхъ поповъ и архіереевъ и разсылаютъ ихъ по Россіи) не одну тысячу фотографическихъ копій и разсылаетъ повсюду слѣпому народу изъ раскольниковъ и православныхъ, чтобъ окончатель

но смутить и безъ того смущенную всякими баснями совѣсть простолюдиновъ... Вотъ какими штуками промышляютъ московскіе столпы древляго благочестія, содержатели француженокъ, друзья ученыхъ и ѣздящіе частенько за границу... Спрашиваемъ: какимъ именемъ можно назвать этихъ господъ, такъ дерзко и такъ святотатственно посягающихъ на чистоту души русскаго крестьянина, который имѣетъ лучшее сокровище—невозмутимую совѣсть въ дѣлѣ своей религіи? Думаютъ ли эти люди о томъ, что одинъ экземпляръ такой картины сослалъ, быть можетъ, не одну тысячу несчастныхъ жертвъ въ Сибирь, и все это могло сдѣлаться очень просто? Картина эта, натурально производитъ сильное впечатлѣніе на простой и довѣрчивый умъ крестьянина. Онъ совращается въ расколъ, его судятъ, таскаютъ по судамъ и острогамъ; его семейство, безъ главы дома, бѣдствуетъ, раззоряется; въ острогахъ совращенный ожесточается, не признаетъ властей, называетъ ихъ антихристами, съ устъ его срываются дерзости, оскорбленія начальства и т. п. И вотъ онъ кончаетъ ссылкою на поселеніе. И куча несчастныхъ, совершенно невинныхъ дѣтей и мать семейства съ грудянымъ младенцемъ, идутъ по сибирской дальней дорогѣ, вслѣдъ за главою семейства, раззоренные, обнищалые, убитые физически и морально, тогда какъ все это честное семейство крестьянское могло жить и спокойно и въ возможномъ довольствѣ. За что же вся эта семья почти погибла и пришла въ раззореніе?...

Намъ однажды случилось быть, въ воскресенье, въ Кремлѣ, на раскольничьихъ спорахъ и дать вопросъ одному старику-раскольнику: почему раскольники не пускаютъ дѣтей своихъ въ гимназіи и университеты учиться? раскольникъ съ азартомъ заговорилъ: „Незачѣмъ! потому что всѣ науки есть осквернение антихристово; на всемъ лежитъ печать антихриста. Мы двѣсти лѣтъ не учимся этому еретичеству, и дѣтей своихъ не пустимъ. У меня ихъ трое, а я ни одного изъ нихъ не пущу въ ваши школы“...

— Это не столпы-то ли древляго благочестія, что живутъ въ Мясницкой части въ Москвѣ, напѣли тебѣ эти пѣсни? говорилъ я.

— Да хоть бы и они! Они это дѣло знаютъ лучше насъ съ тобою: бываютъ и во дворцахъ съ депутаціею, ѣздятъ по начальству высокому; стало быть намъ съ тобою не учить ихъ...

И благодарятъ за все это такими дѣлами, подумалъ я;—какъ пропагандистъ Мясницкій... Хороша отплата! А вѣдь дѣти этого ослѣпленнаго старика могли не хуже, если не лучше, племянничка-богача, учиться въ университетѣ, быть, пожалуй, свѣтилами науки, не хуже другаго; теперь же останутся въ слѣпотѣ и невѣжествѣ, сидящіе по горло въ тинномъ болотѣ, и придавятъ ихъ еще въ добавокъ эксплуататоры ходаки-раскольничьи, въ этомъ болотѣ... Вотъ вамъ и будущее Россіи... Грустно!

По нашему мнѣнію слѣдуетъ въ Россіи во многихъ церквахъ открыть духовенству бесѣды съ раскольниками. Прямой долгъ духовенства выводить людей изъ религіознаго заблужденія; ужели же мы въ двѣсти лѣтъ не домыслились до этого?... Такихъ священниковъ слѣдуетъ изъ синода, или на счетъ суммъ епархіальныхъ и церковныхъ, снабдить всевозможными раскольничьими книгами, чтобъ они могли давать отвѣты всякому вопрошающему, тотчасъ же, на мѣстѣ. Шкафъ съ такими книгами могъ бы помѣщаться въ церкви и служить противъ раскольничьей библіотеки. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, равнодушно смотрѣть, какъ въ нашихъ глазахъ гибнутъ въ невѣжествѣ и совращаются въ расколъ тысячи народа? Пора подумать объ этомъ серьезнѣе, и пожалѣть народъ! Пропаганда раскольничья не спитъ; неужели же мы должны отвѣчать на ея дѣятельность и энергію сномъ?

Существенная и безотлагательная потребность Россіи состоитъ въ школахъ—народныхъ и приходскихъ. Самымъ лучшимъ дѣломъ было бы открыть подписку, кому слѣдуетъ, для заведенія народныхъ училищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особливо пропагандируютъ раскольники, учатъ дѣтей канонницы и злые фанатики, и готовятъ изъ этихъ мѣстностей будущее сплошное поселеніе раскольничье... Спасти тысячи дѣтей отъ невѣжества и изувѣрства—подвигъ благородный, и для Государя нашего жертвованія на такой предметъ были бы, конечно, пріятны въ особенности. Не потеряло бы денегъ и земство русское, еслибъ удѣлило на эти мѣстности для школъ народныхъ нѣкоторую сумму. Вѣдь эти деньги воспитали бы для отечества добрыхъ будущихъ гражданъ, а не изувѣровъ, невѣждъ и фанатиковъ, которые тревожатъ правительство цѣлыя 200 лѣтъ и съ которыми доселѣ правительство няньчится, какъ

съ блажнымъ ребенкомъ, хотя у этого ребенка давно отросли острые зубы, ему стукнуло недавно два столѣтія отъ рожденія. Ребенокъ этотъ начинаетъ уже замышлять кое о чемъ. Онъ купилъ для себя бѣглую іерархію за границею и мечтаетъ задарить деньгами (пустая, конечно, мечта!), чтобъ получить утвержденіе его бѣглой іерархіи. Замѣчательно, что московскіе коноводы, всевозможными письмами и посланіями во всѣ концы Россіи, увѣряютъ слѣпой народъ, что это время близко, и потому-де стойте и крѣпитесь въ своемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, не ходите въ школы, заводимыя нынѣшнимъ земствомъ и, поклоняясь столпамъ древляго благочестія въ Москвѣ, ждите, когда мы все для васъ устроимъ! Кто-жъ, однако, напоминаетъ, что никогда этого времени не будетъ въ Россіи, что никакое правительство не можетъ покровительствовать невѣжеству, тупости, фанатизму, слѣпотѣ и такимъ религіознымъ веществамъ, гдѣ, по самой догмѣ, исключается всякое образованіе, всякій прогресъ. Когда однажды, въ Кремлѣ, въ воскресенье, мы дали вопросъ одному раскольнику-коноводу: хорошо ли было бы то государство, гдѣ всѣ подданные были бы раскольники и такія невѣжды, какъ нынѣ, т. е. отвергающіе всякую науку, считающіе гимназію, университетъ и всѣ другія высшія заведенія учебныя антихристовыми забавами, то онъ отвѣчалъ съ фанатизмомъ: „Да, этакое государство и должно быть на землѣ, и будетъ время, когда вся Россія сдѣлается такою!“ Кого изъ насъ не поразятъ такія слова, пророчащія всеобщее отупленіе Россіи? Что придется отвѣчать на нихъ намъ, жаждущимъ скорѣйшаго увеличенія числа народныхъ школъ и ожидающимъ, чрезъ всеобщее образованіе массы, великихъ мыслителей и государственныхъ людей изъ народа, какъ это бываетъ въ Англіи, Америкѣ и т. п.?

Но намъ особенно нравится въ раскольникахъ практичность ихъ. Они, напримѣръ, съ удовольствіемъ отсыпятъ деньги становому исправнику, губернатору, его правителю канцеляріи или кому бы то ни было, и тотчасъ же наверстаютъ эту сумму десятерицею. Положимъ, напримѣръ, они дадутъ кому нибудь хоть 5000 руб. сер. и на другой же день шлютъ во всѣ концы Россіи извѣщеніе объ отдачѣ слугамъ антихриста 15,000 руб. сер., каковую сумму и приглашаютъ древле-благочестниковъ выслать или собрать изъ трудо-

выхъ крестьянскихъ копѣекъ, для пополненія кассы раскольничьей. На такую легкую операцію, коноводъ получаетъ, въ свою пользу, значитъ 10,000 р. с.

Намъ кажется, что скоро въ Москвѣ составятся компаніи на акціяхъ для пріобрѣтенія капиталовъ въ свою пользу чрезъ пристанодержательство бѣглыхъ архіереевъ и поповъ, и мы дивимся, что эти операціи не приняли до сихъ поръ такихъ же размѣровъ, какъ ссуда денегъ подъ залоги, разросшаяся въ Петербургѣ и Москвѣ. А комерція выгодная! Бѣглые архіереи и попы будутъ служить, совершать требы и собирать кучами деньги (по 300 р. за свадьбы берутъ, по 100 р. за крещеніе младенцевъ, по 200 р. за обѣдни), а акціонеры будутъ отъ нихъ эти деньги получать и пускать въ обороты; для раздачи же дивиденда, по окончаніи года собирать соборы.

Неужели коноводы раскола вѣрятъ, что русская литература будетъ отстаивать безобразіе, невѣжество, фанатизмъ, узкость догмы, моральную окаменѣлость. Да разувѣрятся однажды навсегда въ этомъ! Русская литература *жалѣетъ* обмануть народъ, и потому желаетъ ему одного—скорѣйшаго просвѣщенія наукою и поднятія уровня его образованія, чтобъ онъ, стряхнувъ поскорѣе съ себя 200-вѣковыя путы невѣжества и рутины, которыми опутали его богачи коноводы, нажившіе милiоны насчетъ слѣпыхъ крестьянъ и щеголяющіе нынѣ въ каретахъ по Москвѣ, пошелъ вслѣдъ за призывомъ Царя, который желаетъ всѣмъ свѣта, свѣта и свѣта, а не тьмы и невѣжества.

Разоблачать дѣятельность коноводовъ раскольничьихъ, особливо современныхъ и нынѣ дѣйствующихъ, есть самое благотворное дѣло. Для нихъ сколько не издавай строгихъ узаконеній, они чрезъ нихъ, съ помощію денегъ, шагаютъ также легко, какъ чрезъ соломенку. Чрезъ гласность же печатную не перешагнешь такъ легко. Вотъ почему мы увѣрены, что гласность по расколу самое острое и самое вѣрное противъ него оружіе... Жаль, что мы домыслились до этого, чрезъ 200 лѣтъ, только недавно.

XII.

ДѢТОУБІЙСТВО БЕЗПОПОВЦЕВЪ.

Въ политикѣ сдѣлалась уже почти общимъ мѣстомъ истина, что партія неподвижности и партія прогреса—обѣ составляютъ необходимые полюсы политической жизни, пока одна изъ нихъ до того не расширитъ своей силы, что станетъ, въ одно и то же время, и тою и другою партіею, зная и различая то, что можно сохранить, отъ того, что должно уничтожить. Каждая изъ этихъ партій полезна именно недостатками другой; но особенно опозиція противной стороны заставляетъ каждую изъ нихъ держаться близко предѣловъ благоразумія и пользы. Пока мнѣнія, защищающія демократію или аристократію, асоціацію или соперничество, роскошь или умѣренность, свободу или дисциплину, и всякія другія противорѣчащія идеи, не будутъ высказываться одинаково свободно; пока не будутъ падать на нихъ или защищать ихъ съ одинаковымъ талантомъ и энергіею, до тѣхъ поръ ни для одного изъ мнѣній нѣтъ шансовъ занять прочное мѣсто. Истина, по этому, въ важныхъ жизненныхъ вопросахъ столько зависитъ отъ соглашенія и соединенія противорѣчій, что очень немногіе имѣютъ умъ, достаточно способный и безпристрастный, чтобъ исполнить все это хоть приблизительно точно, и это можетъ быть достигнуто только труднымъ путемъ борьбы между двумя бойцами, стоящими подъ враждебными знаменами; только съ помощью разнообразія мнѣній есть надежда на полное признаніе обѣихъ сторонъ истины. Если есть люди, которые нарушаютъ кажущееся согласіе всѣхъ, по поводу какого нибудь вопроса, то предположивъ даже, что весь міръ думаетъ вѣрно, все-таки, можно полагать, что несоглашающіеся имѣютъ сказать въ свою пользу что нибудь, заслуживающее быть услышаннымъ, и что истина хоть сколько нибудь потеряетъ отъ ихъ молчанія.

На этомъ основаніи мы всегда стояли за пред оставленіе права нашимъ, напримѣръ, раскольникамъ высказывать открыто свои воз-

раженія и отстаивать свои догмы передъ обществомъ, церковью и литературою въ предѣлахъ, конечно, сдержаннаго и благоразумнаго спора. Такую же свободу преній считаетъ полезною, въ видахъ разъясненія истины, и само правительство, позволившее издавна, и нынѣ не прекращающее публичныхъ религіозныхъ споровъ раскольниковъ съ православными на Кремлевской площади въ Москвѣ. Нѣкоторые печатные органы стали давать мѣста возраженіямъ раскольниковъ и ѳедосѣевцы напр. выступили на арену печатную...

Къ несчастію, печатный литературный дебютъ ѳедосѣевцевъ слишкомъ неудаченъ, и нѣкоторые органы печати, пріютивъ ихъ на своихъ столбцахъ, доказали тѣмъ ихъ осязательную истину: что онѣ согласны давать мѣсто голосу раскола безъ разбора, хотя бы тутъ не было ничего неизвѣстнаго доселѣ и дѣйствительнымъ образомъ помогающаго дѣлу разъясненія истины, даже, еслибъ заключалась прямая, можетъ быть, намѣренная ложь. Исторія ѳедосѣевцевъ давно извѣстна, и цѣлыми сотнями офиціальныхъ дѣлъ засвидѣтельствованы факты изъ жизни этой мрачной секты—факты повальнаго разврата, вслѣдствіе основной догмы; „не женатый не женись женатый разженись“, и дѣтоубійства, какъ слѣдствія разврата. Одного неопровержимаго факта, что при обслѣдованіи преображенскаго кладбища, лицами правительственными въ Хапиловскомъ пруду неводами выловлено было огромное число утопленныхъ ѳедосѣевцами дѣтей, достаточно, чтобъ сказать публицистамъ ѳедосѣевцамъ, что они морочатъ публику, утверждая, будто, дѣтоубійства не было въ ѳедосѣевской сектѣ. Не говоримъ уже о томъ, что правительство и публика знаютъ ѳедосѣевскую секту по подробной, офиціальной и по запискѣ Безака, по высочайшему повелѣнію разбиравшаго логовище безбрачниковъ—преображенское кладбище. Дикая и противуестественная догма ѳедосѣевцевъ, что бракъ есть нечестіе и всѣ люди должны быть дѣвственниками, запечатлѣна, наконецъ, въ книгахъ, писанныхъ рукою самихъ же раскольниковъ и хранящихся къ уликѣ ихъ, въ императорской с. п. публичной библіотекѣ; а что написано перомъ, того невырубишь топоромъ. Самъ Ковылинъ во главу ѳедосѣевской секты положилъ слѣдующія слова: „Браки предъ Богомъ—блудъ, который будетъ наказанъ вѣчнымъ

огнемъ... и потому если люди вступятъ въ бракъ, то погибли: одно расторженіе браковъ и посвященіе себя Богу можетъ спасти васъ...“ Въ рукописяхъ, хранящихся въ императорской публичной библіотекѣ (№ 30-й по отд. бракобор.), читаемъ слѣдующее ученіе ѳедосѣевцовъ:

Дѣвство каждый сохраняй,
Тайну брака не сознай:
Холостой не женися,
Староженный воздержися,
Дѣвка замужъ не ходи,
Староженка не роди.
Тайна брака истребися,
Дѣторождство запретися...
Что къ зачатью человѣка
Нынѣ въ жизни душу вѣка
Богъ Творецъ не посылаетъ
Самъ діаволъ помѣщаетъ:
Сатана зиждетъ людей
Множествомъ числомъ семей;
Въ томъ невѣрны помогаютъ (т. е. брачащіеся)
И враги тожъ пособляютъ.
Сына, дочь не сочетать
Мать, отца за бракъ изгнать.
Чистоту мы умножаемъ,
Вѣру дѣвства защищаемъ.
Повивалками не быть (повелѣваемъ),
Повиваньемъ не служить.
Вѣру твердо сохраняйте,
И въ родахъ не помогайте...
. . . . . .
Тверды въ вѣрѣ пребывайте
Жизни брачной не примайте.
. . . . . .
Страсть любовну поправляти
Покаяньемъ очищати;
Насъ отцы (ихъ духовники) за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ.

Болѣе благоразумные изъ ѳедосѣевцевъ, впослѣдствіи, видя всю противоестественность этой догмы, не рѣшались предаваться аскетизму и, сходясь на любовное сожитіе съ женщинами, удерживали

при себѣ дѣтей, т. е. не топили ихъ въ прудахъ и не отправляли въ скиты замаливать грѣхи отцовъ. У ѳедосѣевцевъ такіе люди сдѣлались извѣстны, подъ именемъ „новоженовъ“, и къ нимъ упорные сектанты стали относиться слѣдующимъ образомъ:

Новоженка сохрани (правило)
Изъ горшка (дѣтей) млекомъ корми.
А не грудію своею
И не мерзостью твоею,
Но коровьимъ молокомъ
Для спокойствія о томъ.
Мать отца ихъ (дѣтей) разлучати,
Купно жить не позволять,
По деревнямъ разгонять.
Вмѣстѣ будутъ проживати—
Ихъ дѣтей не отпѣвати
Ни крестить всегда нигдѣ...
. . . . . .
Вѣра наша (ѳедосѣевская) лучше всѣхъ
Въ чистотѣ, что въ насъ успѣхъ.
Ѳедосѣвы научили,
Вѣру дѣвства учредили,
Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ—
Будетъ знать хоть цѣлый свѣтъ...

Никому такъ коротко неизвѣстны, конечно, ѳедосѣевцы, какъ раскольникамъ же другихъ толковъ; между тѣмъ, нѣкто Андреянъ Сергѣевъ такъ отозвался о современныхъ ему ѳедосѣевцахъ въ рук. публ. библ. л. 30:

Фараонъ дѣтоубійца,
Продъ злобный, кровопійца.
Грѣхъ тогда легчае былъ:
Мужескъ полъ одинъ убилъ;
Бракоборъ же (ѳедосѣевецъ) взаконяетъ
Оба пола умерщвляетъ...

Еслибъ скопецъ принесъ заявленіе, что правительство и литература ложно взводятъ на скопцовъ обвиненіе въ скопчествѣ, бѣгунъ—что члены секты бѣгуновъ самые осѣдлые и домосѣдные люди, и редакція напечатала бы эти заявленія, то насмѣшка этихъ людей надъ публицистикою была бы очевидная. Слова нѣтъ, запрещать высказывать свои мысли кому бы то ни было, по меньшей

мѣрѣ—значитъ останавливать раскрытіе истины: этимъ, если можно такъ выразиться, обкрадывается родъ человѣческій, будущія поколѣнія и настоящія, потому что если запрещаемое мнѣніе справедливо, люди лишаются возможности замѣнить ложь истиною, а если оно несправедливо, они утрачиваютъ возможность яснѣе понять и живѣе почувствовать истину, которая укрѣпляется отъ столкновенія ея съ ложью. Но иное дѣло веденіе спора, иное мороченіе...

Правительству и публикѣ не со вчерашняго дня извѣстенъ чинъ оглашенія ѳедосѣевцевъ, написанный во времена Ковылина, а въ этомъ чинѣ говорится, напримѣръ: ежели кто желаетъ единолично въ цѣломудріи безженно жизнь проводить, таковый „пріятъ будетъ (въ секту), а инако да отвержется...“ (§ 9 чин. оглаш.) „Аще бы дѣтемъ своимъ (родители) по крещеніи снискали какимъ либо образомъ бракъ, тогда они, яко пагубу дѣтемъ снискавшіе, отъ церкви божіей отвергнутся и не пріимутся въ сообщеніе во вся дни живота, дондеже не расторгнутъ беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ. И даже ни при кончинѣ жизни, и по смерти такожде, никакой помощи не получатъ, ни погребенія, ни поминовенія...“ (§ 8 чин. оглаш.). Не отражается ли въ этихъ доктринахъ, во всей своей полнотѣ, духъ ѳедосѣевскаго ученія и завѣтныя цѣли отшельниковъ пребраженскаго кладбища, вопреки увѣреніямъ ѳедосѣевцевъ, что правительство и публика доселѣ не знаютъ, въ чемъ состоитъ духъ ѳедосѣевской секты? доктрины ѳедосѣевской секты—поголовное дѣвственничество (состояніе немыслимое, необходимо порождающее развратъ, слѣдствіе же разврата — сокрытіе дѣтей въ прудахъ и т. п.) до того противоестественны, до того противорѣчатъ и физической природѣ и правиламъ духовной, гражданской и общественной жизни, до того нелѣпы въ своихъ выводахъ и аргументахъ, что нельзя не подивиться, какъ могли укорениться и держаться среди нашего общества заблужденія, столь дикія и столь несообразныя съ простымъ здравымъ смысломъ. Только безучастнымъ равнодушіемъ нашей печати и правительства къ дѣламъ общественнымъ раскола можно объяснить это грустное явленіе, которому краеугольнымъ камнемъ послужила одна изъ извѣстныхъ дилемъ ученія Брамы: тотъ мудръ, кто не имѣетъ ни жены, ни дѣтей... Еслибъ раскольникамъ издавна позволенъ былъ церковный споръ, свобода

высказывать свои аргументы, какъ при Петрѣ I, посылавшемъ на поморье Неофита, а въ Стародубье Іосифа Рѣшилова съ предписаніемъ имѣть имъ публичныя пренія въ раскольниками, давать письменные вопросы и требовать письменныхъ же отвѣтовъ, принимать ихъ вопросы и отвѣчать на нихъ, то, мы полагаемъ, расколъ этимъ путемъ свободнаго пренія домыслился бы до лучшихъ основъ въ своихъ узкихъ догмахъ, и дѣвственнической догмы давно бы и въ поминѣ не было на русской землѣ. Но, опять-таки, повторяемъ, мы желаемъ раскольникамъ свободы откровенно защищать свои положенія, свои догмы, а не отпираться отъ того, что засвидѣтельствовано исторіею, и тѣмъ морочить и печать и публику.

Если ѳедосѣевцы скажутъ, что дикое и противоестественное ученіе Ковылина о томъ, что міръ долженъ быть повально дѣвственнымъ, и что бракъ есть діавольское дѣло, не долго жило и въ послѣднее время имъ они не руководствовались, то въ обличеніе и этой отговорки служитъ списокъ „Отеческихъ завѣщаній“, найденный около 50-хъ уже годовъ на преображенскомъ кладбищѣ (заправлявшемъ, какъ извѣстно, ѳедосѣевцами, по всей Россіи разселенными) и подписанный старшимъ попечителемъ кладбища. Содержаніе завѣщаній состояло въ томъ, чтобъ браковъ никакихъ не признавать и раскольниковъ, находящихся въ брачномъ союзѣ, разлучать съ женами, чтобъ въ бракахъ христіанскихъ родства тѣлеснаго не признавать (вслѣдствіе чего, при свойственной человѣку слабости, у ѳедосѣевцевъ существовало и существуетъ кровосмѣшеніе), что христіане брачащіеся — суть „змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище“ и что, наконецъ, объ умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана, къ зачатію младенца душа дается отъ діавола... Мы можемъ привести здѣсь подлинный текстъ этой рукописи, которая доведена была до свѣдѣнія покойнаго государя императора Николая Павловича и по поводу которой послѣдовало высочайшее, 18-го апрѣля 1847 года, повелѣніе: о подчиненіи преображенскаго кладбища вѣдѣнію попечительскаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, съ назначеніемъ графа Строгонова попечителемъ преображенскаго богаделеннаго дома, на мѣсто попечителей ѳедосѣевцевъ, проповѣдовавшихъ

и распространявшихъ дикое и противоестественное ученіе. Вотъ подлинный текстъ этой рукописи:

„Отеческія завѣщанія изъ книги Пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича.

1) Отъ лѣта по Рождествѣ Христовѣ 1667 (въ подлинникѣ славянскія цифры) уставленная Богомъ царская власть и начальствующая, за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ, упразднися и наступило царствованіе Антихриста.

2) Статью апостола Павла о бракѣ въ свидѣтельство не приводить.

3) Бракъ отъяся и запретися.

4) Староженыхъ бѣгати.

5) Половинокъ разлучить.

6) Христіанъ врачующихъ изъ церкви извергать.

7) Покаявшихся разводить.

8) Младенцовъ отъ христіанъ брачащихся не крестить.

9) Къ зачатію младенца душа отъ діавола.

10) Христіане брачащіеся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище.

11) Въ бракахъ христіанскихъ родства тѣлеснаго не признавать.

12) О умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана.

Надѣемся, что всякій ѳедосѣевецъ узнаетъ это знаменитое писаніе, положенное во главу ученія ѳедосѣевской секты. Въ расколѣ религіозныя вѣрованія идутъ объ руку съ политическими убѣжденіями, и нерѣдко политическое направленіе какой либо партіи было поводомъ къ ея отпаденію отъ согласія, къ которому она, по исповѣданію и правиламъ обрядности, принадлежала. Такъ случилось, напримѣръ, съ ѳедосѣевцами (преображенскаго кладбища), отдѣлившимися, правда, еще прежде отъ поморцовъ, но расторгшими съ ними всѣ сношенія, вслѣдствіе возникшихъ послѣ самаринской комисіи (1739 г.) споровъ о томъ, слѣдуетъ ли молиться о здравіи и долголѣтіи Государя Императора, какъ главы правительства, тогда какъ безпоповцы признаютъ установленныя гражданскія власти слугами антихриста. Поморцы, предводительствуемые братомъ знаменитаго Андрея Денисова, Симеономъ Мышецкимъ, постановили, что за особу Государя Императора слѣдуетъ молиться, потому что мы-де живемъ на его землѣ, онъ охраняетъ насъ отъ врага, печется о внутреннемъ порядкѣ, ограждаетъ наше имущество и самую личность отъ чужаго произвола. Преображенцы-же, или ѳе-

досѣевцы, не приняли этого и даже сочли поморцевъ за отступниковъ отъ православія, именуя ихъ уже не поморянами, но самарянами, т. е. именемъ того, кому поручена была комисія, и въ тропарѣ: „спаси, Господи, люди твоя“ замѣнили слова: „побѣды благовѣрному Императору нашему на сопротивныя даруя“ словами: „побѣды благовѣрнымъ рабомъ своимъ на сопротивныя даруя“ и проч., а также на Богоявленіе Господне въ ирмосѣ 3-мъ: „крѣпость даяй Царю нашему, Господи“ словами: „рабомъ своимъ“. Въ самомъ адресѣ, поднесенномъ Государю Императору въ 1863 году, ѳедосѣевцы (преображенцы) не упомянули о молитвѣ за Царя по примѣру рогожцевъ и другихъ согласій раскольничихъ. Исчисляя гражданскія доблести старовѣровъ, раскольники, говорятъ, между прочимъ, что если старовѣры не вполнѣ достигли своихъ цѣлей и на свободу совѣсти не пріобрѣли еще права, то могутъ надѣяться, что все это имъ будетъ со временемъ. Дай Богъ, чтобъ эта надежда скорѣе исполнилась, но они должны знать, что если съумѣютъ печатно же доказать, что́ они и кто они на самомъ дѣлѣ?.. Способные на движеніе впередъ или окаменѣлые исповѣдыватели догмъ, въ родѣ ѳедосѣевскихъ?..

XIII.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ХОДАКИ.

I.

ВЪ МОСКВѢ РУБЯТЪ ПО СЕЛАМЪ ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ.

Утреннее солнце стояло выше дерева, когда по одному изъ сквернѣйшихъ трактовъ я двигался въ ямщицкомъ тарантасѣ. Это было на второй день по выѣздѣ моемъ изъ Москвы. Лошади у ямщика

были исправныя, и самъ онъ сидѣлъ на козлахъ молодцомъ. Вдали, въ огромной ложбинѣ, показалось наконецъ село „Замараево“, по свѣденіямъ моимъ состоявшее въ расколѣ.

— Много раскольниковъ въ этомъ селѣ? спросилъ я ямщика.

— А что? отвѣчалъ возница, и обернулъ ко мнѣ свое довольно смышленное лицо, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, сѣрыми глазами и широкими насмѣшливыми губами.

— Да такъ, говорю, любопытствую знать много ли?

— Почитай что все село! отозвался ямщикъ, и поглядывалъ на меня съ-боку, наблюдая, какой эфектъ произвелъ на меня его отвѣтъ.

— И ты знакомъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ въ селѣ?

— Какъ не знакомъ—самъ изъ этого села былъ; вотъ теперь только въ Смышляевкѣ сталъ жить, на станціи значитъ.

— Такъ и ты вѣрно раскольникъ?

— Я-то?—нѣтъ. Былъ да сплылъ! Нынѣ въ міру обрѣтаюсь, отвѣчалъ полусмѣшкомъ возница: — строгостей ужъ больно много. Картофелю закусишь—эпитемію неси въ полторы тысячи поклоновъ въ день, за чай — по три тысячи поклоновъ на день клади, за трубку аль папиросу—по тысячѣ поклоновъ въ день... Ну ихъ!

— Какъ же это такъ, спрашиваю, случилось,—давно ли?

— Да какъ родителей на тотъ свѣтъ препроводилъ съ того времени и лѣстовки сожегъ. Да и ремесло наше ямщицкое такое, что бываешь вездѣ; все, значитъ, мірское видишь; съ ямщиками медъ, вино пьешь... Ну и разумѣй: какой же тутъ расколъ? Возница мой оказался, очевидно, изъ продравшихъ, наконецъ, свои мысленныя очи...

— Не знаешь ли, говорю, кто здѣсь въ селѣ коноводомъ-то у раскольниковъ?

— Да наѣзжаютъ больше изъ Москвы разные рыболовы.

— Какъ рыболовы?

— Знамо, рыболовы... А-то какъ же ихъ? Удятъ да удятъ... Вотъ и вчера вечеромъ въѣхалъ въ Замараево какой-то монахъ оттуда. Нынче, небось, учить будетъ тамъ. Я же и везъ вчера. Двугривенный на водку далъ.

— А я дамъ больше, если ты, по пріѣздѣ нашемъ въ Зама-

раево, справишься, гдѣ онъ проповѣдуетъ и укажешь мнѣ тотъ домъ.

— Можно, отчего жъ? съ большимъ услуженіемъ сдѣлаемъ. Дразняться еще дурачье, какъ пріѣзжаешь къ нимъ: обмірщился, говорятъ, антихристовъ сынъ сталъ, ворчалъ про себя кучеръ.—А я тфу на это—вотъ что!..

Черезъ полчаса мы въѣзжали уже въ Замараево. Село это оказалось совсѣмъ плохимъ селомъ. По улицамъ виднѣлось много полусгнившихъ и подопрѣлыхъ срубовъ, то погнувшихся на бокъ, то вросшихъ въ землю. Окна въ домахъ были большею частію волковыя съ оторванными ставнями, а многія съ волчьими, заткнутыми хлопками. Предъ дворами торчали кое-гдѣ колодцы съ развалившимися срубами, остаткомъ столба и колеса и съ грязными, истоптанными скотиной лужами. Въ селѣ виднѣлась церковь деревянная, ветхая, несоразмѣрно маленькая сравнительно съ величиною села. Ребятишки раскольничьи постоянно прятались во дворъ при проѣздѣ нашемъ по селу и изъ-подворотни выставляли потомъ свои шаршавыя головы. Предъ навѣсами дворовъ торчали телеги безъ колесъ, прѣлыя колоды, а самые навѣсы были во многихъ мѣстахъ раскрыты.

Съ въѣзжаго двора ямщикъ мой скоро отправился на поиски монаха московскаго и черезъ полчаса отрапортовалъ, что онъ проповѣдуетъ въ домѣ мѣстнаго уставщика Козлова. Переодѣвшись, я, подъ видомъ проѣзжаго вошелъ съ ямщикомъ моимъ въ избу Козлова. Никто не обратилъ вниманія на нашъ приходъ, тѣмъ болѣе, что ямщикъ часто къ нимъ завертывалъ то поругаться, то подразниться... Только одна беззубая старушенка встрѣтила моего ямщика бранью:—Что скалить-то зубы лѣзешь?

— Не съѣдятъ, чай! отвѣтилъ мой вожака;—вотъ проѣзжему взглянуть хочется...

Изба Козлова была большая и на этотъ разъ заключала въ себѣ человѣкъ до 60 народа. Кто стоялъ, кто сидѣлъ, кто тѣснился на полатяхъ и на печи. Ладону пакурено было столько, что дыханіе захватывало...

Впереди, въ раскольнической монашеской хламидѣ, съ четками въ рукахъ, кто-то ораторствовалъ и возился съ книгами.

Смотрю пристальнѣе: Васька Досужевъ, что юлилъ въ Митюговомъ трактирѣ предъ раскольниками-коноводами... Любопытство мое съ этого момента еще болѣе увеличилось, и я рѣшился переслушать всѣ ораторствованія Васьки. Прислушиваюсь.

— Аще кто дерзнетъ пити чай, ораторствуетъ Васька,—тотъ отчается Господа Бога, аще кто дерзнетъ пити кофъ (кофе), въ душѣ того будетъ ковъ и лукавство...

— Ого! вотъ ты какія рацеи, другъ любезный, тутъ разводишь, думалъ я.—Хорошъ!

— Отвращаетесь ли отъ картофеля? взываетъ Васька и опускаетъ очи свои долу, а персты правой руки простираетъ къ небу.

— Отвращаемся, отвращаемся! загудѣла слѣпая толпа...

— Помните, что Бароній въ главѣ 263 говоритъ: пріидетъ антихристъ противникъ, пріемлетъ сласти похотныя, по ихъ пойдутъ, того міръ возлюбитъ и вельми послушаетъ. Въ то время будетъ трава, есть отъ него зовома картофь, антихристова похоть, нарицаютъ то овощемъ, и распространится по лицу всея земли, и всякъ возрастъ возлюбитъ сласть великую, помраченіе человѣцы умомъ, яко пьяніи; глаголетъ бо о немъ св. Симеонъ Богословъ, яко скверно, яко отъ Рима начало имать, расплодишася повсюду, и въ томъ брашнѣ человѣцы осквернятся, яко древній Израиль.

Масса умильно вздыхаетъ...

— Не варитъ ли кто браги? взываетъ снова Васька—Не соблазнился ли кто симъ отъ никоніанъ?

— Не варимъ, не варимъ! отвѣчали слушатели Васьки.

Старушенка при этомъ отвѣтѣ заходила съ ладонницами по избѣ и замахала ими въ обѣ стороны. Дымъ ладонный просто захватывалъ дыханіе...

— Разумѣйте, что сіе питіе отъ бѣса сотворено на пагубу душамъ православнымъ христіанамъ и на вѣчную муку. По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа ходяще ученицы Господни по земли, и учаще люди заповѣдемъ Христовымъ, истиннѣй вѣрѣ христіанстѣй и закону Божію; сатана же завистію своею распаляемъ позавидѣ доброму дѣлу Божію, и нача съ бѣсы бесѣдовати, како бы уловити спогубити родъ человѣческій пьянствомъ, наипаче же вѣрныхъ христіанъ. И выступи у нихъ одинъ изъ собору піаный бѣсъ,

и глагола сатанѣ: азъ вѣдаю, господине, отъ чего сотворити питіе. Сатана же даде ему власть пьяную, нача съ нимъ бесѣдовати, и глагола ему бѣсъ: аще азъ вѣдаю, господине, яко осталось тоежъ травы, что прельстилъ я Ноеву жену до потопа на аравитскихъ горахъ, и азъ пойду по тое траву, и прельщу человѣка нѣкоего, его же обрящу. И вставъ сатана съ престола съ бѣсы и поклонися ему и съ честію великою, и посадивъ его на престолѣ своемъ, и положивъ на главѣ его вѣнецъ, и облече его въ порфиру, и даде ему скипетръ царскій и нарече ему имя піаный бѣсъ... и научи человѣка, како ростити солодъ, и брагу дѣлать, дондеже воскиснетъ, и уготовиша горнъ и горшки, и поставиша кубы и наліяша браги, и накрывше и накинуша горшки и тѣстомъ замазавше струбами, и сквозь кади пропустиша, и налиша кади воды и положиша подъ кубы огня, и начаша варити, и пойде сквозѣ кади трубами, яко нѣкая хитрая вещь, и на умъ человѣку не взыде. И тако умудри бѣсъ на погибель человѣкомъ. А наипаче еже православнымъ христіаномъ... и проч.

Масса вздыхаетъ, нѣкоторые сморкаются.

— Новомодную одежду не соблазнилъ ли бѣсъ кого носити? спрашиваетъ Васька и указательнымъ пальцемъ обводитъ собраніе.

— Нѣтъ! нѣтъ! послышались голоса,—какъ можно...

— Женщины не носятъ ли платковъ на шеѣ, яко никоніане? взываетъ Васька.

Бабы и дѣвки начали переглядываться между собою.

— Зрите, что о семъ писано въ книгахъ. Въ лѣто 1423 бысть во французской землѣ король, именемъ Евспасіанъ, нумеріаномъ зѣло славный во многихъ королевствахъ западныхъ, вельми же бысть гордъ и упойчивъ, зѣло немилосердъ ко всѣмъ подданымъ своимъ; и въ нѣкое время ближніи его сенатори пришедше нощію въ ложницу его и вервію спяща его удавиша. По немъ же остася на престолѣ его сынъ его юнъ зѣло, именемъ Карлусъ. И едва возмужавъ и пріиде въ разумъ и многими нѣмецкими одолѣ королевствы во одержаніе взя и воспомяну отца своего, яко не лѣпою смертію отъ сенаторовъ удавленъ бысть. Созва всю свою область и повелѣ всѣмъ, въ воспоминаніе смерти отца своего, на шеяхъ очевидно петли со удавою носити. Того ради вси подданніи его носи-

ша 12 лѣтъ. По семъ собрашася вкупѣ сенатори, и биша челомъ о своемъ безчестіи, еже бы повелѣлъ сняти удавы и петли, еже отъ многихъ странъ поносъ и уничиженіе быша; король же едва умоленъ бысть, на милость приклонися. И повелѣ вмѣсто петлей платы на шеяхъ носити, дабы поминали смертное убійство отца своего, и впредь того не чинити. И тако разыдеся и по инымъ ордамъ, еже на шеяхъ платы носити. Слышали? прерываетъ Васька свое чтеніе.

Всѣ молчатъ...

— Никто же вводитъ новыхъ изобрѣтеній въ одѣяніяхъ, глаголетъ Офонія; зри Зерцало Мірозрительное, 19 главу на 25 листѣ: посѣщу на вся языки и на вся сыны Израилевы и на вся одѣванія ризою странною, и отлученъ бываетъ закону гражданскому и обычаямъ еллинскимъ придержайся... и проч.

Бабы и дѣвки покорно опускали очи свои долу и послушно внимали.

— А не сквернится ли кто табакомъ, симъ зеліемъ адскимъ? вопрошаетъ Васька и дѣлаетъ самую ужасную рожу изъ своего лица, причемъ обѣ руки подымаетъ къ небу.

Ужасъ и смятеніе овладѣваютъ мгновенно всѣми при этомъ вопросѣ. Слушатели какъ-будто даже удивились этому вопросу, который и давать, повидимому, не слѣдовало, какъ священнику на исповѣди неумѣстно предложить дѣвушкѣ вопросъ, который приличенъ только замужнимъ... Васька замѣтилъ впечатлѣніе своего вопроса и еще громогласнѣе заговорилъ:

— Помните, что пишутъ о немъ! Когда Господь совершилъ дѣло искупленія и извелъ изъ ада съ вѣрою ожидавшихъ Господня пришествія: возстеналъ адъ, лишась своихъ плѣнниковъ. Не стони, брате аде, сказалъ аду сатана. азъ вниду во адъ и возму злая семена и посѣю на землю, отъ того возрастетъ трава табунъ, еже есть табакъ, и ту траву табакъ будутъ многіе люди ясти и пити и тѣ будутъ отъ Господа Бога прокляти, и тѣми проклятыми полна адская утроба наполнена будетъ, и царствовати ими начнеши... Табакъ есть тотъ корень горести выспрь прозябаяй, о которомъ говоритъ и св. Ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ гл. 12, ст. 15, — скверный корень, проклятый на семи соборахъ... Да! Слу-

шайте. И въ книгѣ Григорія Синаида, въ главѣ 89 листѣ 403, сказано: Аще который человѣкъ начнетъ держати сію бѣсовскую и Богомъ ненавидимую и св. отцы отреченную смердящую траву табакъ, и употреблять какими-либо дѣйствіями, то у того человѣка мозгъ во главѣ его укрушитъ и вмѣсто мозга внидетъ во главу его та смердящая воня, изгубитъ въ немъ мозгъ его и начнетъ тако пребывати неточію во единой главѣ, но и во всѣхъ костѣхъ его, и вмѣсто мозга во главѣ его будетъ зола. Аще ли который человѣкъ нѣкоимъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское—табакъ класти и нюхати въ носъ, или за щеку класти, или курити пипкою, — то таковому бо человѣку не подобаетъ бо въ церковь Божію входити, ни креста, ни Евангелія цѣловати, и причастія ему отнюдь не давати, ни свѣщи, ни просфоры, ни ѳиміаму, ни всякаго приношенія въ церковь Божію отнюдь не принимати и съ людьми ему не молитися и не ясти и не пити, дондеже престанетъ отъ таковыя мерзости; и Ангелу Божію хранителю души его преставленну по св. крещеніи не прикасающуюся къ нему и далече отъ него отступившу и плачущуся всегда за смрадную его воню, за губленіе души его, что предался въ руцѣ бѣсовъ мрачныхъ и огню негасимому, и червемъ ядовитымъ, и зміямъ лютымъ, и зубомъ скрежетанія и плачь неугасимый, и смрадъ золъ, и нѣсть имъ тама радости и покоя: аще и умретъ, то гроба ему не давати и не класти, но бросить въ яму или оврагъ на съѣденіе звѣрямъ, а въ землю его не класти, дабы земля отъ него не осквернилася. Аще который человѣкъ престанетъ отъ такого бѣсовскаго срама и пріидетъ во истинное покаяніе, со слезами сокрушеннымъ сердцемъ нодастъ милостыню и смиритъ себя постомъ и молитвою: — тогда Господь проститъ душу его отъ грѣха того...

— Ну не лицемѣръ ли ты, Васька Досужевъ, мѣщанинъ города Москвы, Лефортовской части? невольно заговорилъ я наконецъ, вышедши изъ всякаго терпѣнія.—Не ты-ли, курилъ папиросы и гаванскія сигары въ Митюговомъ-то трактирѣ назадъ тому три дня? не ты ли, объѣдался тамъ разными жаркими съ картофелемъ съ твоими отцами-коноводами, а теперь пріѣхалъ сюда такія рацеи разводить передъ слѣпымъ народомъ?...

Васька вдругъ смѣшался, но не растерялся на столько, чтобы бѣ-

жать, какъ дѣлаетъ обыкновенно ихъ братія при такихъ случаяхъ... Слушатели его были болѣе удивлены, чѣмъ испуганы. Глаза всѣхъ обратились на моего проводника, какъ бы съ вопросомъ: кого-де ты привелъ съ собой?

— Ну что ты шутомъ-то, говорю, гороховымъ нарядился? Что это на тебѣ за одѣяніе, вмѣсто твоего щеголеватаго московскаго сюртука, въ которомъ ты разгуливаешь въ бѣлокаменной-то?

Васька выдерживаетъ себя и не теряется. —На главѣ, говоритъ, имѣю клобукъ, иже именуется херувимы и серафимы, инде ношу и камилавку, иже именуется четыре евангелиста: Лука, Марка, Матвѣй и Іоаннъ Богословъ; одѣянъ есмь въ мантію, иже именуется покровъ церковный, и ряску, иже именуется риза Господня. Аще кто пострижется сице и сохранитъ свое черничество, ангелъ у Христа будетъ въ Царствіи Небесномъ.

— А кто, говорю, наряжается ангеломъ-то Христовымъ, да ѣздитъ по селамъ отравлять жизнь и безъ того забитаго народа, получая за таковое милое ремесло денежки отъ пославшихъ, тотъ именуется мошенникъ, и наречется ссыльнымъ арестантомъ въ странахъ Сибирскихъ, во области Тобольской и Якутской..... Васька ежится и начинаетъ подозрѣвать меня. Слушатели тоже трусятъ и переглядываются между собою.

— Азъ посланъ Богомъ съ небеси: спасти народъ отъ развращенія, отъ власти антихриста, бормочетъ Васька.

— Ай, ай! изъ какого далека! говорю, —не поближе ли откуда? не изъ Москвы ли отъ Кузьки Коновода, или Агашки Адамантовой?

— Имѣемъ архіерея законнаго; почто же смущаеши нашу совѣсть? несмѣло возражаетъ Васька.

— Какого? это Антошку-то угольщика. Знаю, говорю, знаю.

— Сія богобоязливая вдова есть адамантъ древляго благочестія, бормочитъ Васька.

— Какъ же —очень богобоязливая вдова! только слишкомъ близко отъ Антошки живетъ, всего чрезъ лѣстницу, и на чай черезчуръ часто къ нему жалуетъ рано по утру, и поздно вечеромъ...

Васька совсѣмъ сталъ теряться.

— Не благоугодно ли, говорю, будетъ ангельскому-то чину ко

мнѣ пожаловать на взъѣзжій дворъ и поговорить наединѣ обо всемъ этомъ. А то тутъ неловко, народу много.

И, взявъ любезно подъ руку ангела въ иноческомъ образѣ, я вышелъ съ нимъ, дружелюбно разговаривая, изъ избы Козлова. Народъ не шелохнулся.

II.

ПРОПАГАНДИСТЫ.

Когда мы очутились въ комнатѣ въѣзжаго дома, я попросилъ Ваську снять съ себя хламиду и быть тѣмъ, что онъ есть. Васька не прекословилъ и, оставшись въ поддевкѣ, заговорилъ со мною осторожно.

— Ваше высокоблагородіе видно отъ начальства; за раскольниками смотрите?

— Да, говорю, отъ него, только не за раскольниками смотрю, а всматриваюсь лишь въ ихъ житье-бытье.

Васька заюлилъ на каблучкахъ своихъ московскихъ сапогъ. Росту онъ былъ немного повыше средняго, черты его загорѣлаго (вѣроятно отъ частыхъ путешествій по селамъ) продолговатаго лица, окруженнаго темнорусой бородой и такими же густыми волосами, были довольно красивы и выразительны. Сѣрые полузакрытые глаза глядѣли умно и лукаво. Небольшой правильный ротъ, рѣзко обозначавшійся изъ подъ русыхъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ увѣренность въ себѣ и нѣсколько насмѣшливое равнодушіе ко всему окружающему. По рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, видно было, что Васька человѣкъ съ энергіей.

— Что же, судить меня, отправить изволите? вопрошаетъ смиренно Васька.—Я готовъ за вѣру страдать...

— Послушай, говорю, Васька: судить я тебя не отправлю, это не мое дѣло, а поговорить съ тобою посеріознѣе намѣренъ. Ну понимаешь ли, что ты дѣлаешь? Обсуждалъ ли ты когда-нибудь

серіозно послѣдствія, какія терпитъ народъ отъ твоей постыдной профессіи?

— Какъ же-съ.

— То-то и есть, что нѣтъ! Что ты за ерунду безграмотнымъ несчастнымъ слѣпцамъ плелъ о чаѣ, кофе и картофелѣ? Ужели ты не знаешь, сколько наказаній народъ перенесъ за несѣяніе картофеля, сколько за это сослано на поселеніе; и изъ-за кого же?— изъ-за вашего брата коноводовъ! Ты вотъ здѣсь намололъ чепуху-то, да и въ Москву уѣдешь кушать благополучно картофель въ трактирахъ, а народъ-то остается голодать, когда онъ могъ бы быть сытымъ не хуже тебя. Какъ же тебѣ не стыдно такія вещи дѣлать? А пріѣдетъ начальство, начнется принужденіе сѣять картофель,— кто будетъ страдать за ослушаніе? Народъ же опять, а ты вѣдь будешь въ сторонѣ.

— Оно конечно, бормочетъ Васька,—конечно....

— То-то конечно! Ну что ты еще, напримѣръ, плелъ за чепуху объ одеждахъ новомодныхъ и о брагѣ? Что же ты и твоя братія пославшая тебя, желаетъ, чтобы народъ-то ходилъ въ зипунахъ, да въ полушубкахъ однихъ, когда могъ бы ходить и почище въ чемъ? А ты-то самъ зачѣмъ ходишь въ Москвѣ не въ зипунѣ, а въ сюртучкѣ, а богачи-то ваши въ Москвѣ почему разгуливаютъ въ щегольской одеждѣ и ѣздятъ въ каретахъ по бѣлокаменной? Не говорю уже о ихъ женахъ и дочкахъ, выѣзжающихъ въ собраніе и пользующихся всякими удовольствіями столичными....

— Оно конечно... повторяетъ машинально Васька.

— Да что ты задолбилъ одно конечно-то? Ты отвѣчай мнѣ толкомъ на мои вопросы.

— Однако же, заговорилъ наконецъ Васька, — Государь нашъ не велѣлъ трогать расколъ-то, свобода тамъ и все такое есть. Во дворецъ ѣздятъ депуты-то наши, съ адресомъ значитъ, такъ что же бы какое кому дѣло до насъ?.. Архіереевъ своихъ имѣемъ, не ловятъ вотъ ихъ у насъ, стало-быть...

— Стало-быть, говорю, вы можете таскаться по Россіи и сбивать съ толку слѣпой народъ, всѣхъ крестьянъ, подданныхъ Государя, очумлять всякою ерундою и бреднями, для того, чтобы они въ слѣпотѣ своей молились на васъ Богу и взирали съ умиленіемъ

на ваши безстыдныя очи?.... Хороша плата великодушному Государю-то за то, что онъ принимаетъ вашихъ богачей во дворецъ съ адресами. Нечего сказать!

— Опять и расколъ не приказано трогать...

— Такъ что же? Ты думаешь, что великодушному Государю нашему не угодно преслѣдовать раскола потому, что расколъ такъ хорошъ и привлекателенъ, что ему слѣдуетъ покровительствовать? Ошибаешься, другъ мой, и всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ тобою такъ думаютъ. Государю угодно, какъ и всѣмъ благомыслящимъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы русскій народъ учился грамотѣ въ школахъ, отрезвлялся отъ своей слѣпоты, суевѣрія, невѣжества и предразсудковъ, чтобы онъ богатѣлъ, а не нищенствовалъ, чтобы изучалъ ремесла и земледѣліе, а не читалъ каноны ересіархамъ, не спорилъ о ладонѣ, да о цѣпочкахъ на кадилѣ, чтобы жилъ въ хорошихъ и чистыхъ хоромахъ, а не въ грязи и курныхъ избахъ, чтобы шелъ стройно впередъ по пути развитія и просвѣщенія, а не таскался по лѣсамъ въ иноческихъ вашихъ хламидахъ и не зарывался въ пещеры долбить цвѣтники и всякую ерунду писанную, которою вы наводнили Россію въ такомъ количествѣ, что ею хоть рѣки пруди... Если же Государь и правительство снисходятъ нынѣ расколу, то потому только, что не видятъ пользы въ гоненіяхъ, и правительство наше лишь терпитъ расколъ, а не покровительствуетъ ему, ты это твердо помни — и не будетъ никогда времени, чтобы правительство или Царь рѣшились покровительствовать невѣжеству и слѣпотѣ, а тѣмъ болѣе такимъ хватамъ, какъ ты... Всегда было и будетъ желательно, чтобы всякое государство развивалось и процвѣтало, а не кисло въ потемкахъ, не долбило бабьихъ сказокъ и не ржавѣло въ пещерахъ, что проповѣдуетъ ваша братія, пугая воображеніе простыхъ людей какимъ-то антихристомъ и прочими пугалами...

— Опять вотъ и Антоній нашъ въ Москвѣ... бормочетъ Васька...

— Что же вашъ Антоній? Придетъ время, когда поумнѣвшіе изъ раскольниковъ свяжутъ его сами и попросятъ правительство отправить его, соблазна ради, въ Соловецкій.... И ужъ во всякомъ случаѣ не придетъ то время, когда Антошка вашъ будетъ признанъ архіереемъ, и когда всѣ ваши угольщики, дворники и извощики

въ образѣ архіереевъ будутъ признаны епископами въ Россіи и составятъ іерархію въ іерархіи... Это ты выкинь изъ головы своей однажды навсегда и разубѣди всѣхъ тѣхъ слабоумныхъ, которые вмѣстѣ съ тобою также жалко заблуждаются.... Лучшее, что всѣ ваши коноводы изберутъ, это принять единовѣріе, которое и спасетъ ихъ отъ нареканія и позора жалкой пропаганды... Благо вашъ купецъ Н. М. Аласинъ устроилъ великолѣпную церковь единоверческую на Рогожскомъ кладбищѣ и монастырь на Преображенскомъ. Чего же лучше?

— Вотъ и литература тоже за насъ, возражаетъ Васька.

— Съ чего ты взялъ? Какая это найдется литература въ свѣтѣ, которая бы защищала глупость, бредни, буквализмъ, безжизненную схизму, и вообще ту корпорацію въ государствѣ, которая въ 200 лѣтъ ничего не выработала жизненнаго, а остановила лишь развитіе государства, которая и нынѣ твердитъ, что отъ чая человѣкъ отчается, что кофе есть ковъ, брага сатанино питіе, бракъ есть грѣхъ, а безбрачіе—спасеніе, наука и образованіе въ школахъ суть козни антихриста и проч?... Литература дѣйствительно сочувствовала расколу, но за его гоненія, которыя раздували его, и за жертвы, которыя пали отъ излишней строгости закона, не принося никому пользы; но чтобы видѣть въ расколѣ привлекательность какую и защищать несостоятельную его узкую догму, этого никогда не было и не будетъ. Заруби ты это себѣ на носъ, однажды навсегда. — Сколько ты получаешь отъ коноводовъ-то своихъ жалованья въ годъ за то, что наряжаешься шутомъ гороховымъ, да читаешь народу чепуху-то всякую!

— Пять-сотъ рублей, отвѣчалъ Васька.

— И за такую цѣну ты берешь себѣ такую обузу преступленій на душу?..! А если въ острогъ еще, въ добавокъ, попадешься,— что тогда?

— Семейство мое обезпечено, по условію, въ этомъ случаѣ...

— Не лучше ли было бы заняться тебѣ торговлею и быть честнымъ гражданиномъ? Тогда ты могъ бы не пятьсотъ имѣть въ годъ. Вѣдь живутъ же люди и богатѣютъ не отъ одной пропаганды?

— Это конечно, отвѣчаетъ Васька,—отчегоже-съ?...

— Такъ дай мнѣ, говорю, слово, что ты нынѣ же возвратишься въ Москву, бросишь свое постыдное ремесло, разскажешь о чемъ я съ тобою говорилъ своимъ набольшимъ ходокамъ и заживешь честнымъ гражданиномъ. Ну, готовъ, что ли, это сдѣлать?

— Можно отвѣчалъ Васька.

— Честное слово?

— Честное слово-съ! Раскаяваюсь.

И Васька сдѣлалъ плаксивую мину, но въ то же время на лицѣ его мелькнуло какое-то насмѣшливое выраженіе...

Я вѣрилъ и не вѣрилъ Васькѣ.

— Такъ, значитъ, судить меня не изволите теперь ваше высокоблагородіе? повторяетъ Васька.

— Ты самъ себя осудилъ, говорю, когда раскаялся.

— Такъ прощенья-съ просимъ.

— До свиданія! Да помни, что я говорилъ тебѣ.

И Васька, связавъ въ узелокъ хламиду свою, вышелъ изъ комнаты, озираясь кругомъ, какъ бы не вѣря тому, что такъ дешево раздѣлался за свои продѣлки.

При переодѣваньи у Васьки оказалась тетрадка, мелкимъ полууставомъ написанная, за которую онъ, при радостяхъ, и не постоялъ, и содержаніе которой мы представляемъ здѣсь въ подлинникѣ. Это раскольничья сатирическая поэма о табакѣ, довольно любопытная въ литературномъ отношеніи и замѣчательная еще тѣмъ, что ее развозятъ начетчики раскольничьи по селамъ, какъ идеалъ высшей мудрости раскольничей и краснорѣчія.... Мы печатаемъ это стихотвореніе вполнѣ, ибо это прекрасный случай убѣдиться, въ какой тьмѣ кромешной бродитъ нашъ народъ, какою жалкою умственной пищей питается... Съ первыхъ строкъ читатель найдетъ, что это ерунда,—но такое заключеніе будетъ крайне односторонне: это не только ерунда, но и умственная народная пища...

Вотъ какъ читается это знаменитое сочиненіе раскольническое, не бывавшее еще у насъ никогда въ печати:

Вельзевулъ, бѣсовскій князь съ рогами,
Съ хвостомъ и опаленными крылами,
Презлой враждебникъ душъ и лжеотецъ,
Предвидя міру нашему конецъ
И убоясь горѣть одинъ въ геенне вѣчной,
Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчный.
Онъ думалъ въ адѣ тысячу годовъ:
Какой бы ископать глубокій ровъ,
И коимъ бы грѣхомъ могъ міръ весь погубить,
Душами грѣшными полнѣе адъ набить?...
И въ тартарѣ зубами скрежеталъ,
Какъ левъ, разверзши челюсти рыкалъ,
Ревѣлъ; всѣ адски зданія трещали,
Отъ страха легіоны трепетали.
Съ лютѣйшею досадою онъ рекъ:
«По что крушусь, страдаю цѣлый вѣкъ?
«Ахъ! горестно душѣ моей томиться,
«Что ѳиміамъ Мессіи лишь курится.
«По что распятый Онъ Маріинъ сынъ
«Пріемлетъ днѣсь почтеніе одинъ?
«Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
«Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
«Уже я скверны моды издавалъ,
«Училъ піянству, драки воздвигалъ;
«Но все душа моя не насытилась,
«И новое желаніе явилось.
«Сердце какъ огонь горитъ,
«И тѣми жертвами я все еще не сытъ.
«Пущай издамъ на свѣтъ отличну моду,
«Дай отниму молитвенну свободу.
«Отмстить Мессіи выдумкой хощу,
«Чѣмъ рану нестерпиму излечу.

. . . . . .

. . . . . .

Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
Какъ-будто въ адѣ у себя онъ вѣчно не бывалъ,—
Въ бездонный тартаръ шумно опустился
И въ размышленіе презлое погрузился.
И долго думалъ тамъ: какой бы грѣхъ
Противить Бога могъ поспѣшнѣй всѣхъ?
Оттуда долго бѣсы его ждали,

И скрылся онъ зачѣмъ, того не знаю.
Ну, и выдумалъ же тамъ сей адскій асмодей
Препагубнѣйшій грѣхъ для всѣхъ людей.
Что жъ выдумалъ?—премерзко утѣшенье
И нераскаянно всѣмъ людямъ прегрѣшенье....
И вдругъ изъ тартара какъ огнь явился
И съ радостью въ челѣ на тронѣ очутился.
Немедленно начальство тьмы собралъ
И планъ обдуманный имъ скоро разсказалъ,
Увы! кричали всѣ, чѣмъ честь явили,
И всѣ полки знамена преклонили.
Тутъ Вельзевулъ далъ князю тьмы такое приказанье:
Достать травы, чтобъ приложить старанье,
Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспуцый.
Сейчасъ и полетѣлъ бѣсъ куцый;
Слуга на зло послушный и ретивый
И хватъ къ дѣламъ, непромахъ, торопливый,
Какъ молнія въ Америку слеталъ.
Еще принесъ вязанку онъ кореньевъ
Для смрадныхъ, мерзкихъ трубочныхъ куреньевъ.
Все это Вельзевулъ велѣлъ смолоть, подправить,
И когда бѣсъ мололъ, то въ тотъ горшокъ,
Подсыпалъ дьяволъ адскій порошокъ,
Чтобъ всѣхъ всегда манилъ и привлекалъ
И въ вѣкъ бы адской силы не терялъ...
Размолотый табакъ, приманчивый, куражный,
Навѣкъ волшебной силою преважный
Князь тьмы сперва отпробовать изволилъ самъ,
Потомъ велѣлъ подать его и всѣмъ бѣсамъ.
И вотъ съ него тогда развеселились,
Играли, прыгали, какъ-будто всѣ взбѣсились;
Безъ рома, безъ шампанскаго вина,
Толпа бѣсовъ куражна и пьяна.
Пошли веселья пляски, ликованье,
Такъ точно, какъ у пьяницевъ въ собраньѣ;
Какъ въ рощѣ Марьиной, иль въ маскарадѣ,
Куражились такъ бѣсы всѣ во адѣ.
Табакъ всѣ нюхали и поздравлялись,
Другъ съ другомъ всѣ по-братски обнимались—
И громко всѣ виватъ! ура! кричали,

За выдумку почтенье отдавали.
Но сильно новостью тутъ Вельзевулъ занялся
И всею силою зло вымыслить старался.
Желаемый предметъ чтобъ получить,
Бѣсовской прихоти людей чтобъ научить,
Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
Чтобъ научить и выпустить всѣмъ моду:
Какъ нюхать въ носъ табакъ и въ чемъ его
хранить,
Какъ трубки работать и какъ табакъ курить.
. . . . . .
. . . . . .
И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
Отвергли Божій страхъ и Бога позабыли,
Важнѣй всего къ концу привесть успѣхъ,
Порожнимъ носъ не былъ бы чтобъ у всѣхъ,
И чтобъ нельзя было молитвы сотворить,—
Всѣхъ научили бы ртомъ трубки закурить.
Но для такой бѣсовской моды новой
Во адѣ трубки не было готовой.
Тогда дьяволъ на вѣчную насмѣшку,
Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
Потомъ и табакомъ всю крѣпко начинилъ;
Послѣ того придумалъ бѣсъ коварный
У чубука конецъ для рта янтарный;
Потомъ придумалъ въ хитрости единой
У чубука извить конецъ, какъ хвостъ змѣиный;
Затѣмъ велѣлъ, чтобъ бѣсъ больнымъ тутъ при-
творился
И хитрымъ бы обманщикомъ явился:
Чтобъ взявши въ ротъ чубукъ, по улицамъ
ходилъ,
Держа кисетъ въ рукахъ, табакъ вездѣ курилъ,
Кто ни спросилъ бы: что ты дѣлаешь такое?
«Лечусь, чтобъ отвѣчалъ, — се есть лекарство
дорогое».
—Но гдѣ ты, скажутъ, взялъ толь странное
лекарство?—
Скажи: «Ходилъ за море въ дальне царство—
«Божуся княземъ, что адомъ управляетъ,

«И коего могущество весь міръ пугаетъ.—
«Клянусь! берусь я крѣпко за него,
«Кури! ты здравый будешь отъ него;
«Табакъ курить и нюхать въ носъ способно,
«Всегда оно для всякаго пригодно,
«Табакъ тебѣ неложный есть цѣлитель,
«А я наставникъ твой и вѣчный покровитель;
«Кто нюхаетъ хоть юнъ, хоть во сто лѣтъ,
«Бываетъ здравъ, уменъ и скуки нѣтъ;
«И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
«И всякую болѣзнь онъ вскорѣ исцѣляетъ».
Вотъ какъ князь тьмы, правитель всей геенны,
Пустилъ куренье въ ходъ по всей вселенной.
Коль злой обманъ придумалъ сатана!
Всѣ мнятъ: утѣха въ боли намъ дана.
Опомнись ты, табачникъ грѣховодникъ...
Уже ль нашъ Богъ грѣху виновникъ?
Въ дни мірозданія Творецъ, Богъ всѣхъ,
Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ,
Хотя жъ и произвелъ сіе творенье,
Уже ль на грѣхъ и скверно утѣшенье?
Увы! вездѣ умножился табакъ,
И безъ него немогутъ жить никакъ...
Друзья! воззрите въ путь протекшихъ лѣтъ:
Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ.
Бывали встарь военны полководцы,
Судьи, князья и мудры мореходцы;
Бывали князи сильны, патріоты,
Любили пить, имѣли къ роскошамъ охоты:
Немало бывало эллинскихъ софистовъ,
Зѣло ученѣйшихъ академистовъ:—
Изъ нихъ хотя и грѣшенъ кто бывалъ,
Но табака сего никто не зналъ!...
Днѣсь онъ вездѣ, и паче же всего
Кто до свѣта хоть всталъ, то тотчасъ за него.
Коль злы вошли премерзкія забавы:
Игрушка сатаны, душамъ отравы!
Вездѣ въ чести пресмрадный сей табакъ,
Губитель душъ есть адскій сей мышьякъ.
Американская сія чума
Лишила міръ духовнаго ума...

Въ немъ кроется магическая сила,
Которая, какъ бездною морской, людей всѣхъ
поглотила.
Какъ злой халдейскій чародѣй,
Привлекъ табакъ навѣкъ къ себѣ людей:
Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ,—
Кто нюхаетъ его, по смерть не покидаетъ.
И что приманчивѣй на свѣтѣ такъ,
Какъ мерзкій сей пресмраднѣйшій табакъ?
Кой грѣхъ душѣ вредительнѣй въ природѣ,
Лютѣй чумы свирѣпствуетъ табакъ въ народѣ.
Колико протекло ужъ тысячъ лѣтъ,
И наконецъ бѣсъ издалъ прихоть въ свѣтъ,
Коль зло пристрастіе, и зрѣть то слезно—
Любитель табака кричитъ свое: полезно!
Хотя на пользу намъ онъ сотворенъ,
Но въ беззаконіе употребленъ.
Ничто иное есть трава сія табакъ,
Какъ американскихъ странъ природный злакъ.
Онъ горекъ, какъ полынь: и всякъ курящій
Воняетъ такъ, какъ трупъ гнилой смердящій;
Любимая вседневно жертва бѣсу,
Погибель вѣрная, хоть безъ корысти и интересу.
. . . . . .
. . . . . .
Табакъ змѣиный ядъ и смерти жало,
Въ гееннѣ погрузилъ онъ и пожегъ не мало.
Табакъ табачникамъ зловредная стихія;
Коль не помрутъ, то будутъ всѣ больные.
Онъ усыпляющій зло-опіумъ,
Заснуть въ грѣхахъ приводитъ бодрый умъ.
Теперь разставлена всѣмъ сѣть бѣсами:
Ихъ ловятъ всѣхъ, какъ зайцевъ тенетами.
Почто жъ въ странѣ одной табакъ Богъ сотво-
рилъ?
Досель о семъ никто не изъяснилъ.
И Америку пока не обрѣтали,
Дотоль его народы всѣ не знали;
Лелѣялъ же его одинъ климатъ.
Не нюхали—и не былъ онъ проклятъ.
Въ послѣднее жъ престранно время

То душе-вредное и злое сѣмя
Вездѣ рождаетъ щедрая природа
Для прихотей роскошнаго народа.
Ну разсудите мудро, здраво всякъ:
Уже ль для носа сотворенъ сей злакъ!
И вотъ всѣ люди хвалятъ, превозносятъ,
Изобрѣтателю всѣ честь приносятъ;
Вездѣ въ міру табакъ какъ польза блещетъ,
Въ сердца губительны перуны мещетъ.
Не тѣмъ ли скверный онъ полезенъ,
Что по пристрастію для всѣхъ любезенъ?
Бѣсовскій сей таинственный магнитъ
Носамъ царей, вельможъ ужъ льститъ...
Теперь ужъ табакомъ, какъ видимъ мы,
Занялись многіе ученые умы,—
А вслѣдъ за ними по пятамъ
Легко погрязнуть въ тартарѣ и намъ.
Дивлюсь я вамъ зѣло, табакофилы:
Скажите про его цѣлебны силы?
Отъ жалости къ грѣху сему, дерзаю—
На сцену васъ ученыхъ вызываю:
Скажите мнѣ вы только мудрецы,
Иль вы вожди, священные отцы:
Вамъ мудрости ключи поручены,
Вы должному людей учить посвящены,—
Кто исцѣлился табакомъ въ припадкѣ
Иль выздоровѣть успѣлъ отъ лихорадки?
Кто отъ чахотки исцѣлился
И вожделенной жизнью обновился?
Когда табакъ въ Россіи не бывалъ,
Уже ль народъ безъ время умиралъ?
По простотѣ своей какъ табаку не знали,
Уже ль больны въ постелѣ всѣ лежали?
И если правда, что вышній Творецъ
Произростилъ его на тотъ конецъ,
Дабы болѣзни всяки изцѣлялъ,
Веселья бъ даровалъ, мокроты изсушалъ,
Чтобъ табакомъ болѣзни всѣ цѣлились,
То какъ Юпитеру бъ тогда всѣ поклонились?
Коль вѣрно бы цѣльбу имъ получали,
То вѣрно лекарямъ во всемъ недокучали!...

Напрасно собрана тогда лекарствъ аптека,
Когда и табакъ отъ болей лечитъ человѣка.
Ахъ! ахъ! но что вѣдь я болтаю
И изъ границъ ума ужъ выступаю!
Нѣтъ! мы должны благодарить природу,
Что дала цѣлительный табакъ народу,
Который всѣхъ въ болѣзняхъ здравіемъ даритъ,
И въ горѣ другъ, и въ скукѣ веселитъ.
Не такъ лишь скоро имъ исцѣлѣваютъ
И скоро отъ него весь духъ свой искускаютъ.
Но всѣ твердя напрасно ахъ! табакъ бранятъ:
Онъ любъ, хорошъ, молольщикъ виноватъ.
Полезенъ злакъ, да мелетъ кто? уродъ!
И какъ онъ можетъ пользовать народъ?
Вотъ мельникъ кто: или солдатъ старикъ—
Что взять на нихъ?—иль сущій пень мужикъ.
. . . . . .
. . . . . .
Пойми, чудакъ, не отъ того онъ плохъ,
Но искони его лишилъ даровъ всемудрый Богъ.
Клянусь, въ немъ пользы нѣтъ вѣдь никакой
Кромѣ потѣхи лишь бѣсовской злой.
Воззри жъ, мудрецъ въ протекшія лѣта,
И явится о табакѣ вся правда безъ отвѣта.
Во время злобной язвы моровой
Больнымъ не дѣлалъ пользы онъ собой;
Когда жъ холерой Богъ свой гнѣвъ являлъ,
Тогда табакъ ничуть не помогалъ:
Хотя кто нюхалъ въ носъ, а кто курилъ,
Но помощи никто не получилъ.
Вотъ нынѣ всѣ курятъ и носъ душатъ,
Болѣзней же нимало не тушатъ.
Коль въ мірѣ пользой онъ явился,
То отъ подагры, напримѣръ, хоть кто имъ исцѣлился?
Кто трудится, кричитъ, всю ночь не засыпаетъ,
Тотъ нюханьемъ лишь сонъ свой прогоняетъ,
И въ семъ не вижу пользы превеликой—
Весь сонъ легко прогнать и чемерикой.
Отъ ней и прочихаешься и протрезвишься
Сейчасъ, какъ будто вновь переродишься.

Я вѣрю табакъ есть Божіе творенье,—
Тогда кроши въ уху иль щи и листья и коренья,
Имъ посыпай похлебку вмѣсто перца
Для очищенія отъ кашля, болей сердца.
Коль будешь ѣсть его во щахъ или сухой,
То нѣтъ грѣха, проклятія долой—
И не поступитъ онъ въ такое званье,
А нюхать въ носъ—бѣсовъ очарованье.
Коль онъ не ядъ, то пей его замѣсто чая—
Пусть рвота хоть прійметъ тебя тогда лихая.
Дерзнетъ ли кто сказать хулу на пищу,
Коль данъ табакъ ботагому и нищу?
Проникни, виждь, о терпѣливый Боже!
Всѣ беззаконія сіи на что похожи?
Носъ даровалъ ты запахъ обонять,
Не табакомъ же тертымъ набивать,
А люди неестественно всѣ поступаютъ
И поминутно табакомъ носы ихъ наполняютъ.
Да! выкинулъ бѣсъ новую фигуру.
Хоть всякій злакъ на службу Богъ создалъ,
А въ носъ всыпать табакъ не приказалъ.

. . . . . .

Услышъ, вздрогни, табачникъ, и внемли:
Творишь небывшій грѣхъ на сей земли;
Пройди исторію всѣхъ странъ, вѣковъ,
Прочти всю миѳологію боговъ,—
Увидишь, что табакъ у нихъ не прославлялся,
Имъ изъ боговъ никто не забавлялся!
Дай, осѣдлаю быстраго Пегаса
И съѣжу до высокаго Парнаса:
Тамъ не найду ли трубки съ чубукомъ,
Иль табакерочки забытой съ табакомъ.
Недавно можетъ боги въ ссорѣ были
И трубку и кисетъ сронили.
Оттуда ѣду, мнѣ встрѣтился поэтъ:
Видалъ сказалъ, чудесъ тамъ тьмы, а трубокъ нѣтъ.
И правда: хоть на Парнасѣ боги были,
Но табаку не нюхали и не курили.
Искусный врачества богъ Аполлонъ
Не изобрѣлъ ли бы куренье онъ?

Коль пользу къ здравію въ немъ увидалъ,
Въ край свѣта бъ купидона сносылалъ.
Древнѣйшій медикъ славный Иппократъ
Искуснѣйшій, но паче всѣхъ стократъ
Онъ тонко свойство травъ всѣхъ изучалъ,
Изъ нихъ аптеку дивную собралъ,
Въ наукѣ весь свой вѣкъ препроводилъ,
Но въ табакѣ и онъ добра не находилъ:
И не обрѣтши въ немъ ни пользы, ни веселья,
Почелъ его за сущее бездѣлье...
Египетской земли вседревніе народы—
У нихъ боговъ имѣлись огороды
Насажены, и въ весну выростали,
А табаку они не засѣвали.
Когда бъ табакъ явился тамъ какъ нова тварь,
Сейчасъ ему воздвигли бы алтарь,
И благовоніе когда бъ въ немъ находили,
Съ рогами Апису тогда бы имъ кадили:
По горькости и злому смраду,
Считали бъ дымъ сей злой подобнымъ аду.
Когда же пирамиды создавали,
Сей злакъ бы зодчимъ въ пищу раздавали.
Египтяне охочи были для приправъ,
Они приготовляли все изъ травъ
По уложенью той земли законовъ,
Тамъ травъ имѣлося до триста милліоновъ,
Родились тамъ: чеснокъ, морковь, салатъ,
Петрушка, лукъ, капуста, и шпинатъ,
Все множество всѣхъ травъ и пустарнакъ,
Но слуху нѣтъ; родился ль тамъ табакъ!
Какъ беззаконенъ ни былъ Вавилонъ,
А нюхать и курить не выдумалъ и онъ.
Въ немъ роскошь всяка находилась,
Сія же мерзость и въ ономъ не открылась.
Царь Александръ, сей обладатель свѣтомъ,
И онъ не занимался трубкой и кисетомъ.
Сей государь все воинство свое любилъ,
Тѣхъ жаловалъ, тѣхъ золотомъ дарилъ...
Квинтъ Курцій же сего не написалъ,
Что воинамъ табакъ онъ выдавалъ.
Есть люди съ локоть именемъ пигмеи,

Ихъ обижаютъ журавли и змѣи;
Коль змѣи гдѣ всѣ въ клубъ совьются,
Тогда пигмеи всѣ полкомъ сберутся,
Вкругъ змѣй табакъ сей раскладутъ,
Зажгутъ его и змѣевъ тѣмъ пожгутъ...
Воззри съ высотъ и виждь, Царю Небесный,
Вотъ что творитъ поклонникъ твой тѣлесный!
Ты на хвалу его себѣ создалъ и славу,
А бѣсъ вручилъ ему табачную забаву...
Его Ты малымъ чѣмъ отъ ангеловъ умалилъ,
А бѣсъ и нюхать и курить его заставилъ!
Когда творилъ его, то та ли воля у Тебя была,
И ноздри твари сей на то ль она дала?
Не ѳиміамъ ли въ церкви обонять?
А онъ вотъ табакомъ привыкъ ихъ набивать.
Когда діаконъ церковь всю кадитъ,-
И у него носъ полонъ табакомъ набитъ,
То какъ же не понять,
Что ѳиміама онъ не можетъ обонять?
Иной пожалуй и лжецомъ меня сочтетъ
И съ горькою досадой мнѣ речетъ;
Почто жъ благій Творецъ небесный Царь
Произрастилъ сію прелестну тварь?
Опомнись ты, табачникъ! и внемли;
Дли блага все создалъ Богъ на земли,
Древа и злакъ на пользу созданы,
Людями же во зло употреблены.
На то ль пенька росла и лѣсъ родился,
Чтобы Іуда въ петлѣ удавился?
На то ль росли и дубъ и кипарисъ,
Чтобъ кудрями Авессаломъ повисъ?
Своя ихъ воля въ смерти той была
И до конца презлаго довела...
Содѣланъ мечь враговъ ихъ убивать,
Разбойникъ же воленъ имъ правыхъ погублять.
Каменья, злато и сребро
Владыкой созданы намъ на добро,
Но золото вѣдь какъ цѣнится:
Кто купитъ онымъ рай, другой и въ адъ вселится.

. . . . . .

Уже ль на то древа произрастали,
Дабы жиды на нихъ Христа распяли?
О всякой вещи такъ должно судить,
Какъ спасти она, такъ можетъ и губить.
Коль тяжекъ грѣхъ! ахъ, ужасъ обнимаетъ,
Трясутся члены, сердце обмираетъ!
Страшусь писать, не знаю, что начать,
Продолжить ли, иль бросить и молчать?
Нѣтъ! бросить жаль; трудился очень много,
Дай, помощи въ томъ попрошу у Бога.
Стихъ буду за стихомъ чуть-чуть тянуть,
Пускай меня за то табачники клянутъ...
Я правильно табакъ сей охуждаю,
Въ немъ двѣ причины явныхъ обрѣтаю;
Во-первыхъ онъ соблазнъ для всѣхъ,
А во-вторыхъ противу естества есть грѣхъ.
Прильпни языкъ къ гортани людямъ тѣмъ,
Толкуетъ кто, что нѣту грѣха въ немъ.
Коль благовѣстіе прочтемъ Христово,
Найдемъ мы тамъ разительное слово,
Которое усты святыми рекъ,
Когда былъ въ мірѣ Богъ какъ человѣкъ;
Кто соблазнитъ единаго, сказалъ то горе,
И лучше съ жерновомъ погрязнуть въ морѣ.
Великъ вредъ бѣсъ всей церкви учинилъ.
А все табакъ причиной послужалъ.
И коль велика пагуба случилась—
Несмѣтно душъ отъ церкви отлучилось,
Онъ тысящи симъ ядомъ соблазнилъ
И въ тартаръ огненный навѣкъ ихъ погрузилъ.
Симъ злакомъ въ мірѣ семъ всегда и всюду,
Какъ червякомъ рыбакъ, онъ ловитъ всѣхъ на уду.
Адъ, видя, что Христосъ уже воплотился,
Замучилъ сатану, чтобъ вооружился
И искушать Спасителя бъ напалъ;
Христосъ же побѣдилъ его и узами связалъ.
И тысьча лѣтъ ужъ протекло,
Когда огнемъ его и жупеломъ пекло,
И лишь отъ узъ свободу получилъ,
Онъ табакуренію людей научилъ.

Людей вовлечь во адъ геенски силы
Кромѣ сихъ средствъ ничто не находили.
И вотъ теперь табакъ всѣ Ноевы потомки
И нюхать и курить начали въ перегонки.
И изъ Италіи и изъ земли нѣмецкой
По всей землѣ разнесъ его изъ аду бѣсъ дворецкій.
Коль много церковь вся о семъ скорбѣла,
Учила всѣхъ, кляла,—не одолѣла!
Россійскій государь царь Алексѣй
Издалъ указъ по всей землѣ своей:
Табачную торговлю воспретилъ,
Ослушниковъ кнутомъ нещадно билъ;
Тогда кто нюхалъ, ноздри рвали,
На каторгу въ работу ихъ ссылали.
Такъ вздумали высокіе умы
Пресѣчь въ корню заразу сей чумы!
Такой совѣтъ изшелъ отъ устъ священныхъ,
Изъ ада чтобъ извлечь людей своихъ крещеныхъ.
О Божіе словесное творенье:
Оставь табакъ, бѣсовъ злыхъ ухищренье!
Покинь привычку злую люту,
Брось трубку изо рта хоть на минуту:
И вычистить изъ носа табакъ, утрись,
Молитву сотвори, перекрестись.
Хощу вѣщать я слово Божіе,
Какъ нюхать есть занятіе негожее.
Не сказку вамъ, а диво разскажу
Не вѣритъ кто, тѣмъ въ книгѣ укажу.

. . . . . .

Что видѣлъ древле явно мужъ святой?
Какъ жилъ во тьмѣ сей праведникъ честной?
Онъ зрѣлъ: какія прелести въ сей міръ несутся.
Какъ царства всѣ отъ злобы возмятутся.
И зрѣлъ онъ: вотъ вавилонская блудница
Сидитъ одѣта, какъ царица.
Сколь ни былъ святъ: зрѣлъ въ ужасѣ сію
Сидящую на седьмо-главномъ змію.
Зрѣлъ онъ: какъ убрана она въ одежду дорогую,
Въ рукѣ держала чашу золотую,
Одѣяна въ порфиру и виссонъ,
Чѣмъ изобиленъ былъ тотъ Вавилонъ.

Зрѣлъ: какъ гордо ѣхали верхомъ,
Весь свѣтъ объѣхавши кругомъ,
Потомки Ноевы. Вотъ толпа верхомъ летитъ,
А слѣдъ за ней, ахъ! табакомъ смердитъ.
Хотя ужъ въ чашѣ той и были лишь подонки,
Но и съ нихъ пьянѣли Ноевы потомки.
Вотъ отколь табакерки круглы ваши
И вотъ почему подобны онѣ чашѣ!

. . . . . .

. . . . . .

Теперь съ сей притчи скинемъ темну маску,
Симъ видимъ притчи сей развязку:
Что скотъ не ѣлъ, топталъ въ ногахъ,
Вотъ нынѣ то чернѣется въ носахъ.
Пчела и медъ съ цвѣтовъ сихъ не беретъ,
А скотъ отъ горькости листовъ не жретъ;
Израиль же возлюбленный Христовъ
Табакъ не выпущаетъ изъ перстовъ.
Хоть въ праздникъ, хоть и въ постъ грѣха не знаетъ
И день и ночь куритъ и въ носъ табакъ пихаетъ

. . . . . .

. . . . . .

О! времена златыя бывшихъ лѣтъ!
Когда не зналъ сей страсти цѣлый свѣтъ,
Какія добродѣтели тогда сіяли,
Какъ свято праздники, посты всѣ соблюдали!
О, лютый бѣсъ! что ввелъ ты въ сихъ земляхъ?
Всѣ націи, во всѣхъ странахъ,
Будь то міряне или езуиты,
Табакомъ носы у всѣхъ теперь набиты.
Какъ чинъ планетъ смотря на все сіе стоитъ
И какъ земля отъ сквернъ сихъ не дрожитъ?
Во всѣхъ націяхъ молиться ль кто идетъ,
Всякъ табакъ за пазухой несетъ.
Священные чины, пасторъ иль пономарь—
Всѣ съ табакомъ идутъ въ олтарь.
Когда все это я съ предками соображаю,
Не безъ вины отъ горести страдаю.
И вправду: днѣсь желѣзный вѣкъ насталъ,
То дѣлаетъ, что свѣтъ семь тысячъ лѣтъ не зналъ.

О! адскій смрадъ табакъ! грѣховъ всѣхъ злѣе,
Табакъ піянства тысячу разъ грѣшнѣе.
Пьяница, когда онъ трезвъ бываетъ,
Предъ Богомъ самъ себя въ томъ осуждаетъ,
Табачникъ же не сознается, что согрѣшилъ,
Хоть до обѣдни носъ сто разъ набилъ.
Табачники вовѣкъ не вразумятся,
Не нюхаетъ кто, то на того всѣ злятся.
Во-истину, онъ самый корень злобы,
Влекущій всѣхъ во адскія утробы!
Предвѣстникъ яко бы о немъ писалъ.
Когда таинственно все предсказалъ;
«Сей горестью, сказалъ, велику пакость сотворитъ,
«Людей тѣмъ многихъ осквернитъ;
«Онъ злобой въ мірѣ прозябаетъ
«И жаломъ всѣхъ грѣховнымъ уязвляетъ;
«Какъ въ бурно время огнь въ дровахъ родится,
«Табакъ въ народѣ такъ прихотью плодится».
Не нюхаетъ кто смрадный сей табакъ,
Всѣ говорятъ: раскольникъ тотъ или дуракъ.
Блудникъ, піяница и самый тать
Грѣшатъ они и могутъ перестать,
Табакъ же сей по смерть не оставляютъ
И въ самомъ гробѣ страстью истлѣваютъ.
Вотъ какъ о табакѣ умомъ я разсуждаю.
Чѣмъ не понравлюсь никому, о томъ заранѣ знаю.
Теперь клянутъ меня ученые академисты,
И разругали въ прахъ увы! натуралисты;
Ругаютъ и попы, купцы, дворяне,
Клянутъ французы, шведы и армяне;
Клянетъ премерзкій турокъ и испанецъ,
Ругаетъ осердясь и пьяный итальянецъ.
И сей табачныхъ націй смрадный сбродъ,
Отъ трубокъ провонявшій сей народъ,
Боюсь, соборъ вселенскій соберутъ,
Меня анаѳемѣ пожалуй предадутъ...
Въ библейскихъ бытіяхъ нашли они и чтутъ,
Кричатъ отъ радости и громко вопіютъ:
« И виде Богъ, что въ мірѣ все добро
Блистало какъ въ горнилю серебро».

Послушай же ученый кабинетъ,
Крестьянскій мой смиренный сей отвѣтъ:
Змій былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей—
За что же проклялъ его всѣхъ Царь царей?
За что проклялъ безсмысленно твореньe?
Его невинно было преступленье,
Лишь сатанѣ орудіемъ служилъ,—
За то проклятье получилъ.
Табакъ зміину должность исполняетъ
И за табачниковъ проклятье получаетъ.
Онъ какъ змій орудіе бѣсовъ.
Погибель есть людей изъ прихоти носовъ.
Изринь изъ головы пустое мнѣнье,
Которо всѣяло бѣсовское умѣнье:
Что будто малъ табачный грѣхъ;
Нѣтъ! сведетъ во адъ онъ непремѣнно всѣхъ!
Адамъ и Ева прародители
Всякихъ грѣховъ въ Раю были творители,
Однако жъ за единъ плодъ пострадали,
И изъ-за яблока ихъ вонъ изгнали.
И твари всей каковъ ударъ случился?
Весь міръ тогда проклятіемъ покрылся.
Табакъ такое жъ преступленье,
Какъ яблока адамово вкушенье.
Вѣрь! за сей-то грѣхъ земля теперь страдаетъ,
Народъ отъ голода за-часто помираетъ.
Табакъ въ странахъ нашихъ явился—
Отъ вони воздухъ засмрадился.
Но Богъ грѣха сего не потерпѣлъ
И казни ангеламъ послать велѣлъ:
Немедленно державы возмутились,
Кровопролитія и войны явились,
Послалъ холеру, гладъ и людямъ моръ,
Скоту падежъ, въ религіяхъ раздоръ,
И еслибъ Богъ завѣта радугой не положилъ,
То бъ міръ за то вторично потопилъ
Теперь народъ въ табакъ совсѣмъ влюбился,
Курить и нюхать сталъ, и ахъ! совсѣмъ вздурился.
Зри всякъ, какъ послѣ тысящи осьми сотъ лѣтъ,
Когда Евангельскій просіялъ свѣтъ,
Создатель намъ въ сороковой недавній годъ

Изволилъ искусить народъ.
Велѣлъ вездѣ смертельну гладу быть,
Узнать: не могутъ ли лишь съ табакомъ пробыть?
И вотъ хотя тогда табакъ вездѣ родился,
Но съ нимъ однако же народъ бездушенъ палъ
и сокрушился,
Хоть нюхать стали въ носъ и начали курить,
Но не могли отъ табаку спасенья получить.
Какъ зла приманка въ юдоли сей земной!
Для всѣхъ прелестенъ сталъ смрадъ травяной.
Отъ табака народъ ничѣмъ не отучимъ:
Огнемъ и тартаромъ не устрашимъ:
Изъ безднъ глубокихъ океана
Удобнѣй вытащить левіаѳана.
Какъ въ сей потѣхѣ страстной
Табачникъ гибнетъ изъ прихоти опасной:
И вѣдь такую жадность всѣ къ табаку имѣютъ,
Что, какъ рыба безъ воды, умрутъ и околѣютъ;
Коль день одинъ травы той не случится,
Тоскуетъ человѣкъ по ней, крушится.
Свинья не столь зимой пожретъ мякины,
Сколь въ носъ попхаютъ сей скверны.
Вонми! умомъ и словомъ одаренный,
Ты волей предъ животными почтенный.
Убойся табаку и вразумись,
Престань курить, жить трезво научись.
Какъ ты живешь неосторожно,
О томъ и вздумать невозможно.
Взгляни: берутъ табакъ сложеніемъ трехъ перстъ,
Чѣмъ на себѣ изображаютъ крестъ:
Ужели Троицѣ досаду не творятъ,
Когда за каждый часъ персты свои скверняютъ?
Не любитъ бѣсъ молитвы и поста,
Вотъ нюхаютъ табакъ безъ знаменья креста:
Смрадъ входитъ въ мозгъ, душа гдѣ обитаетъ,
Темнитъ весь умъ и душу омрачаетъ.
И начали усы всѣ подбривать,
Когда нельзя носъ зельемъ набивать,
И кто усовъ своихъ не подбриваетъ.
У тѣхъ отъ табаку носъ подпрѣваетъ.
Теперь вообрази благоразумный всякъ,

Ужели не бѣсовской выдумки табакъ?
Кто трубку въ ротъ возьметъ курить,
Ужели можетъ онъ молитву сотворить?
Взгляни: табачники сойдутся гдѣ въ кружокъ,
Сейчасъ возьмутъ изъ пазухи рожокъ,
И буде съ сотню ихъ сберутся,
До табака того не додерутся.
Войди въ огромные чертоги,
Гдѣ царствуютъ земные полу-боги,
Иль въ пышно убранные кабинеты,
Гдѣ въ златотканье всѣ одѣты;
Не обрѣтешь ты въ залахъ ладона кадила—
Табачныя одни блестятъ курила.
Лишь трубокъ множество съ оправой золотой
Стоитъ на мѣстѣ кіоты Божіей святой.
И въ залахъ всѣхъ лишь трубки да кисетъ,
Кадила же и ладона нигдѣ тамъ нѣтъ.
Слова Апокалипсиса свершились:
Отъ табаку купцы обогатились,
И для такой зловонной смрадной моды
Построили обширные заводы,—
А изъ купцовъ кто ладономъ торгуетъ,
Тотъ раззорился нынѣ и горюетъ...
Безспорно днѣсь насталъ прекрасный вѣкъ,
Какъ чисто и модно одѣтъ всякъ человѣкъ.
Всѣ о политикѣ читаютъ,
За модой моду измѣняютъ,
Отъ вѣка не было подобной красоты,—
Лишь подъ носомъ у всѣхъ нѣтъ чистоты!
Взгляни: какъ отъ табачной вони тѣло
Отъ мозга и до пятъ ужъ просмердѣло.
Наполнится весь шаръ земной
Сей мерзостью зловонной и дрянной;
Понюхай ихъ, какъ вонь отъ нихъ есть зла:
Воняетъ табакомъ, какъ въ осень отъ козла.
О! Божіе всевидящее око,
Сколь надъ бѣсами ты высоко!
Табачный злакъ Богъ на краю свѣта сотворилъ,
Пространствомъ странъ и моремъ отдѣлилъ,
А когда бы въ немъ нужда была,
Вездѣ бъ природа намъ ее произвела.

Я вѣрю, и табачный злакъ добро,
И пользуетъ, какъ въ черный день сребро,
И свойство разное ему Богъ даровалъ,
Чтобъ лютыя болѣзни исцѣлялъ;
Но выслушай, мой другъ любезный,
Кому табакъ въ нуждахъ полезный?
Коль у богатаго поселянина
Разболится лѣтомъ вся скотина,
Или сказать вамъ толкомъ съ-проста—
Падетъ на скотъ вошъ или короста,—
Тогда дѣйствительно варитъ онъ злы лопуши
И моетъ спину, шею всю и уши.
Еще посредствомъ сего табака
Бываетъ въ мірѣ польза велика:
Когда течетъ отъ поворотовъ Рака
И вступитъ Фебъ въ путь линій зодіака,
Тогда отъ ярости лучей
Въ скотѣ бываетъ множество червей,
Тогда табакъ тотъ трутъ и засыпаютъ.
И всѣхъ червей тѣмъ въ ранахъ заморяютъ.
Какой же бѣсъ содѣлалъ всѣмъ обманъ,
Безхвостный адскій черный сей цыганъ,
Что стыдно мудрымъ людямъ и сказать,
Увѣривъ, будто въ нюханьѣ здоровье слѣдуетъ
искать.
Ахъ! какія новости въ сей вѣкъ настали,
Какую пропасть деньгамъ изыскали!
Что воспрещали нюхать всѣмъ законы—
Теперь на то теряютъ милліоны.
Въ какую роскошь народъ весь впалъ,
Что дѣдъ и пращуръ нашъ во вѣкъ не зналъ.
Въ Россіи табаку до-прежде фунта не бывало,
Нынѣ же придетъ корабль его—и тутъ все мало.
Экъ! алчно нюхать стали какъ носами,
Не наготовятся имъ кораблями!
И нетокмо что въ большой, но въ малый носъ
Потребно стало пудъ иль цѣлый возъ.
Вождь злой бѣсовъ тѣмъ недоволенъ былъ,
Что трубку съ табакеркой всѣмъ вручилъ,—
И издалъ вотъ еще куреніе сигарокъ,
Этотъ проклятый содомскій недогарокъ.

Дрянь эта черна не долѣе перста,
И носитъ подобіе змѣинаго хваста.
Но люди за честь курить сигарку поставляютъ,
И зелье то дымить во грѣхъ не полагаютъ,
Не думая, что угожаютъ бѣсовскимъ тѣмъ
потѣхамъ,
Во вредъ душѣ, къ спасенью неуспѣхамъ.
. . . . . .
Вотъ какъ сатана всѣхъ нюхать обучилъ
И послѣ этого ко аду возопилъ:
«Будь веселъ адъ! я совершилъ всю злобу,
Всѣхъ мучить будь готовъ, раздвинь утробу,
Табачниковъ намъ принимать пора,
Къ намъ тучей полетятъ табачныя тѣла!...»
Да, люди! сомнительно, чтобъ Рай тѣ получили,
Кои табакъ не воздержась курили:
И кто всю жизнь свою лишь носъ свой набивалъ—
Не можетъ быть, чтобъ Царство увидалъ.
Такъ грѣхъ сей мерзостью обиленъ,
Безмѣрно Духу Божію противенъ;
И еслибъ кто вселенскій былъ учитель,
Столпъ церкви, мудрый міру просвѣтитель,
И Духа Божія сподобленъ онъ,—
Табакъ весь Божій Духъ изгонитъ вонъ.
Въ табачный кто кружокъ лишь бы попалъ,
Ужъ у того умъ здравый весь пропалъ.
Вотъ мудрый приточникъ царь Соломонъ—
О женскихъ прихотяхъ писалъ такъ складно онъ,
Огонь и адъ и похоти жены
И люта смерть имъ вѣрно сравнены:
Но еслибъ былъ тогда и сей табакъ,
Навѣрно бы объ немъ прибавилъ бы онъ такъ:
«Жена, огонь и адъ все покоряютъ,
И лопухи табачные всѣмъ міромъ управляютъ,»
И правда! до той поры несытно всякъ куритъ,
Пока всю голову ему вскружитъ.
И чудо! есть такой еще народъ,
Что кладетъ табакъ за губу и жуетъ какъ скотъ.
Человѣкъ! измѣрь, сколь бездна ада глубока,
Грѣха сего столь пропасть велика!
Когда бъ чернилами содѣлалась морей всѣхъ влага,

Пространство неба было бы бумага
И въ перья звѣзды обратились,
Въ писцовъ всѣ ангелы переродились,
И всѣ писали бъ книги къ поученью,-
То табачниковъ не научили бъ отвращенью,
Отъ табака не возмогли бы отучить
И не съумѣли бъ ихъ къ спасенью обратить,
Хотя бы огненный исподній океанъ
Грозилъ пожрать народъ табачныхъ странъ,
И адскій зѣвъ страшилъ всѣхъ поглотить,—
То и тѣмъ табачниковъ не можемъ устранить.
Тогда сей грѣхъ лишь сгибнетъ пропадетъ,
Когда се время на косу падетъ!
И что жъ послѣдуетъ за грѣхъ потомъ
Знакомъ кто съ трубкой, съ мерзкимъ табакомъ?
За добродѣтель будетъ воздаянье,
А за табакъ жди адско наказанье.
Удобнѣй міру нашему въ хаосъ переродиться,
Чѣмъ слову Божію не совершиться.
А Богъ усты своими рекъ:
Когда былъ въ мірѣ ты, мой человѣкъ,
За всяко слово праздное ты дашь отвѣтъ,
Грѣха же табачнаго тягчае въ свѣтѣ нѣтъ.
Вонми! что видно изъ сего Христова слова?
А то, что за табакъ кромѣшная готова!

Вотъ каково это велемудрое стихотвореніе, замѣчательное, съ одной стороны, несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ сочинителя, вѣроятно грамотѣя-самоучки, а съ другой—тѣмъ безнадежно-узкимъ кругомъ понятій, изъ котораго, омраченный раскольничьими мудрованіями, умъ не можетъ выступить при всѣхъ своихъ усиліяхъ,—тѣмъ безжизненнымъ отношеніемъ къ данному явленію жизни, отъ котораго бѣдный сочинитель не можетъ отрѣшиться, при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ. И такою-то прелестью услаждаютъ бѣдное крестьянство раскольничьи наставники въ родѣ Досужева!

III.

ХУДАЯ ТРАВА ИЗЪ ПОЛЯ ВОНЪ.

Дня черезъ три, продолжая свой путь, я въѣзжалъ въ новое село по большому тракту. День былъ теплый, совершенно весенній день, что въ суровомъ апрѣлѣ было большимъ исключеніемъ. Солнечные лучи ярко падали съ синяго неба и бѣлили тесовыя крыши крестьянскихъ домовъ. Огромная стая галокъ вилась надъ садомъ обширнаго господскаго дома, окруженнаго пристройками, службами, конюшнями, каретными сараями, банями, кухнями, флигелями для гостей и управляющихъ, оранжереями и тому подобными прихотями прежняго барства, обратившимися нынѣ въ темную массу зданій съ забитыми лубкомъ окнами, почернѣвшими крышами и размытыми дождемъ, нѣкогда крашенными, стѣнами. По всѣмъ видимостямъ, здѣсь жили богатые помѣщики, отправившіеся нынѣ вѣроятно въ Москву или Петербургъ, пристроиться на службу или доживать свой вѣкъ поскромнѣе въ третьемъ этажѣ какого нибудь столичнаго дома... На улицахъ тѣснился народъ и черезъ площадь направлялся къ сборной избѣ сельскаго управленія. Два десятника, съ мѣдными бляхами на груди, вели кого-то связаннымъ въ сборную избу. Ямщикъ подвезъ меня на въѣзжую квартиру, помѣщавшуюся въ сборной избѣ, прежде чѣмъ процессія, сопровождаемая мальчишками и дворовыми собаками, приблизилась къ этому мѣсту. Остановившись на крыльцѣ, я дождался приближенія процессіи и, къ крайнему своему удивленію, въ связанномъ субъектѣ узрѣлъ Ваську Досужева, но не въ иноческой хламидѣ, а въ какомъ-то кафтанѣ со сборами назади...

— Ты ли это, говорю, другъ любезный Васька Досужевъ? Какъ это тебя угораздило въ веревки-то связаться?

Васька остолбенѣлъ отъ нечаянной встрѣчи и покривилъ какъ-то свое лице.

— Не по закону взятъ, отвѣчалъ онъ.—Судъ разсудитъ.

— Да вѣдь ты обѣщался возвратиться въ Москву, а самъ видно опять за старое ремесло принялся? Какъ же тебѣ не стыдно.

— Я и хотѣлъ ѣхать туда...

— Да не поторопился и напередъ втискался. Ну теперь пеняй на себя... Въ это время вышли на крыльцо членъ уѣздной земской управы съ мировымъ посредникомъ и поздоровались со мною. Всѣ трое вошли мы наконецъ въ комнаты въѣзжаго дома. Познакомились и разговорились. Членъ управы разсказалъ мнѣ, какъ онъ пріѣхалъ открыть школу въ селѣ—и другой день никакъ этого не можетъ сдѣлать. Васька, значитъ, сбилъ съ толку весь народъ и настроилъ его противъ ученія въ школѣ...

— Послалъ я нынѣ непримѣтно, разсказывалъ членъ управы,— въ толпу народа, собравшуюся на одномъ крестьянскомъ дворѣ, послушать что говоритъ народъ между собою противъ школы. Смотрятъ—а этотъ каналья разводитъ такія рацеи предъ толпою: „Государь, говоритъ, нашъ просилъ однажды миру съ Наполеономъ и писалъ: долго ли намъ воевать, долго ли силу терять, время намъ съ тобой помириться. А онъ ему пишетъ, помирюсь: ты могущество держишь по вселенной, и я по тебѣ могущество держу; положимъ съ тобой заповѣдь: что вамъ вознамѣрится содѣяти, мы вамъ не будемъ воспрещать, а что намъ вознамѣрится учинить, вы намъ не возбраняйте. Государь нашъ необмыслися сего, что напослѣдокъ будетъ, и подписался своеручно. Наполеонъ выслалъ двѣ формы: звѣриный образъ и карту землямъ, желая, да во всякомъ мѣстѣ присутствуетъ сей образъ и карта. И что учинилось у насъ?— въ судахъ и у никоніанъ висятъ звѣриные образы (1) и карты земныя. Внимайте, говоритъ, православные! Откуда изыде корень сей? Вамъ въ школахъ карты повѣсятъ, а если карту принять, то и звѣриный образъ принять все равно. А по писанію карты земніи увязаніе разума, а звѣриный образъ—чанъ ярости и гнѣва Божія. А на картахъ сихъ доказываютъ, что есть число звѣрино 666“.

Посредникъ расхохотался.

— Нѣтъ, какова шельма-то! Замѣтьте. Тутъ только я догадал-

---

(1) То есть зерцала.

ся, говорилъ членъ управы, что значило упорство народа и откуда оно взялось! Прислушиваются, однако, что будетъ дальше. Молодецъ ораторствуетъ: „Не внимайте, говоритъ, никакому никоніанскому ученію, которымъ вамъ хотятъ ослѣпить очи: ни о Богѣ, ни о землѣ, ни о солнцѣ, ни о лунѣ. Все у нихъ ложь и прельщеніе антихриста. А вотъ, говоритъ, какое о всемъ этомъ истинное ученіе. Панагностъ философъ глаголетъ: солнце сотворено Божіимъ повелѣніемъ, а величествомъ болѣе всея земли, а одежда на немъ вѣнецъ царскій, а Ангелъ Божіихъ 15 тысячъ по всея дни исходящъ съ солнцемъ, и едва зайдетъ солнце на западъ, и тогда Ангели Господніи совлекутъ съ него одежду святую и вѣнецъ и на престолъ Господній полагаютъ, а у солнца остаются по три Ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ 100 Ангелъ облогать солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока и абіе огненныя птицы небесныя, нарицаемыя Финитни и Халевры, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крыліе свои 90 кратъ въ водѣ океанстей и кропятъ крилома и погашаютъ солнечный цвѣтъ, дабы не опалилъ лучами своими всю землю и живущихъ на ней человѣковъ, и обгораютъ отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе и бываютъ голи, яко оскоблени, и паки егда зайдетъ солнце на западъ, и тогда купаются птенцы во океанѣ морѣ велицѣмъ и обновляются паки и опернатаютъ крыліе ихъ; того ради и петелъ пророкъ именуется и имѣетъ подъ крилами своими перо оныхъ птицъ небесныхъ, и егда зайдетъ солнце отъ запада къ востоку, и тогда посвербѣетъ у петела перо то, и егда же двигнутъ Ангели одежду и вѣнецъ царскій отъ престола Господня, и тогда чешитъ петелъ и открываетъ главу свою и пробудится и находитъ же оныхъ птицъ крѣпкое сраженіе вострепещетъ крилома, проповѣдуетъ мирови воскресеніе трижды, пойди свѣтодавче и глаголи свѣтъ всему міру. Христосъ живъ есть и вся совершаетъ, а творца своего величаетъ“.

— И вы, сказалъ я члену управы, приказали наконецъ этого проповѣдника взять и связать?

— Еще бы! И вотъ взялъ отъ него эти листки. Это наконецъ ни на что непохоже! Мы разсуждаемъ на земскихъ собраніяхъ о всевозможно скорѣйшемъ открытіи школъ, а тутъ чуть не бунты

противъ школъ затѣваютъ, и чрезъ кого же?—чрезъ какихъ-то проходимцевъ. Я не знаю еще, что это наконецъ и за человѣкъ.

— Ну такъ я, говорю, разскажу вамъ объ этой птицѣ: кто она такая и откуда сюда залетѣла.

И я подробно разсказалъ своимъ собесѣдникамъ всю исторію Васьки Досужева, начиная съ первой встрѣчи съ нимъ въ Москвѣ въ Митюговомъ трактирѣ, и оканчивая третьею встрѣчею въ селѣ Благовѣщенскомъ. Собесѣдники мои развели руками отъ изумленія.

— Что же съ нимъ дѣлать теперь? спросилъ посредникъ. Какъ поступить?

— Очень просто, говорю. Опишите все сдѣланное Ваською подробно и препроводите его подъ арестомъ къ становому, для передачи куда слѣдуетъ. Злые пропагандисты, за доказанныя и злонамѣренныя значительныя совращенія народа, по закону другаго мѣста не должны наслѣдовать. Тутъ нѣтъ и мѣста сожалѣнью. Потому что здѣсь не убѣжденье, а ремесло, и ремесло позорнѣйшее; но прежде прикажите обыскать его.

Ваську дѣйствительно обыскали, и между всевозможными рукописями найдена была интересная въ научномъ отношеніи и непохожая на глупыя до нельзя рацеи и прокламаціи, рукопись, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которую мы и прочли всѣ вмѣстѣ. Рукопись эта переполнена хулами на православную церковь.

Часа черезъ четыре, наговорившись до устали между собою, мы распрощались. Я собирался проѣхать на Тверь, гдѣ долженъ былъ сѣсть на желѣзную дорогу въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ сѣсть въ свою повозку, я имѣлъ честь видѣть, какъ Ваську, скрученнаго по рукамъ и ногамъ, провезли мимо оконъ сборной избы въ станъ.

IV.

БЕЗЪ ПАСТУХА ОВЦЫ НЕ СТАДО.

Минутъ черезъ десять по исчезновеніи Васьки, я отправился по селу присмотрѣться поближе къ житью-бытью обывателей. Невесело

смотрѣли избенки крестьянскія, немного обѣщали и обитатели этихъ избенокъ... Прошелъ я одну улицу и остановился въ раздумьи предъ избенкою, криво и одиноко стоявшею на задахъ передняго фасада домовъ. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара, только какіе-то грязные хлѣвушки лѣпились съ одной стороны, съ другой кучею навалены были дровишки. Высокій зеленый бурьянъ росъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Вхожу въ избенку: оказалось, что это келія старушенки каноницы, старой дѣвки и наставницы дѣтей раскольничьихъ. Въ избенкѣ было десятковъ до двухъ дѣтей, сидѣвшихъ за столомъ. Я поздоровался съ хозяйкой избенки. Старушенка какъ будто сначала смутилась, дѣтишки съ любопытствомъ уставились на меня.

— Богъ въ помощь! говорю. Кажется здѣсь школа?

— Пожаловать добро! отвѣчала старушенка и начала торопливо покрываться чернымъ платкомъ. Костлявый оставъ ея, на которомъ надѣта была черная монашеская хламида, былъ согнутъ такъ, что хламида ея держалась больше на спинѣ, чѣмъ на плечахъ; обѣ руки старушенки, съ искривленными пальцами, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли ужъ разгибаться. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенные рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ подъ верхней впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла ея похожи были на какіе-то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движеніи.

— Дѣтей учишь, старуха? вопрошаю я каноницу.

— Какъ же, человѣкъ мірской, учу! прошамкала старушенка и очень косо всматривалась въ меня.—А ты что, откуда?

— Я издалека, говорю,—вотъ поглядѣть зашелъ.

— Погляди, нехотя шамкаетъ старушенка.

Я подхожу ближе къ дѣтямъ: тѣ начинаютъ другъ за друга прятаться. Свѣженькія лица ихъ, блестѣвшія здоровьемъ, составляли поразительный контрастъ съ отжившимъ трупомъ старухи. Глаза многихъ изъ дѣтей глядѣли умно и прямо. У нѣкоторыхъ впрочемъ были подслѣповатыя лица, выражавшія какую-то неестественную заботливость; нѣкоторыя, сдвинувъ брови, напряженно смотрѣ-

ли на меня. Съ краю сидѣлъ мальчикъ, большіе черные глаза котораго производили невольное впечатлѣніе. Устремленный бойко на меня, онъ казалось хотѣлъ что-то высказать, для чего на языкѣ его не было словъ. Противъ него за другимъ столомъ, робко прижимаясь къ плечамъ сосѣдокъ, сидѣла дѣвочка, прикрывшись книжкою, изъ-за которой и выставляла по временамъ свою русую кудрявую головку.

— Что же ты, милый, учишь? обратился я съ вопросомъ къ черноглазому мальчику.

— Катехизисъ, отвѣчалъ тотъ.

Я взялъ у него рукописную книгу въ кожаномъ грубомъ переплетѣ и сталъ разсматривать. Боже мой! что въ этой книженкѣ было намарано! Во главѣ всего стояло:

Вопросъ. Изъ чего Богъ сотворилъ землю?

Отвѣтъ былъ: Изъ песку, а песокъ этотъ досталъ со дна моря сатанаилъ.

Далѣе шли слѣдующіе вопросы:

Вопр. Изъ чего сотворены Ангелы?

Отв. Изъ камня, изъ котораго сатанаилъ сотворилъ себѣ демоновъ.

Вопр. Чѣмъ Богъ сдѣлалъ сатанаила?

Отв. Начальникомъ демоновъ, коихъ и помѣстилъ въ десятомъ чинѣ.

Вопр. Что Богъ сдѣлалъ съ сатанаиломъ?

Отв. Когда сатана возгордился, Господь послалъ Архангела Миху и повелѣлъ ему низвергнуть съ неба сатану со всею его силою; но Миха не могъ сего сдѣлать, доколѣ не былъ сначала постриженъ Господомъ, а потомъ посхимленъ и названъ Михаиломъ.

Вопр. Изъ чего сотворенъ человѣкъ?

Отв. Тѣло человѣка сотворено отъ семи частей: отъ камня—кости, отъ чернаго моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—дыханіе, теплота отъ духа.

Вопр. Отъ чего болѣзни въ человѣкѣ?

Отв. Болѣзни въ человѣкѣ отъ того, что діаволъ истыкалъ тѣло Адама, въ то время когда Господь уходилъ на небо за душею.

Вопр. Что Богъ говорилъ съ Адамомъ послѣ его сотворенія?

Отв. По сотвореніи Адама, Господь вопросилъ его: что онъ видѣлъ во снѣ? Адамъ отвѣчалъ, что видѣлъ Апостола Петра въ Римѣ, распятаго внизъ головою, Апостола Павла въ Дамаскѣ, а тебя, Христе, во Іерусалимѣ на Голгоѳѣ, на крестѣ.

Вопр. Когда сотворенъ Адамъ?

Отв. Адамъ начертанъ Богомъ 5 марта въ 6 часу дня. Безъ души онъ пролежалъ 30 лѣтъ, безъ Евы жилъ 30 дней, а въ раю всего былъ отъ 6 часа до 9.

Вопр. Какъ прельстилъ діаволъ первыхъ человѣковъ?

Отв. Чтобы прельстить праотцевъ, діаволъ обернулся червемъ и упросилъ змія, чтобы онъ пожралъ его; когда Адамъ по убіеніи Авеля, не зналъ, что дѣлать съ тѣломъ его, тогда прилетѣли двѣ горлицы, изъ которыхъ одна нарочито убилась, упавъ съ высоты, а другая похоронила убившуюся, и этимъ научила Адама, что дѣлать съ тѣломъ Авеля.

Вопр. Изъ чего Богъ сотворилъ солнце?

Отв. Солнце сотворено отъ ризы и ризы Господней, а луна изъ воздуха отъ престола Божія.

И проч., все въ этомъ же родѣ.... Въ книгѣ пестрѣли и слѣдующіе вопросы:

Вопр. Когда сотворенъ адъ?

Отв. Адъ сотворенъ въ то самое мгновеніе, когда діаволъ помыслилъ сѣсти противу Бога.—Есть два ада — нижній на концѣ земли, и верхній (иначе чистилище) на высокихъ горахъ и островахъ при морѣ. Въ послѣднемъ „души мучатся, кои спасены будутъ“.

Вопр. Гдѣ зародился сатана?

Отв. Сатана зародился на морѣ Тиверіадскомъ въ 9 валу.

Вопр. На чемъ стоитъ земля?

Отв. Земля основана на трехъ великихъ китахъ, питающихся райскимъ благоуханіемъ...

Вотъ она молодая-то Россія чему учится! невольно подумалъ я;— вотъ оно молодое-то поколѣніе, надежда Россіи! Ужели и эти невинныя дѣти обречены съ такихъ лѣтъ на общее невѣжество, косность и тупость, и возросши, начиненные такою чушью, скажутъ намъ, подобно отцамъ своимъ: казните и разите насъ, но мы свою

вѣру не покинемъ и новизны (т. е. просвѣщенія) не примемъ.... Грустно! А можетъ и это быть? По выстриженнымъ на дѣтскихъ головахъ маковкамъ (гуменце), они заклеймены уже были, такъ-сказать, особою печатію раскольничьяго цеха, чтобы отличить ихъ отъ никоніанъ еретиковъ, т. е. православныхъ, принимающихъ новшества—свѣтъ и науку... Начало уже, значитъ сдѣлано?... Вести разговоръ съ старушенкою-канонницею не стоило, ее могла исправить только могила; дѣти же были малы для того, чтобы съ ними побесѣдовать съ пользою. Бросивъ тупоумное маранье на столъ, я поспѣшилъ выйдти изъ этой нравственной бойни.

Что же мы дѣлаемъ, что дѣлаетъ, наконецъ, наше духовенство? задавалъ я себѣ вопросы, и слѣдующая картина, какъ нарочито подоспѣвшая, была отвѣтомъ мнѣ на эти вопросы. Вдоль улицы стряпуха вела подъ руки нетрезвую особу, которой менѣе всего прилично быть пьяною... Большія крылья шляпы, порванныя въ двухъ мѣстахъ, безобразно висѣли клочками...

Ну, думаю, что же тутъ и разсуждать болѣе? —отвѣтъ на лицо!...

XIV.

НАЧАЛО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ

МОЛОКАНЪ И ДУХОБОРЦЕВЪ

ВЪ

РОССІИ.

I.

Предки наши искони любили богослуженіе и внѣшнюю обрядность, такъ что и самая жизнь ихъ получила частью характеръ церковнообрядный. Недаромъ и послы Владиміра прежде всего плѣнились внѣшнимъ благолѣпіемъ греческаго богослуженія; построеніе и украшеніе церквей занимали всю жизнь многихъ. Получивъ отъ грековъ иконы, кресты, священные сосуды, книги и другія церковныя украшенія 1), предки наши не задавались тонкими, ученосозерцательными изслѣдованіями принятыхъ ими догматовъ и вѣру свою питали большею частью посредствомъ богослуженія и богослужебныхъ книгъ 2). Благочестивые князья и княгини, бояре, духовные и міряне дорогою цѣною покупали церковныя книги или сами проводили жизнь въ списываніи ихъ 3). Въ храмахъ Бо-

---

1) См. Акты Собр. Археол. Экспед. Спб. 1836. См. Церк. Грамоты патріарховъ къ намъ.

2) См. Обозрѣніе Рус. Словесн Шевырева въ извѣст. II Отд. Импер. Акад. Наукъ Т. III. стр. 67—105.

3) См. Опис. рукоп. Рум. муз. л. 408, 715, 721. Опис. рукоп. Synод. Библ. л. 298, 324, 299, Вкладн. подписи къ опис. рук. Рум. муз. стр. 175, 397; 408, 409, 468. Опис. рук. моск. Synод. Библ. стр. 229, 230, 279, 296.

жінхъ учились всѣ отъ князя и боярина до послѣдняго мірянина, а къ духовенству прибѣгали даже съ вопросомъ что ѣсть и пить 4), и жизнь ихъ протекала такимъ образомъ въ чтеніи и пѣніи псалмовъ въ честь и во славу Отцу, Сыну и Святому Духу, себѣ на здравіе, а похощимъ на спасеніе 5).

При такомъ направленіи христіанскаго благочестія въ древнемъ русскомъ народѣ, кажется, было бы страннымъ ожидать явленія какого нибудь религіознаго своемыслія; скорѣе можно было ожидать ревнителей, нежели враговъ, церковной обрядности. Но извѣстно, на землѣ искони ведется такой порядокъ, что гдѣ люди сами не домыслятся до чего нибудь, тамъ помогутъ другіе, даже инородцы, даже чужеземцы... Такъ случилось и съ нашими предками. Едва прошло 15 лѣтъ со времени введенія христіанства въ Россіи (988 г.), какъ въ 1004 году явился нѣкто Адріанъ, монахъ 6), отвергавшій церковь и обрядность вообще. Такимъ образомъ русская земля еще за 750 лѣтъ до появленія нашихъ духоборцевъ и молоканъ огласилась догмою, которая потомъ въ XVIII столѣтіи легла въ основу ученія духоборцевъ и молоканъ. Адріанъ былъ первое лице съ характеромъ религіознаго *раціоналиста* въ исторіи русской церкви 7). Тогдашній кіевскій митрополитъ Леонтій возсталъ противъ *вольнодумца* и Адріанъ былъ имъ обличенъ и потомъ заключенъ въ темницу 8). Жаль очень, что первая борьба русской церкви съ религіознымъ диссидентомъ не обошлась безъ темницы. Лѣтописи впрочемъ свидѣтельствуютъ, что Адріанъ послѣ темничнаго заключенія пришелъ въ раскаяніе 9).

Спустя 121 годъ послѣ явленія Адріана, именно въ 1125 г., является на югѣ же Россіи другой религіозный раціоналистъ, нѣкто

---

4) См. Слово о постѣ Прав. Собес. 1858 кн. 1.

5) См. Опис. рукоп. Synod. Библ. л. 284, 335.

6) См. Никон. лѣтоп. ч. 1 стр. 112.

7) Ист. о раскол. въ церк. рос. Игнатія архіеп. воронеж. и задон. часть 1. Изд. 2. Спб. 1862. стр. 22. См. рукоп. отвѣты пустынножителей іеромонаху Неофиту, отвѣтъ 3.

8) См. Разсуж. о ереси и раскол. Руднева. Москва 1838 г. стр. 29.

9) Степ. кн. часть 1 стр. 166.

Дмитръ 10), отвергавшій, по замѣчанію Татищева, церковные уставы 11); но Кіевскій митрополитъ Никита послалъ Дмитра въ заточеніе въ гор. Синелецъ 12).

Адріанъ и Дмитръ держались, очевидно, нѣкоторыхъ общихъ мнѣній. Изъ какого же начала они брали и какой системы вѣрованія держались, отвергая внѣшнюю обрядность? Соглашаясь съ авторомъ Исторіи ересей и расколовъ, Рудневымъ, мы думаемъ, что система эта сначала принадлежала собственно не членамъ русской церкви 13). Слишкомъ еще мало прошло времени для того, чтобы на почвѣ, просвѣщенной христіанствомъ, могли явиться раціональные религіозные мыслители. Правда, гдѣ есть убѣжденіе, тамъ бываютъ и сомнѣнія, недоразумѣнія и заблужденія, гдѣ законъ, тамъ и преступленіе закона; и это одинаково относится ко всѣмъ явленіямъ жизни, тѣмъ не менѣе для этого нужно было время и значительная доля свободной сознательной работы. Нужно было, что бы разумъ выработалъ идеи, предшествующія обыкновенно фактамъ. И міръ, какъ извѣстно, не видѣлъ даже и малѣйшей перемѣны въ своемъ порядкѣ, которой бы не предшествовала, болѣе или менѣе, разумная теорія, считающаяся по справедливости тѣнью приближающихся событій. Посему справедливо полагаютъ, что раціоналистическая догма Адріана и Дмитра, огласившая дважды древнюю Русь, была ничто иное какъ ученіе богомиловъ болгарскихъ. Богомилы же эти; какъ извѣстно, произошли отъ павликіанъ, называвшихся въ южной Франціи, Піемонтѣ, Ломбардіи и Богеміи вальденцами, а въ Провансѣ и Лангедокѣ альбигенцами (Valdenses, Albigenses). Люди эти отвергали всю внѣшность церковную со всею іерархіею, думая этимъ служить Богу духомъ и истиной 14)— любимое изрѣченіе также и нашихъ духоборцевъ и молоканъ. Богъ есть Духъ, твердятъ они безпрестанно, и поклоняющіеся ему должны поклониться въ духѣ и истинѣ (Іоан. IV. 24).

---

10) Истор. Рос. Татищ., кн. II. стр. 228.
11) Никон. Лѣт., ч. II, стр. 56.
12) Тамъ же.
13) Разсуж. о ерес. и раск. Руднева, стр. 30—31.
14) Истор. о раскол. въ Церк. Росс. Игнатія, стр. 23.

Къ сожалѣнію, ересь богомиловъ, давшая начало системѣ гностицизма, у насъ не разслѣдована, между тѣмъ какъ вліяніе ея на сосѣднія южныя области Россіи разъяснило бы много загадочнаго въ нашей исторіи 15). „Двоевѣрныя книги“ и „болгарскія басни“ должны заключать въ себѣ много гностическаго и, быть можетъ, объяснятъ намъ то замѣчательное явленіе, что вслѣдъ за введеніемъ христіанства у насъ стали строиться храмы въ честь Софіи, премудрости Божіей, перваго отвлеченнаго понятія, возникшаго у гностиковъ 16). Мнѣніе, что каждый человѣкъ есть „живая книга“, склонность къ умерщвленію плоти, отвращеніе отъ письменнаго ученія, потому что буква мертвитъ, презрѣніе ко всякой внѣшности,—все это встрѣчается какъ у богомиловъ, такъ и у молоканъ 17). Дошедшая до чувственности любовь Христова, породившая божковъ Раднева, Щеглова и др., присвоившихъ себѣ права на всѣхъ дѣвушекъ, тоже сильно напоминаетъ мистическое ученіе о сліяніи падшаго духа съ Искупителемъ. Нѣчто подобное до сихъ поръ водится у буддистовъ Ламайскаго толка, а также у нашихъ калмыковъ, бурятъ и монголовъ и едва-ли нѣтъ того же самаго у сибирскихъ шамановъ. Даже въ древнемъ мірѣ духоборческая; дошедшая до безобразія „Христова Любовь“ была очень распространена, особенно въ Сиріи и въ Финикіи при поклоненіи Вакху, Адонису и Астартѣ 18), откуда впослѣдствіи она могла, чрезъ рядъ другихъ сектъ, попасть и къ гностикамъ.

Церковь болгарская находилась издавна въ тѣсной связи съ нашею древнею православною. Памятниками этого союза, между прочимъ, служатъ: общій той и другой церкви переводъ книгъ Священнаго Писанія, а также и прославленіе у насъ памяти многихъ святыхъ мужей болгарской церкви... Болгарскій напѣвъ сохранился въ нашемъ богослужебномъ пѣніи. Поэтому естественно, что современныя движенія, происходившія въ греческой и болгарской церквахъ,

---

15) Лѣтоп. Рус. литер. и древ. 1859 г., т. III.

16) См. Сборн. Правит. свѣд. о раскол. Том. III. Лондонъ 1862 г., стр. XX.

17) Тамъ же.

18) Тамъ же, стр. XXII.

отражались и повторялись и въ русской. Между тѣмъ въ Болгаріи суждено было явиться богомиламъ, выродившимся, какъ мы сказали, изъ павликіанъ, которые были извѣстны въ греческой церкви. Павликіане возставали между прочимъ противъ обрядности священноначалія, богослуженія и отвергали таинства. Императоры константинопольскіе вооружались неоднократно противъ этихъ вольнодумцевъ и, по повелѣнію одной императрицы Ѳеодоры, ихъ было повѣшено, изрублено и потоплено около 100,000 человѣкъ 19). Императоръ Цимисхій рѣшился наконецъ переселить значительную часть ихъ съ востока во Ѳракію на границы Болгаріи. Церковь болгарская была такимъ образомъ поставлена въ очевидную опасность. И вотъ въ то самое время, когда у насъ судили религіознаго вольнодумца Дмитра, въ болгарскомъ городѣ Менгелинѣ едва не всѣ жители сдѣлались жертвами павликіанскихъ заблужденій и самъ князь чуть было не отступилъ отъ православія.

Богомилы между прочимъ отвергали: 1, личное событіе Сына Божія и Св. Духа; 2, необходимость таинства и обрядовъ; 3, чудеса Спасителя понимали духовно; 4, всѣ дѣйствія Іисуса Христа представляли духовными 5, церковь видимую почитали чѣмъ-то среднимъ между древнимъ іудействомъ и внутреннею жизнію, къ которой считали себя принадлежавшими, называясь истинными духовными христіанами и 6, крещеніе Христово, говорили, есть крещеніе духовное и состоитъ въ воздержаніи, молитвахъ, чтеніяхъ и пѣснопѣніи. И такихъ пунктовъ было до 13-ти; всѣ они почти буквально вошли въ ученіе нашимъ духоборцевъ и молоканъ. Въ одной кормчей, писанной въ XV XVI вѣкѣ, изображены наконецъ всѣ пункты ученія Богомила 20) довольно опредѣленно. Присоединя къ этимъ обстоятельствамъ кочующую жизнь пропагандистовъ богомильства и тѣсную связь церкви русской съ болгарскою и греческою, мы получаемъ такимъ образомъ положительное основаніе видѣть въ Адріанѣ и Дмитрѣ богомиловъ 21), а слѣдовательно

---

19) Constant. Porphyr. Const. IV. C. 16.

20) Корм. рук. Моск. Дух. Акад. въ листъ на хлопч. бумагѣ.

21) Пст, ерес. и раск. Руднева, стр. 37.

и въ нашихъ духоборцахъ и молоканахъ законныхъ дѣтей богомильства.

II.

И такъ религіозное своемысліе въ первые времена появленія христіанства на Руси было заносное, и лица, дѣйствовавшія среди тогдашняго юнаго христіанскаго общества, были не русскіе, а пришельцы. Тѣмъ не менѣе сѣмена религіознаго раціонализма были посѣяны на русской почвѣ, и если исторія представляетъ намъ послѣ этого нѣкоторое затишье въ русской церкви до XIV столѣтія, то это случилось потому, что сѣмена не успѣли еще возрасти и принести плодовъ, Поэтому еще слѣдуетъ припомнить тогдашнія историческія обстоятельства. Тяжкія бѣдствія междоусобій князей русскихъ смѣнились еще тягчайшимъ бѣдствіемъ: игомъ монгольскимъ. Слѣды дальнѣйшаго религіознаго своемыслія мы видимъ уже не на югѣ Россіи, а на сѣверѣ, и неудивительно;—опустошеніе монгольское сосредоточило Русь на сѣверѣ; туда перешла митрополія русская, туда перетянуло и всю жизнь народную. Новгородъ, не испытавъ раззоренія отъ монголовъ, велъ обширную торговлю и на ряду съ церквами православными въ немъ стояли и церкви гостей иноземныхъ 22). Карамзинъ говоритъ даже объ особенной дани, собиравшейся въ Новгородѣ съ церквей нѣмецкихъ и называемой—забожничье 23).

Въ этомъ пунктѣ Россіи идеи, посѣянныя религіозными раціоналистами, могли легче уѣмъ гдѣ возродиться и придтись по вкусу. А пища же къ тому нашлась. Въ церкви явились безпорядки. Независимо отъ волненій ея ученіемъ Мартина-армянина 24) и спорами о постѣ въ среду и пятокъ 25), христіане волновались и

---

22) Ист. Гос. Рос. Карамз. Т. III, прим. 153, 244.
23) Тамъ же прим. 324.
24) Ист. о раск. въ церк. рос. Игнатія, стр. 23—28.
25) Тамъ же стр. 29.

отъ другихъ неурядицъ церкви и духовенства. Кіевскій митрополитъ Кирилъ при обозрѣніи всероссійской паствы на соборѣ архіереевъ россійскихъ, бывшемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ въ концѣ XIII столѣтія, говоритъ между прочимъ много о разныхъ неурядицахъ и безпорядкахъ церковныхъ. Послѣднія еще тѣмъ болѣе поддерживались, что при разореніи монголами селеній, церквей, монастырей и городовъ отправленіе обрядовъ вѣры становилось затруднительнымъ и могло быть самопроизвольнымъ. При наводненіи татарами южныхъ предѣловъ Россіи, престолъ всероссійской митрополіи перенесенъ былъ изъ Кіева къ сѣверу, сперва во Владиміръ, потомъ вскорѣ въ Москву, такъ что церковное общеніе съ греческою церковью слабѣло. Представителями русской церкви начали быть уже не греки и въ самой русской іерархіи явилось раздвоеніе. Кромѣ митрополитовъ московскихъ явились еще митрополиты и въ Кіевѣ (1414 года). Иногда бывало ихъ даже въ томъ и другомъ мѣстѣ не по одному вдругъ 26). Словомъ, іерархія церковная, начиная съ высшей и кончая самою низшею, потряслась. А такія явленія, очевидно, уже могли прокладывать путь и къ выработыванію среди общества иныхъ религіозныхъ воззрѣній. Идеи, распространенныя на югѣ Россіи и сохранившіяся какъ историческое сказаніе въ книгахъ, тетрадяхъ и т. п., имѣли теперь готовую почву и могли, въ извѣстной степени, приближаться къ другимъ церковно-религіознымъ идеаламъ. Таково уже свойство идей и въ частности религіозныхъ! Въ распространеніи своемъ онѣ совершенно сходствуютъ съ распространеніемъ знаній вообще. На такой-то почвѣ церковнаго состоянія Россіи и не замедлило явиться уже чисто-русское своемысліе въ лицѣ протопопа новгородскаго Сеита и стригольниковъ.

Сеитъ, новгородскій протопопъ, дѣйствовавшій за-одно съ тверскимъ епископомъ Ѳеодоромъ, напалъ на монашество, вслѣдствіе чего въ Новгородѣ многіе оставили это званіе и стали разсчитывать на существованіе видимаго рая, а діаконъ Карпъ Стригольн-

---

26) Истор. о раскол. Игнатія, стр. 32.

никъ 27) съ діакономъ же Никитою (1371 г.), основываясь на безпорядкахъ духовенства, отвергъ всю іерархію 28).

Стригольники между прочимъ учили: 1) что апостолъ Павелъ заповѣдалъ и простымъ людямъ учить, почему и выбраны были вмѣсто духовенства учителя изъ своей среды. 2) Силу рукоположенія замѣнили приговоромъ своего общества. 3) Вмѣсто церковнаго богослуженія устроили собранія въ избахъ для чтенія и пѣнія. 4) Проповѣдывали 29) духовное достоинство всякаго мірянина и 5) супружество объявили свободнымъ желаніемъ лицъ, расположенныхъ другъ къ другу, безъ благословенія священника 30). Всѣ эти пункты цѣликомъ почти находятся и въ ученіи духоборцевъ и молоканъ. Ученіе стригольниковъ является такимъ образомъ первымъ туземнымъ, уже чисто-русскимъ своемысліемъ.

Достойно замѣчанія, что за 20 только лѣтъ до явленія стригольниковъ, т. е. въ 1350 г., въ Англіи гремѣлъ Виклефъ, богословъ оксфордскаго университета, противъ духовенства въ томъ же смыслѣ, какъ наши стригольники. Виклефъ основалъ даже особое общество подъ именемъ виклефидовъ, которое по смерти его перенесено было въ Германію и въ особенности въ Богемію, гдѣ по смежности съ Моравіею уже давно были извѣстны упомянутые нами выше валденцы и богомилы, остатокъ маркіонитовъ и манихеевъ. Ученіе Виклефа нашло здѣсь многихъ горячихъ послѣдователей, въ особенности же извѣстнаго Іоанна Гусса, предтечу германскихъ реформаторовъ. Его мнѣнія о духовенствѣ и безполезности молитвъ за усопшихъ, поминокъ ихъ и т. п. почти слово въ слово схожи съ мнѣніями нашихъ стригольниковъ; наши простолюдины только

---

27) Нѣкоторые называютъ Карпа Стригольникомъ по ремеслу (цирюльникомъ), другіе потому, что онъ былъ разстриженъ за вольномысліе. Вопросъ этотъ положительно и ясно не разрѣшенъ и доселѣ. См. Истор. о раск. Игнатія, стр. 34. См. Ист. ересей и раск. Руднева прим. стр. 24—25.

28) Акты Ист. Арх. Эксп. Спб. 1841 г. Т. I, стр. 63. Акт. Истор. Спб. 1841. стр. 10.

29) Истор. о раск. Игнатія, стр. 36.

30) Тамъ же, стр. 40.

выражались грубо, а гусситы ученымъ образомъ. Все это не могло не быть извѣстнымъ въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ у насъ были прямыя сношенія съ иностранцами. Особенно еще тогда и жизнь-то общественная была исключительно построена на церковности. Псковское наше духовенство сближалось съ иноземными смежными духовными лицами болѣе, нежели сколько нынѣ представить себѣ можно 31).

Предвозвѣстники новыхъ началъ въ вѣрѣ, діаконъ Никита былъ лишенъ сана, Карпъ Стригольникъ брошенъ съ моста въ Волховъ 32), всѣ ихъ послѣдователи объявлены отлученными отъ церкви 33), вслѣдствіе чего они разбѣжались по разнымъ мѣстамъ Россіи и, конечно, разнесли еще болѣе свое ученіе... Вольнодумцевъ предавали смертнымъ казнямъ и даже положено было, по сношенію съ митрополитомъ Фотіемъ, схватить всѣхъ стригольниковъ и заключить въ темницы 34), что разумѣется сдѣлать было невозможно, особенно еще когда разбѣжавшіеся по Россіи стали распространять свое ученіе по городамъ и селамъ, и эта ошибка произвела, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствія, совершенно противныя цѣли. Прозелиты новаго ученія стали провозглашать утопленныхъ, казненныхъ и умершихъ въ темницахъ страдальцами за вѣру, которая посему самому представлялась уже вѣрою гонимою. И преосвященный Игнатій выразился по этому случаю справедливо: что въ бѣдствіяхъ человѣческихъ обыкновенно наиболѣе пристаютъ сердечнымъ участіемъ жалости къ сторонѣ терпящихъ бѣдствія и тѣ даже, до кого самое дѣло совсѣмъ не касалось бы.

Но ученію стригольниковъ суждено было не уничтожиться и по другимъ причинамъ. Извѣстно, что духовенство русское издревле жило пошлинами съ народа: епархіальные архіереи брали ихъ съ духовныхъ и мірянъ своей епархіи, всероссійскіе митрополиты съ епархіальныхъ начальствъ, а съ митрополитовъ бралъ царьград-

---

31) Акты Ист. Спб. 1841. Т. I, стр. 67.
32) Софійск. врем. Ч. 1, стр. 351. Никон. лѣтоп. Ч. IV, стр. 46.
33) Посл. Патр. и Фотія. Сл. Ист. ересей и раск. Руднева, стр. 76.
34) Ист. о раск. Игнат., стр. 51.

скій патріархъ. Во времена явленія стригольниковъ были особыя усилія со стороны властей духовныхъ къ полученію этихъ пошлинъ, такъ что москвичи и новгородцы отказали въ 1392 г. митрополиту Кипріану въ поборахъ 35). Митрополитъ пожаловался великому князю. Великій князь, требовавшій себѣ отъ новгородцевъ дани, принялъ въ разсчетъ и жалобу митрополита, а въ Новгородѣ сдѣлался мятежъ, даже кровопролитіе. Случай этотъ далъ пищу повгородцамъ къ новому негодованію на іерархію 36). Въ псковской области стали принимать священниковъ изъ Литвы безъ всякихъ ставленныхъ грамотъ 37), русское духовенство было погружено въ невыносимое невѣжество, а богослуженіе отправляли даже люди, неосвященные и двоебрачные 38); новгородскій архіепископъ Геннадій просилъ митрополита Симона завести училища, гдѣ бы учились дѣти по крайней мѣрѣ порядочному чтенію церковному и уставу 39); монахи и монахини жили въ монастыряхъ вмѣстѣ 40) и къ довершенію всего, духовенство поставлялось въ священный санъ за деньги, что сильно возмущало стригольниковъ 41)... Соображая все это, мы приходили къ заключенію, что ученіе стригольниковъ, выразившихъ собою все прежнее раціональное отношеніе къ религіи, должно было, получивъ наконецъ видимую форму, жить, и оно жило до второй половины XV столѣтія, когда и выразилось въ новомъ, еще сильнѣйшемъ и полнѣйшемъ ученіи, съ которымъ мы сейчасъ и постараемся познакомиться.

III.

Броженіе, выразившееся въ сектѣ стригольниковъ разнообразными

---

35) Никон. Лѣт. Ч. IV., стр. 195.

36) Истор. о раск. и ерес. Игнатія, стр. 43.

37) Акты Ист. Спб. 1841 г. Т. I, стр. 67.

38) Ист. о раск. Игнатія, стр. 53. Древ. Вивліоѳ. Т. XIV, стр. 244.

39) Тамъ же, стр. 52. Сл. Рудн. разсуж. о ерес. и раск., стр. 89.

40) Руднева, стр. 89.

41) Акты Археол. Экспед. Т. I., стр. 484—488. Истор. Княж. Псков. Ч. III., стр. 38—39.

раціоналистическими толками и сформировавшееся, чрезъ столѣтіе въ новой вольной общинѣ, называемой „ересью жидовствующихъ“ открылось въ томъ же Новгородѣ, который недаромъ назывался въ исторіи „вольнымъ Новгородомъ.“ Въ этой новой раціоналистической общинѣ ученіе стригольниковъ объ обрядахъ, іерархіи, таинствахъ, иночествѣ, будущей жизни и проч. повторилось со всею точностію, различіе только въ томъ, что новая община „жидовствующихъ“, какъ поздняя, приняла въ себя элементы, порожденные новыми религіозными движеніями на западѣ, съ которымъ Новгородъ, по прежнему, былъ въ непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

Главную роль въ ереси жидовствующихъ играетъ литовскій жидъ Схарія, жившій въ Кіевѣ около 1470 г. Въ 1471 году, когда Великій Новгородъ, отстаивая отъ Москвы свою вольную жизнь, ради угрозы выпросилъ у короля Казиміра въ намѣстники брата кіевскаго князя Михаила Олельковича или Александровича, вмѣстѣ съ Михаиломъ пріѣхалъ въ Новгородъ и Схарія. Схарія еще и въ Кіевѣ былъ хорошо знакомъ съ княземъ, такъ что объ этомъ знакомствѣ считалъ нелишнимъ замѣтить и преподобный Іосифъ Волоколамскій 42). При такихъ обстоятельствахъ Схаріи нетрудно было поставить себя въ хорошія отношенія къ высшему кругу Новгорода и духовенству.

Схарія былъ человѣкъ образованный, хорошо владѣлъ діалектикой, зналъ Св. Писаніе и творенія св. отцовъ, астрологію 43) и всякія науки и былъ человѣкъ самаго свободнаго направленія въ вѣрѣ и жизни 44), онъ былъ знакомъ наконецъ и съ естественными науками, почему и прослылъ чернокнижникомъ 45). Вслѣдствіе этого Іосифъ Волоколамскій, изображая Схарію, выразился: сей бяше изученъ всякому изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію и со астрологи живый въ градѣ, нари-

42) Просв. стр. 43 Прав. Соб. 55 гл. кн. III.
43) Просв. стр. 43—44 Прав. Соб. XV гл. кн. III.
44) Прав. Обоз. 1862 г. Т. VIII, стр. 184.
45) Разсуж. о ерес. и раск. Руднева, стр. 92.

цаемомъ Кіевѣ 46). Къ какому жидовскому толку принадлежалъ Схарія, опредѣлительно рѣшить трудно. Сомнительно однако, чтобы онъ былъ талмудистъ, потому что въ ученіи Схаріи нигдѣ не видно слѣдовъ талмуда. Обращаясь къ исторіи, мы находимъ, что въ концѣ XIV вѣка караимы, отрасль іудейства, всегда противодѣйствовавшая талмуду, переселилась изъ Крыма въ Литву и Польшу 47) и имъ князь Витолдъ далъ особыя привиллегіи 48). Поэтому вѣроятно, что Схарія, какъ выходецъ изъ Литвы, принадлежалъ къ толку караимовъ, отъ котораго ему было легче и естественнѣе, чѣмъ отъ талмудизма, перейти къ своему новому ученію 49). Нѣтъ основанія отвергать, что Схарія посвященъ былъ также и въ таинства кабалистики и что кабала для народа простаго, естественно склоннаго къ чудесному, была однимъ изъ тѣхъ орудій, посредствомъ которыхъ Схарія давалъ силу своимъ дѣйствіямъ 50). По всей вѣроятности, онъ былъ членомъ какого нибудь религіознаго общества въ Литвѣ 51), что подтверждается и тѣмъ, что Схарія выписалъ скоро къ себѣ на помощь изъ Литвы нѣсколько жидовъ 52).

Схарія повелъ себя впрочемъ иначе, чѣмъ стригольники. Тѣ прямо громили духовенство, этотъ началъ самъ сближаться съ духовенствомъ и нашелъ первыхъ прозелитовъ своего вольномыслія въ лицѣ новгородскихъ священниковъ Діонисія и Алексѣя, а затѣмъ и самого софійскаго протопопа Гавріила 53). „Многіе изъ поповъ и діаконовъ, живущіе „свинскимъ житіемъ“, сблизившись съ новымъ пропагандистомъ, начали развивать вольномысліе, оставшееся еще въ народѣ отъ стригольниковъ, и вотъ, совокупными силами образовали новое ученіе, во главѣ котораго съ одной сто-

---

46) Просв. кн. III, глава XV.
47) Запис. Одесс. Общ. Истор. и Древн. Т. I, стр. 644.
48) См. Луцкъ и его Древн. Периптейна.
49) Прав. Обозр. 1862 Т. VIII, стр. 183.
50) Истор. Г. Р. Т. VI, стр. 196.
51) Разсуж. о ерес. и раск. Руднева, стр. 93.
52) Тамъ же стр. 93 Прав. Общ. 1862 Т. VIII, стр. 185.
53) Ист. о раск. въ Церкви Росс. Игнатія, стр. 55, Руднева, стр. 93.

роны стоялъ Схарія, а съ другой — попы Діонисій, Алексѣй и самъ протопопъ Гавріилъ 54) съ сонмомъ многихъ священниковъ и діаконовъ, знаменитыхъ гражданъ, причетниковъ, чиновниковъ города и народа 55). Все это ученіе не составляло чего нибудь новаго, однороднаго, цѣлаго, привезеннаго къ намъ откуда нибудь, а было объединеніемъ многоразличныхъ, сходныхъ и противоположныхъ мнѣній и толковъ 56), выросшихъ со времени богомиловъ, стригольниковъ на русской почвѣ. Считать эти движенія спавшими какъ бы съ облаковъ вдругъ и нечаянно значитъ отрицать историческую сторону всякой націи, во имя которой совершаются всѣ умственныя, нравственныя и религіозныя перемѣны.

И такъ мы видимъ, что новое ученіе, извѣстное подъ именемъ „ереси жидовствующихъ“, быстро обхватило тогдашнее русское общество и нашло себѣ прозелитовъ преимущественно въ людяхъ книжныхъ 57), такъ что въ числѣ своихъ исповѣдниковъ оно уже скоро считало Григорія Михайлова Пучина, сына знатнаго боярина, имѣвшаго великую власть въ Новгородѣ 58); въ Москвѣ Симіоновскаго архимандрита, а потомъ митрополита Зосиму, извѣстнаго своею ученостію и дарованіями, придворнаго и близкаго къ царю дьяка Ѳедора Курицына; ересь проникла даже въ великокняжескій дворъ, гдѣ ее приняла невѣстка великаго князя Елена и едва не плѣнила даже самого великаго князя 59). Понятно послѣ того, что новое ученіе разлилось неудержимымъ потокомъ и въ массахъ и породило, по словамъ Геннадія, „ереси, ереси разныя и ереси многи.“ Іосифъ Волоколамскій говоритъ, что только простѣйшіе учили на жидовство, а многіе и не вступали въ него и научались только отъ него легко смотрѣть на божественное писаніе и спорить на торжищахъ и въ домахъ о вѣрѣ 60). Что

54) Прав. Обозр. 1862 Т. VIII, стр. 185.

55) Истор. о раск. Игнатія, стр. 55.

56) Прав. Обозр. 1862 г. Т. VIII, стр. 185.

57) Тамъ же, стр. 186.

58) Просвѣт: стр. 44—45.

59) Чтен. Общ. Истор. и Древ. 1847 г. № 1 Отд. IV. Ист. Гос. Росс. Т. VI прим. 320.

60) Просвѣт. стр. 60.

такое царство небесное, говоритъ Зосима, что такое второе пришествіе, что значитъ воскресеніе мертвыхъ? Ничего этого нѣтъ; умеръ такъ умеръ, по та. мѣста и былъ 61)! Іосифъ и Геннадій неоднократно упоминаютъ, что еретики „простѣйшихъ на жидовство учиху“, предъ другими же они явно, по своему, толковали священное писаніе, порицали христіанство и ни откуда не видно, чтобы пропагандисты эти дѣлали своихъ прозелитовъ жидовствующими; а скорѣе раціоналистами, или даже пожалуй, матеріалистами 62). Недаромъ же у провозвѣстниковъ новаго ученія, при обыскахъ ихъ, находили сочиненія Козьмы, пресвитера болгарскаго и разбиравшаго ересь богомиловъ, Менандра, Іисуса Сираха, логику и другія философскія книги, вывезенныя, вѣроятно, изъ Литвы 63).

Принявшіе ученіе Схаріи между прочимъ говорили: 1) что у Бога Вседержителя нѣтъ Сына Богочеловѣка и Духа Святаго, какъ лицъ единосущныхъ и сопрестольныхъ ему. 2) Іисусъ Христосъ есть Іисусъ Христосъ и Сынъ Божій, но не по существу, а по благодати, такъ же какъ пророки и вѣрующіе. 3) Если правда, что въ пророческомъ писаніи говорится о послѣднемъ судѣ, воскресеніи мертвыхъ и пр.; то судить будетъ не Іисусъ Христосъ, но Богъ Вседержитель 64). 4) Тѣло Христово и кровь Его въ таинствѣ Евхаристіи не почитали настоящимъ тѣломъ и кровію, а простымъ хлѣбомъ и виномъ 65). 5) Иконамъ Спасителя, Богоматери, святыхъ людей и кресту не молились, а называли это идолопоклонствомъ. То суть дѣла рукъ человѣческихъ, говорили они, уста имутъ и не глаголютъ. Богъ сказалъ: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія. Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши. Не сотворите себѣ Богъ серебрянъ и Богъ златъ и не поклонитеся имъ 66). 6) Храмы и другія свя-

---

61) Тамъ же.

62) Прав. Обозр. 1862 Т. XIII стр. 194 прим.

63) Посл. Іосифа къ Архіеп. Іосифу Посл. къ Прохору Еписк. Сирскому въ Сборн. Библ. Толстаго отд. II № 68.

64) Просвѣт. Іосиф. Волок. Слово 1, 2, 3, 4, 5.

65) Соф. Врем. 2,351 и 352. Новгор. 4 лѣтоп. стр. 158 Т. IV.

66) Просвѣт. Іосиф. Восг. Слово 3—5.

щенныя вещи рукотворенныя считали ненужными. 7) Отвергали постъ 67), по средамъ и пятькамъ ѣли мясо и молоко. 8) Не поклонялись святымъ и не почитали мощей. Образы ихъ, говорили еретики, написуете и мертвыя кости любите 68). 9) Отвергали монашество. Иноки, говорили они, сами изобрѣли себѣ житье, но ни пророки, ни апостолы не заповѣдали житія сего 69). Писанія святыхъ мужей и преданія отвергали 70). Все это цѣликомъ почти вошло въ ученіе духоборцевъ и молоканъ.

На этотъ разъ, какъ и со стригольниками, церковные наши пастыри поступили съ „жидовствующими“ также несообразно духу Христову. Геннадій самъ началъ дѣлать обыски у послѣдователей новаго ученія, преобразившись изъ служителя алтаря въ гражданскую власть 71). Многіе священники преданы были имъ торговой казни 72), и Геннадій просилъ митрополита предать всѣхъ вольномыслящихъ на соборѣ проклятію 73); Іосифъ Волоколамскій уговаривалъ неотступно великаго князя истребить всѣхъ послѣдователей ученія Схархіи 74). Геннадій приводилъ даже великому князю примѣръ короля испанскаго, при которомъ, по требованію папы Иннокентія, инквизиція дѣйствовала со всѣмъ ужасомъ костровъ и казней 75). „Грѣшника или еретика, говорилъ онъ князю, руками убить, или молитвою едино есть“... 76) и Геннадій достигъ наконецъ того, что множество изъ принявшихъ новое ученіе были всенародно сожжены въ клѣткѣ, другимъ рѣзали языки, иныхъ навѣчно заключили въ темницы 77). На соборѣ новые вольнодумцы были

---

67) Истор. о раск Игнатія стр. 57. О храмахъ см. Просвѣт. слово 6 и 7.

68) Просвѣт. Слово 3 и 7. Руднева разсуж. о ереси и раск. стр. 161.

69) Просвѣт. Слов. 1—6 Руднева, стр. 165.

70) Игнатія Истор. раск. стр 57. Просвѣт. Слово. 8. 9. 10.

71) Древ. Вивл. XIV, стр. 278.

72) Ист. Гос. Рос. Т. VI прим. 324.

73) Руднева разсуж. о ерес. и раск. стр. 100.

74) Тамъ же, стр. 98, 99.

75) Тамъ же, стр. 101.

76) Древ. Вивл. Т. XVI, стр. 423—424.

77) Руднева разсуж. о ерес. и раск., стр. 108.

прокляты 78), но въ Новгородѣ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней лицомъ къ хвосту, выворотить на нихъ одежду, нарядить въ шлемы берестовые, остроконечные, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, съ вѣнцами изъ сѣна и соломы съ надписью: Се есть сатанино воинство! и въ такомъ положеніи ввести ихъ въ городъ, провожать изъ улицы въ улицу, попадавшіеся на дорогѣ плевали имъ въ глаза и восклицали: враги Божіи, хульники Христа! въ заключеніе на нихъ были зажжены шлемы 79).

Прозелиты новаго ученія, при такихъ мѣрахъ, побѣждаемые силою и мученіями, но не убѣжденные, разбѣжались по Россіи и со злобою въ душѣ и удесятеренною ревностію стали разносить свое ученіе, распространяя даже особыя грамоты, въ которыхъ поносили Геннадія. Между тѣмъ мученичество ихъ собратій освящало въ глазахъ слушателей это новое ученіе, а дѣло церкви было такимъ образомъ проиграно 80).

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ исторію ереси жидовствующихъ, мы позволяемъ себѣ заключить собранные нами факты слѣдующимъ выводомъ: 1, ересь, названная неправильно у насъ „жидовствующею“, не была жидовство, 2, она не была что нибудь единое, цѣлое и опредѣленное, а смѣсь многихъ толковъ, объединенныхъ, совершенно случайно подъ именемъ жидовства 81), она сама по себѣ не есть начало, а есть взрывъ таившагося со временъ богомиловъ и потомъ стригольниковъ критицизма, взрывъ, послѣдовавшій въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка 82).

IV.

Названный ересью жидовствующихъ религіозный индиферентизмъ,

---

78) Тамъ же, стр. 102.

79) Тамъ же.

80) Тамъ же, стр. 96, 97, 109.

81) Схарія былъ казненъ въ Новгородѣ Іоанномъ III вмѣстѣ съ другими бунтовщиками противъ Московскаго царя.

82) Прав. Обозр. 1862 Т VIII, стр. 304—305.

подъ покровительствомъ котораго начала раціонализма жили и раскрывались во всѣхъ своихъ крайностяхъ, сильно распространившись по городамъ и селамъ, тлѣлъ тихо, какъ искра изрѣдка вспыхивая, но никогда не угасая. Только чрезъ полстолѣтія вспышки эти опять выразились въ новомъ религіозномъ движеніи 83), называемомъ въ исторіи ересью Башкина и Косаго. Матвѣй Семеновъ Башкинъ явился сначала въ предѣлахъ новгородскихъ, а ученіе сформировалось въ заволжскихъ странахъ 84). Сторонниками ученія Башкина оказались на первыхъ порахъ Кассіанъ, епископъ казанскій 85), игуменъ Троицкаго монастыря Артемій, монахъ Порфирій, дьякъ Иванъ Висковатый и др. 86). Очевидно, что религіозное своемысліе, выражавшееся въ лицѣ Башкина, было уже окончательно русское, и мы видимъ такимъ образомъ, что кромѣ Москвы, Новгорода, Пскова и заволжскія страны съ заволжскими монастырями заражены были тѣмъ же духомъ... Башкинъ, пришедши разъ на исповѣдь, выразилъ желаніе разумнаго знанія вѣры, чтобы святая вѣра въ лицѣ избранныхъ служителей ея дѣйствовала плодотворнѣе на народъ 87); въ вѣрѣ, говорилъ онъ, мало однихъ словъ, нужно дѣло; весь законъ въ словеси оканчивается: *возлюбиши блажняго своего, яко самъ себѣ;* Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ-де кабалы и проч. 88). Отецъ Семенъ, къ которому обратился Башкинъ, не могъ никакъ справиться съ любопытнымъ духовнымъ сыномъ и донесъ о немъ извѣстному Сильвестру, какъ о человѣкѣ необычномъ, простирающимъ многіе вопросы недоуменно. Въ томъ же духѣ разсуждали и послѣдователи Башкина.

Митрополитъ Макарій обстоятельно донесъ о новомъ еретикѣ

---

83) Прав. Обозр. 1862 г. Кн. VIII, стр. 323 и 431.

84) Сказан. Курбск., Ч. I, стр. 177.

85) Истор. государства Россійскаго. Т. VIII, прим. 394. Руднева, Ист. ересей стр. 126. Чт. общ. ист. 1847 г. № 3.

86) Истор. о раск. Игнатія, стр. 114.

87) Никон. Лѣтоп. 171. 203 — 205. Прав. Обозр. 1862 г. книга VIII, стр. 431.

88) Тамъ же.

(1552 года) царю Іоанну Васильевичу по возвращеніи его изъ казанскаго похода, а царь въ грамотѣ къ Максиму Греку прописалъ о назначеніи собора въ Москвѣ. Башкинъ взятъ былъ на допросъ и сперва во всемъ запирся. но, бывъ посаженъ въ тюрьму, сталъ тосковать и потомъ открылъ свое ученіе инокамъ Іосифовскаго (Волоколамскаго) монастыря Герасиму и Ѳилофею и описалъ даже ересь, поименовавъ своихъ единомышленниковъ. Еретиковъ спрашивали открыто, то самъ государь, то митрополитъ, требовали свидѣтелей и ставили ихъ съ обвиняемыми "съ очей на очи". Башкинъ съ нѣкоторыми единомышленниками былъ наконецъ по суду заключенъ. Но едва произнесено было осужденіе этой ереси, какъ уже стала возникать, въ 1555 году, новая ересь того же направленія. Это было исполнено Ѳеодосіемъ Косымъ, начавшимъ проповѣдывать въ Бѣлоруссіи и Витебскѣ до осужденія Башкина 89).

Ѳеодосій Косой, родомъ москвитянинъ, былъ слугою одного изъ придворныхъ бояръ. Бѣжавши отъ господина своего на Бѣлоозеро, онъ постригся въ монашество и тамъ заразился ученіемъ Башкина. Зиновій, монахъ новгородскаго Отеискаго монастыря, разсказываетъ въ своей книгѣ, написанной противъ ученія Косаго, что однажды пришли къ нему въ монастырь два монаха-клирошане изъ Спасскаго новгородскаго монастыря, Герасимъ и Аѳанасій и третій, иконописецъ, мірянинъ Ѳедоръ, прося его научить ихъ — какъ спастись? Явилось, говорили они, новое ученіе и многіе хвалятъ его почему-то. Отъ Бога ли оно и слѣдовать ли ему? — не знаемъ. Изъ бесѣды съ этими пришельцами оказалось, что это новое ученіе было ученіе самого Косаго 90), который и былъ въ полномъ смыслѣ продолжателемъ ученія Башкина. И тотъ, и другой одинаково думали о лицѣ Іисуса Христа, объ иконахъ, о преданіяхъ и правилахъ церковныхъ 91). Но въ исторіи явленія

---

89) Тамъ же, стр. 127. Словарь о писателяхъ духовнаго чина росс. церкви. Т I, стр. 191.

90) Руднева, стр. 126, рукописи московск. духов. акад.

91) Руднева, стр. 132.

Косаго замѣчательно еще то, что онъ происходилъ изъ заволжскихъ старцевъ, о которыхъ и Башкинъ поминалъ, что его исхулили, утвердили въ мнѣніяхъ заволжскіе старцы 92). Что это за заволжскія страны и старцы? Современникъ, князь Курбскій вмѣсто заволжскихъ старцевъ говоритъ просто о странахъ волжскихъ. Карамзинъ, а за нимъ и другіе пишутъ вмѣсто слова „Заволскій“ „Заволжскій“. Но едва ли не правильнѣе всѣхъ говоритъ Игнатій въ своей Исторіи о расколахъ 93), полагая, что писать правильнѣе нужно „Заволочскій“ или „Заволоцкій“. Слово это весьма извѣстно въ нашей древней топографіи. Мѣстомъ Заволоцкой Чуди назывались сѣверные наши предѣлы, составляющіе нынѣ Архангельскую губернію, часть Вологодской со включеніемъ изъ Новгородской Бѣлаозера, составлявшаго прежде отдѣльное княжество. При этомъ соображеніи только и понятно, почему къ допросамъ по дѣлу Башкина требованы были между прочимъ и старцы соловецкіе: Бѣлобаевъ, Ѳеодоритъ, Савва, Исаакъ и др. 94). Старцы эти были, вѣроятно, изъ московскихъ жителей; въ тѣ времена очень многіе знатные люди уходили изъ столицы въ Соловки по обѣщанію. Они могли, конечно, унесть съ собою и ученіе Башкина и Косаго. Для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно важно указаніе огромныхъ мѣстностей, въ которыхъ разлилось ученіе Башкина и Косаго.

Ученіе Башкина было слѣдующее:

1) Іисуса Христа онъ не признавалъ Богомъ, равнымъ Богу-Отцу. 2) Въ Евхаристіи хлѣбъ и вино не считалъ за дѣйствительное тѣло и кровь Христову. 3) Церковь видимую, выстроенную ни во что не вмѣнялъ, а подъ церковью разумѣлъ собраніе вѣрующихъ. 4) Иконы Богоматери и святыхъ называлъ идолами. 5) Покаяніе предъ священникомъ считалъ за ничто, выражаясь, что если человѣкъ перестанетъ грѣшить, то не будетъ имѣть и грѣха, хотя бы и передъ священникомъ не каялся. 6) Отеческія

---

92) Никон. Лѣтоп. Ч. VII, стр. 204.

93) Ист. о раск. Игнат., стр. 118—119.

94) Акты, собр. Арх. Эксп. Спб. 1836 г. Т. I, стр. 238.

преданія не считалъ для себя обязательными. 7) Житіе святыхъ считалъ баснословіемъ. 8) Власти вселенскихъ соборовъ не признавалъ. 9) Священное писаніе толковалъ по своему, выражаясь, что чего въ Евангеліи и апостолѣ не написано, того онъ не принимаетъ. 10) Молитву за усопшихъ считалъ безполезною. 11) Акафисты безъ соотвѣтственнаго молитвамъ поведенія почиталъ напрасными. 12) Въ крестномъ знаменіи не признавалъ никакой силы 95).

Ѳеодосій же Косой училъ: 1) Таинство Св. Троицы не признавать на томъ основаніи, что законъ признаетъ одного Бога 96). 2) Не вѣрилъ, что Іисусъ Христосъ есть единородный Сынъ Божій, воплотившійся для спасенія людей, но утверждалъ, что онъ простой человѣкъ; ибо, говоритъ Косой, Сыну Божію не было нужды воплощаться для востановленія Адама и Богъ можетъ непосредственно своею рукою обновить помраченный образъ Божій въ человѣкѣ. По сему, 3) не признавалъ обновленія въ человѣкѣ образа божія чрезъ искупленіе и говорилъ, что человѣкъ точно также живетъ и пребываетъ теперь, какъ жилъ и пребывалъ до пришествія Христова 97). 4) Всѣ писанія отеческія отвергалъ, какъ человѣческое преданіе 98), смѣшанное съ ложью. 5) Почитаніе иконъ отвергалъ на томъ основаніи, что въ писаніи нигдѣ нѣтъ заповѣди о почитаніи иконъ. 6) Отвергая иконы, Ѳеодосій отвергалъ и чудеса, бывающія отъ иконъ 99). Училъ, что не должно покланяться кресту, потому что крестъ былъ орудіемъ враговъ Христовыхъ 100). 8) Говорилъ, что не должно молиться усопшимъ святымъ. Вслѣдствіе этого и раки святыхъ Косой считалъ неприличнымъ имѣть въ церкви, но совѣтовалъ класть ихъ на

---

95) Акты историч. Спб. 1841 г. Т. I, стр. 296. Акты собран. Археолог. Экспед. Спб. 1836 г. стр. 238.

96) См. Словарь о пис. духов. чина Рос. церкви подъ словомъ Зиновій.

97) Тамъ же, стр. 194—226.

98) Тамъ же, стр. 13, 14, 163.

99) Тамъ же, стр. 382.

100) Тамъ же, стр. 388, 391.

землю 101). 9) Уставы и правила церковныя, тропари, посты, поклоны, церковныя молитвы, по словамъ Косаго, преданіе человѣческое. 10) Монашество отвергалъ, какъ установленіе человѣческое, изъясняя, что и монашескія правила Василія Велик. не принадлежатъ Василію 102). 11) Церковь обвинялъ въ недостаткѣ единодушія, отъ чего, говорилъ, и члены ея не могутъ называться членами Христовыми 103). 12) Говорилъ, что епископы, отвергая еретиковъ и не пріемля ихъ покаянія, преступаютъ заповѣдь Господню, повелѣвающую прощать всякому согрѣшенія, хотя бы онъ и вторично согрѣшилъ 104).

Изъ обозрѣнія ученій Башкина и Косаго открывается, что ученіе Косаго сходно съ ученіемъ Башкина и служитъ какъ бы продолженіемъ ученія послѣдняго, но Косой пошелъ дальше Башкина. И замѣчательно, что Косой въ своемъ своемысліи остается болѣе на почвѣ христіанской и старается или самимъ христіанскимъ ученіемъ разрушить христіанство, или сопоставляетъ идею его съ жизнью in statu quo и такимъ образомъ нападаетъ на него, какъ нападаютъ вообще крайніе раціоналисты 105). Ученіе Башкина и Косаго тѣмъ не менѣе очевидно видоизмѣненіе одного и того же начала. Какое же это начало? Это отчасти протестантское, отчасти кальвинское, отчасти социніанское. Когда Лютеръ объявилъ въ церкви западной реформу, тогда духъ реформаціи наводнилъ не только большую часть запада, но распространился и въ Польшѣ, и въ Литвѣ 106) и дальше къ востоку. Реформація открылась въ 1517 году, но социніанство было еще прежде. Ученіе это состояло главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы не принимать ничего за истину, чего не можно знать по разуму. Социніанство нача-

---

101) Тамъ же; стр. 333, 334, 342, 343, 366, 367, 375.

102) Тамъ же, стр. 715, 717.

103) Такъ же, стр. 730.

104) Тамъ же, стр. 734, 735,

105) Прав. Обозр. 1862 г. Кн. VIII, стр. 434.

106) Beiträge zu der Reformationsgeschichte in Polen und Lithauen, Zweiter Th. I B. p. 70 Kleim. Hist. Eccles. Christ. T. II, p. 267, 268.

лось въ смежной съ Россіею Польшѣ и, по свидѣтельству князя Курбскаго, распространилось потомъ на Волыни. Въ 1523 году Лютерова реформа уже принята была въ Ригѣ. Около 1550 года реформатскія церкви завелись даже въ Бѣлоруссіи 107) и сюда пришли изъ Россіи три грекороссійскіе монаха: Ѳеодосій, Артемій и Ѳома, изъ которыхъ Ѳома сдѣланъ послѣ реформатскимъ пасторомъ и былъ проповѣдникомъ въ Полоцкѣ. Наконецъ реформаты имѣли своихъ пасторовъ и церкви не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Подольскомъ, Кіевскомъ, Бѣлорусскомъ уѣздахъ. На Бихавскомъ реформатскомъ соборѣ опредѣлено было: послать въ Россію двухъ реформатскихъ проповѣдниковъ, пасторовъ. При посольствѣ отъ польскаго короля Сигизмунда II реформаты подсылали къ самому царю русскому Іоанну Васильевичу пастора для переговоровъ о вѣрѣ и распространеніи ея 108). Между тѣмъ сношенія Литвы съ Новгородомъ и Псковомъ были по прежнему непрерывны 109). Новгородскій архіепископъ Евфимій посылалъ даже грамоты псковскому духовенству о томъ, чтобы тамъ игумены, священники и дьяконы, приходящіе изъ Руси (Бѣлоруссіи) и Литовской земли, были принимаемы со строгимъ удостовѣреніемъ въ ихъ знаніи, чтобы и міряне обращались къ такимъ пришельцамъ въ своихъ духовныхъ требахъ съ крайнею осторожностью. Прежде ѣздили отъ васъ, говоритъ Евфимій псковичамъ, ставиться въ священные чины и на Русь или въ Литовскую землю 110). Самъ всероссійскій митрополитъ Фотій грамотою напоминалъ псковичамъ, чтобы они строго держались благочинія православной церкви 111).

На соборѣ Иванъ Висковатый въ отвѣтахъ своихъ показалъ, что латыне говорятъ, такъ какъ онъ училъ, а Башкинъ показалъ прямо, что его научителями были римскіе католики (безъ сомнѣнія уже реформаты) — аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣ-

---

107) Анд. Вентер. Книга Slavonia Reformata.
108) Слов. о писат. Духовн. чина подъ словомъ: Зиновій.
109) Игнатія Истор. о раск., стр. 112, 113.
110) Акты Ист. Арх. Эксп. Спб. 1836 г. Т. I. стр. 238.
111) Тамъ же, стр. 68, 69.

евъ 112). Отсюда понятно, почему ученіе русскихъ раціоналистовъ Башкина и Косаго однородно съ ученіями, сильно распространившимися на западѣ Россіи... Но эти обстоятельства не измѣняютъ сущности дѣла. Тѣ религіозныя своемыслія, съ которыми однородно ученіе Башкина и Косаго, на западѣ Россіи распространились въ половинѣ XVI вѣка. Ученіе же Башкина и Косаго въ полномъ развитіи является также около половины XVI вѣка и осуждается на соборѣ 1553 г. И это, повторимъ, былъ уже чисто-русскій раціонализмъ на русской почвѣ, который будучи продолженіемъ ученія жидовствующихъ, принялъ въ себя, еще элементы западные...

Такимъ образомъ ученіе „жидовствующихъ" разложилось съ теченіемъ времени на двѣ половины: раціонализмъ, сохранившій элементъ іудейскій, отсюда секта суботниковъ, которая у насъ существуетъ и до сего времени и ждетъ своего историка 113), и раціонализмъ, исключившій изъ себя въ лицѣ Башкина и Косаго все іудеское, отсюда начало молоканъ. Въ лицѣ Башкина и Косаго мы такимъ образомъ имѣемъ первыхъ родоначальниковъ молоканства на Руси.

Въ этой мысли мы еще болѣе убѣждаемся полнымъ сходствомъ всѣхъ 12 пунктовъ ученія Башкина и Косаго съ ученіемъ нашихъ молоканъ, которые впослѣдствіи времени, разумѣется, добавили его нѣкоторыми другими пунктами. На это время происхожденія своего указываютъ и сами молокане въ своемъ вѣроисповѣданіи, напечатанномъ въ Женевѣ. Во времена царствованія въ Россіи Іоанна Васильевича Грознаго, говорятъ они, вызванъ былъ къ двору въ Москву изъ Англіи какой-то лекарь, на котораго, по духу тогдашняго времени и дикости народа, смотрѣли въ столицѣ, какъ на антихриста, называя его проклятымъ и запирая отъ него ворота и дома. Фамилія этого лекаря утратилась. Онъ по какому-то случаю поз-

---

112) Игнатія Ист. о раск. стр. 115.

113) Въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ находится не одна тысяча дѣлъ объ этихъ суботникахъ, называющихся то «суботниками», то «іудействующими» и прямо при допросахъ официальныхъ признающихъ родоначальниками своими Схарія и его послѣдователей. Матеріалы эти требуютъ разработки и разумѣется чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

знакомился съ бывшимъ тогда при дворѣ знатнымъ тамбовскимъ 114) помѣщикомъ, бывалъ у него и много толковалъ о Библіи, имѣть которую въ то время въ Россіи никому не позволялось. У помѣщика этого былъ любимою прислугою смышленный и ученый человѣкъ, нѣкто Матвѣй Семеновъ, который понялъ библейскую истину скорѣе, чѣмъ помѣщикъ, и вскорѣ потомъ пренебрегъ обрядами грекороссійской церкви и поклоненіемъ иконамъ; досталъ славянскую Библію и началъ внушать своимъ близкимъ чистѣйшую истину о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ. Но въ тѣ времена было очень опасно и даже почти совсѣмъ невозможно говорить что либо противное обрядамъ. Поэтому какъ только было узнано отступленіе Матвѣя отъ обрядовъ, то тотчасъ же доведено было до свѣденія верховной власти, и несчастный, по приговору уголовнаго суда, принялъ мученическую кончину чрезъ колесованіе. 115). Нѣкоторые изъ учениковъ его, крестьяне 116) помянутаго помѣщика, по прибытіи въ Тамбовскую губернію на родину 117) тоже начали съ помощію привезенной ими Библіи тихонько проповѣдывать истинное поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ. Ученію ихъ послѣдовало порядочное число въ разныхъ селахъ, самые же учители по тогдашней строгости и необузданной власти духовенства скоро были открыты, преданы суду и жестоко наказаны кнутомъ чрезъ палачей съ ссылкою вѣчно въ каторжныя работы 118). Послѣдователи ученія однако не переставали втайнѣ разпространять ученіе. На сколько достовѣрно

---

114) Тамбовская губер., какъ губернія тогда еще не существовала. Впрочемъ въ это время были давно христіанскіе храмы въ этой мѣстности и духовенство православное подвизалось на пути обращенія въ христіанство мордвовъ. См. Истор. Статист. опис. Тамб. Епархіи Хитрова, стр. 20.

115) Не сказано въ какомъ, городѣ было это колесованіе въ Москвѣ или еще гдѣ?

116) Не сказано, кто именно.

117) Не сказано также, почему эти крестьяне проживали въ Москвѣ въ качествѣ прислуги вельможи, или еще по какому случаю?

118) Это сказаніе, конечно, можетъ быть повѣрено только чрезъ архивныя дѣла того времени, если только онѣ уцѣлѣли.

такое сказаніе молоканъ, мы не беремся здѣсь рѣшить, но склоняемся въ пользу его на томъ основаніи, что изъ Москвы, зараженной тогда ученіемъ Башкина и Косаго, могло выдти дѣйствительно какое нибудь лице изъ крестьянъ Тамбовской области и разнести съ Библіею въ рукахъ новое ученіе по народу. Мы даже идемъ далѣе этого сказанія. Имѣя выше случай видѣть, какъ раціонализмъ этого времени охватилъ Москву, Новгородскія и Заволжскія и другія области, мы полагаемъ, что съ этого времени ученіе Башкина и Косаго разнеслось и по прочимъ областямъ Россіи разными лицами, хотя это ученіе и не называлось еще тогда „молоканствомъ“. Позднѣе, даже въ XVIII вѣкѣ, мы видимъ, что въ Москвѣ и другихъ городахъ уже неизмѣнно жило ученіе Башкина и Косаго, поддерживаясь и развиваясь все болѣе и болѣе чрезъ вліяніе западнаго протестантизма, доколѣ не столкнулось оно съ ученіемъ квакеровъ, не произвело тотчасъ же за этимъ нашихъ хлыстовъ и духоборцевъ. Но объ этомъ будетъ еще рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

V.

Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ раціоналистическое ученіе Башкина и Косаго не только не ослабѣло, но, при вліяніи на Россію лютеранства и протестантства, упрочило за собою навсегда успѣхъ... Въ эти столѣтія Россія открыла уже дверь торговлѣ, наукамъ, искуствамъ и проч., а слѣдовательно и притоку западнаго религіознаго критицизма. Почва же на Руси была уже готова, такъ что русскимъ раціоналистамъ оставалось только протянуть руку западному критицизму. Такъ оно и случилось. Каждое поколѣніе въ исторіи человѣчества смотритъ на міровую жизнь при свѣтѣ какой нибудь своей идеи и только тѣ явленія въ области мысли признаетъ разумными и законными, которыя объясняются вполнѣ изъ этой идеи; все прочее, не подходящее подъ нее или противорѣчащее ей, представляется ему неразумнымъ, незаконнымъ. Идеи эти пользуются иногда значеніемъ обширнѣйшимъ, нежели

какое можетъ принадлежать имъ по ихъ собственному внутреннему достоинству. Для тѣхъ же, кто проникнутъ такими идеями, они кажутся выше критики, на что, какъ извѣстно, никакая идея человѣческая не имѣетъ права. Повинуясь этому требованію, ничѣмъ неустрашимому (ни тюрьмами, ни кострами, ни инквизиціей), люди этой новой господствующей идеи и рѣшаютъ всѣ вопросы жизни. Идея эта въ глазахъ ихъ становится закономъ, мѣрою жизни, получаетъ рѣшительное достоинство и значеніе, такъ что дальше ея они ничего не хотятъ и видѣть. Между тѣмъ извѣстно, что каждая идея имѣетъ двѣ стороны: сторону истины, соотвѣтствующую требованіямъ дѣйствительной жизни, и сторону лжи на столько, на сколько сообщенное ей значеніе обширнѣе ея дѣйствительнаго смысла и на сколько, при переходѣ въ жизнь, она служитъ источникомъ односторонностей и крайностей; къ числу такихъ-то идей и принадлежали, безъ сомнѣнія, ученіе Богомиловъ и идея религіознаго критицизма, сдѣлавшаяся всесильною со времени Башкина и Косаго. Исповѣдники ея отъ наблюдаемыхъ явленій по аналогіи восходили къ отрицанію всего, что не объяснялось этою идеей. Энтузіазмъ, возбужденный ею, отсутствіе попытокъ къ ослабленію противною стороною придавали идеи критицизма видъ новой религіи; обстоятельства же XVI, XVII и XVIII вѣковъ способствовали къ оправданію этой идеи въ глазахъ ея послѣдовѣтелей 119). Взглянемъ же хоть мимоходомъ на эти обстоятельства.

Со времени явленія Башкина и Косаго Москва начала заселяться исповѣдниками ученія Лютера, разными ремесленниками, художниками и врачами, вызванными великимъ княземъ Василіемъ III и сыномъ его, Іоанномъ IV. Имъ назначено было за городомъ мѣсто для поселенія, гдѣ они и завели молитвенный домъ и школу 120). Между 1560 и 1565 годами красовалась уже въ Москвѣ церковь лютеранская; почти въ одно и тоже время заведена была въ Москвѣ и типографія, которую датскій король Христіанъ III покушался даже обратить въ орудіе проповѣди Люте-

---

119) Прав. Обозр. 1863. Кн. X, стр. 305.

120) Тамъ же, стр. 29.

рова ученія 121). Вмѣстѣ съ прибытіемъ Голштинскаго герцога Магнуса (брата датскаго короля Фридриха II), нареченнаго жениха царской племянницы Маріи Владиміровны, число лютеранъ въ Москвѣ еще болѣе умножилось 122). Въ домѣ герцога началось отправляться богослуженіе; а пастору Бокгорну пожалована была царемъ золотая цѣпь и богатая одежда. Въ 1573 году Магнусъ исходатайствовалъ наконецъ у Іоанна Васильевича дозволеніе построить церковь своего вѣроисповѣданія и торжественно совершать въ ней богослуженіе. Мѣсто для нея отведено было въ Земляномъ Городѣ, что нынѣ Чистый прудъ 123).

Всѣ эти явленія порождали своего рода слѣдствія... Отечественные лѣтописцы указываютъ напр. на нѣкоего Бомелія, лютеранина, который чуть было и царя не отвелъ отъ правой вѣры 124), а реформаторъ Сокранъ добился даже того, что Іоаннъ Васильевичъ выразился, что лютеранство будто бы гораздо ближе къ истинѣ 125). Началамъ Башкина и Косаго суждено уже было такимъ образомъ огласить косвеннымъ образомъ и царскія палаты и найти въ нихъ далеко не враждебное противодѣйствіе. Любознательный Іоаннъ при дворѣ своемъ имѣлъ нѣмецкихъ толмачей: Треффера, Шредера и Бракеля, библіотекаря Виттермана, типографщика Ганса и самъ торжественно состязался съ пасторомъ Моравскихъ братьевъ, Рокитою о лютеровомъ ученіи 126), которое занимало умы русскихъ людей даже до царя и которое по сходству своему съ началами религіознаго критицизма Башкина и Косаго такъ или иначе оправдывало, усиливало права послѣдняго на вниманіе къ себѣ...

---

121) См. въ Чтен. Общест. Истор. и Древн. Россіи, Т. IV. Кн. I 1840 г. стат. Снегирева.

122) Карамз. Ист. Гос. Рос. Т. IX, стр. 177, 284.

123) Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche von. S. B. Evot. 1. Th. Petersb. 1798 in 8.

124) Карамз. Истор. Гос. Рос. Т. IX, стр. 138, 318; 266 прим.

125) Abh. von der Russischen oder Moscovitischen Religon. Leipzig 1698 in 12.

126) Карамз. Истор. Гос. Рос. Т. IX, стр. 442, прим. 770.

При Борисѣ Годуновѣ сынъ шведскаго короля Эриха XIV, Густавъ испросилъ у московскаго царя позволеніе воздвигнуть новую обширную кирку на Бѣломъ городѣ, у Покровскихъ воротъ, недалеко отъ церкви Св. Николая на Столпахъ. Мартынъ Беръ, пріѣхавшій въ Россію въ 1600 году, избранъ былъ пасторомъ въ лютеранскую божницу, построенную за Яузою 127). При самозванцѣ бывшіе въ Москвѣ лютеране, кальвинцы и евангелики ходили въ Успенскій соборъ, гдѣ иные смѣялись, иные сидѣли во время обѣдни, а иные даже спали, облокотясь на образа 128). Понятно, какъ все это усиливало волненіе тѣхъ, которые сочувствовали такъ или иначе ученію Башкина и Косаго. При Отрепьевѣ въ 1606 году пасторъ Мартынъ Беръ говорилъ во дворцѣ проповѣди для капитановъ, докторовъ и другихъ лицъ, которымъ далеко было ходить въ нѣмецкую слободу 129). Царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1629 году пожаловалъ землю за Земляным городомъ для построенія тамъ церкви реформатамъ, которые были по большей части голандцы. Въ 1635 году лютеранамъ отведена была за Земляным городомъ слобода, впослѣдствіи названная новою иноземною; потому что въ Москвѣ находились еще двѣ иноземныя слободы, одна за Яузскими воротами, близъ Болвановки, а другая за Москворѣчьемъ у Крымскаго двора, между Бабьимъ городкомъ и Наливками 130). Легко угадать какою находкою были эти слободы для русскихъ раціоналистовъ, они, конечно, сдѣлались лучшими друзьями и собесѣдниками новоприбывшихъ, нѣкоторымъ образомъ братьевъ по религіи... Въ 1643 г. отъ царя Михаила Ѳадоровича лютеранская община получила еще мѣсто между нынѣшними Красными и Покровскими воротами для построенія кирки и собиранія въ ней иностранцевъ всѣхъ сословій. Въ 1652 г. въ новой иноземской сторонѣ откры-

---

127) Сказан. Современ. о Дмитр. Самозв. Ч. 1. Спб. 1834 въ 8.

128) Собр. Госуд. Грамотъ и Договор. Ч. II № 140.

129) Снегирева Ист. Лют. Церквей въ Москвѣ. стр. 34 въ Прав. Обозр. 1862. Кн. IX.

130) Ккиги приход. Патр. Приказа 1854 г.

та была пасторомъ Глюкомъ лютеранская гимназія 131), а число лютеранскихъ и протестантскихъ семействъ въ Москвѣ дошло до тысячи 132). Если сообразить служебныя и комерческія столкновенія тогдашнихъ русскихъ людей съ этою тысячью семействъ, столкновенія, иногда переходящія въ дружбу, а слѣдовательно и интимныя бесѣды о живыхъ вопросахъ, то не трудно угадать, что такія бесѣды оканчивались далеко не въ пользу православія. Въ 1647 г. прибывшій въ Москву со многими нѣмецкими офицерами генералъ Николай Бауманъ основалъ опять новую общину и новую лютеранскую церковь, построенную имъ близъ своего дворца на Яузѣ, у нынѣшняго госпитальнаго моста и проч.

Съ воцареніемъ Петра I началась эпоха, наиблагопріятнѣйшая для лютеранской и реформатской пропаганды въ Россіи. Ее тайно отстаивалъ уже Ѳеофанъ Прокоповичъ. Раціонализмъ Башкина и Косаго имѣлъ такимъ образомъ прозелита на высокой ступени іерархіи; и противъ него тщетно вооружался Стефанъ Яворскій съ книгою своею: „Камень Вѣры“. Самъ государь въ дни богослужебные ходилъ по киркамъ и распѣвалъ тамъ даже духовныя пѣсни 133). При немъ явилось на русскомъ языкѣ изложеніе Аугсбургскаго исповѣданія 134) и приказаніе перевести на русскій языкъ и напечатать катехизисъ римскій, лютеранскій и кальвинскій 135). Въ 1711 г. выходецъ изъ Гамбурга, Бартольдъ Вагецій щеголялъ уже въ Москвѣ титломъ суперъ-интенданта всѣхъ лютеранскихъ церквей въ Россіи. Петръ, который, позволивъ нѣмцамъ близъ Лефортовскаго дворца соорудить еще новую каменную кирку во имя св. Апостоловъ Петра и Павла съ колокольнею и колоколами, самъ при закладкѣ ея по-

---

131) Указат. Росс. Зак. II, 7 и 58.

132) Oleari Corrigirte und vielvermehrte Reisebeshreibungen. Hamburg 1698.

133) Universa religio Ruthenica sive Moscovitica in Freystadt. 1698 p. 117.

134) Патр. Библ. № 352. Полагаемъ, какою находкою оно было для русскихъ раціоналистовъ, вѣрныхъ учениковъ Башкина и Косаго.

135) Полн. Собр. Зак. Рос. Импер. Т. VII № 4143.

ложилъ первый камень 136). Понятно, что при описанномъ нами состояніи дѣлъ нашъ туземный религіозный раціонализмъ, прошедшій чрезъ секты „стригольниковъ“ и „жидовствующихъ“ и сказавшій свое послѣднее слово въ лицѣ Башкина и Косаго, прибавилъ неминуемо къ своимъ противу-церковнымъ стремленіямъ еще новыя и болѣе сильныя основанія, заимствованныя легко и безпрепятственно у протестанства. Какъ обращикъ того, какъ легко и свободно ходила тогда по Москвѣ пропаганда раціонализма и какъ велика была распущенность религіозная, мы представимъ здѣсь нѣсколько характеристическихъ чертъ изъ жизни Тверитинова, извѣстнаго въ нашихъ церковныхъ исторіяхъ подъ именемъ еретика временъ Петра I.

Тверитиновъ былъ лекарь, а такъ какъ религіозный умъ народа въ Москвѣ тогда совсѣмъ расшатался, то онъ, не стѣсняясь, смѣялся надъ православіемъ, какъ и гдѣ могъ. Просилъ ли больной у медика рецепта отъ глазной или зубной боли, Тверитиновъ иронически и со смѣхомъ совѣтовалъ ему сдѣлать серебрянный глазокъ или зубокъ и приложить къ образу св. Ипатія или Антипія чудотворца... Заставалъ ли онъ паціента своего за чтеніемъ церковной книги, то спрашивалъ: есть-ли у тебя Библія? Если есть, то не зачѣмъ и тратить время на чтеніе оныхъ книгъ: въ Библіи найдешь все нужное для, спасенія. Случалось ли ему обѣдать въ постный день съ людьми, строго соблюдавшими посты, онъ тотчасъ же начиналъ говорить, что посты соблюдать незачѣмъ, ибо они суть преданіе человѣческое 137). Приходилъ ли въ квартиру Тверитинова какой нибудь посѣтитель, то вмѣсто иконы видѣлъ на стѣнѣ раскрашенный листъ, на которомъ было написано; Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будетъ тебѣ Бозіи иніи развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія... и проч. На другомъ листѣ было написано множество текстовъ, приводимыхъ протестантами противъ православныхъ догматовъ 138). Удобныхъ же случаевъ

136) Universa religio Ruthenika Freyst. 1698.

137) Слѣдственное дѣло о Тверитиновѣ. См. статью: Моск. ерет. при Петрѣ I въ Прав. Обозр. 1863 г. Кн. X., стр. 307.

138) Тамъ же, стр. 309.

для сближенія съ русскими людьми у Тверитинова было множество, потому что званіе врача и обширная практика давали ему возможность сближаться со всѣми классами общества, съ аристократами и духовными, съ торговыми людьми и крестьянами. И мы видимъ изъ дѣла объ немъ, что у него въ числѣ ревностныхъ поклонниковъ и учениковъ были, между прочимъ, фискалъ Михаилъ Андреевъ Косой, школьникъ Законоспасскій Иванъ Максимовъ, овощнаго ряда торговый человѣкъ Никита Мартыновъ и просто торговецъ Михайло Мининъ и наконецъ даже цирульники, Ѳома Ивановъ и проч. 139). У него были разныя свободныя собранія, въ которыхъ вольнодумцы, не стѣсняясь, разсѣкрывали свои отрицательныя воззрѣнія, а нѣкоторыя даже считали его достойнымъ занять мѣсто тогдашняго патріарха. И кто знаетъ, можетъ быть сотня учениковъ Тверитинова изъ купцовъ и овощнаго ряда торговцевъ разнесли тогда же ученіе его по селамъ и городамъ Россіи и подкрѣпили тѣмъ ученіе. Нынѣ у насъ въ Москвѣ, говорилъ Тверитиновъ, повольно всякому: кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ 140), почему онъ и раздавалъ преспокойно народу тетрадки, исполненныя текстами св. Писанія съ изложеніемъ вѣры по духу Библіи; такія тетрадки, нѣтъ сомнѣнія, и послужили потомъ обрядниками нашимъ деревенскимъ мужичкамъ—раціоналистамъ, получившимъ въ послѣдствіи названіе молоканъ. Ученикъ Тверитинова осмѣлился даже называть иконы болванами, свѣчи отъ нихъ отнималъ и курилъ табакъ, а къ иконамъ говорилъ: стойте, такъ лучше...

Тверитиновъ, какъ и Башкинъ съ Косымъ: 1) отрицалъ поклоненіе иконамъ. Поклоняться иконамъ не подобаетъ, говорилъ онъ, ибо нигдѣ того въ Библіи ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ не написано. Своеученіе о непочитаніи иконъ Тверитиновъ подкрѣплялъ св. Писаніемъ и соображеніями разума. Изъ св. Писанія Тверитиновъ приводилъ всѣ мѣста, которыми запрещалось многобожіе и идолопоклонничество, въ особенности часто ссылался на 1 и 2 за-

139) Тамъ же, стр. 310.
140) Тамъ же, стр. 312.

повѣди Десятословія 141); точь въ точь какъ у нашихъ молоканъ объ иконопочитаніи, сведены были у Тверитинова такіе же мѣста св. Писанія въ одно цѣлое и таже главная ссылка на 2 заповѣди Десятословія. Не первый ли Тверитиновъ написалъ въ своихъ тетрадкахъ, раздаваемыхъ народу, и тотъ сводъ текстовъ, который благополучно и списывается доселѣ нашими молоканами... Соображенія отъ разума противъ поклоненія иконамъ Тверитиновъ и его послѣдователи приводили слѣдующія: что Богу подобаетъ кланяться духомъ, что икона только доска, и что если икону бросить въ огонь, то она сгоритъ 142). Тѣже фразы точь въ точь повторяются нашими молоканами при допросахъ и изложеніи ихъ ученія. И это естественно, ибо тетрадки, раздаваемыя Тверитиновымъ, были снабжены замѣчаніями, которыя сохранились у молоканъ и доселѣ 143). 2) Тверитиновъ и его послѣдователи отрицали догматъ о почитаніи креста Господня. Кресту кланяться не подобаетъ, говорилъ Тверитиновъ, понеже древо бездушное не имѣетъ никакой силы. Егда кто убьетъ у кого сына ножемъ или палкой и тую палку или ножъ, како можетъ любить отецъ убитаго, понеже онымъ убитъ его сынъ? Тако и Богъ: какъ то древо можетъ любить, понеже на немъ распятъ сынъ Его 144). Эту же фразу повторяютъ и молокане наши точь въ точь, какъ мы видимъ изъ ихъ показаній. 3) Тверитиновъ со своими послѣдователями наконецъ отрицалъ догматъ о почитаніи св. мощей. 4) Тверитиновъ и его ученики отвергали догматъ о преложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи. 5) Тверитиновъ отрицалъ догматъ о молитвенномъ призываніи св. угодниковъ Божіихъ. Прежде всего онъ и его единомышленники подвергали сомнѣнію святость многихъ отшедшихъ святыхъ, признаваемыхъ православною церковью. Въ особенности вольнодумцы вооружались противъ св. Николая Чудотворца, быть можетъ потому, что народъ особенно

---

141) Тамъ же, Листъ 165.

142) Слѣд. дѣло, стр. 172, 213, 15.

143) Тамъ же на листѣ 165 въ тетрадкахъ, взятыхъ у Тверитинова, сдѣланы надписи 1, 7, 10.

144) Слѣд. дѣло, стр. 175, тамъ же въ тетрадкѣ надпись 30.

его почиталъ. Они рѣшались называть его мужикомъ деревенскимъ, самымъ простымъ и говорили, что, оставя-де Бога, люди его почитаютъ 145). Отрицая вообще законность и правильность канонизаціи святыхъ на томъ основаніи, что съ Богомъ никто въ бесѣдѣ не былъ и что святымъ и грѣшнымъ указу еще нѣтъ до страшнаго суда 146), московскіе раціоналисты отрицали нужду и пользу молитвеннаго призыванія Богоматери и святыхъ и изъ другихъ основаній. Богъ и Сынъ всѣхъ святыхъ милостивѣе и заступниковъ себѣ никакихъ не требуетъ 147), и всевидецъ-де Богъ всему Самъ, говорилъ Тверитиновъ, Кромѣ единаго Бога нѣтъ инаго помощника намъ. Единъ нашъ ходатай Христосъ и того ради не подобаетъ намъ призывати и имѣти иныхъ ходатаевъ и просити ихъ во всякомъ дѣлѣ о помощи 148). 6) Тверитиновъ, со своими учениками, отрицалъ догматъ о частномъ блаженствѣ душъ святыхъ до всеобщаго суда Христова и дерзалъ утверждать, что святые не могутъ знать молитвъ нашихъ, потому что до дня всеобщаго воскресенія пребываютъ нечувственны въ состояніи, подобномъ сну. Въ примѣръ такого состоянія Тверитиновъ приводилъ 7 ефесскихъ отроковъ 149). Въ тетрадкахъ его надписаніе 19-ое гласитъ: „яко праведніи отшедшіи отсуду, еще не пріяша обѣщанная благая“ Въ связи съ ученіемъ о нечувствіи душъ святыхъ до всеобщаго воскресенія Тверитиновъ: „дрелъ святымъ душамъ даже до Христа во адѣ быти и Самого Христа во адъ сошествіе отрицалъ “. 7) Тверитиновъ и его послѣдователи отрицали догматъ о благотвореніи преставившимся, т. е. о поминовеніи и молитвѣ за усопшихъ. Поминовеніе по умершимъ не пользуетъ, говоритъ Тверитиновъ; кто что сотворилъ въ жизни, то ему и будетъ, и приводилъ слова апостола: кійждо пріиметъ мзду по своему труду. То выдумали попы своего ради прибытку, осмѣливался онъ утверждать, а инаго свидѣтельства нигдѣ нѣтъ, чтобы польза была отъ поминовенія,

---

145) Тамъ же, л. 205, 206, л. 13 на об. и л. 198.
146) Слѣд. дѣло, л. 3 на об. и л. 207.
147) Тамъ же, л. 207.
148) Тамъ же л. 215 об.
149) Тамъ же, л. 213, 230. об.

что творится послѣ смерти 150). Эту же фразу, что „поминки выдумали священники для своей пользы“, цѣликомъ повторяютъ и наши молокане, что видно изъ показаній ихъ при слѣдствіяхъ. 8) Тверитиновъ и его ученики отрицали догматъ о важности священнаго и церковнаго преданія, какъ одного изъ источниковъ христіанскаго вѣроученія. Тверитиновъ говорилъ, что только тому, что написано въ Библіи, должно вѣрить, а иному и вѣрить нечего 151). Наша вѣра православная, говорилъ Тверитинову сербскій монахъ Петръ Симляничъ, лучше всѣхъ и утверждена на твердомъ фундаментѣ самыми соборами вселенскими. Тверитиновъ отвѣчалъ: Вы твердость свою полагаете на вселенскіе соборы, а есть люди, которые свою вѣру и заповѣди содержатъ отъ самаго Христа Спасителя изъ Евангелія и Апостола, и вамъ со своими соборами нечего будетъ говорить противъ ихъ правды 152). Всѣ ваши соборы, говорилъ онъ златоустинскому архимандриту Антонію, между собою несогласны, одинъ другаго порицали, глаголюще: „не добрѣ разумѣша того собора отцы“, а на сицевыхъ несогласіяхъ кто можетъ утверждатися? Ученикъ Тверитинова, Михаилъ Косой книгу св. Ефрема Сирина и другія св. Отецъ книги дерзалъ называть старческими бреднями 153). 9) Отвергая праздники церковные. Тверитиновъ говорилъ непристойно о праздникѣ Божьей Матери. 10) Тверитиновъ и его послѣдователи отрицали догматъ о значеніи Божественной евхаристіи, какъ умилостивительной жертвы за грѣхи людей. Это ученіе московскихъ раціоналистовъ отчасти вытекало уже изъ ученія ихъ о безполезности всякаго рода приношеній и службъ за умершихъ. Въ евхаристіи только тайна, а не божество, говорилъ Тверитиновъ. 11) Тверитиновъ и его ученики отрицали догматъ о святыхъ постахъ. Переяславскаго монастыря монахъ Макарій доносилъ, что ему, равно и его игумену, пришлось однажды во время великаго поста обѣдать вмѣстѣ съ Тверитиновымъ. Монашествующіе по уставу ѣли постное, Тверитиновъ ѣлъ рыбу и

---

150) Слѣд. дѣло, л. 169.
151) Тамъ же, л. 160.
152) Л. 206. Смотр. также въ Тетр. Твер.
153) Надпись 11—14.

укорялъ своихъ собесѣдниковъ въ неѣденіи рыбы и съ поношеніемъ отрицалъ въ постѣ различіе брашенъ. Ученикъ Тверитинова, школьникъ Иванъ Максимовъ говорилъ: все предлагаемое вамъ всегда ядите, ничто же сумнящеся 154). 12) Тверитиновъ устно говорилъ и въ своихъ тетрадяхъ писалъ противъ церковнаго суда и наказанія еретиковъ и о томъ, что клясти не подобаетъ никого же 155), и отрицалъ даже значеніе церковнаго авторитета во имя личнаго непосредственнаго отношенія каждаго христіанина ко Христу. Я и самъ церковь, говорилъ Тверитиновъ 156). Эту послѣдюю фразу цѣликомъ повторяютъ и наши молокане. 13) Отвергая таинство священства, Тверитиновъ выражался о немъ, что оно сдѣлано, а не отъ повелѣній Божіихъ. 14) О монашествѣ Тверитиновъ выражался, что оно сдѣлано отъ умышленія старческаго.

Такимъ образомъ русскій раціонализмъ XVIII вѣка, съ которымъ мы знакомимся въ лицѣ Тверитинова и его послѣдователей, въ основахъ своихъ совершенно тождествененъ съ раціонализмомъ Башкина и Косаго, только онъ пошелъ еще далѣе религіознаго свободомыслія послѣднихъ, точно также какъ и вольномысліе Косаго шло дальше ученій Башкина, вольномысліе Башкина шло дальше вольномыслія жидовствующихъ и т. д. Что Тверитиновъ отразилъ на себѣ вліяніе протестантизма, это несомнѣнно и подтверждается частью тѣмъ, что въ его ученіи догмы чистаго протестантизма легли рядомъ съ извѣстнымъ уже въ Россіи ученіемъ Башкина и Косаго. Вотъ что, напримѣръ, показалъ о немъ при слѣдствіи 1714 г. 31 августа церкви Пимена Великаго въ Воротникахъ іерей Іоаннъ Іоанновъ:

Въ 1708 г. былъ я на Святой Пасхѣ съ честнымъ крестомъ и иноками у матери Тверитинова, Евдокіи Ивановой и сынъ ея не подошелъ къ кресту, говоря мнѣ: Богъ сказалъ: вы есте церкви Бога жива, вселюся въ нихъ и похожду и буду имъ Богъ, а они мнѣ людіе, а на вопросъ мой: исповѣдуешь ли ты церковь собор-

---

154) Тамъ же, л. 15 об.
155) Л. 166 об.
156) Тверит. надпис. 21, 22, 23, 238, Л. 171 об.

ную и апостольскую? отвѣчалъ: я-де самъ церковь? Я у матери его спросилъ: сколь давно сталъ онъ отвратенъ быти отъ святой церкви и отъ св. иконъ? Какъ-де отъ меня отошелъ прочь, отвѣчала она, и сталъ искать науки у докторовъ и у лекарей въ нѣмецкой слободѣ 157). Симоновскій архимандритъ Петръ Смиляничъ доносилъ, что по вся вечеры приходятъ къ Тверитинову нѣкакіе люди молодые, а сказываются нѣмецкой школы ученики, которыхъ онъ, лекарь, въ своей ереси вельми поучаетъ и наговариваетъ. Но за всѣмъ тѣмъ мы ошиблись бы, еслибы указали, что Тверитиновъ былъ пропагандистъ собственно лютеранства. Доказательствомъ этого служитъ между прочимъ то, что нѣкоторые догматы протестантства, даже существенные, какъ напримѣръ догматъ *объ оправданіи одною вѣрою во Христа, независимо отъ добрыхъ дѣлъ*, не былъ имъ и его послѣдователями проповѣдуемъ, а своемысліе его опиралось болѣе на основы, извѣстныя еще изъ ученій предшествовавшихъ ему раціоналистовъ; такъ что религіозный критицизмъ Тверитинова имѣлъ болѣе своеобразный характеръ, условливаемый особенностями русской церковной жизни. Лютера Тверитиновъ признавалъ человѣкомъ, который возобновилъ церковь, держалъ у себя лютеранскій катихизисъ и говорилъ, что въ оной написано, то-де въ ней правда, и надобно-де содержать сіе всякому человѣку и будетъ-де оправданъ Богомъ, и вообще многое мудрствовалъ по лютерскому и кальвинскому разуму, ведя знакомство съ обитателями Нѣмецкой слободы и совѣтуясь въ затруднительныхъ случаяхъ съ учителями нѣмецкой школы; но нѣтъ сомнѣнія, что конечною дѣятельностію Тверитинова было не обращеніе русскихъ въ протестантовъ, но очищеніе ихъ посредствомъ развитія духа критицизма.

Ученіе Тверитинова и его послѣдователей почти во всемъ сходно съ ученіемъ нашихъ молоканъ, въ чемъ легко убѣдиться при сличеніи того и другаго. А такъ какъ ересь Тверитинова счи-

---

157) Показаніе іерея Іоаннова 1714 г. 31 авг. въ слѣдств. дѣлѣ о Тверитиновѣ. См. въ Прав. Обозр. 1863. Кн. X, статью: Моск. еретики при Петрѣ I. ст. 325.

тается по нашимъ церковнымъ исторіямъ послѣднею крупною и открытою раціоналистическою ересью, воздвигшею противъ себя соборныя преслѣдованія, и послѣ нея мы видимъ раціонализмъ переселившимся уже въ степи, села и деревни обширной Россіи, гдѣ онъ началъ жить и развиваться тайно среди простыхъ крестьянъ, то мы съ этого времени производимъ фактическое явленіе молоканъ въ Россіи, какъ религіозныхъ обществъ, которыя начали группироваться по разнымъ губерніямъ и соединяться въ разные толки. Нѣтъ сомнѣнія, что изложеніе всего ученія Тверитинова въ тетрадкахъ и было причиною того, что оно не пропало безслѣдно и удобнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ересей разнеслось по народу во всѣ концы Россіи, неукорочиваемое и неискажаемое, какъ это бываетъ при всякой устной пропагандѣ. Въ этомъ мы убѣждаемся еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе тексты обрядниковъ молоканъ взяты прямо изъ тетрадокъ Тверитинова, въ чемъ легко удостовѣриться изъ сличенія тѣхъ и другихъ. Отсюда сами собою являются для насъ данныя къ окончательному рѣшенію вопроса о происхожденіи нашихъ молоканъ, какъ формировавшихся уже въ XVIII вѣкѣ религіозныхъ обществъ.

Вопросъ этотъ послѣ всего сказаннаго нами о началѣ и продолженіи въ Россіи религіознаго критицизма представляется намъ разрѣшающимся въ слѣдующемъ видѣ. Мы видѣли уже, что склонность къ критикѣ церковныхъ писаній и обрядовъ, попытки найдти своимъ умомъ другія точки воззрѣнія, отличныя отъ тѣхъ, какія приняты церковью, сопоставленіе противоположностей, стремленіе къ одухотворенію церкви и пр. составляли сущность религіознаго броженія въ Россіи еще со времени ученія Богомиловъ; видѣли, какъ этотъ духъ критицизма, проходя чрезъ ученіе стригольниковъ, жидовствующихъ, Башкина и Косаго и наконецъ Тверитинова, произвелъ рядъ явленій, болѣе или менѣе сродныхъ между собою въ сущности, отличныхъ въ подробностяхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ по приложенію къ дѣлу; видѣли наконецъ и то, какъ самобытное реформаціонное движеніе русское, столкнувшись съ реформаціонными началами, развившимися на западѣ, совпало съ этими послѣдними. До XVIII столѣтія въ лицѣ „стригольниковъ“, „жидовствующихъ“, „Башкина-Косаго“ и „Тверитинова“

умственное броженіе это, разумѣется, не называлось еще молоканствомъ и только послѣ явленія Тверитинова, когда оно сформировалось въ отдѣльныя религіозныя общины, оно получило названіе „молоканъ“. Такимъ образомъ утверждать, что молокане произошли напр. отъ Уклеина, тамбовскаго швеца, какъ это дѣлаетъ нашъ церковный историкъ Филаретъ Черниговскій и ученая редакція „Православнаго Собесѣдника“ 158), также странно, какъ сказать напримѣръ, что лютеранство произошло отъ какого нибудь лица, которое первое въ отдѣльномъ городкѣ германскомъ стало проповѣдывать начало его. Лютеранство жило еще прежде Лютера, какъ религіозный критицизмъ въ умахъ пытливыхъ, какъ протестъ противъ церковной неурядицы и несоотвѣтствующихъ духу христіанства явленій въ мірѣ церковномъ, и если назвалось „лютеранствомъ“, то совершенно случайно, по имени лица, коему суждено было дать церковную и гражданскую форму раціоналистическимъ началамъ. У насъ въ Россіи не было такого лица, которое бы приняло на себя смѣлость объединить раціоналистическія движенія умовъ въ формѣ всеобщаго политическаго отпаденія отъ православной церкви, и эта роль осталась поэтому за мелкими учителями по разнымъ губерніямъ и мѣстамъ Россіи, называемыми обыкновенно „ересеначальниками“. Въ числѣ такихъ частныхъ проповѣдниковъ давно жившаго въ Россіи раціонализма и былъ Уклеинъ въ Тамбовской губерніи.

Единовременно и даже прежде Уклеина молоканство было уже и въ другихъ губерніяхъ Россіи, хотя исповѣдники его и не назывались молоканами, а „духовными христіанами“. За тамбовскимъ обществомъ раціоналистовъ, сформированныхъ Уклеинымъ, можетъ быть осталось развѣ только первое принятіе на себя названія молоканъ, сдѣлавшагося потомъ классическимъ названіемъ, но отнюдь не право родоначальничества молоканства.

А почему именно въ XVIII вѣкѣ суждено было явиться русскому раціонализму уже въ видѣ сформированныхъ по разнымъ гу-

---

158) Филарета Черниговскаго Исторія Русской церкви. Періодъ V. Стр. 66, 67.

берніямъ общинъ, а не въ формѣ отдѣльныхъ ересей, какъ было до XVIII вѣка, то причинъ на это было много и между прочимъ, слѣдующія:

Мы видѣли выше, какъ Петръ I смотрѣлъ на лютеранство и, окруженный друзьями-нѣмцами, ставилъ православную церковь въ неловкое положеніе предъ напоромъ религіозныхъ идей Запада на Россію. Этимъ и началось XVIII столѣтіе для церкви православной! Лефортъ, другъ императора, выносилъ на своихъ плечахъ всѣхъ нѣмцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, и ихъ пропаганду. Въ царствованіе Анны Ивановны, Бирономъ, Минихъ и Остерманъ до того ревностно содѣйствовали распространенію въ Россіи протестантства, что не позволяли даже возвышать противъ него голосъ пастырямъ церкви русской. На это горько жаловались православные проповѣдники: Амвросій Юшкевичъ, Дмитрій Сѣченовъ и Кирилъ Флоринскій 159); но жаловались не прежде, какъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, ибо тайная канцелярія до того времени налагала на ихъ уста печать молчанія. Тогда, по свидѣтельству Сѣченова, коликое гоненіе было на защитителей православія, на священныхъ тайнъ служителей и чинъ духовный! Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили и разстригали; непрестанныя почты развозили и водою, и сухимъ путемъ монаховъ, священниковъ и людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города: въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ. Пастыри не смѣли и устъ отверзти. Приливъ ученія лютеранскаго въ Россіи съ XVIII столѣтія такъ былъ великъ, что, соединясь съ бывшимъ доселѣ въ Россіи своемыслiемъ, оно распространилось по всѣмъ слоямъ общества. Стефанъ Яворскій написалъ цѣлыхъ три тома противъ этого раціонализма и назвалъ его „Камнемъ Вѣры“. Изданіе его раскупилось въ одинъ годъ и въ 1729 году оно напечатано было во второй разъ, а чрезъ годъ и въ третій. Книга „Камень Вѣры“ впервые систематически ознакомила русскихъ съ систематическимъ раціонализмомъ запада. Интересъ книги увеличился еще вдесятеро, когда въ Россіи появилось отъ имени Буд-

159) См. И. Снигирева Истор. Лютер. церквей въ Москвѣ.

дея посланіе къ другу въ Москву противъ автора ея, Стефана Яворскаго, а еще болѣе, когда явилась книга „Молотки“ на Камень Вѣры, отвлекшая окончательно многіе умы въ противную сторону. Время было такое, что Ѳеофану Прокоповичу, стоявшему болѣе или менѣе во главѣ тогдашняго духовенства, не нравились уже „Камень Вѣры“ и апологія его, писанная Ѳеофилактомъ Лопатанскимъ 160), такъ что Ѳеофилактъ тогда же (1730 г.) исключенъ былъ изъ числа членовъ синода и отосланъ въ Тверь 161). По настоянію Бирона, распространенный уже въ трехъ изданіяхъ „Камень Вѣры“ былъ наконецъ запрещенъ, что окончательно привело въ смущеніе тогдашнее общество, тѣмъ болѣе, что запрещеніе его состоялось не безъ вѣдома высшей власти, слѣдовательно тайное покровительство религіозныхъ идей, опровергаемыхъ въ Камнѣ, нисходило свыше 162). Исповѣдниковъ раціонализма уже не смѣли тогда называть „еретиками“, какъ до этого времени, а еще менѣе судить на соборахъ. Нетрудно понять, что въ это благопріятное время сотни пропагандистовъ разнесли новое ученіе по всѣмъ губерніямъ Россіи и дали основаніе молоканству. Мѣстнымъ епископамъ было уже не до борьбы противъ развивавшагося раціонализма, когда напр. самаго кіевскаго митрополита Варлаама Вонатовича за одно изданіе „Камня Вѣры“ безъ позволенія призвали въ тайную канцелярію и отправили въ Бѣлозерскій монастырь лишеннымъ сана, а Ѳеофилакта ни за что, ни про что строго допрашивали въ той же канцеляріи по первымъ тремъ пунктамъ государственнымъ; три мѣсяца тайно держали со служителями подъ стражею 163), подымали три раза на вышку и столько же наказывали батогами безъ рубахи 164) и наконецъ,

---

160) Записки учителя Евдокимова о просвященномъ Ѳеофилактѣ.

161) Показаніе Маевскаго въ авг. 1730 г. См. Ист. Церкви Филар. Чернигов. Пер. V. стр. 57.

162) Штраленбергъ говоритъ, что запрещеніе состоялось по приказанію герцога Бирона, лютеранина. См. Description de la Russie. Amsterdam. 1757. T. II. p. 58.

163) Записки Евдокимова.

164) Бантышъ-Каменскаго Словарь достоприм. людей. Т. III, стр. 624.

объявивъ лишеннымъ сана и монашества, заперли въ Петропавловскую крѣпость. Въ Петербургѣ, Москвѣ и по губерніямъ на видныхъ мѣстахъ были протестанты, изъ-за которыхъ какъ высшее, такъ и низшее духовенство не смѣло возвысить голоса противъ развивавшагося все болѣе и болѣе раціонализма. И не одинъ еще Ѳеофлактъ Лопатинскій умеръ страдальцемъ за противодѣйствіе лютеранству и ревность о православіи... Сильвестръ Казанскій, ревнитель православія, былъ отрѣшенъ 3 декабря 1731 г. Левъ, епископъ воронежскій, лишенъ сана въ 1730 г. Георгій Дашковъ, архіепископъ ростовскій, и Игнатій Смола, епископъ коломенскій, въ 1730 г. лишены сана, Иларіонъ Черниговскій отставленъ въ 1738 г., а Варлаамъ Псковскій въ 1739 г. Досифей Курскій отрѣшенъ былъ въ 1736 г. Мельхиседекъ, архимандритъ Воскресенскій, лишенъ священства въ 1736 г. и пр.

Чтобы унизить духовенство, противодѣйствовавшее введенію лютеранства въ Россіи, и лишить его довѣрія и почета въ глазахъ народа, Бирон въ 1736 г. истребовалъ повелѣніе отдать въ военную службу всѣхъ дѣтей духовнаго званія, за исключеніемъ малолѣтнихъ и учащихся, отдать туда же причетниковъ и служителей церковныхъ, вслѣдствіе чего до сент. 1737 г. отдано было въ солдаты духовныхъ лицъ 6557—165) въ 1737 г. сдѣланъ былъ другой наборъ въ томъ же видѣ, съ назначеніемъ всѣхъ отъ 15 до 40 лѣтъ 166).

И въ 1739 г. только въ однѣхъ четырехъ епархіяхъ оказалось недостающихъ духовныхъ лицъ до 1300 человѣкъ. Во многихъ церквахъ не было ни священниковъ, ни діаконовъ и выборы дѣлать было не изъ кого; храмы стояли запертыми 167). Петръ III въ свое царствованіе обнаруживалъ тоже особенное пристрастіе къ нѣмцамъ и лютеранству 168), такъ что православная церковь наша

---

165) Собр. Зак. Ук. 28 сент. 1736 г. (№ 7070) 13 янв. и 5 марта 1737 г.

166) Собр. Зак. Ук. 7 сент. 1737 (№ 7364).

167) Истор. Русс. Церк. Филарет. Черниг. Періодъ V, стр. 120.

168) См. Исторію Люлер. Церквя в‹ Москвѣ К. Снегирева.

объявлена Екатерина II въ манифестѣ своемъ 169) крайне уже подверженною опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго (т. е. лютеранскаго) закона. Но Екатерина II при всемъ своемъ покровительствѣ православію не могла уже уничтожить посѣяннаго въ пытливыхъ умахъ, потому что хотѣла царствовать по европейски. Инквизиціи императрица не признала и объявила только свободу вѣроисповѣданія, такимъ образомъ весь XVIII вѣкъ, сначала покровительствовавшій раціонализму русскому, а потомъ дозволенный официальною вѣротирпимостію, давалъ политическую возможность явиться молоканству нашему въ формѣ отдѣльныхъ и сформированныхъ религіозныхъ обществъ...

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ вопросъ о происхожденіи молоканъ въ Россіи! Теперь перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи духоборцевъ.

VI.

До XVIII вѣка въ Россіи не было ересей кромѣ раціоналистическихъ, черезъ рядъ ихъ религіозный критицизмъ прошелъ какъ чрезъ разныя ступени и послѣ Тверитинова разлился окончательно въ формѣ молоканства по Россіи. Идеи духоборчества, не называвшагося еще тогда этимъ именемъ, выражались въ томъ же самомъ раціонализмѣ и, говоря вообще, молоканство и духоборчество, какъ ученія сходныя въ принципахъ, жили сначала нераздѣльно и только въ XVIII вѣкѣ развѣтвились на два древа, изъ которыхъ первое возрастило потомъ молоканъ, а другое духоборцевъ и другія мистическія секты. Въ молоканствѣ раціонализмъ, зрѣвшій въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, остался въ чистомъ видѣ, и они покончили только тѣмъ, что библію и разумъ положили въ основу религіи; у духоборцевъ же русскій раціонализмъ смѣшался съ мистицизмомъ запада и образовалъ какую-то смѣсь раціонализма

169) Маниф. Екат. II 1762 іюля 2.

съ мистикою квакеровъ, анабаптистовъ, меннонитовъ и т. под. сектъ.

Намъ такимъ образомъ предстоитъ теперь указать то время, когда произошло смѣшеніе русскаго раціонализма съ западною мистикою, или иначе сказать, назвать время образованія у насъ въ Россіи духоборцевъ.

Особеннымъ и отличительнымъ характеромъ ученія духоборческаго является особое откровеніе отъ духа, мысль о внутреннемъ совершенствѣ духа есть главная основа догматическаго и нравственнаго ученія. Понятно, что мистицизмъ, слившись съ раціонализмомъ, долженъ былъ произвести своего рода смѣсь, къ которой всѣ бывшія до селѣ въ Россіи ереси не имѣютъ прямаго отношенія. Кто же занесъ къ намъ въ Росію элементъ мистицизма? Наши памятники, какъ церковные, такъ и гражданскіе, указываютъ какъ на первое ученіе съ характеромъ мистititическимъ на силезца Квирина Кульмана, сожженнаго въ концѣ XVII стол. въ Москвѣ 170). Тогда же установлены были и предосторожности при пропускѣ иноземцевъ въ Россію. Кульманъ, какъ послѣдователь ученія Бема 171), училъ, между прочимъ, что Іисусу Христу должно еще однажды придти въ міръ въ видѣ пророка, съ великими знаменіями и чудесами, обратить всѣхъ людей на путь истинный и ввести съ собою въ свое царство: духоборцы же собственно проповѣдуютъ не внѣшнее и видимое пришествіе Іисуса Христа въ міръ, а внутреннее и сокровенное снисхожденіе его въ душу каждаго человѣка 172). Потому Кульманъ, какъ мистикъ, скорѣе былъ прямымъ родоначальникомъ сектантовъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ „людей Божьихъ“, чѣмъ духоборцевъ.

---

170) Сожженіе учинено 1689 г. См. Первое Пол. Собр. Законовъ Томъ III № 1358.

171) Бемъ (Jacob Böhm), бывшій пастухъ въ Лузаціи, начитавшись Библіи, и сочиненій Парацельса, считалъ себя за вдохновеннаго, разсказывалъ о нѣсколькихъ своихъ восхищеніяхъ Божествомъ и написалъ множество сочиненій, будто бы по побужденію внутренняго свѣта.

172) О Духоборцахъ соч. Новицкаго. Опыт. упражненій воспит. Кіев. Дух. Акад. стр. 11.

Кульманъ породилъ между прочимъ Божьяго человѣка Данила Филиповича (бѣглый солдатъ), именовавшаго себя открытымъ Богомъ и объявившаго Ивана Тимоѳѣевича Суслова Сыномъ Христомъ. Сусловъ жилъ съ дѣвушкою, которую назвалъ Богородицею и дочерью Бога, избралъ себѣ изъ слушателей своихъ 12 апостоловъ и ходилъ съ ними по берегамъ Оки и Волги для распространенія ученія своего. Въ селѣ Работкахъ, ниже по Волгѣ, въ ветхой и пустой церкви собиралъ онъ своихъ на моленія и принималъ отъ нихъ поклоненія. Прибывши въ Москву, онъ умеръ въ 1716 г. передавъ званіе Христа Прокопію Лубкину. Спустя немного времени нѣкто Карауловъ донесъ, что въ Москвѣ имѣются четыре дома, гдѣ чинятся непотребства и куда собираются въ праздники по ночамъ разныхъ чиновъ люди, старцы, и проч., изъ которыхъ нѣкоторые выбираются начальниками и садятся въ переднихъ мѣстахъ, а другіе по лавкамъ и, приходя къ нимъ, кланяются въ землю, цѣлуютъ у нихъ руки, собираютъ для нихъ деньги, а иные пророчествуютъ. По этому доносу открыто 78 человѣкъ и одна начальница изъ московскаго дѣвичьяго монастыря, старица Настасья, еще двѣ старицы и старикъ, которые прельщали людей пророчествами, а вмѣсто причастія св. Тайнъ подавали разрѣзанный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ и воду.

Лубкинъ (стрѣлецъ), признавъ жену свою за Богородицу и собравъ 20 апостоловъ изъ среды своихъ ученниковъ, распространялъ мистическое ученіе свое по губерніямъ: нижегородской, владимірской и ярославской и въ іюнѣ 1716 г. былъ пойманъ съ апостолами въ Угличѣ, но какъ-то освобожденъ отъ суда и жилъ потомъ въ Москвѣ до 1732 г. Вдохновенная ученица его, Агафія Карповна основала общество въ Веневѣ въ 1713 г., захваченное въ 1725 г. и отпущенное потомъ изъ Коломенской консторіи секретаремъ ея Мистики.

Сектаторы обязывались клятвою не выдавать другъ друга и своихъ тайнъ и, стараясь получить божественное вдохновеніе, вертѣлись, прыгали, махали руками, въ томъ образѣ, яко ангелы крылами, били себя во время пляски палками, отчего нѣкоторые дѣйствительно приходили въ изступленіе. По ученію ихъ человѣкъ можетъ дойти до состоянія таинственнаго воскресенія разными спо-

собами богоугожденія и таинственной смерти, и тогда самъ Богъ вселяется въ него и дѣйствуетъ въ немъ по своему обѣтованію: вселюся въ нихъ и похожду (II Коринѳ. VI гл. 16 ст.).

Такое духовное похожденіе Божіе мистики-сектаторы и снискивали себѣ радѣніемъ, и вотъ сложилось такимъ образомъ ученіе о личномъ самообготвореніи, отчасти сходное съ пантеистической системой обготворенія человѣка. Они не старались, согласно съ ученіемъ Христовымъ, вообразить въ себѣ духъ Христовъ, но отѣлеснить въ себѣ личность Христа. изступленіе называли вторымъ крещеніемъ, а первое крещеніе считали ненужнымъ: они отвергали тайну брака и евхаристіи и вмѣсто причастія раздавали свой хлѣбъ 173). Своимъ мистическимъ ученіемъ они многихъ увлекли, и между прочимъ ростовскаго епископа Досифея, который, по снятіи съ него архіерейскаго сана, названъ Демидомъ 174), и въ присутствіи самого Петра I, на Красной площади въ Москвѣ, преданъ мучительной казни: у него былъ клещами палачей разорванъ животъ на части 175). По рѣшенію верховнаго совѣта 116 сектаторовъ, въ томъ числѣ одинъ шведъ, наказанные кнутами, посланы были въ разные мѣста Сибири, а распространители вдохновеннаго мистицизма, пророчица и богородица Агаѳья Карповна, пророки: Ѳедоръ Муратовъ и Тимоѳей Струковъ казнены смертью 176). Сусловъ былъ судимъ потомъ, какъ увѣряли его послѣдователи, даже распятъ у Спасскихъ воротъ; но будто воскресъ и вознесся во славѣ къ отцу своему Данилу Ѳоминовичу 177). Между тѣмъ извѣстно, что Лубкинъ погребенъ былъ въ Ивановскомъ монастырѣ около Суслова, а когда могилы ихъ стали привлекать поклонниковъ, то въ 1739 г. октяб. 15 указомъ государыни, повелѣно было палачамъ выкопать ихъ кости и выбросить за городъ на поле, а можетъ статься и совершить

---

173) Истор. русс. церк. Филар. Черниг. Періодъ V. стр. 61.

174) Истор. росс. іерарх. 1. стр. 122 — 123 стат. Н. Снегирева стр. 325 въ Прав. Обозр. 1862 г. кн. VIII.

175) Тамъ же.

176) Истор. русс. церкв. Филар. Черниг. пер. 8, стр. 61.

177) См. стат. Н. Снигирева стр. 325 о Сусловѣ и Лубкинѣ.

надъ ними такую же посмертную позорную казнь, какую совершилъ Василій Шуйскій надъ трупомъ Лже-Дмитрія, а Петръ I надъ прахомъ Милославскаго, т. е. сжечь ихъ трупы и пепелъ развѣять по вѣтру 178). Спустя 7 лѣтъ послѣ Лубкина явился въ Москвѣ новый Лже-Христосъ, Андрей Петровъ, казавшійся юродивымъ 179).

Но отъ всѣхъ этихъ вдохновенно-скачущихъ мистическихъ броженій духоборцы едва ли могли родиться непосредственно, какъ потому, что въ ихъ сектѣ господствуетъ полный раціонализмъ, совершенно сходный съ раціонализмомъ молоканскимъ, такъ и потому, что духоборцы къ скачущимъ и бичующимся мистикамъ, явившимся въ это время подъ именемъ людей божіихъ, хлыстовъ, скопцевъ и проч., относятся съ презрѣніемъ.

Вѣрнѣе всего допустить, что духоборческая секта хоть и образовалась изъ одного источника съ хлыстами, людьми божіими и т. под., но образовалась самобытно своею особою дорогою, въ болѣе строгой, послѣдовательной раціональной формѣ 180). Что квакеры были тогда въ Россіи со своею пропагандою, это мы видимъ изъ памятниковъ того времени. Такъ въ 1743 г. предписано было строго наблюдать, чтобы православные не были вовлекаемы въ квакерскую ересь, а комисія 1745 года открыла во внутреннихъ губерніяхъ до 600 послѣдователей квакерства. Но духоборчество отнеслось ко квакерству критически и, сохранивъ раціонализмъ, возросшій до XVIII столѣтія на русской почвѣ, заимствовалось отъ квакерства только мыслью о внутреннемъ совершенствѣ Духа и вѣрою во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога слова, обитающаго въ

---

178) Тамъ же, Русс. старина А. Мартынова, годъ 2. 1857 г. стр. 12.

179) Рукоп. о хлыстахъ въ Истор. русс. церк. Филар. Черниг. Пер. 8. стр. 62. Примѣч.

180) Считаемъ нужнымъ оговориться здѣсь, что сужденія наши о всѣхъ сектахъ относятся только къ XVIII вѣку, когда онѣ еще сохраняли свою послѣдовательность. Впослѣдствіи же и духоборчество, и молоканство при разныхъ обстоятельствахъ уклонялись со своихъ прямыхъ дорогъ при помощи разныхъ вожаговъ своихъ и потому догматика и нравственное ученіе ихъ получили другой характеръ.

душѣ каждаго человѣка; такъ что все различіе духоборчества отъ молоканства заключается въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) По ученію духоборцевъ, Богъ единъ въ Троицѣ: Отецъ—память, Сынъ—умъ, Духъ Святый—воля; 2) Іисусъ Христосъ, если смотрѣть на него въ ветхомъ завѣтѣ, былъ по своему божеству ничто иное, какъ премудрость, одѣявшаяся въ натуру, а въ новомъ завѣтѣ онъ — духъ боголюбія и цѣломудрія по плоти. Какъ историческое лицо, Христосъ лучшій человѣкъ, которому иные могутъ и равняться. Искупленіе его, какъ историческаго лица, немыслимо, и страданіе его только примѣръ страданія невиннаго. Онъ рождается, проповѣдуетъ, страдаетъ, умираетъ и воскресаетъ духовно въ сердцѣ каждаго вѣрующаго; 3) для спасенія нашего необходимо имѣть внѣшнее познаніе объ Іисусѣ Христѣ, ибо есть внутреннее слово, научающее объ немъ человѣка во глубинѣ души его, и священное писаніе, какъ внѣшнее слово, обращаетъ умъ нашъ къ внутреннему учителю, Христу; 4) душа человѣческая существовала и пала до сотворенія видимаго міра въ высотѣ, а грѣхъ Адамовъ есть грѣхъ личный. По разлученіи съ тѣломъ души переселяются лучшія въ людей, грѣшныя въ животныхъ; 5) всѣ люди равны и потому власти ненужны, клятва и война—преступленіе. Царь и архіерей такіе же люди, какъ Колесниковъ и послѣ него Капустинъ; 6) іудеи, магометане и язычники могутъ спастись тѣмъ же внутреннимъ словомъ, живущимъ въ нихъ, какъ и христіане. За этимъ во всемъ остальномъ, какъ напримѣръ въ ученіи о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ, о церкви, объ обрядахъ ея, о таинствахъ, объ іерархіи церковной, о преданіи и соборахъ, объ иконахъ, о почитаніи святыхъ и мощей, о постахъ и проч., духоборцы сходны съ молоканами. Различіе въ послѣднемъ случаѣ состоитъ развѣ только въ томъ, что молокане свои отрицанія основываютъ на самомъ священномъ писаніи, а духоборческія отрицанія выводятся изъ принциповъ. Впрочемъ духоборцы и молокане при всемъ видимомъ небольшомъ отличіи другъ отъ друга имѣютъ между собою непрерывную вражду. Когда молокане Тамбовской губерніи должны были поселиться (въ 1803—1805 г.) на Молочной рѣкѣ то духоборцы и руками и ногами начали обороняться противъ того, чтобы эти духовные полубратья ихъ не приходили въ близость съ ними.

Что духоборческая секта выродилась изъ столкновенія русскаго раціонализма съ мистицизмомъ квакеровъ, въ этомъ мы убѣждаемся при сличеніи ученія квакеровъ съ заимствованнымъ ученіемъ духоборцевъ. Въ своихъ сужденіяхъ объ Іисусѣ Христѣ, объ оправданіи вѣрою, о внутреннемъ словѣ, о будущемъ воскресеніи, во взглядѣ на священное писаніе, на церковь и въ правилахъ же нравственности духоборцы положительно повторяютъ квакеровъ. Самыя основы ученія квакеровъ заключаются въ слѣдующемъ: а) единственнымъ источникомъ познанія христіанской вѣры служитъ, по ихъ убѣжденію, непосредственное внутреннее откровеніе въ каждомъ человѣкѣ Св. Духа, внутреннее слово, и въ душѣ каждаго человѣка, по мнѣнію ихъ, есть нѣкоторая частица того ума и премудрости, которую самъ Богъ имѣетъ и которая и называется внутреннимъ словомъ, внутреннимъ Христомъ, дѣйствіемъ Св. Духа и проч.; б) религія, по ученію квакеровъ, заключается въ томъ, чтобы внимать постановленіямъ сего внутренняго слова. Она должна требовать отъ человѣка только того, чтобы онъ отвлекалъ мысль свою отъ всего внѣшняго, ослаблялъ силу чувствъ и съ крайнимъ вниманіемъ нисходилъ самъ въ себя, чтобы такимъ образомъ услышать, что говоритъ ему внутреннее слово, Христосъ или Св. Духъ; в) священное писаніе есть слово внѣшнее и не можетъ освятить человѣка, потому что оно есть не болѣе какъ мертвая буква, но полезно потому, что низводитъ духъ ко внутреннему слову въ училище Христа, сокровеннаго въ сердцѣ. Оно не указываетъ намъ истиннаго пути къ спасенію, но обращаетъ умъ ко внутреннему слову; г) не имѣющіе внѣшняго слова магометане, іудеи и язычники не имѣютъ столько пособія, а не самаго пути къ спасенію и для достиженія спасенія нѣтъ нужды быть христіаномъ во внѣшности. Посему весь родъ человѣческій, по ученію квакеровъ, есть общество (civitas) Христово и іудеи, магометане и язычники могутъ спастись внутреннимъ словомъ, живущимъ въ нихъ; а чтобы получить это озареніе, необходимо строжайшее внутреннее самоуглубленіе и внутренняя борьба духа съ силами тьмы; д) внѣшнія дѣла, заслуги Іисуса Христа и всю евангельскую исторію нужно принимать алегорически, какъ понятіе о внутреннемъ Христѣ, его таинственномъ духовномъ рожденіи, страданіи въ смерти и воскресеніи

въ человѣческомъ сердцѣ; е) всякій, даже и женщина, какъ скоро чувствуетъ озареніе внутренняго слова, можетъ учить другихъ; посему въ церкви нѣтъ клира и іерархіи, нѣтъ и богослужебныхъ дѣйствій, и поклоненіе духовному Христу и Богу, какъ духу, должно быть духовное; ж) нельзя думать, учатъ квакеры, чтобы по избавленіи душъ нашихъ изъ темницы сего тѣла воскресли когда нибудь сіи тѣла и сіе воскресеніе надобно понимать развѣ только алегорически; з) всѣ люди равны, а потому квакеры не даютъ присяги властямъ и отказываются отъ военной службы, потому въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ ихъ живетъ нынѣ болѣе 300,000 человѣкъ, вмѣсто присяги довольствуются ихъ словомъ, а вмѣсто рекрутства они платятъ повинности; и) въ жизни квакеры воздержны до строгости и, чтобы ослабить власть тѣла надъ душею, отказываютъ себѣ во всемъ, что льститъ человѣческимъ чувствамъ, и умѣряютъ вкусъ ко всѣмъ удовольствіямъ. Отсюда произошли суровость ихъ въ образѣ жизни, простота въ одеждѣ, умѣренность въ пищѣ, отверганіе музыки и пѣнія, игръ, посѣщенія театровъ, чтенія романовъ и повѣстей, привѣтствій во множественномъ числѣ на *вы* и не снимая шляпы предъ кѣмъ бы то ни было и т. п.

Въ послѣднемъ случаѣ наши духоборцы вѣрны квакерамъ до послѣдней степени, ибо наши слѣдствія и дѣла офиціальныя о духоборцахъ всѣ исполнены фактами несниманія шапки ими ни предъ исправникомъ, ни предъ становымъ, ни предъ губернаторомъ, ни даже предъ зерцаломъ, когда ихъ вводили въ присутствіе для допросовъ. Замѣчательно, что какъ квакеры, такъ и наши духоборцы по трудолюбію и нравственности лучшіе подданные въ государствахъ; какъ тѣ, такъ и другіе извѣстны своимъ практическимъ умомъ, направленнымъ къ ремесламъ и торговлѣ, оттого тѣ и другіе вездѣ богаты 181).

Но квакерство, повторимъ мы, не могло привиться къ русскому человѣку само собою вдругъ, еслибы не нашло себѣ готовой подготовки въ раціонализмѣ, разлившемся до XVIII вѣка широкими потоками по Россіи. Квакерство естественно только удачно совпало съ жившимъ уже давно во многихъ умахъ русскихъ вольнодум-

---

181) См. Енциклопед. Словарь Крайя. Кн. VI. стр. 629.

ствомъ и потому скоро нашло слушателей себѣ въ нихъ и русскіе прозелиты квакерства были всѣ исключительно раціоналисты, послѣдніе преемники послѣдняго слова Тверетинова, иначе прозелиты эти не имѣли бы внутренней силы отнестись критически къ квакерству, а прямо приняли бы его за чистую монету и при той несообразности и невѣжествѣ, которыя господствовали въ массахъ нашего народа въ началѣ XVIII стол., образовали бы не духоборческую раціоналистически-мистическую секту, а прямо мистическую; что и случилось напримѣръ, съ хлыстами, скопцами, людьми Божіими и т. п., которые, по всей вѣроятности, суть непосредственное порожденіе проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой раціонализмомъ. Законъ общій, что новое ученіе религіозное тогда только принимается во всякомъ обществѣ, когда приходится по вкусу многихъ; безъ этого условія оно обыкновенно пропадаетъ навсегда, а если и раждается что нибудь, то нѣчто въ родѣ недостатка, урода и пр. 182). Идеи Лютера, напримѣръ, потому и восторжествовали, преобразовали европейскую жизнь, что пали на готовую почву).

О мѣстѣ, гдѣ первоначально произошло соединеніе раціонализма русскаго съ мистицизмомъ квакеровъ, сказать опредѣлительно трудно, за недостаткомъ историческихъ памятниковъ; хотя и можно полагать, что этимъ мѣстомъ была Москва, а потомъ одновременно или вскорѣ за симъ, Украйна. Въ Москвѣ съ самаго начала XVIII столѣтія (1709 г.) появились впервые мнѣнія социніанъ, абанаптистовъ, кальвинистовъ и проч.; въ Москвѣ наконецъ сказано было послѣднее слово раціонализма русскаго въ лицѣ Тверитинова, ученики котораго здѣсь находились въ самомъ большомъ количествѣ. Въ Москвѣ жили и стрѣльцы, искони извѣстные гражданскимъ и религіознымъ вольномысліемъ. Стрѣлецъ Лупкинъ явился напр. однимъ изъ первыхъ представителей усвоеннаго на русскій ладъ мистицизма. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны 1733 г., время, на которое указываетъ и нѣмецкій историкъ Штраль, какъ на начало явленія духоборцевъ въ Москвѣ, существовало ду-

182) От. Записки 1862 года. Томъ 145. Ст. Альбертини.

хоборческое ученіе въ Москвѣ уже не какъ что-либо новое, а какъ выраженіе того, что уже было только въ большемъ объемѣ. Изъ Москвы стрѣльцами, торговыми людьми и просто ревностными пропагандистами, духоборчество перенесено прежде всего на Украйну, гдѣ оно возросло свободнѣе, укрывшись отъ строгихъ гоненій. Изъ Украйны разливалось и въ другія мѣста Россіи. Нѣтъ по крайней мѣрѣ памятниковъ, которые бы указывали на появленіе духоборцевъ въ другомъ мѣстѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ и на Украйнѣ. Въ Украйнѣ и именно въ Харьковской губерніи еще до 1740 г. въ Охочемъ жило одно лице, называвшее себя унтеръ-офицеромъ, которое снискало себѣ общее довѣріе проповѣдью. Это былъ квакеръ или проповѣдникъ вновь образовавшагося духоборчества. Въ сходкахъ крестьянъ онъ рѣшалъ ихъ недоумѣнія и подавалъ имъ совѣты; въ частныхъ неудовольствіяхъ примирялъ. Опытный другъ, безпристрастный судья, человѣкъ этотъ до конца своей жизни перемѣнялъ свое мѣстопребываніе по разнымъ домамъ, помогая всякому то дѣломъ, то словомъ; образъ жизни этого страннаго лица былъ совершенно согласенъ съ духомъ ученія квакерскаго. Было мнѣніе, что секта духоборческая первоначально образовалась въ Тамбовской губерніи подъ именемъ молоканъ и отсюда уже распространилась въ другія мѣста Россіи, посылая въ Малороссію своихъ проповѣдниковъ. Но несостоятельность этого мнѣнія доказывается уже тѣмъ, что духоборцы въ 1802 году, привезенные въ Петербургъ и допрошенные въ Александро-Невской Лаврѣ о первоначальномъ происхожденіи секты, указали прямо на Малороссію, откуда, говорили они, пріѣзжали къ нимъ въ Тамбовскую губернію разныя лица и приносили имъ это ученіе. Остается только справедливымъ то, что духоборцы тамбовскіе вырождались между прочимъ и отъ молоканъ, духоборчество принималось вообще скорѣе молоканами и переходы отъ духоборчества къ молоканству и изъ молоканства въ духоборчество совершались часто. Сами духоборцы впрочемъ положительно ничего не знаютъ о мѣстѣ своего происхожденія. Разсѣянные по всей Россіи и незнакомые съ исторіей, они не сохранили вѣрнаго извѣстія о началѣ своей сектѣ и нѣкоторые изъ нихъ производятъ начало своей секты даже отъ трехъ отроковъ въ огненной печи, упоминаемыхъ у пророка Даніила: Ананіи,

Азаріи и Мисаила (Дан. Гл. III), которые не захотѣли поклонить-ея образу Навуходоносорову.

По самой сущности и происхожденію своему, духоборцы имѣли у себя главъ или родоначальниковъ секты, и предводителей духоборчества мы можемъ разсматривать, какъ мѣстныхъ пропагандистовъ, каковымъ напримѣръ и былъ между екатеринославскими духоборцами нѣкто Силуянъ Калесниковъ, между харьковскими таинственный унтеръ офицеръ, между тамбовскими однодворецъ Иларіонъ Побирохинъ.

При тогдашнихъ же гоненіяхъ ученіе духоборческое не могло имѣть ни одной главы, ни даже большихъ сформированныхъ обществъ. Даже Петръ I, смотрѣвшій сквозь пальцы на приливъ лютеранства, никогда не терпѣлъ квакеровъ и прочихъ мистиковъ и поэтому духоборчество распространялось болѣе тайно по городамъ и селамъ; комерческія же и другія житейскія сношенія представляли къ тому самые частые случаи. Вотъ почему мы и встрѣчаемъ напримѣръ свѣденіе въ родѣ слѣдующихъ: что живущимъ близъ Азовскаго моря духоборчество было провѣдано какимъ-то господскимъ человѣкомъ, пришедшимъ изъ Россіи и достигнувшимъ тамъ глубокой старости. Духоборчество почти единовременно распространилось въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ и въ Землѣ Донскихъ Казаковъ, въ губерніяхъ Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Курской, Калужской и Астраханской, въ Финляндіи и на островѣ Эзелѣ, явилось наконецъ въ Иркутскѣ и даже въ Камчаткѣ 183). Духоборцы XVIII вѣка увѣряли, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи, но что въ Германіи они больше гонимы, чѣмъ между магометанами. Ясно, что общество духоборцевъ до половины XVIII столѣтія было общество разсѣянное по всей Россіи и едва ли гдѣ составляло изъ себя цѣлыя селенія. По временамъ впрочемъ возникали между ними и вожатаи, которые и пріобрѣтали безусловную власть надъ своимъ околодкомъ, какъ напр. Побирохинъ въ Тамбовской и Колесниковъ въ Екатеринославской

---

183) Новицкаго о духоборцахъ. стр. 16 Haxthausen Studien ueher Russland. Band, 1.

губерніяхъ. Гакстгаузенъ полагаетъ, что секта духоборческая явилась послѣ молоканста самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ Россіи и съ разными оттѣнками ученія. Далѣе нѣмецкій историкъ Фатеръ относилъ время образованія духоборцевъ въ Россіи, какъ общество религіозныхъ, къ началу второй половины XVIII вѣка 184). Эта разрозненность духоборцевъ и была причиною того, что она разбилась потомъ на разные толки и при необразованности исторической и догматической удалилась впослѣдствіи отъ первоначальнаго своего источника все болѣе и болѣе, такъ что напр. когда въ 1816 и 1817 годахъ прибывшіе въ Россію къ своимъ собратьямъ по вѣрѣ квакеры Лиманъ изъ Англіи и Драйтъ изъ Пенсильваніи посѣтили съ дозволенія императора Александра I-го мелитопольскихъ духоборцевъ, то не узнали ихъ... И когда былъ тутъ же устроенъ начальникомъ меноніискихъ поселеній религіозный диспутъ, то на рѣшительный вопросъ квакеровъ:—вѣруете-ли въ Бога и Сына Божія? духоборцы отвѣчали: мы вѣруемъ, что Христосъ былъ добрый человѣкъ, и ничему больше 185)! А квакеръ, закрывши глаза рукою воскликнулъ: тьма!... И вскорѣ потомъ квакеры уѣхали.

Теперь, покончивъ съ общимъ вопросомъ о происхожденіи молоканъ и духоборцевъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о происхожденіи названія духоборцевъ и молоканъ. Наименованіе нашихъ русскихъ сектантовъ, мистико-раціоналистовъ „духоборцами“ дано имъ было, какъ догадываются, въ Малороссіи екатеринославскимъ епископомъ Амвросіемъ и дано будто для того, чтобы выразить отличительное свойство ихъ ученія, и хотя названіе это означало собственно людей, отвергающихъ идеи духа или вступающихъ въ борьбу противъ всего духовнаго, но въ настоящемъ случаѣ оно прилагалось къ сектантамъ въ томъ только смыслѣ, что они признавали напротивъ особенное дѣйствіе св. Духа въ себѣ и не признаютъ его благодатнаго присутствія въ другихъ. Баронъ Гакстгаузенъ слово „духоборцы“ толкуетъ такъ: названіе духоборцевъ состоитъ изъ

---

184) Allgemeine Geschichte der Christlichen Kirche von Vater. Гл. VII стр. 340.

185) Haxthausen Studien ueber Russland, Band. 1.

словъ „духа“ и „бороться“, поборать, что можно принять въ двоякомъ смыслѣ, въ смыслѣ поборателей или поборниковъ духа и въ смыслѣ борющихся (съ православными) духомъ христіанства, признающихъ одну духовную сторону въ христіанствѣ. Въ первомъ смыслѣ, говоритъ Гакстгаузенъ, принялъ, быть можетъ, это названіе и архіепископъ, въ послѣднемъ же они принимаютъ его сами.

Писатель XVIII вѣка (1787—1794) о расколѣ, Андрей Іоанновъ Журавлевъ называетъ духоборцевъ и молоканъ „щельниками“ по той причинѣ, что они иконъ у себя никакихъ не имѣютъ, затвердивши 2-ю заповѣдь, не сотвори себѣ кумира и пр.; на этомъ же основаніи они молятся вмѣсто храмовъ въ пустой избѣ, оборотясь къ стѣнѣ и смотря будто въ щель. Извѣстія Андрея Іоаннова о сектантахъ и раскольникахъ, ему современныхъ, считаются у насъ точными и справедливыми, потому нѣтъ сомнѣнія, что слово „щельники“ было употребительное у православныхъ въ приложеніи къ духоборцамъ и молоканамъ. Русскій же народъ вообще называлъ духоборцевъ и молоканъ фармазонами, словомъ очень браннымъ въ то время въ устахъ народа, который имѣлъ уже понятіе о завед-шихся въ XVIII столѣтіи въ Россіи тайныхъ обществахъ русскихъ франкъ-массоновъ. Правительство сначала долгое время духоборцевъ и молоканъ называло „иконоборцами“ на томъ основаніи, что они не признавали почитанія иконъ и не держали ихъ въ домахъ своихъ. Что касается до духоборцевъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочихъ, мірскими людьми. Названіе же „молоканъ“ дано сектантамъ народомъ потому, что они не соблюдаютъ установленныхъ церковію постовъ, ѣдятъ въ постные дни скоромное и преимущественно молоко, какъ болѣе употребительное въ хозяйственномъ быту крестьянъ, и потому тамбовская консисторія еще въ 1765 г. въ своемъ донесеніи св. сѵноду секту эту назвала „молоканіею“ за отверженіе постовъ и употребленіе молока въ среду и пятокъ.

XV.

СКОПИТЕЛЬ.

I.

ЗАПАДНЯ.

Въ одно изъ первыхъ чиселъ августа 186* года солнце палило, какъ въ началѣ лѣта. Въ поляхъ у крестьянъ дѣло валилось изъ рукъ. Въ Сермяческомъ лѣсу Петергофскаго уѣзда, кроясь отъ удушливаго зноя, спустился съ кручи 20-тилѣтній крестьянинъ, и легъ подъ ракитою у холоднаго ключа на желтомъ и сыромъ пескѣ. Дубовые кусты лѣпились по скатамъ оврага, и оттѣняли влажный ключъ, тихо струившійся изъ разсѣлинъ горъ. Глубокій оврагъ, вѣками просѣченный ключемъ, зеленѣлъ бархотной пушистой травой. Солнечные лучи почти никогда не касались его холоднаго, серебристаго дна. Работковъ, такъ звали молодаго парня, напился берестой холодной воды, оглядѣлся кругомъ, и, вынувъ изъ кармана книгу „Указаніе пути въ царство Небесное“, сталъ внимательно ее читать. Повременамъ тяжелый вздохъ вырывался изъ груди его, руки складывали крестное знаменіе, глаза нерѣдко поднимались къ небу, и по долгу останавливались на синемъ небосклонѣ. Книга видимо трогала 20-ти-лѣтняго юношу, и вызывала невольно внѣшніе знаки умиленія... Наконецъ Работковъ дочитался до словъ: „Есть въ человѣкѣ такая боль грѣха, которую нельзя вылечить ничемъ кромѣ вырѣзанія или выжиганія...“ И сильно задумался... Книга у него была скопческая, всѣми мѣрами втираемая насильно въ руки слѣпому народу... Работковъ нашелъ ее подкинутою къ себѣ въ головы въ полѣ на жнитвѣ, не далѣе, какъ наканунѣ того дня. Смыслъ словъ вызывалъ чтеца на размышленіе о лучшей загробной жизни, въ которую ведетъ скопчество самымъ вѣрнымъ путемъ. О царскихъ чертогахъ, которые уготованы дѣтушкамъ царемъ будто-бы Петромъ III, который, какъ поютъ скопцы:

Оставилъ столичные грады,
Оставилъ Питеръ, Москву,
Оставилъ гранитовыя палаты
И всѣ мраморные дворцы,
И высокій тронъ свой,
Пересталъ гостить на немъ,
И Святымъ Духомъ заблажилъ,

и уготовилъ царскіе чертоги у Отца Небеснаго для всѣхъ оскопленныхъ.

Бѣдность мужицкая, скудная доля, тяжелый трудъ усилили въ Работковѣ чувство недовольства жизнію, и разспалили страсть хоть въ будущей жизни получить себѣ мѣстечко получше...

Работковъ читаетъ слова будто-бы Петра III къ скопцамъ:

Что вы вѣрные, избранные!
Я дождусь той поры времечка:
Перебирать буду всяко сѣмячко.
Я отъ чистыхъ не укроюся,
Надъ царями царь откроюся.
Завладѣю всѣми престолами
И короною съ державою.
Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся,
И вы рядомъ со мною сядете. .

Для простаго человѣка нельзя говорить простѣе, обаятельнѣе: Этотъ языкъ, эти обѣщанія, эти уподобленія, эти лестныя ожиданія скопца... прямо льнутъ въ простую душу, и невольно внѣдряются въ ней.

И запала въ голову молодаго парня крѣпкая дума о сидѣніи рядомъ съ царемъ Петромъ III, разширилась его умиленная душа, и, глядя на синеву небесъ, онъ уносится уже мыслію въ царство лучшее, въ царство небесное, гдѣ онъ будетъ ликовать со ангелы, и духи небесные будутъ служить ему. Чѣмъ дальше онъ читалъ книгу, тѣмъ выше парилъ мыслію, и настоятельнѣе размышлялъ о пути въ царство небесное...

Солнце, между тѣмъ, начинало склоняться къ вечеру и стало заходить за тучки.

II.

ЦАРСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Съ тѣнистыхъ горъ, изъ лѣса, вдоль извилистаго оврага, съ высокимъ посохомъ въ рукѣ, спускался тѣмъ временемъ въ долину старикъ. Сѣдые волосы его ярко бѣлѣли среди темной зелени лѣса, а бѣлый, суконный, длинный кафтанъ придавалъ его фигурѣ видъ неземнаго жителя. Фуражка съ большимъ прямымъ козыремъ, низко надвинутая на глаза, увеличивала странность одѣянія таинственнаго путника. Осторожно раздвигались кусты горъ, мягкою поступью скользилъ незнакомецъ по зеленой травѣ, и жадно впивался стеклянными глазами въ молодое тѣло умиленнаго Работкова. То былъ извѣстный въ Петербургѣ фанатикъ скопецъ, преданный дѣлу пропаганды до изступленія. Его желтое, безбородое лицо, осунувшіяся щеки, мутныя глаза извѣстны были всемъ мѣняламъ Петербурга. Съ устъ пропагандиста исходятъ слова писанія: Дамъ имъ (будто бы скопцамъ) въ дому моемъ и въ оградѣ моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ и не оскудѣетъ. (Ис. L. VI. 5.) Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ: сіи суть куплени отъ людей, первенцы Богу и Агнцу (Апок. XIV. 4). Изможденный давнимъ оскопленіемъ, фанатикъ искалъ себѣ жертвъ и внѣ Петербурга, въ одеждѣ скопца-пилигрима странствуя по селамъ и деревнямъ. Его острый ножъ, съ лезвіемъ бритвы, не лежалъ въ ножнахъ спокойно, безъ работы. Семейное людское счастье, какъ злой старой дѣвѣ, было ненавистно давнишнему калѣкѣ, и онъ съ наслажденіемъ рѣзалъ и рѣзалъ обманутыя жертвы...

Работковъ, лежа у ключа, читалъ въ книгѣ слова:

Ты свѣти, свѣти, свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Обогрѣй ты насъ, красно солнышко.
Прикатися къ намъ государь батюшка
Съ восточной, государь, со сторонушки,
Изъ своей, государь, изъ неволюшки...
Покажи жъ ты намъ свой пречистый ликъ.

Фанатикъ съ быстротою кошки прильнулъ къ своей жертвѣ и изсохшими устами прошипѣлъ:

Ну, Богъ помочь тебѣ братъ!
Эка, Богъ тебѣ радъ,
Подастъ душѣ твоей много наградъ,
Ты будешъ имѣть много отрадъ,—
Пошлетъ внутро твое благодать.
Не изволь братъ унывать!

Работковъ онѣмѣлъ. Онъ пораженъ необычайнымъ явленіемъ. Онъ слушаетъ льстивыя рѣчи фанатика про батюшку искупителя Петра III, про матушку Акулину Ивановну, про кораблики скопческіе, на которые стоитъ только сѣсть, и поѣдешь прямо въ царство небесное... и благоговѣйномъ умиленіи изъявляетъ желаніе поскорѣе поѣхать на скопческомъ кораблѣ въ это царство небесное...

„И дамъ ти ключи въ царствіе Божіе, сказалъ фанатикъ, положивъ предъ Работковомъ мѣшокъ съ серебряными деньгами: и утѣшатъ тя въ день печали“...

Работковъ, не имѣвшій отъ роду въ рукахъ такой кучи серебряныхъ денегъ, внѣ себя отъ радости. Онъ начинаетъ перещитывать серебряные старинные талеры, и позволяетъ себя, по предложенію странника, осмотрѣть: годенъ ли онъ будетъ въ царство небесное?

Чрезъ три минуты острая, какъ булатъ, бритва фанатика внезапно скользнула по грѣшнымъ членамъ здороваго тѣла обманутаго Работкова... Совершивъ скопческую операцію, фанатикъ поднялъ упавшія на землю части, и показывая ихъ впавшей въ обморокъ жертвѣ, въ фанатическомъ торжествѣ, воскликнулъ:

Вотъ, смотри
На сокрушеннаго змія!.

Улыбка изступленной радости искривила его сухія уста, глаза сверкнули мутнымъ блескомъ, и фанатикъ, обливъ рану ѣдко-лекарственною водою, прошипѣлъ:

Водою
и духомъ.

и быстро исчезъ между деревъ, скрываясь отъ лежавшей въ безпамятствѣ жертвы. То была царская печать, прикладываемая скопцами къ тѣлу новой жертвы! На стемнѣвшемъ небосклонѣ, подер-

нутомъ синей тучей, сверкнула молонья, освѣтивъ лѣсъ, долину и ручей съ покинутою жертвою фанатическаго изступленія, и какъ бережно несомая свѣчка, тихо мигая, выбивалась изъ подъ тучки вечерняя зарница.

Къ утру только, приходя въ себя, Работковъ вспомнилъ, что у него есть въ деревнѣ молодая жена.... и запоздалыя слезы градомъ потекли изъ его глазъ.

III.

Сонъ Богородицы.

Въ семействѣ крестьянина Іевлева, дер. Малыхъ Ижоръ Петергофскаго уѣзда, за неимѣніемъ полезныхъ народныхъ книгъ, издавна пристально читалась скопческая книжка Сонъ Богородицы, принесенная извѣстнымъ уже намъ фанатикомъ-мѣнялою, крестившимъ Петербургскую губернію во всѣхъ направленіяхъ и вторгавшимся въ мирныя семейства слѣпотствующихъ крестьянъ.... Серебряные павловскіе рубли, расточаемые безъ скупости среди народа бѣднаго, имѣли свое дѣйствіе. Брались деньги, брались и скопческія книжки, въ родѣ Сна Богородицы; книжка эта въ семействѣ Іевлева, какъ и вездѣ, гдѣ объявлялась, произвела желанные результаты. Глава семейства, 50 лѣтній крестьянинъ Кирилъ Іевлевъ еще въ 1858 году сдѣлался жертвою петербургскаго фанатика-мѣнялы, заплатившаго за это Іевлеву 40 серебряныхъ талеровъ. Изувѣрство, ворвавшись въ семейство, неудержимымъ потокомъ разлилось на всѣхъ членовъ его, не пощадивъ даже и 11 лѣтнихъ дѣтей... Сонъ Богородицы читался и читался, а члены семейства Кирила Іевлева рѣзались и рѣзались. Старшій сынъ его, оскопленный уже отцемъ своимъ, Никита Кириловъ 26 марта 1859 года бѣжалъ изъ кронштатскаго № 2 баталіона, и соединившись съ оскопленною своею теткою, сестрою отца, вдовою Степанидою, подъ звуки Сна Богородицы оскопилъ и малолѣтнихъ въ семействѣ своемъ. Правосудіе въ 1860 году нашло уже все семейство Кирила Іевлева повально

оскопленнымъ. Жены сыновей Кирила найдены съ вырѣзанными грудями, такъ что на мѣстѣ сосковъ были одни только поперечные синіе рубцы, прижженные раскаленнымъ желѣзомъ.

Сѣдой фанатикъ оставивъ Работкова, посѣтилъ домъ Кирила Іевлева и сотворилъ у него радѣніе, оставилъ нѣсколько серебряныхъ рублей, для передачи новымъ жертвамъ, уловленнымъ Іевлевымъ Никитѣ Яковлеву и Ефиму Иванову, крестьянамъ деревни Малой же Ижоры, назначивъ имъ свиданіе въ слѣдующую ночь въ прибрежномъ лѣсу.

IV.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Синее чистое небо торжественно и необъятно стояло надъ моремъ 4 августа 186* года со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Мѣсяцъ высоко стоялъ на синемъ небосклонѣ и серебристымъ потокомъ разливался въ тихихъ водахъ Финскаго залива. Прибрежный тростникъ, безмолвно рисуясь на стеклянной поверхности водъ изрѣдка шумѣлъ, колеблемый набѣжавшей волной. Свѣжій запахъ скошенной травы, насыщая воздухъ, густымъ тяжелымъ слоемъ висѣлъ надъ самой землей. Заря уже давно погасла и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ. Сквозь тонкія зеленыя вѣтви деревъ слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Такая ночь, такая природа способны смягчить душу закаленаго разбойника, который отлагая въ сторону преступные замыслы, сладкимъ сномъ засыпаетъ, убаюканный природою. Но красы природы, созданной Богомъ для наслажденія человѣка, нетрогаютъ фанатической души ожесточеннаго скопца... Сѣдой фанатикъ съ длиннымъ козыремъ на лбу, спѣшитъ невозмутимо на мѣсто свиданія съ новыми жертвами. Два мѣшка мѣдныхъ денегъ лежатъ уже на зеленой травѣ, хитро прикрытые верхнимъ слоемъ серебряныхъ рублей... Глаза бѣдныхъ, оборванныхъ крестьянъ Никиты Яковлева и Ефрема Иванова разбѣгаются при взглядѣ на такія сокровища. Съ обнаженною грудью сидѣлъ одинъ изъ нихъ близь мѣшка съ деньгами и лѣниво щипалъ тра-

ву въ то время, когда фанатикъ читалъ надъ ними скопческія клятвы, заклиная нерушимо до конца жизни „во первыхъ, удалятся отъ обращенія съ женщинами и кинуть женъ своихъ, какъ змій ядовитыхъ, какъ самую гнусную скверну; во вторыхъ, проклясть дѣтей своихъ, которыя непозволятъ приложить себѣ царскія печати“.. При этихъ словахъ Яковлевъ, сидѣвшій полуобнаженнымъ на сѣромъ армякѣ своемъ, зашаркалъ дрожавшими ногами (у него было семеро малолѣтнихъ дѣтей), и безмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, махнулъ лѣниво одной рукой, какъ бы желая сказать: куда ни шло! быть тому“!

„Съ міромъ дружбы не водить, въ пріязнь не входить“, говорилъ фанатикъ своимъ жертвамъ, и поднесъ имъ въ это время причастіе изъ пузырька, оказавшееся сильными сонными каплями... „Неходить къ мірянамъ ни на свадьбы, ни на крестины, ни въ праздники, ни въ будни, мясного не ѣсть, а питаться только растеніями, молочнымъ и рыбнымъ“...

Слушавшіе покатились на траву въ забытьѣ; бритва фанатика мгновенно скользнула по тѣламъ ихъ. Свершилось новое злодѣйство и двѣ новыя жертвы слѣпоты и невѣжества народнаго лежали безъ памяти на свѣжей травѣ, облитыя матовымъ свѣтомъ привѣтливой луны. Обратившись къ искалеченнымъ, скопитель произнесъ:

Оставайтесь вы, сироты;
Вы, сиротушки, останьтесь
Живому Богу достаньтесь,
А мнѣ дайте въ помогу
Катиться въ путь дорогу!—

и покатилъ дальше въ путь дорогу. Путникъ этотъ испортилъ свою жизнь, ему хочется портить ее и у другихъ. Но ножъ не лежитъ спокойно въ ножнахъ, его черствая душа, потерявъ давно пониманіе прекраснаго Божьяго міра, въ слѣпомъ изувѣрствѣ можетъ наслаждаться только пролитіемъ человѣческой крови. Съ высоты горы, обернувшись лицомъ къ жертвамъ, онъ пробормоталъ, протягивая руки

Милость, милость,
Покровъ, покровъ!—

и исчезъ въ чащѣ густаго лѣса.

И остались его сироты на окровавленой травѣ, оторванные навсегда отъ міра семейнаго и общества людскаго... Къ нимъ приложились царскія печати самого батюшки искупителя, которые сдѣлали ихъ навсегда отверженниками неба и земли...

Свершивъ преступленіе, фанатикъ зашагалъ далѣе по „царскому пути“ для спасенія душъ царскихъ сиротушекъ... Слабый вѣтеръ чуть-чуть потянулъ по верхушкамъ деревъ, листья тихо зашумѣли надъ головою безчувственныхъ труповъ. Съ сего часа природа и для нихъ потеряла навсегда свое обаяніе! Съ потухшимъ взоромъ, съ злобою въ душѣ, лишившись способности наслаждаться семейными радостями и спокойствіемъ общественнымъ, они скоро пойдутъ по стопамъ ихъ скопителя по „царскому пути“ ихъ батюшки — искупителя, и съ необузданнымъ изувѣрствомъ будутъ рѣзать другихъ...

Скоро совсѣмъ замолкло въ лѣсу; море не шелохнетъ; деревья почти замерли на мѣстѣ, какъ бы внимая совершенному злодѣйству, а фанатикъ, какъ „вѣчный жидъ“, шелъ все дальше и дальше. Онъ близился по „царскому пути“ къ Петербургу, къ своимъ дѣтушкамъ, петербургскимъ мѣняламъ... Тамъ у оскопленныхъ дѣтушекъ

За страданія, дарованія
Злата, серебра, крупна жемчугу,
И съ пресвѣтлыми бриліянтами.

было много ему работушки...

V.

БѢЛЫЯ МОНАХИНИ.

Въ одной изъ улицъ на Малой Охтѣ стоитъ угрюмый большой домъ. Высокій заборъ, старый садъ, огромныя ворота, глухая калитка, день и ночь запертая на цѣпь, придавали этому дому видъ монастыря. То былъ дѣйствительно монастырь скопческій. На иждивеніе знакомаго намъ мѣнялы фанатика здѣсь содержалось до 40

оскопленныхъ дѣвицъ, жертвъ простоты и невѣденія... Ихъ покупалъ фанатикъ скопецъ у отцовъ и матерей за серебряные талера павловскаго чекана, и затѣмъ оскопивъ, призрѣвалъ въ своей богадѣльнѣ. Отцы разживались на серебряные рубли, а дочери жили за готовымъ кормомъ; чего же больше русскому мужику, не понимающему ни себя, ни окружающаго? Скопцы твердятъ слова Апокалипсиса: И видѣхъ, и се Агнецъ стояше на горѣ Сіонстѣй, и съ нимъ сто и четыре десять и четыре тысящи, имуще имя Отца его написана на челѣхъ своихъ... искуплена отъ земли: сіи суть искуплени отъ людей, первенцы Богу и Агнцу (Апокал. XIV. 1, 3 4.) и принимая число 144,000 въ буквальномъ смыслѣ убѣждены, что когда секта ихъ будетъ простираться до этого числа, т. е. когда оскопленныхъ наберется до 144,000 человѣкъ, тогда явится во славѣ своей Агнецъ Божій, и тогда наступитъ окончательное ихъ торжество и вѣчное блаженство. Это заставляетъ скопцевъ употреблять всѣ усилія, чтобы таинственная цифра 144,000 какъ можно скорѣе осуществилось, и тѣмъ ускорилось вожделѣнное время ожидаемаго переворота... Отсюда явленіе подкуповъ для поступленія въ скопчество, отсюда ведутъ начало и монастыри скопческіе... Не весела жизнь въ охтенскомъ домѣ, богадѣльнѣ богатаго мѣняла, и красотою не отличаются женщины, помѣщенныя въ немъ. Изуродованнымъ, съ вырѣзанными грудями, съ вызженными сосцами, лишеннымъ возможности быть когда-либо матерью, имъ остается одно,— распѣвать скопческую пѣснь:

Я спать лягу, мнѣ не хочется;
Животъ скорбью осыпается,
Уста кровью запекаются...
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется,
У родимаго побывать, побесѣдовать
На бесѣдушкѣ апостольской,
И гдѣ ангелы пиршествуютъ,
И гдѣ духъ святый ликуется...

Скопцы называютъ такихъ жертвъ бѣлыми монахинями. Въ число сихъ несчастныхъ поступила недавно и дочь знакомаго намъ крестьянина Ієвлева. Самъ сѣдой мѣняла привезъ ее въ свой монастырь, и ввелъ въ соборъ скопчихъ босыми ногами. Сестры приняли ее съ зажженными восковыми свѣчами, поклонились старцу

фанатику до земли, и пропѣли пѣснь: елицы во Христа крестистеся...

Своими руками заперевъ тяжелую калитку богадѣльни, фанатикъ съ дикою радостію на желтомъ своемъ лицѣ вышелъ за стѣны монастыря. Новая жертва увеличивала собою желанное число 144,000. Чего же ему болѣе?

Такъ, для изувѣра, положившаго на себя печать физическаго уродства, нѣтъ уже болѣе возврата, нѣтъ раскаянія и примиренія съ человѣчествомъ, котораго онъ отвергся и которое его отвергаетъ. Ему ничего не остается, кромѣ заблужденія; въ немъ заключаетя для него весь міръ, сосредоточивается все его бытіе. Въ такомъ состояніи, единственное наслажденіе, какое доступно человѣку, есть сообщеніе другимъ собственнаго отверженія, пріумноженіе подобныхъ себѣ несчастливцевъ. Это тотъ же печальный законъ, свойственный отчаянію, по которому обрѣченные на смерть преступники тащатъ за собою на эшафотъ невинныхъ, чтобы страдать и умереть не однимъ... Въ нечеловѣческомъ попраніи ближайшихъ узъ природы, естественное мѣсто злорадному чувству эгоизма, которое выражается поговоркою всѣхъ, окончательно сбившихся съ пути, всѣхъ, погубившихъ себя безвозвратно: „нѣтъ мнѣ, не будь и тебѣ“...

XVI.

РАСКОЛЬНИКЪ КУЗЬМА ТЕРЕНТЬЕВЪ СОЛДАТЕНКОВЪ

И

АГАѲЬЯ РАХМАНОВА.

I.

КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТЪ КУЗЬМА ТЕРЕНТЬЕВЪ СОЛДАТЕНКОВЪ ВЪ РАСКОЛѢ?

Московскій раскольникъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ, вмѣстѣ съ Рахмановыми, считается, по правительственнымъ документамъ, однимъ изъ тѣхъ сектаторовъ, которые купивъ на серебряные рубли продажную раскольничью іерархію въ Австріи, состоящую, въ послѣднее время, изъ безграмотныхъ мужиковъ, тѣмъ причинили не малое огорченіе всему русскому Царскому Дому, много хлопотъ русской литературѣ, а еще больше кровныхъ несчастій... всему русскому народу... Покойный императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о затѣѣ московскихъ богачей относительно устройства бѣглой заграничной іерархіи, собственноручно начертилъ на докладѣ Министра Иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „сообщить г. Нессельроду, съ тѣмъ, чтобы повторилъ мое рѣшительное требованіе отъ Австрійскаго правительства, чтобы мнимый монастырь въ Буковинѣ былъ немедленно закрытъ, а самозванецъ—епископъ высланъ *какъ бродяга* и объявить Австрійскому правительству, что ежели я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ, крайне мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ.“ Независимо отъ сего, когда правительство русскаго государя представило ему необходимость принять мѣры къ наблюденію за „коноводами московскими“, то покойный Императоръ собственноручно же написалъ: „предъявить секретному комитету: ежели съ одной сторо-

ны подобное тайное наблюденіе представляетъ нѣкоторыя пользы, то съ другой—явныя уже дѣйствія раскольниковъ и *дерзость ихъ* требуютъ рѣшительныхъ нынѣ же мѣръ, дабы зло не расплодилось такъ, что силой придется его останавливать." Безпокойство правительства увеличивалось затѣями „московскихъ коноводовъ" со дня на день и все это сильно огорчало государя, который, въ 13 день мая 1847 года, Высочайше повелѣлъ: „предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, при содѣйствіи шефа жандармовъ, продолжать неослабно секретныя наблюденія за дѣйствіями раскольниковъ и принимать безотлагательно мѣры къ прекращенію вредныхъ ихъ сношеній съ Буковинскими раскольниками; при появленіи же въ нашихъ предѣлахъ заграничныхъ раскольниковъ для переговоровъ съ нашими сектаторами, брать таковыхъ, прибывшихъ изъ-за границы раскольниковъ подъ арестъ, для секретнаго изслѣдованія ихъ вредныхъ замысловъ и поступленія по существующимъ законамъ." Толстая сума московскихъ пустосвятовъ дѣлала однако свое дѣло; они обирали слѣпой народъ, складывали десятки и сотни тысячъ въ кучу, *не взирая на огорченія своего царя*, не щадя безпокойства правителей его, и въ грубомъ самодовольствѣ, собирая постоянныя совѣщанія на рогожскомъ кладбищѣ, мысленно готовили слѣдующую потѣху своему самолюбію: не попа какого-нибудь бѣглаго, что на сиваго жеребца церковь смѣнялъ, не какого нибудь скитскаго игумена бродящаго за сборомъ, а самаго преосвященнаго владыку изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ инымъ образомъ его „поначалить". Таковы расчеты имѣли рогожскіе толстосумы! Между тѣмъ народъ русскій безъ того слѣпой, погрязшій по уши въ тинѣ невѣжества, замолился на московскихъ милостивцевъ, величая ихъ громкими именами „столповъ древняго благочестія." Ужъ если самъ Кузьма Терентьичъ Солдатенковъ, Ѳедоръ Андреичъ Рахмановъ и проч. живутъ по бѣглому священству, говорилъ народъ, то намъ-то можно ли сего священства не принимать? И забился слѣпой народъ, въ количествѣ не одного миліона, въ мрачныя молельни съ бѣглыми попами изъ бродягъ, отвергнувъ живую грамоту, живыя знанія и твердя до гроба, что все въ мірѣ осквернено, всюду печать антихриста. Безобразіе московскихъ богачей вызвало нѣкоторый протестъ со стороны умныхъ лицъ изъ ихъ же среды, и

для исторіи нашей сохранилось (Сбор. Н. Попова) между прочимъ, слѣдующее письмо одного изъ бывшихъ знатныхъ раскольниковъ, потомъ перешедшаго въ единовѣріе Владиміра Андрѣева Сапелкина къ Кузьмѣ Терентьеву Солдатенкову. Вотъ это знаменательное письмо честнаго и необычайно умнаго человѣка къ Солдатенкову.“ Любезный другъ! Не безъ особеннаго намѣренія я употребляю это названіе. Я хочу напомнить имъ о той взаимной дружбѣ, которая существовала между нами до роковаго 1854 года. Я говорю роковаго; да, этотъ годъ былъ для насъ временемъ исполненія словъ Спасителя нашего, сказанныхъ Имъ о послѣдствіяхъ Своего пришествія на землю: „не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю: не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ.“ И врази человѣку домашніи его сбылись, самымъ буквальнымъ образомъ сбылись надъ нами сіи слова Спасителя. Въ какихъ дружескихъ отношеніяхъ мы находились одинъ къ другому до 1854 года! Какое рѣдкое согласіе являлось въ мысляхъ и чувствованіяхъ нашихъ! Одни разсужденія о предметахъ вѣры и благочестія, одно воззрѣніе на плачевное состояніе тогдашнихъ дѣлъ любезнаго намъ старообрядчества, одна скорбь при видѣ мерзости запустѣнія, стоящей на мѣстѣ святѣ; одна ревность противъ безпорядковъ и безчинія тогдашнихъ нашихъ духовныхъ пастырей, недостойныхъ носить на себѣ сіе великое названіе; одно неудержимое желаніе перемѣны на лучшее; одна мысль объ открытіи на Рогожскомъ кладбищѣ церкви съ правильнымъ священствомъ, мысль, къ осуществленію которой, при освященіи храма Высокопреосвященнымъ при коммерческомъ училищѣ, ты постоянно и неумолкно побуждалъ меня, являя великую къ тому ревность и обѣщая самое сильное пособіе. Но увы! все это было только до тѣхъ поръ, пока я еще не выступалъ изъ среды, что бы идти прямымъ путемъ къ достиженію предположенной цѣли, но въ тоже самое время, какъ я, возбужденный и обнадеженный тобою, сдѣлалъ первый шагъ впередъ, ты первый, или въ числѣ первыхъ, сдѣлалъ отступленіе назадъ и, измѣнившись въ своихъ прежнихъ чувствованіяхъ, оставилъ меня одного бороться со всѣми трудностями и препятствіями въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ.

Я не говорю о томъ затруднительномъ положеніи, когда я остался одинъ, безъ человѣческихъ пособій, которыми былъ обнадеживаемъ;

впрочемъ, оно тебѣ очень извѣстно и, при единственной помощи Божіей, кончилось такъ, какъ я никогда не могъ ожидать: теперь я совершенно спокоенъ, и по духу, и по внѣшнему моему состоянію. Но моя скорбь, неутѣшная скорбь о томъ, что съ сего самого времени ты измѣнилъ ко мнѣ свои отношенія, что сіи отношенія приняли совершенно превратное направленіе, когда скрывавшійся дотолѣ между нами, старообрядцами, какъ странникъ и пришлецъ, въ бѣглыхъ священникахъ, Іисусъ Христосъ явно и открыто пришелъ къ намъ, въ лицѣ Своей церкви и съ правильнымъ священствомъ, и принесъ съ собою, по премудрому и благому своему смотрѣнію, мечъ разлученія; ты, къ несчастію, поднялъ сей роковой мечъ и разсѣкъ союзъ дружбы и единомыслія, связующій насъ, а вмѣстѣ съ симъ отсѣкъ и себя отъ единенія съ тою церковію, открытію которой вполнѣ сочувствовалъ, подавалъ совѣты и наставленія, даже побуждалъ не медлить, но приступать къ начатію предположеннаго. И вотъ уже пять лѣтъ, какъ я лишенъ счастія также сладко бесѣдовать съ тобою, какъ тогда, откровенно и безъ принужденія, изливать мысли и чувствованія души.

Не мое дѣло искать, или предполагать причины такой быстрой перемѣны въ твоихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и убѣжденіяхъ; я скажу только о себѣ, что я доселѣ остаюсь къ тебѣ одинаковъ, что во мнѣ сохранились безъ измѣненія тѣ же чувствованія въ отношеніи тебя; и если они доселѣ не высказывались, то единственно потому, что я считалъ сіе неблаговременнымъ, даже безполезнымъ, а именно: поставленный неисповѣдимымъ Промысломъ дѣйствовать во главѣ новаго общества церкви, по дѣламъ которой я долженъ былъ принять все попеченіе и заботы, я не высказывалъ тебѣ своихъ чувствованій, опасаясь подозрѣнія въ неискренности, что голосъ дружбы будетъ принятъ за корыстныя выраженія.—Нынѣ изъ официально церковнаго человѣка ставъ частнымъ членомъ церкви, я безъ опасенія въ подозрѣніи могу говорить съ тѣми, къ которымъ чувство дружбы сохранилось во мнѣ во всей своей силѣ.—И вотъ я хочу говорить съ тобою, какъ съ другомъ, и говорить ни о чемъ либо другомъ, но продолжать прерванное пять лѣтъ тому назадъ наше собесѣдованіе, въ которомъ ты живо сочувствовалъ мнѣ, но

которое, когда начинало осуществляться, послужило потомъ, какъ я уже сказалъ, поводомъ къ нашему разъединенію.

Другъ! при твоемъ природномъ умѣ, при твоей образованности, завершенной въ послѣднее время заграничнымъ путешествіемъ, можно ли предполагать, чтобы ты совершенно отказался отъ прежнихъ своихъ прямыхъ и правильныхъ убѣжденій о Церкви, и вполнѣ принялъ грубыя и невѣжественныя сплетенія нынѣшнихъ старообрядцевъ о лжеіерархіи, такъ называемой, Австрійской. Не думаю, чтобы твой свѣтлый взоръ, въ этой нехитро составленной баснѣ, не могъ усмотрѣть козней исконнаго лжеца и врага всякой истины—діавола; чтобы въ нынѣшнемъ устройствѣ старообрядчества, подъ хищническимъ правленіемъ австрійской лжеіерархіи, не могъ ты видѣть измѣненія, или лучше, совершенное извращеніе порядка, котораго держались наши дѣды и отцы. — Нынѣшнее устройство сказаннаго старообрядчества есть совершенное отступничество отъ церкви, всецѣлое отсѣченіе отъ участія въ ея единствѣ, даже и косвеннымъ образомъ; тогда какъ въ прежнее время, какъ предки наши, такъ и мы, признавали всегда единство вселенской церкви, именно той, часть которой составляетъ и Россійская Церковь, и признаніе это подтверждали тѣмъ, что въ ней единой искали для себя освященія, принимая къ себѣ пастырей только въ ней поставленныхъ. — Мы находили въ ней только нѣкоторыя, кажущіяся намъ неисправности и упущенія противъ древле-свято отеческихъ преданій, въ отношеніи обрядовъ употребляемыхъ при совершеніи богослуженія и таинствъ, что возмущало насъ и заставляло искать средства совершать ихъ по совѣсти; и мы искали эти средства не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, а тамъ, гдѣ слѣдовало ихъ искать, т. е. въ той же церкви; но только какія средства? Мы, такъ сказать, *подбирали гнилые обломки*, которые церковь *извергала*, или готова была извергнуть *отъ себя*, *какъ негодные* (я разумѣю бѣглыхъ священниковъ), и изъ этихъ-то ветхостей мнили совершить прекрасное зданіе, отъ котораго чаяли себѣ спасенія.

Теперь только мы узнали, что это было дѣйствительно такъ, но тогда мы сего не понимали. И благодареніе Господу Іисусу Христу, Главѣ Церкви, который быть можетъ и за то, что мы хотя не прямо, но все-таки держались единенія Церкви, не предалъ насъ,

какъ многихъ изъ несчастныхъ нашихъ собратовъ принявшихъ Австрійскую лжеіерархію, въ неискусенъ умъ творити неподобныя, но въ самой той же церкви, къ которой мы и всегда относились, указалъ намъ настоящія средства, могущія вполнѣ удовлетворить духовнымъ нашимъ потребностямъ и успокоить нашу совѣсть.—Церковь, какъ чадолюбивая мать, болѣзнуя о нашемъ заблужденіи, видя насъ всегда алчущими и жаждущими духовно и всегда остающимися безъ удовлетворенія, подала намъ руку помощи, вывела насъ на прямой путь, давъ намъ свободу, вмѣсто недостойныхъ нѣкоторыхъ, тайно принимаемыхъ нами, избирать изъ всѣхъ своихъ пастырей, которыхъ мы найдемъ болѣе способными удовлетворить своимъ духовнымъ нуждамъ.— При избраніи же священниковъ дается намъ право, а избранные священнослужители обязываются въ точности, безъ малѣйшаго отступленія, исполнять всѣ обряды по старымъ частнымъ богослужебнымъ книгамъ.—Сверхъ всего Церковь, вмѣсто насъ, неопытныхъ сыновъ ея, бдительно наблюдаетъ за точнымъ и неупустительнымъ исполненіемъ всего того, что намъ такъ дорого, и что, какъ мы думали прежде, составляло предметъ гоненія ея противъ насъ и заставляло насъ чуждаться ея. Нѣтъ, не старообрядчество преслѣдуетъ церковь, а злоупотребленія и своеволія, которыя совершаются подъ именемъ старообрядчества, какъ, напримѣръ, учрежденіе лжеіерархіи, самовольное поставленіе епископовъ, священниковъ и діаконовъ, и совершеніе чрезъ нихъ богослуженія и требъ въ соблазнъ всѣхъ православныхъ; правильное же старообрядчество она беретъ подъ свое покровительство и обезпечиваетъ законною властію.

Такимъ образомъ, принявъ Церковь съ ея правильнымъ священствомъ, мы не только ничего не потеряли въ отношеніи старообрядчества, а напротивъ, пріобрѣли столько, что никогда не могли надѣятъся получить и малѣйшей части того, что теперь имѣемъ. Прежде все зависѣло отъ капризовъ одного какого нибудь выходца, который по своему произволу игралъ судьбою старообрядчества, отчего оно, вначалѣ единое, впослѣдствіи раздробилось на множество мелкихъ частей.—Нынѣ же каждый законный старообрядческій, или что тоже, единовѣрческій священникъ за честь себѣ поставляетъ въ точности и какъ можно отчетливѣе исполнять все касающееся до старообрядчества, а еслибы и вздумалъ кто либо сдѣлать какое умы-

шленное опущеніе, то тотчасъ, по открытіи сего, былъ бы подвергнутъ штрафу.

Послѣ сего чего желать? чего домогаться? Кому истинно дороги древле-отеческія преданія, кто только одно имѣетъ въ предметѣ, чтобы правильно исполнялась божественная служба по симъ преданіямъ и желаетъ сего искренно и чистосердечно, тому, при теперешней материнской снисходительности церкви, ничего болѣе не остается, какъ воспользоваться сею снисходительностію и, принявъ отъ нея законныхъ пастырей, для успокоенія совѣсти, приносить чрезъ нихъ очистительную о своихъ согрѣшеніяхъ жертву Богу, по тѣмъ обрядамъ и обычаямъ, къ которымъ мы привыкли.

Другъ! путь проложенъ надежно, дверь отворена; церковь приходящему простираетъ матернія свои объятія. Что еще медлить? для чего оставаться въ нерѣшимости? чего опасаться? Ты уже и такъ долго медлилъ за прагомъ церкви. Неужели это медленіе еще продолжается? Нѣтъ; я увѣренъ, что мой образованный другъ, при свѣтѣ ума, имѣетъ на столько силы воли, чтобы вдругъ стряхнуть съ себя всю тяжесть невольной покорности заблужденію, гнетущую его совѣсть, чтобы тѣмъ же мечемъ разлученія, которымъ онъ нѣкогда, отсѣкая меня отъ своего сердца, отсѣкъ и себя отъ соединенія съ церковію, симъ же мечемъ разсѣчь и всѣ связи, которыми онъ, противъ убѣжденія, удерживался доселѣ въ удаленіи отъ истины. Я увѣренъ въ этомъ, увѣренъ до того, что уже напередъ въ восторгѣ сердца, поздравляю себя съ возвращеніемъ моего друга къ прежнему единомыслію со мною и къ соединенію съ давно желанною имъ церковью.

Никогда не измѣнявшійся въ дружескихъ къ тебѣ чувствахъ, сердечно преданный съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ,

Владиміръ Андрѣевъ Сапелкинъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не выручили яко бы просвѣщеннаго мужа „ни природный умъ, ни поѣздка за границу, отъ невѣжественныхъ сплетеній старообрядчества австрійской лжеіерархіи“ и отъ бѣглыхъ поповъ, служащихъ доселѣ въ его домѣ, украшенномъ голыми статуями, арабскими комнатами и прочими нераскольничьими затѣями... Разстаться съ темнымъ расколомъ К. Т. Солдатенкову полагать надо *не было выгоды*, ибо онъ сдѣлался

скоро безотчетнымъ душеприкащикомъ полумиліона, отказаннаго фанатикомъ Ѳедоромъ Рахмановымъ на поддержаніе бѣглой іерархіи въ Россіи... Какъ это случилось, мы увидимъ по порядку изъ слѣдующихъ главъ нашего, основаннаго на правительственныхъ свѣдѣніяхъ, очерка.

II.

соборы московскихъ толстосумовъ.

Когда московскіе толстосумы рѣшились „не попа какого нибудь бѣглаго, что на сиваго жеребца церковь смѣнялъ, а пріобрѣсть себѣ даже владыку, котораго изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ инымъ образомъ поначалить,“ то двинулись на Москву послы изъ Вятки, изъ Стародубья, Керженца и Иргиза, изъ Саратова, Перми и Екатеринбурга, изъ Казани, Ржева, Торжка и Твери, изъ Тулы, Боровска и другихъ городовъ. Пріѣхали казаки донскіе, уральскіе и линейные, изъ Стародубья прибыли: настоятель Покровскаго монастыря Рафаилъ, и настоятель Никольскаго монастыря Сергій съ старцемъ Ипполитомъ. Съ Керженца престарѣлый Илія, игуменъ Улангерской обители и настоятель Керженскаго Благовѣщенскаго монастыря Пафнутій, гуслякъ родомъ, у котораго въ монастырѣ жилъ инокъ Деонисій, родной братъ столпа рогожскаго общества, знаменитаго Ѳедора Рахманова. Съ Иргиза явился Силуянъ, а съ нимъ нѣкто авантюристъ Кочуевъ. Въ числѣ мірянъ, представителемъ старообрядцевъ Саратовской губерніи былъ Гурій Ивановичъ Суетинъ.

Собраніе депутатовъ назначено было не въ Рождественской часовнѣ, какъ водилось дотолѣ, а въ комнатахъ конторы. Изъ рогожскаго духовенства тутъ находились: Иванъ Матвѣевичъ Арсеньевъ, Ермилычъ и другіе. Изъ московскихъ старообрядцевъ засѣдали только старшины и попечители, а именно: Антипъ Дмитріевъ Шелапутинъ, Ѳедоръ Андреевъ и Василій Григорьевъ Рахмановы, Николай Дмитріевъ Царскій, Василій Ефремовъ Соколовъ,

Ѳедоръ Боковъ, Максимъ Горѣловъ, Иванъ Александровъ, Ѳедоръ Карташевъ; сынъ умершаго попа, занимавшійся дѣлами Шелапутина по Рогожскому кладбищу, Василій Акимовъ; Иванъ Васильевъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Неокладной, Свѣшниковъ, Мотылевъ и другіе. Рогожскій соборъ имѣлъ не одно засѣданіе. Кочуевъ предложилъ послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ одного изъ находящихся не у дѣлъ митрополита. Лаврентьевскій игуменъ Симеонъ заявилъ, что у него въ монастырѣ есть монахи, не по одному разу бывавшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе, предпріимчивые, имѣющіе связи и знакомства съ монахами раскольничьихъ монастырей въ Турціи, Молдавіи и Буковинѣ. На отправленіе сихъ паломниковъ нужны были деньги. Открыли подписку и въ самое короткое время собрали два миліона рублей ассигнаціями. Главными пожертвователями были Шелапутинъ, Ѳедоръ и Василій Рахмановы, Ѳедоръ Карташевъ, Иванъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Неокладной и Свѣшниковъ. Собранныя деньги положили на Рогожскомъ, а распорядителемъ ихъ сдѣлался извѣстной пройдоха Кочуевъ переѣхавшій на кладбище, гдѣ ему дали одинъ изъ двухъ домовъ конторщика Синицына. Рѣшено было привлечь и королёвское общество въ С.-Петербургѣ къ участію въ этомъ дѣлѣ и къ пожертвованіямъ. Въ Петербургъ для этой цѣли вызвался ѣхать фанатикъ Ѳедоръ Рахмановъ.

III.

ЗОЛОТОЙ МѢШОКЪ РАХМАНОВЫХЪ.

По возвращеніи Ѳедора Рахманова съ Кочуевымъ изъ С.-Петербурга произведенъ былъ сборъ денегъ на покупку бѣглой іерархіи... Главными участниками были: Антипъ Шелапутинъ, толстосумы Ѳедоръ и Василій Рахмановы, Ѳедоръ Карташевъ, Иванъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Неокладный, Свѣшниковъ и другіе. Сборъ производился по подпискѣ на листѣ, на

которомъ каждый означалъ свое имя и количество жертвуемыхъ денегъ; частные же сборы производились по книжкамъ, съ которыми посылались довѣренныя лица. Скоро Аѳоній Кузьминъ снова былъ отправленъ рогожцами въ Петербургъ, для склоненія богатыхъ петербургскихъ раскольниковъ къ покупкѣ бѣглой іерархіи. Аѳоній останавливался у извѣстнаго петербургскаго богача Громова, въ Каретной части. При этомъ с.-петербургскіе раскольники: богачи Громовы, Дрябины, Фалины, Зиновьевскіе, купчихи Громовы и Скрябина ввѣрили Кочуеву пожертвованные ими капиталы на ихъ жалкую затѣю... Значительный общественный и семейный капиталъ находился у Ѳедора Рахманова. Понятно, что и всѣ дѣла были сосредоточены около золотаго мѣшка семейства Ѳедора Рахманова. Рахмановъ по малограмотности и крайней ограниченности ума, не могъ вести переписки, ни давать какихъ либо совѣтовъ, во всемъ этомъ помогалъ ему усердный почитатель его Аѳонъ Кочуевъ. Къ Ѳедору же Рахманову обыкновенно обращались желающіе перейти изъ православія въ расколъ, вслѣдствіе чего и дѣлались имъ распоряженія о совершеніи пустосвятскаго обряда переправленія. Главными лицами, къ которымъ также обращались съ просьбами о переправленіи были: Востряковъ, Филипченковъ, Самойловъ, Ходяковъ, Царскій, Окороковъ, Щекинъ, Боковъ, Бѣловъ, Мотылевъ, Миловъ, Брусникинъ, Гагаринъ, Карташевъ, Ѳоминъ, Ѳедоръ и Василій Рахмановы, Соколовъ, Шалапутинъ, Воробьевъ, Досужевъ, Родіоновъ, Марковъ, а также и петербургскіе купцы Громовы... Особенное участіе по совращенію въ расколъ принимали инокини: Александра, Маргарита, Пулхерія, Елизавета и Деворра.

IV.

НЕУДАВШІЕСЯ ЗАМЫСЛЫ РАСКОЛЬНИКОВЪ РАХМАНОВЫХЪ.

Причины, почему московскіе пустосвяты Рахмановы старались добыть за рубежемъ самозваннаго митрополита, были тѣсно связаны съ ихъ личнымъ интересомъ, а именно: они расчитывали имѣть бѣглаго

епископа изъ своей семьи и предназначили для сего Дмитрія Андреева Рахманова, въ иночествѣ Діонисія.—Съ этимъ намѣреніемъ они отправили инока Діонисія въ юго-западныя губерніи, чтобы доставить ему въ бѣлой Криницѣ санъ бѣглаго епископа, для чего онъ и проживалъ въ Куренскомъ, или Уренскомъ скитѣ, выжидая удобнаго случая, чтобы пробраться въ бѣлую Криницу, для осуществленія желанія своихъ родственниковъ.—Съ 1847 года, Діонисій, или Дмитрій Рахмановъ, кандидатъ въ лже-епископы, жилъ большею частію въ Москвѣ, въ особыхъ секретныхъ помѣщеніяхъ своихъ братьевъ Рахмановыхъ, и говорятъ, что объ этомъ знала московская полиція... Изъ Москвы Діонисій, между прочимъ, отлучался въ разныя губерніи Россіи и на Керженецъ и, вѣроятно, привозилъ сюда для сохраненія принадлежности будущаго своего бѣглаго архіерейскаго служенія, что подтвердилось при обыскѣ, произведенномъ въ Керженецкомъ скитѣ; въ іюлѣ 1848 года были найдены, между прочимъ, архіерейскіе рипиды посеребренныя, съ вызолоченными херувимами, совершенно новыя.—Діонисій Рахмановъ готовился къ поѣздкѣ за продажной хиротоніей.—Пустосвяты Рахмановы уже написали просьбу о выдачѣ заграничнаго паспорта почетному гражданину и московскому 1-й гильдіи купцу Дмитрію Андрееву Рахманову, т. е. Діонисію.—Вдругъ мелочное обстоятельство, случившееся за 500 вер. отъ Москвы, разрушило замыслы Рахмановыхъ.

У Керженскаго монаха Тарасія, перешедшаго впослѣдствіи въ единовѣріе, украли пудъ меду. — Семеновскій исправникъ, дѣлая обыскъ у подозрѣваемаго крестьянина Арефья Иванова, превысилъ свою власть.—Ивановъ, жалуясь губернатору, объявилъ, что въ Керженскомъ скитѣ производятся разныя безпорядки. При обыскѣ скита, найдены разныя запрещенныя вещи и писанный рукою Діонисія *подложный Высочайшій указъ*, за подписаніемъ будто бы Государя Императора, о свободѣ раскольническаго богослуженія всѣхъ толковъ и сектъ.—Началось слѣдствіе; стали требовать рѣшившагося на мошенничество Діонисія, который по этому случаю не только не могъ получить заграничнаго паспорта, но долженъ былъ уѣхать изъ Москвы въ Рыбинскъ отъ поисковъ полиціи. — Когда слѣдователь, узнавъ о его мѣстопребываніи, снялъ чрезъ Рыбинскую полицію съ него допросъ и затѣмъ потребовалъ его въ Нижегородскую губер-

нію для очныхъ ставокъ, то кандидатъ въ лже-епископы скрылся, и проживалъ сначала въ Москвѣ, у своихъ братьевъ, затѣмъ скрывался въ Куренскомъ, или Уренскомъ скитѣ Херсонской или Подольской губеніи, около города Балты, и по слухамъ, впослѣдствіи, перебрался будто бы за-границу.—Діонисій, коему грозила ссылка въ Сибирь за подлогъ, такимъ образомъ не могъ получить продажнаго омофора!—

V.

ОВѢДНЯ БѢГЛЫХЪ АРХІЕРЕЕВЪ ВЪ МОСКВѢ.

Когда толстосумы Рахмановы оборвались въ своихъ замыслахъ, то чтобы не потерять всего, они поторопились посылкою по крайней мѣрѣ кого либо *изъ своихъ* въ Бѣлую-Криницу для полученія продажной хиротиніи. — Выборъ палъ на крестьянина Калужской губерніи, впослѣдствіи мѣщанина Московской губерніи, Стефана Трифонова Жирова, который содержалъ въ Москвѣ постоялый дворъ, Рогожской части, въ Бороньемъ переулкѣ, и потомъ былъ дьячкомъ при какомъ-то бѣгломъ попѣ, по имени Иванѣ. — Стефанъ Трифоновъ былъ женатъ и жена его жила до 1860 г. у него взрослая дочь дѣвица, и четыре брата, которые проживали въ Москвѣ.—Въ 1849 году 4 января, мужикъ Стефанъ Трифоновъ получилъ въ Бѣлой-Криницѣ продажную хиротонію и имя бѣглаго епископа Софронія, указавъ дорожку въ Бѣлую-Криницу и всѣмъ смѣлымъ авантюристамъ, которые получали самозванно епископскую митру съ омофоромъ... Скоро нѣкто Досужевъ первый устроилъ самозванное архіерейское служеніе обѣдни на Рогожскомъ кладбищѣ, въ холерной палатѣ. Обѣдня эта совершалась въ 1860 году 19 іюня, въ присутствіи богачей Рахмановыхъ, Досужева, пѣвчаго Рогожскаго кладбища Ивана Васильева Калинкина, жены конторщика Корнеева, Василія Борисова, и другихъ раскольниковъ.

Василій Рахмановъ, отлучаясь изъ Москвы, разъѣзжалъ по сосѣднимъ къ столицѣ раскольничьимъ селеніямъ и раздавалъ деньги

своимъ единомысленникамъ. Для этихъ разъѣздовъ или, вѣрнѣе сказать, *для пропаганды*, Василій Рахмановъ, служа въ московскомъ коммерческомъ банкѣ, испросилъ себѣ отпускъ въ С.-Петербургъ и разныя губерніи. — Такова дѣятельность московскихъ богачей Рахмановыхъ съ компаніею по покупкѣ австрійской бѣглой іерархіи, отъ которой означеннымъ коноводамъ въ Москвѣ живется и доселѣ тепло, и за которую народъ въ количествѣ не одной тысячи головъ высиживалъ не мало лѣтъ въ душныхъ россійскихъ острогахъ, замаливая грѣхи московскихъ толстосумовъ!... Всѣ строгія мѣры покойнаго Императора Николая Павловича, глубоко огорченнаго темною и подпольною дѣятельностію невѣждъ московскихъ, *падали всею тяжестію на голову лишь бѣднаго слѣпаго народа русскаго!* Такъ-то у насъ въ Россіи всегда бываетъ...

VI.

НАТѢШИЛИСЬ.

Натѣшивши свое самолюбіе, пустосвяты Ѳедоръ и Алексѣй Андреевы Рахмановы умерли наконецъ, въ 1854 году, а третій братъ ихъ Василій Рахмановъ, долго еще не переставалъ поддерживать Буковинскую лже-іерархію. Сей послѣдній числился почетнымъ гражданиномъ, состоялъ на службѣ по выбору московскаго купеческаго общества — директоромъ (?) московской конторы государственнаго коммерческаго банка, на четырехлѣтіе съ 1843 года; выбранъ былъ вновь на слѣдующее четырехлѣтіе съ 1853 года, — По избранію купеческаго же общества, служилъ онъ въ разныхъ комитетахъ для изысканія способовъ къ торговой промышленности и состоялъ 12 лѣтъ, также по избранію общества, повѣреннымъ для обсужденія общественныхъ дѣлъ (?) и имѣлъ золотую медаль съ надписью: „за усердную службу“, для ношенія на шеѣ, на анненской лѣнтѣ... И такъ, за что темный, безграмотный, бѣдный, заброшенный, невѣжественный народъ сажали въ остроги, за то коноводовъ московскихъ награждали медалями съ надписью „за усердную службу“...

VII.

КАКЪ КУЗЬМА ТЕРЕНТЬЕВЪ СОЛДАТЕНКОВЪ СДѢЛАЛСЯ РАСПОРЯДИТЕЛЕМЪ ЧУЖИХЪ МИЛЛІОНОВЪ.

Ѳедоръ Рахмановъ, умирая, оставилъ, какъ видно изъ его завѣщанія, хранящагося въ копіи въ арх. Мин. Вн. Дѣлъ, милліонъ рублей серебромъ, для раздачи бѣднымъ... Умершій Ѳедоръ Рахмановъ назначилъ своими душеприкащиками Василія Рахманова, Алексѣя Алексѣева Рахманова, Семена Иванова Рахманова и Кузьму Терентьева Солдатенкова.—Случись же такъ, что Алексѣй и Семенъ Рахмановы вскорѣ же умерли; затѣмъ вскорѣ послѣ нихъ умеръ и Василій—мужъ знаменитой нынѣ въ расколѣ Агаѳьи Филипповой Рахмановой; капиталъ, по завѣщанію, перешелъ къ послѣднему душеприкащику Кузьмѣ Терентьеву Солдатенкову, съ употребленіемъ его на богоугодныя дѣла *безотчетно*. Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ—двоюродный племянникъ Ѳедора и Терентія Рахмановыхъ, которыхъ было трое. Духовное завѣщаніе Ѳедора Рахманова составлено 11 іюня 1854 г., записано въ книгу Московской Палаты Гражданскаго Суда 2-го департамента 11 августа 1854 г. и явлено въ Московскомъ Магистратѣ 16 августа 1854 года. Оно содержитъ въ себѣ слѣдующія главныя статьи: 1) исполнителями назначены во всемъ безъотчетно вскорѣ умершіе Василій Григорьевъ, Алексѣй Алексѣевъ Семенъ Ивановъ Рахмановы и оставшійся лишь единственнымъ душеприкащикомъ Козьма Терентьевъ Солдатенковъ. 1) Изъ оставшагося капитала на поминовеніе души, на раздачу неимущимъ и бѣднымъ людямъ, нищей братіи, на искупленіе должниковъ содержащихся подъ стражей — употреблять такую сумму, какую душеприкащикамъ *заблагоразсудится*, съ общаго всѣхъ согласія, по ихъ благоусмотрѣнію. 3) Домъ и вся въ немъ движимость оставлена племяннику Алексѣю Рахманову. 4) Изъ общаго, съ умершимъ братомъ Алексѣемъ, благопріобрѣтеннаго капитала по торговлѣ Ѳедора и Алексѣя, по приведеніи въ извѣстность, изъ половинной

части принадлежащаго ему, Ѳедору, капитала, въ наличныхъ деньгахъ, билетахъ, долгахъ имъ, въ хлѣбномъ и прочемъ товарѣ,— изъ всего этого капитала, когда оный будетъ находиться въ наличности, получить: племяннику Алексѣю Алексѣеву Рахманову четвертую часть, четыремъ сестрамъ его, Алексѣя, по двадцатой части и по одной иконѣ въ ризахъ серебряныхъ вызолоченныхъ, а также выдать родной племянницѣ Ѳедора Рахманова, мѣщанкѣ Еленѣ Леонтьевнѣ Хромовой, 30 тысячъ рублей.—При записке во 2-мъ департаментѣ палаты гражданскаго суда, сдѣлана наслѣдникомъ Алексѣемъ Рахмановымъ и принята слѣдующаго рода оцѣнка по совѣсти: домъ въ 20 тысячъ рублей, принадлежащая Ѳедору Рахманову часть наличнаго капитала 689,100 руб., хлѣбные и прочіе товары въ 250,000 руб., движимое имущество въ 4000 руб., долги по векселямъ и другимъ документамъ 25,221 руб. 25 к., по билетатъ кредитныхъ мѣстъ 45,078 руб. 55 к., и акцій на 1250 руб.—всего 1,061,649 руб. 80 коп. Сумма, какъ видитъ читатель, немалая!

VIII.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО РАХМАНОВСКОМУ ЗАВѢЩАНІЮ.

Изъ духовнаго завѣщанія толстосума Ѳедора Рахманова видна сумма денегъ, „благопріобрѣтенныхъ ихъ торговымъ домомъ“, куда же дѣвалась подписная сумма денегъ, жертвованная со всей Россіи отъ бѣглопоповцевъ на покупку и устройство заграничной бѣглой раскольничьей митрополіи,—это неизвѣстно... Приведемъ самые расходы душеприкащиковъ Ѳедора Рахманова, сдѣланные согласно его завѣщанію. Какъ извѣстно, послѣднимъ душеприкащикомъ, за смертію Семена, Алексѣя и Василія Рахмановыхъ, былъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ; принялъ же онъ обязанность душеприкащика потому, что по общему согласію наслѣдниковъ Рахманова, былъ уполномоченъ распоряжаться безотчетно, съ правомъ не давать никакого отчета никому изъ душеприкащиковъ, равно и они

не имѣли этой обязанности. Вотъ эти расходы. Наслѣдственный раздѣлъ по духовному завѣщанію Ѳедора Рахманова былъ оконченъ въ слѣдующихъ выдачахъ: племянницѣ (Рахманова) Еленѣ Леонтьевой 30 т. руб., племяннику Евдокиму и Андрею 20 т. руб., племянницѣ Баталиной 8 т. руб., внуку Дубровину на расходы похоронъ и поминокъ до 20 т. руб., дому градскаго общества 50 т. руб., въ измайловскую богадѣльню и пересылочный замокъ для передѣлки казармы 50 т. руб., въ артельную сумму ратниковъ 9 т. руб., прощено долговъ до 16 т. руб., арестантамъ въ этапъ 4 т. руб., домашнимъ 4 т. руб. Первыя 4 суммы выданы Алексѣемъ Рахмановымъ съ общаго вѣдома душеприкащиковъ, 6, 7 и 8 частію всѣми душеприкащиками, а частію нѣкоторыми. Прочее израсходовано Кузьмою Солдатенковымъ. Послѣ смерти Ѳедора Рахманова, капиталъ назначенный имъ на благотвореніе, по словамъ Солдатенкова, приблизительно былъ въ шесть сотъ тысячъ руб. сер., и какъ всѣ четверо душеприкащиковъ были тогда въ живыхъ, то благотворительный капиталъ распредѣлили на четыре части, т. е. каждый душеприкащикъ могъ приблизительно располагать суммою до ста пятидесяти тысячъ руб. серебромъ. Изъ числа шестисотъ тысячъ, дѣлали они, до выдѣла наслѣдникамъ частей, нѣкоторыя пожертвованія вмѣстѣ, другія же отдѣльно. Во время упомянутаго раздѣла, каждый душеприкащикъ часть приходившуюся ему для раздачи взялъ къ себѣ, а Солдатенковъ принялъ этихъ частей двѣ, за себя и за дядю Василія, по довѣренности, которую онъ далъ при отъѣздѣ въ С.-Петербургъ. Въ послѣдствіи, по смерти Семена и Алексѣя Рахмановыхъ, и ихъ части поступили тоже къ нему; суммы эти находятся въ его распоряженіи безъ всякихъ опредѣленій на бумагѣ, какъ было положено въ духовномъ завѣщаніи, по взаимному довѣрію.

Говоря о духовномъ завѣщаніи пустосвята Ѳедора Рахманова, замѣтимъ здѣсь осторожность родственниковъ умершаго. Со смертію Ѳедора, душеприкащикомъ его Кузьмою Солдатенковымъ и Николаемъ Рахмановымъ были приняты слишкомъ поспѣшныя мѣры. Они, какъ гласятъ намъ секретныя правительственныя свѣденія Мин. Вн. Дѣлъ, тотчасъ же вскрыли сундуки, забрали всѣ находившіяся въ нихъ бумаги и письма, которыя по распечатаніи тутъ же были тщательно уничто-

жены; все это дѣлалось ими до прихода полиціи, и концы всѣхъ дѣлъ и желаній Ѳедора Рахманова были скрыты. Безъ сомнѣнія, какъ записки, такъ и письма могли быть *драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи* Бѣлой Криницы и опредѣлили бы весь собранный по подпискѣ капиталъ на упроченіе бѣглой зарубежской митрополіи, и мало ли что могли онѣ разъяснить, для будущаго историка раскола!.. Но мы уже должны радоваться и тому, что правительство, разслѣдывая дѣло Кочуева, успѣло собрать и тѣ факты, которые мы разсказали въ нашемъ очеркѣ, иначе всѣ мы, а съ нами и русская исторія, бродили бы и доселѣ въ потемкахъ относительно опредѣленія того, что за люди московскіе богачи Рахмановы и К. Т. Солдатенковъ, и *какое имъ мѣсто* должна отвести на страницахъ своихъ правдивая исторія русскаго раскола?.. Въ минист. внутрен. дѣлъ предполагалась, въ бытность мою въ оном на службѣ по занятію расколомъ, составить очерки всѣхъ коноводовъ раскола въ Россіи, для всеобщаго, въ видахъ ослабленія ихъ значенія среди слѣпой массы раскольничей, опубликованія. Но, къ сожалѣнію, доселѣ не всѣ еще матеріалы для этого приведены въ порядокъ.

IX.

РАСКОЛЬНИЦА АГАѲЬЯ ФИЛИППОВА РАХМАНОВА.

Мы сказали уже, что по смерти Василія Рахманова злаго раскольника, причинившаго столько огорченій царствующему дому нашему и столько безпокойства правительству русскому, осталась вдовою Агаѳья Рахманова. Она и до селѣ здравствуетъ въ Москвѣ, имѣетъ въ домѣ своемъ у Ильи пророка на земляномъ валу, богатую моленную, гдѣ постоянно отправляетъ богослуженіе самозванный іерархъ Антоній, Гучковскій дворникъ и гдѣ, купно съ Иваномъ Петровымъ Бутиковымъ, Ѳедоромъ Яковлевымъ Свѣшниковымъ, Винокуровымъ, Морозовыми и друг. столпами раскольничьими, распѣваютъ каноны и члены земскихъ управъ... Слѣпая толпа благоговѣйно внемлетъ бѣглымъ попамъ изъ солдатъ, прасоловъ, лоцмановъ и дворниковъ,

увѣренная, что благодать священства *только и почіетъ на выстриженныхъ маковкахъ* самыхъ загорныхъ бродягъ, а все прочее, т. е. всѣ мы, обречены погибели въ геенѣ огненной, ибо всѣ мы, о ужасъ! безблагодатные... Но кто повѣритъ тому, чтобы К. Т. Солдатенковъ вѣровалъ этому безсмысленному вздору? Не духовное ли завѣщаніе Ѳедора Рахманова и безотчетное душеприкащество привязываетъ этого владѣтельнаго обладателя знаменитаго села Кунцова, къ необразованной, невѣжественной, слѣпой толпѣ?... А между тѣмъ Солдатенкову стоитъ сказать одно слово: „довольно! — и я оставляю, по примѣру честныхъ людей, В. А. Сапелкина, Н. М. Аласина, Гучковыхъ и проч. раскольническое дурачество!“ —и сотни тысячъ слѣпыхъ раскольниковъ въ Россіи тотчасъ же послѣдуютъ его примѣру!... Ужели никогда непридетъ это время для московскаго раскольника, Кузьмы Терентьева Солдатенкова?...

XVII.

МОЛОКАНСКІЙ ПОПЪ.

I.

БОГДАНЪ ИВАНОВЪ.

Солнце стояло еще высоко на горизонтѣ, когда *я*, путешествуя для знакомства съ русскими сектами, выбрался въ іюнѣ 1865 года изъ безконечныхъ степей и увидѣлъ предъ собою большое молоканское село О. Г. Астраханской губерніи. Ямщикъ поѣхалъ по селу шагомъ. По улицѣ попадались мужики богато, по сельски одѣтые. Село видимо казалось полною чашею изобилія: на гумнахъ стояло по 30 копенъ хлѣба; скота глазъ не окинетъ, дома дорогой цѣлы и все тесовые; предъ домами прекрасные колодцы съ водокачальными колесами; кабака ни одного, церкви тоже.

Чрезъ полчаса послѣ пріѣзда въ эту богатую русскую степную колонію, я сидѣлъ уже въ просторной избѣ молоканскаго попа Богдана Иванова. Лавки высокой, съ чистыми стѣнами, избы, устлались бѣлыми кошмами, столъ накрылся бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью и украсился огромною паралельною библіею временъ русскаго библейскаго общества, особливо цѣнимою молоканами... Такая обстановка всегда употребляется молоканами, когда они ведутъ бесѣду о предметахъ вѣры; для меня исключенія сдѣлано не было. Сѣдые, какъ лунь, старики усѣлись по лавкамъ на бѣлыхъ кошмахъ вокругъ стола и внимательно слѣдили за нашимъ разговоромъ.

— Такъ ты, Богданъ Ивановичъ, говоришь, сказалъ я, что вы, молоканы понимаете, Бога лучше насъ?

— Я не сказалъ, отвѣтилъ молоканскій богословъ, что мы его лучше васъ понимаемъ, но подтверждаю, что мы понимаемъ его хорошо...

Богъ открывается намъ во всемъ внѣ насъ и внутри насъ сущемъ, какъ причина и цѣль всего; горе невидящимъ свѣта! Мы во всемъ видимъ присутствіе Его, и вся красота, лѣпота и сіяніе міра есть только отблескъ Его, единаго, красиваго, лѣпотнаго и сіяющаго во славѣ Своей.

Но во всей полнотѣ истины своей Богъ открывается намъ въ нашемъ духѣ, ибо мы созданы по образу и по подобію Божіему, который, по словамъ апостола, состоитъ въ „правдѣ и святости истины“, и въ духѣ нашемъ Богъ открывается намъ, какъ наша сущность, начало, причина, свобода, истина и цѣль; Онъ всецѣло въ насъ пребываетъ и присущъ намъ, ибо мы „храмъ Бога живаго“, и Богъ въ насъ обитаетъ и мы въ Немъ.

Кромѣ этихъ двухъ откровеній, изъ которыхъ всякій, разумомъ обладающій, можетъ познать Бога, мы познаемъ Его еще изъ книги называемой Библіей, ибо въ ней видимъ всю глубину божественной премудрости, и принимаемъ ее какъ непреложное руководство къ богопознанію. Библія разсказываетъ намъ судьбы народа еврейскаго, но мы кромѣ того видимъ въ ней боговдохновенный разсказъ о постепенномъ возрастаніи человѣческаго духа въ богопознаніи, и потому, хотя эта книга и давно написана, мы считаемъ ее вѣчно

юною и неисчерпаемою. Послѣднею же священною книгою считаемъ Апокалипсисъ, или откровеніе святаго Іоанна Богослова.

Вотъ наши единственные источники въ богопознаніи; въ нихъ Самъ Богъ открылъ Себя намъ, они Его истинное откровеніе.

Кромѣ поименованныхъ источниковъ для богопознанія, никакихъ другихъ не принимаемъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: „хотя бы мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема“, потому и мы не придаемъ божественнаго значенія преданіямъ и твореніямъ отцовъ греко-россійской церкви и не почитаемъ истиннымъ ученія ихъ, „запрещающаго вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ“.

Богданъ Ивановъ былъ весьма ученый наставникъ молоканскій и, видимо, обладалъ теологіей..... Огромная библія въ его рукахъ перелистывалась какъ азбука; такъ знакомъ былъ ему каждый листъ священной книги!

II.

БРАТСТВО.

— Вы, вотъ, свое общество называете „братствомъ“, возразилъ я Богдану Иванову; скажите на милость: какъ же велика у васъ братская любовь къ ближнимъ, и какъ вы понимаете христіанскія обязанности?

— Извольте! Охотно отвѣтилъ молоканскій теологъ. Чтобы сдѣлаться хорошими людьми, а не пьяницами, безпутниками и скотоподобными существами, мы должны быть „совершенны, какъ и отецъ нашъ небесный.“ Божественный учитель показалъ намъ своею жизнію, какъ намъ достигнуть этого совершенства; и вся жизнь Его есть только раскрытіе Его божественнаго духа, и была одною любовію къ Богу и къ ближнему. Онъ сказалъ намъ, въ чемъ состоитъ весь истинный законъ божескій и человѣческій? На вопросъ, какая есть большая заповѣдь, Онъ отвѣчалъ: возлюби Господа Бога

твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостіею твоею, — вотъ первая заповѣдь; вторая подобная заповѣдь есть сія: возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя, въ этомъ весь законъ и пророки; и заповѣди эти не тяжки: Богъ самъ, первый полюбилъ насъ и вселился въ насъ. Онъ есть наша сущность. Онъ то, что въ насъ самаго истиннаго и разумнаго. И потому намъ легко и естественно любить его, потому что только въ любви къ Нему познаемъ себя, и дѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы по природѣ своей должны быть, т. е. образомъ и подобіемъ Божіимъ: Любовь отъ Бога, и всякій кто любитъ рожденъ отъ Бога потому что Богъ есть любовь „и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ“.

Но съ заповѣдью о любви къ Богу, связана заповѣдь о любви къ ближнему, ибо „что мы любимъ дѣтей Божіихъ, сіе узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога“, кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо нелюбящій брата своего котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? И заповѣдь мы имѣемъ отъ Него (Христа) таковую, чтобы всякій любящій Бога, любилъ и брата своего“, кто не любитъ ближняго своего тотъ есть врагъ Божій, понеже Богъ есть человѣколюбецъ; „всякій ненавидящій брата своего, есть человѣко-убійца, а никакой человѣко-убійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей.»

И любить мы должны не только дѣлающихъ намъ добро, но всякаго человѣка; и любить мы его должны не за какую либо пріязнь его къ намъ, но безъ разбора, какъ брата о Христѣ, какъ образъ и подобіе Божіе, и не ради собственной пользы или наслажденія, но единственно ради любви Божіей, ибо Богъ возлюбилъ насъ за ничто, и безъ всякой корысти, и потому, кто любитъ ближняго своего для своей корысти, тотъ не имѣетъ любви чистой, любви божественной. Самъ Христосъ Спаситель нашъ научилъ насъ: „любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ: да будете сынами Отца вашего небеснаго; потому что Онъ велитъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. И если любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники

любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ которые вамъ добро дѣлаютъ—какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники тоже дѣлаютъ. И если взаймы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники даютъ взаймы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столькоже. Но вы любите враговъ вашихъ, и благотворите и взаймы давайте, ничего не ожидая; и будетъ вамъ награда великая, и вы будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ...“

Но любовь наша къ ближнему должна выразиться въ дѣлахъ „любовь познали мы въ томъ, что Онъ (Христосъ) душу Свою положилъ за насъ: посему и мы должны полагать души за братьевъ. А кто имѣетъ богатство міра сего, но видя брата своего имѣющаго нужду, затворяетъ отъ него сердце свое, въ томъ гдѣ любовь Божія? Ибо чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи“, „Не словомъ или языкомъ“ должны мы любить ближняго, но дѣломъ и истиною“; ибо если напримѣръ, братъ и сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто нибудь скажетъ имъ: подите съ міромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы?

— Что же вы сдѣлали и дѣлаете для ближнихъ? Спросилъ я.

— У насъ нѣтъ нищихъ, отвѣтили сидѣвшіе вокругъ стола,— нѣтъ сиротъ непризрѣнныхъ обществомъ. Мы сѣемъ особыя десятины для ближнихъ и неимущихъ и убираемъ ихъ общимъ трудомъ...

— Кто слушаетъ слово Божіе, заключилъ бесѣду о братствѣ Богданъ Ивановъ,—и не исполняетъ его, тотъ подобенъ человѣку видящему собственное лице свое въ зеркалѣ, который посмотрѣлъ себя, отошелъ; и тотчасъ забылъ, каковъ онъ... Но кто вникаетъ въ законъ совершенный и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, а исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи!...

III.

ЗА ЧАЕМЪ.

У молоканъ нѣтъ другаго угощенія, кромѣ чая и меду. Вина же они не знаютъ; не знаютъ даже и названій винъ. Понятно, что

десять, или пятнадцать тысячъ, которыя прошиваетъ въ одинъ годъ каждое православное село, оставаясь у нихъ въ карманѣ, возвышаютъ неимовѣрно ихъ общественное благосостояніе. Но 10 тысячъ въ годъ сохранить въ селѣ не пропитыми, значитъ въ 10 лѣтъ оставить въ карманѣ 100 тысячъ рублей. А это сумма, на которую высоко можно поднять благосостояніе народное!

Смеркалось. Намъ молоканки подали чаю. Всѣ принялись за чайныя чашки и въ разговорѣ о томъ о семъ зашла рѣчь о монашествѣ, котораго молокане не имѣютъ.

— Когда, заговорилъ на эту тему Богданъ Ивановъ,—Іисусъ Христосъ говорилъ фарисеямъ о святости и ненарушимости брака, „ученики Его сказали Ему: „Если такова обязанность мужа къ женѣ, то лучше и не жениться". Онъ же сказалъ имъ: „Не всѣ могутъ снести сіе, но тѣ, коимъ дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ, и есть скопцы, которые сдѣлались скопцами отъ человѣковъ, и есть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами, ради царствія небеснаго. Кто можетъ снести, тотъ неси."

Спаситель говоритъ тутъ о трехъ различныхъ родахъ скопцовъ, во первыхъ о тѣхъ, которые родились скопцами: это уроды, обиженые природой, которые отъ рожденія имѣютъ половые уды поврежденными и негодными къ брачному сожительству; во вторыхъ о тѣхъ, которые оскоплены людьми: ибо въ древности, и въ особенности во времена земной жизни Спасителя, между богатыми язычниками былъ обычай имѣть у себя въ услуженіи оскопленныхъ рабовъ. Такимъ людямъ давали большія деньги, и потому находилось много охотниковъ подвергать себя оскопленію. Оба эти разряда скопцовъ не преступаютъ седьмой заповѣди; но можетъ ли имъ это быть поставлено въ заслугу? Разумѣется нѣтъ, ибо что за добродѣтель не грѣшить, когда нѣтъ и возможности грѣшить? Само же добровольное членовредительство —есть грѣхъ, ибо въ священномъ писаніи сказано: „Не войдетъ въ общество Господа Бога имѣющій выдавленныя ядра, или отрѣзанный стволъ..." И есть скопцы, говоритъ Христосъ, — которые сами сдѣлались скопцами ради царствія небеснаго. О какомъ оскопленіи говоритъ тутъ Спаситель? Мы разумѣемъ, что о духовномъ, ибо ежели бы Онъ хвалилъ тѣ-

лесное скопчество, членовредительство, то Самъ бы первый показалъ на себѣ примѣръ, ибо Божественный нашъ учитель училъ не только словомъ, но и дѣломъ. Ежели бы Спаситель хвалилъ членовредительство, то неужели не нашелъ бы послѣдователей этому ученію между своими Апостолами и учениками? Между тѣмъ изъ священнаго писанія не видно, чтобы Христосъ или кто либо изъ святыхъ Апостоловъ Его былъ тѣлеснымъ образомъ оскопленъ. Изъ святыхъ Апостоловъ нѣкоторые были даже женаты: напримѣръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Христовыхъ, святой Апостолъ Петръ. Къ тому же Христосъ прибавляетъ: „Кто можетъ снести, тотъ неси“. Слѣдовательно Онъ считалъ, что не легко нести это; а какая же трудность, скажемъ для примѣра, не ходить, когда ногъ нѣту; гораздо труднѣе было бы ходить! Примѣръ того, до чего можетъ довести неразумное плотское пониманіе словъ Спасителя, представляетъ секта нашихъ скопцовъ. Эти люди считаютъ, что для достиженія блаженства необходимо умерщвленіе половыхъ удовъ, которые они называютъ грѣхомъ. Они не хотятъ понять, что наши половые члены созданы Господомъ Богомъ точно также, какъ и всѣ прочіе члены тѣла, и что безумно называть грѣхомъ то, что создано Самимъ Богомъ... Скопческая секта есть извращеніе человѣческой природы, униженіе образа и подобія Божьяго, и потому она грѣхъ противъ Господа Бога, сотворившаго все во всѣхъ.

Явное дѣло, что Христосъ вездѣ говоритъ о духовномъ скопчествѣ, о воздержаніи не только отъ прелюбодѣянія, но и отъ брачнаго сожительства, Онъ хвалитъ такое воздержаніе, но не говоритъ о необходимости его для всѣхъ. Онъ даже говоритъ о немъ какъ бы въ опроверженіе словъ учениковъ: „лучше не жениться“. Самъ Онъ пребывалъ безбраченъ, но врядъ ли считалъ Онъ многихъ способными къ этому подвигу, — а потому даже и не совѣтуетъ своимъ ученикамъ безбрачія. Онъ сказалъ только: „Кто можетъ снести, тотъ неси“, и слѣдовательно, кто не можетъ, тотъ и не берись, и не обѣщайся

Согласно этому учитъ и апостолъ Павелъ: „хорошо человѣку не касаться женщины, но во избѣжаніе блудодѣянія каждый пусть имѣетъ свою жену, и каждая жена пусть имѣетъ своего мужа“.

IV.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО.

Зная, что молокане не принимаютъ присяги и само правительство наше, даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ уголовныхъ, довольствуется тѣмъ, что беретъ отъ нихъ „честное слово“, я, послѣ этого завелъ рѣчь съ молоканами объ этомъ „честномъ словѣ“. Богданъ Ивановъ, перелистывая библію, заговорилъ на эту тему такъ:

— Въ Откровеніи говорится: „Напиши всѣмъ лжецамъ часть въ озерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою“.

Говорящій неправду, лжецъ, позоритъ святое имя Божіе и помрачаетъ въ себѣ Его образъ и подобіе, ибо этотъ образъ и подобіе состоитъ „въ правдѣ исвятости истины“; а кто измѣняетъ правдѣ, кто не имѣетъ въ себѣ истины, въ томъ гдѣ образъ Божій? И пребывающій во лжи— недостойный поклонникъ Бога. „Богу должно поклаяться въ истинѣ, ибо такихъ Отецъ ищетъ себѣ поклонниковъ“, а посему говоритъ святый апостолъ, отвергнувъ ложь, не лгите другъ на друга, но всѣ говорите истину предъ ближнимъ своимъ“.

Языкъ, говорящій неправду—„неукротимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда“.

„Проклятъ наушникъ и двоязычный, ибо онъ растроилъ многихъ живщихъ въ мірѣ. Треязычныя уста многихъ потрясли и изгнали отъ народа въ народъ, разрушали твердые грады и ниспровергали домы князей. Треязычныя уста изгнали мужественныхъ женъ, и лишили ихъ своихъ стяжаній. Кто преклоняетъ къ нимъ слухъ, тотъ не найдетъ покоя, и не будетъ жить въ мірѣ. Ударъ бича дѣлаетъ рубцы; но ударъ языка сокрушаетъ кости. Многіе пали отъ остія меча; но еще болѣе пало отъ языка. Блаженъ кто сохраняется отъ него, кто не подвергается ярости его, кто не носитъ ярма его и не сковавъ узами его! Ибо ярмо его — ярмо желѣзное, узы его — узы мѣдныя. Ужасна смерть — смерть его, и сноснѣе адъ, нежели языкъ. Надъ благочестивыми онъ не господ-

ствуетъ и они не горятъ въ его пламени. Оставляющіе Господа впадаютъ въ его власть; въ нихъ горитъ онъ и не погасаетъ. Онъ нападаетъ на нихъ, какъ левъ, и какъ барсъ терзаетъ ихъ. Смотри, огради свое владѣніе шиповникомъ, сребро свое и злато завяжи вмѣстѣ; но и для словъ своихъ сдѣлай дверь и запоръ".

„Сказываю вамъ", говоритъ Спаситель, что за всякое праздное слово, какое скажутъ человѣки, отдадутъ отвѣтъ въ день судный. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься". Хуже же всего, когда мы говоримъ ложь, для того чтобы погубить человѣка; „Люби ближняго, какъ самаго себя", заповѣдалъ намъ Христосъ, исамъ Богъ чрезъ Моисея, „любовь же не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ", а потому лгущій, или свидѣтельствующій ложно на человѣка, не имѣетъ въ сердцѣ любви къ ближнему, и не есть исполнитель заповѣди Божіей, а напротивъ того, нарушитель ея, ибо радуется неправдѣ, а не истинѣ.

Точно также грѣхъ противъ Бога неправедный судъ. Вотъ какъ повелѣваетъ Господь чрезъ Моисея: „Не будете вы дѣлать неправды въ судѣ и не будете пристрастны къ особѣ убогаго, и не будете почитать великаго: справедливо ты долженъ судить товарищей твоихъ". Не совратишь ты суда, не обратишь ты вниманія на важность подсудимыхъ лицъ и не возьмешь взятки, ибо взятка ослѣпляетъ глаза мудрыхъ и извращаетъ слова справедливыхъ.

Неправедный судья долженъ помнить, что „какимъ судомъ судитъ, такимъ судимъ будетъ", и что „тѣмъ, которые упорствуютъ и не покоряются истинѣ, но предаются неправдѣ, Богъ воздастъ ярость и гнѣвъ".

Не лгать и клеветать должны мы на ближняго, и притѣснять его неправосудіемъ, а напротивъ, стараться о томъ, чтобы честь его была чиста отъ всякихъ нарѣканій и всякой клеветы „ибо доброе имя лучше, нежели большое богатство"! Посему мы считаемъ обязанностію каждаго не жалѣть трудовъ и времени, чтобъ свидѣтельствовать правду о ближнемъ, когда напримѣръ, ближній находится подъ судомъ. Въ особенности же это относится къ тому случаю, когда ближній нашъ, почему либо, не въ состояніи самъ заступиться за честь своего добраго имени. „Отверзи уста свои для нѣмаго и немощнаго", повелѣваетъ священное писаніе.

„Послушаніемъ истинѣ“, говоритъ святый апостолъ, чрезъ духа, очистивъ души ваша къ нелицемѣрному братолюбію, усердно любите другъ друга отъ чистаго сердца, какъ возрожденные... отъ слова Божія живаго и пребывающаго въ вѣкъ. Помня все это мы съ разборомъ призывали имя Божіе во свидѣтели. Не пріучай устъ, говоритъ священное писаніе къ клятвѣ, и не слишкомъ привыкай произносить имя Всевышняго: ибо какъ рабъ, котораго часто наказываютъ, не освободится отъ рубцевъ; такъ и тотъ, кто клянется именемъ Господнимъ, не будетъ чистъ отъ грѣха. Человѣкъ, клянущійся часто, умножаетъ беззаконія, и бичъ не отступитъ отъ его дома. Если онъ дѣлаетъ это по невѣденію, то навлекаетъ на себя грѣхъ; если же по неуваженію, то—грѣшникъ сугубо. Если онъ клянется напрасно, то не будетъ оправданъ, и домъ его испытаетъ посѣщеніе Божіе. Божественный Спаситель нашъ научилъ насъ вовсе не клясться. Вы слышали, сказалъ Онъ, что сказано древнимъ: „Ненарушай клятвы, но исполняй, въ чемъ клялся предъ Господомъ“. А я говорю вамъ: „Вовсе не клянись ни небомъ, потому что оно престолъ Божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ его, ни Іерусалимомъ, потому что онъ градъ великаго царя, ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ сего, то отъ лукаваго.“

— На основаніи этого, заключилъ Богданъ Ивановъ, мы считаемъ себя обязанными вовсе не клясться, оставаясь и безъ клятвы вѣрны данному слову, нарушить которое почли бы за грѣхъ.

V.

ВОРЫ.

Молокане, какъ и финляндцы, не имѣютъ понятій о запорахъ и замкахъ, и въ селахъ своихъ живутъ не зная воровства. По этому поводу я завелъ рѣчь съ собесѣдниками своими о воровствѣ.

— Ни воры, отвѣчалъ Богданъ Ивановъ, раскрывая библію, ни хищники, царствія Божія не наслѣдуютъ.

Вотъ, что мы читаемъ въ священномъ писаніи о воровствѣ: „Господь сказалъ Іисусу (Навину): встань; для чего ты палъ на лице твое? Израиль согрѣшилъ, и преступили они Завѣтъ мой, который я завѣщалъ имъ; и взяли изъ заклятаго, и украли и утаили, и положили между своими вещами. За то сыны Израилевы не могли устоять предъ врагами своими и обратили тылъ врагамъ своимъ, ибо они подпали заклятію; не буду болѣе съ вами, если не удалите отъ себя заклятаго. Встань освяти народъ, и скажи: освятитесь къ утру; ибо такъ говоритъ Іегова, Богъ израилевъ: заклятое среди тебя, Израиль: по сему ты можешь устоять предъ врагами своими, пока не отдалишь отъ себя заклятаго. Завтра подходите всѣ по колѣнамъ вашимъ; колѣно же которое укажетъ Господь, пусть подходитъ по семействамъ; семейство, которое укажетъ Господь, пусть подходитъ по одному человѣку. И обличеннаго въ похищеніи заклятаго пусть сожгутъ огнемъ, его и все, что у него, за то, что онъ преступилъ Завѣтъ Господень, и сдѣлалъ беззаконіе среди Израиля. Іисусъ рано встакъ по утру, велѣлъ подходить Израилю по колѣнамъ его; и указано колѣно Іудино. Потомъ велѣлъ подходить колѣну Іудину, и указано племя Зары; велѣлъ подходить племени Зарину по одному человѣку, и указано семейство Завдіево. Велѣлъ подходить семейству его по одному человѣку, и указанъ Ахань, сынъ Хартія, сынъ Завдія, сынъ Зары изъ колѣна Іудина. Тогда Іисусъ сказалъ Ахану: сынъ мой! воздай славу Іеговѣ, Богу Израилеву, и сдѣлай предъ нимъ исповѣданіе, и объяви мнѣ, что сдѣлалъ; не сокрой отъ меня. Въ отвѣтъ Іисусу, Ахань сказалъ: точно я согрѣшилъ предъ Іеговою, Богомъ Израилевымъ, и сдѣлалъ то и то. Между добычей увидѣлъ я одну прекрасную Сенаарскую одежду, и двѣсти сиклей серебра, и кусокъ золота, вѣсомъ въ пятьдесятъ сиклей; это мнѣ полюбилось, и я взялъ это; и вотъ, оно спрятано въ землѣ среди шатра моего, и серебро подъ нимъ спрятано. Іисусъ послалъ людей, и они побѣжали въ шатеръ въ станъ; и вотъ, все это спрятано было въ шатрѣ его, и серебро подъ нимъ. Они взяли это изъ шатра, и принесли къ Іисусу и ко всѣмъ сынамъ Израилевымъ, и положили

сіе предъ Господомъ. Іисусъ и всѣ Израильтяне съ нимъ взяли Ахана, сына Зарина, и серебро и одежду и кусокъ золота, и вывели его на долину Ахоръ, и сыновей его и дочерей его, и воловъ его иословъ его, и всѣхъ овецъ его и шатеръ его, и все, что у него было, и вывели ихъ совсѣмъ на долину Ахоръ. И сказалъ Іисусъ: за то, что ты навелъ на насъ бѣду, Господь на тебя наводитъ бѣду въ день сей. И побили его всѣ израильтяне камнями, и сожгли ихъ огнемъ, и наметали на нихъ камни. И набросали на него большую груду камней, которая уцѣлѣла и до сего дня. Послѣ сего утихла ярость гнѣва Господня. По сему, то мѣсто называется долиною Ахоръ даже до сего дня".

„Не будете вы воровать, повелѣваетъ Господь Богъ, и не будете вы обманывать. Не будешь ты притѣснять ближняго своего и не будешь грабительствовать: не долженъ ты оставлять у себя на ночь до утра жалованья наемника твоего".

„Не станешь ты притѣснять наемника, бѣднаго и убогаго, изъ братьевъ ли онъ твоихъ или изъ гостей, которые живутъ въ землѣ твоей въ твоихъ воротахъ. Въ самый день заработки отдашь его наемую плату, и не закатится на ней солнце; ибо онъ бѣденъ и къ ней онъ стремится—чтобы не возопилъ онъ о тебѣ къ Господу, не было бы тебѣ грѣха". „Не будетъ у тебя въ сумѣ различныхъ гирь (для взвѣшиванія) большой и малой. Не будетъ у тебя въ домѣ различныхъ мѣръ большой и малой. Гири правильныя и вѣрныя должны быть у тебя... ибо мерзость для Господа Бога твоего, всѣ поступающіе такъ, всѣ поступающіе несправедливо". „Проклятъ передвигающій межевые знаки своего ближняго.

Не воровствомъ, обманомъ и мошенничествомъ должно кормиться и питаться, а работой и трудомъ: „Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ", повелѣваетъ Господь и потому всякій нетрудящійся, всякій лѣнивый, есть нарушитель заповѣди Божіей". Умоляемъ же васъ, братія, говоритъ Апостолъ Павелъ... дѣлать свое дѣло, и трудиться собственными руками, какъ мы вамъ заповѣдали". Нетрудящійся непремѣнно кого-нибудь обкрадываетъ, ибо питается, а пища „въ потѣ лица" должна быть заработана: нетрудящійся чужимъ потомъ кормится!

Трудящійся же будетъ доволенъ тѣмъ, что добылъ трудомъ

своимъ. „Будьте нравомъ не сребролюбивы, говоритъ Святой Апостолъ, довольствуясь тѣмъ, что есть“, а тѣ, которые хотятъ обогатиться, впадаютъ въ искушеніе и сѣть, и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и погибель. Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе.

„Послушайте вы, богатые, плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ предстоящихъ вамъ. Богатство ваше сгнило и одежды ваши моль поѣла. Золото и серебро ваше поржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтелемъ противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь; вы собрали себѣ сокровища, на послѣдніе дни. Вотъ, плата удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ, и вопли жнецовъ дошли до ушей Господа. Вы раскошествовали на землѣ и наслаждались; откормили сердца ваши, какъ бы въ день закланія“. „Очистите руки, грѣшники! Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смѣхъ вашъ да обратится въ плачъ, и радость въ печаль“.

Закрывая библію, Богданъ Ивановъ, заключилъ свою рѣчь такъ:

— Мы знаемъ законъ Божій, а что знаемъ, тому вѣруемъ и то соблюдаемъ.

VI.

СТАРЦЫ И СТАРИЦЫ.

Ученые иностранные путешественники по Россіи, особливо Гакстгаузенъ, много дивились тому, что у Молоканъ нашихъ старость находится въ такомъ почтеніи, какъ нигдѣ въ Россіи. Семейный бытъ ихъ въ этомъ случаѣ чисто библейскій. Заговоривъ объ этомъ обстоятельствѣ, я просилъ Богдана Иванова сказать мнѣ, чѣмъ Молокане въ этомъ случаѣ руководствуются?

Богданъ Ивановъ охотно отвѣтилъ:

— Священное писаніе, сказалъ онъ, говоритъ: „Кто бьетъ отца своего или мать свою, смертію пусть умретъ, и кто злословитъ отца своего или мать свою, смертію пусть умретъ“. „Слушайте, дѣти, отца вашего и слѣдуйте ему, чтобы быть счастливыми: ибо Господь

поставилъ отца надъ дѣтьми и далъ матери судъ надъ сыновьями. Кто почитаетъ отца, тотъ умилостивляетъ Бога за свои грѣхи; и кто почитаетъ свою мать, тотъ подобенъ человѣку, собирающему сокровища. Кто уважаетъ своего отца, тотъ будетъ имѣть радость въ своихъ дѣтяхъ, и въ день молитвы своей будетъ услышанъ. Кто почитаетъ своего отца, тотъ будетъ долголѣтенъ, и кто послушенъ Господу, тотъ успокоитъ свою мать. Кто боится Бога, тотъ станетъ почитать своего отца и будетъ служить своимъ родителямъ, какъ рабъ своему господину. Почитай своего отца словомъ и дѣломъ, чтобъ низошло на тебя его благословеніе: ибо благословеніе отца утверждаетъ домы дѣтей и проклятіе матери разрушаетъ ихъ до основанія. Не ищи славы въ безчестіи своего отца: ибо безчестіе отца не есть слава твоя. Честь отца приноситъ тебѣ славу, и безславленная мать — позоръ дѣтямъ. Сынъ мой! прими своего отца въ его старости и не огорчай его доколѣ онъ живъ. Если онъ становится слабъ умомъ, то имѣй снисхожденіе и не презирай его. въ полнотѣ твоей силы. Милость оказанная отцу, не будетъ забыта и пойдетъ въ плату за твои грѣхи. Въ день скорби твоей ты будешь помянутъ; какъ ледъ въ ясную погоду растаютъ грѣхи твои. Тоже что богохульникъ тотъ, кто оставляетъ своего отца, и проклятъ Господомъ, кто оскорбляетъ свою мать„. "Не презирай матери твоей: чти ее во всѣ дни жизни ея, и дѣлай какъ угодно ей, чтобы не опечалить ее. Вспомни сынъ мой, что когда ты былъ у ней во чревѣ, она много изъ-за тебя страдала".

„Не должно стыдится своихъ родителей. Помни отца своего и мать свою, когда сидишь среди вельможъ. Не забывайся предъ ними и не безумствуй въ своемъ обращеніи, чтобы желать совсѣмъ не родиться и проклинать день своего рожденія".

Этою же заповѣдью и родителямъ налагаются обязанности относительно дѣтей; ибо если дѣтямъ повелѣно повиноваться своимъ родителямъ и уважать ихъ, то и родители должны заботиться о томъ, чтобы имъ быть достойнымъ сего уваженія, чтобы дѣтямъ было легко, и естественно уважать ихъ и повиноваться имъ: родители должны любить и воспитывать своихъ дѣтей. „Дѣти, говоритъ св. Апостолъ, повинуйтесь своимъ родителямъ для Господа; ибо этого требуетъ справедливость. Почитай отца твоего и мать; и вы отцы, не огор-

чайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ". „Кто любитъ своего сына, тотъ держитъ его подъ лозою, чтобъ впослѣдствіи радоваться о немъ. Кто строго воспитываетъ своего сына, тотъ получаетъ отъ него пользу; и среди знакомыхъ станетъ хвалиться имъ. Кто учитъ своего сына, тотъ возбуждаетъ зависть во врагѣ, и радуется о немъ предъ своими друзьями. Умеръ отецъ его: но это тоже, какъ будто онъ не умеръ; ибо онъ оставилъ подобнаго себѣ. Въ жизни своей онъ смотрѣлъ на него съ радостью и при кончинѣ не печалится. Не давай сыну власти въ юности и не пропускай его погрѣшностей. Учи своего сына и трудись надъ нимъ, чтобъ не получить огорченія отъ его безчестія".

Передъ сѣдымъ долженъ ты встать и почтить лицо старика", повѣлеваетъ Господь Богъ. „Не презирай человѣка въ старости его, потому что и для насъ настанетъ старость", не удаляйся отъ бесѣды старцевъ, потому что и они учились у своихъ отцовъ". „Люби быть въ ихъ обществѣ". „Отъ нихъ пріобрѣтешь ты благоразуміе и научишься давать отвѣтъ въ случаѣ нужды".

Что Богданъ Ивановъ говорилъ правду, и что слово у Молоканъ не расходится съ дѣломъ, въ томъ я увѣрился на другой день, видя своими глазами, какъ предъ старикомъ, шедшимъ по улицѣ, всѣ встрѣчавшіеся скидали шапки и почтительно кланялись. Въ томъ, что отецъ и мать у Молоканъ, лица также священные, я имѣлъ уже случай вполнѣ убѣдиться и прежде разговора съ Богданомъ Ивановымъ.

VII.

МОЛОКАНСКАЯ ІЕРАРХІЯ.

Самый щекотливый вопросъ вѣрованія молоканъ — эта іерархія церковная. Какъ ни хотѣлось мнѣ обойти этотъ вопросъ, но мои собесѣдники сами навели разговоръ на эту тему. Ну, думаю себѣ, поговоримъ и объ этомъ предметѣ. Богданъ Ивановъ снова развер-

тываетъ библію и начинаетъ такую рѣчь: Глава церкви есть Божественный учитель нашъ Іисусъ Христосъ, котораго Богъ, «воскресивъ изъ мертвыхъ, посадилъ одесную Себя на небесахъ превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, какимъ именуется не только въ семъ свѣтѣ, но и въ будущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его, и Его поставилъ превыше всего главою церкви, которая есть Его тѣло, полнота Того, который наполняетъ все всемъ".

Никакого другаго начальника вѣры и главы у истинной церкви Христовой нѣтъ и быть не можетъ, ибо если имѣемъ другую главу, то она не Христова, а ежели не Христова, то и неистинная; потому всякій, именующій себя главою церкви, тѣмъ самымъ какъ бы хочетъ вступать въ соперничество съ единой истинной главой церкви, со Христомъ и дѣлается противникомъ Христовымъ.

Архіерей и первосвященникъ истинной церкви есть единственно Іисусъ Христосъ. „Мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но который подобно намъ испыталъ все кромѣ грѣха», и „который возсѣлъ одесную престола величія на небесахъ". Во времена Ветхаго завѣта были священники изъ смертныхъ людей, и „изъ нихъ многіе были священниками, потому что смерть не допускала ихъ оставаться таковыми. А Сей, поелику пребываетъ вѣчно, и священство имѣетъ непреходящее. Посему Онъ и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, дабы ходатайствовать за нихъ. Таковъ и долженъ быть у насъ первосвященникъ: святой, не причастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ, который не имѣетъ нужды ежедневно, какъ тѣ первосвященники, приносить жертвы за свои грѣхи, потомъ за грѣхи народа. Ибо Онъ совершилъ сіе однажды, принесши въ жертву Себя Самого".

И не по собственному или чьему либо произволу сталъ Іисусъ Христосъ первосвященникомъ церкви истинной, ибо „никто самъ собою не пріемлетъ сей части, а только призываемые Богомъ, какъ и Ааронъ. Равнымъ образомъ и Христосъ не Самъ Себѣ присвоилъ славу быть первосвященникомъ, но Тотъ, Кто сказалъ Ему: „Ты сынъ мой, нынѣ Я родилъ Тебя," также и въ другомъ мѣстѣ го-

ворить: „Ты священникъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову, т. е. по избранію Божію.

Кромѣ Іисуса Христа никакихъ архіереевъ, первосвященниковъ и священниковъ въ Новомъ завѣтѣ нѣтъ.

По примѣру церкви временъ апостольскихъ, мы собираемся для общественнаго богослуженія и поклоненія Богу. Для наблюденія принятаго порядка при богослуженіи, для чтенія Священнаго Писанія, а также и для принесенія молитвъ, каждая изъ нашихъ мѣстныхъ церквей выбираетъ себѣ пресвитера или епископа (надсмотрщика) и къ нему двухъ помощниковъ, которые въ случаѣ его болѣзни или отсутствія по другой какой причинѣ могли бы заступить его мѣсто. Дьяконовъ, бывшихъ въ апостольскихъ церквахъ для наблюденія за соблюденіемъ внѣшняго порядка и благочинія при богослуженіи, мы не имѣемъ. Собранія наши и безъ нихъ не нарушаются никакимъ безчинствомъ, и всѣ собравшіеся строго соблюдаютъ святость Божественнаго присутствія въ собраніи. Ежели же при увеличеніи церкви нашей встрѣтится надобность въ діаконѣ, то мы изберемъ себѣ таковаго. При избраніи епископа или пресвитера наблюдаемъ наставленіе апостола Павла: „Епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, странполюбивъ, назидателенъ, не пьяница, не убійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ, но тихъ, миролюбивъ, безкорыстенъ, человѣкъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностію: ибо кто не умѣетъ управлять собственнымъ домомъ, тому какъ пещись о церкви Божіей?..

Пресвитеръ и епископъ имѣетъ обязанности и кромѣ собственно богослужебныхъ; онъ долженъ слѣдить за нравственностію церкви и заботиться объ ея духовныхъ нуждахъ, «Старцевъ (пресвитеровъ) вашихъ увѣщеваю я, говоритъ святой Апостолъ, также старецъ и свидѣтель Христовыхъ страданій и соучастникъ въ славѣ, которая должна открыться,— пасите Божіе стадо, какое у васъ есть, надзирая за онымъ непринужденно, по охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуйте надъ наслѣдіемъ Божіимъ (надъ церковью); но будьте примѣромъ стада". На основаніи этого пресвитеры у насъ не берутъ отъ церкви никакого вознагражденія, и какъ бы взяли они мзду? Богъ ничего не бе-

ретъ съ насъ за ниспосылаемыя намъ милости и щедроты, и Христосъ безвозмездно пострадалъ и пролилъ кровь свою за церковь; такъ и пресвитеры наши считаютъ священною обязанностію безвозмездно служить Богу и церкви. Они почли бы за величайшій грѣхъ и безчестіе брать плату за каждую сказанную молитву.

Мы также не считаемъ пресвитера лицемъ начальствующимъ надъ мѣстною церковью или учителемъ церкви. „Не называйтесь учителями“, говоритъ Христосъ,—„ибо у васъ одинъ учитель—Христосъ; а вы всѣ—братія; и не называйтесь наставниками, ибо у васъ одинъ наставникъ—Христосъ“. Потому въ нашей церкви нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ, а всѣ мы равны, какъ братья, ибо собраны предъ Богомъ. Наша церковь—есть братская церковь, въ которой одинъ старшій—Іисусъ Христосъ; потому мы ее считаемъ истинною церковью.

Для богослуженія мы не имѣемъ особыхъ помѣщеній, но собираемся въ обыкновенныхъ жилищахъ нашихъ.

Также не употребляются при нашемъ богослуженіи пресвитерами различныя облаченія на подобіе того, какъ это дѣлается въ Греко-Россійской церкви. Наши пресвитеры присутствуютъ при богослуженіи въ обыкновенныхъ своихъ одеждахъ.

VIII.

МЕДЪ СОТОВЫЙ.

Было около 12 часовъ ночи, когда намъ подали закусить сотоваго меду съ бѣлымъ хлѣбомъ. Жена и двѣ дочери Богдана Иванова прислуживали намъ всѣмъ, сидящимъ за столомъ. По поводу сотоваго меда зашла у меня рѣчь о постахъ. Богданъ Ивановъ заговорилъ:—Въ дни страданій Іисуса Христа мы соблюдаемъ постъ въ память плотскихъ мученій, которыя добровольно принялъ и претерпѣлъ нашъ Божественный учитель. Въ эти дни мы ничего не ѣдимъ и не пьемъ, и проводимъ ихъ въ молитвѣ.

Всѣхъ же прочихъ постовъ, установленныхъ Грекo-Россійскою

церковью, какъ-то: постъ по середамъ и пятницамъ, и прочіе,—не принимаемъ. Кромѣ страстныхъ дней Спасителя, каждый изъ принадлежащихъ къ нашей церкви налагаетъ на себя постъ добровольно, когда почувствуетъ въ томъ надобность для обузданія своей плоти и грѣховныхъ помышленій; такой постъ длится столько, сколько постящійся полагаетъ для себя нужнымъ; правилъ, связывающихъ свободу и совѣсть—у насъ нѣтъ.

Также не принимаемъ раздѣленія пищи на скоромную и постную; всякая пища создана Богомъ и одинаково хороша; постной же пищи быть не можетъ, ибо постъ есть воздержаніе отъ всякой пищи, а не наполненіе желудка рыбой и грибами. Поэтому мы, когда постимся, вовсе не принимаемъ ни пищи, ни питія.

Въ самомъ плотскомъ постѣ еще никакой добродѣтели не видимъ: воздержаніе отъ пищи можетъ освободить духъ отъ плотскихъ помысловъ, сдѣлать его болѣе способнымъ къ добру: но онъ еще не есть самое добро, и за постъ мы еще никакой не ждемъ награды отъ Отца нашего Небеснаго.

Вотъ что читаемъ мы о постѣ въ священномъ писаніи у Исаіи пророка: „Взывай всею гортанью, не умолкай; какъ трубою греми гласомъ твоимъ и возвѣсти народу Моему невѣрность его, и дому Іаковлеву грѣхи ихъ. А они изо дня въ день ищутъ Меня, и хотятъ знать пути Мои, какъ-бы народъ, который поступалъ праведно, и не оставлялъ законовъ Бога своего; требуютъ отъ Меня судовъ правды; желаютъ близости Божіей“. „Почему мы постимся, а Ты не видишь? Томимъ душу свою, а Ты не знаешь?“ „Се! въ день поста вашего вы угождаете своей прихоти и мстите за всякія досады свои“. „Се! вы поститесь для ссоръ и распрей и для того, чтобы кулакомъ беззаконнымъ бить, не для того поститесь теперь, чтобы гласъ вашъ былъ услышанъ на высотѣ. Таковъ ли долженъ быть постъ, который Я люблю, день, въ который томитъ человѣкъ душу свою, когда гнететъ голову свою, какъ тростникъ, и подстилаетъ себѣ власяницу и пепелъ? Это ли назовемъ постомъ и днемъ, благоугоднымъ Господу? А вотъ постъ, который Я люблю; развязывай всякій узелъ неправды, облегчи отягощенныхъ, отпусти притѣсненныхъ на волю, и всякое обязательство неправедное разорви. Раздѣли голоднымъ хлѣбъ твой, нищихъ, неимѣющихъ при-

станища, введи въ домъ твой; если видишь нагаго, одѣнь его; и отъ родственниковъ твоихъ не отворачивайся. Тогда взойдетъ свѣтъ твой, какъ утренняя заря, и пойдетъ передъ тобой правда твоя, и слава Божія обниметъ тебя. Тогда воззовешь — и Богъ услышитъ тебя!“

Вотъ въ чемъ состоитъ, заключилъ Богданъ Ивановъ, постъ духовный, истинный, постъ пріятный Богу, а не въ воздержаніи отъ такъ называемой скоромной пищи. „Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ, говоритъ Св. Апостолъ, есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи и хранить себя неосквернennымъ отъ міра.

IX.

НА ПРОЩАНЬѢ.

На прощаньѣ съ своими собесѣдниками, я завелъ рѣчь объ иконахъ, таинствахъ и будущей жизни.

— Второю заповѣдью, данною Моусею, отвѣтилъ Богданъ Ивановъ, запрещается дѣлать какія либо изображенія и изваянія чего бы то ни было, и какого бы рода ни было, для того, чтобы поклоняться этимъ изображеніямъ. Поэтому мы не имѣемъ никакихъ изображеній и образовъ, ни Господа Бога, ибо, „Его никто никогда не видалъ“, никого другаго.

— Таинствъ мы вообще никакихъ не признаемъ, ибо всякая тайна открыта съ пришествіемъ Іисуса Христа его послѣдователямъ: „Вамъ дано знать тайны царствія небеснаго“, сказалъ онъ; также точно учитъ и св. апостолъ Павелъ: „Вы можете, говоритъ онъ, читая, усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая въ другія времена не была показана сынамъ человѣческимъ, а нынѣ открыта святымъ Его апостоламъ и пророкамъ Духомъ Святымъ“. Слѣдовательно Христосъ открылъ своимъ ученикамъ и апостоламъ тайну, и открылъ Онъ ее для того, чтобы они благовѣствовали ее всѣмъ и каждому. „Мнѣ, говоритъ апостолъ Павелъ, наименьшему изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія, благовѣство-

вать язычникамъ неизслѣдимое богатство Христово и открыть всѣмъ, въ чемъ состоитъ домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ.... дабы нынѣ чрезъ церковь сдѣлалась извѣстною".

При богослуженіи нашемъ мы не совершаемъ и обрядовъ; у насъ нѣтъ ни кажденія, ни кропленія водой, ни зажиганія свѣчей. Правда, ежели мы собираемся вечеромъ то зажигаемъ свѣчи для освѣщенія горницы; но священнаго въ этихъ свѣчахъ ничего не видимъ.

— Мы вѣруемъ, какъ и всѣ христіане, въ жизнь за гробомъ и въ воскресеніе мертвыхъ, и потому при исходѣ души отъ тѣла молимся и поемъ псалмы, также и при погребеніи. Дѣлаемъ это по примѣру церкви временъ апостольскихъ: „Стефана же нѣкоторые благоговѣйные мужи погребли и сдѣлали по немъ великій плачь" „Сынъ Мой! повелѣваетъ Священное Писаніе, пролей слезы надъ мертвымъ и какъ тяжко страдающій подними плачь. Восплачь горько, возрыдай искренно и сѣтуй по его достоинству. Вспомни о своей участи, поелику и твоя такова же; вчера мнѣ, а нынѣ тебѣ". Еслибы мы не вѣрили, что мертвые воскреснутъ, то напрасно было бы о нихъ молиться, но такъ какъ мы знаемъ, что умершіе въ истинной вѣрѣ могутъ надѣяться на радость и блаженство, то и молимся за мертвыхъ, чтобы имъ были отпущены грѣхи ихъ.

Бесѣда наша кончилась слѣдующими словами Богдана Иванова:

— Вотъ добрый человѣкъ наша вѣра! Хороша ли она; худа ли, судить не намъ, но пока въ томъ, чему мы вѣруемъ, насъ еще не разубѣдили...

— Можно записать все это для памяти? спросилъ я своихъ собесѣдниковъ.

— Мы того только и желаемъ, отвѣтили мнѣ всѣ въ одинъ голосъ, чтобы вѣру нашу описывали не одни становые и исправники.

На другой день къ вечеру, насмотрѣвшись на бытъ молоканъ села О. Г., и записавъ ихъ обычаи и правила жизни, я выѣхалъ въ молоканскія поселенія Саратовской губерніи.

XVIII.

ІОАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ

и

Варвара мученица.

I.

АНТИХРИСТЪ.

Въ 1811 году по Воронежской губерніи разнесся слухъ о явленіи Іоанна Крестителя и Варвары Мученицы на землѣ... Народъ заговорилъ о кончинѣ міра, о явленіи Антихриста. Антихристъ этотъ, какъ извѣстно, не сходитъ съ устъ русскаго человѣка еще съ Алексѣя Михайловича, со времени исправленія церковныхъ книгъ, и патріархъ Никонъ, по словамъ исторіи, былъ первый окрещенъ этимъ именемъ, а затѣмъ антихристомъ провозглашался всякій, кто попадался подъ руку народу въ припадкѣ его озлобленія... Вотъ почему всякій, кому бы вздумалось попугать народъ Антихристомъ, могъ всегда разсчитывать на успѣхъ и почетъ проповѣдника. Положеніе народа нерѣдко предрасполагало его къ воспріятію безъ разбора всякихъ слуховъ о кончинѣ міра, о пришествіи Антихриста, и стоило явиться любому Сидору или Карпу и сказать, что наступаетъ кончина міра и явился уже Антихристъ, какъ народъ повалитъ къ проповѣднику и будетъ слушать его, розиня ротъ...

Предъ началомъ 1812 года, когда умы русскихъ людей были встревожены военными успѣхами французовъ и побѣдами Наполеона I, о кончинѣ міра легко могъ заговорить всякій, кому бы захотѣлось это сдѣлать, или изъ шутки, или по слѣпымъ, фанатическимъ религіознымъ убѣжденіямъ. И вотъ на такой-то почвѣ, подготовленной, вдобавокъ страхомъ, порождаемымъ вымышленнымъ разсказомъ о Наполеонѣ I, не замѣдлили на самомъ дѣлѣ явиться пред-

возвѣстники кончины міра. Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи, въ селѣ Троицкомъ Юртѣ, изъ экономическихъ крестьянъ явился вдругъ Іоаннъ Креститель, значившійся по записямъ раскольникомъ Иваномъ Перфильевымъ, окруженный 6-ю апостолами, раскольниками же:Емельяномъ, Андреемъ и Аѳанасіемъ Абросимовыми,Иваномъ Кирѣевымъ, Кирѣемъ Костинымъ и отставнымъ солдатомъ Аникіемъ Боярищевымъ съ 7-мъ персонажемъ Велокомученицею Варварою, оказавшеюся по ревизскимъ записямъ, крестьянскою дѣвкою Варварою.

— Послушайте народъ русскій! заговорилъ Іоаннъ Креститель.— Приближается кончина міра, явился антихристъ и грядетъ въ Россію изъ страны хранцузскія изъ-за моря Тиверіадскаго, ему же имя Число Звѣрино 666.

— Ты съ неба? спрашивали слѣпотствующіе Іоанна Крестителя.

— Съ седьмаго неба! самъ Саваоѳъ послалъ меня возвѣстить народу объ этомъ. Вотъ и Варвара мученица ниспослана со мной.

— Молись, значитъ, народъ! чего же тутъ смотрѣть, говорили слушатели. Твори крестное знаменіе и обнажай главу отъ шапокъ. Шапки дѣйствительно летѣли съ головъ слушателей. Іоаннъ Креститель говорилъ;

— Гремятъ громы, земля обливается кровію и адъ разверзается. Народъ! твори крестное знаменіе на челѣ твоемъ и молись!

И на Ивана Перфильева, одѣтаго въ разорванный, съ лохмотьями, зипунишко, долженствовавшій изображать рубище, въ которомъ ходилъ Іоаннъ Креститель, замолились...

— Подати, значитъ, платить шабашъ? кончено? приставали съ вопросами къ посланнику неба заинтеретованные этою тяжолою повинностію.

— Какія тутъ подати! о небѣ помышляй, о горнемъ разсуждай! отвѣчалъ Іоаннъ Креститель.

Варвара Мученица, одѣтая въ бѣлый сарафанъ, кивала при этомъ головою въ знакъ одобренія.

— Молись, значитъ, народъ! заговорили слушавшіе.

— О небѣ помышляй! вторили другіе.

— О горнемъ разсуждай! гудѣли третіи.

— Сборщика податей, значитъ, долой? явились голоса.

— Како тутъ? заговорили всѣ единогласно.

— Молись народъ! гудѣла толпа.

— О небѣ помышляй!

— Молись народъ!

— О горнемъ разсуждай!

Сборщикъ податей однако откуда, на бѣду, ни возмися, боясь кончины міра и пропажи податей, сталъ приставать о томъ, чтобы народъ расплатился предъ кончиною міра, и очистилъ его предъ начальствомъ...

— Не слышишь развѣ скаредъ, что міръ совсѣмъ кончится? говорили ему о небѣ помышлявшіе. Экъ Іуда сребролюбецъ!

— Предписанія объ этомъ не имѣю отъ начальства, отвѣтилъ сборщикъ податей.

— Ахъ ты Ѳома маловѣрный, съ предписаніями тутъ лѣзешь! кричала толпа.

— Бумагъ объ этомъ никакихъ нѣтъ, съ меня самаго взыщутъ! твердилъ сборщикъ податей.

— Что?

— Деньги въ подать!..

— За что?

— Не мое дѣло! съ меня самаго взыщутъ. Засѣдателю донесу.

— Тузить его, народъ! Скаредъ эдакой...

И сборщика податей избили, оставивъ еле жива.

— О небѣ—скаредъ, помышляй, а не о податяхъ! приговаривали тузившіе.

— О горнемъ разсуждай! вторили другіе.

Сборщикъ податей, прибитый до безпамятства, пересталъ кричать.

— Теперь молись народъ! загудѣли всѣ голоса: О небѣ помышляй!

— О горнемъ разсуждай, вотъ что!..

Сборщикъ податей валялся безъ чувствъ до слѣдующаго дня.

II.

КОНЧИНА МІРА.

На другой день, очнувшись, сборщикъ податей послалъ обо всемъ донесеніе въ земскій судъ, который прислалъ въ село „Троицкій Юртъ“ дворянскаго засѣдателя Румынина для производства дознанія.

Румынинъ пріѣхалъ на мѣсто.

— Почему вы податей не платите? спрашивалъ онъ слушателей Іоанна Крестителя.

— Незачѣмъ! міръ кончается! отвѣчалъ народъ.

— Что-о-о?

— Міръ кончается! отвѣчали всѣ единогласно.

— Это что за исторія?

— Ужъ это вѣрно! На тотъ свѣтъ съ собой ничего не повезешь.

— Кто вамъ навралъ объ этомъ?

— Вѣсти принесены съ седьмаго неба.

— Да кѣмъ же?

— Вотъ самъ Іоаннъ Креститель прибылъ и Варвара Мученица съ нимъ.

— Ахъ вы дурачье, дурачье! кричалъ засѣдатель.

— Тише! Скинь прежде шапку-то и преклонись.

— К-а-к-ъ?

— Шапку долой, бусурманъ! святые люди предъ тобою.

Засѣдатель при такомъ оборотѣ дѣла чувствуетъ себя неловко; онъ же прибылъ безъ стражи съ пустыми руками. Перспектива повторенія исторіи съ сборщикомъ податей стала рисоваться предъ нимъ во очію.

— Образумьтеся! сталъ увѣщевать Румынинъ, спустивши тонъ рѣчи.

— Самъ образумься!..

— Я донесу начальству высшему и вамъ будетъ худо.

— Ч-т-о-о?

— Губернатору донесу...

— Нечего теперь бояться вашего брата! Міру наступаетъ конецъ, идетъ Антихристъ. Подати всякія „шабашъ“! Понялъ?

При этихъ словахъ Іоаннъ Креститель выступаетъ впередъ и проповѣдуетъ народу кончину міра, Варвара Мученица киваетъ въ тактъ головою, а 6 апостоловъ стоятъ розиня ротъ и хлопаютъ глазами.

— Вы кто такіе? спрашиваетъ послѣднихъ засѣдатель.

— Мы?

— Да вы?

— Мы апостолы!

— Какъ апостолы? Ужели съ неба?

— Нѣтъ, здѣшніе обыватели!..

Хохотъ... Толпа этимъ обижается и наступаетъ на засѣдателя.

— Тузить его! послышались голоса.

— Тузить... Чтобъ о небѣ помышлялъ!—Чтобъ о горнемъ разсуждалъ!

Засѣдатель едва ускользаетъ изъ толпы и скачетъ въ городъ съ донесеніемъ обо всемъ земскому суду.

III.

гдѣ много воды, тутъ и черпаютъ.

Пріѣзжаетъ наконецъ и весь земскій судъ въ село „Троицкій Юртъ“ съ засѣдателями, стряпчимъ, понятыми и небольшимъ числомъ стражи.

Народъ заволновался больше.

Судъ выразилъ желаніе видѣть лично Іоанна Крестителя, апостоловъ его и Варвару мученицу. Посланному отвѣчали, что наступаетъ конецъ міра, скоро будетъ свѣту-преставленіе... и потому такія церемоніи неумѣстны теперь: неугодно ли, дескать, будетъ самому суду пожаловать къ Іоанну Крестителю и его избранному стаду.

Судъ уступаетъ и отправляется къ дому Абросимова.

Іоаннъ-Креститель, съ растрепанными волосами, въ дырявомъ одѣяніи, окруженный апостолами, Варварою Мученицею, повязанною пестрымъ платкомъ и новоизбраннымъ стадомъ своимъ, запершись во дворѣ Абросимова, незаблагоразсудилъ, однако же, впустить къ себѣ судъ и проповѣдуетъ народу обычную свою проповѣдь: „И родися сей нечестивецъ (т. е. Наполеонъ I) отъ колѣна Данова, отъ дѣвки, жидовки чрезъ римскихъ папъ, Лютера и Никона, и нарицается Титинъ преисподній, злонаставникъ невидимый, Четверопонта сынъ, имя разныхъ тиранъ, по Еллински Аввадонъ, по еврейски Напаліонъ, по гречески Бонапартъ, а по словенски Антихристъ...“

Іоаннъ Креститель оказался изъ раскольниковъ.

Толпа: охо, хо, хо!

„И воздвигъ сей Наполіонъ ужасное кровопролитіе, и никакія силы одолѣти его не могутъ. Только догонятъ его воины Моисеевы-казаки и ратники брадаты со крестами... (вѣроятно русскіе ополченцы). И будетъ онъ короноваться въ Парижѣ, гдѣ и возсядетъ на высочайшемъ престолѣ о 24 ступени подъ великимъ болдахимомъ. Папа же римскій, угождая врагу Божію, передастъ ему свою власть и будетъ получать жалованья отъ антихриста 666,000 руб. Ту и послѣдуетъ кончина міра“.

— Отоприте! требовалъ судъ.

Собраніе запѣло нѣсни загробныя:

Антихристовы дѣти
Простираютъ на насъ сѣти
Хотятъ насъ уловити
Антихристу покорити.
Душе моя умилися
Уныла укрѣпися и проч.

— Отоприте или будетъ употреблена сила! потворяетъ судъ свое требованіе.

Пѣніе усиливается.

— Отоприте же!

Пѣніе: Душе моя, душе моя
Возстани, что спиши!
Конецъ приближается,
Имаши смутитися
Возстани убо...

— Будетъ худо, если не отопрете! увѣщеваетъ судъ.

Понятые приступали къ напору въ ворота. Собраніе мгновенно перешло въ новый тонъ и велегласно запѣло:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!

Понятые: Отоприте, мы сломаемъ двери!

Голоса: Христосъ воскресе!

— Ломаемъ.

Голоса: Христосъ воскресе!

Двери дѣствительно стали ломаться.

Вдругъ собраніе умолкло, ворота съ шумомъ отворились и стадо Іоанна Крестителя съ пиками, топорами и косами бросается на судъ, на понятыхъ, на стражу, на православную публику, сшедшуюся посмотрѣть на зрѣлище и началась свалка. Судъ, стража и понятые, уступая силѣ, наконецъ разбѣжались. Апостолъ Андрей Абросимовъ убиваетъ при этомъ до смерти понятаго изъ экономическихъ крестьянъ Ларіона Голякова. Нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей успѣли однако схватить послѣ нѣкоторыхъ усилій убійцу и отвезли въ слободу „Красную“, куда скрылся и разогнанный судъ. Стадо Іоанна Крестителя не унялось и устремилось за судомъ въ погоню, силясь по дорогѣ отбить схваченнаго апостола, убійцу Голякова.

— Стремись стадо мое! взывалъ Іоаннъ Креститель. Насталъ конецъ міру, пришелъ на землю антихристъ. Сотвори брань велію.

— О небѣ помышляй! шумитъ стадо его.

— О горнемъ разсуждай!

Новоизбранное стадо Іоанна Крестителя отбиваетъ наконецъ въ погонѣ зерцало судейское, красное сукно (вещи эти въ то время возились судомъ съ собою на мѣсто засѣданій) и изрубаетъ все это топорами и косами на мелкіе куски.

Молись народъ! говорилъ апостолъ, міръ преставляется.

Голоса: — О небѣ помышляй!

— О горнемъ разсуждай!

IV.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

По минованіи катастрофы земскій судъ немедленно донесъ обо всемъ этомъ происшествіи рапортомъ воронежскому губернатору, который съ своей стороны донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Осипу Петровичу Козодавлеву, изъяснял, что поведеніе раскольниковъ Новохоперскаго уѣзда, сбившихъ съ толку и православныхъ, представляетъ буйство и безначаліе, выходящее изъ предѣловъ государственнаго порядка, почему онъ, губернаторъ, на основаніи Высочайшаго повеленія 1801 года отнесся къ преосвященному Антонію, епископу воронежскому и черкасскому командировать со стороны духовной депутата при производствѣ слѣдствія надъ преступниками; суду же предписалъ по прибытіи того депутата приступить къ слѣдствію, стараясь при этомъ сколько возможно снисходительными совѣтами и терпѣніемъ привести ихъ на путь истины; виновнаго же въ убійствѣ крестьянина Ларіона Голякова и зачинщиковъ бунта; а именно: мнимаго Іоанна Крестителя съ таковыми же Варварою Мученицею и апостолами содержать подъ стражею въ тюремномъ замкѣ.

Государь Императоръ на Всеподданнѣйшемъ о семъ происшествіи докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: отправить въ село Троицкій Юртъ воинскую команду, забрать всѣхъ ослушниковъ законной власти и поступить съ ними по всей строгости законовъ".

Дальнѣйшая участь всѣхъ лицъ, судимыхъ по этому дѣлу по архивнымъ источникамъ не прописана.

XIX.

БОГАТЫЕ СКОПЦЫ

СОЛОДОВНИКОВЫ.

I.

СТАРЕЦЪ ИСКУПИТЕЛЬ.

Въ апрѣлѣ 1819 года началась, подъ покровомъ глубокой тайны, дѣятельная переписка между важнѣйшими, въ то время, государственными сановниками: министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ и с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ М. А. Милорадовичемъ. Въ этой перепискѣ переходилъ изъ рукъ въ руки, съ разными поясненіями и дополненіями, списокъ „главныхъ лицъ, окружающихъ старца, котораго общество скопцевъ въ Петербургѣ называло искупителемъ. То были: придворный лакей Семенъ Кобелевъ и мѣщане Кирила Григорьевъ и Исай Ильинъ. По собраннымъ объ нихъ свѣдѣніямъ обнаружилось, что послѣдній, т. е. Ильинъ, отправлялъ въ столицѣ должность скопителя, находясь подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Кириллы Григорьева. Григорьевъ обозначаемъ былъ какъ главный распорядитель оскопленія, заманивавшій къ тому людей увѣреніями, что „оный старецъ есть истинный искупитель“, при чемъ присовокуплялось еще замѣчаніе, что „сей Кирилла имѣетъ столь обширныя связи по скопческой сектѣ, что не рѣдко посылаетъ повелѣнія свои въ отдаленнѣйшіе края Россіи“ и что онъ „вообще отъ всѣхъ скопцевъ, и въ особенности отъ Солодовникова, получаетъ богатые дары“. Чтожъ касается до придворнаго лакея Кобелева то объ немъ значилось, что онъ „увѣряетъ цѣлое общество скопцевъ, будто сей старецъ есть Петръ III; приноситъ

*

ему ложно поклоны отъ лица Государя Императора и тѣмъ приводитъ всѣхъ въ страхъ и ложную довѣренность, отъ которой умножается скопчество". Графъ Милорадовичъ, какъ видно, горячо взялся за это дѣло: его особенно встревожило обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ заслуживавшее особливаго вниманія и усугубленія дѣятельности, а именно: что лакей Кобелевъ „простеръ уже такъ далеко свою дерзость", что „осмѣлился приглашать, къ такъ-называемому скопцами, искупителю, одного изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ", который самъ лично о томъ „открылся графу, знавшему этого молодаго человѣка" съ лучшей стороны. Князь А. Н. Голицынъ отвѣтствовалъ, что онъ „вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ графа о необходимости принять дѣятельнѣйшія мѣры къ укрощенію сей вредной секты", при чемъ присовокупилъ, что еще въ бытность графа П. А. Толстаго с.петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, оба они „посѣщали, по повелѣнію Государя Императора, моленную скопцевъ у Солодовникова и объявили имъ Высочайшую волю, дабы они прекратили скопленіе другъ надъ другомъ, а съ старика, называемаго искупителемъ, взяли тогда обѣщаніе отнюдь не позволять и самому не дѣлать ни надъ кѣмъ своей операціи, подъ опасеніемъ ссылки въ Сибирь"; а какъ нынѣ видно, что это обѣщаніе не сдержано, то онъ вполнѣ считаетъ „благоразумною, мѣру", предлагаемую графомъ, „т. е. удаленіе въ уединенные монастыри распространителей скопчества", только при томъ, съ своей стороны, полагаетъ, что „такъ какъ старикъ по дряхлости своей и слабости здоровья не можетъ, какъ кажется, самъ собою оказывать никакой дѣятельности въ распространеніи вреднаго сего заблужденія, а служитъ орудіемъ токмо другихъ, дѣйствующихъ подъ его именемъ, то и довольно удалить только сихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а именно: лакея Кобелева и мѣщанъ Ильина и Григорьева"; потомъ, собравъ общество скопцевъ, чрезъ кого слѣдуетъ, объявить оному, въ присутствіи старика, что сіи три человѣка удалены единственно за распространеніе скопчества; за симъ же „старика оставить въ покоѣ: пускай онъ молится, и пусть собираются у него для молитвы; но искупителемъ бы только его не называли и отнюдь не принимали бы солдатъ въ свое общество". Такъ точно и было поступлено. Всѣ предположенія князя, представленныя гра-

фомъ Милорадовичемъ въ подлинникѣ на Высочайшее усмотрѣніе, Государь Императоръ почтилъ своимъ одобреніемъ; въ слѣдствіе чего, Кобелевъ, Ильинъ и Григорьевъ, 13 іюня въ 4 часа пополуночи, съ соблюденіемъ особенныхъ предосторожностей, взяты и отосланы всѣ трое въ Соловецкій монастырь, съ предписаніемъ „содержать ихъ подъ тѣмъ присмотромъ, какой учрежденъ тамъ"; собранію же секты, немедленно за тѣмъ, по распоряженію графа Милорадовича, объявлено, что эти люди „удалены единственно за распространеніе скопчества".

II.

СКОПЧЕСКІЙ ДОМЪ СОЛОДОВНИКОВЫХЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Много мыслей возбуждаетъ разсказанное нами происшествіе, сохранившееся въ подлинныхъ документахъ. Мы выскажемъ здѣсь только то, что эти документы говорятъ ясно. Изъ нихъ очевидно, что еще въ бытность с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графа П. А. Толстаго, слѣдовательно между 1802 и 1805 годами, въ Петербургѣ сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору наставникъ скопчества, называвшій себя „искупителемъ", что объ немъ тогда же поручено было отъ Государя дознать лицамъ важнымъ и довѣреннымъ, именно самому графу Толстому и князю А. Н. Голицыну, бывшему въ то время оберъ-прокуроромъ св. сунода, что заблужденіе, имъ проповѣдуемое, казалось и тогда уже столь значительнымъ, что ему воспрещено было умножать своихъ послѣдователей „подъ опасеніемъ ссылки въ Сибирь". Знало ли уже и въ то время правительство, что этотъ искупитель называетъ себя еще Петромъ III, изъ документовъ петербургскихъ не видно. Но изъ производившагося около того же времени, именно въ 1805 г., дѣла о скопцахъ, открытыхъ въ Херсонской губерніи, оказывается, что тамъ между скопцами была распространена увѣренность, будто „Государь Петръ Ѳеодоровичъ", про котораго „говорятъ, что онъ померъ", находится „теперь въ Петербургѣ, при такомъ же дѣлѣ",

т. е. такимъ же скопцемъ, какъ и они. Къ кому могла относиться такая нелѣпая увѣренность, какъ не къ тому же лицу, о которомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, тоже самое чудовищное убѣжденіе является проповѣдуемымъ, съ невообразимою безбоязненностью, въ кругу гвардейскихъ офицеровъ подъ священною сѣнью самыхъ чертоговъ царскихъ? Принимая во вниманіе одновременность дѣла херсонскаго и обращеніе въ Петербургѣ вниманія на скопческаго искупителя, нельзя не продположить, съ удовлетворительною достовѣрностью, что между слухами, пришедшими изъ Херсона, и событіями, тавшимися въ Петербургѣ, усмотрѣна была связь, возбудившая справедливыя опасенія правительства. И вотъ, безъ сомнѣнія, причина, почему кроткій монархъ, дотолѣ столь снисходительный къ заблужденію изувѣрнаго самоизуродованія, именно по дѣлу о херсонскихъ скопцахъ, далъ высочайшій указъ, коимъ повелѣвалъ признавать всѣхъ вообще скопцевъ „врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ!“ Какимъ образомъ случилось, что самъ тотъ, къ кому именно отнеслось это двойное самозванство, это преступное похищеніе божественнаго имени Искупителя и священнаго имени царя, отдѣлался только обѣщаніемъ не распространять болѣе оскопленія?— Это объясняется послѣдующими документами, изъ которыхъ видно, что лица, посѣщавшія самозванца, были обмануты его собственнымъ и послѣдователей его запирательствомъ, которое уличить вѣрно было невозможно. Этотъ таинственный старецъ умѣлъ такъ поставить себя въ глазахъ правительства, что, и при обращенномъ на него вновь въ 1819 году вниманіи, когда имена Искупителя и Петра III опять явились на сцену, его сочли только „орудіемъ другихъ, дѣйствующихъ подъ его именемъ“. Весьма замѣчательно что въ документѣ, представленномъ на Высочайшее усмотрѣніе имени Петра III не было вовсе упомянуто, хотя въ оффиціальныхъ приложеніяхъ къ дѣлу оно повторяется неоднократно, какъ приписываемое Кобелевымъ лже-искупителю. Впрочемъ, иначе и не могло быть при томъ, спокойствіи, съ какимъ въ этомъ документѣ говорится вообще о сектѣ скопцевъ, имѣющей свои собранія, своихъ старшинъ, свою общественную казну,—однимъ словомъ, всѣ качества тайнаго союза, распространяющаго вліяніе свое изъ столицы

въ отдаленнѣйшіе края имперіи. Такое спокойствіе было бы непостижимо, еслибъ тутъ было признано замѣшаннымъ имя, столь важное политически. Очевидно, этому послѣднему не вѣрили, а всю сущность секты полагали только въ излишествѣ религіозной мечтательности, по духу тогдашняго времени извинительной... Высшихъ сановниковъ не слѣдуетъ строго осуждать, что они при этомъ замѣчательномъ дѣлѣ ограничились поверхностію, не проникая во всю его глубину. Гораздо удивительнѣе совершенное въ этомъ случаѣ бездѣйствіе со стороны полицейскихъ властей, обязанныхъ дознавать факты и тщательнымъ, неослабнымъ наблюденіемъ извлекать ихъ изъ мрака безвѣстности, въ особенности такъ глубоко скрытой, какъ у скопцевъ... Вообще, трудно даже постигнуть легкость надзора, какой до тѣхъ поръ имѣла надъ столичными скопцами мѣстная полиція. Люди эти, Высочайше признанные „нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ“, о которыхъ 1806 года неоднократно повторялись указы, что заблужденіе ихъ есть преступленіе, ни подъ какимъ видомъ не прощаемое — эти люди безпрепятственно плодились въ столицѣ, распространяя пагубную заразу своего лжеученія и словомъ, и дѣломъ: никто, какъ будто, не зналъ о томъ, или лучше, не хотѣлъ знать... Въ скопческомъ домѣ Солодовниковыхъ рѣзали людей безъ пощады и въ этотъ же домъ, какъ мирные гости, постоянно обращались представители полиціи!...

III.

сообщники солодовникова.

Недальше какъ за годъ предъ разсказаннымъ нами обращеніемъ Высочайшаго вниманія на скопчество, въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1818 года, одинъ квартальный поручикъ, по фамиліи Барадулинъ, случайно производя изслѣдованіе о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, открылъ въ домѣ купца Васильева, въ потаенной каморкѣ, оскопленнаго, не больше какъ за два передъ тѣмъ дня, человѣка, и, вслѣдствіе того, осмотрѣвъ немедленно всѣхъ находившихся тутъ

мущинъ, нашелъ между ними еще трехъ оскопленныхъ, въ томъ числѣ отставнаго солдата, въ квартирѣ котораго оказались разныя снадобья, очевидно служащія къ заживленію ранъ. Арестовавъ всѣхъ изобличившихся оскопленными. Барадулинъ отрапортовалъ о томъ оберъ-полицеймейстеру, отъ котораго получилъ изустную благодарность и приказаніе развѣдать подробнѣе „о семъ важномъ дѣлѣ“; но чрезъ нѣсколько дней, когда усердный чиновникъ, „исполнивъ весьма удачно порученіе, явился съ удовлетворительнѣйшимъ донесеніемъ“, оберъ-полиціймейстеръ объявилъ, что „дѣло сіе уже оставлено и ему по оному ни чего болѣе предпринимать не должно“: въ то же время и находившіеся подъ арестомъ скопцы были освобождены на поруки. Чрезъ годъ, при началѣ дѣла, обратившаго на скопцевъ Высочайшее вниманіе, графъ Милорадовичъ далъ движеніе этому открытію, приказавъ собственному своему чиновнику, вмѣстѣ съ Барадулинымъ, снять снова допросъ съ главнаго изъ обличившихся въ то время скопцевъ, отставнаго солдата Петрова, и тогда Барадулинъ, въ особой запискѣ изъяснивъ разныя подробности вообще о скопцахъ, существующихъ въ столицѣ, указалъ, что ими наполнены здѣсь многіе домы, въ особенности купцевъ Солодовниковыхъ и Васильева, смежные между собою, изъ которыхъ въ послѣднемъ, по собраннымъ имъ извѣстіямъ, имѣетъ скрытное жительство наставница оскопленицъ женскаго пола, „дѣвица рѣдкой красоты“, называемая „богородицей“, которой скопцы „воздаютъ Божескія почести“, а въ первомъ бываютъ еженедѣльныя скопческія сборища и, какъ впослѣдствіи оказалось, жилъ обоготворяемый ими искупитель. Впрочемъ и это осталось только при дѣлѣ. Все кончилось удаленіемъ изъ столицы трехъ ничтожныхъ человѣкъ, у которыхъ, по ссылкѣ въ Соловки, всего имущества оказалось только на сто рублей ассигнаціями; а Солодовниковъ и Васильевъ, люди богатые и сильные, остались неприкосновенными въ своихъ домахъ, служившихъ притонами лже-искупителю и лже-богородицѣ! Солодовниковъ принималъ вельможъ, подчивалъ ихъ на убой, сыпалъ деньгами одною рукою, а другой, чрезъ подручныхъ ангеловъ своихъ, скопилъ и скопилъ (правильнѣе рѣзалъ) поддан-ныхъ русскаго царства... Изувѣрство Солодовникова не встрѣчало себѣ преградъ!..

IV.

ДѢВИЦА РѢДКОЙ КРАСОТЫ

Кто же эта была „дѣвица рѣдкой красоты“ найденная въ домѣ Солодовниковыхъ? Эта дѣвица называлась у скопцевъ „Богородицею“, которой скопцы воздавали Божескія почести и которая пріѣхала въ Петербургъ изъ Москвы. Впослѣдствіи оказалось, что эта московская лже-богородица имѣла искуство распустить и поддержать о себѣ молву, будто она не иная кто, какъ великая княгиня Анна Ѳедоровна, супруга блаженной памяти цесаревича Константина Павловича. Явленіе столь высокой особы въ кругу скопцевъ привело ихъ въ чрезвычайный восторгъ и покорило ей безусловно. Въ Петербургѣ пригласилъ ее самъ Селивановъ, пожелавшій лично съ ней увидѣться; впрочемъ, говорятъ, долженъ былъ въ томъ раскаяться, ибо лже-княгиня и лже-богородица, своей красотой и ловкостью, совершенно было отвлекла отъ него всѣхъ его „любезныхъ дѣтушекъ“. Воротясь изъ Петербурга въ Москву, она начала дѣйствовать еще отважнѣе и самовластнѣе: разъѣзжала открыто по городу, вертѣла всѣми дѣлами, распоряжалась общественною казною секты; наконецъ, вѣроятно, соскучившись своей ролью, нечаянно скрылась, захвативъ съ собою значительную часть сокровищъ, которыя ввѣрены ей были глупою довѣрчивостію изувѣровъ. Эта-жъ самая бѣглянка явилась потомъ въ 1829 году въ объясненіяхъ дезертира скопца Будылина, содержимою уже въ острогѣ, въ Раненбургѣ, уѣздномъ городѣ Рязанской губерніи; при чемъ Будылинъ показывалъ, что арестантка эта, которую онъ и другіе скопцы собирались выручить изъ острога, состояла фальшиво приписанною къ московскому мѣщанскому обществу подъ именемъ мѣщанской дочери Елены Павловой; а въ самомъ же дѣлѣ была Тамбовской губерніи г. Лебедяни мѣщанская жена, разведенная по суду съ мужемъ за распутное поведеніе и потомъ въ двойномъ самозванствѣ Божіей Матери и великой княгини Анны Ѳедоровны,

разъѣзжавшая по разнымъ мѣстамъ для соблазна и привлеченія жертвъ въ скопческую секту. Такихъ богородицъ, какъ великая княгиня мѣщанка Елена Павлова у скопцевъ много, по крайней мѣрѣ не меньше христовъ и предтечей. Изъ всѣхъ ихъ, преимущественно, выдаются въ исторіи скопческой секты слѣдующія богородицы. Во-первыхъ, богородица Акулина Ивановна. Эта Акулина Ивановна, какъ несомнительно увѣряютъ Страды, гдѣ она представляется дѣятельно работающею при самомъ началѣ ереси начальническаго поприща Селиванова, выдавала себя за императрицу Елизавету, и говорила, что она, оставивъ престолъ, жила въ Орловской губерніи, въ саду крестьянина скопца, у котораго имѣла пріютъ. По появленіи Селиванова, Акулина Ивановна имѣла подъ своимъ начальствомъ общество „Божіихъ людей“, заключавшее въ себѣ до тысячи человѣкъ. Впрочемъ Селивановъ, введенный къ ней, былъ открытъ и признанъ въ Божественномъ достоинствѣ не ею, начальницею общества, а находившеюся при ней главною пророчицею Анною Романовною, которая, какъ видно, всѣмъ у ней заправляла. Сама Акулина Ивановна хотя и тогда уже называлась Владычицей и Царицей Небесной“, является вообще не въ весьма выгодномъ свѣтѣ относительно своего ума и ловкости. Когда привели къ ней Шилова въ первый разъ, глупая баба тотчасъ разболталась передъ нимъ, что ей самой дивно, какъ „пророки поютъ, будто отъ нея сынъ Божій народился“. Это было такъ не въ попадъ, что Селивановъ съ удивленіемъ сказалъ послѣ Шилову: „Ну любезный сынокъ, какъ она съ тобой разговорилась и про какой секретъ разговаривала, даромъ что въ первый разъ“! При всемъ томъ, вѣрно вліяніе ея было весьма сильно и услуги, оказанныя скопчеству очень велики. Селивановъ сохранилъ объ ней постоянно самое уважительное воспоминаніе, неразлучно отъ возлюбленнаго своего Александра Ивановича. Такъ разсказываетъ онъ, что въ Иркутскѣ, когда не было ему о своихъ никакого слуха, привидѣлся ему пророчески утѣшительный сонъ, будто „нечистый хочетъ корабль его опрокинуть“; а онъ „сталъ вкругъ его ходить и столбы становить съ матушкой своей Акулиной Ивановной и съ сыночкомъ своимъ Александромъ Ивановичемъ!“ Впрочемъ дальнѣйшая судьба праматери скопчества, послѣ участія въ первыхъ начаткахъ ереси,

скрывается во мракѣ неизвѣстности. Вѣроятно, бывъ уже въ годахъ, она успѣла умереть въ продолженіе темнаго періода двадцатилѣтней ссылки сына, которому не была матерью. Богородица Анна Романовна не избѣгла общей участи мнѣческаго „превращенія“ всѣхъ участвовавшихъ въ первоначальномъ распространеніи скопчества. Изувѣры донынѣ считаютъ ее знатною придворною дамою, раздѣлявшею „инкогнито“ Акулины Ивановны и именно родною сестрою извѣстной княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, будто бы, публично гордилась, что имѣетъ такую богоугодную и боговдохновенную сестру! За богородицею Анною Романовною выдается у скопцевъ личность и нѣкоей Анны Сафоновны, дочери сосновскаго первоскопленнаго Сафона Попова, жившей въ 1847 году въ званіи моршанской мѣщанки, въ городѣ Моршанскѣ, почти столѣтнею, обезпамятѣлою старухою, въ домѣ моршанскаго мѣщанина Артемія Евсѣева Познякова. На дѣланные ей лично вопросы, она отвѣчала одно, что „ничего не помнитъ“, приговаривая притомъ: „простите меня грѣшницу“. Мѣстный врачъ, свидѣтельствовавшій ее, далъ отъ себя отзывъ, что дѣйствительно отъ старости лѣтъ, которыхъ ей было около 90, память у ней ослабѣла, что она на вопросы не можетъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ». Между тѣмъ, при повальномъ обыскѣ въ Сосновкѣ, ея родинѣ, многіе свидѣтели, въ томъ числѣ заштатный дьяконъ, показали, что во время проживанія ея тамъ, въ домѣ брата ея скопца Ульяна Сафонова, она считалась у скопцевъ богородицею и притомъ въ православную церковь никогда не ходила, даже бѣгала всегда изъ дома, когда приходили съ церковными требами православные священники. Сверхъ того, дознано, будто у ней не было на лѣвой рукѣ двухъ пальцевъ, средняго и безъимяннаго, отнятыхъ по второй суставъ, и какъ видно въ давнее уже время, что по показанію свидѣтелей, она всячески отъ другихъ людей скрывала при Селивановѣ. Она бывала не рѣдко въ Петербургѣ, гостя у сестры своей Ефросиньи и пользовалась особеннымъ отъ всѣхъ уваженіемъ. Въ солодовниковомъ домѣ всѣ скопческія богородицы чествовались скопцами при богослуженіяхъ. Какъ могло родиться, разростись и укорениться это превосходящее всѣ границы возможности и вѣроятности сумасбродство, это дикое помѣшательство на

самозванствѣ, которое, какъ мы ясно видимъ, вошло въ основную стихію, составляетъ душу и жизнь скопческой ереси? Вопросъ этотъ, даже изъ одного состраданія къ человѣческому достоинству, заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія...

V.

КАКЪ НАКАЗЫВАЛИСЬ БОГАТЫЕ СКОПЦЫ СОЛОДОВНИКОВЫ.

Когда домъ Солодовниковыхъ сдѣлался всероссійскимъ торговымъ домомъ скопчества, у коего капитала простиралось, по свѣденіямъ коммерческой газеты за 1843 годъ, на сумму 700,000 рублей, и когда жертвы скопленія Солодовниковскаго покрыли все лицо земли русской, начиная отъ Иркутска, Кавказа и кончая Саратовскими степями и Финляндіею, тогда наконецъ, о миссіонерской дѣятельности Солодовниковыхъ доведено было до свѣденія покойнаго Императора Николая Павловича, но такъ, что Высочайшее повелѣніе о нихъ вышло въ слѣдующемъ видѣ: „Его Величество принимая во вниманіе пользу, принесенную Солодовниковымъ обширными коммерческими дѣлами, въ особенности по заграничной торговлѣ, каковыя дѣла, въ случаѣ преданія Солодовникова суду, могутъ придти въ разстройство, съ нѣкоторымъ даже вредомъ въ торговыхъ видахъ государства, въ 27 день марта 1843 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: не дѣлая формальнаго о немъ изслѣдованія, ограничиться порученіемъ С. Петербургскому военному генералъ-губернатору учинить распоряженіе, какъ объ учрежденіи за Солодовниковымъ въ отношеніи скопчества строжайшаго полицейскаго надзора, такъ и объ увольненіи его отъ должности засѣдателя въ управѣ благочинія. Съ тѣмъ вмѣстѣ сообщить генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и статсъ секретарю Лонгинову, что Солодовниковъ, какъ скопецъ, не можетъ состоять въ почетныхъ званіяхъ старшины Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся и члена женскаго Патріотическаго общества“. Замѣчательно однако, какъ правительство мало вникало въ работушку Солодовниковыхъ!..... Однажды Государь пожелалъ

знать, какъ оскопляются женщины? Министерство не могло даже положительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Управлявшій министерствомъ далъ отзывъ, что сколько изъ имѣющихся въ министерствѣ свѣденій почерпнуть можно о средствахъ, употребляемыхъ къ оскопленію женскаго пола, онѣ состоятъ въ томъ, что нѣкоторые скопцы отрѣзываютъ у женщинъ груди до самыхъ костей; по другимъ свѣдѣніямъ, мѣнѣе положительнымъ, вырѣзываютъ будто бы у женщинъ находящіяся надъ грудями млекопитательныя железы. Прочія женщины обыкновенно, при вступленіи въ секту, не подвергаютъ себя никакому поврежденію членовъ, но исполняютъ одни лишь обряды, введенные сектою. Первыхъ двухъ родовъ женщины скопческой ереси, какъ то оказывается изъ представленныхъ извѣстій, не лишены способности раждать дѣтей, но не имѣютъ уже средствъ воскармливать ихъ. Впрочемъ всѣ онѣ, строго слѣдуя правиламъ секты, стараются умерщвлять плотскія похотѣнія не употребляя въ пищу ни мясныхъ яствъ, ни горячихъ и другихъ возбудительныхъ напитковъ, и изнуряютъ себя постами, а на молитвѣ круженіемъ и бѣганьемъ. Оказалось дѣло, однако, иначе. Признаки оскопленности встрѣчаются у женщинъ, правда, на грудяхъ, которыя иногда отрѣзываются начисто, иногда вырѣзываются, выжигаются, или вытравляются на нихъ только сосцы, а иногда ограничиваются вырѣзкою подгрудныхъ железокъ, въ особенности изъ подъ лѣвой груди. Но донести Императору, что тѣмъ оканчивается оскопленіе женщинъ, по меньшей мѣрѣ неполно!.. Опытные и свѣдующіе врачи признали, что если у женщины вырѣзаны обѣ груди, то это дѣйствіе должно считать лишь близкимъ къ дѣйствительному оскопленію. Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что искаженныя, такимъ образомъ, женщины обыкновенно даже въ цвѣтѣ лѣтъ отличаются по наружности той же безцвѣтностью, вялостью и безжизненностью, какъ и оскопленные мущины. Но эти изуродованія, находимыя у скопчихъ, должно почитать только мнимыми оскопленіями, физически нисколько не способствующими предполагаемой цѣли. Онѣ оставляютъ имъ возможность беременности, слѣдовательно не уничтожаютъ ни наслажденія, ни вожделѣнія. Дѣйствіе оскопленія женщинъ, т. е. изувѣрская работушка въ Россіи Солодовниковыхъ и tutti quanti заключается въ томъ, что отрѣзываютъ clytor, labia minora, а

иногда и часть labiorum majorum. Но подобныя изуродованія въ сущности не могутъ имѣть того же значенія, какъ у мужчинъ отнятіе, или поврежденіе testiculorum. Дѣйствительное оскопленіе женщинъ производится вырѣзкою ovariorum, и операція эта какъ положительно удостовѣряетъ медицина всѣхъ странъ, трудна чрезвычайно въ исполненіи, ибо подвергаетъ оперируемую опасности истечь кровью; если же будетъ удачно совершена, то человѣкъ живетъ. Какое изувѣрство! — Деньги Солодовниковыхъ были, однако, сильны. Недальше, какъ чрезъ три года вдругъ послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, къ 8 день апрѣля 1847 года Высочайше повелѣть соизволилъ: Выборгскаго 1 гильдіи купца Николая Назарова Солодовникова, оскопленнаго въ малолѣтствѣ противъ собственной воли, но вовсе не принадлежащаго къ скопческой сектѣ, освободя отъ полицейскаго надзора, не подвергать дѣйствію существующихъ, относительно скопцовъ, узаконеній.“ Солодовниковъ по представленію властей, оказался вдругъ: во первыхъ, оскопленнымъ въ малолѣтствѣ, во вторыхъ, противъ собственной воли, и въ третьихъ, вовсе и непринадлежащимъ къ скопческой сектѣ!..

VI.

МОСКОВСКІЕ СКОПЦЫ СОЛОДОВНИКОВЫ.

И въ Москвѣ заиграли въ скопческую игру Михаилъ и Алексѣй Солодовниковы. Московскій домъ скопцовъ Солодовниковыхъ сдѣлался центромъ изувѣровъ... По изслѣдованію правительства оскопленіе дѣлалось чрезъ отнятіе такъ называемыхъ скопцами „удесныхъ близнятъ“.—Это дѣлалось посредствомъ отжиганія раскаленнымъ желѣзомъ,—что буквально соотвѣтствуетъ даваемому операціи мистическому имени „огненнаго крещенія“. Впрочемъ довольствовались и просто бритвою, ножемъ, или другимъ острымъ орудіемъ, послѣ предварительной, крѣпкой перевязки ниткой, или то-

ненькой веревочкой: прижиганіе стало употребляться потомъ иногда, какъ средство къ оставленію кровотеченія. Но изувѣрство не остановилось на этомъ только видѣ самоискаженія.—По сознанію самихъ скопцевъ, простое оскопленіе не уничтожаетъ вовсе плотскаго вожделѣнія. По сему для достиженія совершеннаго безстрастія и полной чистоты, фанатики рѣшались подвергать себя отъятію самого шешбгиш, называемаго у нихъ „ключемъ бездны". Эту операцію, которая большей-частью производится, иногда спустя много лѣтъ послѣ первой, надъ иными-же совершается и вдругъ, за одинъ разъ, скопцы именуютъ „полнымъ крещеніемъ", или „наложеніемъ на себя царской печати". Орудіемъ для совершенія ея употребляется топоръ, а иногда простое долото. Послѣдняя операція уже чисто московскаго происхожденія... Москва и тутъ не ударила себя въ грязь лицомъ!.. Петербургскіе скопцы называли послѣднихъ „псами", не постигающими истиннаго разума св. писанія, повелѣвающаго скопчество, якобы въ первоначальномъ только видѣ. Если вѣрить скопцамъ, то лже-искупитель Селивановъ нисколько не одобрялъ такого неистовства. Это однако сомнительно: Селивановъ едва-ли самъ не былъ полный скопецъ; иначе, какъ объяснить его приточное сказаніе о себѣ въ „Страдахъ", что „когда онъ пошелъ въ Иркутскъ, то у него было товару только за одной печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатями". Впрочемъ какъ бы то ни было, расколъ этотъ, ни при Селивановѣ, ни въ настоящее время, нисколько не нарушаетъ единомыслія скопцовъ и совершеннаго согласія во всѣхъ прочихъ заблужденіяхъ ереси. Солодовниковы въ Москвѣ, когда здѣсь дѣятельность разыгралась до большихъ размѣровъ, отмѣтились высшимъ правительствомъ какъ скопцы, и преданы полицейскому надзору съ воспрещеніемъ отлучекъ изъ Москвы... Но вотъ въ 1857 году, 23 апрѣля, явилось новое Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „По всеподданнѣйшему докладу Государю императору статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, всеподданнѣйшихъ прошеній московскихъ купцовъ-скопцовъ Михаила и Алексѣя Солодовниковыхъ, о выдачѣ имъ паспортовъ на отлучки изъ Москвы, Его императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше

разрѣшить сіи отлучки, съ тѣмъ, чтобы просители, согласно съ мнѣніемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, ѣздили не иначе, какъ поочередно, и испрашивая на то каждый разъ особое дозволеніе, дабы мѣстное начальство губерніи, куда они отправляются, благовременно учреждало за ними надзоръ.

VII.

ФАБРИКИ СОЛОДОВНИКОВЫХЪ.

У калужской заставы въ Москвѣ стоятъ и донынѣ огромныя бумажно-ткацкія фабрики Солодовниковыхъ. Не одна тысяча, а можетъ быть и десятки тысячъ, слѣпаго русскаго народа, заброшеннаго въ дикомъ невѣжествѣ, не умытаго, не просвѣщеннаго ни въ школѣ государствомъ, ни въ церкви православнымъ духовенствомъ, работали и работаютъ на этихъ фабрикахъ доселѣ. Что дѣлалъ и дѣлаетъ на этихъ фабрикахъ русскій одичалый народъ нашъ, неизвѣстно, но то изъ дѣлъ архивныхъ несомнѣнно извѣстно, что въ числѣ дѣтушекъ Селиванова съ царскими печатями попадались и попадаются правительству фабричные работники, изъ показаній коихъ, какъ и многихъ другихъ лицъ, у правительства имѣются слѣдующія изслѣдованія о Селивановѣ, коему поклоняются и скопческія русскія фабрики и хозяева сихъ фабрикъ... Сей сумасбродъ, житель села Сосновки, Тульской губерніи, за скопчество въ Тулѣ содержался въ острогѣ подъ крѣпкимъ карауломъ и, по суду, очевидно на основаніи высочайшаго указа, даннаго не за долго предъ тѣмъ по поводу орловскихъ скопцовъ, приговоренъ былъ къ наказанію кнутомъ въ Сосновкѣ, на мѣстѣ произведенныхъ имъ оскопленій; вслѣдствіе чего, перевезенъ былъ въ Тамбовъ и содержался въ тюрьмѣ два мѣсяца, ожидая утвержденія приговора отъ высшаго правительства. Наконецъ, экзекуція произведена была въ Сосновкѣ, на сельской площади, гдѣ впослѣдствіи поставлена была деревянная церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, сгорѣвшая въ 1816 году, нынѣ же находится каменная часовня. Когда пре-

ступника везли въ Тамбовъ изъ Тулы, то народъ „всячески надъ нимъ надругался“: кто бранилъ, кто плевалъ на него. Но когда повезли его изъ Тамбова въ Сосновку, то „сосновскіе дѣтушки“, т. е. принадлежащіе къ ереси, встрѣтили его съ плачемъ и рыданіями говоря: „везутъ нашего родимаго батюшку!“ Затѣмъ, послѣ экспедиціи „дѣтушки“, т. е. скопцы Іонушка и Ульянушка выпросили себѣ его окровавленную рубашку, въ которой онъ былъ наказанъ, и надѣли на него свою бѣлую, потомъ дали ему парнаго молока, котораго захотѣлось ему послѣ наказанія, и въ награду получили отъ него слова утѣшенія и подкрѣпленія въ ереси. Эти Іонушка и Ульянушка были Іонъ Владиміровъ Холинъ и Ульянъ Сафоновъ Поповъ, забранные въ числѣ первооткрытыхъ въ Сосновкѣ скопцовъ къ суду въ Тамбовъ, но возвращенные потомъ на мѣсто прежняго жительства.

Высѣченный преступникъ шелъ изъ Сосновки до Иркутска полтора года съ прочими ссыльными, „на канатѣ“ и дорогою подвергъ себя вторичному „полному оскопленію“, которому ересеначальникъ до тѣхъ поръ могъ не быть еще подвергнутымъ. Какъ объяснить, что преступникъ, судимый и осужденный на основаніи указа 2 іюля 1772 года, вмѣсто того, чтобъ быть отправленнымъ, какъ изображено въ указѣ, „въ Нерчинскъ“, (подразумѣвается „въ каторжную работу“) остался, напротивъ, въ Иркутскѣ, и тамъ жилъ на свободѣ, „ходя по городу съ блюдомъ сбирать на церковное строеніе“? Этотъ Селивановъ, потомъ явился подъ именемъ Кондратья, въ петербургскую градскую больницу, отъ оберъ-полиціймейстера Чулкова, въ январѣ 1797 года. Но откуда, какъ и когда онъ попалъ въ Петербургъ? Скопцы увѣрены и увѣряютъ, что привезенъ онъ сюда прямо изъ Иркутска, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Павла I, нарочно посланнымъ туда курьеромъ, вслѣдствіе указанія скопца Ѳеодора Евсѣева Колесникова, иначе Масона, или Масонова. Находившійся въ 1847 году въ живыхъ с.-петербургскій мѣщанинъ скопецъ Савельевъ, который въ декабрѣ 1796 года, взятъ былъ подъ стражу въ Петербургѣ вмѣстѣ съ другими тремя скопцами, утвердительно говоритъ, будто видѣлъ собственными глазами, какъ Масонъ, съ конмъ состоялъ онъ въ весьма тѣсныхъ связяхъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ Государя

Павла I, прискакалъ въ Петербургъ изъ дальняго путешествія, и въ дорожномъ сибирскомъ платьѣ, съ какими то таинственными пакетами, обернутыми въ красное сукно, прямо отправился во дворецъ, гдѣ будто бы и представился Императору немедленно; въ слѣдъ же за тѣмъ, былъ онъ самъ задержанъ; Савельевъ и три другіе скопца, находившіеся съ нимъ въ особыхъ связахъ, также взяты подъ арестъ, а въ Иркутскъ отправленъ нарочный курьеръ за Селивановымъ. Что тутъ есть истина, доказывается тѣмъ, что въ тоже самое время, именно 2 декабря 1796 года, вытребованъ былъ изъ Динаминда, по Высочайшему же повелѣнію, Александръ Ивановъ, „другъ и наперсникъ“ Селиванова, для принятія котораго, по оффиціальному извѣстію, присыланъ былъ туда нарочно, какой-то крестьянинъ Иванъ Фроловъ. — Какъ бы то ни было, оба они, Селивановъ и Александръ Ивановъ, опять въ одно же время, въ январѣ 1797 года, получили въ Петербургѣ рѣшеніе своей судьбы и отправлены: первый въ больницу, или точнѣе въ домъ сумасшедшихъ, а послѣдній въ шлиссельбургскую крѣпость, куда съ нимъ поѣхалъ и Масонъ, и остальные четверо скопцевъ, въ томъ числѣ Савельевъ, взятые одновременно подъ стражу въ Петербургѣ. Скопцы это послѣднее объясняютъ тѣмъ, что Государь огорчился настояніемъ Селиванова, дабы онъ принялъ оскопленіе, а на Масона прогнѣвался за то, что онъ осмѣлился явиться къ нему въ дорожномъ платьѣ. Но ходъ дѣлъ, разсматриваемый безпристрастно ясно показываетъ, что Государь точно былъ смущенъ извѣстіемъ о Селивановѣ, который въ то время безъ сомнѣнія уже принялъ на себя свое двойное самозванство, что между Селивановымъ и Александромъ Ивановымъ существовала относящаяся къ тому же предмету связь, къ коей соприкосновенны были и четверо скопцовъ, арестованныхъ современно въ Петербургѣ, что Масонъ, лицо весьма подозрительное, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ ускользающее отъ точнаго и подробнаго прояснѣнія ходящихъ объ немъ преданій, нашелъ средства усилить смущеніе Государя, и тѣмъ возбудить въ немъ желаніе лично увидѣть иркутскаго самозванца и его динаминдскаго наперсника, что видъ ихъ показалъ тотчасъ, что это за птицы, и Масонъ, виновникъ тревоги, получилъ достойное наказаніе за свой обманъ, а предметъ этой тревоги, Селивановъ, можетъ

быть и дѣйствительно, въ пылу фанатизма и самонадѣянности, весьма естественно усиленной внезапнымъ возвращеніемъ изъ ссылки и допущеніемъ предъ очи Монарха, имѣлъ безуміе произнесть приписываемыя ему дикія слова на счетъ „принятія оскопленія", за которыми ничего не могло послѣдовать, какъ немедленное отправленіе прямо въ домъ сумасшедшихъ.—Вотъ самая естественная разгадка этого, изукрашеннаго фантазіею скопцовъ, происшествія, которое вдругъ, изъ глубины Сибири, перенесло въ столицу высѣченнаго кнутомъ каторжника, не прекратившаго, но усугубившаго въ ссылкѣ свое преступное самозванство!

VIII.

МОСКОВСКІЕ СКОПЦЫ-МѢНЯЛЫ.

Въ узкихъ и кривыхъ улицахъ Москвы засѣли издавна мѣняилы-скопцы. Размѣнные столы и палатки, разсѣянные по Москвѣ, обставлены желтыми фигурами изувѣровъ, со сморщенными и безбородыми лицами и тусклыми глазами. Жадно считаютъ серебро и золото эти физическія и нравственныя калѣки, а еще жаднѣе стараются пріобрѣтать его, чтобы покупать новыя жертвы для умноженія желаемаго по Апокалипсису числа 144,000. Люди эти, благодаря взаимной поддержкѣ другъ друга, большею частью живутъ въ довольствѣ и зажиточности и разживаются до огромныхъ богатствъ, до милліонерства, имѣютъ въ рукахъ своихъ самый могущественный талисманъ къ завлеченію въ свои сѣти бѣдныхъ, безпомощныхъ, стѣсненныхъ неотвратимыми лишеніями и нуждами.... Что можетъ быть соблазнительнѣе для простолюдина, какъ напр., обѣщаніе избавить его отъ рекрутства, выкупить во время оно на волю отъ помѣщика, оказывать всегда помощь и покровительство, взять къ себѣ въ приващики, въ наслѣдники и т. п. Богачи скопцы, большею частью выходцы изъ простаго сельскаго или мѣщанскаго быта, убѣждаютъ родственниковъ своихъ, остающихся въ бѣдности, завидующихъ ихъ богатству, прислать къ нимъ одного

изъ нѣсколькихъ племянниковъ, или внучатныхъ братьевъ, обѣщая усыновить ихъ, передать имъ все свое состояніе. Не рѣдко и у сторонникъ бѣдныхъ родителей, задаривая ихъ, они, такъ сказать, покупаютъ дѣтей на наличныя деньги; также охотно берутъ себѣ на воспитаніе круглыхъ сиротъ и подкидышей. Такіе мальчики, воспитанные въ сознаніи, что у нихъ на одной сторонѣ вѣсовъ все, на другой — рѣшительно ничего, суть жертвы, раньше или позже обреченныя неминуему закланію. Что сказать о томъ соблазнѣ, который представляютъ имъ многочисленные, почти повсюдные примѣры, что отъявленныя скопцы, извѣстные правительству, не взирая на угрозы законовъ, живутъ спокойно въ столицахъ, имѣютъ великолѣпныя палаты, фабрики, ворочаютъ милліонами, даже, какъ было до сихъ поръ, занимаютъ разныя почетныя должности, украшаются различными знаками отличія, не только медалями, но и орденами? Послѣ этого не должно слишкомъ дивиться легковѣрію, съ какимъ обольщаемые принимаютъ нелѣпые слухи, распускаемые соблазнителями, будто „въ сектѣ скопцевъ и нынѣ состоятъ многіе вельможи“, при чемъ вѣрованіе въ лже-искупителя, лже-царя, вѣнецъ обольщенія, получаетъ новое для невѣжественной толпы подтвержденіе.

Эгоизмъ этихъ изувѣровъ, надобно замѣтить, изобличаетъ себя злобой, которую питаютъ они ко всѣмъ прочимъ людямъ, вслѣдствіе оскопленія, полагающаго между ними и остальнымъ міромъ вѣчную, непреодолимую преграду. При отсутствіи внутренняго начала любви, это чувство соединяетъ ихъ въ то тѣсное братство, которое они составляютъ своею совокупностью, и которое собственно есть ни что иное, какъ заговоръ противъ всего остальнаго человѣчества. Типъ скопца есть воплощенная ненависть ко всему, что живетъ и наслаждается удовольствіями жизни, которыя для него недоступны. Корыстолюбіе, вслѣдствіе неспособности скопцевъ ко всѣмъ прочимъ наслажденіямъ, превращается въ главную, единственную стихію ихъ жизни. Драгоцѣнный металлъ, какъ мы уже сказали, и имѣетъ для нихъ потому особенную, волшебную прелесть. Вотъ почему и въ пѣсняхъ ихъ безпрестанно твердится о „серебрѣ и золотѣ“, какъ о символахъ верховнаго блаженства, ожидаемаго ими отъ лже-искупителя:

«За страданія—дарованія
Злата, серебра, крупна жемчугу,
И съ пресвѣтлыми брилліантами»...

Вотъ почему и самое лжеученіе и вѣрованіе свои они любятъ называть „товаромъ“, которому „цѣны нѣтъ“, и вообще все свое заблужденіе представляютъ въ образѣ „торговли“, которая должна сдѣлать изъ нихъ „милліонщиковъ“. Въ то время, когда женщины Москвы, особливо красивыя, проходятъ мимо желтыхъ мѣнялъ, или заходятъ къ нимъ размѣнивать деньги, эти уроды изъ желтыхъ превращаются въ багровыхъ. Страсти человѣческія при видѣ женской красоты, особливо истовой красавицы, начинаютъ подниматься со дна зачерствѣлой души; но желтый калѣка твердо помнитъ „страды“, въ коихъ подъ клятвою запрещено, чтобы братья, т. е. скопцы, не имѣли съ женщинами „праздныхъ разговоровъ, отъ чего происходитъ уже лѣпость, т. е. вожделѣніе, которое, какъ магнитъ-камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близь находящееся желѣзо, по врожденному свойству, каждаго близко обращающагося брата съ сестрою привлекаетъ къ себѣ, и яко моль точитъ и поядаетъ всю добродѣтель, и изгоняетъ благодать Божію“. Желтый мѣняла въ такихъ случаяхъ кусаетъ себѣ губы, багровѣетъ отъ соблазнительнаго впечатлѣнія. Ясно, что тутъ надъ калѣками беретъ силу развратъ воображенія. Жалкіе люди!..

IX.

ЧОРТОВА СВАДЬБА.

Въ не очень давнее утро воскреснаго дня, когда вся Москва оглашалась гуломъ обѣденныхъ колоколовъ, намъ пришлось ѣхать по Москворѣцкому мосту. Вдругъ насъ обогнало нѣсколько извощичьихъ пролетокъ, въ коихъ сидѣли съ желтыми лицами скопцы, имѣя на колѣнахъ новые сафьяные тюфяки. То были изувѣры, ѣхавшіе за глухое Москворѣчье съ новою постелью для уловленной жертвы. Въ 12 часу дня воскреснаго, по обычаю скопческому,

очевидно должна была совершиться въ условномъ домѣ гнуснѣйшая изъ гнусныхъ операцій надъ живымъ человѣкомъ...

Да, подумали мы, наши законы воспрещаютъ всякое соединеніе людей безъ вѣдома правительства, въ видѣ постоянныхъ „обществъ, ученыхъ товариществъ и братствъ“, хотя бы въ родѣ „комитета грамотности“ и т. п. собранія; но за то скопцы составляютъ у насъ въ полномъ смыслѣ „братство“ или „общество“, которое имѣетъ свои начала, цѣли и правила, не только не дозволяемыя, но строго воспрещаемыя и преслѣдуемыя законами, потому что, дѣйствуя всѣми зависящими отъ нихъ средствами, умѣютъ отвратить, или усыпить бдительность правительства...

— Вѣдь это ѣдутъ на оскопленіе? спросили мы лавочниковъ, смотрящихъ равнодушно на палачей человѣчества. Что же вы не остановите преступленія, когда есть возможность спасти человѣка?

— А какъ бы это сдѣлать? отвѣтили намъ изумленные такимъ вопросомъ граждане Москвы.

— Дать знать поскорѣе полиціи.

— Что? Ты видно, баринъ, пріѣзжій, а мы здѣшніе обыватели, и знаемъ короче утинаго носа, какъ достаются намъ эти заявленія въ полицію. И пословица говоритъ: съ сильными не борись, а съ богатымъ не тягайся!..

Чтожъ тутъ было возражать на такія рѣчи, основанныя, конечно на практикѣ?...

XX.

РАСКОЛЬНИКИ МОРОЗОВЫ.

I.

ЕЛИСОВА ВѢРА.

У Ильи Пророка, на земляномъ валу въ Москвѣ, стоитъ издавна большой каменный, довольно мрачный, домъ по срединѣ двора.

Домъ этотъ извѣстенъ всей Россіи и правительству русскому, какъ домъ коновода раскольничьяго Елисѣя Савича Морозова. Сначала Бѣглопоповецъ, потомъ лютый Ѳедосѣевецъ, и наконецъ Поморецъ,—Елисѣй Морозовъ всю жизнь свою пробылъ слѣпымъ фанатикомъ и умеръ не разставшись съ своими мрачными заблужденіями. Самое продолжительное упорство Елисѣя Морозова было во время пребыванія его въ фанатической Ѳедосѣевской сектѣ. Кто бы повѣрилъ, что русскій милліонеръ, владѣлецъ извѣстныхъ ситцевыхъ Морозовскихъ фабрикъ, первостатейный московскій купецъ, жилъ въ такомъ жалкомъ ослѣпленіи, что не на шутку вѣровалъ, что слѣдуетъ поклонятися животворящему кресту Христову только съ надписаніемъ титлы, а ежели кто не поклоняется таковымъ крестамъ, таковаго отъ церкви слѣдуетъ отлучать. — Что съ православными нельзя ни пить, ни ѣсть, ни на молитвѣ стоять, въ банѣ изъ единыхъ сосудовъ во осквернённой водѣ не мытися, но имѣти сосуды особые, аще ли обрящется кто мывшіеся изъ мірскихъ, сей да творитъ поклоновъ 300 до земли при соборѣ... Какъ назвать вѣрованіе, не принимающее браковъ, считающее женъ погаными сосудами, а дѣтей щенятами, которыя, если придутъ въ возрастъ и восхощутъ быти со христіяны, то жити имъ слѣдуетъ во особныхъ храминахъ, и стрящать самимъ на себя, которыя же въ бракѣ будутъ дѣтей раждати, о таковыхъ наказывати отцамъ духовнымъ за перваго полгода отлучать, за втораго годъ, за третьяго два лѣта, а за очистительныя молитвы три тысячи поклоновъ до земли... Въ мрачной сектѣ Ѳедосѣевской есть слѣдующія правила, полученныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ изъ вѣрнаго источника: „блудная жизнь терпима, дѣтоубійство не преступленіе; общая присяга считается еретическою и антихристовою; военная служба воспрещается, побѣгъ изъ оной позволителенъ.“ Разрѣшая прелюбодѣяніе, фанатики основываются на слѣдующемъ умозаключеніи: „по правиламъ Кормчей книги за прелюбодѣяніе опредѣлено тягчайшее наказаніе, чѣмъ за блудъ; бракъ есть прелюбодѣяніе, слѣдовательно лучше блудить съ чужими женами и дѣвками...“ Въ шестидесятыхъ годахъ Елисѣй Морозовъ сдѣлался Поморцемъ и пропогандировалъ „свою вѣру“ между старообрядцами, которые и теперь слывутъ „по Елисовой вѣрѣ.“

II.

ПРОФЕССОРЪ ПО ЧАСТИ АНТИХРИСТА

Помѣшавшись на Антихристѣ, Елисѣй Морозовъ всю жизнь свою собиралъ и изучалъ все, что только писано было объ этомъ предметѣ. Послѣ долголѣтнихъ розысканій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Антихристъ долженъ явиться въ чувственномъ образѣ. Плодомъ этого убѣжденія было обширное сочиненіе его объ Антихристѣ, которое, однакожъ, авторъ почему то не издалъ, хотя по содержанію своему оно и не могло кажется встрѣтить препятствій къ напечатанію со стороны духовной цензуры.

Какъ важенъ былъ для Морозова вопросъ объ Антихристѣ, показываетъ, между прочимъ, разсказанный въ газетахъ случай. Однажды въ 1861 году Елисѣй вошелъ въ книжную лавку Т. Ѳ. Большакова и встрѣтилъ тамъ извѣстнаго библіографа В. М. Ундольскаго, котораго онъ зналъ, какъ знатока древней письменности.—Не теряя времени, Морозовъ обратился къ Ундольскому, ни съ того ни съ сего, съ своимъ любимымъ разговоромъ объ Антихристѣ.

— „Эхъ, Елисѣй Савичъ, прервалъ его Ундольскій, охота тебѣ вѣчно толковать объ Антихристѣ! Ну что такое Антихристъ? Сказано въ Св. писаніи: сынъ погибели; значитъ просто „сукинъ сынъ!“ Молча, какъ темная ночь, вышелъ Елисей Савичъ изъ лавки. На другой день, часу въ шестомъ утра, Ундольскій былъ разбуженъ въ своей квартирѣ звонкомъ. Входитъ Морозовъ.

— А! Елисей Савичъ, что такъ рано? спросилъ Ундольскій.

— Послушай, Вуколъ Михайловичъ, мрачно заговорилъ фанатикъ Морозовъ. Не ужели ты и въ самомъ дѣлѣ такого мнѣнія объ Антихристѣ?

Закоренѣлый раскольникъ не спалъ всю ночь, услыхавъ на канунѣ такой презрительный отзывъ о предметѣ своихъ долголѣтнихъ думъ и безплодныхъ изысканій.— Зачитавшись сочиненіями Иполита

Папы Римскаго, объ Антихристѣ, Елисей Морозовъ пришелъ къ убѣжденію, что Антихриста должно разумѣть въ „мундирѣ“ администраціи края, т. е. съ красными обшлагами и свѣтлыми пуговицами!?. За такія и симъ подобныя великія открытія Морозовъ названъ старообрядцами „профессоромъ по части Антихриста.“

III.

ЧѢМЪ ЗАНИМАЕТСЯ НАШЕ КУПЕЧЕСТВО?

Какъ обращикъ той чепухи, которою занимается наше темное купечество вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ и усовершенствовать свои фабрики и заводы, на которыхъ все еще толкутъ деревянныя толчеи, мы приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ разглагольствованій ихъ объ антихристѣ.

— Како мудрствуеши: чувственно, или нечувственно былъ и будетъ Антихристъ? вопрошаетъ обыкновенно купчина въ родѣ Елисѣя Морозова, собрата по комерціи.

Комерсантъ отвѣчаетъ:

— Антихристъ есть и будетъ по реченному Апостоломъ, и откроется человѣкъ грѣха сынъ погибели, противникъ, превозносяйся выше всякаго Бога, или чтилища, яко сѣсти ему въ Церкви Божіей, яко Богу, показуя себя, яко Богъ есть; и неизрѣченныхъ тайнъ зритель воіетъ: слышасте, яко Антихристъ грядетъ и нынѣ уже въ мірѣ есть; и паки покланяются ему, всѣ живущіи на земли яко Богови святому, имъ же имена не написана въ книгахъ животныхъ отъ сложенія міра; и паки егда исполнится тысяща лѣтъ, тогда разрѣшенъ будетъ Сатана отъ темницы своея. Сіе число таинственно самому Богу извѣстно. — Тысящу лѣтъ не всяко числомъ разумевати благоразумно есть. Тысяща лѣтъ сирѣчь совершенное число отъ перваго Христова пришествія.—Егда не начаша Римомъ царіи владѣти, оттолѣ начася и Антихристово царство. — И паки левъ Христосъ, левъ и Антихристъ; Явися Христосъ-агнецъ, явится и Антихристъ-агнецъ, внутри сый волкъ,

не разверзая также ложеснъ; ни плоть бо истинно возметъ, ниже яко духъ, многимъ бо явится плоть имущи. Чтите же имать языкъ жидовскій и сотворитъ каменну церковь во Іерусалимѣ и возставитъ ее Іудеомъ; бѣсы покажетъ, яко ангелы свѣта и овогда на небо возлетитъ, овогда же на землю сойдетъ и солнце превратитъ, а може хощетъ, и луну такожде; всяцѣмъ бо коварствомъ лжетъ лукавый, да страшное и славное имя Спаса нашего отнюдь не имянуется (истинно) во времена Іліева: всякъ бо духъ иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа въ плоть пришедша, той есть Антихристовъ; и паки: отиметъ умъ человѣкомъ и возненавидѣна будетъ доброта лица женска, будутъ бо видове, у человѣкъ, яко мертвіи. Всѣмъ имущимъ благовидѣніе Божіе и разумъ, разумне тогда будетъ пришествіе мучителя, имущимъ же умъ углубленъ въ вещихъ житіи сего и любящимъ земная, не разумно се будетъ, аще бо и услышатъ слово, не имутъ вѣры; глаголяй же се, мерзитъ имъ. И паки, Антихристу пришедшу власти умножатся въ человѣцѣхъ на браки, якоже и при Ноѣ, и безмѣстными сластьми обложены будутъ человѣцы, будутъ бо тогда человѣцы во всякой пищи, ничто же зла чающе и не повѣрятъ, а еще кто имъ и возглаголетъ о имѣщемъ быти. Мы же сія вся разсмотрѣвше вамъ самимъ на разсужденіе предлагаемъ блюстися, да не исполнится и на насъ слово, глаголющее: Егда рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу пріидетъ на нихъ все-губительство.

— О печати Антихристовой како мудрствуеши? вопрошали Елисѣя Морозова пустосваты.

— Святіи, отвѣчалъ обыкновенно Елисѣй, овогда крестъ печатію нарицаютъ, иногда миропомазаніе и сложеніе перстовъ съ крестнымъ воображеніемъ; тако и Антихристову печать не единообразно мудрствовати подобаетъ.—По реченному: даде Господь вѣрующимъ въ него знаменіе честный и животворящій крестъ; и паки: начертаетъ змій свое знаменіе за крестъ спасовъ, даетъ бо на десней руцѣ человѣку, да не имать власти знаменитися знаменіемъ Христа Спасителя, ни крестомъ его; число же печати змѣя 666. — Отъ сего нынѣ познавается, по исполненіи числа сихъ лѣтъ, великороссійская церковь, ея же Патріархъ Никонъ, злодерзостно съ клятвословнымъ и не изчестнымъ ругательствомъ от-

верже сіе знаменіе Спасителя вмѣсто же его предаде знаменатися тремя персты, въ нихъ же заповѣданіе новозаконенное изнесе и уже Троицу и воплощеніе въ трехъ перстахъ истолковавъ. противно древле-православной церкви и ратоборствуя со св. Богословцы, предавшими вышеписанное перстовъ сложеніе и въ немъ двухъ превеликихъ сихъ таинствъ исповѣданіе, къ сему же неистинный крестъ Христа Спасителя, по ученію Богослозцевъ на себѣ воображати умствуютъ, на нѣкое четвероріе, сице глаголюще: егда полагаемъ знаменіе на главу—касается ея вышній рогъ креста, егда же на чрево—нижній рогъ, такожъ и на правое плечо и на лѣвое, еже знаменуетъ два концы; но и сіе ихъ повопреданіе, елико святымъ Богословцемъ, истый крестъ Христа Владыки на себѣ воображати научающимъ, противно, толико древле-православной церкви ратоборно, исповѣдаше бо пречистаго Владыку страдавша не на четвероріи нѣкоемъ. но по пророчествіи Богогласнаго Исаіи. на тредревесномъ крестѣ, имущемъ въ четвертыхъ дщицу, Пилатомъ положенную, того видотвореніе на просфорахъ уготованныхъ къ совершенію пречистаго тѣла полагаху и подъ симъ пречестнѣйшимъ видотвореніи агнца запалаху. Нынѣ же оное видотвореніе отъ приносимыя просфоры на закланіе агнца вседерзостнѣ отвергоша и въ мѣсто же сего предаша просфоры, печаташа четвероугольно и съ надписаніемъ Іисусъ; о сей то печати, сладкоглаголивый Ипполитъ вѣщаетъ: и дастъ тѣмъ льстецъ мало снѣди, печати ради своея скверныя?—И паки дадутъ имъ начертаніе на дѣсной руцѣ ихъ, или на челѣхъ ихъ.—На дѣсныхъ убо рукахъ, да дѣсныхъ и благихъ дѣлъ отсѣчетъ дѣйство, на челѣхъ же да научитъ прельщенья лести и тьмѣ. Тогда печати животворящаго креста будутъ раздѣляти носящихъ дерзостнѣ знаменіе Христово предъ нечестивыми, иже не пріимутъ на себѣ Христова честнаго знаменія, сирѣчь дѣсницею своею узаконеннаго воображенія и не возносятъ на чело главы своея и на животъ, такожде на правое плечо и на лѣвое; аще убо кто сего Христова знаменія не пріимлетъ, явѣ имать пріяти на чело свое и на дѣсную руку Антихристову печать по рѣченному: идѣ же свѣта лишеніе, ту и тьмѣ пришествіе.

И паки Ипполитъ глаголетъ: не рѣчетъ добру неправистикъ:

отрецыся распятаго и поклонися идоламъ, но глаголи отрицаюся печати Творца небу и земли, и къ тебѣ прилагаюся и вѣрую. Зри присягу: вѣрую и исповѣдаю быти православно и пріемлю писанное и печатанное имя Іисуса со двумя буквами, сице: Іисусъ, вѣрую и исповѣдую, и пріемлю преданія святыя восточныя и великороссійскія церкви, еже знамепатися тремя первыми персты, проклинаю всѣхъ хулящихъ и отмещущихъ воображенный выше крестъ Христовъ и Спасителево имя Іисусъ, да будутъ сіи анаѳема. Тако проповѣдуя Христа, иже вчера и днесь той-же и въ вѣки, вводятъ новину—инаго Іисуса провозглашая.—Держащій же святая Писанія въ рукахъ своихъ и знающій гласъ своего пастыря познаютъ его, яко чуждъ есть.—Зри со вниманіемъ, кого въ вышеписанномъ чинѣ отрицаются, кого проклинаютъ и кому поклонятися повелѣваютъ: Разумѣвай, да разумѣешь!

Какъ не пожалѣть о такихъ „Профессорахъ объ Антихристѣ,“ которымъ не извѣстно было ни грозящее пониженіе тарифа, ни тарифныя комиссіи, недавно заставившія пустосвятовъ возстать отъ вѣковаго сна, умыться, продрать глаза и отложить книги объ Антихристѣ на время въ сторону? — Время пришло тугое! остается или заняться наукою дѣльною и усовершенствовать фабрики и заводы, или же, занимаяся сочиненіемъ жалкихъ книгъ объ Антихристѣ, приготовить тѣ фабрики и заводы къ продажѣ съ аукціоннаго торга...

IV.

МОРОЗОВСКІЯ ФАБРИКИ И МОЛЕЛЬНИ.

Утверждаютъ, что фабриками Елисѣя Морозова, всю жизнь изучавшаго похожденія Антихриста управляла больше жена его, одаренная торговою смышленностію, самъ же „профессоръ по части Антихриста“ занимался болѣе размноженіемъ молельныхъ и пропагандированіемъ своей „Елисовой вѣры“.—Плотный, коренастый мужчина съ полусѣдою бородою, нависшими бровями и взглядомъ

изъ подлобья, Елисѣй Морозовъ былъ типомъ завзятаго раскольника. Въ своемъ кабинетѣ за раскольничьими работами Елисѣй Морозовъ большею частію бывалъ въ бѣлой холстовой рубахѣ, подпоясанный поясомъ ниже брюха, и съ открытымъ воротомъ на груди.—Заложивъ руки за поясъ рубахи, русскій „Вагнеръ“ просиживалъ ночи за полуставною чепухою, которая не стоила выѣденнаго яйца, и въ этомъ видѣ принималъ гостей и собесѣдниковъ своихъ.—Изъ молелень его особливо извѣстны Зуевская, въ селѣ Зуевѣ, Владимірской губерніи, на ситцевыхъ его фабрикахъ, и домашняя его молельня, что у Ильи Пророка на Земляномъ валу, въ собственномъ его домѣ.—Кто не слыхалъ о Зуевѣ и Зуевскихъ ситцевыхъ фабрикахъ Морозовыхъ? На этихъ-то фабрикахъ работали и работаютъ „Елисовцы“, за ткацкими станками пропагандируя жалкое ученіе, исполненное бредней и книжной безплодной схоластики... Долго не выдти изъ за этихъ ткацкихъ станковъ ни свѣжей мысли, ни умному стремленію къ наукамъ, къ движенію впередъ, къ прогрессу!.. „Елисовцы“ должны остатся вѣчными вьючными рабочими своихъ хозяевъ, адептами ихъ религіозныхъ бредней, набивателями золотомъ чужихъ мѣшковъ, если время и общій потокъ разливающагося цивилизирующаго начала по Россіи не проникнетъ какъ нибудь въ это мрачное логовище и не дастъ сильнаго толчка мысли жалкихъ и слѣпыхъ тружениковъ.—Отвернувшись отъ „Елисовыхъ вѣръ“, бросивши полуставныя книги, паче же кожанныя, работники могутъ взяться за полезную науку, пойти въ слѣдъ за производительно-мыслящими гражданами Россіи и быть можетъ, построить себѣ свои собственныя фабрики по началамъ науки, по образцу заграничному, но когда настанетъ это вожделенное время, одному Богу извѣстно?... Нынѣ же пока всѣ эти „Елисовцы“ въ тысячѣ экземплярахъ сидящіе за ткацкими станками на Морозовскихъ фабрикахъ, скованные по рукамъ и ногамъ жалкою и тупою догмою, ни больше, ни меньше, какъ жалкія человѣческія силы, находящіяся въ положеніи „вьючнаго животнаго“.—Грустно!

V.

ПОХОРОНЫ ЕЛИСЕЯ МОРОЗОВА.

На Елисѣя Морозова имѣлъ огромное вліяніе нѣкто Павелъ Прусскій, нынѣ присоединившійся, наконецъ, къ православной церкви.— Лицо это въ высшей степени замѣчательное по своему, уму и образу жизни.—Павелъ Прусскій мірское имя носилъ—Петръ Ивановъ Ледневъ; родился онъ въ 1820 году въ городѣ Сызрани, Симбирской губерніи, крещенъ былъ въ православной церкви и съ раннихъ лѣтъ воспитывался въ правилахъ Ѳедосѣевскаго толка и ученія Ѳеодосія. Живя въ родной семьѣ, иноку Павлу еще малолѣтнему, часто приходилось выслушивать самыя жаркія пренія о вѣрѣ и разномыслія въ ихъ старовѣрской средѣ. Поводомъ къ такимъ спорамъ было ученіе Ѳедосѣевцевъ о пришествіи въ міръ антихриста, о необходимости разрыва, ради спасенія своей души, всякихъ связей съ міромъ и о безбрачномъ сожитіи ихъ послѣдователей. — Подобныя бесѣды на Павла имѣли такое вліяніе, что онъ на 18-омъ году жизни пожелалъ на всегда отказаться отъ міра и уединенно поселился въ небольшой кельѣ, построенной, съ согласія отца его, въ саду.— Здѣсь однимъ изъ наставниковъ Павелъ принятъ былъ въ Ѳедосѣевское согласіе и перекрещенъ, съ обязательствомъ не „мірщить“ себя съ инославными. — Черезъ годъ отшельникъ не довольствуясь своимъ уединеніемъ, переселился на „пасѣку“ своего отца, за десять верстъ отъ города, на рѣку Крымзу.—Въ этомъ пустынномъ, среди лѣса уединеніи инокъ прожилъ шесть лѣтъ.—Жизнь Павла среди подвижничества „по древнему благочестію“ скоро доставила ему громкую извѣстность въ средѣ Ѳедосѣевцевъ, которые относились къ нему съ уваженіемъ и даже обращались за помощью въ отправленіи разныхъ духовныхъ требъ. Обдумывая въ уединеніи ученіе своей секты, Павелъ понемногу началъ приходить къ убѣжденію, что все ученіе Ѳедосѣевцевъ шло въ разладъ съ дѣйствительною ихъ жизнію, а по-

тому пожелалъ заняться болѣе серьезнымъ изученіемъ основаній Ѳедосѣевскаго ученія. Снабженный въ значительномъ количествѣ книгами, иконами и другими богослужебными вещами, онъ поѣхалъ въ Прусскій скитъ „Григорьичевъ“ чрезъ Черниговскую губернію, гдѣ проѣздомъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Злынскомъ безпоповскомъ монастырѣ, Новозыбковскаго уѣзда, среди старцевъ Ѳедосѣева согласія.—Въ Пруссію онъ пріѣхалъ въ февралѣ 1847 года.

Чѣмъ болѣе Павелъ изучалъ ученіе Ѳедосѣевскаго толка, тѣмъ яснѣе представлялась ему невѣрность этого ученія. Болѣе всего возмущало его понятіе Ѳедосѣевцевъ, а также и Филиповцевъ о семейной жизни. По ихъ ученію, бракъ законнымъ не признавался; жена, живущая съ мужемъ, считалась блудницею и младенецъ, происшедшій отъ такого брака, послѣ крещенія не долженъ былъ питаться материнскою грудью, дабы не оскверниться. Въ случаѣ такого осквернѣнія, младенецъ считался отлученнымъ и если онъ умиралъ въ это время, то лишался обычнаго погребенія. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Павелъ сочиненіями учителей церкви и выписками изъ старообрядческихъ сочиненій доказываетъ законность брачной жизни, необходимость введенія молитвы за царя. Результатомъ многолѣтней дѣятельности трезваго ума Павла Прусскаго было презрѣніе къ раскольничьей Ѳедосѣевской догмѣ и присоединеніе 23 іюня 1867 г. въ Николаевскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, къ православной церкви. Павелъ былъ могущее лицо въ расколѣ и Елисѣй Морозовъ боялся его и благоговѣлъ предъ нимъ. Кругъ проповѣднической дѣятельности Павла обнималъ пространство отъ Сувалокъ до Петербурга, по Волгѣ отъ Кинры до Вольска и губерніи Пензенскую, Волынскую, Полтавскую, Курскую. Во многихъ изъ этихъ центровъ устроены были молельни подъ главнымъ его руководствомъ. Изъ нихъ болѣе извѣстныя были въ Петербургѣ, Москвѣ, Зуевѣ (въ семидесяти верстахъ отъ Москвы) Рыбинскѣ, Ковнѣ, Самарѣ и Сызрани. Въ 1866 году Павелъ возвратился изъ своего путешествія по разнымъ мѣстамъ Россіи, въ свой прусскій заграничный скитъ къ братіи и въ скоромъ времени заявилъ ей, что онъ уже по духу не принадлежитъ къ ихъ ученію, почему и слагаетъ съ себя званіе ихъ „настоятеля“.

Эта страшная вѣсть какъ громомъ поразила учениковъ Павла!... Начались слезы, мольбы, совѣщанія, и общая молитва за отца настоятеля. Павелъ былъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи оставить расколъ; ученики его не могли перенести потери своего наставника, послѣдовали за нимъ въ Россію и введены ихъ пастыремъ въ лоно общей православной церкви. Когда Елисѣй Морозовъ узналъ о рѣшимости Павла бросить мрачный расколъ, то, какъ утверждаютъ, кричалъ: „Павелъ, Павелъ! бери что хочешь, полъ-Зуева отдамъ, только не переходи въ православную церковь!“ Честный и умный Павелъ былъ непреклоненъ... Замѣчательно то, что въ тотъ самый день, когда Павелъ съ многочисленными учениками своими присоединялся къ православной церкви въ стѣнахъ преображенскаго кладбища, во вторую половину сего кладбища, занятую и доселѣ мрачными Ѳедосѣевцами, несли для похоронъ тѣло фанатика Елисѣя Морозова... Ужасъ объялъ всѣхъ свидѣтелей сихъ двухъ знаменательныхъ церемоній. Два друга въ одинъ день и почти въ одни часы, входили въ разныя врата, одинъ во врата раскаянія и новой жизни, другой во врата могилы и *неразкаяннаго фанатическаго заблужденія*... Странный рокъ судьбы и потрясающее сочетаніе фактовъ!

VI.

Тимоѳей Морозовъ.

По смерти Елисѣя Морозова остались дѣти, изъ коихъ, между прочимъ, одна дочь въ замужествѣ за раскольникомъ Поморцемъ Иваномъ Семеновымъ Рудаковымъ, богатымъ московскимъ купцомъ, доселѣ путающимся въ раскольничьей тьмѣ кромѣшной... Изъ братьевъ у Елисѣя остались Абрамъ Савичъ, раскольникъ поморской секты, и Тимоѳей Савичъ, раскольникъ бѣглопоповской секты, извѣстный богачь московскій. Послѣдній представляетъ собою неразгаданное правительству и публикѣ явленіе... Въ домѣ его съ золотою крышею, невдалекѣ отъ земляного вала купленномъ у

извѣстнаго богача, нынѣ впрочемъ павшаго, В. Кокорева, собираются бѣглые попы раскольничьи, служитъ въ образѣ архіерея Гучковскій дворникъ, именуемый Антоніемъ, богословствуютъ неучи изъ отставныхъ солдатъ, дворниковъ, бродягъ, спившихся монастырскихъ служекъ и затѣмъ, послѣ этихъ мрачныхъ картинъ, даются великосвѣтскіе балы важнымъ лицамъ московскимъ; подневки и хламиды раскольничьи замѣняются мундирами адъютантовъ и пышными платьями великосвѣтскихъ дамъ; вмѣсто архіерейскаго ладана, воскуряемаго Гучковскимъ дворникомъ, купно съ бѣглыми попами изъ спившихся монастырскихъ служекъ—кашеваровъ, домъ Т. Морозова наполняется тончайшимъ амбре... Самъ хозяинъ Тимоѳей Савичъ Морозовъ, прозванный въ Москвѣ „англичаниномъ," ѣздилъ постоянно заграницу, обращается въ клубахъ и театрахъ и въ то же время съ темною массою твердитъ для чего-то догмы, которыя безмыслiемъ своимъ и тупостію поражаютъ всякаго мыслящаго человѣка... Какъ все это понять? Если это преддверіе къ тому пути, на который вступилъ недавно честный и умный Павелъ Прусскій, или это „возмутительная игра въ религіозное чувство народа," нужная для работы на ткацкихъ фабрикахъ въ селѣ Зуевѣ? Вопросъ этотъ мы ставимъ такъ, потому что отъ разрѣшенія его зависитъ участь можетъ быть сотенъ тысячъ темныхъ раскольниковъ въ Россіи, нашихъ однако братій и соотечественниковъ. Стало быть публицистика имѣетъ право ставить *открытыми* такіе важные вопросы, касающіеся подданныхъ Государя, всегда огорчавшагося и нынѣ огорченнаго „безсмысленною игрою въ покупное австрійское бѣглое священство." Послѣднее слово нашего царя, выразившееся въ утвержденіи постановленія комитета министровъ *„терпѣть расколъ,"* какъ грустную необходимость, какъ дань жалкому невѣжеству въ надеждѣ, что тьма рано или поздно освѣтится лучами образованія. Это рѣшеніе великодушнаго русскаго царя и его правительства понятно относительно дѣйствительно темной, невѣжественной массы ходящей въ дубленыхъ полушубкахъ и дырявыхъ лаптяхъ; понятно оно и въ отношеніи фанатиковъ, въ родѣ Елисѣя Морозова, но какъ оно приложимо въ отношеніи первостатейнаго владѣльца фабрикъ, именующагося „англичаниномъ," московскаго раскольника

богача Тимоѳея Морозова? Для насъ понятно великое значеніе гуссовъ и лютеровъ среди католичества, понятно значеніе и всякихъ *цивилизующихъ сектъ*, дѣйствительно разработывающихъ христіанство и двигающихъ человѣчество впередъ, но что могутъ выработать наши раскольничьи секты, *суть* коихъ нейдетъ дальше иконъ съ саженными головами ликовъ, двухъ пальцевъ въ перстосложеніи и выстриженныхъ маковицъ на затылкахъ бѣглой іерархіи? Ничего, кромѣ *окаменѣнія народнаго*, что и доказалъ уже двухъ сотъ вѣковой опытъ ихъ существованія на землѣ русской!

Въ Европѣ было время, когда, по словамъ Іоанна-де-Торквемады сомнѣваться въ могуществѣ и непогрѣшимости Папы было все равно, что сомнѣваться въ священномъ писаніи; у насъ въ Россіи существуетъ нынѣ время, когда темная, и достойная сожалѣнія необразованная раскольничья масса считаетъ для себя преступленіемъ сомнѣваться въ святости и погрѣшимости своихъ раскольничьихъ большаковъ и отцовъ благодѣтелей, хотя бы они содержали француженокъ и актрисъ, и развалившись въ креслахъ театральныхъ, смѣялись съ пріятелями отъ души надъ жалкою толпою, закупренною въ молельняхъ на кожаныхъ Іосифовскихъ книгахъ. Въ началѣ XVI вѣка человѣчество въ Европѣ доходило до того, что церковь, по словамъ доминиканца Ѳомы Гаэтскаго, сдѣлалась природною рабынею Папы, который если былъ дуренъ, то церковь могла противодѣйствовать ему одною только молитвою, въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка по крайней мѣрѣ пять милліоновъ темныхъ людей религіозныя свои убѣжденія привязали къ ткацкимъ станкамъ и золотымъ мѣшкамъ своихъ милостивцевъ, ворочающихъ милліонами въ Москвѣ и Саратовѣ, въ Екатеринбургѣ и на Дону, и всюду, гдѣ только есть матеріальное нищенство и непроглядная умственная тьма... Скоро ли же будетъ всему этому конецъ? для Папы, какъ извѣстно, онъ уже настаетъ!..

XXI.

ЗАКЛАНІЕ СЫНА ВЪ ЖЕРТВУ БОГУ.

Мы имѣли случай, по службѣ, познакомиться съ однимъ изъ интересныхъ дѣлъ, производившихся въ Владимірской уголовной палатѣ, именно: съ дѣломъ о дѣтоубійцѣ Куртинѣ, раскольникѣ „Спасова согласія". Фактъ преступленія раскольника Куртина до того типиченъ, что можетъ служить достовѣрною характеристикою одного изъ толковъ раскольничьихъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Спасова согласія". Согласіе это называется также „нѣтовщиною" или „кузьминовщиною",—нѣтовщиною потому, что раскольники этого толка учили, и учатъ до селе, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ ни православнаго священства, ни таинствъ, ни благодати..., „кузминовщиною" потому, что нѣкто Кузьма, безграмотный мужикъ, былъ первымъ основателемъ этой секты; „Спасовымъ согласіемъ" потому, что главнымъ исходнымъ пунктомъ ученія спасовцевъ есть слѣдующій догматъ: какъ нѣтъ нынѣ на землѣ никакой святыни, то желающимъ содержать старую вѣру остается только прибѣгать къ Спасу, который самъ вѣдаетъ, какъ спасти насъ бѣдныхъ. Мужикъ Кузьма, основатель „Спасова согласія", первый запретилъ въ безпоповщинѣ перекрещиваніе; но послѣдователи его, въ этомъ отношеніи, пошли далѣе и совсѣмъ нестали крестить дѣтей своихъ въ томъ упованіи, что Спасъ и безъ крещенія можетъ спасти ихъ. „Спасово согласіе" имѣетъ иночество, и бракъ, гдѣ бы онъ ни былъ совершенъ, почитаетъ нерасторжимымъ. Секта эта есть одна изъ самыхъ крайнихъ сектъ безпоповщины. Особенно сильное развитіе „Спасово согласіе" получило въ Нижегородской губерніи, но еще сильнѣйшее въ Костромской и особливо въ Ярославской, именно въ Даниловскомъ уѣздѣ. Раскольнику „Спасова согласія" не остается ничего въ жизни, кромѣ безнадежности и упованія на Спаса, который, если захочетъ, то можетъ и знаетъ, какъ спасти человѣка. Это упованіе приводитъ фанатиковъ часто къ самымъ ужаснымъ результатамъ... Спасовецъ, исходя изъ безотраднаго догмата,—что

нѣтъ нынѣ на землѣ спасенія и желающимъ спастись остается только прибѣгать къ Спасу, который самъ знаетъ какъ спасти прибѣгающихъ къ нему, легко можетъ дойти до самоубійства, до дѣтоубійства, до женоубійства и тому подоб., когда, какимъ либо образомъ, удостовѣрится, что это такъ угодно Спасу. И спасовцы дѣйствительно до такихъ результатовъ доходили, доказательствомъ чему служитъ нижеслѣдующій уголовный случай, бывшій въ 1855 году въ Владимірской губерніи. Разскажемъ этотъ случай по достовѣрному источнику.

Нѣкто, раскольникъ „Спасова согласія", крестьянинъ деревни Слободищъ, Вязниковскаго уѣзда, Михаилъ Ѳедоровъ Куртинъ (57 лѣтъ отъ роду), находившійся въ сектѣ „Спасова согласія" съ дѣтства, зарѣзалъ сына своего, 7-ми лѣтняго мальчика, Григорія, при увѣренности, что это угодно было Спасу. „Слободищи", деревня удѣльная, Вязниковскаго уѣзда, находится при рѣчкахъ: Кетижѣ и Вощиковкѣ, въ 19-ти верстахъ отъ уѣзднаго города и становой квартиры, имѣетъ 28 дворовъ и 83 души мужскаго 114 женскаго пола. При деревнѣ „Слободищи" почтовая станція, по московско-нижегородскому шоссе, отъ границы Ковровского уѣзда къ Гороховскому. Къ рѣшимости зарѣзать сына Куртинъ пришелъ путемъ убѣжденія, что приготовилъ царствіе небесное своему сыну, и что эта жертва угодна была самому Спасу. Подробности всего этого кроваваго процесса ужасны, но въ то же время очень естественны въ спасовцѣ. Вотъ какъ самъ Куртинъ разсказалъ о своемъ дѣлѣ при слѣдствіи:

„Состою я, чистосердечно объяснилъ властямъ Куртинъ, въ расколѣ „Спасова согласія" съ издѣтства и эту вѣру исповѣдывали мой отецъ и мать, но ученіе этой секты къ намъ перешло отъ дѣда; на исповѣди и у св. причастія, по православному обряду, я никогда не бывалъ и женѣ своей не позволилъ, обративъ ее въ свою секту. 27-го ноября 1855 года, я, въ праздникъ Знаменія Пресвятой Богородицы, долго молился и плакалъ о томъ, что нѣтъ на землѣ людямъ спасенія и всѣ должны погибнуть. Ночью печаль моя сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затеплivалъ свѣчи предъ иконами и молился со слезами на колѣняхъ о своемъ спа-

сеніи и спасеніи семейства своего. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего отъ погибели вѣчной, и такъ какъ сынъ мой Григорій, 7-ми лѣтній, былъ очень рѣзвъ, веселъ и смышленъ не по лѣтамъ, то опасаясь, что, послѣ моей смерти, сынъ мой развратится въ вѣрѣ и погибнетъ на вѣкъ въ гееннѣ вѣчной, я рѣшился его зарѣзать, чтобы тѣмъ приготовить ему вѣрный путь въ царствіе небесное.“ Чтобы понять яснѣе, какъ пришелъ къ этой мысли фанатикъ—Куртинъ, довольно привести здѣсь слѣдующія строки ученія спасовцевъ: „Въ мірѣ нѣсть спасенія, нѣсть Бога истиннаго, но Бози мнози, сирѣчь дуси нечистіи, бѣсово темніи и антихристъ скверный. Егда нечестивіе (т. е. православные) поютъ, тогда, заткнувъ уши свои, потребно есть бѣжати, дабы гласъ ихъ неслыхати; сего да бѣгаемъ и отвращаемся соборищъ ихъ и мѣстъ, гдѣ еретицы (т. е. опять православные) собираются, моляся, или поютъ, или молебствуютъ, или въ церкви, или въ часовнѣ, или у креста, или на пути, или въ дому еретическая служба. И тѣ иконы водою потребно омывати и ѳиміамомъ кадити, и ту Господь не пребываетъ. Аще убо какая душа пріемлетъ отъ еретикъ крещеніе, или покаяніе, или молитву, или что духовное, или тѣлесное брашно, или благословеніе, отъ каковыхъ убо бѣсовъ своихъ мучиму будутъ во вѣки въ огнѣ негасимомъ“. Понятно, послѣ этого, опасеніе Куртина за своего сына, отъ одного прикосновенія, или сообщенія съ православными, могущаго, по мнѣнію фанатика, погибнуть во огнѣ неугасимомъ. „Съ мыслію зарѣзать сына, сказалъ на допросѣ Куртинъ, я вышелъ на зарѣ въ заднія ворота и сталъ молиться на восходъ, прося у Спаса знаменія, что если, помолившись, придетъ мнѣ снова мысль эта въ голову съ правой стороны, то я принесу сына Богу въ жертву, а если слѣва, то нѣтъ, такъ какъ, по мнѣнію нашему (т. е. толкованію спасовцевъ), помыселъ съ правой стороны есть мысль отъ ангела, а съ лѣвой отъ діавола. По окончаніи длинной молитвы, помыселъ этотъ пришелъ ко мнѣ съ правой стороны и съ веселіемъ въ душѣ я возвратился въ избу.“

Теперь мы разскажемъ обстоятельства самаго зарѣзанія ими отцомъ.

Когда Куртинъ вошелъ въ избу съ веселіемъ въ душѣ и пол-

ною рѣшимостію зарѣзать сына своего, то сынъ и жена его, Аграфена Михайлова, сильно любившая своего сына за его необыкновенную рѣзвость и умъ не по лѣтамъ, спали крѣпкимъ сномъ. Куртинъ разбудилъ жену и, опасаясь ея препятствій при зарѣзаніи сына, послалъ ее за овчинами въ деревню Перево, а самъ остался съ сыномъ Григоріемъ на единѣ. Деревня Перево, казенная, при рѣкѣ Клязьмѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ „Слободищи“, съ 185 душами мужскаго и 245 женскаго пола. Разбудивъ сына, Куртинъ сказалъ ему:

— Встань, Гришенька, надѣнь бѣлую рубашку, я на тебя полюбуюсь.

Сынъ, не имѣя бѣлой рубахи, отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ, тятя, такой рубахи. Мама еще не сшила!

По показанію жены Куртина, мужъ ея, за нѣсколько дней до сего, приставалъ къ ней, чтобы она сшила бѣлую рубаху сыну, но почему этого ему хотѣлось, она догадаться не могла. Ясно, что Куртинъ мысль, зарѣзать сына, носилъ въ душѣ давно и съ осторожностью скрывалъ ее отъ жены своей. Самое настаиваніе его на томъ, чтобы жена сшила бѣлую рубаху сыну, было очень осторожное, такъ что не могло дать повода сей послѣдней къ какимъ либо подозрительнымъ мыслямъ.

— Надѣнь хоть мою бѣлую рубаху, говорилъ Куртинъ сыну,— все равно.

— Хорошо! отвѣчалъ мальчикъ, и надѣлъ бѣлую отцовскую рубаху, приготовленную Куртинымъ.

Куртинъ объяснилъ суду, что, по вѣрѣ „спасова согласія“, умирать въ нестрядиной, или синей рубахѣ — есть грѣхъ.

— Вотъ такъ! сказалъ Куртинъ, когда надѣлъ на сына бѣлую рубаху. Теперь ляжь, умница, на лавочку: я на тебя полюбуюсь.

Сынъ легъ на лавку въ передній уголъ, Куртинъ подложилъ ему его шубу въ головы и, заворотивъ вдругъ подолъ рубахи, нанесъ ему нѣсколько ударовъ въ животъ ножемъ, употреблявшимся обыкновенно при столѣ и спрятаннымъ, на этотъ разъ, въ рукавѣ. Семи лѣтній мальчикъ затрепеталъ и началъ биться, но такъ, что натыкался постоянно на ножъ отца, отъ чего на животѣ его оказалось множество ранъ. Тогда дѣтоубійца, желая прекратить стра-

данія сына разомъ, распоролъ ему животъ съ верху до низу. Мальчикъ потерялъ силу сопротивляться, но не умеръ въ тотъ же моментъ. Заря, занявшаяся давно на востокѣ, свѣтила дѣтоубійцѣ въ окно, при совершеніи преступленія; но когда сынъ былъ зарѣзанъ, то въ окнахъ вдругъ появились первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ упали на лицо невинной жертвы. Куртинъ, по его словамъ, при этой случайности встрепенулся, руки дрогнули, ножъ выпалъ изъ рукъ и дѣтоубійца—родитель упалъ предъ образами на колѣна съ молитвою, прося небо принять милостиво сію жертву...

Наши уголовныя лѣтописи представляютъ не одинъ примѣръ подобнаго умопзступленія Спасовцевъ. Въ 1827 году, напримѣръ, въ селѣ Копенахъ, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ., зарѣзалось 36 душъ, спасовцевъ отъ 70 до 2-хъ лѣтняго возраста, въ числѣ коихъ нѣкто Иванъ Юшковъ является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ объяснилъ на допросѣ, что убѣдившись, что смерть ихъ угодна Спасу, они рѣшились зарѣзаться; тогда крестьянинъ Александръ Петровъ умертвилъ жену и дѣтей крестьянина Игнатія Никитина въ его избѣ, а крестьянина Моисея Иванова, дѣтей его и Якова Иванова въ овинѣ; когда же Александръ Петровъ пошелъ изъ овина убивать дѣтей крестьянки Настасьи Васильевой, Игнатій Никитинъ лишилъ жизни въ овинѣ самую Васильеву, Авдотью Ильину и Матрену Ѳедорову, затѣмъ Игнатій Никитинъ и самъ былъ умерщвленъ Александромъ Петровымъ; этотъ Александръ Петровъ отправился послѣ того къ снохѣ своей, Варварѣ Ѳедоровой, и уговаривалъ ее подвергнуться смерти, но она не согласилась; когда же узнала отъ Александра Петрова, что дѣти ея убиты имъ въ овинѣ, то пошла посмотрѣть тѣла ихъ; въ это время самъ Александръ Петровъ просилъ Юшкова умертвить его, что Юшковъ и исполнилъ, отрубивъ топоромъ голову, которую Александръ Петровъ положилъ добровольно на чурбанъ. И такъ Куртинъ не первый образчикъ человѣкоубійцы по вѣрѣ!

Возвращаемся къ нашему разсказу. Къ дышавшему еще сыну, обливавшемуся кровію, отецъ-убійца обратился, какъ видно изъ дѣла уголовной палаты, съ слѣдующими словами:

— Прости меня, Гришенька, Христа ради, за то, что я нанесъ тебѣ такую скорбь!...

Умиравшій, но не потерявшій еще сознаніе, мальчикъ отвѣтилъ:

— Прощай, тятенька!

Отецъ при этомъ поправилъ сына на лавочкѣ и велѣлъ ему сказать слова: „Богъ тебя проститъ, батюшка„.

Мальчикъ сказалъ: „Богъ тебя проститъ, батюшка!

„Я подумалъ, говорилъ Куртинъ на допросѣ, что на томъ свѣту сынъ мой назовется отрокомъ, а потому надобно ему „уставить звѣзды“. Для сего затеплилъ я тотчасъ свѣчи къ образамъ и, молясь на исходѣ души сына, велѣлъ ему повторить за собою молитву „Богородица, дѣво, радуйся“,—что онъ и исполнилъ, прочитавши ее три раза за мною слабымъ голосомъ. Послѣднія слова однако онъ не выговорилъ и вдругъ замолкъ“.

Когда Куртинъ стоялъ предъ образами на колѣняхъ, а сынъ его плавалъ уже въ крови, то вошла вдругъ въ избу возвратившаяся жена его, и съ перваго слова узнавъ все случившееся, не выдержавъ, упала отъ страха и сожалѣнія на землю предъ мертвымъ сыномъ...

Дѣтоубійца, поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, сказалъ женѣ:

— Иди и объявляй обо всемъ старостѣ;—я сдѣлалъ праздникъ святымъ!

Когда вслѣдствіе объявленія жены Куртина, пришли въ домъ его сосѣди, то убійца стоялъ предъ образами и молился Богу. Увидавъ сосѣдей, онъ сказалъ имъ: “я сдѣлалъ свое дѣло! поѣзжайте въ приказъ къ становому и въ земскій судъ и объявите, что я зарѣзалъ сына. Я сдѣлалъ всѣмъ святымъ праздникъ!“

Заключенный въ тюрьму, Куртинъ, во время производства объ немъ дѣла, уморилъ себя голодомъ...

Такимъ извѣстіемъ смотрителя острога и оканчивается настоящее дѣло, о дѣтоубійцѣ Куртинѣ, раскольникѣ „спасова согласія“.